UNIVERSITY OF TORONTO DUPL
3 1761 00290013 2

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/russkaialiteratu00alfe

А. Алферовъ и А. Грузинскій.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВѢКА.

ХРЕСТОМАТІЯ.

Изданіе третье, исправленное и дополненное.

Допущена Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ.

Изд. фирмы „Сотрудникъ Школъ".
Москва. 1910.

LIBRARY
MAY 7 1970
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3201
A4
1910

Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Русскія Вѣдомости 1703 г. 1
Юности честное зерцало 5
Приклады, како пишутся комплименты разные 14
Записки И. И. Неплюева 16
Путешествіе стольника П. А. Толстого 19
Поѣздка графа А. А. Матвѣева въ Парижъ (1705 г.) 32
Гисторія о россійскомъ матросѣ Василіи 39
Сципіо Африканъ, вождь римскій, и погубленіе Софонизбы, королевы Нумидійскія. Комедія 51
Комедія о Донъ-Янѣ и Донъ-Педрѣ 57
Записки кн. Н. Б. Долгорукой 61
А. Д. Кантемиръ 73
В. К. Тредьяковскій 89
М. В. Ломоносовъ 95
А. П. Сумароковъ 117
Записки маіора Данилова 145
Записки А. Т. Болотова 152
Императрица Екатерина II 164
Журналы XVIII вѣка 193
А. О. Аблесимовъ 233
А. Н. Радищевъ 248
М. М. Херасковъ 268
Д. И. Фонвизинъ 277
И. А. Крыловъ 370
Г. Р. Державинъ 410
Н. М. Карамзинъ 449

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Задача историко-литературной хрестоматіи — дать въ руки учащихся такое дополненіе къ учебнику, которое вводило бы ихъ документально «въ языкъ и образъ мыслей того времени» и давало матеріалъ для самостоятельныхъ письменныхъ и устныхъ работъ. При этомъ всякая хрестоматія, уже какъ хрестоматія, страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что не даетъ возможности полностью обозрѣть дѣятельность писателей, представленныхъ въ ней. Всѣ хрестоматіи оправдываютъ свое существованіе только невозможностью для каждаго учащагося (въ школѣ или самостоятельно), познакомиться съ писателями какой-либо эпохи въ полномъ ихъ объемѣ, но въ то же время и потребностью и необходимостью имѣть передъ собою подлинный текстъ писателя, а не изложеніе его въ учебникѣ.

Составители настоящей книги держались того взгляда, что такой, присущій всѣмъ хрестоматіямъ, недостатокъ можетъ быть уменьшенъ, если писатели представлены возможно менѣе дробно. Лучше, думалось намъ, дать меньшее число писателей, но ввести въ нихъ возможно цѣльно, при условіи выбора наиболѣе характерныхъ для вѣка явленій.

Трудную задачу исключенія какого-либо писателя изъ нашей книги облегчало нѣсколько то обстоятельство, что нѣкоторые изъ нихъ по самому характеру своихъ сочиненій гораздо цѣлесообразнѣе могутъ быть представлены въ учебникѣ и въ то же время трудно поддаются дробленію. Таковы, напримѣръ, трактаты на экономическія, политическія и другія

темы, представляющіе органически связное развитіе мысли, нелегко передаваемое отдѣльными выборками. Сочиненія Посошкова, Татищева, Ѳ. Прокоповича и С. Яворскаго на этомъ основаніи не представлены въ предлагаемой хрестоматіи.

Другія литературныя произведенія не взяты потому, что составители считаютъ необходимымъ знакомство съ ними въ цѣломъ: по объему такія произведенія слишкомъ обширны для хрестоматіи, а между тѣмъ они изданы отдѣльно и могутъ быть пріобрѣтены учащимися за нѣсколько копеекъ. Точно такъ же басенъ Крылова не дано нами вовсе на томъ основаніи, что это — произведенія, характеризующія творчество Крылова уже въ XIX в.; притомъ басни существуютъ также въ общедоступныхъ дешевыхъ изданіяхъ.

Основная задача хрестоматіи — провести передъ глазами учащихся какъ развитіе общественныхъ теченій и отраженія ихъ въ литературѣ XVIII вѣка, такъ постепенное развитіе художественныхъ литературныхъ формъ, по дорогѣ характеризуя, возможно полно, самихъ писателей. Петровская эпоха обрисована первою русскою правительственной газетой, ярко показывающей преобразовательную дѣятельность Петра Великаго. «Юности честное зерцало», «Приклады, како пишутся комплименты» и «Путешествія заграницу» даютъ почувствовать нравы тогдашняго русскаго общества, а также и то, какъ воспринимали сравненіе жизни западной Европы съ русской дѣйствительностью нѣкоторые изъ образованнѣйшихъ людей того времени. Петровскій театръ даетъ поясненіе о томъ, какъ выполнялась задача преобразователя наглядымъ путемъ проводить западную культуру въ русское общество. Со вкусомъ самого общества можно познакомиться по одной изъ любимыхъ повѣстей, не только петровскаго, но и позднѣйшаго времени: *О матросѣ Василіи.* Сочиненія Кантемира и записки кн. Долгорукой даютъ представленіе о реакціи, наступившей послѣ смерти Петра Великаго, и знакомятъ съ двумя крупными и привлекательными личностями этого времени.

Дальнѣйшими образцами сочиненій XVIII вѣка, вмѣстѣ съ сочиненіями Екатерины II, представлено

возрожденіе преобразовательныхъ стремленій въ правительствѣ и то, какъ переживались эти стремленія въ самомъ обществѣ. Поэтому здѣсь даны прежде всего идеалы, рисовавшіеся передъ самой императрицей и наиболѣе мыслящими людьми ея времени (Новиковъ, Радищевъ). «Путешествіе» Радищева, долго считавшееся запретной и опасной книгой, теперь возстановлено въ своемъ истинномъ значеніи документа, больше всего историческаго. Мы даемъ изъ него рядъ выдержекъ, такъ какъ трудно найти другой памятникъ, на которомъ такъ легко и ясно можно показать наиболѣе серьезное и полное отраженіе просвѣтительныхъ идей эпохи. Кромѣ того мы хотѣли показать, какъ относилась къ новымъ стремленіямъ обычная русская среда не только въ невѣжественной своей части, изображенной въ сатирической литературѣ, но и въ меньшинствѣ болѣе высокаго уровня (Болотовъ).

Въ этомъ отдѣлѣ даны образцы и того народнаго направленія, которое уже въ XVIII вѣкѣ вступаетъ въ борьбу съ слѣпымъ увлеченіемъ западными формами жизни, съ напыщенною условностью ложно-классицизма, съ жеманною аристократичностью столичныхъ вкусовъ.

Характеризуя вмѣстѣ съ тѣмъ выбранными образцами основныя литературныя направленія эпохи, составители дѣлаютъ попытку представить болѣе полно эволюцію поэтическихъ формъ въ XVIII вѣкѣ (напримѣръ лирики), чтобы для изучающаго выяснилось, что совершенныя поэтическія формы нашихъ классиковъ подготовлены были въ предшествующій вѣкъ. Эта эволюція слишкомъ слабо намѣчается въ освященныхъ традиціей выборкахъ изъ поэтовъ XVIII вѣка; въ учебникахъ и хрестоматіяхъ обычно одинъ Державинъ, и то въ одахъ, составлялъ переходъ къ Батюшкову, Жуковскому и Пушкину. Въ предлагаемой книгѣ съ вышеуказанной цѣлью, во-первыхъ, Тредьяковскій, Ломоносовъ, Сумароковъ и Державинъ представлены болѣе разнообразно со стороны своихъ поэтическихъ формъ, а во-вторыхъ, данъ лирическій матеріалъ изъ журналовъ (сонеты, элегіи, пѣсни, эпиграммы); все это должно показать, что связи XVIII

и XIX вв. въ области поэзіи обнимаютъ собой болѣе широкій кругъ явленій, чѣмъ представляется обычно. Той же цѣли служатъ выдержки изъ «Бахаріаны» Хераскова, писавшейся на рубежѣ двухъ столѣтій.

Карамзинъ представленъ въ хрестоматіи не только сочиненіями XVIII, но и XIX вѣка ,и это потому что онъ, какъ писатель, гораздо болѣе замыкаетъ восемнадцатое столѣтіе, чѣмъ открываетъ девятнадцатый вѣкъ. Подстрочныя примѣчанія къ его сочиненіямъ объясняютъ подробнѣе эту точку зрѣнія.

Вводныя статьи и примѣчанія говорятъ объ условіяхъ появленія приведенныхъ въ хрестоматіи сочиненій, даютъ руководящія указанія, фактическія справки и, по возможности, воздерживаются отъ критическаго разбора самихъ сочиненій, предоставляя эту сторону дѣла или учащимся, или преподавателю и учебнику.

Вопросы, которые могли бы углубить чтеніе приводимыхъ сочиненій и нѣсколько руководить самымъ способомъ ихъ изученія, составители помѣстили въ отдѣльной небольшой книжкѣ («Сборникъ вопросовъ по исторіи русской литературы» А. Алферовъ и А. Грузинскій). Вопросы эти вмѣстѣ съ тѣмъ могли бы дать рядъ темъ для письменныхъ работъ, связанныхъ съ русской литературой.

Въ текстахъ сохранена орѳографія XVIII вѣка.

Августъ.
1907 г.

Новое изданіе отличается отъ перваго кромѣ нѣсколькихъ незначительныхъ поправокъ тѣмъ, что въ немъ данъ полный текстъ ком. «Недоросль», снабженный необходимыми примѣчаніями.

Іюнь.
1908 г.

Въ третье изданіе внесено два большихъ отрывка изъ Исторіи Карамзина.

А. Алферовъ и А. Грузинскій.

Октябрь.
1909 г.

---

1. Русскія Вѣдомости 1703 г.

Точное заглавіе газеты:«Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ, и въ иныхъ окрестныхъ странахъ. Начаты въ лѣто отъ Христа 1703-е, отъ генваря, а окончены декабремъ сего же года».

До появленія первой русской газеты, въ XVII вѣкѣ свѣдѣнія объ европейскихъ событіяхъ составлялись по иностраннымъ газетамъ въ посольскомъ приказѣ и въ рукописномъ видѣ подносились царю. Свѣдѣнія эти предназначались только для царя и его приближенныхъ и назывались «Курантами». 1701-мъ годомъ закончилось составленіе «Курантовъ».

Однимъ изъ серіозныхъ показателей успѣховъ русской культуры въ XVIII вѣкѣ служитъ появленіе первой газеты, которая, умѣло и безпристрастно руководимая (какъ предполагаютъ, редакторомъ ея былъ графъ Федоръ Алексѣевичъ Головинъ), очевидно, удовлетворяла уже назрѣвшей потребности. Первыя «Русскія Вѣдомости» печатались въ количествѣ 1000 экземпляровъ; интересъ читателей къ нимъ былъ такъ великъ, что въ рукописныхъ сборникахъ XVIII вѣка можно найти переписанными статьи изъ первой русской газеты.

Первый печатный листъ «Русскихъ Вѣдомостей» вышелъ 2 января 1703 года. Петръ Великій принималъ интересы этого изданія близко къ сердцу, и самъ отмѣчалъ въ иностранныхъ газетахъ, что нужно было перевести для «Русскихъ Вѣдомостей», а иногда самъ держалъ корректуру выходящихъ номеровъ.

Вѣдомости печатались въ Москвѣ. Полное ихъ изданіе состоитъ изъ 39 номеровъ. Выходили онѣ въ неопредѣленные сроки по мѣрѣ накопленія матеріала. Сначала печатались церковными, разными по очертанію шрифтами. Въ 1710 году явился номеръ, напечатанный весь гражданскимъ шрифтомъ: и съ этихъ поръ шрифтъ колеблется: одни номера печатаются церковнымъ, другіе—гражданскимъ. Церковный шрифтъ долѣе всего (до 1717 г.) удержался для реляцій о военныхъ дѣйствіяхъ. 11 мая 1711 года появился въ Петербургѣ первый листъ «Петербургскихъ Вѣдомостей». Съ этихъ поръ номера вѣдомостей выходили то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ. Въ 1727 году изданіе первоначальныхъ вѣдомостей прекратилось, и редакція ихъ поступила въ завѣдываніе Академіи Наукъ. Изданіе особыхъ вѣдомостей въ Москвѣ возобновилось нераньше 26 апрѣля 1756 года.

Содержаніе первыхъ «Русскихъ Вѣдомостей» представляетъ большой историческій интересъ; въ нихъ много фактическихъ свѣдѣній, не утратившихъ своего значенія до сихъ поръ, въ нихъ ясно выраженъ правительственный взглядъ на политическія событія, въ цѣломъ онѣ ярко отражаютъ Петровское время.

Въ 1855 году, въ годъ столѣтія Московскаго университета, Императорская Публичная Библіотека вновь издала, по двумъ сохраняющимся въ ней и составляющимъ величайшую библіографическую рѣдкость экземплярамъ, первыя «Русскія Вѣдомости» и посвятила изданіе Московскому университету. Изъ предисловія къ этому изданію взяты вышеизложенныя справки. Текстъ вѣдомостей ниже напечатанъ по этому же изданію. Недавно онѣ были переизданы Московской Синодальной типографіей.

1. На Москвѣ вновь нынѣ пушекъ мѣдныхъ гоубицъ и мартировъ вылито 400. Тѣ пушки ядромъ — по 24, по 18 и по 12 фунтовъ. Гоубицы бомбомъ пудовые и полупудовые. Мартиры бомбомъ девяти, трехъ и дву пудовые и менше. И еще много формъ готовыхъ великихъ, и среднихъ къ литью пушекъ, гоубицъ, и мартировъ. А мѣди нынѣ на пушечномъ дворѣ, которая приготовлена къ новому литью, больше 40.000 пудъ лежитъ.

Повелѣніемъ его величества московскіе школы умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ філософію, и уже діалектику окончили.

Въ математіческой штурманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся, и добрѣ науку пріемлютъ.

На Москвѣ ноября съ 24 числа, по 24 декабря родилось мужеска и женска полу 386 человѣкъ.

Изъ Персиды пишутъ: Индейскій царь послалъ въ дарахъ великому Государю нашему слона, и иныхъ вещей не мало. Изъ града Шемахи отпущенъ онъ въ Астрахань сухимъ путемъ.

Изъ Казани пишутъ: на рѣкѣ Соку нашли много нефти и мѣдной руды, изъ той руды мѣдь выплавили изрядну, отъ чего чаютъ немалую быть прибыль московскому государству.

Изъ Сибири пишутъ: Въ китайскомъ государствѣ езуитовъ велми не стали любить за ихъ лукавство, а иные изъ нихъ и смертію казнены.

Изъ Олонца пишутъ: города Олонца попъ Иванъ Окуловъ собравъ охотниковъ пѣшихъ съ тысячю человѣкъ, ходилъ за рубежъ въ свѣйскую границу, и разбилъ свѣйскіе ругозенскую, и гипионскую, и сумерскую, и керисурскую за-

ставы, а на тѣхъ заставахъ шведовъ побилъ многое число, и взялъ рейтарское знамя, барабаны, и щпагъ, фузей, и лошадей довольно, а что взялъ запасовъ и пожитковъ онъ попъ, и тѣмъ удоволствовалъ солдатъ своихъ. А досталные пожитки, и хлѣбные запасы, коихъ немогъ забрать, все пожегъ, и соловскую мызу сожегъ, и около соловской многіе мызы и деревни дворовъ съ тысячу пожегъ же. А на вышеписанныхъ заставахъ, по скаскѣ языковъ, которыхъ взялъ, конницы швецкой убито 50 человѣкъ, пѣхоты 40 человѣкъ; ушло ихъ конницы 50, пѣхоты 100 человѣкъ, а изъ попова войска толко ранено салдатъ два человѣка.

Изо Львова пишутъ: Декабря въ 14 день. Силы казацкіе подъ полковникомъ Самусемъ ежедневно умножаются, вырубя въ Немировѣ коменданта, съ своими ратными людми городъ овладѣли, и уже намѣренъ есть Бѣлую Церковь добывать, и чаютъ, что и тѣмъ городкомъ овладѣетъ, какъ Палей съ нимъ соединится съ своими войскми, и уже сказываютъ, что соединился, и будетъ ихъ всего войска 12.000 человѣкъ. Литовской польной гетманъ ѣдетъ къ своему войску подъ литовскую Бресть, войско шведское по скаскѣ секретаря Орухо частію въ Казимерѣ, частію въ Сандомирѣ стоитъ, и сказываютъ, что чрезъ Полшу въ прусскую землю пойдетъ. Подъѣздъ нашъ вновь отъ шведовъ собранныхъ волоховъ болшую часть снесли, и нѣсколко въ ихъ платьѣ въ полскомъ обозѣ повѣсили.

Изъ Ніенавоингерманландской земли октября въ 16 день. Мы здѣсь живемъ въ бѣдномъ постановленіи, понеже Москва въ здѣшней землѣ зѣло не добро поступаетъ, и для того многіе люди отъ страха отселѣ Выйбуркъ[1]) и въ фінляндскую землю уходятъ, взявъ лучшіе пожитки съ собою. Крѣпость Орѣшекъ высокая, кругомъ глубокою водою объятая, въ 40 верстахъ отселѣ, крѣпко отъ московскихъ войскъ осажена и уже болши 4000 выстрѣловъ изъ пушекъ вдругъ по 20 выстрѣловъ было, и уже болши 1500 бомбъ выбросано, но по се время невеликой убытокъ учинили, а еще много трудовъ имѣти будутъ, покамѣстъ ту крѣпость овладаютъ.

Изъ Нарвы, октября въ 13 день. Сентября въ 27 день московскіе войска 10.000 человѣкъ на сей сторонѣ рѣки Невы при Нотенбурхѣ между русскимъ и ингерманландскимъ рубежи пришли, и стали тамо, и учали шанцы дѣлать,

---

[1]) Въ Выборгъ.

за 500 шаговъ отъ крѣпости на сей сторонѣ рѣки. Войско наше съ генераломъ Кроніортомъ стоитъ на той сторонѣ рѣки между Нотенбурхомъ, и не всю имѣетъ пѣхоту, и конницу, и пушечной снарядъ, и возбраняетъ русскимъ войскамъ переправы на Невѣ рѣкѣ, которые наудачу туда пройдутъ ли. Намѣрены крѣпости Нотенбурху пушками досажать, но что вся изъ камени построена и войска добрые въ ней во осадѣ суть, и вновь 400 человѣкъ въ ту введено, и тако нынѣ нѣчего опасатись.

Изъ Амстердама ноября въ 10 день. Отъ Архангельскаго города пишутъ, сентября въ 20 день, что какъ его Царское величество войска свои въ различныхъ корабляхъ на Бѣлое море запровадилъ, оттолѣ далѣе пошелъ, и карабли паки назадъ къ Архангельскому городу прислалъ, и обрѣтаются тамо 15.000 человѣкъ салдатъ, и на новой крѣпости, на Двинкѣ нареченной, ежеденно 600 человѣкъ работаютъ.

На Москвѣ 1703 г. генваря въ 2 день.

2. Пишутъ изъ завоеванныя крѣпости Канцовъ, нынѣ преименованыя Шлотъбургъ, маіа въ 15 день. Господинъ капитанъ бомбардирской[1]), по приказу фелтъ-маршалка ходилъ на устье морское съ немногими людми въ тритцети лоткахъ, и нашелъ тамъ девять кораблей непріятелскихъ съ людми и всякимъ запасомъ, и по нарочитомъ бою, за божіею помощію взяли у непріятеля два фрегата со всѣмъ запасомъ, и людей, кои въ нихъ были, побили, а осталныхъ взяли въ полонъ.

Изъ Лондона пишутъ, понеже король французской повелѣваетъ всѣмъ своимъ подданнымъ принимать римскую вѣру, и которые тому противятся, тѣхъ принуждаетъ съ великимъ мученіемъ, а которые въ его землѣ городы и уѣзды многіе держали реформатскую вѣру, и тѣ желаютъ всѣ пожитки и домы оставя выѣхать въ иную страну, но ихъ не выпущаютъ: сего ради многіе противъ того королевскаго указу востали и мучителемъ противилися, и къ тѣмъ королева аглинская посылаетъ десять тысящъ человѣкъ войска на вспоможеніе съ воинскими снаряды, и припасы, и есть ли съ тѣми соединятся, то не малое смятеніе, и противность во французской землѣ воздвигнутъ.

3. Изъ Риги августа въ 24 день. Его царское величество, по взятіи Шлотбурга въ одной милѣ оттуды ближе къ восточному морю, на островѣ новую и зѣло угодную крѣпость

[1]) Петръ Великій.

построить велѣлъ, въ ней же есть шесть бастіоновъ, гдѣ работали дватцать тысящь человѣкъ подкопщиковъ, и тое крѣпость на свое государское имянованіе, прозваніемъ Питербургомъ обновити указалъ.

4. Нынѣшняго ноемврія въ 11 день. Его царское пресвѣтлое величество по разныхъ на сухомъ пути и на морѣ побѣдахъ надъ шведы, и по взятіи крѣпостей Шлотъбурга, Ямъбурга и Капорья, возвратился къ Москвѣ, и въ пришествіи его царскаго величества великій былъ на Москвѣ тріумфъ, и устроены были трои врата тріумфалные со многимъ украшеніемъ.

5. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ пришелъ къ Санктпитербурху корабль галанской съ товары, съ питьями и съ солью, на которомъ былъ шиперъ, и нѣсколько матросовъ, и тотъ корабль по повелѣнію господина губернатора принятъ по обыкновенію, и за приходъ подарено вышепомянутому шиперу за столомъ въ дому его, губернаторскомъ, пять сотъ золотыхъ, а матросамъ, кои съ нимъ были, по тритцети ефимковъ коемуждо, и при томъ сказано ему во обнадеживаніе другимъ, есть ли потомъ другой корабль туда придетъ, и тому, кто на томъ караблѣ, дано будетъ триста золотыхъ, такожде есть ли и третій карабль придетъ, дано будетъ сто пятьдесятъ золотыхъ, и съ тѣмъ тотъ вышепомянутой карабль, отъ Санктпитербурха отпущенъ въ належащій ему путь со удоволствованіемъ, а товары всѣ, которые на томъ караблѣ были, куплены повольною цѣною.

Изъ Амстердама ноября въ 19 день. Шиперъ, Янъ Гилбрандъ, которой въ 12 дней отъ Шлотбурга во Гданескъ пришелъ, возвѣстилъ, что его царское величество ему, яко первому пришедшему по взятіи той крѣпости пять сотъ золотыхъ пожаловалъ, второму имущу пріити триста, а третіему сто пятьдесятъ золотыхъ.

---

2. Юности честное зерцало.

Полное заглавіе книги (по 4-му изд.): «Юности честное зерцало или показаніе къ житейскому обхожденію собранное отъ разныхъ авторовъ повелѣніемъ Его Императорскаго Величества Государя Петра Великаго блаженныя и вѣчнодостойныя памяти и нынѣ четвертымъ тисненіемъ напечатанное въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ». 1745.

Эта книга соединяетъ букварь съ правилами обхожденія въ обществѣ, или, по словамъ самого руководства: «изображеніе древнихъ и новыхъ письменъ славенскихъ, печатныхъ и рукописныхъ;

слози двописьменніи и трописьменніи, нравоученія отъ Священнаго Писанія по алфавиту избранныя: числа церковныя (т.-е. славянскими буквами), арифметическія (т.-е. арабскія цифры) и римскія; зерцало житейскаго обхожденія».

Отчасти самое названіе «зерцало», отчасти и содержаніе этой книги указываютъ, что составители ея, дѣйствуя по приказу Петра, руководствовались ходячими тогдашними иностранными сочиненіями въ родѣ «Spiegel für die Bildung», «Der Goldnespiegel». Но при этомъ замѣтно, что они не могли отстать и отъ своихъ коренныхъ старыхъ взглядовъ.

Книга эта, составленная по царскому повелѣнію въ началѣ XVIII в. и переиздававшаяся въ послѣдующія царствованія Академіей Наукъ, очевидно, долгое время вызывала къ себѣ интересъ и уваженіе. Историкъ Татищевъ въ своей духовной пишетъ: «Малая букварь, или юности честное зерцало, за лучшее нравоученіе служить можетъ».

Для историка русской культуры и въ частности литературы «Юности честное зерцало» представляетъ высокій интересъ, какъ живая картина нравовъ: составители, переводя и выписывая иностранныя правила житейскаго обхожденія, не могли отдѣлаться и отъ своихъ прежнихъ понятій, и въ то же время желая, согласно волѣ Императора, облагообразить на европейскій ладъ русскую жизнь, своими запретительными правилами обрисовали, какъ нельзя живѣе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности русскій человѣкъ того времени, появляясь въ обществѣ.

Обрисовывая наше русское общество XVIII в., «Юности честное зерцало» даетъ почувствовать, какъ много труда, борьбы и времени нужно было, чтобы эта среда могла стать дѣйствительно культурной, а не только по названію, и можно понять замѣчаніе одного изъ иностранныхъ наблюдателей русской жизни — Вебера, когда онъ говоритъ, что русскіе показывали только «несносное чванство, потому что усвоили внѣшній лоскъ, а душевныя способности остались невоздѣланными,— живутъ такъ, какъ жили въ старину».

1. Впервыхъ наипаче всего должны дѣти отца и матерь въ великой чести содержать. И когда отъ родителей что имъ приказано бываетъ, всегда шляпу въ рукахъ держать, а предъ ними не вздѣвать, и возлѣ ихъ не садитися, и прежде оныхъ не засѣдать, при нихъ во окно всѣмъ тѣломъ не выглядывать, но все потаеннымъ образомъ съ великимъ почтеніемъ, не съ ними врядъ, но немного уступя позади оныхъ въ сторонѣ стоять, подобно яко пажъ нѣкоторый или слуга. Въ домѣ ничего своимъ именемъ не повелѣвать, но именемъ отца или матере; отъ челядинцевъ просительнымъ образомъ требовать, развѣ что у кого особливые слуги, которые самому ему подвержены бываютъ, для того, что обычайно служители и челядинцы не двумъ господамъ и гос-

пожамъ, но токмо одному господину охотно служатъ. А окромѣ того, часто происходятъ ссоры и великіе между ими бываютъ отъ того мятежи въ домѣ, такъ что сами не опознаютъ, что кому дѣлать надлежитъ.

2. Дѣти не имѣютъ безъ именнаго приказу родительскаго никого бранить или поносительными словами порекать. А ежели то надобно, и оное они должны учинить вѣжливо и учтиво.

3. У родителей рѣчей перебивать не надлежитъ, и ниже прекословить, и другихъ ихъ сверстниковъ въ рѣчи не впадать, но ожидать, пока они выговорятъ. Часто одного дѣла не повторять; на столъ, на скамью, или на что иное не опираться и не быть подобнымъ деревенскому мужику, который на солнцѣ валяется, но стоять должны прямо.

4. Безъ спросу не говорить, а когда и говорить имъ случится, то должны они благопріятно, а не крикомъ, ниже съ сердца или съ задору говорить, не якобы сумасброды. Но все, что имъ говорить, имѣетъ быть правда истинная, не прибавляя и не убавляя ничего. Нужду свою благообразно въ пріятныхъ и учтивыхъ словахъ предлагать, подобно якобы имъ съ какимъ иностраннымъ высокимъ лицомъ говорить случилось, дабы они въ томъ тако и обыкли.

6. Когда родители или кто другіе ихъ спросятъ (позовутъ), то должны они къ нимъ отозваться и отвѣчать тотчасъ, какъ голосъ послышатъ. И потомъ сказать: «что изволите, государь батюшка?» или: «государыня матушка» или: «что мнѣ прикажете, государь?», а не такъ: «что, чего, што, какъ ты говоришь, чего хочешь?» И не дерзостно отвѣщать: «да, такъ» и ниже вдругъ наотказъ молвить: «нѣтъ»; но сказать: «такъ, мой государь, слышу, государь, учиню такъ, какъ вы, государь, приказали». А не смѣхомъ дѣлать, якобы ихъ презирая и не слушая ихъ повелѣнія и словъ; но исправно примѣчать все, что имъ говорено бываетъ, а многажды назадъ не бѣгать и прежняго паки вдругорядь не спрашивать.

8. Съ духовными должны дѣти благочинно, постоянно, учтиво и вѣжливо говорить, а глупости никакой не предъявлять; но о духовныхъ вещахъ и о чинѣ ихъ или духовные вопросы предлагать.

9. Никто себя самъ много не хвали и не уничижай (не стыди) и не срамоти, и ниже, дѣла своего возвеличивая, расширяй болѣ, нежели какъ оное въ подлинномъ дѣйствѣ сстоитъ, и никогда роду своего и призванія безъ нужды не возвышай, ибо такъ чинятъ люди всегда такіе, которые

не вдавиѣ токмо прославились. А особливо въ той землѣ, гдѣ кто знакомъ, весьма не надлежитъ того дѣлать, но ожидать, пока со стороны другіе похвалятъ.

10. Съ своими или съ посторонними служителями гораздо не сообщайся. Но ежели оные прилежны, такихъ слугъ люби, а не во всемъ имъ вѣрь, для того, что они грубы и невѣжи (неразсудливы) будучи, не знаютъ держать мѣры, но хотятъ при случаѣ выше своего господина вознестись, а отшедши прочь на весь свѣтъ разглашаютъ, что имъ повѣрено было. Того ради смотри прилежно, когда что хочешь о другихъ говорить, опасайся, чтобъ при томъ слугъ и служанокъ не было. А именъ не упоминай, но обиняками говори, чтобъ дознаться было не можно, потому что такіе люди много приложить и прибавить искусны.

11. Всегда недруговъ заочно, когда они не слышатъ, хвали, а въ присутствіи ихъ почитай и въ нуждѣ имъ служи, также и о умершихъ никакого зла не говори.

12. Всегда время пробавляй въ дѣлахъ благочестныхъ, а празденъ и безъ дѣла отнюдь не бывай, ибо отъ того случается, что нѣкоторые живутъ лѣниво, не бодро, а разумъ ихъ затмится и иступится, потомъ изъ того добра никакого ожидать можно, кромѣ дряхлаго тѣла и червоточины, которое съ лѣности тучно бываетъ.

13. Младый отрокъ долженъ быть бодръ, трудолюбивъ, прилеженъ и безпокоенъ, подобно какъ въ часахъ маятникъ, для того что бодрый господинъ ободряетъ и слугъ, подобно яко бодрый и рѣзвый конь учиняетъ сѣдока прилежна и осторожна; потому можно отчасти, смотря на прилежность и бодрость или радѣніе слугъ, признать, како правленіе котораго господина состоитъ и содержится, ибо не напрасно пословица говорится: каковъ игуменъ, такова и братія.

Како младый отрокъ долженъ поступать, когда оный въ бесѣдѣ съ другими сидитъ.

Когда приключится тебѣ съ другими за столомъ сидѣть, то содержи себя въ порядкѣ по сему правилу:

Впервыхъ, обрѣзывай себѣ ногти, да не явится, якобы оныя бархатомъ обшиты. Умой руки и сяди благочинно, сиди прямо и не хватай первый въ блюдо, не жри какъ свинія и не дуй въ ушное[1]), чтобы вездѣ брызгало, не сопи егда яси. Первый не пій, будь воздержень и бѣгай пьянства; пій

[1]) Блюда дѣлились на ушныя (отъ «уха»), тѣльныя (мясо, рыба) и хлѣбныя (пирожное).

и яждь, сколько тебѣ потребно, въ блюдѣ будь послѣдній. Когда что тебѣ предложатъ, то возьми часть изъ того, прочее отдай другому и возблагодари его. Руки твои да не лежатъ долго на талеркѣ, ногами вездѣ не мотай, когда тебѣ пить, не утирай (рта) губъ рукою, но полотенцемъ и не пей, пока еще пищи не проглотилъ. Не облизывай перстовъ и не грызи костей, но обрѣжь ножемъ. Зубовъ ножемъ не чисти, но зубочисткою, и одною рукою прикрой ротъ, когда зубы чистишь; хлѣба приложа къ грудямъ не рѣжь, ѣшь, что предъ тобою лежитъ, а индѣ не хватай. Ежели передъ кого положить хощешь, не примай перстами, какъ нѣкоторые народы нынѣ обыкли, надъ ѣствою не чавкай, какъ свинія, а головы не чеши; не проглотя куска, не говори, ибо такъ дѣлаютъ крестьяне. Часто чихать, сморкать и кашлять непригоже. Когда яси яйцо, отрѣжь напредь хлѣба и смотри, чтобъ притомъ не вытекло, и яждь скоро. Яичной скорлупы не разбивай, и пока яси яйцо, не пій, между тѣмъ не замарай скатерти, и не облизывай перстовъ, около своей талерки не дѣлай забора изъ костей, корокъ, хлѣба и прочаго. Когда престанешь ясти, возблагодари Бога, умой руки и лицо и выполощи ротъ.

15. Имѣетъ отрокъ наипаче всѣхъ человѣкъ прилѣжать, какъ бы себя могъ учинить благочестна и добродѣтельна, ибо не славная его фамилія, и не высокой родъ приводитъ его въ шляхетство, но благочестныя и достохвальныя его поступки. Понеже благочестіе есть похвала юности, и щастіе благополучное, и красота въ старости; того ради оный имѣетъ по правдѣ тому подражать. То бо есть истинное избавленіе отъ убсжества, и прямая подпора и постоянный столпъ богатству.

18. Младый шляхтичъ, или дворянинъ, ежели въ ексерциціи (въ обученіи) своей совершенъ, а наипаче въ языкахъ, въ конной ѣздѣ, танцованіи, въ шпажной битвѣ и можетъ добрый разговоръ учинить, ктомужъ красноглаголивъ и въ книгахъ наученъ, оный можетъ съ такими досуги, прямымъ придворнымъ человѣкомъ быть.

19. Прямый придворный человѣкъ имѣетъ быть смѣлъ, отваженъ и не робокъ, а съ Государемъ какимъ говорить съ великимъ почтеніемъ. И возможетъ о своемъ дѣлѣ самъ предъявлять, и доносить, и на другихъ не имѣетъ надѣятися. Ибо гдѣ можно такого найти, который бы могъ кому такъ вѣренъ быть, какъ самъ себѣ. Кто при дворѣ стыдливъ

бываетъ, оный съ порожними руками отъ двора отходитъ. Ибо когда кто господину вѣрно служитъ, то надобно ему вѣрная и надежная награда. А кто ища милости служитъ, того токмо милосердіемъ награждаютъ. Понеже никто ради какой милости долженъ кому служить, кромѣ Бога. А Государю какову ради чести и прибыли, и для временной милости.

20. Умный придворный человѣкъ намѣренія своего и воли никому не объявляетъ, дабы не упредилъ его другой, который иногда къ томужъ охоту имѣетъ.

22. Отрокъ долженъ быть весьма учтивъ и вѣжливъ, какъ въ словахъ, такъ и въ дѣлахъ: на руку не дерзокъ и не драчливъ, также имѣетъ оной стрѣтившаго на три шага не дошедъ, и шляпу пріятнымъ образомъ снявъ, а не мимо прошедши, назадъ оглядываясь, поздравлять. Ибо вѣжливу быть на словахъ, а шляпу держать въ рукахъ неубыточно, а похвалы достойно, и лучше, когда про кого говорятъ: онъ есть вѣжливъ, смиренный Кавалеръ и молодецъ, нежели когда скажутъ про котораго: онъ есть спѣсивый болванъ.

23. Отрокъ имѣетъ быть трезвъ и воздержанъ, и въ чужія дѣла немѣшаться и не вступать, и ничего, что ему не касается, не всчинать, и поводу къ тому не давать, но съ учтивостью уступать. Развѣ что когда чести его кто коснется, или порекать учнетъ, то въ такомъ случаѣ уступки не бываетъ, но по нуждѣ премѣненіе закону дается.

27. Младые отроки должны всегда между собою говорить иностранными языки, дабы тѣмъ навыкнуть могли: а особливо когда имъ что тайное говорить случится, чтобъ слуги и служанки дознаться не могли, и чтобъ можно ихъ отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать: ибо каждый купецъ товаръ свой похваляя продаетъ какъ можетъ.

29. Младые отроки не должны носомъ храпѣть, и глазами моргать, и ниже шею и плеча, яко бы изъ повадки трясти, и руками не шалить, не хватать, или подобное неистовство не чинить, дабы отъ издѣвки не учинилось въ правду повадки и обычая, ибо такія принятыя повадки младаго отрока весьма безобразятъ, и остыжаютъ такъ, что потомъ въ домѣхъ, ихъ пересмѣхая тѣмъ дражнятъ.

34. Немалая отроку есть краса, когда онъ смиренъ, а не самъ на великую честь позывается, но ожидаетъ пока его танцовать, или къ столу итти съ другими пригласятъ; ибо говорится: смиреніе молодцу ожереліе.

38. Каждый осторожный и высокоумный Кавалеръ имѣетъ прилежно подражать, чтобъ не озлобить друга своего вымышленными ложными и льстивыми поступки: ибо ежели другой то признаетъ, тогда оной за недруга себѣ его почтетъ, и никогда ему вѣрить не будетъ, но отбѣгая его, за лукаваго человѣка разглашать будетъ.

43. Всѣ, которые что кому обѣщаютъ, имѣютъ прилѣжно трудиться, чтобъ какъ возможно безъ отлагательства оное исполнить, хотя въ томъ и убытокъ себѣ понесть, или прежде обѣщанія должно напередъ довольно размыслить. Ибо такого человѣка немного почитаютъ, который слово свое премѣняетъ, понеже пословица гласитъ: не молвя слова крѣпись, а давъ слово держись. А особливо должны шляхетные сіе хранить, оныхъ бо постоянство имѣетъ быть безмѣрно и непремѣнно, а не имѣетъ глупой оной пословицы слѣдовать, что говорится: обѣщать, то дворянски, а слово держать, то крестьянски. Но вѣдай себѣ, что и такая есть пословица: со лжи люди не мрутъ, а впредь вѣры неймутъ. И конечно крестьянина лутче почтутъ, нежели дворянина, которой шляхетскаго своего слова и обѣщанія не исполняетъ и не сохраняетъ: отъ чего и нынѣ случается, что охотнѣе мужику, нежели дворянину вѣрятъ.

50. Когда кто своихъ домашнихъ въ страсѣ содержитъ, оному благочинно и услужно бываетъ, а слуга можетъ отъ него научитися, и другіе его равестники за разумнаго его почитать будутъ. Ибо раби по своему нраву невѣжливи, упрямы, безстыдливи и горди бываютъ: того ради надобно ихъ смирять, покорять и унижать.

54. Непристойно на свадьбѣ въ сапогахъ и острогахъ[1]) быть, и тако танцовать: для того, что тѣмъ одежду дерутъ у женскаго полу, и великій звонъ причиняютъ острогами, къ томужъ мужъ не такъ поспѣшенъ въ сапогахъ, нежели безъ сапоговъ.

55. Также когда въ бесѣдѣ или въ компаніи случится въ кругу стоять: или сидя при столѣ, или между собою разговаривая, или съ кѣмъ танцуя, не надлежитъ никому неприличнымъ образомъ въ кругѣ плевать, но на сторону. А ежели въ каморѣ, гдѣ много людеи, то пріими харкотины въ платокъ, и такъ невѣжливымъ образомъ въ каморѣ, или въ церькви не мечи на полъ, чтобы другимъ отъ того не згадить, или отъиди

[1]) Шпоры.

для того къ сторонѣ (или за окошко выброси), дабы никто не видалъ, и подотри ногами такъ чисто, какъ можно.

58. И сія есть немалая гнусность, когда кто часто сморкаетъ, якобы въ трубу трубитъ, или громко чхаетъ, будто кричитъ и тѣмъ въ прибытіи другихъ людей, или въ церьквѣ дѣтей малыхъ пужаетъ и устрашаетъ.

59. Еще же зѣло непристойно, когда кто платкомъ или перстомъ въ носу чиститъ, якобы мазь какую мазалъ, а особливо при другихъ честныхъ людехъ.

63. Младый человѣчищь или отрокъ всегда долженъ быть охочь къ наученію всякаго добра, и что ему прилично быть можетъ, и не имѣетъ дожидаться, пока кто его о томъ попроситъ, или потребуетъ, или чтобъ за нимъ для того въ домъ прибѣгали. А наипаче платить возмездіе служащимъ, ибо въ томъ есть великій грѣхъ и порокъ, когда кто у кого кровію заслуженную, и трудомъ выработанную мзду наемничу удержитъ.

Дѣвическія чести и добродѣтелей вѣнецъ.

Состоящій въ послѣдующихъ двадесяти добродѣтеляхъ. А имянно: Охота и любовь къ слову и службѣ Божіей, истинное познаніе Бога, страхъ Божій, смиреніе, призываніе Бога, благодареніе, исповѣданіе вѣры, почитаніе родителемъ, трудолюбіе, благочиніе, привѣтливость, милосердіе, чистота тѣлесная, стыдливость, воздержаніе, цѣломудріе, бережливость, щедрота, правосердіе и молчаливость и прочая.

1. Первая добродѣтель, которая благонравной и благочестной дѣвицѣ прилична и пригожа, есть охота и любовь къ слову Божію и правой вѣрѣ, охотно ходить въ церькви, и въ школы, учиться читать и писать, и молиться прилежно, слушать словеса Божія, оныя размышлять, и примѣчать охотно. Къ исповѣди и святому причастію ходить, катихизисъ просто, и со истолкованіемъ, съ нѣкоторыми псалмами, и притчи святаго писанія наизусть умѣть и прочая.

11. Здѣ приступимъ по чину къ добродѣтели привѣтливости, ей же и другія подобныя добродѣтели касаются. А имянно: кротость, терпѣніе, пріятство, неухожденіе, услужливость, съ благочестными доброс имѣть содружество, никого нарочно, или съ умыслу не изобижать, ко всякому быть услужливу, ближняго сожалѣть, терпѣть, ласкову и единодушну быть, а не себя представлять весьма, и паче другихъ непорочна.

Въ повседневной бесѣдѣ пріятливо и тихо обходитися, съ чужимъ говорить учтиво, отвѣщать ласково, другихъ охотно слушать, и всякое доброжелательство показывать въ поступкахъ, словахъ и дѣлахъ, которыя добродѣтели выше всѣхъ мѣръ украшаютъ дѣвицу.

18. Осмая на десять добродѣтель дѣвическая, есть благотвореніе, благодѣяніе и щедрота, когда человѣкъ изъ собственнаго своего нищимъ удѣляетъ, и онымъ служитъ изъ природной (или натуральной) должности, когда гдѣ потребно явится, такъ, чтобъ въ томъ не было скупости или проторжливости имѣнія.

20. Нынѣ приступимъ къ двадесятой и послѣдней добродѣятели дѣвической, а имянно къ молчаливости. Природа устроила намъ только одинъ ротъ, или уста, а уши дала два: тѣмъ показуя, что охотнѣе надлежитъ слушать, нежели говорить, сему и древніе дѣтей своихъ обучали. Когда прійдешь въ чужій домъ, то буди слѣпа, глуха и нѣма, которое тебѣ можетъ въ молчаливость причтено быть.

Дѣвическое цѣломудріе.

Потупляетъ стыдливая дѣвица очи свои яко Ревекка, егда узрѣ еще изъ далеча Іакова грядуща, яко въ книгахъ первыхъ Моусеа въ главѣ 24 пишетъ, что оная закры тогда лице свое: и каждая стыдливая дѣвица закрываетъ окна сердца своего. Ибо сердце всегда прелестно очамъ послѣдуетъ. Того ради блюди, дабы дѣвическій стыдъ пристойную красоту, очи въ землю потупляя являлъ. Также и ты, когда на тебя человѣкъ взираетъ, покраснѣвся очи свои не возвышай, но зракъ свой въ землю ниспущай.

Украснѣніе дѣвицъ, и младыхъ невѣстъ, также и замужныхъ есть достохвальная фарба, или цвѣтъ, и о семъ Діогенъ пишетъ: что украснѣніе есть признакъ къ благочестію. И Назіанзинъ увѣщаетъ, что единъ токмо цвѣтъ въ дѣвицахъ пріятенъ, то-есть краснѣніе, которое отъ стыдливости происходитъ...

Разсуждается въ человѣкѣ отъ стыда въ лицѣ бываемая краска за добрый признакъ, того ради и Терентій повѣствуетъ: кто отъ стыда покраснѣетъ, тотъ нужды не имѣетъ. Иныяжъ безумныя поблѣднѣютъ, которое однако не всегда зло бываетъ, но краснота есть пріятнѣе и похвальнѣе.

Дѣвическое смиреніе.

Между другими добродѣтельми, которыя честную даму или дѣвицу украшаютъ, и отъ нихъ требуются, есть смиреніе, начальнѣйшая и главнѣйшая добродѣтель, которая весьма много въ себѣ содержитъ. И того недовольно, что токмо въ простомъ одѣяніи ходить, и главу наклонять, и наружными поступками смиренно себе являть, сладкія слова испущать, сего еще гораздо не довольно, но имѣетъ сердце человѣческое Бога знать, любить и боятися. Потомъ должно свои собственныя слабости, немощи и несовершенство признавать. И того для предъ Богомъ себя смирять, и ближняго своего больши себя почитать, никого не уничижать, себя ни для какого дарованія не возвышать...

---

3. Приклады, како пишутся комплименты разные.

Полное заглавіе этого переведеннаго при Петрѣ письмовника такое: «Приклады, како пишутся комплименты разные на нѣмецкомъ языкѣ, т.-е. писанія отъ потентатовъ къ потентатамъ поздравительные и сожалѣтельные и иные; такожде между сродниковъ и пріятелей». 1708 г. Это одна изъ первыхъ книгъ, напечатанныхъ новымъ «гражданскимъ» шрифтомъ. Вмѣстѣ съ «Юности честнымъ зерцаломъ» книга характерна для стремленія Петра вводить европейскіе обычаи и формы жизни и въ домашній обиходъ и въ частныя сношенія русскихъ людей. Образчикъ былъ взятъ не очень удачный; большая официальность и надутость тона писемъ, пригодная развѣ только въ сношеніяхъ съ «потентатами» (вельможами), производитъ странное впечатлѣніе въ семейной и пріятельской перепискѣ, еще усиленное тяжелымъ переводомъ (напр., «чадская должность» вмѣсто «сыновній долгъ»). Но если книга менѣе могла вліять на развитіе непринужденнаго, интимнаго языка, чѣмъ на формы официально-вѣжливыхъ или дѣловыхъ сношеній, все же она была полезна. Допетровская Русь въ интимной перепискѣ знала только простой, грубоватый тонъ, привычныя, уничижительныя формы: князь Юрій Ромодановскій писалъ князю В. В. Голицыну, что «онъ Юшка ему челомъ бьетъ»; кн. Голицына кончала письмо къ мужу словами: «Женишка твоя, Дунька, много челомъ бьетъ до лица земнаго». Официальная же вѣжливость древнерусская подчасъ соединяла съ этимъ уничиженіемъ необыкновенныя книжныя хитросплетенія. Вотъ начало такого письма: «Преукрашенну въ разумѣ и разсудительну во всѣхъ благихъ дѣлѣхъ, наученному добродѣтелемъ и любви, свѣтлому, яко сапфиру и честному камени и сосуду злату, испол-

ненному драгого бисера, источнику неисчерпаемому, сладчайшей медоточной струѣ. Да о семъ престанемъ, да не многоглаголю. Вскормленъ великимъ твоимъ жалованіемъ, землю лицемъ попирая, падъ челомъ бью». Сравнительно съ этимъ, языкъ «Прикладовъ» при всей натянутости своей, несомнѣнно, отражалъ болѣе культурныя формы общенія.

1. Мой Господине! Еликое желаніе, еже я отъ васъ радостное увѣдомленіе вашего счастливаго состоянія получить имѣю, есть причиною, что я васъ письменнымъ услуженіемъ утруждаю. Мой господине, изволь свою высокую склонность мнѣ показати и меня подареніемъ хотя малыхъ строкъ своего рукописанія увеселити, изъ чего я постоянство вашего благодѣянія признаю, и обнадеженъ буду въ должномъ упованіи, что я могу всегда именоваться вашимъ (и пр.).

2. Поздравительное писаніе къ женскому полу въ день ея имянинъ. Моя Госпожа! Понеже я не сумнѣваюся, что вы въ сей радостный день, который ваше высокодрагое имя представляетъ, на многіе изустные поздравительные комплименты отвѣщать имѣти будете, то я тако бесчастенъ есмь, что ради отлученія моего поздравленія прочимъ не могу присовокупить, однако же уповаю, что вамъ не непріятно будетъ, егда я письменно объявлю, како меня увеселилъ вашъ дорогой день тезоименитства, и притомъ должнѣйшее мое поздравленіе къ вамъ въ сихъ малыхъ строкахъ чрезъ почту посылаю. Богъ да подастъ, дабы вы еще многократно таковаго достойнопамятнаго дня при всегда умножающемся счастіи дожити сподобились, и егда оный паки случится, чтобъ намъ тогда васъ отъ нѣкотораго изряднаго любезнаго обязану видѣти; нынѣ же я, яко вашъ преданный слуга, дерзаю васъ мою госпожу, чрезъ присланный при семъ малый поминокъ перевезать[1]), въ той надеждѣ, что вы сицевое склоннымъ сердцемъ воспріимете, и меня впредь пріязни своей рекомендованна быть допустите, яко же и я противъ того при всѣхъ данныхъ случаяхъ себя въ дѣлѣ изъявити не оставлю. Вашъ моей госпожи послушный.

3. Поздравительное писаніе нѣкотораго студента къ отцу своему при начатіи новаго года. Высокопочтенный господинъ отецъ! Во исполненіе моей чадской должности не могу оставить, при начатіи Божіею Милостію новаго года, вамъ всякаго блага желать, да подастъ милость всемогущаго, дабы вы, господинъ отецъ,

[1]) «Обязать небольшимъ подаркомъ».

не точію сей, но и многіе послѣдствующіе годы и съ госпожею матерью моей, въ добромъ здравіи и во всемъ пожеланномъ благополучіи препроводить, такожде за положенное къ моему и моихъ любезныхъ братей и сестръ рачительному воспитанію, и за показанныя неоцѣненныя благодѣянія всякую честь и радость дожить, и за оное тысящекратное благословеніе получить могли, якоже я, что ко мнѣ принадлежитъ, никакого прилежанія не оставлю мои науки съ Божіею помощію сице продолжати, дабы о мнѣ положенное доброе упованіе могло исполнитися и дабы я моего представленнаго намѣренія достигнуть могъ. Впрочемъ предаю васъ, господина отца, и весь нашъ домъ Божіему защищенію, и пребываю во всю жизнь свою моего высокопочтеннаго господина отца — послушный сынъ: N. N.

4. Записки И. И. Неплюева.

И. И. Неплюевъ (1693—1773 гг.) былъ однимъ изъ тѣхъ русскихъ людей, которые, пройдя трудную учебную и служебную школу при Петрѣ, сохранили на всю жизнь искреннюю привязанность къ его личности и глубокое уваженіе къ его преобразовательной работѣ.

Уже женатымъ, Неплюевъ, на основаніи указа о недорослѣхъ, былъ взятъ въ математическую школу учиться, затѣмъ переведенъ въ Петербургскую морскую академію и, наконецъ, посланъ за границу учиться морскому дѣлу. Нѣсколько лѣтъ провелъ онъ во Франціи, Венеціи и Испаніи, въ Кадиксѣ изучалъ артиллерію въ военной академіи. Вернувшись въ 1720 году въ Россію, онъ сдавалъ экзаменъ въ присутствіи Петра (разсказъ объ этомъ помѣщенъ ниже). Петръ оцѣнилъ его способности и усердіе и сдѣлалъ его посланникомъ (резидентомъ) въ Константинополѣ. Неплюевъ пережилъ цѣлый рядъ царствованій вплоть до Екатерины II, при которой умеръ, проведя послѣднія 10 лѣтъ жизни въ деревнѣ. Онъ былъ за это время главнымъ командиромъ Малороссіи и долго управлялъ всѣмъ Оренбургскимъ краемъ, для устройства котораго много сдѣлалъ. Простой и честный по натурѣ, Неплюевъ сохранилъ навсегда завѣты дѣловой, рабочей Петровской эпохи: забвеніе многихъ Петровскихъ начинаній въ періодъ 1725—1762 гг. его огорчало, и вообще съ новыми порядками и нравами онъ чувствовалъ себя неспособнымъ сжиться. Выходя въ отставку въ началѣ царствованія Екатерины II, онъ, на просьбу Императрицы рекомендовать ей кого-нибудь на свое мѣсто, отвѣчалъ чистосердечно: «Нѣтъ, Осударыня, мы Петра Великаго ученики: проведены имъ сквозь огнь и воду; инако воспитывались, инако мыслили и вели себя, а нынѣ инако воспитываются, инако ведутъ себя и инако мыслятъ; я не могу ни за кого, ниже за сына моего ручаться».

1. Возвращеніе изъ-за границы и ожиданіе экзамена. Прибыли въ Санкпетербургъ 22-го числа. Разстояніе отъ Риги 202 версты, отъ Дерпта до Нарвы 141, отъ Нарвы 165, всего 510 верстъ. Во весь вышеписанный вояжъ издержалъ я собственныхъ 400 рублей, да государевыхъ 600 рублей. Каждый изъ насъ по пріѣздѣ въ Петербургъ пристали у нашихъ родственниковъ, а я у капитана гвардіи Семена Марковича Спицына.

На завтра собравшись вся наша компанія ко мнѣ на квартиру, пошли явиться генералъ-адмиралу (Апраксину), а потомъ ко всѣмъ флагманамъ, находящимся въ Петербургѣ, и ко всѣмъ присутствующимъ въ адмиралтейской коллегіи. Всѣ насъ приняли весьма ласково, особливо Григорій Петровичъ Чернышевъ, который о вояжѣ и службѣ нашей внѣ государства подробно и милостиво распрашивалъ и обнадежилъ насъ своимъ предстательствомъ у его величества, подавъ намъ, какъ отецъ, совѣтъ, чтобы просили генерала-адмирала быть представлены къ государю, и когда его величество изъ насъ съ кѣмъ говорить изволитъ, то чтобъ мы по истинѣ и безъ робости сказали, кто что знаетъ, и сколько кто преуспѣлъ въ наукахъ. За таковую его милость мы всѣ, какъ неимущіе никакого покровительства, а по нашему отлученію отъ отечества не токмо отъ равныхъ намъ возненавидѣны, но и отъ свойственниковъ нашихъ при первомъ случаѣ насмѣшкою и ругательствомъ по европейскому обычаю, въ насъ примѣчанному, осмѣянные, благодарили Григорія Петровича со слезами. Флагманъ Зміевичъ, человѣкъ въ морской наукѣ весьма искусный, любопытствовалъ у каждаго изъ насъ о нашемъ въ навигаціи знаніи, и сколько примѣтить можно, Кайсарова и моими отвѣтами былъ довольнѣе.

На завтра пошли мы въ адмиралтейскую коллегію и ожидали прибытія генералъ-адмирала, который, пріѣхавъ и насъ увидя, сказалъ, что онъ объ насъ доложитъ, и когда приказано будетъ, чтобъ явились въ коллегію, а нынѣ бъ шли по домамъ.

26-го числа была асамблея на почтовомъ дворѣ, на которой генералъ-адмиралъ государю объ насъ докладывалъ, и отъ него получили повелѣніе, чтобъ намъ быть представленнымъ завтра въ адмиралтейской коллегіи, почему мы и получили отъ коллегіи приказъ явиться въ 5 часовъ въ коллегію. Не знаю, какъ мои товарищи оное приняли, а я всю ночь не спалъ, готовился какъ на страшный судъ.

2. Экзаменъ передъ Петромъ и первая служба. 30 іюня присланъ къ намъ отъ коллегіи приказъ явиться 1 іюля на экзаменъ. Мы, собравшись у коллегіи, дожидались повелѣнія. Въ 8 часовъ государь пріѣхалъ въ одноколкѣ и, мимо идучи, сказалъ намъ: «Здорово, ребята». Потомъ, черезъ нѣкоторое время впустили насъ въ ассамблею, и генералъ-адмиралъ приказалъ Зміевичу напредь распрашивать порознь, что кто знаетъ о навигаціи. Потомъ, какъ дошла и моя очередь (а я былъ, по условію между нами, изъ послѣднихъ), то государь изволилъ подойти ко мнѣ и, не давъ Зміевичу дѣлать задачи, спросилъ: «Всему ли ты научился, для чего былъ посланъ?» На что я отвѣтствовалъ: «Всемилостивѣйшій государь, прилежалъ я по всей моей возможности, но не могу похвалиться, что всему научился, а болѣе почитаю себя предъ вами рабомъ недостойнымъ, и того ради прошу, какъ предъ Богомъ, вашея ко мнѣ щедроты». При сказываніи сихъ словъ я сталъ на колѣни, а государь, оборотивъ руку праву ладонью, далъ поцѣловать и при томъ изволилъ молвить: «Видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли; а все отъ того: показать вамъ примѣръ и хотя бъ подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству». Я, стоя на колѣняхъ, взялъ самъ его руку и цѣловалъ оную многократно, а онъ мнѣ сказалъ: «Встань, братецъ, и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ: но не робѣй; буде что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, такъ и скажи». И оборотясь къ Зміевичу, приказалъ разспросить меня; а какъ я давалъ отвѣты, то онъ изволилъ сказать Зміевичу: «Разспрашивай о высшихъ знаніяхъ». И по окончаніи у всѣхъ распросовъ, тутъ же пожаловалъ меня въ поручики въ морскіе галернаго флота и другого — Кайсарова, а и другихъ также пожаловалъ, но ниже чинами. Чрезъ малое потомъ время указалъ государь опредѣлить меня, Неплюева, смотрителемъ и командиромъ надъ строющимися морскими судами, по каковому случаю видѣлъ я государя почти ежедневно, и всякій разъ благоволилъ со мною разговаривать о всякихъ вещахъ и случаяхъ. И отъ флагмановъ Григорія Петровича Чернышева, къ которому я во всякое свободное время хаживалъ, и отъ Зміевича слыхалъ, что: «Государь-де тобою, господинъ поручикъ, является доволенъ и изволитъ говорить, что въ этомъ маломъ путь будетъ». Они же мнѣ подавали совѣты, чтобъ я прилежалъ къ своему дѣлу и былъ бы исправенъ. «То-де его

величество тебя не оставитъ; только будь проворенъ и говори правду и ничего не солги, хотя бы что и худо было; онъ-де больше разсердится, буде что солжешь». Ихъ слова и въ правду явились. Однажды я пришелъ на работу, а государь уже прежде пріѣхалъ. Я испужался презѣльно и хотѣлъ бѣжать домой больнымъ сказаться, но вспомянувъ тотъ отеческій моего благодѣтеля совѣтъ, бѣжать раздумалъ, а пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ государь находился; онъ, увидѣвъ меня, сказалъ: «Я уже, мой другъ, здѣсь!» А я ему отвѣчалъ: «Виноватъ, государь, вчера былъ въ гостяхъ и долго засидѣлся и оттого опоздалъ». Онъ, взявъ меня за плечо, пожалъ, а я вздрогнулся, думалъ, что прогнѣвался: «Спасибо, малый, что говоришь правду: Богъ проститъ. Кто бабѣ не внукъ!»

3. Впечатлѣніе отъ смерти Петра. 1725 году въ февралѣ мѣсяцѣ получилъ я[1]) плачевное извѣстіе, что отецъ отечества, Петръ, императоръ I-й, отъиде сего свѣта. Я омочилъ ту бумагу слезами, какъ по должности о моемъ государѣ, такъ и по многимъ его ко мнѣ милостямъ, и ей-ей, не лгу, былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ; да иначе бы и мнѣ и грѣшно было: сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими, научилъ узнавать, что и мы люди; однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ; а мнѣ собственно, сверхъ вышеписаннаго, былъ государь и отецъ милосердый; да вчинитъ Господь душу его, многотрудившагося о пользѣ общей, съ праведными.

---

5. Путешествіе стольника П. А. Толстого.

Стольникъ Петръ Андреевичъ Толстой выѣхалъ изъ Москвы 26 февраля 1697 года и вернулся 27 января 1699 года.

Онъ былъ посланъ за границу Петромъ Великимъ вмѣстѣ съ 37 другими знатными боярами для изученія воинскаго и морского дѣла: въ царской инструкціи рекомендовалось, по возможности, участвовать въ морскомъ бою.

«Въ то время», по сообщенію гр. Д. А. Толстого, «Толстому было 52 года (онъ родился въ 1645 году), онъ былъ уже отцомъ и дѣдомъ, и готовность его начать въ эти годы изучать новыя спеціальныя науки, къ которымъ притомъ онъ не имѣлъ особой склон-

[1]) Въ Константинополѣ.

ности, показываетъ замѣчательную силу воли. Явно, онъ былъ проникнутъ сознаніемъ необходимости предстоявшихъ преобразованій и готовился тѣмъ или инымъ способомъ принять въ нихъ участіе. Хотя онъ исполнилъ добросовѣстно данную ему инструкцію и выучился морскому дѣлу, какъ было приказано, но посвятилъ преимущественно свое время на ознакомленіе съ мѣстностями: онъ объѣхалъ всю Италію, изучилъ ее внимательно и вполнѣ овладѣлъ италіанскимъ языкомъ, на которомъ впослѣдствіи говорилъ и писалъ»...

«Не сдѣлался морякомъ П. А. Толстой; но изъ него вышелъ искусный дипломатъ, ознакомленный съ европейскою цивилизаціей, къ чему послужило ему продолжавшееся почти два года его путешествіе. Черезъ три года по возвращеніи въ Россію онъ назначенъ былъ посломъ въ Константинополь и, занимая этотъ постъ въ теченіе 12 лѣтъ, оказалъ существенныя услуги политикѣ своего императора во время войны Петра Великаго съ Карломъ XII, но поплатился за то долгимъ сидѣніемъ въ глубокой земляной темницѣ Семибашеннаго замка».

Стольникъ Петръ Толстой былъ однимъ изъ наиболѣе развитыхъ людей Петровскаго времени, и заграничныя его впечатлѣнія могутъ служить надежнымъ показателемъ, какъ воспринималась тогда представителями лучшаго русскаго общества западная культура. П. Толстой жадными глазами и съ большимъ уваженіемъ смотритъ за границей монастыри, храмы, святыни, и по точности и искренности своихъ описаній напоминаетъ Даніила-паломника. Онъ вноситъ въ свой дневникъ и другія разнообразныя впечатлѣнія, записываетъ то, что поражало его сравнительно съ жизнью Московской Руси: въ этомъ отношеніи характерно, напр., его удивленіе передъ уличнымъ освѣщеніемъ, о возможности котораго онъ не подозрѣвалъ, его удивленіе передъ чистотой, малымъ количествомъ пьяныхъ, свободнымъ появленіемъ въ обществѣ женщинъ, его безсиліе передать впечатлѣніе отъ картинъ; его увлеченіе фонтанами, о которыхъ онъ пишетъ очень много, и разными диковинками.

Во всемъ описаніи притомъ замѣтно, что оно составлено человѣкомъ живымъ и яснаго ума.

Рукопись дневника П. Толстого подъ заглавіемъ: «Путешествіе стольника Петра Толстого по Европѣ въ силу царскаго указа отъ 7205 года января 11-го дня, т.-е. 1697 года по Р. Х. На 161 полулистахъ» находится въ библіотекѣ Казанскаго университета. Напечатано путешествіе въ «Русск. Арх.» 1888 г., NN 2—8.

Вѣна. 1. Описаніе города. Потомъ былъ я въ домѣ цесарскомъ. Тотъ домъ зѣло великій, сдѣланъ четыреуголенъ, строеніе все каменное вокругъ того дома, палаты многія зѣло высокія въ шесть житій вверхъ на томъ цесарскомъ дворѣ поставлены. По сторонамъ 14 фонарей сдѣланы, въ тѣхъ фонаряхъ по вся ночи горятъ свѣчи; также въ Вѣнѣ у всѣхъ жителей дома поставлено на улицахъ по фонарю,

въ которомъ по вся ночи горитъ масло, и отъ фонарей въ Вѣнѣ по вся ночи бываетъ по улицамъ и переулкамъ великая свѣтлость. У самой городовой стѣны тотъ помяненный цесарскій домъ сдѣланъ, и какъ предъ сего были подъ Вѣною Турки и стояли таково близко отъ цесарскаго дома, что изъ пищалей въ цесарскій домъ стрѣлять имъ было мощно, и палаты цесарскія въ то время отъ Турецкой пушечной стрѣльбы были разбиты до половины; а гдѣ ихъ проклятыхъ бусурманъ были подкопы, въ тѣхъ мѣстахъ вырывано стѣны городовой и всякаго каменнаго строенія сажень по 300 въ длину, а нынѣ всѣ тѣ разбитыя и вырванныя мѣста задѣланы. Подлѣ того цесарскаго дома сдѣланъ домъ цесарскій же конюшенный каменнаго строенія великаго, построенъ древнею модою. Въ Вѣнѣ изъ домовъ сенаторскихъ славный домъ маршалкова зятя, который называется Индетенбрехтъ. Тотъ домъ построенъ зѣло изрядно дивною архитектурою по пропорціи и работа изрядная.

2. Церковная процессія. Передъ тѣмъ кардиналомъ шелъ одинъ человѣкъ съ колоколомъ и въ тотъ колоколъ звонилъ для того, чтобъ народъ, стоящій по улицамъ, предъ сакраментомъ падалъ на колѣни. За помяненнымъ кардиналомъ шелъ меньшей цесарскій сынъ, за нимъ шелъ большой цесарскій сынъ, король Венгерскій Іосифъ. Тѣ цесарскія дѣти оба несли свѣчи зажженыя великія. За ними шелъ самъ цесарь съ золотою свѣчею; по обѣ стороны цесаря шли ближніе его люди, графы, а подъ руки цесаря никто не велъ. Одинъ человѣкъ изъ сродниковъ цесарскихъ шелъ по правую сторону, имѣя на себѣ чѣпь золотую, а подлѣ цесарскихъ дѣтей шли дядьки жъ. Позади цесаря шла цесарева, по лѣвую руку велъ ее маршалокъ, надъ нею несли балдахинъ изрядный; за цесаревою шла цесарская сестра, о которой выше упоминалось; за нею шла цесарская большая дочь, а потомъ шли двѣ цесарскія меньшія дочери. Сестру цесарскую и цесаревенъ всѣхъ трехъ вели подъ лѣвыя руки сенаторы старые лѣтами, честныя особы, и несли надъ ними надо всѣми сенаторскія дѣти балдахины круглые, и позади ихъ подолы одеждъ ихъ несли за ними робятки — недоросли. За цесаревнами шли дѣвицы, сенаторскія дочери и жены сенаторскія жъ, а всякая сама надъ собою несла балдахины круглые, изрядные и въ рукахъ у всякой четки. И, обшедъ съ тою процессіею городъ, пришли

къ столпу рѣзному, о которомъ въ сей книгѣ выше упоминалось, который поставленъ на площади. У того столпа отправляли духовную литію. Тутъ былъ цесарю постланъ коверъ, и на томъ коврѣ поставлены кресла, и передъ креслами поставлена была скамья и покрыта алтабасомъ. И пришедъ къ тому мѣсту, цесарь со всѣмъ своимъ домомъ стоялъ на колѣняхъ, а вокругъ помяненнаго столпа стояла пѣхота, 4 роты въ изрядномъ платьѣ съ ружьемъ. Начальные люди той пѣхоты всѣ въ золотыхъ кафтанахъ съ запонами алмазными. А отъ того столпа паки пришли къ тому жъ помяненному великому соборному св. архидіакона Стефана костелу и обошли тотъ костелъ вокругъ, а хожденіе имѣютъ Римляне на правую сторону. И какъ кардиналъ вошелъ въ тотъ великій костелъ, и въ то время въ томъ костелѣ заиграла вся музыка на троихъ органахъ и на скрипыцахъ, на фіолгалбахъ[1]), на арфахъ, на штормахъ, на цитрахъ, на флейтахъ, на трубахъ, на литаврахъ, на сиповкахъ, на барабанахъ и на иныхъ многихъ инструментахъ разныхъ мусикійскихъ, и такой былъ шумъ, что невозможно было слышать человѣческаго голоса.

Венеція. Близко того костела (Соборъ Св. Марка) у самыхъ алтарей построенъ домъ Венецкаго князя, котораго Венеціане называютъ своимъ языкомъ принципомъ. Тотъ домъ сдѣланъ изряднымъ мастерствомъ, весь каменный, и рѣзьбы въ томъ домѣ по палатамъ многія каменныя итальянской предивной работы и около того дому также рѣзьбы изрядныя многія жъ. Построены палаты на томъ дворѣ, и вмѣсто ограды въ тѣхъ палатахъ построены разные приказы для управленія всякихъ дѣлъ. На тотъ княжескій дворъ сдѣланы ворота каменныя великія подъ палаты съ площади, которая площадь называется Пяцасанмарка[2]); въ тѣхъ воротахъ сидятъ многіе писари, подобные московскимъ площаднымъ подъячимъ, которые пишутъ челобитныя и иныя всякія нужды, кому что будетъ потребно. Товаровъ на пищу, то-есть хлѣба и харчу всякаго, мясъ, рыбъ и живности всякой въ Венеціи множество, только при московскомъ[3]) все дорого, а паче всего премногое множество всякихъ фруктовъ и травъ, которые употребляются въ пищу и зѣло дешевы, и во весь годъ въ лѣтѣ и зимѣ фрукты, то-есть гроздье и травы, не переводятся; также

[1]) Viola gamba — віолончель.
[2]) Piazza San Marko — площадь св. Марка.
[3]) Въ сравненіи съ Московскими цѣнами.

и цвѣты во весь годъ бываютъ, и много цвѣтовъ продаютъ всякихъ для того, что Венеціанки жены и дѣвицы употребляютъ цвѣты въ уборы около своихъ головъ и около платьевъ.

Падуя. 1. Органъ. Въ той же церкви (Костелъ Муч. Юстины) есть у алтаря на лѣвой сторонѣ въ стѣнѣ высоко на хорахъ органы, которыхъ подобныхъ, сказываютъ, нигдѣ не обрѣтается, и для меня на тѣхъ органахъ во время бытности моей въ той церкви играли; въ тѣхъ органахъ удивительно, что пребезмѣрно громогласны и кажется такъ отъ голосовъ тѣхъ органовъ, якобы всей церкви потрясатися. На тѣхъ органахъ сдѣлана звѣзда золоченая, которая во время иранія на тѣхъ органахъ блескаетъ, преходя по трубамъ тѣхъ органовъ: потомъ въ тѣхъ органахъ свищетъ подобно птицѣ канарейкѣ или соловью; потомъ въ тѣхъ органахъ, когда отопретъ всѣ голосы и трубы, тогда не останется ни одинъ инструментъ ото всей музыки, который бо въ тѣхъ органахъ не отзывался играніемъ: вначалѣ органы, цимбалы, скрипицы, басы, штормы, арфы, флейты, виліогамбы, цитры, трубы, литавры и иные всякіе мусикійскіе инструменты; когда запретъ многіе голосы, тогда на тѣхъ органахъ будутъ отзываться трубы, властно[1]) какъ трубятъ трубачи на двойныхъ на перекличкахъ, якобы одни изъ далека, а другіе изъ близка; и иныя многія штуки есть въ тѣхъ органахъ, которыхъ нынѣ для умедленія описывать подробно оставляю.

2. Академія дохтурская. Въ Падвѣ есть академія дохтурская великая, въ которой бываетъ студентовъ по 1000 человѣкъ и больше. Пріѣзжаютъ въ ту академію для дохтурскихъ наукъ изъ разныхъ государствъ честные люди, и бываетъ та академія заперта Іюня съ первыхъ чиселъ по Сентябрь, и въ тѣ мѣсяцы въ той академіи науки и дѣйства никакого не бываетъ. Обыкность тамъ о студентахъ имѣютъ такую: который студентъ науку свою дохтурскую скончитъ, того студента инспекторъ его повиненъ взять за руку и водить его въ Падвѣ по всѣмъ улицамъ, а передъ ними идутъ многіе люди и кричатъ «виватъ»; а отъ того студента, скончившаго дохтурскую науку, устроенъ на то одинъ человѣкъ, который передъ нимъ идетъ и мечетъ деньги народу, которые тому студенту кричатъ «виватъ». Тѣ деньги народъ подбираетъ и кричитъ «виватъ, виватъ», а все то чинится казною

[1]) Польское слово: совершенно, вполнѣ.

того студента, который скончилъ свою науку, и потомъ того студента инспекторъ его со Езувитами въ костелѣ коронуетъ. Въ то время въ томъ костелѣ, гдѣ студента коронуютъ, народъ быть не повиненъ, только одни Езувиты или иные законники[1]) и инспекторъ его, то-есть мастеръ. И короновавъ его, дадутъ ему изъ той академіи отъ мастера его листъ о мастерствѣ его и по обыкновенію, какъ надлежитъ, изъ той академіи его съ честью отпустятъ. Есть въ Падвѣ академія, гдѣ учатъ лошадей; тамъ сдѣланы палаты великія, и при тѣхъ палатахъ сдѣлана конюшня, а передъ палатами и передъ конюшнею есть площадь, на которой лошадей учатъ... Будучи въ Падвѣ, иноземцу пріѣзжему человѣку потребно жить остерегательно и въ ночи поздно ходить одному изъ дома въ домъ не надобно, для того, что въ Падвѣ отъ студентовъ бываетъ пріѣзжимъ обида, а временемъ и убивство; однакожъ съ оружіемъ ходятъ и поздно, кому есть какая потреба.

Венеція. (На возвратномъ пути.) 1. Нравы. Венеціане люди умные, политичные, и ученые людей зѣло много; однакожъ нравы имѣютъ видомъ не ласковые, а къ пріѣзжимъ иностранцамъ зѣло пріемны. Между собою не любятъ веселиться и въ домы другъ къ другу на обѣды и на вечеры не съѣзжаются, и народъ самый трезвый; никакого человѣка, нигдѣ отнюдь никогда пьянаго не увидишь; а питей всякихъ, винъ виноградныхъ разныхъ множество изрядныхъ, также розолиновъ и водокъ анисовыхъ изрядныхъ изъ винограднаго вина сытеныхъ много, только мало ихъ употребляютъ, а больше употребляютъ въ питьяхъ лимонадовъ, симады, кафы, чекулаты и иныхъ тому жъ подобныхъ, съ которыхъ человѣку пьяну быть невозможно.

2. Площадь св. Марка. Въ Венеціи близь костела св. Марка съ двухъ сторонъ великія площади, вымощены кирпичемъ изрядно. Также вся Венеція имѣетъ въ себѣ улицы и переулки, всѣ мощеныя кирпичемъ, тому зѣло дивно, что отъ дождей и отъ морскихъ водъ тотъ кирпичъ не размокнетъ...

На тѣхъ же площадяхъ бываетъ часто поученіе народу: приходятъ законники изъ монастырей и сказываютъ казанія на кафедрѣ, которая кафедра на той площади всегда стоитъ высокая. На той же площади по вся дни поутру и въ вечеру

[1]) Монахи.

сходятся Венеціане шляхта и честные люди и ходятъ по той площади, гуляютъ и о всякихъ дѣлахъ другъ другу говорятъ; и раздѣлена та площадь, которая близко моря, на три части: подлѣ княжескаго двора, тутъ ходятъ шляхта и честные люди Венеціане поутру, для того что палаты дому князя Венецкаго отъ востоку солнца ту площадь застѣняютъ, а противъ того на другой сторонѣ, подлѣ палатъ прокураторскихъ, тутъ ходятъ тѣжъ Венеціане честные люди въ вечеру, для того что при захожденіи солнца прокураторскія палаты ту площадь застѣняютъ; а между тѣхъ двухъ частей той площади срединою ходятъ всѣ невозбранно всякихъ народовъ люди. А на тѣхъ вышепомяненныхъ шляхетскихъ площадяхъ никакому пріѣзжему, ни Венеціанину нешляхетской породы ходить не велѣно, только развѣ кому нужда пройтить черезъ тѣ части площади, не возбраняется; а ходить по тѣмъ частямъ площади въ то время, когда по нимъ шляхта ходитъ гуляя, никому невозможно. На средней части той площади сидятъ астрологи мужеска и женска полу на подмосткахъ высоко въ креслахъ съ жестяными долгими трубами и, кто похочетъ чего вѣдать отъ тѣхъ астрологовъ, тѣ имъ даютъ не по сколько денегъ, и астрологи черезъ тѣ трубы шепчутъ приходящимъ въ ухо. На той же площади многія бываютъ по вся дни забавы: куклы выпускаютъ, собаки ученыя пляшутъ, также обезьяны пляшутъ, а иные люди бандерами, т.-е. знаменами играютъ, и иные блюдами мѣдными играютъ на одной палкѣ зѣло изрядно и штучно: высоко мечетъ то блюдо палкою вверхъ, и сверху паки упадетъ то блюдо на ту же палку, и иные люди огонь ѣдятъ, иные люди каменья немалые глотаютъ и иныя всякія многія штуки дѣлаютъ для забавы народу и за то берутъ себѣ деньги отъ тѣхъ, которые ихъ смотрятъ. На тѣхъ же площадяхъ во время ярманки дѣлаютъ многія лавки деревянныя и въ нихъ торгуютъ; въ то время въ тѣхъ лавкахъ премногое множество бываетъ всякихъ предивныхъ и богатыхъ товаровъ. Въ то же время по тѣмъ лавкамъ по вся дни гуляютъ Венеціане честные люди и жены и дѣвицы въ предивныхъ уборахъ, также и форестиры, т.-е. пріѣзжіе всякіе люди, между тѣхъ лавокъ, убрався хорошо, ходятъ и гуляютъ и кому что потребно купятъ въ ту ярманку и во время каравану (карнавала). На той же площади при морѣ бываютъ построены анбары великіе и сараи; въ тѣхъ анбарахъ танцуютъ люди на веревкахъ мужеска полу и женска преудивительно, также и дѣ-

вицы. Въ другихъ анбарахъ дѣлаютъ комедіи куклами власно какъ живыми людьми...

3. Оперные спектакли. Въ Венеціи бываютъ оперы и комедіи предивныя, которыхъ въ совершенство описать никто не можетъ, и нигдѣ на всемъ свѣтѣ такихъ предивныхъ оперовъ и комедій нѣтъ и не бываетъ. Въ бытность мою въ Венеціи были оперы въ пяти мѣстахъ. Тѣ палаты, въ которыхъ тѣ оперы бываютъ, великія, округлыя, и называютъ ихъ Итальяне театрумъ. Въ тѣхъ палатахъ подѣланы чуланы многіе въ пять рядовъ вверхъ, и бываетъ въ одномъ театрумѣ чулановъ 200, а въ иномъ 300 и больше, а всѣ чуланы подѣланы изнутри того театрума предивными работами золочеными, иные оклеиваны толстою чеканною бумагою, такъ что невозможно познать, чтобъ не сницарская[1]) была работа дивная, и вызолочено все въ томъ театрумѣ, полъ сдѣланъ мало накось, чтобъ однимъ изъ-за другихъ было видно, которые въ тѣ стулы для смотрѣнія оперовъ садятся; и за тѣ стулы и скамьи даютъ платы, а кто хочетъ сидѣть въ особомъ чуланѣ, тотъ повиненъ дать за чуланъ большую плату, а за пропускъ въ тотъ театрумъ особая со всѣхъ равная плата, и съ единой стороны къ тому театруму бываетъ придѣлана великая зѣло длинная палата, въ которой чинится опера. Въ той палатѣ бываютъ временныя преспективы дивныя, и людей бываетъ въ одномъ оперѣ въ нарядѣ мужеска и женска полу человѣкъ по 100 и по 150 и больше. Наряды на нихъ бываютъ изрядные золотные и серебряные и каменью бываетъ въ тѣхъ уборахъ много: хрусталей и варенниковъ, а на иныхъ бываютъ и алмазы и зерна бурмицкія; и играютъ на тѣхъ операхъ во образъ древнихъ гисторій, кто которую гишторію излюбитъ, такъ въ своемъ театрумѣ и сдѣлаетъ; и музыка, въ тѣхъ операхъ бываетъ предивная съ разными инструментами человѣкъ по 50 и больше, которые въ тѣхъ операхъ играютъ, и ставится одна опера на годъ до 30000 и по 40000 дукатовъ Венецкой монеты, а во всякомъ дукатѣ московскихъ по 15 алтынъ. Комедіи въ Венеціи бываютъ хуже оперовъ, однакоже зѣло забавны, и начинаются тѣ оперы въ Венеціи Ноября съ первыхъ чиселъ и мало поигравъ престаютъ, потомъ паки начинаютъ во время карнавала Ноября въ послѣднихъ числахъ или Декабря въ первыхъ и бываютъ до самаго Великаго поста во вся вечеры кромѣ Воскресенія

---

[1]) Рѣзная.

и Пятницы. А начинаютъ въ тѣхъ операхъ играть въ первомъ часу ночи, а кончаютъ въ 5-мъ и 6-мъ часу ночи, а въ день никогда не играютъ. И приходитъ въ тѣ оперы множество людей въ машкарахъ, по-славянски въ харяхъ, чтобъ никто никого не познавалъ, кто въ тѣхъ операхъ бываетъ, для того что многіе ходятъ съ женами, также и пріѣзжіе иноземцы ходятъ съ дѣвицами; и для того надѣваютъ мущины и женщины машкары и платье странное, чтобъ другъ друга не познавали. Такъ и все время карнавала ходятъ всѣ въ машкарахъ мущины, жены и дѣвицы, и гуляютъ всѣ невозбранно, кто гдѣ хочетъ, и никто никого не узнаетъ. И такъ всегда въ Венеціи увеселяются и не хотятъ быть никогда безъ увеселенія, въ которыхъ своихъ веселостяхъ и грѣшатъ много.

Также въ то время по многимъ мѣстамъ на площадяхъ бываетъ музыка и танцуютъ по-итальянски, а танцы Итальянскіе не зѣло стройны: скачутъ одинъ противъ другого вокругъ, а за руки не берутъ другъ друга. Также многіе забавляются, травятъ меделянскими собаками великихъ быковъ и иныя всякія потѣхи чинятъ и по морю ѣздятъ въ гундалахъ и баркахъ съ музыкою и всегда веселятся и ни въ чемъ другъ друга не зазираютъ и ни отъ кого ни въ чемъ никакого страху никто не имѣетъ: всякій дѣлаетъ по своей волѣ, кто что хочетъ. Та вольность въ Венеціи и всегда бываетъ, и живутъ Венеціане всегда во всякомъ покоѣ, безъ страху и безъ обиды и безъ тягостныхъ податей.

4. Школы. Школы есть въ Венеціи изрядныя, въ которыхъ учатся до философіи и до теологіи. Такая жъ есть школа въ Венеціи и у Греческой церкви, которую держитъ Греческій митрополитъ на своей платѣ, и учатъ Греки греческихъ студентовъ на Греческомъ и на Латинскомъ и на Итальянскомъ языкѣ до философіи и до теологіи. И когда въ какой школѣ студентъ придетъ въ совершенство науки своей, тогда ихъ коронуютъ, свидѣтельствовавъ сице: въ одной палатѣ или въ церкви на серединѣ поставятъ кресла, въ которыхъ тотъ помяненный студентъ сядетъ, и подлѣ его по лѣвую сторону сядетъ въ другихъ креслахъ мастеръ его, а отъ него по обѣ стороны по кресламъ сядутъ законники и попы ученые люди, также и всѣ, которые въ то время тамъ прилучатся быть; и всѣмъ въ то время тамъ бывшимъ раздадутъ печатные листы или тетради, которыя называются комплексіи, т.-е. та диспута, о чемъ того студента будутъ

испытывать и свидѣтельствовать, вся въ тѣхъ листахъ напечатана; и потомъ тотъ студентъ всѣмъ тамъ бывшимъ проговоритъ изрядную рацею о своемъ испытаніи и начнетъ говорить о своей наукѣ, а съ нимъ сидящіе ученые люди начнутъ о томъ диспутовать чинно по одному человѣку, и бываетъ у него диспута съ тремя человѣками, а больше трехъ человѣкъ другіе съ нимъ не диспутуютъ, а учитель его въ тѣхъ диспутахъ обороняетъ и самъ за него съ тѣми посторонними диспутуетъ, и такъ сконча диспуту, тому студенту поздравляютъ и привѣтствуютъ его всѣ ученые любовно.

Неаполь. 1. Везувій. Не доѣзжая Неаполя за двѣ мили Итальянскихъ на лѣвой сторонѣ есть гора зѣло высока, которая непрестанно отъ сотворенія свѣта горитъ, и въ день отъ той горы великій курится дымъ, а ночью бываетъ видѣть и огонь; и такъ, сказываютъ, всегда безпрестанно горитъ и не угасаетъ никогда ни на малое время. Пріѣхавъ въ Неаполь, стоялъ я въ остаріи[1]), которая называется Алля Коліомба Доро, т.-е. подъ золотымъ голубемъ.

2. Судъ. Потомъ пришелъ я къ той палатѣ, гдѣ сидятъ 12 человѣкъ судей за великими государственными дѣлами. Между тѣми судьями одинъ сидитъ на мѣстѣ короля Гишпанскаго и называется капо, т.-е. голова надо всѣми. И какъ я въ ту палату вошелъ, и тотъ начальный судья и всѣ судьи противъ меня встали и отдали мнѣ поклонъ, съ великою учтивостью привѣтствовали меня и, показавъ всѣ вещи, которыя иноземцу надлежитъ видѣть, такъ же съ честію меня отпустили и послали со мною одного человѣка, велѣли меня проводить, который шелъ изъ той палаты передо мною, очищая дорогу во многолюдствѣ, и съ такою учтивостью меня проводилъ въ верхнія палаты, гдѣ я видѣлъ государства Неаполитанскаго старыя книги и письма устроены по шкафамъ изрядно съ подписьми; тѣхъ старинныхъ писемъ зѣло много. Изъ тѣхъ верхнихъ палатъ сошелъ въ нижнія палаты, гдѣ слушалъ Неаполитанскаго суда, какъ судились два человѣка передъ судьями: говорятъ чинно съ великою учтивостью, а не съ крикомъ, и подъячій слова ихъ записывалъ подобно тому, какъ и на Москвѣ.

3. Іезуитская школа. Въ томъ домѣ всегда бываетъ учениковъ по 100 человѣкъ, а временемъ и больше и меньше,

---

[1]) Гостиница.

Неаполитанскихъ жителей честныхъ людей дѣти, а недворянской породы въ томъ домѣ никого нѣтъ и не принимаютъ. Въ томъ домѣ учатся прежде грамотѣ словесной и писать и по-латыни и инымъ разнымъ наукамъ. Тутъ же учатся биться на шпадахъ по-гишпански со штылетами и безъ штылетовъ[1]); тутъ же учатся играть бандерою, т.-е. знаменемъ; тутъ же учатся танцовать разныхъ танцевъ, тутъ же учатся ѣздить на лошадяхъ, тутъ же учатся скакать на лошади, не вступая въ стремя, изрядными штуками, и всѣмъ тѣмъ наукамъ учатся ученики по вся дни кромѣ Недѣли и праздниковъ. И если отдастъ кто въ тотъ домъ сына своего для наукъ, тотъ повиненъ за него платить Езувитамъ, которые тотъ домъ держатъ, по 9-ти шкудовъ въ мѣсяцъ. За тою платою того студента въ томъ домѣ будутъ кормить и поить, какая пища надлежитъ честнымъ людямъ, и постеля ему въ томъ домѣ будетъ изрядная, и учить его будутъ всѣмъ вышеписаннымъ наукамъ за тою же платою; а студенты въ томъ домѣ живутъ въ разныхъ палатахъ; которые лѣтъ по 10 и меньше — тѣ живутъ въ нижнихъ палатахъ, которые лѣтъ по 13 или 14, — тѣ живутъ надъ ними въ особыхъ палатахъ; которые лѣтъ по 20 — въ особыхъ же палатахъ. И такъ тѣ студенты разобраны на 6 статей. Какъ я въ томъ домѣ пришелъ въ ту палату, въ которой учатся биться на шпадахъ и знаменемъ играть, и танцовать, и черезъ лошадь скакать, въ той палатѣ для меня велѣли учители студентамъ своимъ биться на шпадахъ и знаменемъ играть, и танцовать разные танцы, и скакать черезъ лошадь, которая стоитъ въ тѣхъ палатахъ сдѣлана изъ дерева, и на ней сдѣлано сѣдло подобно нѣмецкому сѣдлу. Та лошадь сдѣлана въ мѣру лошади нѣмецкой немалой. И тѣ студенты зѣло меня удивили, какъ бились на шпадахъ и знаменемъ играли, и танцовали зѣло малолѣтніе ребятки лѣтъ по 10 или по 12, а въ наукахъ своихъ зѣло искусны, а паче удивленія достойно, какъ въ той палатѣ 4 человѣка изрядныхъ молодцовъ и честныхъ отцовъ дѣти скакали черезъ деревянную вышепомяненную лошадь, какими дивными штуками и какою легкостью, того описать подлинно невозможно. Потомъ я въ томъ домѣ ходилъ по тѣмъ палатамъ, въ которыхъ тѣ студенты живутъ; въ тѣхъ палатахъ поставлены имъ всякому человѣку особая кровать и постели изрядныя, всѣ покрыты зелеными сукнами, и у

[1]) Шпаги и кинжалы.

всякой кровати особая завѣса зеленая жъ. Въ тѣхъ же палатахъ поставлены длинные столы, на которыхъ тѣ студенты играютъ для забавы мячами. Потомъ пришелъ въ ту палату, въ которой тѣ всѣ вышеупомянутые студенты ѣдятъ; въ той палатѣ поставлены столы многіе, на которыхъ постланы скатерти изрядныя бѣлыя и тарелки, и ножи съ вилками и ложки — все чистое изрядное, также полотенца бѣлыя всегда. И какъ я изъ тѣхъ палатъ сошелъ на дворъ, и на дворѣ вышеписанные студенты, которые того дни скончили алекціи, играютъ великими мячами по обыкности Итальянской. И какъ я съ того двора пошелъ, и меня Езувиты и студенты съ почтеніемъ и съ любовью проводили.

Толстой управляетъ кораблемъ на пути въ Мальту. И такъ мы того дни до ночи и три часа ночи шли на греблѣ, а въ 4-мъ часу ночи припалъ намъ вѣтръ недобрый великій, однакожъ къ Мальту способный, и мы на филюгѣ своей, поднявъ два паруса, побѣжали. А въ той ночи зѣло было пасмурно, и звѣздъ видѣть было невозможно, и которую звѣзду потребно было намъ видѣть, ту звѣзду заслонило тучею, и видѣть намъ ее было невозможно; а патронъ, т.-е. начальникъ филюгѣ нашей, во мракѣ ночномъ съ праваго пути мало посбился, что я видѣвъ, довольно съ нимъ говорилъ въ противность и мнилъ то, что онъ то дѣлаетъ съ лукавства и хочетъ меня завесть въ Барбарію, т.-е. въ Арапы. Потомъ тотъ патронъ позналъ самъ, что не такъ ѣдетъ, какъ надлежитъ ѣхать къ Мальту, и просилъ меня о томъ, чтобъ я путь филюги своей управлялъ. И за помощію Божіею управился нашъ путь къ Мальту добро, и во всю ночь бѣжали мы на двухъ парусахъ, до самаго свѣту, и на первомъ часу Іюля 19-го числа увидѣли передъ собою Мальтійскій островъ. За что меня патронъ филюги нашей зѣло благодарилъ, что управился путь нашъ прямо къ Мальту. Въ томъ же часѣ, не доѣзжая до Мальту за десять или больше миль Итальянскихъ, съѣхались мы съ турецкимъ великимъ кораблемъ и увидѣли его отъ себя въ дальнемъ разстояніи и не познали: чаяли, что тартана христіанская изъ Мальту идетъ. А турки съ того корабля, увидѣвъ нашу филюгу, поворотили парусы къ намъ, а вѣтръ былъ имъ на насъ мало способный; и какъ тотъ корабль набѣжалъ на насъ близко, и мы, увидѣвъ, что то корабль, а не тартана, и суть непріятельскій, почали мы подаватися къ Мальту; а тотъ корабль почалъ за нами правиться и угонять насъ, и гнался за нами

три часа съ лишкомъ, перенимая намъ дорогу къ Мальту. И мы, видѣвъ, что тотъ корабль насъ угоняетъ и къ Мальту мы отъ него уже идтить не можемъ, вскорѣ на филюгѣ своей парусы переворотили подъ вѣтеръ, и почали маринеры грести веслами и пошли тому кораблю въ противность, умысля то, чтобъ намъ тотъ корабль проплыть вскорѣ за вѣтеръ. И такъ, при помощи Божіей, встрѣчу того корабля ѣхавъ, проминули его зѣло въ близости. И какъ увидѣли Турки, что филюга наша пришла противъ ихъ корабля въ мѣру пушечной стрѣльбы, начали стрѣлять изъ пушекъ, а потомъ, какъ еще болѣе поравнялись мы съ кораблемъ ихъ, и они стрѣляли изъ мелкаго ружья по насъ; однакожъ Господь Богъ насъ пощадилъ: никого не убили и не ранили. И какъ увидѣли Турки, что мы корабль ихъ проминули за вѣтръ и не могутъ они намъ ничего учинить, паче жъ пригнались за нами въ Турино, близко самаго Мальту и, опасшись, чтобъ отъ Мальту не было на нихъ какихъ людей, скоро отъ насъ поворотились и побѣжали въ море; а мы, невидимою силою Божіею свободясь отъ тѣхъ псовъ бусурманъ, пріѣхали въ Мальтъ въ добромъ здоровьѣ.

Феррара. Памятникъ папѣ[1]). Есть въ Ферарѣ палаты великія и зѣло высокія; въ томъ же городѣ есть одна площадь великая, около той площади вокругъ поставлены столбы низкіе каменные, столбъ отъ столба сажени по три, и по тѣмъ столбамъ по верхамъ подѣланы пробои желѣзные толстые, и въ тѣ пробои проняты чѣпи желѣзныя нетонкія, и вся та площадь тѣми чѣпьми отъ столба до столба обвѣшена, чтобъ невозможно было никому по той площади въ каретѣ или въ телѣгѣ или верхомъ проѣхать. И растетъ на той площади трава великая, а посреди той площади поставленъ одинъ великій столбъ каменный бѣлый, зѣло высокъ и толстъ, изъ одного камени высѣченъ, круглый, изрядною рѣзною работою сдѣланъ; на верху того столба сдѣланы изъ того жъ камени кресла изрядныя, и въ тѣхъ креслахъ посажена персона папы Римскаго, высѣченная изъ камени предивною работою; и кругомъ того столба поставлены также низкіе столбы каменные жъ, по которымъ также подѣланы пробои и повѣшены чѣпи желѣзныя, чтобъ никто близко того столба пройтить не могъ, а сдѣлано то все для почтенія персоны папиной.

---

[1]) Папой, во время путешествія Толстого, былъ Иннокентій XII.

Письмо Головина. Октября въ 25-й день. Прислалъ ко мнѣ съ Москвы письмо бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, а въ немъ пишетъ: «Государь мой Петръ Андреевичъ, здравіе твое да сохранитъ Господь во вѣки, чего я истинно желаю; а о себѣ тебѣ, мой государь, извѣствую, что за помощію Божіею живъ на Москвѣ, Сентября въ 29-й день. Еще милости твоей извѣстно чиню, что указано всѣмъ стольникамъ, которые познали науку, быти къ Москвѣ изъ Венеціи и изъ Амстердама и, если воля твоя буде, изволь ѣхать безъ опасности. Ѳедька Головинъ. Съ Москвы, Сентября въ 29-й день».

---

6. Поѣздка графа А. А. Матвѣева въ Парижъ. (1705 г.)

Ближній окольничій и намѣстникъ ярославскій, Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, сынъ боярина Артамона Сергѣевича, знаменитаго «западника», выросъ въ очень просвѣщенной семьѣ и получилъ выдающееся для своего времени образованіе; онъ зналъ иностранные языки, говорилъ по-латыни; европейцы отмѣчали его образованность. Матвѣевъ былъ полномочнымъ русскимъ посломъ при Голландскихъ Статахъ (1699—1712 гг.) и при австрійскомъ дворѣ (1712—1715 гг.). Въ 1715 году возведенъ въ графское достоинство. 5-го сего сентября 1705 года онъ былъ посланъ Петромъ I въ Парижъ инкогнито для заключенія съ Франціей торговаго договора, впрочемъ, не состоявшагося.

А. А. Матвѣевъ былъ въ Парижѣ въ царствованіе Людовика XIV, въ то время, когда все, что было родовитаго, блестящаго и богатаго, было стянуто въ столицу Франціи. Жизнь этого общества поразила Матвѣева настолько, что затмила его впечатлѣніе отъ бѣдности самой страны, по дорогѣ имъ внесенное въ дневникъ. Безправія французскаго общества, произвола и несправедливости въ управленіи, которые такъ рѣзко бросились въ глаза позднѣе Фонвизину, Матвѣевъ не только не замѣчаетъ, но даже усиленно восхваляетъ свободу и законность французскаго строя. Это, конечно, объясняется не только различіемъ двухъ путешественниковъ, но и разницей требованій и понятій, далеко ушедшихъ впередъ къ концу XVIII вѣка сравнительно съ его началомъ.

Онъ съ увлеченіемъ разсказываетъ о жизни большого парижскаго свѣта, объ изящной любезности этого общества, о той свободѣ, которой пользуется женщина во Франціи, о привѣтливости и изяществѣ ея обращенія, объ отсутствіи мѣстничества, о мягкости воспитанія дѣтей; онъ пораженъ образованностью парижанъ и въ то же время съ удовольствіемъ отмѣчаетъ тѣ внѣшнія отличія, которыя присвоены французской знати.

Наблюдая увлеченіе Матвѣева, невольно сопоставляешь его съ словами мемуариста XVIII вѣка Болотова: «Всѣ, не только знатные и богатые, но и самаго посредственнаго состоянія люди

восхотѣли ѣсть на серебрѣ, и всѣ затѣвали дѣлать себѣ серебряные столовые сервизы». Или слова историка кн. Щербатова: «Вкусъ умножился, подражаніе роскошнѣйшимъ народамъ возростало, и человѣкъ дѣлался почтенъ по мѣрѣ великолѣпности своего житія».

Впечатлѣнія Матвѣева даютъ ясно понять, отъ чего кружилась голова у нашихъ послѣдующихъ путешественниковъ въ Парижъ, отчего въ XVIII вѣкѣ русское высшее общество такъ увлечено было внѣшнимъ подражаніемъ европейскому великолѣпію. У Матвѣева еще замѣтно удивленіе человѣка допетровской Руси, привыкшаго жить расчетливо и уважать бережливость и пораженнаго возможностью бросать цѣлыя богатства на невиданное имъ великолѣпіе.

Его описаніе своей аудіенціи у короля Людовика XIV рисуетъ довольно живо и самого короля, и передъ нимъ русскаго дипломата того времени.

Гентъ. Въ томъ же городѣ, на большомъ рынку, который называется новой торгъ, на великомъ пирамиду, или столбѣ, довольной величины стоитъ подобіе Карола V, цесаря римскаго, въ коронѣ и съ скипетромъ, съ его изваяно лица (какъ слышится), мѣдное, вызолочено на красно.

Тотъ цесарь родился, по описанію историковъ достовѣрныхъ, въ семъ же городѣ и крещенъ въ катедральной или соборной великой церквѣ 1500 году февраля 25 дня. Онъ родился на принцевомъ гофѣ въ малой самой каморѣ, которая до нынѣ невредима стоитъ, украшена изрядными рѣчьми всѣхъ въ его цесарскую жизнь славныхъ бывшихъ побѣдъ и дѣлъ. Въ той же каморѣ написано подъ камнемъ латинскими литерами, что въ день св. Матвея въ малой же каморѣ рожденъ Каролъ пятый.

Въ томъ же городѣ 600 улицъ и 50 площадей торговыхъ. Здѣсь бискупъ правительствуетъ надъ катедральнымъ костеломъ. Тотъ костелъ имѣетъ премножество въ себѣ алтарей и древнихъ живописныхъ иконъ неоцѣненнаго художества и подъ первыми алтарями преславной работы въ мѣру человѣческую изваянныя страсти Спасителя, снятіе Его со креста и положеніе во гробъ. Въ костелѣ бискуповъ гробы, надъ которыми подобія ихъ изъ бѣлаго мрамора изваяны весьма хитрымъ художествомъ, каковы они въ жизни своей обреталися.

Посолъ былъ въ кляшторѣ монахинь закона св. Елизаветы, которыхъ въ той обители до 900 обрѣтается. Носятъ покрывала бѣлыя и ходятъ въ черномъ платьѣ. Во время вечерни они съ органами пѣли, и сладости голосовъ ихъ описать невозможно. Правило имѣютъ не тяжкое и могутъ выхо-

дить безъ удержанія свободно замужъ, если не похотятъ въ томъ законѣ больше быть.

Отъ французскаго города Мелле по пути по обѣимъ сторонамъ селы великія и жилыя, и въ нихъ вездѣ костелы и каменные старинные, по поселянство въ тѣхъ селахъ, отъ поборовъ королевскихъ изнуренное, въ конечной пребываетъ скудости, лошади, и ослы, и скотъ гораздо мелокъ...

Парижъ. Аудіенція у короля. Въ 28 день посолъ обослался изъ Парижа въ Фонтенебло, чрезъ дворянина Ивана Зотова, тогда въ Парижѣ обрѣтавшагося, королевскаго величества французскаго съ стацкимъ министромъ, секретаремъ королевскимъ чужестранныхъ дѣлъ, съ господиномъ съ маркизомъ де Торціемъ, требуя прилежно королевскаго дозволенія и указа, когда на пріѣздъ и гдѣ у его высокоупомянутаго величества быть г. послу. Тотъ министръ по обсылкѣ его посольской учинилъ отповѣдь черезъ дворянина Зотова, что король, его государь, во время своего бытія въ Фонтенебло не забавляется въ дѣлахъ звычайныхъ, развѣ въ самыхъ нужныхъ совѣтахъ войны или своего государства; къ тому же за нѣкоторою его большею болѣзные времени не достаетъ.

И этотъ пріятный совѣтъ имѣетъ г. посолъ за нѣкоторый видъ королевской воли, хотя онъ (т.-е. французскій министръ) и собою говоритъ, что его превосходительству не есть случай нынѣ пріѣхать въ Фонтебло...

По возвращеніи королевскомъ изъ Фонтебло до Версаліи и, по обсылкѣ посольской вновь съ маркизомъ де Торціемъ, назначена ему, послу, яко инкогнито присланному, отъ короля аудіенція приватная сего октября въ 25 день въ Версаліи. По назначенію тому прибылъ посолъ изъ Парижа въ Версалію и введенъ былъ отъ вышепомѣнованнаго стацкаго секретарія къ королю въ самой его королевской внутренній кабинетъ, гдѣ его величество, кромѣ принцевъ высокихъ и посла, никому приватныхъ аудіенцій по тотъ часъ не давывалъ и гдѣ всегда отъ него, короля, тайные совѣты отправляются. То введеніе послу было отъ него стацкаго секретарія безъ всякихъ публичныхъ церемоній, для того, что онъ, посолъ, присланъ былъ къ королю инкогнито.

Въ кабинетѣ его королевское величество стоялъ при столѣ у окна въ кафтанѣ французскомъ суконномъ темно-лимонного цвѣту, [illegible] золотомъ, безъ шляпы. Внедши и учиня его величеству посолъ по чину европейскому три обычайные поклона въ поясъ, отправлялъ послѣдующую

рѣчь, въ которое время король стоялъ (въ черновой рукописи рѣчи не записано). По отправленіи посольской рѣчи Его Царскаго Величества грамоту присланную выслушавъ, посолъ ему, королю, подалъ.

Онъ съ великою склонностью той рѣчи выслушавъ, не только почтенно, но зѣло пріятельски къ себѣ присланную грамоту у посла самъ изъ его рукъ принялъ съ прямымъ дружескимъ видомъ. Потомъ его королевское величество изволило само ему, послу, говорить, что отъ Его Царскаго Величества та къ нему его, посла, посылка зѣло есть угодна и что онъ все учинитъ къ царской угодности такъ, что въ его возможности будетъ. Также и о особѣ посольской особливо сказалъ король себя быть весьма удовольствованна.

При той аудіенціи, во время рѣчей королевскихъ, титла достойная Его Царскаго Величества съ высокимъ почтеніемъ всегда упоминалась и въ отвѣтахъ маркиза де Торція. Также этотъ министръ при самой бытности королевской въ ту аудіенцію послу давалъ въ своихъ и отъ короля въ словахъ почтеніе превосходительства, какъ то посломъ публичнымъ отдается, безъ всякой разности, хотя онъ, посолъ, присланъ тогда инкогнито.

Король есть великаго роста, дебелости изрядной и умѣренной, глазъ остроту и въ словахъ зѣло ласковъ, учтивъ и пріятенъ; говоритъ громко и склонности много (зачеркнуто потомъ: «великой ко всѣмъ»). Имѣлъ тогда 67 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, однако гораздо еще бодраго состоянія въ здравіи своемъ находится. Великое воздержаніе въ яствахъ и питіѣ имѣетъ и всегда для осторожностей состоянія своего на вся мѣсяцы принимаетъ лекарства; также и для обученія плоти повседневно ѣздитъ на свои охоты и забавы въ ближайшія селы.

Онъ, король, приписуетъ себѣ именованіе Людовика великаго за свои счастливыя дѣла, преславныя побѣды и чрезвычайныя благополучія въ дѣлахъ при правленіи монархіею, какъ въ его королевствѣ, такъ и по всей Европѣ...

Парижское общество. Никоторое государство, какъ Франція, не имѣетъ такого многаго числа и изрядства въ Европѣ каретъ и убору богатаго на лошадяхъ и работою и внутреннею и внѣшнею, богато учрежденною въ каретахъ. Не только высокія особы, или шляхетство, но и купечество богатое употребляютъ кареты и если со фіакрами или извозчиками наемными ихъ исчислять, то можетъ число состоять изъ 25.000 каретъ.

Принцы и дюки Франціи высокихъ фамилій имѣютъ въ домѣхъ своихъ балдахины и, кромѣ ихъ, того употреблять никто не можетъ. Уборства велеможность въ домѣхъ великихъ и посредственныхъ высокопляхетныхъ особъ и у самаго парижскаго купечества — многоцѣнные тапеты (tapis) или живописныя подобія тканыхъ ковровъ, великихъ мѣръ въ три аршина зеркала многоцѣнныя, живописныя картины дивныхъ художествъ, шкафы, шкатулы, часы и паникадилы изъ самаго точенаго свѣтлаго хрусталя... превосходятъ всѣ страны европейскія. И всякій уборъ къ потребѣ лучшей человѣчества имѣютъ преславной, а наипаче любятъ хинскія (chinoiserie) вещи и персидскія, и... извоянныя мѣдныя подобія человѣческія, какъ бы живыя видятся...

Чистота столовъ и уборства, порядокъ въ ѣствахъ, вкусъ сладостей ихъ и богатство сервизовъ, или посуды серебряной... не примѣнна ни которымъ народамъ. Повары, по искуству въ стряпаньѣ ѣствъ всякихъ, имѣютъ превосходительство изо всей Европы и ихъ всегда всѣ народы тщательно употребляютъ у себя въ свою службу. Множество столовыхъ имѣютъ уборовъ, большихъ серебряныхъ тарелокъ или блюдъ, и не только изъ высокихъ особъ всегда держатъ тамъ серебряный сервизъ, но и купечество знатное парижское повсевременно ѣдятъ на серебрѣ.

Въ томъ государствѣ лучшее всѣхъ основаніе есть, что не властвуетъ тамъ зависть: къ тому же король самъ веселится о томъ состояніи честныхъ своихъ подданныхъ, и никто изъ вельможъ ни малѣйшей причины, ни способа не имѣетъ даже послѣднему въ томъ королевствѣ учинить какова озлобленія или нанесть обиду. Всякой изъ вельможъ смотрѣть себя долженъ и свою отправлять должность, не вступая до того, въ чемъ надлежитъ державѣ королевской. Ни король, кромѣ общихъ податей, хотя самодержавный государь, никакихъ наплованій не можетъ, особливо же ни съ кого взять ничего, развѣ по самой вишѣ свидѣтельствованной противъ его особы въ погрѣшеніи смертномъ, по истинѣ разсужденной отъ парламента: тогда уже по праву народному, не указомъ королевскимъ, конфискаціи, или описи, пожитки его (виновнаго) подлежать будутъ. Принцы же и вельможи ни малой причины до народа не имѣютъ и въ народныя дѣла не вмѣшиваются и отъ того никакую тѣсноту собою чинить николя никому не могутъ. Къ сему же всѣ вельможи дачами отъ короля самого довольствованы годовыми. Смерт-

ный законъ имѣютъ о взяткахъ народныхъ и о нападкахъ на него.

О обученіи вельможескихъ дѣтей. Всей Франціи высокихъ фамилій дѣти, отъ самыхъ юностныхъ ногтей, имѣютъ воспитаніе зѣло изрядное, поученіе въ разныхъ языкахъ и во всѣхъ свободныхъ наукахъ, особливо же въ математикѣ, географіи, геометріи, ариѳметикѣ, въ воинскихъ обученіяхъ и конной ѣздѣ, на что имѣютъ учрежденныя въ Парижѣ великія академіи, и потомъ въ танцахъ и пѣніи и разныхъ музыкахъ.

Особливо же женской полъ высокородныхъ фамилій — изрядствомъ голосовъ, и игрою музыкъ на всякихъ разныхъ инструментахъ, и открытостью любительныхъ своихъ и добронравныхъ поступокъ, особливо же ко иностраннымъ, — превосходитъ всѣ европейскіе народы.

По истинѣ съ несказаннымъ удивленіемъ достойно упоминать, что ни едина особа и мужеска и женска пола изъ благородныхъ фамилій французскихъ найтися не можетъ, которая бы вышеобъявленныхъ обученій по своему честному воспитанію не обучена была. Больше же всего тотъ порядокъ въ семъ народѣ хваленъ есть, что дѣти ихъ никакой косности, ни ожесточенія отъ своихъ родителей, ни отъ учителей не имѣютъ, но отъ добраго и остраго наказанія словеснаго, паче, нежели отъ побоевъ, въ прямой волѣ и смѣлости воспитываются, и безъ всякой трудности вышеобъявленнымъ своимъ обучаются наукамъ.

Ни самой женской полъ во Франціи никакого зазору отнюдь не имѣетъ во всѣхъ честныхъ обращаться поведеніяхъ съ мужескимъ поломъ, какъ бы самые мужи, со всякимъ сладкимъ и человѣколюбнымъ пріемствомъ и учтивостью. Особенно же высокихъ фамилій дамы между собою повседневно съѣзжаются и, имѣя музыки, сами на нихъ играютъ беззазорно и поютъ, куда свободно, не токмо особъ чинныхъ изъ господъ французовъ, но и изъ иностранныхъ свободно есть пріѣздъ съ ними веселиться, что онѣ за честь еще и за увеселеніе вмѣняютъ.

Въ то же время, какъ вышеупомянутый госолъ былъ, въ обычай вошло поведеніе, что самые принцы и принцессы королевской крови, именно его королевская высокость дюкъ де Орлеанъ, и мадамъ принцесса дю Мейнъ и иные, оперу и комедію сами въ своихъ особахъ отправляли въ своихъ дворѣхъ при собраніи только своихъ ближнихъ и при надворныхъ людѣхъ своего дома.

Также и высокихъ фамилій господа и госпожи въ домѣхъ своихъ, дѣлая театры, тоже чинили для обученія лучшаго и беззазорнаго себѣ пѣнія, музыки и танцевъ, особливо же для изрядnаго изрѣченія языка французскаго, имѣя при себѣ молодыхъ мужеска и женска полу дѣтей, изъ чего они благовременный и полезный случай себѣ получаютъ по всякому искусству своему изъ такой изрядной свободы.

У всѣхъ принцессъ крови королевской, а именно: у мадамъ принцессъ де Конде, де Конти, дю Мейнъ дюшессы, и потомъ у иныхъ принцессъ и дюшессъ: де Бульонъ, де Люксенбургъ, де Шатильонъ и у прочихъ мадамъ марешаль Франціи бываютъ собранія (какъ по французски называются ассанбле), въ которыя честнымъ изъ значительныхъ, какъ изъ французовъ, такъ и изъ иностранныхъ, особамъ входить не возбранено, безъ всякаго расположенія въ мѣстѣхъ, гдѣ и самые послы («и принцы» приписано съ боку) и прочіе министры чужестранные николи не встерегаются мѣстъ и всѣ въ одномъ обществѣ обращаются: ни встрѣчь, ни проводовъ тамъ никому не бываетъ.

Въ тѣ собранія бываетъ музыка и танцы и игры въ карты, которыя у дамъ французскихъ зѣло любятся и въ обычай вошли непрерывно. Особенно же изъ нихъ вельми убыточная, коя называется базетъ, лацкенетъ, фанфароонъ (pharaon?) и иныя, хотя уже многажды публичнымъ королевскимъ указомъ были тѣ игры заказаны, однако же въ домѣхъ министровъ иностранныхъ бываютъ, которыя за ихъ характерами (т.-е. по должности) королю запретить имъ нельзя, для того туда всѣ дамы и господа съѣзжаются.

Если же кто не играетъ въ карты, то свободенъ есть въ то время съ кѣмъ ни есть и разговаривать безъ всякаго подозрѣнія.

Особливо же такія баловъ забавы бываютъ и съ музыкою и съ танцами отправляются въ Парижѣ и во всей Франціи во время карнавала, который зачинается отъ февраля съ первыхъ чиселъ и продолжается до 15 или 16 числа. Тогда тѣ балы двоякіе имѣютъ себѣ вида: одни въ особахъ своихъ дозволяется входить въ тѣ домы, а другіе съ машкарами, въ которыхъ подъ машкарами высокіе принцы и послы, за люди скрывся, безъ объявленія своего имени и особъ могутъ ходить, танцовать и уѣзжать. Тѣ балы во время карнавалу по многимъ домамъ въ Парижѣ отправляются, какъ у вельможъ французскихъ, такъ и у министровъ чужестранныхъ.

и на одинъ день по 30 и по 40 баловъ по домамъ бываетъ съ великими учрежденіями и въ одеждахъ уборныхъ и пребогатыхъ разныхъ модъ, особливо же въ богатствѣ многоцѣнныхъ клейнотовъ у дамъ и мадмузель (написанное прежде слово «дѣвицъ» зачеркнуто) благоурожденныхъ фамилій.

Во время отправленія баловъ тѣхъ иждивеніе великое бываетъ въ свѣчахъ восковыхъ, бѣлаго воску, потому что въ паникадилахъ, которыхъ особенно заваживаютъ въ Парижѣ изъ многоцѣннаго точенаго хрусталя, употребляютъ и вездѣ по палатамъ въ шандалахъ премного ставятъ для всякой свѣтлости. При тѣхъ балахъ потчиваютъ разными конфекты, фрукты и винами, около всѣхъ круговъ, гдѣ кто сидитъ, на великихъ серебряныхъ мисахъ. Тѣ балы бываютъ отъ 5 и до 6 часовъ пополуночи.

7. Гисторія о россійскомъ матросѣ Василіи.

«Гисторія о россійскомъ матросѣ Василіи Коріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Ираклiи Флоренскія земли» представляетъ одну изъ тѣхъ рукописныхъ повѣстей, которыя были любимымъ чтеніемъ для средняго русскаго читателя XVIII вѣка. Это обыкновенно — переводные рыцарскіе романы или «романы приключеній»; какъ извѣстно, они появляются на Руси еще до Петра и нѣкоторые изъ нихъ пользуются уже тогда извѣстностью (Бова, Петръ Златые ключи, Францыль Венеціанъ). Петровская эпоха не убила этой литературы, напротивъ, она разрастается въ XVIII вѣкѣ: къ прежнимъ переводамъ присоединяется множество новыхъ, появляются оригинальныя попытки или передѣлки въ томъ же духѣ, «гисторіи» переходятъ изъ верхнихъ круговъ общества въ средній служилый классъ, къ купцамъ, посадскимъ людямъ и подъячимъ. Даже способы распространенія этихъ книгъ остаются прежніе: онѣ переписываются и продаются на рынкахъ. Эта рукописная литература (она далеко не ограничивалась однѣми повѣстями) составляетъ связь допетровской Руси съ XVIII вѣкомъ: въ то время, какъ официальная литература, придворная или академическая, усвоивала новыя европейскія формы, большинство читателей питалось своей рукописной, въ которой было больше связи съ прежними вкусами и интересами. Кантемиръ пророчитъ своимъ стихамъ, что они будутъ, забытые, «гнусно лежать, въ одинъ свертокъ свиты, иль съ Бовою иль съ Ершомъ»; Сумароковъ съ ироніей говоритъ, что трудно ждать развитія литературы, когда публика склонна прямо послѣ складовъ браться за Бову и за Петра златы ключи. Наконецъ, Чулковъ въ своемъ журналѣ «И то и сьо» 1769 г. пишетъ, что одинъ знакомый его подьячій кормился перепиской разныхъ исторій, которыя продаются на рынкахъ, какъ, напр., ««Бова Королевичъ,

Петръ Златыхъ ключей, Еруслanъ Лазаревичъ, о Францѣ Венеціянинѣ, о Геріонѣ, о Евдонѣ и Берфѣ, о Арсасѣ и Размѣрѣ, о Россійскомъ дворянинѣ Александрѣ, о Фролѣ Скобѣевѣ, о Борбосѣ-разбойникѣ и прочія весьма полезныя исторіи. И сказывалъ онъ мнѣ, что уже сорокъ разъ переписалъ исторію Бовы Королевича, ибо на оную бываетъ больше походу, нежели на другія такія драматическія сочиненія». Въ этомъ перечнѣ ходячихъ повѣстей приблизительно половина старыхъ, извѣстныхъ съ XVIIв.[1]).

Въ этой литературѣ было свое движеніе и развитіе; она слѣдовала за ходомъ жизни и отражала на себѣ смѣну событій и вкусовъ. Примѣръ тому даетъ данная здѣсь «Гисторія о россійскомъ матросѣ Василіи».

Она не можетъ считаться вполнѣ самостоятельнымъ русскимъ произведеніемъ; въ основѣ ея лежитъ переводная повѣсть «О гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ и гишпанской королевнѣ Елеонорѣ», но многія подробности, повидимому, создались самостоятельно, на русской почвѣ.

Въ этой исторіи повсюду чувствуется Петровская эпоха: Петербургъ, Кронштадтъ, Голландія, Флоренція, избраніе матроса въ герои, отправка молодыхъ людей учиться за границу, пушечная пальба при въѣздѣ корабля въ гавань, переводъ денегъ изъ Голландіи «чрезъ вексель», самое названіе Россіи—«Россійской Европіей» (нѣчто въ родѣ Европейской Россіи) — все это прямо отражаетъ и интересы Петровскаго времени и усиленіе западнаго вліянія.

Основная идея повѣсти кореннымъ образомъ отличается отъ воззрѣній допетровской Руси. Если XVII вѣкъ горячо защищалъ мысль, что только подъ родительскимъ кровомъ и подъ родительскимъ руководствомъ человѣкъ можетъ быть благополученъ, а въ повѣсти «Горе-Злочастіе» показалъ, какъ злая судьба будетъ преслѣдовать смѣльчака, который отважится, взявъ родительское благословеніе, жить своимъ умомъ-разумомъ, то повѣсть о Василіи Коріотскомъ заключаетъ въ себѣ иной смыслъ: XVIII в. даетъ намъ въ подобномъ же случаѣ повѣсть не о горѣ, а о полномъ счастьѣ. Это уже побѣда новыхъ вѣяній; освобожденіе личности въ XVIII вѣкѣ. Если XVII вѣкъ и выводилъ иногда удачниковъ на свой собственный страхъ, то это были сомнительныя личности, ловкіе проходимцы — въ родѣ Фрола Скобѣева: интересъ повѣсти заключался въ продѣлкахъ плута. Въ исторіи о Василіи Коріотскомъ выведенъ уже даровитый, предпріимчивый, честный и толковый человѣкъ, который, взявъ благословеніе отъ своего очень почтеннаго родителя-дворянина, отважно пускается искать счастья даже за предѣлы Россіи — ему все удается: онъ стано-

[1]) Общее число такихъ повѣстей, обращавшихся въ XVIII вѣкѣ въ рукописяхъ, превышаетъ сотню, а мы еще не знаемъ ихъ всѣ. Замѣтимъ, что странное названіе этихъ повѣстей драматическими не лишено смысла: многія изъ нихъ, оказывается, передѣлывались въ «комедіи» или «дѣйства». Такъ, есть извѣстіе, что актеръ Ф. Г. Волковъ обратилъ въ драму повѣсть о Евдонѣ и Берфѣ (она же «о разбойникѣ Борбосѣ»), была въ драматической формѣ повѣсть «о Колесандрѣ царевичѣ Греческомъ»; недавно найдено «дѣйство» о Петрѣ Златые ключи (Изв. Акад. Наукъ, т. X, кн. I и т. XI, кн. IV).

вится знатнымъ, богатымъ, ближайшимъ другомъ генераловъ, «цесарей» и королей — и даже въ концѣ концовъ самъ дѣлается королемъ Флоренской земли.

Хотя разбойники съ атаманомъ и эсауломъ представлены еще на старинный ладъ, но разбой уже чуждъ Василію, онъ его тяготитъ.

Въ повѣсти есть и любимые старинные русскіе мотивы: «родительское благословеніе» для героя еще не утратило своего допетровскаго значенія, и для полученія благословенія отъ отца онъ неудержимо стремится изъ Голландіи на родину. Въ повѣсти есть характерный, повторяющійся въ сказкахъ и былинахъ мотивъ: Василій во всѣ трудныя минуты жизни засыпаетъ «крѣпкимъ сномъ».

Наивность въ разработкѣ интриги и психологіи дѣйствующихъ лицъ и элементы будущаго сентиментализма въ родѣ пѣнія Василіемъ аріи съ аккомпанементомъ арфы, даютъ понять, какимъ большимъ шагомъ впередъ въ этихъ отношеніяхъ была впослѣдствіи, напр., повѣсть Карамзина; эта примитивность художественныхъ пріемовъ исторіи о Василіи Коріотскомъ и ея близость въ нѣкоторыхъ эпизодахъ къ сказкамъ заслуживаютъ вниманія, какъ одна изъ первыхъ ступеней въ развитіи нашей повѣсти.

Въ Россійскихъ Европіяхъ нѣкоторый живяше дворянинъ, имяше имя ему Іоаннъ, по малой фамиліи Коріотской. Имѣлъ у себя сына Василія, лицемъ зѣло прекрасна. А оной дворянинъ (въ) великую скудость пріиде и не имѣяше у себя пищи. Во едино же время оной его сынъ рече отцу своему: «Государь мой батюшко! Прошу у тебе родительскаго благословленія, изволь мене отпустить въ службу, — то мнѣ будетъ въ службѣ даваться жалованья, отъ котораго и вамъ буду присылать на нужду и на прокормленія». Выслушавъ же отецъ его и даде ему благословленіе, отпустя отъ себя. Василій же, взявъ отъ отца своего благословленіе, пріиде въ Санкпетербурхъ и записался въ морской флотъ въ матросы. И отослали его на корабль по опредѣленію; на кораблѣ призываше (его) по обыкновенію матросскому зѣло нелестно и прочихъ всѣхъ матросовъ; въ наукахъ пребываше и (у) всѣхъ персонъ знатныхъ въ услуженіи полюбился, котораго всѣ любили и жаловали безъ мѣры. И слава объ немъ велика прошла за его науку и услугу, понеже онъ зналъ въ наукахъ матросскихъ велми остро, по морямъ, гдѣ острова и пучины морскія и мели, и быстрины, и вѣтры, и небесныя планеты, и воздухи. И за ту науку на корабляхъ старшимъ пребывалъ и отъ всѣхъ старшихъ матросовъ въ великой славѣ прославлялся.

Во едино же время указали маршировать и добирать младшихъ матросовъ за моря въ Галандію для наукъ

ариѳметическихъ и разныхъ языковъ; токмо онаго Василія въ старшіе не командировали съ младшими матросами, но оставленъ бысть въ Кронштатѣ; но токмо онъ по желанію своему просился, чтобъ его съ командированными матросами послать за моря въ Галандію для лучшаго познанія наукъ. По его прошенію былъ командированъ съ прочими матросами, отпущенъ за моря въ Галандію съ младшими матросами. По отбытіи изъ Кронштата, по нѣкоторыхъ дняхъ прошедшихъ, прибыли въ Галандію матросы на корабляхъ, и съ ними Василей Коріотской. Въ Галандіи учинили имъ квартеры и поставлены были всѣ младшіе матросы по домамъ купецкимъ, а ему Василію, за его услуги и за старшинство — къ знатному и богатому гостю въ домъ поставили равно (со) Штатами. И оной матросъ Василей у гостя стоялъ велми смирно и слушалъ его во всемъ. И оной галандскій гость усмотрѣлъ его въ послушаніи и въ наукахъ зѣло остра и зѣло возлюбилъ и послалъ его на своихъ корабляхъ съ товарами въ Англію, которому лучше всѣхъ своихъ прикащиковъ сталъ вѣрить и во всемъ ему приказывалъ и деньги и товары ему вручилъ.

И какъ въ Англію съ кораблями пришли, то товары по обычаю купецкому объявя всѣ и спродавъ, и принадлежащихъ въ Галандію товаровъ на корабль (взялъ) и поѣхалъ обратно,—въ которой онъ Василей посылкѣ великой прибытокъ гостю галандскому присовокупилъ такожъ и накупи всякія воспріялъ, и знатенъ былъ въ Англіи и Галандіи. Ко отцу своему въ Россію чрезъ вексель послалъ четыре тысячи ефимковъ златыхъ двурублевыхъ, которые отецъ его и получилъ, и послалъ къ нему, чтобы онъ къ нему пріѣхалъ повидаться ко отцу своему и благословленіе принять.

Затѣмъ Василій со слезами проситъ гостя отпустить его въ Россію взять благословеніе отъ отца, который «въ великой находится древности». Гость уговариваетъ Василія сначала свезти его товары во Францію; Василій ѣдетъ во Францію, съ прибылью продаетъ товаръ, привозитъ вырученное гостю, и снова настаиваетъ на своемъ рѣшеніи ѣхать къ отцу въ Россію. Гость, опечаленный, отпускаетъ его на трехъ корабляхъ съ богатыми подарками. Василій предусмотрительно зашиваетъ въ свой кафтанъ 1000 червонцевъ. По дорогѣ, во время бури, корабль, на которомъ ѣхалъ Василій, «волнами разбитъ, и люди всѣ потопоша».

Токмо Божіею помощью единаго Василея на доскѣ корабелной прибило къ нѣкоему великому острову. И отъ великаго ужеса палъ на землю яко мертвъ; а какъ волны утишилися, два корабля, видѣвше, что корабль, на которомъ

былъ Василей, разбіенъ былъ весь, и чаяли, и что и Василей утопоша въ волнахъ морскихъ, возвратишися назадъ въ Галандію и повѣдаша гостю о приключившемся несчастіи. Слышавъ же гость велми нача плакати и тужить не о корабляхъ и не о товарѣ, но о Василіи Коріотскомъ.

И какъ онъ Василей отъ великаго ужеса, лежа на островѣ, очнулся и взыде на островъ, и веліе благодареніе воздавъ Богу, что его Богъ вынесъ на сухое мѣсто живаго: «Слава Тебѣ, Господи Боже, Небесный Царю и Человѣколюбче, яко не остави мя грѣшнаго за грѣхи моя погубити, въ водахъ морскихъ погрызнутися!»

Потомъ стоящу ему на островѣ, много мысляще и осмотряюще сѣмо и овамо, въ которыя страны принесло и какой островъ; токмо хотя и много время по морямъ ходилъ, а такого острова не видалъ, понеже на ономъ островѣ великой непроходимой лѣсъ и великія трясины и болота, что отъ моря никуды и проходу нѣтъ; а уже ему ѣсть зѣло хотѣлось, и хотя у него червонцы были зашиты въ клиньяхъ въ кафтанѣ, токмо негдѣ и не у кого было (купить), и помощи ему въ нихъ никакой не было. И ходя по брегу на многія часы, усмотрѣлъ какъ бы ему куда пройтить къ жилищу и ходя нашелъ малинкую тропку въ лѣсъ, яко хожденіе человѣческое, а не звѣрское. И о томъ размышлялъ, какая та стежка: ежели пойдти, то зайдти невѣдомо куда; и потомъ размышлялъ на долгъ часъ, и положась на волю Божіею, пошелъ тою стежкою въ темный лѣсъ тридцать верстъ къ великому буераку. Видѣ великой, огромной дворъ, поприща на три, весь кругомъ стоящимъ тыномъ огороженъ. И подошелъ ко двору близко къ воротамъ,—тѣ ворота крѣпко заперты; и хотѣлъ посмотрѣть на дворъ, токмо скважины не нашелъ, и страхомъ обдержимъ и убоялся. Помышлялъ потомъ, что конечно зашелъ къ разбойникамъ, и думалъ, какъ сказаться: ежели добрымъ человѣкомъ, то убьютъ; ежели сказаться разбойникомъ, то въ разбояхъ не бывалъ. А въ томъ дворѣ великой шумъ и крикъ, и въ разныя игры играютъ. И вздумалъ сказаться разбоїйникомъ, и нача у воротъ крѣпко толкаться; то оныя услышали, въ скорости ворота отворяли и спроша(ли) его: что за человѣкъ и откуда. Видѣвъ же Василей, что разбойники и множество ихъ народа стояще и играюще въ разныя игры и музыки пьяныхъ, то отвѣтствовалъ имъ Василей: «Азъ есмь сего острова разбоїйникъ, единъ разбивалъ плавающихъ по морю».

И оныя разбойники взяша и приведоша его ко атаману. Атаманъ же, видѣвъ его молодца удалаго и остра умомъ и зрачна, лицомъ прекрасна и осанкою добра зѣло, нача его вопрошати: «чего ради пришелъ къ намъ?» Василей же рече, яко: «Единому мнѣ жити скушно, и слышавъ васъ въ семъ островѣ живущихъ и весело играющихъ, того ради къ вамъ пріидохъ и прошу, чтобъ вы меня въ товарищи приняли». И атаманъ принявъ его и опредѣлилъ къ разбойникамъ въ товарищи.

На другое утро разбойники потребовали, чтобы Василій ѣхалъ съ ними на разбой. Но онъ упросилъ ихъ отпустить его одного, ушелъ на морской берегъ, чтобы найти куда-нибудь путь отъ разбойниковъ. Не находя пути, онъ долго бродилъ по берегу, плакалъ, молился Богу и, наконецъ, «въ томъ размышленіи и великой печали уснулъ крѣпкимъ сномъ на берегу моря». Проснувшись утромъ, онъ вспомнилъ про зашитыя въ кафтанѣ деньги, и часть ихъ снесъ разбойникамъ въ видѣ добычи. Разбойники подивились и остались довольны. Это повторилось еще два раза.

Во едино же время соидошася вси разбойники и начаша думать о россійскомъ матросѣ, чтобъ его поставить во атаманы, понеже видѣвъ его молодца удалаго и остра умомъ. И пріидоша вси ко атаману къ старому и начаша ему говорить: «Господинъ нашъ атаманъ, изволь свое старшинство сдать новопріемному нашему товарищу, понеже твое управленіе къ намъ худо; изволь съ нами быть въ рядовыхъ, и которая паша казна, изволте съ рукъ сдать». Тогда атаманъ имъ отвѣщалъ: «братцы молодцы, буди по волѣ вашей». И вси единогласно россійскому матросу Василею рѣша: «Буди намъ ты атаманъ, изволь нашу казну всю принять и нами повелѣвать». Тогда отвѣща имъ Василей: «Братцы молодцы, пожалуйте оставте меня отъ такого дѣла, понеже я атаманомъ не бывалъ; радъ бы съ вами въ товарищахъ быть, а атаманскаго управленія не знаю». И нача предъ ними горко плакати, разбойники же, его зѣло видя плачущаго, вси яко звѣри единогласно россійскому матросу Василію рѣша: «Буди ты намъ атаманъ, изволь нашу казну всю принять и нами повелѣвать». Отвѣща къ нимъ Василей: «Братцы молодцы, пожалуйте оставте мене отъ такого дѣла, понеже я атаманомъ не бывалъ, радъ бы съ вами въ товарищахъ быть; атаманскаго управленія не знаю».

И нача предъ ними горко плакати: разбойники же, видѣвше его зѣло плачуща, вси яко люты звѣри единогласно закри-

чали: «Ежели ты атаманомъ быть не желаешь, то сего часу мы тебе изрубимъ въ пирожныя части». Видѣвъ же Василей зѣло убояшеся, чтобъ отъ нихъ не быть и вправду убиту, глаголя имъ: «Буди по воли вашей; токмо прошу васъ: будите во всемъ меня послушны». Тогда вси единогласно рѣша: «Господинъ нашъ атаманъ, во всемъ слушать будемъ». И старой атаманъ отдаде ему ключи и поведе его по погребамъ. Видѣвъ же Василей казны многое множество, злата и серебра и драгихъ каменіевъ, и всякихъ драгихъ парчей, яко умомъ человѣческимъ не возможно описать всѣ суммы; и оную всю сумму принялъ, и ключи Василію отдали и стали его поздравлять: «Здравствуй, нашъ господинъ атаманъ, на многія лѣта!» И нача пити и веселитися про его здравіе и во всякія игры играть. Потомъ рѣша ему: «Господинъ атаманъ, изволь съ нами идти до нѣкотораго чулана». И какъ къ тому чулану пріидоша и ключи ему даша отъ него, точію рѣша ему: «Господинъ атаманъ, изволь ключи принять, а безъ насъ во оной чуланъ не ходить; а ежели безъ насъ станешь ходить, а свѣдаемъ, то тебѣ живу не быть». Видѣвъ же Василей оной чуланъ устроенъ зѣло изрядными красками и златомъ украшенъ, и окны сдѣланы въ верху онаго чулана, и рече имъ: «Братцы молодцы, изволте вѣрить, что безъ васъ ходить не буду и въ томъ даю свой пороль».

И въ то время прибѣжалъ отъ моря есаулъ, и разбойники сказали ему, что «у насъ атаманъ новой». И онъ, подошедъ къ нему, отдалъ поклонъ и сталъ его поздравлять и говорить ему: «Господинъ атаманъ, изволь сего часу отправлять всѣхъ молодцовъ на добычу, понеже по морю четыре корабля купецкіи изъ Ландона плывутъ».

Тогда новый атаманъ Василей крикнулъ великимъ гласомъ: «Молодцы удалые, во фрунтъ!» И вси разбойники — единымъ окомъ мгнуть — всѣ во фрунтъ стали, и Василей нарошно предъ ними, якобы что знаетъ волшебное, взявъ два замка большіи, привезалъ къ ногамъ своимъ и около всѣхъ разбойниковъ обѣжалъ, заговаривая имъ оружія, нога объ ногу замками постукалъ и, обошедъ ихъ, поклонился и выставилъ бочку вина, всѣмъ по ковшу поднесъ. Тогда вси разбойники между собою рѣша: «Хорошъ, братцы, нашъ атаманъ новой, лучше стараго; мы сами видимъ и знаемъ, что замками крѣпко заговариваетъ, и для бодрости по чарки вина поднесъ; а старой атаманъ былъ дуракъ; какъ и былъ

въ атаманахъ, заговоровъ не зналъ и во отпускахъ намъ никогда вина пить не давалъ». И весма во отпускѣ имъ полюбился. И поѣхали на добычу въ смѣлости и въ надеждѣ его заговору замками страсти никакой не возымѣли.

И какъ спустя ихъ на добычу, думалъ самъ: что у нихъ въ чуланѣ имѣится, понеже всю сумму сдали, а въ этотъ чуланъ ходить не велѣли, хотя ключъ у него. И на долгъ часъ размыслилъ и осмѣлился отпереть чуланъ и дверь отворить, и видѣ дѣвицу зѣло прекрасну въ златомъ одѣяніи королевскомъ одѣту, яко той красоты во всемъ свѣтѣ сказать не возможно. И какъ увидѣ Василей, паде отъ ея лѣпоты на землю, яко Лодвигъ королевичъ рахлинскій, токмо не такъ, какъ Лодвигъ себя отягчилъ любовію силною и въ болѣзнь впаде. Сей Василей, вставъ на колѣнки, рече: «Государыня, прекрасная дѣвица, королевна, ты роду какого, и како сими разбойниками взята». И отвѣща дѣвица: «Изволь, милостивый государь, слушать, я тебѣ донесу. Азъ есмь роду королевскаго, а имя мое Ираклія; токмо едина была у отца своего дочь; и уже тому два года, пришли моремъ въ наша государства изъ Европіи кораблями россійскіи купцы, а я въ то время гуляла съ дѣвицами, въ шлупкахъ и смотрѣла россійскихъ товаровъ и всякихъ диковинокъ. И какъ мы на шлюпкахъ отъ кораблей поплыли, то оныя разбойники набѣжали въ буерахъ и всѣхъ гребцовъ у насъ побили и дѣвицъ въ море побросали, мене едину въ сей островъ уведоша, и держатъ по сіе время, — что между ими великая распря: тотъ хочетъ взять себѣ, а другой не даетъ; и за тѣмъ спромъ хотятъ меня изрубить. И я предъ ними горко плакати». И стала его вопрошать: «Молю тя, мой государь, ваша фамилія како, сюда зайде изъ котораго государства, понеже я у нихъ разбойниковъ до сего часу васъ не видала, и вижу васъ, что не ихъ команды, но признаю васъ быть нѣкотораго кавалера».

Василій все болѣе внушаетъ довѣріе разбойникамъ, разбои ихъ при Василіи становятся все счастливѣе, а онъ высматриваетъ тѣмъ временемъ путь къ бѣгству и тайкомъ нанимаетъ рыбаковъ увезть его на лодкахъ съ острова. Для исполненія замысла, онъ отсылаетъ разбойниковъ однажды ночью на разбой, а самъ съ Ираклією, запасшись казной и драгоцѣнностями, уѣзжаетъ на рыбачьихъ лодкахъ. Разбойники узнаютъ о бѣгствѣ атамана и пускаются въ погоню. Но у рыбачьихъ лодокъ есть паруса, а у разбойничьихъ «буеровъ» только весла, и Василій съ Ираклією спасены. Щедро расплатившись съ рыбаками, Василій нанимаетъ

«почтовое судно» и моремъ пріѣзжаетъ въ Цесарію (Австрію). «И пріѣхали въ Цесарію благополучно, и за наемъ по договору деньги заплатилъ».

Приплыша же въ Цесарію, нанелъ нѣкоторый министерской домъ зѣло украшенъ, за который платилъ на каждой мѣсяцъ по пятидесятъ червонцевъ, и въ томъ домѣ стоялъ и съ королевною въ великой славѣ. И нанелъ себѣ въ лакеи пятдесятъ человѣкъ, которымъ подѣлалъ ливреи, велми съ богатымъ убором, что при дворѣ цесарскомъ такихъ ливрей нѣтъ чистотою; а королевнѣ нанелъ дѣвицъ самыхъ лѣпообразныхъ тридцать, которыхъ зѣло украсивъ. Случися нѣкоторый праздникъ, то россійской матросъ, убравшись въ драгоцѣнное платье, — великія лучи отъ него сіяютъ, — также приказалъ и людемъ убраться, а корету приказалъ заложить златокованную и коней добрыхъ, съ богатымъ конскимъ уборомъ, яко во всей Цесаріи таковаго сбора нѣтъ не у кого, и поѣхалъ къ церкви, въ которой будетъ цесарь самъ, и сталъ въ церкви у праваго крылоса.

Потомъ пріѣхалъ и цесарь къ церкви, и гшедъ въ церковь и увидѣвъ Василея въ богатомъ убранствѣ и чая каковъ пріѣзжай царевичъ или король, тотъ часъ призвалъ къ себѣ каморгера, которому вопросить приказалъ его: что за человѣкъ. И онъ каморгеръ съ почтеніемъ приступилъ къ россійскому матросу и по обычаю нача его спрашивать: что за человѣкъ, и котораго государства. «Матросъ, а фамилія моя неболшая — Василей Ивановъ сынъ Коріотской, а сюда привела меня нѣкоторая нужда быть», — которой выслушалъ каморгеръ и цесарю объявилъ. И какъ отслушалъ церковное пѣніе, то цесарь просилъ къ себѣ россійскаго матроса. И обѣщалъ быть, его величеству поклонъ отдать. И цесарь поѣхалъ во дворецъ свой, а Василей остался въ церкви для нѣкоторой своей Богу должности.

Потомъ поѣхалъ къ цесарю во дворецъ; пріѣхалъ и принятъ былъ отъ цесаря съ великою славою, подобно яко нѣкоего царевича. И какъ вошли внутрь царскихъ палатъ, въ палату убранную, въ которой былъ поставленъ столъ со всѣмъ убранствомъ и кушаньемъ, потомъ цесарь сталъ россійскаго матроса сажать за столъ кушать, Василей же нача съ почтеніемъ отговариваться: «Пожалуй, государь великій царь, меня недостойнаго остави, понеже я вашъ рабъ, и недостойно мнѣ съ вашею персоною сидѣть, а достойно мнѣ предъ вашимъ величествомъ стоять». Тогда це-

сарь рече: «Почто напрасно отговариваешься! Понеже я вижу васъ достойна разума, то васъ жалую своимъ сердцемъ искреннимъ; хотя бы мой которой и подданной рабъ, а я его жалую, велю садиться съ собою, и тотъ меня слушаетъ; а ты, пріѣзжай ко мнѣ гость, изволте садиться». Тогда россійскій матросъ, поклонясь, рече: «Буди воля вашего величества». И сѣлъ за столъ съ цесаремъ кушать.

Василій разсказываетъ цесарю, какъ онъ спасъ Ираклію, и, выслушавъ его, цесарь говоритъ: «И я васъ, мой государь Василей Ивановичъ, имѣть буду вмѣсто брата родного». Василію и Иракліи отводится особый дворецъ, назначаются пажи, каморгеры, а королевнѣ «дѣвицы фрелины».

Въ ожиданіи свадьбы, которая отложена до свиданія съ родителями Иракліи, жизнь въ ихъ дворцѣ идетъ полно, весело, щедро, а королевна Ираклія, которая «вельми была горазда играть на арфіи», выучиваетъ этому искусству и Василія.

Наконецъ, пріѣзжаетъ изъ Флоренціи «адмиралъ», чтобы отвезти Ираклію къ родителямъ. Василій не соглашается отпуститъ Ираклію и требуетъ, «чтобы самъ Флоренскій король, а ея родитель» пріѣхалъ за дочерью въ Цесарію. Тогда адмиралъ приглашаетъ Василія и Ираклію къ себѣ въ гости на свой корабль.

Василій съ королевной, и въ сопровожденіи своей свиты, пріѣзжаетъ на корабль адмирала.

И отъ цесаря Василей съ королевной, съ генералы и министры и множество драбантовъ какъ къ адмиралу на корабли поѣхали, и какъ на пристань пріѣхали, тогда адмиралъ съ великою радостію встрѣтилъ, и принявъ Василія и королевну, пошли въ корабль. А королевна въ черномъ платьѣ была и въ великой печали. И какъ въ корабль пришли, тогда адмиралъ нача всякими напитками поити жестоко всѣхъ генераловъ и министровъ и пажей и драбантовъ: великіе бочки вина выставилъ и во всякія игры играть приказалъ. А какъ всѣ пьяни стали, тогда адмиралъ, вышедъ изъ корабля, и велѣлъ своимъ офицерамъ и солдатамъ, чтобъ цесарскихъ генераловъ и министровъ съ кораблей бросать и драбантовъ бить и подымать парусы, чтобъ изъ Цесаріи уйтить. И оныи его офицеры приказъ приняли и начаша всѣхъ съ кораблей въ море бросать и въ цесарскія суда пьяныхъ метать. И поднявши парусы, побѣжали къ Россійской Европіи. И оный адмиралъ вшедъ въ корабль, нача Василія Коріотскаго бить по щекамъ и за власы терзать и рече адмиралъ: «Тебѣ ли, каналья непотребный, бестія, сею прекрасною королевною Иракліею владѣть». И бивши его, едва жива оставилъ и ве-

лѣлъ своимъ офицерамъ, навязавши едро пушечное, бросить въ морскую глубину. Тогда офицеры, взявъ Василея изъ корабля и помня прежнюю его къ себѣ милость, взявъ положили въ малую лодку и спустили на море, шляпу его съ едромъ пушечнымъ съ корабля бросили и сказали адмиралу, что бросили, и онъ въ глубину морскую съ едромъ уйде, только шляпа его наверху плаваетъ. Королевна же, видя сіе приключившееся надъ ними несчастіе, паде, обмерла отъ великой ужести, пала на землю. Адмиралъ же, приступивъ королевнѣ и поднявъ, дулъ въ уши и лилъ на перси ея воду, дондеже могла прійтить въ чувство; и какъ пріиде въ память, нача горко плакати. Тогда адмиралъ, выневъ изъ ноженъ свою шпагу и съ пристрастіемъ рече: «Ежели станешь плакать, сейчасъ голову твою отсѣку». И приведе ее къ присягѣ, что отцу ея и матери о томъ своемъ несчастіи не сказывать, а сказала бы, яко съ Цесаріи боемъ взялъ. И она страху ради дала присягу, что по волѣ его сдѣлать, и отъ той печали пріиде въ великую болѣзнь.

Цесарь, узнавъ о поступкѣ адмирала, посылаетъ во Флоренцію войска подъ начальствомъ «своего генерала и кавалера Флегонта», съ требованіемъ казни адмирала и съ угрозой въ противномъ случаѣ разорить Флоренское царство. Между тѣмъ Василій спасается на одинъ островъ, благодаритъ Бога за спасеніе и «съ той печали на томъ островѣ» засыпаетъ крѣпкимъ сномъ. Его будитъ старецъ-рыболовъ, и, тронутый судьбой Василія, отвозитъ его въ три дня на своемъ суднѣ во Флоренское государство. Здѣсь Василій нанимается въ услуженіе къ одной старухѣ и, никому неизвѣстный, рубитъ для нея дрова, носитъ воду и оплетаетъ плетнемъ ея хижину.

Только черезъ три мѣсяца поспѣваютъ корабли адмирала во Флоренцію. Король и королева радуются встрѣчѣ съ дочерью, но поражены ея печальнымъ видомъ, а адмиралъ разсказываетъ имъ, что онъ «королевну взялъ приступомъ» отъ разбойниковъ. По обѣщанію короля Ираклія должна выйти замужъ за адмирала. Уже все готово къ свадьбѣ, и адмиралъ ждетъ невѣсту въ «киркѣ».

И король пріиде къ королевнѣ Иракліи и рече: «Возлюбленная моя дщерь, прекрасная королевна Ираклія! Изволь убираться, время къ законному браку». Слышавъ же королевна отъ отца своего, горко стала плакати и паде на ноги его и рече: «Милостивый мой государь батюшко, прошу вашей государской и родительской милости, пожалуй не отдавай меня въ жену сему адмиралу». «Чтобъ тебя не отдать, я не хощу пороль свой оставить; изволь убираться и ѣхать до

киркѣ». И видѣвъ королевна, что уже никакъ у отца не отговориться, залилась слезами и воздохнувши рече: «На что мнѣ убираться, когда у меня единаго нѣтъ: ежели бъ у меня едино было, то бы я веселилась». Слышавъ же отецъ ея и мать начаша дивитися и ее вопрошати: «Повѣждь намъ, милѣйшая наша дщерь, прекрасная королевна Ираклія». Королевна же въ великой своей печали не отвѣща и поиде во уготованну полату и вышла и пала въ корету въ черномъ платьѣ. И поѣхали къ киркѣ, и какъ стали подъѣзжать близь той богадѣлни, идѣже россійскій матросъ, Василей, взявъ арфу, нача жалобную играть и пѣть арію:

«Ахъ, дражайшая, всего свѣта милѣйшая, какъ ты пребываешь,
А своего милѣйшаго друга въ свѣтѣ жива зрѣти не чаешь!
Вспомяни, драгая, како возмогъ тебя отъ морскихъ разбойническихъ рукъ свободити,
А сеи злы губитель повелѣ во глубину морскую меня утопити!
Ахъ прекрасный цвѣтъ, изъ очей моихъ нынче угасаешь,
Меня единаго въ сей печали во гробъ вселяешь.
Или ты прежнюю любовь забываешь,
А сему злому губителю супругою быть желаешь?
Точію сей мой пороль объявляю
И моей дражайшей воспѣваю:
Аще и во отечествѣ своемъ у матери пребыти,
Прошу вѣрныя моя къ вамъ услуги не забыти!»

Слышавъ же королевна играюща на арфѣ и поюща къ ней арію тотчасъ повелѣ коретѣ стати и разумѣла, что ея вѣрный другъ Василей живъ, повелѣ спросити: кто играетъ. Пажъ прінде и повѣда, яко нѣкій ковалеръ играетъ. Королевна же изъ кореты тотчасъ сама встала и желала видѣть, кто играетъ. И какъ увидѣла, что милый ея другъ Василей Ивановичь, и пришедъ ухвати его, нача горко плакати и во уста цѣловати. И взяла его за руку и посадила въ корету и повелѣ поворотить и ѣхать во дворецъ. Видѣвъ же сіе министры, и начаша зѣло дивитися, что такое несчастіе, всѣмъ превеликое подивленіе. И какъ пріѣхали во дворецъ, тогда королевна Василея взяла за руку, (повела) россійскаго матроса Василея ко отцу своему и матери и рече: «Государь мой батюшко и государыня матушка, чего не чаяла до

смерти своей видѣть, сіе воочію мою нынѣ явилось!» И нача имъ подробно о всемъ предъявлять, како онъ ее избавилъ отъ разбойниковъ, и какъ самъ въ Цесаріи былъ названъ отъ цесаря братомъ роднымъ, и какъ ее адмиралъ увезъ изъ Цесаріи и его билъ, въ море повелѣ бросити, и цесарскихъ министровъ и драбантовъ били, — «за которое извольте ожидать отъ цесаря вскорѣ силы за продерзость онаго нашего адмирала». Слышавъ то, король и королева и пріидоша въ великой ужесъ; и вси ковалеры стали говорить, чтобъ Флоренцы быть неразореной. Тотъ часъ посла каморгера къ киркѣ и велѣлъ арестовать адмирала; каморгеръ арестовалъ. Королевна же тогда просія красотою, яко солнце не одѣянное; черное сняла и въ драгоцѣнное платье убралась и бысть въ великомъ веселіи.

Черезъ три дня прибываютъ войска цесаря подъ начальствомъ Флегонта, который и выражаетъ радость, что Василій живъ. Передъ войсками цесаря съ адмирала «съ живого снимаютъ кожу», чтобы цесарь получилъ удовлетвореніе, и торжественно празднуется свадьба Василія Ивановича и королевны Иракліи. «И вѣнчались въ той киркѣ, на которомъ ихъ законномъ бракѣ былъ генералъ цесарской Флегонтъ и всѣ генералы и министры Флоренскіе».

Флегонтъ, щедро награжденный Василіемъ, вернулся къ цесарю и передалъ ему «присланный листъ», который удостовѣрилъ его о всѣхъ этихъ событіяхъ. Василій спустя нѣсколько времени ѣздилъ благодарить цесаря и «поживе въ великой славѣ и послѣ короля Флоренскаго былъ королемъ Флоренскіимъ; и поживе многія лѣта и съ прекрасною королевною Иракліею и потомъ скончался».

8. Сципіо Африканъ, вождь римскій, и погубленіе Софонизбы, королевы Нумидійскія. Комедія.

Эта пьеса представляетъ характерный примѣръ передѣлокъ нѣмецкой драмы для Петровскаго театра. Это не что иное, какъ сценическое приспособленіе трагедіи нѣмецкаго писателя Лоэнштейна «Софонизба» (1666 г.). — «Софонизбу Гервинусъ считаетъ наиболѣе поэтическою, наиболѣе удачною изъ всѣхъ его трагедій, но при этомъ замѣчаетъ, что ее можно сравнивать развѣ только съ самыми слабыми трагедіями Корнеля — до такой степени дѣйствіе загромождено всевозможными препятствіями, и характеръ самой Софонизбы, этой любимой героини всѣхъ тогдашнихъ трагиковъ, лишенъ всякой опредѣленности и полонъ самыхъ странныхъ противорѣчій... Зато, именно тѣ недостатки, которые видитъ въ «Софонизбѣ» новѣйшая критика — быстрая смѣна дѣйствія, постоянные переходы отъ одного положенія къ другому,

противоположному, различные внѣшніе эффекты — можетъ-быть, сдѣлали эту трагедію особенно удобною для приспособленія къ русской сценѣ... Въ русскомъ переводѣ, который, какъ можно видѣть по его языку, сдѣланъ буквально съ нѣмецкаго, общій характеръ рѣчи Лоэнштейна значительно упростился. Метафоры, большею частью, устранены; мифологическіе намеки и сравненія, на которые былъ въ особенности щедръ нѣмецкій писатель, замѣнены простыми выраженіями; изысканная напыщенность уступила мѣсто тривіальности... Изъ 27 дѣйствующихъ лицъ оставлено только 10, при чемъ иногда нѣсколько ролей соединено въ одну. Зато въ нашей пьесѣ прибавлено одно дѣйствующее лицо, котораго нѣтъ и не могло быть у Лоэнштейна. Это шутъ, являющійся здѣсь въ видѣ «издѣвочнаго слуги» — Эрсила. Многія сцены сочинены спеціально для этой шутовской персоны и не имѣютъ никакой связи съ общимъ ходомъ дѣйствія; но есть и такія сцены, въ которыхъ Эрсилъ необходимъ, потому что на него перенесены слова и дѣйствія разныхъ второстепенныхъ лицъ трагедіи... Далѣе въ пьесу вставлены коротенькія аріи, въ чемъ, конечно, нужно видѣть вліяніе модныхъ въ то время въ Германіи оперъ»... (П. О. Морозовъ. «Исторія русскаго театра до пол. XVIII ст.»)

Содержаніе трагедіи. — Дѣйствіе происходитъ въ Африкѣ. Подъ стѣнами нумидійскаго города Цирты расположился лагерь римлянъ, осаждающихъ этотъ городъ. Они уже взяли въ плѣнъ нумидійскаго царя Сифакса, а его жена Софонизба съ его сыновьями Іербой и Верминой находится въ осажденномъ городѣ. Въ первой сценѣ шутъ Эрсилъ издѣвается надъ плѣннымъ, закованнымъ въ кандалы, чернокожимъ нумидійскимъ царемъ, Сифаксомъ. Затѣмъ Сципіонъ приказываетъ заключить Сифакса въ тюрьму и начинать штурмъ Цирты. Масинисса (нумидіецъ-измѣнникъ), любящій Софонизбу, желаетъ убить Сифакса, чтобы затѣмъ овладѣть Софонизбой, и предлагаетъ Сципіону отмѣнить штурмъ и взять крѣпость другимъ способомъ: пригрозить Софонизбѣ смертью Сифакса, и тѣмъ заставить ее сдать городъ.

Слѣдующее дѣйствіе уже въ Циртѣ. Софонизба въ отчаяніи молитъ боговъ смилостивиться надъ ней. Чтобы ихъ умилосердить, она готова принести въ жертву одного изъ своихъ сыновей. Каждый изъ ея сыновей самоотверженно предлагаетъ себя въ жертву, чтобы спасти отца и городъ, и, когда все уже готово для жертвоприношенія, вдругъ появляется на сценѣ Сифаксъ, убѣжавшій изъ плѣна. Тогда въ благодарность богамъ жрецъ закалываетъ двухъ римскихъ плѣнниковъ, вмѣсто сыновей Сифакса, и при этомъ поетъ «арію»:

1.

Прекрасное солнце!
Кротко насъ призри
И незаколенныхъ,
Но паче поспѣши
Къ нашей молитвѣ,
Прекрасное солнце!

2.

Блѣдни лунны лучи,
Помогайте насъ!
И не дайте пасти
Подъ римскую власть,
И отъ римска ига,
Блѣдни лунны лучи,
Помогайте насъ!

Между тѣмъ римляне берутъ приступомъ Цирту. Сифаксъ опять заключенъ въ тюрьму и готовъ съ отчаянія заколоться кинжаломъ, но какъ разъ въ эту минуту въ темницу къ нему входитъ Софонизба, переодѣтая воиномъ. Она пришла спасти мужа. Сифаксъ ее узнаетъ, соглашается надѣть на себя ея воинское одѣяніе, и бѣжитъ изъ темницы, оставляя Софонизбу вмѣсто себя. Черезъ нѣсколько времени въ темницу входитъ Масинисса съ тѣмъ, чтобы убить Сифакса, и вдругъ въ плѣнникѣ узнаетъ Софонизбу. Тогда онъ бросаетъ оружіе, признается Софонизбѣ въ любви, а Софонизба, противъ всякихъ ожиданій, соглашается стать его женой. Является Эрсилъ и уходитъ вмѣстѣ съ Софонизбой, а оставшійся Масинисса поетъ арію:

1.

Морфей! закрой мои очи
И даждь мнѣ долго спати,
Печаль забывати,
Дай мнѣ сладкіи сни.
Морфей, закрой мои очи!

2.

Морфей! усипай меня,
Трудной душѣ дай уснути
И вовсе покой имѣти.
(*Усипаетъ*).

Сципіонъ убѣждаетъ Масиниссу разстаться съ Софонизбой и отдать ее въ руки римлянъ, но Масинисса не можетъ предать ее римскимъ палачамъ и рѣшается самъ окончить ея жизнь: онъ посылаетъ ей кубокъ съ ядомъ. Сципіонъ провозглашаетъ его царемъ покореннаго Сифаксова государства:

Сципіо. Масиниза! Римъ всегда союзникамъ почитаетъ и черезъ меня Сифаксово государство тебѣ вручается: принимай корону и скиптръ, и ты впредь Римляномъ вѣрнымъ пріятелемъ быти утрудись.

Вси. Да Римъ, и Сципіо и Масиниза виватъ!

СЦИПІО АФРИКАНЪ, ВОЖДЬ РИМСКІЙ, И ПОГУБЛЕНІЕ СОФОНИЗБЫ КОРОЛЕВЫ НУМИДІЙСКІЯ. КОМЕДІЯ.

Дѣйствующія:

Римляне:	Аравы:
Сципіо африканскій, римскій полководецъ.	Масиниза, изгнанный король.
	Сифаксъ, нумидійскій король.
Лелій, его возлюбленникъ.	Софонизба, его супруга.
Эрсилъ, издѣвочный слуга.	Вермина, Іерба — два сына Софонизбы.
Офицеры римскіе.	
Солдаты римскіе.	Мисипса, Гимилько — князья.
	Богудесъ, солнечный и лунный священникъ статъ арапскихъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Сѣнь 1.

Сифаксъ въ желѣзахъ.

Сифаксъ. Заключи, Полифеме, око твое, о страже кругу земному! и претвори свѣтлый полдень въ черное затменіе,

дабы самое приключеніе не увидѣло свое немилосердіе, еже свое пристрашное сосланіе (часто паденіе) надъ мною содѣваетъ. А вы, неправдивые боги! чего ради вамъ смертные олтари зиждутъ, вамъ честь и услуженіе воздаютъ? И вы не меньше того ничего своей жестокости не убавляете, однако и... Вы, правдивые боги! простите бѣснованіе бѣснующаго: имѣете бо вы правду и волю насъ казати.

Сѣнь 2.

Эрсилъ, Сифаксъ.

Эрсилъ. Тако, тако! Права и воля наказаша тя, человѣче, чернаго діавола племя. Теперь токмо то узналъ. Кто тебѣ велѣлъ твоимъ чернымъ свинячьимъ рыломъ бѣлую, подобіемъ алабастру, Софонизбу лобзати? Потерпи мало; вскорѣ увѣдаешь, что мой господинъ впредь съ тобой зачнетъ! Рци мнѣ ты, черный чернивный купецъ: какъ тебѣ показываются изрядныя зарученія?[1]) О како избранно ему онѣ пристали, такому черному господину! Имѣютъ бо такой же цвѣтъ и, чаю, единъ твоихъ черныхъ золотарей ихъ ковалъ.

Сифаксъ. Доколѣ, о небо, на меня пушкаешь, яко уродливый меня поноситъ?

Эрсилъ. Что говоришь? Меня уродливымъ называешь? То есть превеликое безчестіе и противъ моего высокороднаго титла и герба! Не знаешь ты, черный трубочистъ, что въ нынѣшнихъ дняхъ учинилось, когда своимъ храбрымъ мечемъ со всѣмъ нарядомъ въ высокій рыцарскій чинъ поставленъ? И впредь то не учини: я бо ти покажу грамоты своего благородства.

(*Оказываетъ ему всякія юродивыя письма; на то Сципіо со многими людьми пришелъ*).

ДѢЙСТВІЕ 4.

Сѣнь 1.

Сифаксъ въ (заключеніи).

Сифаксъ. Еще вамъ, о боги, недовольно, что я государство свое потерялъ, и сверхъ того нумидійская вѣнчаная глава въ семъ темномъ заключеніи погибаетъ? Вы, смертные, научитеся отъ меня: иже васъ на скиптра тростномъ жезлѣ

[1]) Онъ говоритъ о кандалахъ-наручникахъ.

утвердится, тогда часто бываетъ, иже днесь въ желѣзахъ, вчерась Крезусъ былъ. Не Сифаксъ ли звѣзда былъ въ Африкѣ? А нынѣ угашенна свѣча. Не азъ ли былъ корона въ землѣ? а нынѣ рабъ есмь и еще окованъ невольникъ. Чего ради, Сифаксъ, уготовился! Единое токмо проколеніе тебя отъ всея бѣды свободитъ. Пріиди, хладное желѣзо!

(*Самъ ся хочетъ проколоть*).

Сѣнь 2.

Софонизба, Сифаксъ.

Софонизба. Перестань, Сифаксъ!

Сифаксъ. Какъ, и мнѣ умереть запрещаютъ?

Софонизба. Не бѣсися и свирѣпствуй противъ самого себя.

Сифаксъ. О какъ бы я цвѣтъ юности моей смерти приносилъ, такъ я въ животѣ моемъ многимъ досаднымъ перемѣненіемъ не подданъ былъ.

Софонизба. Иже въ злополучіи нетерпѣливъ и предъ тяжкими громовыми удары отчаянный, никогда бѣды уйти можетъ.

Сифаксъ. Мнѣ ли еще больше въ поношеніи и вседневно въ новой печали жити?!

Софонизба. Солнце, еже подъ темными громовыми облаки ухоронится, по бывшему ненастію свѣтлѣе паки приходитъ.

Сифаксъ. Упованія моего солнце (сіяніе) такъ глубоко въ пропасти зашло, что невозможно паки восходить.

Софонизба. А какъ тебѣ радости твоей солнце изнова просвѣтило, не хотѣлъ ли ты того ради веселымъ быть?

Сифаксъ. Отъ кого мнѣ радости моей сіянія ждать?

Софонизба. Отъ меня.

Сифаксъ. О лживый свѣтъ! Отдай мнѣ ножъ мой и не сотвори, чтобъ я отъ моего желаннаго покоя помѣшкался.

Софонизба. Увы! не знаетъ ли Сифаксъ больше свою возлюбленную Софонизбу?

Сифаксъ. О вы, боги!

Софонизба. Да солнце твое лучами своими просвѣтитъ сію темную тюрьму!

Сифаксъ. Какъ? Призракъ ли меня наругаетъ или дремлю бдящими очами?

Софонизба. Никакъ, княже мой. Попеченіе спасенія моего[1]) приводитъ меня въ сію темницу.

Сифаксъ. Приходитъ ли Софонизбы духъ въ сію темную пещеру?

Софонизба. Никакъ, азъ сама есть и иду тебя свободить.

Сифаксъ. Ахъ! Софонизбы гласъ слышу и мужа вижу. Какъ ты ли, сердце мое, римскимъ солдатомъ сталъ?

Софонизба. Любовь по подобію хамелеона звѣря всѣхъ цвѣтовъ принимаетъ.

Сифаксъ. А какая мнѣ польза будетъ отъ твоихъ моего ради бѣдъ?

Софонизба. Не замедли, потому стражи тебя прилежно стерегутъ.

Сифаксъ. Какъ меня хочешь свободить и сама себя симъ проклятымъ змѣемъ предаешь?

Софонизба. Вскорѣ убѣжи, и я себѣ уже знаю способно убѣженіе.

Сифаксъ. А кто мнѣ оковы отомкнетъ?

Софонизба. У Софонизбы уже ключъ есть.

Сифаксъ. Могутъ ли чувства моя сію вѣрность испытати? Нѣтъ! Нѣтъ, Софонизба! Наипаче хощу, чтобъ палачики многія тысячи мечей на меня повострили. Лучше хотѣлъ, чтобъ меня огнемъ и всякимъ мученіемъ уморили; лучше хотѣль больше муки, неже Регулусъ[1]) терпѣть, нежели моею свободою тебя въ заключеніе привесть.

Софонизба. Сокровище мое не можетъ перемѣнитися.

Сифаксъ. А я лучше умрети хотѣлъ.

Софонизба. Ахъ, сердце мое! Меня въ оковахъ заключи, тѣмъ ты освобоженъ будешь.

Сифаксъ. Ахъ! что душу мою утѣсняетъ и какая печаль сердце мое оскорбляетъ твоимъ намѣреніемъ!

Софонизба. Пойди безъ страху, никто тебя вопроситъ, куда пойдешь; понеже ты знаешь по римски говорить, можешь безопасно уйти.

Сифаксъ. Дабы небо вѣрности твоей благодареніе воздало! И къ тому тебя въ послѣдній разъ лобжу.

(*Отъидетъ.*)

---

[1]) Вѣроятно, надо читать: *твоего*.

[2]) Римскій полководецъ, умершій въ плѣну изъ-за вѣрности родинѣ и своему слову.

9. Комедія о Донъ-Янѣ и Донъ-Педрѣ.

Старинная испанская легенда о Донъ-Жуанѣ впервые, какъ предполагаютъ, получила литературную обработку въ пьесѣ испанскаго монаха-поэта Тирсо-де-Молина и была напечатана въ 1630 г. въ «Сборникѣ избранныхъ сочиненій Лопе-де-Веги и другихъ авторовъ». Испанская легенда привлекла къ себѣ общее вниманіе, стала одной изъ любимѣйшихъ темъ странствующихъ импровизаторовъ-актеровъ, поэтовъ и привлекла къ себѣ и научныхъ изслѣдователей.

Частью (на сценѣ импровизаторовъ) это были шутовскія передѣлки приключеній главнаго героя и его комическаго слуги (котораго называютъ то Бригелла, то Каталинонъ, то Филипинъ, то Лепорелло) вмѣстѣ съ страшной развязкой ужина въ присутствіи «каменнаго гостя», но главное теченіе въ разработкѣ легенды о Донъ-Жуанѣ было иное: у лучшихъ импровизаторовъ и болѣе вдумчивыхъ поэтовъ обработка легенды выражаетъ стремленіе осмыслить одну изъ загадочныхъ сторонъ человѣческой природы.

Изъ безнравственнаго красавца, которому доступны одни грубыя наслажденія, Донъ-Жуанъ постепенно превращается въ упорнаго мечтателя, безплодно ищущаго идеальнаго женскаго образа, не удовлетвореннаго складомъ человѣческой жизни, религіознаго, политическаго и соціальнаго протестанта, который гибнетъ не раскаянный.

Легенда о Донъ-Жуанѣ, все болѣе углубляясь и принимая то видъ пьесы, то поэмы, обошла всю Европу; Италія придала ей комическій характеръ, Франція, Англія, Германія, Швеція, Данія, Россія (въ лицѣ Пушкина и гр. А. Толстого) углубляли образъ испанскаго героя.

Во Франціи образъ Донъ-Жуана особенно привлекъ къ себѣ вниманіе и не разъ обрабатывался. Въ центрѣ этихъ переработокъ стоитъ Мольеръ: онъ внесъ много свѣжаго и своеобразнаго въ пониманіе типа Донъ-Жуана. Онъ отрекся отъ морально-религіозной точки зрѣнія, осуждающей дѣйствія испанскаго героя, онъ отказался отъ легкаго комическаго жанра, которымъ хотѣли смягчить картину итальянцы, онъ оставилъ также испанскій колоритъ пьесы и перенесъ ее во французскіе нравы. Въ своей пьесѣ Festin de Pierre, Мольеръ далъ серіозную общественную сатиру, поставивъ безнаказанное самоуправство героя въ связь съ исключительнымъ положеніемъ французскаго барства (Алексѣй Веселовскій).

Сохранившійся отрывокъ изъ комедіи о Донъ-Янѣ и Донъ-Педрѣ, которая входила въ репертуаръ Петровскаго театра, представляетъ переводъ нѣмецкой передѣлки трагикомедіи, написанной парижскимъ актеромъ де-Виллье и представленной, вѣроятно, въ 1659 году въ Парижѣ. «Съ переходомъ на бродячую нѣмецкую сцену «Донъ-Жуанъ», конечно, явился въ новой обстановкѣ, испытавъ на себѣ тѣ пріемы, какіе примѣнялись руководителями этой сцены ко всѣмъ пьесамъ, попадавшимъ имъ въ руки: сущность его осталась та же, но нравоучительныя разсужденія, точно такъ же, какъ и сцены, замедлявшія ходъ дѣйствія, были отки-

нуты, а комическій элементъ усиленъ. Филипинъ побратался съ нѣмецкимъ Гансвурстомъ и сначала многое у него перенялъ, а потомъ и совсѣмъ уступилъ ему свое мѣсто... Изъ восьми сценъ де-Виллье для русскаго театра сдѣлано шесть; изъ длинныхъ разговоровъ взято лишь самое существенное; въ особенности сильному сокращенію подверглась сцена похищенія Донъ-Жуаномъ невѣсты-крестьянки; изъ нравоучительныхъ увѣщаній «каменнаго гостя» уцѣлѣло лишь очень немногое...

Заключительныя слова Филипина у де-Виллье совершенно иныя, чѣмъ въ русской передѣлкѣ; въ русской пьесѣ это шутовская рѣчь къ самому себѣ, у де-Виллье — нравоученіе:

N'imitez pas Don-Juan, nous vous en prions tous,
Car voici, sans mentir, un beau miroir pour vous.

(П. О. Морозовъ. «Исторія русскаго театра».)

(Мы всѣ васъ просимъ не подражать Донъ-Жуану, такъ какъ, говоря правду, здѣсь для васъ прекрасное зеркало.)

Дошедшій до насъ текстъ комедіи приводится здѣсь съ самыми незначительными сокращеніями.

ДѢЙСТВО 5.

Сѣнь 1.

Донъ-Янъ, Филипинъ.

Донъ-Янъ. Готово ль кушанье?

Θилипинъ. Все ужъ на столѣ стоитъ.

Донъ-Янъ. Мужикъ принесъ ли ренское изъ города?

Θилипинъ. Принесъ.

Донъ-Янъ. Чаешь ли, Θилипине, духу тому быти?

Θилипинъ. Не сумняюся, онъ бо обѣщалъ.

Донъ-Янъ. И я ево дождуся. А тебѣ, Θилипине, за столомъ служить.

Θилипинъ. Я радъ то чинить...

Донъ-Янъ. Что хощешь?

Θилипинъ. Радъ бы я...

Донъ-Янъ. Чего хощешь?

Θилипинъ. Хочетца мнѣ, чтобъ я жирной кусокъ съѣлъ, покамѣстъ духъ не бывалъ.

Донъ-Янъ. Ты не стыдливой звѣрь! Какъ тебѣ прежде гостя ѣсть, а гость еще не бывалъ?

Θилипинъ. Для чего не ѣсть? Когда бо пріѣдетъ гость твой, то минетъ наша ѣда, и лутче я прежде смертію умру, неже послѣ гостя твоего что ѣсть.

Донъ-Янъ. Или у тебя такая великая охота къ ѣжѣ?...

Θилипинъ. Такая охота, что я бъ тебя съ кожею и съ волосами съѣлъ.

Донъ-Янъ. Поди жь ѣсть и оставь гостю часть, чѣмъ ево накормить.

Θилипинъ. Довольно и искусно учиню, что я ничего не оставлю.

Донъ-Янъ. Я посмотрю, какъ станешь ѣсть. Сказывай мнѣ, Θилипинъ: каковъ господинъ твой нынѣ до тебя?

Θилипинъ. Лутче ево на свѣтѣ нѣтъ.

Донъ-Янъ. Естли бы я въ страху былъ, что бы ты сдѣлалъ?

Θилипинъ. И самъ того не вѣдаю, что бъ сдѣлать.

Донъ-Янъ. Что-бъ ты сотворилъ?

Θилипинъ. Я бы за тебя умеръ, только бы живъ остался.

(*Духъ донъ-Педро стучитца.*)

Донъ-Янъ. Θилипинъ! Нѣкто стучится.

Θилипинъ. Я никого не слышу.

(*Въ другой разъ стучитца.*)

Донъ-Янъ. Возми свѣчу и отвори двери.

Θилипинъ. Господине! Поди самъ, я отъ страха ходить не умѣю.

Донъ-Янъ. Ты прямая боязливая кошка, я самъ пойду и двери отворю.

Сѣнь 2.

Духъ Доно-Педро.

Донъ-Янъ. Здраствуй и пріятно пришествіе твое, Доно-Педро!

Донъ-Педро. Видиши, Донъ-Янъ, что я по обѣщанію къ тебѣ въ гости пришелъ: не опасайся меня, я тебѣ никакова зла не учиню.

Донъ-Янъ. Не боялся я тебя въ животѣ твоемъ, наипаче тебя мертваго бояться не стану. Θилипине! дай стулья.

Θилипинъ. Тотчасъ, господине!

Донъ-Янъ. Садись, Донъ-Педро, и кушай то, что я вскорѣ могъ добыть.

Донъ-Педро. Не требую земного подчиванья, но токмо сюда пришелъ посмотрѣть, хощешь ли ты отъ своихъ хульныхъ и порочныхъ дѣлъ отстать? Не довольно ли, небесную милость принявъ, узнать, или ты достоинъ еси въ пучину адову ввержень быти. Сего ради берегися — давно уже время.

Донъ-Янъ. Естли хощешь наказывать, то пойди къ твоему гробу: мы здѣсь сошлися веселитися. Слушай, Филипине, дай рюмку ренскаго!

Филипинъ. Господине! готова есть.

Донъ-Янъ. Добре наполнена есть.

Филипинъ. Мнѣ не черезъ мѣру наполнена. (*Выпьетъ и паки нальетъ.*)

Донъ-Янъ. То мало есть.

Филипинъ. И мнѣ мало. (*Паки выпьетъ, изнова налилъ.*)

Донъ-Янъ. Теперь въ пору.

Филипинъ. И мнѣ въ пору.

Донъ-Янъ. Донъ-Педро! до тебя пью: про здоровье дечери твоей!...

Донъ-Педро. Увы!

Филипинъ. О господине! Какимъ страшнымъ лицемъ онъ на тебя глядитъ!

Донъ-Янъ. Будетъ иного ничего, токмо вздыхать умѣешь, и ты пропади отсель!

Филипинъ. Правду говоришь, господине! Пусть къ хрѣну пойдетъ: тѣ малыя крохи и безъ него съѣдимъ.

Донъ-Педро. Несчастливѣйшій всѣхъ рабовъ, понеже ты слѣпъ по стопамъ господина твоего идеши...

Филипинъ. Любимая скотина! часто я господину своему говорилъ, но не хощетъ меня слушать.

Донъ-Янъ. Буди веселъ, Донъ-Педро, яко азъ.

Донъ-Педро. Понеже ты смѣлъ былъ меня въ гости звать, то и я тебя зову у моей могилы. Надѣюся, что придешь?

Донъ-Янъ. Не отлучуся, но въ которое время?

Донъ-Педро. Въ сію полночь, на моемъ гробу.

Донъ-Янъ. Добро, конечно, буду. Филипинъ! собери все. Уготовлюся къ Донъ-Педру въ гости итти.

Сѣнь 5.

Донъ-Янъ и Филипинъ.

Донъ-Янъ. Филипине! Время приходитъ духу того посѣтить.

Филипинъ. Прости, мой господине: не имѣю туда охоты.

Донъ-Янъ. Добро, добро, я тебѣ охоту сдѣлаю. Еще у тебя спрашиваю: идешь ли со мною?

Филипинъ. Господине! лутче желаю отъ тебя отпускъ.

Донъ-Янъ. Дамъ тебѣ отпускъ. (*Вынимаетъ шпагу.*)

Θилипинъ. Постой, постой! Радъ съ тобою итить. Увы, мнѣ бѣднсму! До чего я пришелъ!

Донъ-Янъ. Поди и стучися. (*Задняя завѣса открывается и гробъ Донъ-Педро является.*)

Сѣнь 6.

Донъ-Педро, Донъ-Янъ и Филипинъ.

Донъ-Педро. Не стукайся, я уже здѣсь готовъ тебя принять. Садися.

Донъ-Янъ. Сяду, но чѣмъ будешь меня подчивать?

Донъ-Педро. Доставай[1]), что я изготовилъ такова пріятного гостя подчивать?

Донъ-Янъ. Что за ѣства можетъ быть? Что вы мертвыхъ духовъ подчиваете, а намъ человѣкомъ негодны.

Донъ-Педро. И для того они не изготовлены, дабы желудокъ наполнить, но токмо будто зеркало тебѣ показать адскихъ вѣчныхъ мукъ. Сего ради покайся ты, окаянный человѣче: небо устало на злодѣйство твое далѣ смотрѣть.

Донъ-Янъ. Оставь такія рѣчи. Не спрашиваю я ни неба, ни ада, ни діавола, ни матери его! Я пойду паки своимъ путемъ.

Донъ-Педро. Добро! Когда тебѣ никакое ученіе не угодно, и ты прими мзду, которая тебѣ изготовлена. (*Оба низходятъ.*)

Θилипинъ. То было изрядное путешествіе! Знатно, невидимо пойдутъ на доброе мѣсто. Добро мнѣ, что я тако освободился. Лутче мнѣ женитца и со всѣми людьми въ дружбѣ пожить...

---

10. Записки кн. Н. Б. Долгорукой.

Записки Натальи Борисовны Долгорукой (дочери извѣстнаго сподвижника Петра, фельдмаршала Б. П. Шереметева) представляютъ въ высшей степени цѣнный литературный и культурно-историческій матеріалъ. Въ нихъ раскрывается привлекательный образъ русской женщины XVIII вѣка. Необыкновенная душевная чистота и искренность, общій высокій нравственный строй души и рѣдкое мужество жизни, все это при большой скромности— вотъ что ставитъ Долгорукую въ рядъ лучшихъ русскихъ женщинъ. Немногія женщины наши могутъ стать на ряду съ ней:

---

[1]) Дознавай?

въ концѣ XVI вѣка ее напоминаетъ Юліанія Лазаревская[1]), въ XIX вѣкѣ невольно проводишь параллель между ней и извѣстными женами декабристовъ или менѣе извѣстной М. А. Мойеръ, племянницей Жуковскаго[2]).

Судьба Н. Б. Долгорукой была такова. Знатная, богатая, росшая въ любви и холѣ, живая и веселая по натурѣ, она рано должна была серіозно думать о себѣ, оставшись круглой сиротой съ 14-ти лѣтъ. Едва ей минуло 16 лѣтъ, она была обручена съ молодымъ кн. Ив. Ал. Долгорукимъ, котораго сильно полюбила. Долгорукіе тогда (1729 г.) были въ полной силѣ при 14-лѣтнемъ Императорѣ Петрѣ II, только что помолвленномъ съ сестрой Ив. Долгорукова. Все предвѣщало счастье молодой Шереметевой. Смерть Петра II въ январѣ 1730 г. отъ оспы обрушилась тяжелой бѣдой на Долгорукихъ, ясно увидавшихъ сразу неизбѣжную свою гибель. Н. Б. не захотѣла покинуть жениха въ несчастьи и при сильномъ противодѣйствіи своей родни настояла на свадьбѣ. Черезъ три дня послѣ брака всѣ Долгорукіе были сосланы въ глухую Сибирь, въ гор. Березовъ. Несчастной Н. Б. суждено было пережить тамъ новое горе: черезъ нѣсколько лѣтъ ея мужъ по доносу былъ внезапно увезенъ изъ Березова и казненъ въ Новгородѣ. Вдовѣ его съ двумя мальчиками позволено было вернуться изъ Сибири. Она воспитала и отдала въ службу старшаго, а съ младшимъ, который родился какъ разъ во время увоза отца изъ Березова и страдалъ неизлѣчимой нервной болѣзнью, Н. Б. уѣхала въ 1758 г. въ Кіевъ, гдѣ и постриглась въ монастырѣ съ именемъ Нектаріи. Она умерла въ 1771 г., похоронивъ больного сына и принявъ схиму. «Записки» писаны были ею за четыре года до смерти. Далекая отъ интригъ и политическихъ дѣлъ, Н. Б., повидимому, не со всѣми Долгорукими была близка, но мужа своего — невольную причину всѣхъ ея несчастій — она глубоко любила и всю жизнь высоко его ставила. Онъ былъ, дѣйствительно, добрый, хотя очень безхарактерный человѣкъ; вліяніе родни, въ которой было много грубыхъ интригановъ, сказывалось на немъ дурно: при кончинѣ Петра II онъ былъ заставленъ отцомъ подписать подложное завѣщаніе отъ имени Императора. Долгорукіе не рѣшились тогда дать ходъ бумагѣ, и дѣло оставалось втайнѣ, но Ив. Долгорукій самъ выдалъ все, обезумѣвъ отъ пытокъ при послѣднемъ слѣдствіи, которое велось совсѣмъ не по этому дѣлу. Н. Б., повидимому, объ этомъ такъ и не узнала, и образъ мужа остался свѣтлымъ въ ея чистой душѣ.

1. Жизнь послѣ смерти матери. Сговоръ и счастье. Я осталась послѣ милостивой своей матери четырнадцати лѣтъ; это первая бѣда меня встрѣтила. Сколько я ни плакала, только еще все недоставало, кажется, противъ любви ея ко мнѣ. Однако ни слезами, ни рыданіемъ не во-

[1]) См. первый томъ нашей Хрестоматіи.

[2]) См. ея письма въ Уткинскомъ «Сборникѣ» и статью о ней П. Сакулина въ «Изв. Акад. Наукъ», т. XII, кн. 1-я 1907 г.

ротила. Осталась я сиротою съ большимъ братомъ, который уже сталъ своему дому господинъ. Вотъ уже совсѣмъ моя жизнь перемѣнилась. Можно ли всѣ тѣ горести описать, которыя со мной случились? Надобно молчать. Хотя я льстилась впредь быть счастливой, однако очень часто источники изъ глазъ лились. Молодость лѣтъ нѣсколько помогала терпѣть во ожиданіи впредбудущаго счастія; думала еще: будетъ и мое время, повеселюсь на свѣтѣ; а того не знала, что Вышняя власть грозитъ мнѣ бѣдами и что въ будущее надежда обманчива бываетъ.

И такъ, я послѣ матери своей всѣхъ кампаній лишилась; пришло на меня высокоуміе, вздумала я себя сохранять отъ излишняго гулянья, чтобъ мнѣ чего не понести, какого поноснаго слова: тогда очень наблюдали честь. И такъ, я сама себя заключила; и правда, что въ тогдашнее время не такое было обхожденіе въ свѣтѣ: очень примѣчали поступки знатныхъ или молодыхъ дѣвушекъ; тогда не можно было такъ мыкаться, какъ въ нынѣшній вѣкъ. Я такъ вамъ пишу, будто я съ вами говорю, и для того вамъ отъ начала жизнь свою веду. Вы увидите, что я и въ самой молодости весело не живала и никогда сердце мое большого удовольствія не чувствовало. Я свою молодость плѣнила разумомъ, удерживала на время свои желанія въ разсужденіи томъ, что еще будетъ время къ моему удовольствію; заранѣ пріучала себя къ скукѣ. И такъ я жила послѣ матери своей два года; дни мои проходили безутѣшны. Тогда обыкновенно всегда, гдѣ слышатъ невѣсту богатую, тутъ и женихи льстятся; пришло и мое время, чтобъ начать ту благополучную жизнь, на которую я льстилась. Я очень была счастлива женихами: однако то оставлю, а буду вамъ то писать, что въ дѣло произошло. Правда, что начало было очень велико; думала, я первая счастливица въ свѣтѣ, потому что первая персона въ нашемъ государствѣ былъ мой женихъ. При всѣхъ природныхъ достоинствахъ имѣлъ знатные чины при дворѣ и въ гвардіи; я признаюсь вамъ въ томъ, что я почитала за великое благополучіе, видя его къ себѣ благосклонна. Напротивъ того, и я ему отвѣтствовала, любила его очень, хотя я никакого знакомства прежде не имѣла, нежели онъ мнѣ женихомъ сталъ; но истинная и чистосердечная его любовь ко мнѣ на то склонила. Правда, что сперва это очень громко было; всѣ кричали: ахъ, какъ она счастлива! Моимъ ушамъ не противно было это эхо слышать; а не знала, что это сча-

стіе мною поиграетъ: показало мнѣ только, чтобъ я узнала, какъ люди живутъ въ счастіи, которыхъ Богъ благословитъ. Однако, я тогда ничего не разумѣла, молодость лѣтъ не допускала ни о чемъ предбудущемъ разсуждать; а радовалась тѣмъ, видя себя въ такомъ благополучіи цвѣтущею. Казалось, ни въ чемъ нѣтъ недостатку; милый человѣкъ въ глазахъ, въ разсужденіи томъ, что этотъ союзъ любви будетъ до смерти неразрывный, а притомъ природныя чести, богатство, отъ всѣхъ людей почтеніе: всякой ищетъ милости, рекомендуется подъ мою протекцію; подумайте, будучи дѣвкѣ въ пятнадцать лѣтъ такъ обрадованной! Я не иное что воображала, какъ вся сфера небесная для меня перемѣнилась.

Между тѣмъ начались у насъ пріуготовленія къ сговору нашему. Правду могу сказать, рѣдко кому случилось видѣть такое знатное собраніе: вся императорская фамилія была на нашемъ сговорѣ, всѣ чужестранные министры, наши всѣ знатные господа, весь генералитетъ, однимъ словомъ сказать, столько было гостей, сколько домъ нашъ могъ помѣстить обоихъ персонъ; не было ни одной комнаты, гдѣ бы не полно было людей. Обрученіе наше было въ залѣ, духовными персонами, одинъ архіерей, и два архимандрита. Послѣ обрученія всѣ его сродники меня дарили очень богатыми дарами, брилліантовыми серьгами, часами, табакерками и готовальнями[1]) и всякою галантереею; мои бъ руки не могли бъ всего забрать, когда бъ мнѣ не помогали принимать. Наши перстни были, которыми обручались, его — въ двѣнадцать тысячъ, а мой — въ шесть тысячъ. Напротивъ и мой братъ жениха моего дарилъ: шесть пудовъ серебра, старинные великіе кубки и фляши золоченыя. Казалось мнѣ тогда, по моему молодоумію, что это все прочно и на цѣлой мой вѣкъ будетъ; а того не знала, что въ здѣшнемъ свѣтѣ ничего нѣтъ прочнаго, а все на часъ. Сговоръ мой былъ въ семь часовъ пополудни; это была уже ночь, и для того принуждены были смоляныя бочки зажечь для свѣту, что бъ видно было разъѣзжаться гостямъ; тѣснота превеликая отъ каретъ была; отъ того великаго огня видно было, сказываютъ, что около ограды дому нашего столько было народу, что вся улица заперлась, и кричалъ простой народъ: «Слава Богу! отца нашего дочь идетъ замужъ за великаго человѣка, возставитъ родъ свой и возведетъ братьевъ своихъ на степень отцову!» Надѣюсь, вы

[1]) Теперь это слово означаетъ футляръ съ инструментами для черченія; тутъ надо разумѣть драгоцѣнный швейный или туалетный приборъ.

довольно извѣстны, что отецъ мой былъ первой фельдмаршалъ и что очень былъ любимъ народомъ, и до-днесь его помнятъ. О прочихъ всѣхъ сговорныхъ церемоніяхъ или веселіяхъ умолчу, нынѣшнее мое состояніе и званіе запрещаетъ; однимъ словомъ сказать: все, что можете вздумать, ничего упущено не было. Это мое благополучіе и веселіе долголь продолжалось? Не болѣе, какъ отъ декабря 24 дня по 18 генваря день.

Вотъ моя обманчивая надежда кончилась; со мною такъ случилось, какъ съ сыномъ царя Давида Нафаномъ: лизнулъ медку, и пришло было умереть. Такъ и со мною случилось: за двадцать шесть дней благополучныхъ, или сказать радостныхъ, сорокъ лѣтъ по сей день стражду; за каждый день по два года придетъ безъ малаго, еще шесть дней надобно вычесть; да кто можетъ знать предбудущее? Можетъ быть, и дополнятся, когда продолжится сострадательная жизнь моя.

2. Смерть Петра II. Перемѣна судьбы. Теперь надобно уже иную матерію зачать. Умъ колеблется, когда приведу на память, что послѣ всѣхъ этихъ веселій меня постигло, которыя мнѣ казались навѣки нерушимы будутъ. Знать, что не было мнѣ тогда друга, кто бъ меня научилъ, чтобъ по этой скользкой дорогѣ опаснѣе ходила. Боже мой! какая буря грозная возстала! со всего свѣту бѣды совокупились! Господи, дай силъ изъяснить мои бѣды, чтобъ я могла ихъ описать для знанія желающихъ и для утѣшенія печальнымъ, чтобъ, помня меня, утѣшались. И я была человѣкъ, вся дни живота своего проводила въ бѣдахъ, и все опробовала: гоненія, странствія, нищету, разлученіе съ милымъ, все, что кто можетъ вздумать. Я не хвалюсь своимъ терпѣніемъ, но о милости Божіей похвалюсь, что Онъ мнѣ далъ столько силы, что я перенесла, и по сіе время несу; невозможно бы человѣку смертному такіе удары понести, когда бы не свыше сила Господня подкрѣпляла. Возьмите въ разсужденіе мое воспитаніе и нынѣшнее мое состояніе.

Вотъ начало моей бѣды, чего я никогда не ожидала! Государь нашъ окончилъ животъ свой; паче чаянія моего, чего я никогда не ожидала, сдѣлалась коронная перемѣна. Знать, такъ было Богу угодно, чтобъ народъ за грѣхи наказать: отняли милостиваго государя и великой былъ плачъ въ народѣ. Всѣ сродники мои съѣзжаются, жалѣютъ, плачутъ обо мнѣ, какъ мнѣ эту напасть объявить; а я обыкновенно долго спала, часу до девятаго; однако, какъ скоро проснулась, вижу

у всѣхъ глаза заплаканы; какъ они ни стереглись, только видно было. Хотя я и знала, что государь боленъ и очень боленъ, однако я великую въ томъ надежду имѣла на Бога, что Онъ не оставитъ сирыхъ; однако знать мы тому достойны были. По необходимости принуждены были мнѣ объявить. Какъ скоро эта вѣдомость дошла до ушей моихъ, что уже тогда со мной было,— не помню; а какъ опомнилась,— только и твердила: ахъ! пропала! пропала! Не слышно было иного ничего отъ меня, что «пропала»! Какъ кто ни старался меня утѣшить, только не можно было плачъ мой пресѣчь, ни уговорить. Я довольно знала обыкновеніе своего государства, что всѣ фавориты послѣ своихъ государей пропадаютъ: чего было и мнѣ ожидать? Правда, что я не такъ много дурно думала, какъ со мною сдѣлалось: потому, хотя мой женихъ и любимъ государемъ и знатные чины имѣлъ, и ввѣрены ему были всякія дѣла государственныя, но подкрѣпляли меня нѣсколько честные его поступки. Знавъ его невинность, что онъ никакимъ непристойнымъ дѣламъ не косенъ былъ, мнѣ казалось, что не можно безъ суда человѣка обвинить и подвергнуть гнѣву, или отнять честь или имѣніе; однако, послѣ уже узнала, что при несчастливомъ случаѣ и правда не помогаетъ. И такъ я плакала безутѣшно. Свойственники, сыскавъ средства, чѣмъ бы меня утѣшить, стали меня (уговаривать), что я еще человѣкъ молодой, а такъ себя безразсудно сокрушаю; можно этому жениху отказать, когда ему будетъ худо; будутъ другіе женихи, которые не хуже его достоинствомъ, развѣ только не такіе великіе чины будутъ имѣть; а въ то время правда, что (одинъ) женихъ очень хотѣлъ меня взять, только я на то не склонна была, а сродникамъ моимъ всѣмъ хотѣлось за того жениха меня выдать. Это предложеніе такъ мнѣ тяжело было, что ничего на то не могла имъ отвѣтствовать. Войдите въ разсужденіе: какое это мнѣ утѣшеніе и честна ли эта совѣсть? Когда онъ былъ великъ, такъ я съ радостію за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ, отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласиться не могла; а такъ положила свое намѣреніе, когда сердце одному отдавъ, жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра — другого; въ нынѣшній вѣкъ такая мода, а я доказывала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ; и теперь скажу самую правду, что будучи во всѣхъ бѣдахъ,

никогда не раскаивалась, для чего я за него пошла, и не дала въ томъ безумія Богу. Онъ тому свидѣтель: все, любя его, сносила; сколько можно мнѣ было, еще и его подкрѣпляла. Мои сродники имѣли другое разсужденіе; такой мнѣ совѣтъ давали, или, можетъ быть, меня жалѣли. Къ вечеру пріѣхалъ мой женихъ ко мнѣ, жалуясь на свое несчастіе; при томъ разсказывалъ объ смерти, жалости достойной, какъ государь скончался, что все въ памяти былъ, и съ нимъ прощался. И такъ говоря, плакали оба, и присягали другъ другу, что насъ ничто не разлучитъ, кромѣ смерти; я готова была съ нимъ хотя всѣ земныя пропасти пройтить. И такъ, часъ отъ часу пошло хуже. Куда дѣвались искатели и друзья? Всѣ спрятались, и ближніе отдалече меня сташа, всѣ меня оставили въ угодность новымъ фаворитамъ; всѣ стали уже меня бояться, чтобъ я въ стрѣчу съ кѣмъ не попалась, всѣмъ подозрительна. Лучше бъ тому человѣку не родиться на свѣтѣ, кому на время быть велику, а послѣ придти въ несчастіе: всѣ станутъ презирать, никто говорить не хочетъ!

Печальная свадьба совершилась 9 апрѣля 1730 года. Черезъ три дня всѣмъ Долгорукимъ былъ объявленъ указъ ѣхать въ свои дальнія деревни. Разыгралась обычная исторія жестокихъ опалъ и ссылокъ того времени: точно такъ же три года назадъ Долгорукіе расправились съ Меншиковымъ. Въ 90 верстахъ отъ Москвы Долгорукихъ нагналъ второй указъ, лишавшій ихъ чиновъ и орденовъ. Наконецъ, когда они заѣхали отдохнуть въ свою Касимовскую деревню, туда явился гвардейскій офицеръ съ командой и объявилъ имъ окончательную ссылку въ далекую Сибирь, въ тотъ же Березовъ, гдѣ годъ тому назадъ умеръ Меншиковъ. Дальнѣйшій разсказъ Н. Б. Долгорукой описываетъ отъѣздъ изъ деревни.

3. Ссылка въ Березовъ. Дорога водою. Вотъ уже къ вечеру велятъ намъ въ кареты садиться и ѣхать. Я уже опомнилась и стала просить, чтобъ меня отпустили на квартиру собраться; офицеръ дозволилъ. Какъ я пошла, и два солдата за мною; я не помню, какъ меня мой мужъ довелъ до сарая того, гдѣ мы стояли. Хотѣла я съ нимъ поговорить, и свѣдать, что съ нами дѣлается; а солдатъ тутъ, ни пяди отъ насъ не отстаетъ; подумайте, какое жалостное состояніе! И такъ я ничего не знаю, что далѣе съ нами будетъ. Мои домашніе собрались; я уже ничего не знаю. Они сѣли въ карету и поѣхали; рада я тому, что я одна съ нимъ, можно мнѣ говорить. А солдаты всѣ за нами по-

ѣхали. Тутъ уже онъ мнѣ сказалъ: офицеръ объявилъ, что велѣно насъ подъ жестокимъ карауломъ везти въ дальніе городы, а куда — не велѣно сказывать. Однако, свекоръ мой умилостивилъ офицера и привелъ его на жалость: онъ сказалъ, что насъ везутъ въ островъ[1]), который состоитъ отъ столицы четыре тысячи верстъ и больше, и тамъ насъ подъ жестокимъ карауломъ содержать, къ намъ никого не допущать, ни насъ никуда кромѣ церкви, переписки ни съ кѣмъ не имѣть, бумаги и чернилъ намъ не давать. Подумайте, каковы мнѣ эти вѣсти; первое — лишилась дому своего и всѣхъ родныхъ своихъ оставила, я же не буду и слышать объ нихъ, какъ они будутъ жить безъ меня; братъ меньшій мнѣ былъ, который меня очень любилъ; сестры маленькія остались. О, Боже мой, какая это тоска пришла! Жалость, сродство, кровь вся закипѣла отъ несносности. Думаю я, уже никого не увижу своихъ, буду жить въ странствіи; кто мнѣ поможетъ въ напастяхъ моихъ, когда они не будутъ и вѣдать обо мнѣ, гдѣ я; когда я ни съ кѣмъ не буду кореспонденціи имѣть, или переписки; хотя я какую нужду ни буду терпѣть, руки помощи никто мнѣ не подастъ; а можетъ быть, имъ тамъ скажутъ, что я уже умерла, что меня и на свѣтѣ нѣтъ; они только поплачутъ, и скажутъ: лучше ей умереть, а не цѣлый вѣкъ мучиться! Съ этими мыслями ослабѣли всѣ мои чувства, онѣмѣли, а послѣ полились слезы.

Мужъ мой испужался и жалѣлъ послѣ, что мнѣ сказалъ правду; боялся, чтобъ я не умерла. Истинная его ко мнѣ любовь принудила (меня) духъ свой стѣснить и утаивать эту тоску, и перестать плакать; и должна была его еще подкрѣплять, чтобъ онъ себя не сокрушилъ: онъ всего свѣту дороже былъ. Встъ любовь до чего довела! Все оставила: и честь, и богатство, и сродниковъ, и стражду съ нимъ, и скитаюсь; этому причина — всенепорочная любовь, которой я не постыжусь ни передъ Богомъ, ни передъ цѣлымъ свѣтомъ, потому что онъ одинъ въ сердцѣ моемъ былъ; мнѣ казалось, что онъ для меня родился и я для него, и намъ другъ безъ друга жить нельзя. И по сей часъ въ одномъ разсужденіи, и не тужу, что мой вѣкъ пропалъ; но благодарю Бога моего, что Онъ мнѣ далъ знать такого человѣка, который того стоилъ, чтобъ мнѣ за любовь жизнью своею заплатить, цѣлый вѣкъ странствовать и великія бѣды сносить, могу сказать, безпри-

[1]) Городъ Березовъ, дѣйствительно стоитъ на островѣ, образуемомъ рѣками Сосвою и Вогулкою.

мѣрныя бѣды. Послѣ услышите, ежели слабость моего здоровья допуститъ всѣ мои бѣды описать.

И такъ, насъ довезли до города[1]). Я вся расплакана; свекоръ мой очень испужался, видя меня въ таковомъ состояніи; однако говорить было нельзя, потому что офицеръ самъ тутъ съ нами и унтеръ-офицеръ; поставили насъ уже вмѣстѣ, а не на разныхъ квартирахъ, и у дверей поставили часовыхъ, примкнуты штыки. Тутъ мы жили съ недѣлю, покамѣсть изготовили судно, на чемъ насъ везти водою. Для меня все это ужасно было; должно было молчаніемъ покрывать. Моя воспитательница, которой я отъ матери своей препоручена была, не хотѣла меня оставить, со мною и въ деревню поѣхала; думала она, что тамъ злое время проживемъ, однако не такъ сдѣлалось, какъ мы думали, принуждена меня покинуть. Она — человѣкъ чужестранный, не могла эти суровости понести; однако сколько можно ей было, эти дни старалась, ходила на то безчастное судно, на которомъ насъ повезутъ; все тамъ прибирала, стѣны обивала, чтобы сырость сквозь не прошла, чтобъ я не простудилась; павильонъ поставила, чуланчикъ загородила, гдѣ намъ имѣть свое пребываніе, и все то оплакивала.

Пришелъ тотъ горестный день, какъ намъ надобно ѣхать; людей намъ дали для услугъ 10 человѣкъ, а женщинъ на каждую персону по человѣку, всѣхъ пять человѣкъ. Я хотѣла свою дѣвку взять съ собою, однако золовки мои отговорили; для себя включили въ то число свою, а мнѣ дали дѣвку, которая была помощницей у прачекъ, ничего сдѣлать не умѣла, какъ только платье мыть, принуждена я имъ въ томъ была согласиться. Дѣвка моя плачетъ, не хочетъ отъ меня отстать, я уже ее просила, чтобъ она мнѣ больше не скучала; пускай такъ будетъ, какъ судьба опредѣлила. И такъ, я хорошо собралась; ниже рабы своей не имѣла, денегъ ни полушки; сколько имѣла при себѣ оная моя воспитательница денегъ, мнѣ отдала, сумма не очень велика была — шестьдесятъ рублевъ; съ тѣмъ я и поѣхала. Я не помню, пѣшкомъ ли мы шли до судна, или ѣхали; недалеко рѣка была отъ дому нашего; пришло мнѣ тутъ разставаться съ своими, потому что довольно было имъ насъ проводить. Вошла я во свой каютъ; увидѣла, какъ онъ прибранъ: сколько можно было — помогала[2]) моему бѣдному состоянію. Пришло мнѣ вдругъ ее

[1]) Т.-е. до Касимова.
[2]) Т.-е. воспитательница.

благодарить за ея ко мнѣ любовь и воспитаніе, тутъ же и прощаться, что я уже ее въ послѣдній разъ вижу; ухватились мы другъ другу за шеи, и такъ руки мои замерли, и я не помню, какъ меня съ нею растащили. Опомнилась я въ каютѣ, или въ чуланѣ: лежу на постелѣ, и мужъ мой надо мной стоитъ и за руки держитъ, нюхать спиртъ даетъ. Я вскочила съ постели, бѣгу вверхъ, думаю, еще хотя разъ увижу — ниже мѣста того знать: далеко уплыли. Тогда я потеряла перло жемчужное, которое было у меня на рукѣ, знать я его въ воду опустила, когда я съ своими прощалась; да мнѣ уже и не жаль было, не до него: жизнь тратится. Такъ я и осталась одна, всѣхъ лишилась для одного человѣка. И такъ мы плыли всю ту ночь.

На другой день сдѣлался великій вѣтеръ, буря на рѣкѣ, громъ, молнія; гораздо звончѣе на водѣ, нежели на землѣ; а я съ природы грому боюсь. Судно вертитъ съ боку-на-бокъ: какъ громъ грянетъ, то и попадаютъ люди. Золовка меньшая очень боялась — та плачетъ и кричитъ. Я думала, свѣту преставленіе! Принуждены были къ берегу пристать. И такъ всю ночь въ страхѣ безъ сна препроводили. Какъ скоро разсвѣло, погода утихла, мы поплыли въ путь свой. Когда погода тихая, я тогда сижу подъ окошкомъ въ своемъ чуланѣ; когда плачу, когда платки мою — вода очень близка; а иногда куплю осетра, и на веревку его; онъ со мною рядомъ плыветъ, чтобъ не я одна невольница была, и осетръ со мною. А когда погода станетъ вѣтромъ судно шатать, тогда у меня станетъ голова болѣть и тошниться; тогда выведутъ меня на верхъ на палубу, и положатъ на вѣтру; и я до тѣхъ поръ безъ чувствъ лежу, покамѣсть погода утихнетъ, и покроютъ меня шубой: на водѣ вѣтры очень проницательны. Иногда и онъ для компаніи подлѣ меня сидитъ. Когда пройдетъ погода, отдохну, только ѣсть ничего не могла, все тошнилось.

4. Остальная часть пути. Пріѣздъ въ Березовъ. Доѣхали мы до города[1]), гдѣ надобно намъ выгружаться на берегъ и ѣхать сухимъ путемъ; я была и рада, думала такихъ страховъ не буду видѣть; послѣ узнала, что мнѣ нигдѣ лучшаго нѣтъ; не на то меня судьба опредѣлила, чтобъ покоиться! Какая же это дорога? Триста верстъ должно было переѣхать горами, верстъ по пяти на горы и съ горы также, опѣ же какъ усыпаны дикимъ камнемъ; а дорожка

[1]) Соликамска.

такая узкая, въ одну лошадь только впряжено, что называется гусемъ, потому что по обѣ стороны рвы, ежели въ двѣ лошади впрячь, то одна другую въ ровъ спихнетъ; оные же рвы лѣсомъ обросли. Не можно описать, какой они вышины; какъ взъѣдешь на самый верхъ горы и посмотришь по сторонамъ — неизмѣримая глубина; только видны однѣ вершины лѣсу, все сосна да дубъ; отъ роду такого высокаго и толстаго лѣсу не видала. Это каменная дорога; я думала, что у меня сердце оторветъ; сто разъ я просилась: дайте отдохнуть! Никто не имѣетъ жалости; а спѣшатъ какъ можно наши командиры, чтобъ домой возвратиться, а надобно ѣхать по цѣлому дню, съ утра до ночи, потому что жилья нѣтъ, а черезъ сорокъ верстъ поставлены маленькіе домики для пристанища проѣзжавшимъ и для корму лошадямъ.

Сколько мы въ этой дорогѣ были недѣль — не упомню. Доѣхали до провинціальнаго города того острова, гдѣ намъ опредѣлено жить. Сказали намъ, что путь до того острова водою, и тутъ будетъ перемѣна; офицеръ гвардейскій поѣдетъ возвратно, а насъ препоручатъ тутошняго гарнизона офицеру, съ командою 24 человѣка солдатъ. Жили мы тутъ недѣлю, покамѣсть исправили судно, на которомъ намъ ѣхать, и сдавали насъ съ рукъ на руки, какъ арестантовъ. Это столько жалко было, что и каменное сердце умягчилось; плакалъ очень при разставаніи офицеръ и говорилъ: «теперь-то вы натерпитесь всякаго горя; эти люди необычайные; они съ вами будутъ поступать какъ съ подлыми. Никакого снисхожденія отъ нихъ не будетъ». И такъ мы всѣ плакали, будто съ сродникомъ разставались. По крайней мѣрѣ привыкли къ нему; какъ ни худо было, да онъ насъ зналъ въ благополучіи, такъ нѣсколько совѣстно было ему сурово съ нами поступать. Какъ исправились съ судномъ, новой командиръ повелъ насъ на судно; процессія изрядная была, за нами толпа солдатъ идетъ съ ружьемъ, какъ за разбойниками. Я уже шла, внизъ глаза опустивъ, не оглядывалась, смотрѣльщиковъ премножество по той улицѣ, гдѣ насъ ведутъ. Пришли мы къ судну; я ужаснулась, какъ увидѣла, великая разница съ прежнимъ; отъ небреженія дали самое негодное, худое; такъ по имени нашему и судно! Хотя бы на другой день пропасть; какъ мы тогда назывались арестанты, иного имени не было; — что уже въ свѣтѣ этого титула хуже? Такое намъ и почтеніе! Все судно — изъ пазовъ доски вышли, насквозь диры свѣтятся; а хотя немножко

вѣтеръ, такъ все судно станетъ скрыпѣть; оно же черное, закоптѣлое; какъ работники раскладывали въ немъ огонь, такъ оно и осталось, самое негодное, никто бы въ немъ не поѣхалъ. Оно было отставное, опредѣлено на дрова, да какъ очень заторопили, не смѣли долго насъ держать, какое случилось, такое и дали; а можетъ быть и нарочно приказано было, чтобъ насъ утопить: однако, какъ не воля Божія, доплыли до показаннаго мѣста живы.

Принуждены были новому командиру покоряться; всѣ способы искали, какъ бы его приласкать, не могли найтить, да въ комъ и найтить? Дай Богъ и горе терпѣть, да съ умнымъ человѣкомъ! Какой этотъ глупый офицеръ былъ: изъ крестьянъ да заслужилъ чинъ капитанскій; онъ думалъ о себѣ, что онъ очень великій человѣкъ, и, сколько можно, надобно насъ жестоко содержать, яко преступниковъ. Ему казалось подло съ нами и говорить; однако со всею своею спесью ходилъ къ намъ обѣдать. Изобразите это одно, сходственно ли съ умнымъ человѣкомъ, въ чемъ онъ хаживалъ: епанча солдатская на одну рубашку, да туфли на босу ногу и такъ съ нами сидитъ! Я была всѣхъ моложе и не воздержна; не могу терпѣть, чтобъ не смѣяться, видя такую смѣшную позитуру; онъ это видя, что я ему смѣюсь, пли то удалось ему примѣтить, говоритъ, смѣяся: «теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а то бы я съ тобою сговорилъ!» Какъ мнѣ ни горько было, только я старалась его больше ввести въ разговоръ; только больше онъ ничего мнѣ не сказалъ. Подумайте, кто намъ командиръ былъ и кому были препоручены? Что бы онъ усмотрѣлъ, когда бъ мы что намѣрены были сдѣлать? Чего они боялись? Чтобъ мы не ушли? Ему ли смотрѣть? Насъ не караулъ ихъ держалъ, а держала насъ невинность наша; думали, что со временемъ осмотрятся и возвратятъ насъ въ первое наше состояніе. При томъ же мѣшало много, и фамилія очень велика была. И такъ, мы съ этимъ глупымъ командиромъ плыли цѣлый мѣсяцъ до того города, гдѣ намъ жить.

Всего много было: великіе страхи, громы, молніи, вѣтры чрезвычайные! Съ такимъ трудомъ довезли насъ въ маленькій городокъ, который сидитъ на острову; кругомъ вода, жители въ немъ самый подлый народъ, ѣдятъ рыбу сырую, ѣздятъ на собакахъ, носятъ оленьи кожи: какъ съ него сдерутъ не разрѣзавши брюха, такъ и надѣнутъ, переднія ноги вмѣсто рукавовъ; избы кедровыя, окончины ледяныя, вмѣсто

стекла: зимы 10 мѣсяцевъ или 8; морозы несносные, ничего не родится, ни хлѣба, никакого фрукту, — ниже капусты. Лѣса непроходимыя да болоты, хлѣбъ привозятъ водою за тысячу верстъ. До такого мѣстечка доѣхали, что ни пить, ни ѣсть, ни носить нечего. Ничего не продаютъ, ниже калача; тогда я плакала, для чего меня рѣки не утопили или не залили! Не можно жить въ такомъ дурномъ мѣстѣ.

Не можно всего страданія моего описать, ни бѣдъ, сколько я ихъ перенесла. Что всего тошнѣе было — для кого пропала и всѣ эти напасти несла, и что въ свѣтѣ милѣе было, тѣмъ я не утѣшилась, а радость моя была съ горестью смѣшана всегда: былъ боленъ отъ несносныхъ бѣдъ, источники его глазъ не пересыхали, — жалость его сердце съѣдала, видѣвъ меня въ такомъ жалкомъ состояніи. Молитва его передъ Богомъ была неусыпная; постъ и воздержаніе не лицемѣрные; милостыня всегдашняя — не отходилъ отъ него просящій никогда тощъ; правило имѣлъ монашеское, безпрестанно въ церкви, всѣ посты пріобщался Святыхъ Таинъ, и всю свою печаль возверзилъ на Бога; злобы ни на кого не имѣлъ, никому зла не помнилъ и всю свою бѣдственную жизнь препроводилъ христіански и въ заповѣдяхъ Божіихъ; и ничего на свѣтѣ не просилъ у Бога, какъ только Царствія Небеснаго, въ чемъ и не сомнѣваюсь. Я не постыжусь описать его добродѣтели, потому что я не лгу. Не дай Богъ, что описать неправильно; я сама себя тѣмъ утѣшаю, когда вспомню всѣ его благородные поступки, и счастливою себя щитаю, что я его ради себя потеряла, безъ принужденія, изъ своей доброй воли. Я все въ немъ имѣла: и милостиваго мужа, и отца, и учителя, и старателя о счастіи моемъ. Онъ меня училъ Богу молиться, училъ меня къ бѣднымъ милостивою быть, принуждалъ милостыню давать, всегда книги читалъ, Святое Писаніе, чтобъ я знала Слово Божіе; всегда твердилъ о незлобіи, чтобъ никому зла не помнила.

11. А. Д. Кантемиръ.

Изъ девяти сатиръ Кантемира первыя пять были написаны въ 1729—1731 гг., когда автору было 21—22 года; онѣ тогда же получили извѣстное распространеніе въ спискахъ, судя по тому, что до насъ дошло порядочное количество такихъ списковъ XVIII в. Уѣхавъ въ началѣ 1732 г. на долгую посольскую службу за границу, Кантемиръ написалъ еще три, а первыя пять передѣлалъ,

за годъ до смерти, въ 1743 г., онъ послалъ всѣ ихъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими стихотвореніями Феофану Прокоповичу. Напечатаны были впервые эти восемь сатиръ въ 1762 г., 18 лѣтъ спустя послѣ смерти автора. Девятая сатира «Къ солнцу» найдена была и напечатана значительно позднѣе (въ 1858 г.); судя по стиху, ее считаютъ написанной еще въ Россіи, т.-е. до 1732 г.[1]) Благодаря передѣлкѣ, мы имѣемъ первыя пять сатиръ въ двухъ редакціяхъ, которыя отличаются между собой и по тексту и по примѣчаніямъ: исправленный текстъ лучше по стиху, сжатѣе и рельефнѣе, но зато иногда блѣднѣе: вмѣстѣ съ угловатостью и грубоватыми чертами въ немъ сглажены нѣкоторые намеки на русскую дѣйствительность.

Не касаясь оцѣнки литературнаго значенія и таланта Кантемира, о чемъ достаточно говорятъ учебники, дадимъ нѣкоторыя разъясненія касательно двухъ первыхъ сатиръ, помѣщенныхъ ниже (первая дана полностью, вторая съ нѣкоторыми сокращеніями). Ясна общая связь съ Петровской эпохой Кантемировскихъ обличеній «хулящихъ ученіе» или гордыхъ своей породой «злонравныхъ дворянъ», но нельзя упускать изъ вида историческую обстановку момента, когда появились обѣ сатиры.

Это былъ 1729 годъ. За четыре года, прошедшіе со смерти Петра Великаго, многое успѣло измѣниться, и многимъ начинаніямъ Преобразователя угрожала опасность. Особенно это стало ясно съ 1727 г., когда на престолъ взошелъ 12-лѣтній сынъ царевича Алексѣя Петръ II, котораго поддерживали старая родовитая знать (Голицыны, Долгорукіе) и недовольное Петровскими новизнами духовенство. Первые мечтали вершить всѣ государственныя дѣла, оттѣснивъ «худопородныхъ», которымъ и личная воля Петра и демократическая, какъ тогда казалось, табель о рангахъ, нерѣдко открывали путь къ высшимъ должностямъ, въ оскорбленіе всѣхъ «мѣстническихъ» привычекъ старины. Вторымъ не давали покоя церковныя реформы Петра, сильно урѣзавшія вліяніе духовенства; они мечтали о патріаршествѣ и рвались продолжать борьбу, начатую еще Стефаномъ Яворскимъ; Феофанъ Прокоповичъ былъ главнымъ камнемъ на ихъ дорогѣ. Воцаренье Петра II укрѣпило надежды тѣхъ и другихъ. Долгорукіе, свергнувъ Меншикова, распоряжались въ Верховномъ Совѣтѣ, царь переѣхалъ жить въ Москву, готовился бракъ его съ Долгорукой. Положеніе Феофана въ синодѣ поколебалось; враги его, сторонники стараго, Феофилактъ Лопатинскій и ростовскій архіерей Георгій Дашковъ, усилились, пошли толки о возстановленіи патріаршества и одно время Дашковъ считалъ себя наканунѣ назначенія въ патріархи. Противъ Феофана возобновились усиленныя обвиненія въ лютеранскихъ мнѣніяхъ; въ 1728 г. добились напечатанія большого сочиненія покойнаго Стефана Яворскаго противъ лютеранства — «Камня вѣры», бывшаго до сихъ поръ подъ запретомъ.

---

[1]) Послѣднія разысканія (статьи г. Глаголевой въ «Изв. Акад. Наукъ» 1906 г., т. XI, кн. 1 и 2) даютъ нѣсколько новыхъ произведеній Кантемира, въ томъ числѣ десятую сатиру «Зоилу».

Въ эту пору реакціи Кантемиръ переживалъ трудный моментъ своей жизни. Сынъ владѣтельнаго молдавскаго князя, бывшій по завѣщанію отца подъ личнымъ покровительствомъ Петра Великаго, умный, хорошо образованный юноша, всѣмъ сердцемъ отдавшійся наукѣ, горячо привязанный къ Петру и его реформѣ, онъ долженъ былъ быстро стать виднымъ сотрудникомъ царя. Смерть Петра застала его 17-лѣтнимъ поручикомъ, по рожденію знатнымъ, но чужимъ среди русскаго боярства, безъ семейныхъ связей. Притомъ и матеріальное положеніе его сложилось дурно: отецъ, умирая, поручилъ Петру отдать все имѣніе достойнѣйшему изъ сыновей, при чемъ указывалъ на Антіоха; послѣ Петра дѣло было рѣшено въ пользу его брата, женатаго на дочери сильнаго вельможи Голицына. Сблизившись по умственнымъ интересамъ и по сочувствію къ реформамъ съ Феофаномъ Прокоповичемъ, Кантемиръ вмѣстѣ съ нимъ тяжело переживалъ невеселое время послѣ смерти Петра. Въ 1729 г. онъ не выдержалъ и вылилъ свое настроеніе въ двухъ сатирахъ, написанныхъ одна вслѣдъ за другой.

При такихъ обстоятельствахъ понятенъ безнадежно-унылый тонъ первой сатиры, робость, рѣшеніе «въ тихомъ своемъ углу» молчаливо таиться; понятна видная роль, отведенная здѣсь духовенству среди «хулящихъ ученіе», какъ и личные намеки обѣихъ сатиръ на Дашкова. Понятенъ и выборъ темы для второй сатиры: претензіи родовитыхъ невѣждъ на первое мѣсто въ государствѣ и ихъ злоба противъ выдвинутыхъ реформой даровитыхъ дѣятелей изъ разныхъ слоевъ общества.

Кантемиръ не видалъ своихъ произведеній въ печати (хотя за годъ до смерти, въ 1743 г., онъ, очевидно, имѣлъ въ виду ихъ изданіе); французскій и нѣмецкій переводы были изданы ранѣе русскаго текста. Но въ рукописи его вещи, несомнѣнно, ходили по рукамъ довольно широко: послѣдняя изслѣдовательница, г-жа Глаголева пользовалась не менѣе, чѣмъ 30 списками ихъ того времени (самый поздній — 1761 г., за годъ до печатнаго изданія).

1. КЪ УМУ СВОЕМУ.

Предисловіе къ читателю.

(Изъ начальной редакціи сатиръ.)

Не столько обычаю, сколько нуждѣ послѣдуя, предувѣщаніе сіе пишу. Потребно мнѣ быть показалося, прежде нежели усмотришь стихи мои, предъявить тебѣ, съ какимъ намѣреніемъ они писаны. Ни зависть, ни злоба, (ни) хулить охота принудила меня осмѣять осмѣющихся ученіемъ; но излишество времени почти понудило къ тому. Итакъ все, что я тутъ написалъ, въ забаву писано; между тѣмъ хотя многіе могутъ въ беззлобныхъ стихахъ моихъ сыскать свое состояніе и нравы изображенные, вѣдали бъ, что я никого парти-

кулярно не представлялъ себѣ, когда писалъ характеры, въ сей сатирѣ содержащіе, и слушая злонравіе—не примѣчалъ злонравнаго. Прочіе, кому стихи мои не нравны, того прошу, чтобъ ихъ не читалъ; а кто за нихъ меня хулить станетъ, то помнилъ бы, что дурной лицемъ николи зеркала не любитъ.

Уме, недозрѣлый плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки!
Не писавъ летящи дни вѣка проводити
Можно, и славу достать, хоть творцемъ не слыти.
Ведутъ къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали
Девять сестръ[1]). Многи на немъ силу потеряли
Не дошедъ; нужно на немъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится,
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни расцвѣченна марморами саду;
Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.
Правда, въ нашемъ молодомъ монархѣ надежда
Всходитъ Музамъ немала; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его; Аполлинъ славы въ немъ защиту
Своей не слабу почулъ: чтяща свою свиту
Видѣлъ его самого, и во всемъ обильно
Тщится множить жителей парнасскихъ онъ сильно.
Но та бѣда, многіе въ царѣ похваляютъ
За страхъ то, что въ подданномъ дерзко осуждаютъ.
«Расколы и ереси науки суть дѣти,
«Больше вретъ, кому далось больше разумѣти,
«Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ» —
Критонъ съ четками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ.
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
«Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь къ церкви соблазну Библію честь стали;

[1]) Музы, представительницы наукъ и искусствъ.

Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали»[1]).
Силванъ другую вину наукамъ находитъ:
«Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежъ сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ мы живемъ нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину,
Ни связи, должно ль о томъ тужить дворянину?
Доводъ, порядокъ въ словахъ, подлыхъ то есть дѣло[2]),
Знатнымъ полно подтверждать, иль отрицать смѣло.
Съ ума сошолъ, кто души силу и предѣлы
Испытаетъ; кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну
Иль причину; глупо онъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
Прирсстетъ ли мнѣ съ того день къ жизни иль въ ящикъ
Хотя грошъ? могу ль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ годъ? Какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? какъ бочекъ число съ виннаго заводу?
Не умнѣе, кто глаза, полонъ безпокойства,
Коптитъ печась при огнѣ, чтобъ вызнать рудъ свойства:
Вѣдь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различіе злата, сребра, мѣди.
Травъ, болѣзней знаніе — голы все то враки:
Глава ль болитъ? Тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки;
Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Дать хочешь. Слабѣемъ ли — кровь тихо чрезъ мѣру
Течетъ; если спѣшно — жаръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло
Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло.
А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,

---

[1]) Это — одинъ изъ пунктовъ программы Петра, вызывавшій сильное неудовольствіе противъ него въ духовенствѣ.

[2]) Слово *подлый* въ XVIII вѣкѣ означало: человѣкъ низшаго сословія.

Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ.
Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу,
Ни къ стати за однимъ ночь пятномъ не спать цѣлу?
За любопытствомъ однимъ лишиться покою,
Ища, солнце ль движется, или мы съ землею?
Въ часовникѣ можно честь на всякій день года
Число мѣсяца, и часъ солнечнаго всхода.
Землю въ четверти[1]) дѣлить безъ Евклида смыслимъ;
Сколько копѣекъ въ рублѣ, безъ алгебры счислимъ.»
Силванъ одно знаніе слично людямъ хвалитъ,
Что учитъ множить доходъ и расходы малитъ;
Трудиться въ томъ, съ чего вдругъ карманъ не тол-
стѣетъ,
Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать смѣетъ.
Румяный, трожды рыгнувъ, Лука подпѣваетъ:
«Наука содружество людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали,
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному, когда я запруся
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она недолга, на что коротати,
Крушиться надъ книгою, и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
Винс даръ божественный, много въ немъ провору;
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкія мысли отымаетъ,
Скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ,
Жестокихъ мягчитъ сердца, угрюмость отводитъ,
Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою доходитъ.
Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки,
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу,
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.»
Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ,

[1]) Старинная земельная мѣра *(четь)*.

Что не въ чемъ ужъ завертѣть завитые кудри;
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ[1]) двухъ денегъ Виргилій не стоитъ,
Рексу[2]), не Цицерону, похвала достоитъ.
Вотъ часть рѣчей, что на всякъ день звенятъ мнѣ въ уши;
Вотъ для чего я, уме, нѣмѣе быть клуши[3])
Совѣтую. Когда нѣтъ пользы, ободряетъ
Къ трудамъ хвала; безъ того сердце унываетъ.
Сколько жъ больше вмѣсто хвалъ да хулы терпѣти!
Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти,
Нежли не славить попу святую недѣлю,
Нежли купцу пиво пить не въ три пуда хмѣлю.
Знаю, что можешь, уме, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злонравному добродѣтель славить,
Что щеголь, скупецъ, ханжа, и такимъ подобны
Науку должны хулить, — да рѣчи ихъ злобны
Умнымъ людямъ не уставъ, плюнуть на нихъ можно.
Изряденъ, хваленъ твой судъ; такъ бы то быть должно;
Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова умными владѣютъ.
А къ тому жъ не только тѣхъ науки имѣютъ
Недрузей, которыхъ я, краткости радѣя,
Исчелъ, иль, правду сказать, могъ исчесть смѣлѣя.
Полно ль того? Райскихъ вратъ ключари святые[4]),
И имъ же Ѳемисъ вѣски ввѣрила златые[5]),
Мало любятъ, чуть не всѣ, истинну украсу.
Епископомъ хочешь быть? уберися въ рясу,
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою,
Клюку пышно повели везти предъ тобою,
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву.
Долженъ архипастыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благоговѣйно отцемъ называти[6]).

---

[1]) Сапожникъ въ Москвѣ.
[2]) Портной въ Москвѣ.
[3]) Галка.
[4]) Духовенство.
[5]) Судьи.
[6]) Примѣчаніе Кантемира: характеръ епископа хотя съ неизвѣстнаго лица авторомъ описанъ, однако много сходства имѣетъ съ Д*** (т.-е. Дашковымъ), который въ наружныхъ церемоніяхъ поставлялъ всю преосвященства должность, а существенную, которая есть душеспасительными поученіями и добродѣтели наставлять паство свое, презиралъ.

Что въ наукѣ? Что съ нея пользы церкви будетъ?
Иной пипа проповѣдь, выпись позабудетъ,
Отъ чего доходамъ вредъ, а въ нихъ церкви права
Лучшія основаны и вся церкви слава.
Хочешь ли судьею стать? Вздѣнь перукъ съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками;
Тверде сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ;
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ,
Если жъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны правы,
Плюнь ему въ рожу; скажи, что вретъ околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подъячимъ должно лѣзть на бумажны горы,
А судьѣ довольно знать крѣпить приговоры.
Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость, и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ высшему восходу.
Златой вѣкъ до нашего не достигнулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство, — мудрость одолѣло,
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.
Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ страдавши на морѣ корабельной службы.
Всѣ кричатъ: «никакой плодъ не виденъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки».
Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ,
Смыслитъ искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты,
Тому ужъ и въ самыя молодыя лѣты
Всякая вышша степень — мзда уже не велика;
Семи мудрецовъ себя достойнымъ мнитъ лика.
«Нѣтъ правды въ людяхъ», кричитъ безмозглый церковникъ:
«Еще не епископъ я, а знаю часовникъ,
«Псалтырь и посланія бѣгло честь умѣю,
«Въ Златоустѣ не запнусь, хоть не разумѣю.»
Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ,
Когда имя ужъ свое подписать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукномъ что не сидитъ краснымъ,

Смысля дѣло набѣло списать письмомъ яснымъ.
Обидно себѣ быть мнитъ въ незнати старѣти,
Кому въ родѣ семь бояръ случилось имѣти,
И двѣ тысячи дворовъ за собой считаетъ,
Хотя впрочемъ ни читать, ни писать не знаетъ.
Молчи, уме, не скучай, въ незнатности сидя;
Таковы слыша слова, и примѣры видя,
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хулу злую.

2. НА ЗАВИСТЬ И ГОРДОСТЬ ДВОРЯНЪ ЗЛОНРАВНЫХЪ.

Предисловіе къ читателю.

(По начальной редакціи.)

Надѣюся, что между прочими читателями будутъ и такіе, которые лише прочтутъ титулъ сатиры, возбунтуются на бѣднаго сатирика. «Чтоже? скажутъ: ужъ враль сей мѣръ своихъ не знаетъ? Недовольно было того, что сначала хулилъ тѣхъ, которые до наукъ не охотники; теперь еще безъ панцыря противъ дворянъ наступаетъ; напослѣдокъ онъ намъ ничего не оставитъ, чтобъ, по его мнѣнію, можно бы правильно сдѣлать. Кто его поставилъ надъ нами судьею?» У таковыхъ читателей покорно прошу, чтобъ терпѣливо выслушали короткіе мои резоны, которые я имъ представить имѣю: неправеденъ бо судъ, гдѣ отвѣтчику потакаютъ, а челобитчика не слушаютъ.

Въ первой сатирѣ моей если я кого хулилъ, то подлинно такихъ, которые по всему хулы достойны, и нимало я не вышелъ изъ правды предѣловъ; защищалъ науку отъ невѣждъ и непріятелей ея, да не отъ такихъ невѣждъ, которые ничего не знаютъ, но которые ничего знать не хотятъ и для того всякое знаніе хулятъ, проповѣдуя, что оно не только не полезно, но и вредно народу. Согрѣшилъ ли я въ томъ? чаю, нѣтъ. Если убо тогда, одну добродѣтель защищая, не согрѣшилъ, виноватъ ли я теперь, когда всѣ вмѣстѣ защищаю? Ибо я не благородіе хулить намѣреваюся, но устремляюся противъ гордости и зависти дворянъ злонравныхъ, чѣмъ са-

мымъ всякое благонравіе защищаю. Въ сей сатирѣ говорю, что преимущество благородія честно, и полезно, и знаменито, ежели благородный честные имѣетъ поступки и добрыми украшается нравами, что темнотою злонравія всякого благородства блистаніе помрачается и что не тому достоинства вышнія приличны, чіе прозвище въ лѣтописцахъ за нѣсколько лѣтъ поминается, но котораго имя праведно въ настоящихъ временахъ хвалено бываетъ; потомъ показываю, что гордость неприлична дворянству и что гнусно дворянину завидовать благополучію подлѣйшихъ себя, коли оные чрезъ добрыя свои дѣла въ честь и славу происходятъ, что должны сами не въ играхъ и уборахъ время свое препровождать, но потомъ и мозольми въ пользу отечества доставать себѣ славу; напослѣдокъ насмѣваюся обычаямъ неполезнымъ, которые однакожъ не мѣшаютъ, если къ добродѣтели соединены. Кто за вся сія можетъ на меня правильно гнѣваться? Развѣ тотъ, кто тѣми злонравіями опятнанъ, которыя обличаю. Горацій, описуя разные виды злонравныхъ людей, сими словами періодъ кончаетъ: omnes hi metuunt versis, odere poëta — всѣ сіи бсятся стиховъ, ненавидятъ стихотворцевъ. Имъ непріятна добродѣтелей похвала и противна хула злонравій: имъ убо и сатириковъ имя ненавистно. Для того я больше сожалѣю тѣхъ, которые на меня сердитовать станутъ, нежели плачу о себѣ, что въ ихъ гнѣвъ впасть имѣю. На послѣдній ихъ вопросъ, которымъ вѣдать желаютъ, кто меня судьею поставилъ, отвѣтствую: что все, что я пишу — пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданамъ моимъ вредно быть можетъ. Не для того такую ревность въ себѣ показываю, якобы въ сожалѣніе я пришелъ, видя своего дворянства непорядочное житіе. Не буди того! Но предуспѣвая злому, то дѣлаю: столь бо гнусными и противными красками описавъ портретъ злонравнаго человѣка дворянина, всякій, чаю, всѣми способами стараться станетъ, чтобъ никое съ нимъ сходство не имѣлъ, отбѣгать всего того будетъ, что можетъ его подобна тому учинить. Напослѣдокъ, желая изъяснить мнѣніе мое о преимуществѣ благородства, предъявляю, что не только оное не презираю, но почитаю и хвалю, яко способъ препрядный для побужденія къ добродѣтели: ибо мужества, благоразумія, ревности и вѣрности воздаяніемъ обыкло быть благородство. Рѣдко въ наши вѣки добродѣтель за внутреннюю ея самой красоту любятъ; коли добро дѣлаютъ — ждутъ воздаянія, а когда не дѣлаютъ — боятся на-

казанія; для того имя благороднаго нужно и полезно, ибо такимъ (благородія именемъ) способомъ воздаяніе за добродѣтель продолжается отъ предковъ къ потомкамъ ихъ и отъ настоящихъ къ будущимъ вѣкамъ, и потому безпрестанно тою же дорогою тожъ себѣ проискивать и прочихъ ободряетъ.

Филаретъ.

Что такъ смутенъ, дружокъ мой? Щеки внутрь опали,
Блѣденъ, и глаза красны, какъ бы ночь не спали?
Задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ патріаршъ достати
Ища, конный свой заводъ раздарилъ не кстати?[1])
Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато
Платье носить, иль твоихъ слугъ пеленать въ злато?
Картъ ли не стало въ рядахъ, вина ль дорогова?
Матерь, знаю, и родня твоя вся здорова;
Обильство сыплетъ тебѣ дары полнымъ рогомъ;
Ничто тебѣ не претитъ жить въ покоѣ многомъ.
Что жъ молчишь? Ужли твои уста косны стали?
Не знаешь ли, сколь намъ другъ полезенъ въ печали,
Сколь много здравый совѣтъ полезенъ бываетъ,
Когда тому слѣдовать страсть не запрещаетъ?
А, а! Дознаюсь я самъ, что тому причина:
Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина,
Трифсну лента дана, Туллій деревнями
Награжденъ; ты съ пышными презрѣнъ именами.
Забыта крови твоей и слава и древность,
Предковъ къ общества добру многотрудна ревность,
И преимуществъ твоихъ толпа неоспорныхъ;
А зависти въ тебѣ нѣтъ, какъ въ попахъ соборныхъ.

Евгеній.

Часть ты прямо отгадалъ. Хоть мнѣ не завидно,
Чувствую, сколь знатнымъ всѣмъ и стыдъ и обидно,
Что кто не всѣ еще стеръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ, «сальныя», крича, «ясно свѣчи

[1]) Примѣчаніе Кантемира: «Извѣстно есть всѣмъ высокомысліе бывшаго архіепископа Р*** (т.-е. ростовскаго, Георгія Дашкова), который ничего такъ не желалъ, какъ быть главнымъ церкви россійской, а для полученія того чина много коней раздарилъ, которыхъ онъ имѣлъ изрядный заводъ; но по обыкновенію тѣхъ, которые высокаго ищутъ, того не доставъ, въ заточеніи жизнь провождать принужденъ былъ».— Дашковъ въ 1731 г. былъ лишенъ сана и сосланъ въ монастырь.

Горятъ!»; кто съ подовыми горшкомъ истеръ плечи,
Тотъ на высоку степéнь, вспрыгнувши, блистаетъ;
А благородство мое во мнѣ унываетъ
И не сильно принести мнѣ никакой польги.[1])
Знатны ужъ предки мои были въ царство Ольги.
И съ тѣхъ временъ по сихъ поръ въ углу не сидѣли,
Государства лучшими чинами владѣли.
Разсмотри гербовники, грамотъ виды разны,
Книгу Родословную, записки приказны:
Съ прадѣдова прадѣда, чтобъ начать поближе,
Думнаго, намѣстника никто не былъ ниже;
Искусны въ миру, въ войнѣ разсудно и смѣло
Вершили ружьемъ, умомъ не одно тѣ дѣло.
Взгляни на пространныя стѣны нашей салы,
Увидишь, какъ рвали строй, какъ ломали валы.
Въ судѣ чисты руки ихъ, помнитъ челобитчикъ
Милость ихъ, и помнитъ злу остуду обидчикъ.
А батюшка ужъ всѣмъ верхъ; какъ его не стало,
Государство правое плечо съ нимъ отпало.
Когда, было, выѣдетъ, всякъ долой съ дороги,
И шапочку снявъ, ему головóю въ ноги.
Всегда за нимъ выборна таскалася свита,
Что ни день, рано съ утра крестова[2]) набита
Тѣми, которыхъ теперь народъ почитаетъ,
И отъ которыхъ нашъ братъ милость ожидаетъ.
Сколько разъ, не смѣя тѣ приступать къ намъ сами,
Двсрецкому кланялись съ полными руками!
И когда батюшка къ нимъ промолвитъ хоть слово,
Заторопѣвъ, онѣмѣвъ, слезы у инова
Потекли съ глазъ съ радости; иной не спокоенъ,
Всѣмъ наскучилъ, хвастая, что былъ онъ достоенъ
Съ временщикомъ говорить, и весь веселился
Домъ его, какъ бы имъ кладъ богатый явился.
Самъ ужъ суди, какъ легко мнѣ должно казаться,
Столь славны предки имѣвъ, забытымъ остаться,
Послѣднимъ видѣть себя, куда глазъ ни вскину?

Филаретъ.

Слышалъ я важну твоей печали причину;
Позволь ужъ мнѣ мою мысль открыть и совѣты,

[1]) Пользы. Кантемиръ указываетъ, что это — народная форма.
[2]) Крестовая палата, или образная, гдѣ цари и вельможи принимали по утрамъ доклады.

А вѣдай притомъ, что я лукавыхъ примѣты,
Лесть, похлѣбство[1]) не люблю: но сердце согласно
Съ языкомъ; что мыслитъ то, сей вымолвитъ ясно.
Благородство, будучи заслугъ мзда, я знаю,
Сколь важно, и много въ немъ пользы признаваю.
(Почесть та къ добрымъ дѣламъ многихъ ободряетъ,
Когда награду въ себѣ вершенныхъ являетъ[2]).
Сыщешь въ людяхъ таковыхъ, которымъ не дивны
Куча золота, ни домъ огромный, ни льстивный
На пуху покой, ни жизнь, сколь бы ни прохладна;
Къ титламъ, къ славѣ до одной всяка душа жадна.)
Но тщетно имя оно[3]), ничего собою
Не значитъ въ томъ, кто себѣ своею рукою
Не присвоитъ почесть ту, добыту трудами
Предковъ своихъ. Грамота, плѣснью и червями
Изгрызена, знатныхъ насъ дѣтьми есть свидѣтель,
Благородными явитъ одна добродѣтель.
Презрѣвъ покой, снесъ ли ты самъ труды военны?
Разогналъ ли предъ собой враги устрашенны?
Къ безопаству общества расширилъ ли власти
Нашей рубежъ? Судъ судя, забылъ ли ты страсти?
Облегчилъ ли тяжкія подати народу?
Приложилъ ли къ царскому что ни есть доходу?
Примѣромъ, словомъ твоимъ ободрены ль люди
Хоть мало очистить злыхъ нравовъ темны груди?
Иль, буде случай, младость въ то не допустила,
Есть ли показаться въ томъ впредь воля и сила?
Знаешь-ли чисты хранить и совѣсть и руки?
Бѣдныхъ жалки ли тебѣ слезы и докуки?
Не завистливъ, ласковъ, правъ, не гнѣвливъ, беззлобенъ,
Вѣришь ли, что всякъ тебѣ человѣкъ подобенъ? —
Изрядно можешь сказать, что ты благороденъ,
Можешь счесться Ектору или Ахиллу сроденъ;
Іулій и Александръ, и всѣ мужи славны
Могутъ быть предки твои, лишь бы тебѣ нравны.
Ты самъ, праотцевъ твоихъ исчисляя славу,
Призналъ, что пала она и дѣламъ и нраву[4]):
Иной въ войнахъ претерпѣлъ нужду, страхъ и раны,

---

[1]) Подслуживанье, потаканье.
[2]) Когда она—награда за свершенныя дѣла.
[3]) Это имя (т.-е. дворянство).
[4]) Что оно выпала на ихъ долю соотвѣтственно ихъ дѣламъ и нраву.

Инымъ въ морѣ недруги и валы попраны,
Иной правду вѣсилъ тихъ, бѣгая обиды;
Всѣхъ были различные достоинства виды.
Если бы ты имъ подражалъ, право бъ могъ роптати,
Что за другими тебя и въ пару не знати.
Потрись на оселку[1]), другъ, покажи въ чемъ славу
Крови собой, и твою жалобу быть праву[2]).
Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты подъ парчею
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею,
Грозно соплешь, пока дня пробѣгутъ двѣ доли.
Зѣвнулъ, растворилъ глаза, выспался до воли,—
Тянешься ужъ часъ-другой, нѣжишься, сжидая
Пойло, что шлетъ Индія, иль везутъ съ Китая.
Изъ постели къ зеркалу однимъ спрыгнешь скокомъ;
Тамъ ужъ, въ попеченіи и трудѣ глубокомъ,
Женскихъ достойную плечъ завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину.
Часть надъ лоскимъ лбомъ торчать будутъ сановиты,
По румянымъ часть щекамъ въ колечки завиты
Свободно станетъ играть, часть уйдетъ за темя
Въ мѣшокъ. Дивится тому строенію племя
Тебѣ подобныхъ; ты самъ, новой Нарцисъ, жадно
Глотаешь очьми себя; нога жмется складно
Въ тѣсномъ башмакѣ твоя, потъ съ слуги валится,
Въ двѣ мозоли и тебѣ краса становится:
Избитъ полъ, и подъ башмакъ стёрто много мѣлу.
Деревню вздѣнешь потомъ на себя ты цѣлу[3]).
Не столько стало народъ римляновъ пристойно
Основать, какъ выбрать цвѣтъ и парчу, и стройно
Сшить кафтанъ по правиламъ щегольства и моды:
Пора, мѣсто, и твои разсмотрѣны годы,
Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ, чтобъ, тебѣ въ образу[4]),
Нѣжну зеленъ въ городѣ не досажалъ глазу,
Чтобъ бархатъ не отягчалъ въ лѣтню пору тѣло,
Чтобъ тафта не хвастала среди зимы смѣло;

---

[1]) На оселкѣ трутъ золото, чтобы испробовать его подлинность.
[2]) Покажи на себѣ въ чемъ-нибудь славу твоей крови и правоту твоей жалобы.
[3]) Кафтанъ, который цѣной равняется цѣлой деревнѣ.
[4]) Досада, огорченіе.

Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ, право и законы.
Какъ искусные попы всякого дня звоны.
Долголѣтняго пути въ краяхъ чужестранныхъ,
Иждивеній и трудовъ тяжкихъ и пространныхъ
Дивный плодъ ты произнесъ. Ущербя пожитки,
Понялъ, что фалды должны тверды быть, не жидки,
Въ полъ-аршина глубоки и ситой[1]) подшиты;
Согнувъ кафтанъ не были бъ станомъ всѣ покрыты;
Каковъ рукавъ долженъ быть, гдѣ клинья уставить,
Гдѣ карманъ, и сколько грудь окружа прибавить;
Въ лѣто или осенью, въ зиму и весною
Какую парчу подбить пристойно какою,
Что приличнѣе нашить, сребро или злато,—
И Рексу лучше тебя знать ужъ трудновато.
Въ обѣдъ и на ужинѣ частенько двоится
Свѣча въ глазахъ; часто полъ подъ тобой вертится,
И обжирство тебѣ въ ротъ куски управляетъ.
Гнусныхъ тогда полкъ друзей тебя окружаетъ,
И глодая до костей самыхъ, нравъ веселый,
Тщиву душу, и въ тебѣ хвалитъ разумъ спѣлый.
Сладко щекотятъ тебѣ ухо красны рѣчи,
Вздутымъ поднятъ пузыремъ, чаешь, что подъ плечи
Не дойдетъ тебѣ людей все прочее племя.
Оглянись, намѣстниковъ царскихъ чисто сѣмя:
Тотъ же полкъ, лишь съ глазъ твоихъ, тебѣ ужъ смѣется;
Скоро станетъ и въ глаза; притворство минется,
Какъ скоро сойдутъ твоихъ пожитковъ остатки.
(Боюсь я устъ, что въ лицо точатъ слова сладки.)
Ты самъ неотступно то время ускоряешь,
Изъ рукъ ты пестрыхъ пучки бумагъ[2]) не спускаешь.
И мечешь горстью твоихъ мозольми и потомъ
Предковъ скоплено добро! Деревня со скотомъ
Не первая ужъ пошла въ бережную руку
Того, кто мало предъ симъ кормился отъ стуку
Молота по жаркому въ кузницѣ желѣзу...
. . . . . .
Исправь себя, и тогда жди, дружокъ, награду;
По тѣхъ поръ забытымъ быть не считай въ досаду:
Пороки, кои теперь прикрываютъ тѣни
Стѣнъ твоихъ, укрыть нельзя на вышшей степени.

---

[1]) Накрахмаленная марля.
[2]) Карты.

Чистъ быть долженъ, кто туды, не поблѣднѣвъ, всходитъ,
Куды зоркіе глаза весь народъ наводитъ...
Еще бъ можно извинить, если знатный тужитъ,
Видя, что счастье во всемъ слѣпо тому служитъ,
Кого сколько теменъ родъ, столь нравы развратны,
Ни отечеству добры, ни въ людяхъ пріятны:
Но когда противное видитъ въ человѣкѣ,
Веселиться долженъ ужъ, что есть въ его вѣкѣ
Мужъ таковъ, кой добрыми родъ свой возвышаетъ
Дѣлами, и полезенъ всѣмъ быть начинаетъ.
Что жъ въ Дамонѣ, въ Трифонѣ и Туллiѣ гнусно,
Что, какъ награждаютъ ихъ, тебѣ на смерть грустно?
Благонравны тѣ, умны, вѣрность ихъ не мала;
Слава наша съ трудовъ ихъ нѣчто воспріяла.
Правда, въ царство Ольгино предковъ ихъ не знали,
Думнымъ и намѣстникомъ дѣды не бывали,
И дворянства старостью считаться съ тобою
Имъ нельзя; да что съ того? Они вѣдь собою
Начинаютъ знатный родъ, какъ твой родъ начали
Твои предки, когда Русь греки крестить стали.
И твой родъ не все таковъ былъ, какъ потомъ стался,
Но первый съ предковъ твоихъ, что дворянинъ звался,
Имѣлъ отца славою гораздо поуже,
Каковъ Трифонъ, Туллій былъ, или и похуже.
Адамъ дворянъ не родилъ, но одно съ двухъ чадо
Его садъ копалъ, другой пасъ блеюще стадо.
Ной въ ковчегѣ съ собою спасъ все себѣ равныхъ,
Простыхъ земледѣтелей, нравами лишь славныхъ:
Отъ нихъ мы всѣ сплошь пошли, одинъ поранѣе
Оставя дудку, соху, другой попозднѣе.

---

3. Пѣсня.

(Въ подражаніе Анакреону.)

Пріятныя благодати![1])
Танцы вы водя подъ древомъ,
Двигайте ноги легонько,
Велите играть тихонько,

---

[1]) Анакреонъ обращается къ Харитамъ (граціямъ). Пѣсенка интересна по легкому языку и какъ очень удачная для того времени попытка передать греческое стихотвореніе бѣлымъ стихомъ.

Или, далѣе отшедши,
Пріятныя благодати,
Танцы вы свои водите:
Любимица моя близко
Спочиваетъ тутъ подъ древомъ.
Взбудить ее берегитесь:
Когда взглянутъ тыя очи,
Уже будутъ ничто ваши;
Ужъ вамъ, красны благодати,
Не похочется плясати.

---

12. В. К. Тредьяковскій.

Значеніе В. К. Тредьяковскаго въ исторіи русской литературы было установлено далеко не сразу. Положительныя его достоинства: его знанія въ области словесныхъ наукъ, прекрасное знакомство съ нѣсколькими языками, польза переводческой дѣятельности, наконецъ, его главная заслуга — установленіе тоническаго стиха на основѣ народныхъ русскихъ пѣсенъ — все это еще при жизни Тредьяковскаго было не признано и заслонено блестящей дѣятельностью его болѣе талантливыхъ современниковъ, Ломоносова и Сумарокова. Мелкость его личнаго характера и, какъ это ни странно, рядъ униженій, выпавшихъ на его долю въ тотъ грубый вѣкъ, окончательно содѣйствовали тому, что уже въ XVIII вѣкѣ имя этого полезнаго труженика стало синонимомъ презрительной бездарности, а его сочиненія — предметомъ насмѣшки. Лишь съ половины прошлаго столѣтія обратили вниманіе, что у Тредьяковскаго было солидное литературное образованіе, и въ сочиненіяхъ его есть рядъ здравыхъ мыслей и вѣрныхъ теоретическихъ взглядовъ на языкъ и литературу. Одного не могла открыть въ его литературной дѣятельности внимательная и доброжелательная критика — изящнаго вкуса и поэтическаго таланта.

Она признала однако его задачу — создать изящный поэтическій русскій стихъ и языкъ — настолько трудной для того времени, что это не удалось въ сколько-нибудь полной мѣрѣ никому изъ его современниковъ. Стихи Тредьяковскаго иногда не хуже Ломоносовскихъ и Сумароковскихъ, хотя, сказать правду, чаще уступаютъ имъ. Во всякомъ случаѣ они имѣютъ въ исторіи нашей поэзіи извѣстное значеніе, какъ первый лепетъ новой русской музы. Тредьяковскій воспиталъ свой литературный вкусъ на французской поэзіи; съ тѣхъ поръ какъ онъ юношей пожилъ въ Парижѣ, и его восхитило «красное мѣсто, драгій берегъ Сенскій», онъ на всю жизнь поставилъ себѣ за образецъ торжественную пышность ложноклассической оды и поэмы, съ одной стороны, и галантность французской лирики — съ другой. Сложными формами

мелкой лирики — мадригала, тріолета, сонета и т. п. — онъ владѣлъ, пожалуй, лучше, чѣмъ кто-либо въ его время, а такихъ гладкихъ и звучныхъ французскихъ стиховъ, какіе писалъ онъ, конечно, тогда не могъ сочинить никто. Но Тредьяковскому было не по силамъ пролагать новые пути, что было тогда необходимо; будь къ его услугамъ готовый, обработанный языкъ, онъ сталъ бы замѣтнымъ второстепеннымъ писателемъ. Его несчастіе въ томъ, что всѣ его склонности и вкусы лежали именно въ области литературной формы, для которой ему было такъ мало отпущено таланта; а содержаніе, идейная сторона поэзіи всегда составляла самую слабую его сторону. Онъ не имѣлъ того горячаго, нервнаго отношенія къ живой дѣйствительности, которое даетъ иногда извѣстную силу сатирѣ Сумарокова и нѣкоторую живость движенію чувствъ въ его драмахъ; еще менѣе способенъ былъ онъ подняться на высоту патріотическаго и общественнаго одушевленія, какимъ дышала нерѣдко серіозная лира Ломоносова. Тредьяковскому нечѣмъ было возмѣстить неловкую, грубоватую форму своихъ произведеній, и онъ не могъ имѣть успѣха, но его старательное исканіе формы и вѣчныя заботы о ней не должны быть забыты, потому что тогда эти вопросы формы были насущной потребностью нашей молодой литературы.

Здѣсь даны образцы разнообразныхъ стихотвореній Тредьяковскаго, отъ почти совершенно силлабическихъ (первыя два) до правильныхъ тоническихъ.

1. Пѣсенка, которую я сочинилъ еще будучи въ Московскихъ школахъ на мой выѣздъ въ чужія краи.

Весна катитъ,
Зиму валитъ,
И ужъ листикъ съ древомъ шумитъ.
Поютъ птички
Со синички,
Хвостомъ машутъ и лисички.

* * *

Взрыты брозды,
Цвѣтутъ грозды,
Кличетъ щегликъ, свищутъ дрозды;
Льются воды,
И погоды;
Да ветъ знатны намъ походы.

* * *

Конатъ рвется,
Якорь бьется,
Знать, корабликъ понесется.

Нужъ, плынь спѣшно,
Не помѣшно,
Плыви смѣло, то успѣшно.

* * *

Ахъ! широки
И глубоки
Воды морски, разбьютъ боки!
Вось заставятъ,
Не оставятъ
Добры вѣтры и приставятъ[1]).

2. Описаніе грозы, бывшія въ Гагѣ.

Съ одной страны громъ,
Съ другой страны громъ,
Смутно въ воздухѣ!
Ужасно въ ухѣ!
Набѣгли тучи,
Воду несучи,
Небо закрыли,
Въ страхъ помутили:

* * *

Молніи сверкаютъ,
Страхомъ поражаютъ,
Трескъ въ лѣсу съ Перуна,
И темнѣетъ луна,
Вихри бѣгутъ съ прахомъ,
Полоса рветъ махомъ,
Страшно ревутъ воды
Отъ той непогоды.

* * *

Ночь наступила,
День измѣнила,
Сердце упало:
Все зло настало!
Пролилъ дождь въ крышки,
Трясутся вышки,
Сыплются грады,
Бьютъ вертограды.

---

[1]) Смыслъ послѣднихъ трехъ строкъ повидимому таковъ: высказавъ страхъ свой передъ ожидающимъ его морскимъ путешествіемъ, онъ выражаетъ надежду, что авось (= вось) на выручку явятся попутные вѣтры, которые благополучно и «приставятъ» его къ пристани.

* * *

Всѣ животны рыщутъ,
Покоя не сыщутъ,
Бьютъ себя въ груди
Виноваты люди,
Бояся напасти,
И чтобъ не пропасти.
Руки воздѣваютъ,
На небо глашаютъ.

* * *

О, солнце красно!
Стань опять ясно,
Разжени тучи,
Слезы горючи,
Столкай перемѣну
Отсель за Вѣну,
Дхнуть бы зефіромъ
Съ тишайшимъ миромъ!

* * *

А вы, Аквилоны,
Будьте какъ и оны;
Лютость отложите,
Только прохладите.
Побѣги, вся злоба,
До вѣчнаго гроба:
Дни намъ надо красны,
Пріятны и ясны[1]).

3. Нѣсколько штукъ, сочиненныхъ строфами о разныхъ матеріяхъ.

ВЕШНЕЕ ТЕПЛО (ода).

Весна румяная предстала!
Возникла юность на поляхъ;
Весна тьму зимню облистала,
Красуйся все, что на земляхъ:

[1]) Это—одна изъ тѣхъ пьесъ, по поводу которыхъ Тредьяковскій писалъ въ своемъ трактатѣ о стихотворствѣ, что вернувшись изъ-за границы, онъ «по молодости и по французскому духу началъ себя производить въ обществѣ нѣкоторыми стишками». «Но,—добавляетъ онъ,—по сочиненіи чего-нибудь на какую свою пѣсу (= пьесу) ни посмотрю, вижу, что она не состоитъ стіхами, выключая рифму, но точно странными нѣкакими прозаическими строчками. Напослѣдокъ выразумѣлъ сему быть отъ того, что въ нихъ не было никакова, по равнымъ разстояніямъ измѣреннаго, слоговъ количества»... Таковъ былъ первый толчокъ къ теоріи тоническаго стиха.

Ужъ по хребтамъ холмисты горы
Предъ наши представляютъ взоры
Не бѣлый, съ сыри[1]) падшій снѣгъ,
Но зелень изъ среды прозябшу,
А соковъ нову силу взявшу;
Раскованъ ледъ на быстрый бѣгъ.
Се ластовица щебетлива
Соглядуема всѣми есть;
О, птичка свойства особлива!
Ты о веснѣ даешь намъ вѣсть,
Какъ вкругъ жилищъ паря поспѣшно,
Ту воспѣваешь толь утѣшно;
Мы, домъ слѣпляющу себѣ,
Изъ крупинъ, не въ единъ слой, глинки,
И пролагающу былинки,
Въ восторгѣ зримъ, дивясь тебѣ.

ИДИЛІЯ.

Нисса.

На травкѣ Тирсъ одинъ въ лачушкѣ
Тогда лежалъ,
Какъ разсуждалъ
О Ниссѣ тамъ пастушкѣ:
«Ея въ селѣ
У насъ красняе,
И на землѣ
Нѣтъ, чай, умняе»;
Въ себѣ сказалъ.
«Ей въ славу буду на гудочкѣ
За тѣмъ играть,
И прибирать
Въ двойной слова хвалъ строчкѣ:
Чтобъ ею здѣсь
Мнѣ отдавался
Лѣсочикъ весь;
Чрезъ то бъ казался
Ея жъ взывать.
Поставлю имя по обѣту
Въ разныхъ цвѣтахъ

[1]) Сырь = небо, воздухъ.

На всѣхъ древахъ,
Которыхъ краше нѣту:
Пускай на нихъ
То всѣ читаютъ
Въ гульбищахъ сихъ
И ту желаютъ
Имѣть въ глазахъ.
Пушечку лехче та летаетъ,
Танцуя въ ладъ;
Всякъ видѣть радъ
Ту видя лишь узнаетъ:
Ужъ дива нѣтъ
Ни въ соловейкѣ,
Когда поетъ,
Въ своей семейкѣ,
Намъ Нисса складъ.

ТИЛЕМАХИДА[1]).

Книга первая.

Перечень. Тилемахъ, препровождаемый Палладою, подъ образомъ Менторовымъ, пристаетъ по разбитіи корабля своего къ острову богини Калипсы, печалившіяся еще объ отшествіи Одиссеевѣ; богиня воспріемлетъ его благосклонно, разгорается страстію къ нему, принося ему безсмертіе, и вопрошаетъ того объ его приключеніяхъ. Онъ доноситъ ей повѣствованіемъ о путешествіи своемъ въ островъ Цилонъ и въ Лакедемонъ; о разбіеніи корабля своего при брегахъ Сікелійскихъ; о бѣдствіи, что едва не закланъ въ жертву тѣнямъ Анхісіевымъ; о помощи, какову Менторъ и онъ подали Акестію во время нашествія варварскаго; и о благодарности сего Царя за ихъ услугу дарованіемъ имъ Тирійскаго судна на возвращеніе въ страну природну.

Древня размѣра Стіхомъ пою Отцелюбнаго сына,
Кой, отъ природныхъ браговъ поплывъ и странствуя долго,
Былъ провождаемъ вездѣ Палладою[2]) Ментора въ видѣ.

---

[1]) Нравоучительная повѣсть Фенелона о приключеніяхъ Одиссеева сына Телемака въ поискахъ за отцомъ пользовалась во всей Европѣ большой извѣстностью до начала XIX вѣка. Тредьяковскій задумалъ переложить ее съ французской прозы на русскіе стихи. Выборъ самаго произведенія, а также рѣшеніе переложить его именно на гекзаметръ — все это дѣлаетъ честь вкусу и литературному чутью переводчика; но, конечно, его таланта нехватило на то, чтобы создать легкій и свободный русскій гекзаметръ. И не мудрено: это не удалось и Гнѣдичу, уже въ XIX вѣкѣ.

[2]) Мінерва. (Всѣ примѣчанія къ отрывку изъ Телемахиды принадлежатъ Тредьяковскому.)

Многожъ коль ни-страдалъ отъ гнѣвныя онъ Афродіты[1]).
За любострастныхъ сея утѣхъ презоръ съ омерзѣньми;
Но прикровенна Премудрость съ нимъ отъ всѣхъ бѣдъ избавляла,
И возвратившуся въ домъ даровала Рождшаго видѣть.
Странно ль, быть Добродѣтели такъ увѣнчанной успѣхомъ?
Муса! повѣждь и вину[2]), и конецъ путешествій Сыновскихъ,
Купно, въ премѣнѣ царствъ и людей, приключенія разны;
Рцы, коль безъ кротости юноша пыщъ[3]), безъ скромности дерзокъ;
Безъ направленій стремглавъ, чуждъ искусства безъ навыковъ дѣльныхъ;
Внѣ постоянства превратенъ[4]), и твердости внѣ легкомысленъ;
Коль есть медленъ ко Благу, творитъ Зло, Игру тщу, пристрастенъ;
Чаять всего отъ себя, но безъ помощи рѣяться[5]) въ бездны.
Всежъ и сіе, и то, украси Примышленій убранствомъ.
А воскриляя сама, утверди парить за-Омиромъ;
Слогъ Одуссіи[6]) веди Стопой въ Фенелоновѣ слогѣ.
Я не сравниться хощу прославленнымъ столь Стіхопѣвцамъ;
Слуху Россійскому тѣнь подобія токмо представлю;
Да громогласныхъ въ Насъ изощрю достигать совершенства.

---

13. М. В. Ломоносовъ.

Литературное значеніе Ломоносова создано было прежде всего его поэтической дѣятельностью. Хотя онъ не былъ поэтомъ по призванію и въ силѣ художественнаго творчества уступалъ, напр., Державину, но его литературное первенство признавалось почти безспорно очень долгое время: въ 30-хъ годахъ XIX вѣка профессоръ Московскаго университета Мерзляковъ съ кафедры еще восторгался его поэзіей. Пушкинъ одинъ изъ первыхъ, а затѣмъ Бѣлинскій, ограничили права Ломоносова на поэтическую славу довольно скромными предѣлами и указали другую, гораздо болѣе важную сторону его значенія—созданіе литературнаго языка. Позднѣйшее изученіе Ломоносова въ главномъ и существенномъ

---

[1]) Венера.
[2]) Причина.
[3]) Дутикъ.
[4]) Вертушка.
[5]) Порываться.
[6]) Омирова піима объ Улиссѣ.

подтвердило взгляды Пушкина и Бѣлинскаго. Ломоносовъ не былъ рожденъ поэтомъ. Его оды писаны по ложноклассическимъ образцамъ и правиламъ, часто холодны и реторичны, привычный шаблонъ слышится въ нихъ гораздо чаще, чѣмъ искренній голосъ сердца и вдохновенія. Тѣмъ не менѣе его лирика имѣетъ большое значеніе, и вкусъ нѣсколькихъ поколѣній, восхищавшихся ею, не былъ ложнымъ. Русская поэзія въ стихахъ Ломоносова впервые нашла стройные звуки для выраженія многихъ серіозныхъ и важныхъ настроеній; ясный, мужественный языкъ, звучный и сильный стихъ соединялись здѣсь нерѣдко съ благородными, возвышенными чувствами, касавшимися религіи, природы, науки, просвѣщенія, общаго блага; иногда сюда присоединялось и обаяніе искренняго воодушевленія. Наконецъ, Ломоносовъ писалъ не однѣ торжественныя оды; забавная шутка, эпиграмма и сатира съ общественнымъ значеніемъ, простая, легко и непринужденно разсказанная басня, переводы анакреонтическихъ стихотвореній — во всѣхъ этихъ пробахъ и образчикахъ разнообразныхъ поэтическихъ формъ русскій языкъ подъ перомъ Ломоносова впервые показалъ такую гибкость, свободу и легкость, которыя надолго должны были стать примѣромъ и образцомъ для подражанія.

Помѣщенный ниже выборъ стихотвореній Ломоносова имѣетъ цѣлью показать именно разнообразіе его поэтической дѣятельности и богатство его рѣчи; эти свойства остаются незамѣченными, если ограничить знакомство съ Ломоносовымъ его торжественными одами.

Помимо этой литературной стороны предложенный выборъ даетъ возможность познакомиться съ особенностями личности Ломоносова и съ его воззрѣніями. Послѣдней цѣли служатъ также выдержки изъ писемъ. Наконецъ, помѣщенная главная часть разсужденія «О пользѣ книгъ церковныхъ» раскрываетъ теоретическія основы главнаго дѣла Ломоносова—преобразованія литературнаго языка.

Другая, не менѣе важная заслуга «отца русской литературы»— установленіе въ русскомъ обществѣ высокаго авторитета европейскаго просвѣщенія и работа надъ приложеніемъ этого просвѣщенія къ нуждамъ русской жизни, однимъ словомъ, общественно-просвѣтительная сторона дѣятельности Ломоносова, за которую Пушкинъ назвалъ его «первымъ русскимъ университетомъ», не подлежитъ здѣсь подробному выясненію, но извѣстный матеріалъ и для нея можетъ представить данный ниже выборъ.

1. НА ТУЕСОКЪ[1]).

Услышали мухи
Медовые духи,

[1]) Эти стихи написаны Ломоносовымъ еще въ школѣ. Туесъ, туесокъ— берестовый буракъ, общеупотребительная на сѣверѣ Россіи посуда для воды, молока, и т. п. Ломоносовъ далъ здѣсь живую картинку съ натуры: къ туеску съ медомъ прилипли мухи и жужжатъ, стараясь освободиться.

Прилетѣвши сѣли,
Въ радости запѣли.
Едва стали ясти,
Попали въ напасти,
Увязли бо ноги;
Ахъ, плачутъ убоги:
Меду полизали,
А сами пропали.

2. ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ, ПРИ СЛУЧАѢ ВЕЛИКАГО СѢВЕРНАГО СІЯНІЯ.

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна, звѣздъ полна; —
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.
Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
Геряюсь, мысльми утомленъ.
Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ,
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ;
Для общей славы божества
Тамъ равна сила естества.
Но гдѣ-жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря[1]);
Не солнце-ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты-ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ нощь на землю день вступилъ!
О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ!

[1]) Сѣверное сіяніе.

Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ —
Скажите, что насъ такъ мятетъ?
Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?
Тамъ споритъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ горъ верхи горятъ,
Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ,
И гладки волны бьютъ въ эфиръ.
Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите-жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите-жъ, коль великъ Творецъ!

3. ОДА ВОСЬМАЯ.

На день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны (1747 г.).

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою,
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.
Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты,
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ,
Но краше въ свѣтѣ не находитъ

Елисаветы и тебя.
Ты кромѣ той всего превыше,
Душа ея зефира тише,
И зракъ прекраснѣе рая.
Когда на тронъ она вступила,
Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ,
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя, пріявъ, облобызала,
«Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я россовъ счастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ».
Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткій гласъ:
О, коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!
Когда ты крестъ несла рукою
И на престолъ взвела съ собою
Добротъ твоихъ прекрасный ликъ!
Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія твоихъ похвалъ.
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ пловца способный вѣтръ
Чрезъ яры волны порываетъ:
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ,
Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.
Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай, вселенна:

Се хощетъ лира восхищенна
Гласить велики имена.
Ужасный чудными дѣлами,
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни:
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка;
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну,
Россію варварствомъ попранну
Съ собой возвысилъ до небесъ.
Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна
Сомнѣнная[1]) Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?
Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію простирали руки,
Къ сему Монарху, говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.
Но, ахъ, жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ[2]) рыданій нашихъ слухъ,
Верхи Парнасски возстенали,

[1]) Недоумѣвающая.
[2]) Внявъ.

И музы съ воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.
Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ смущался путь;
И токмо, шествуя, желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петрѣ едина,
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ, еслибъ жизнь ея продлилась,
Давно бъ Секвана постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!
Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнассъ?
О, коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики;
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышаетъ,
Довольство музъ усугубляетъ
И къ счастью отверзаетъ дверь.
Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.
Сія[1]) тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ,
Пространная твоя держава,
О, какъ тебѣ благодаритъ!
Воззри на горы превысоки,
Воззри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство въ оныхъ потаенно

[1]) Другая слава, не военная, а мирная.

Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью твоей цвѣтетъ.
Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія,
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.
Сіе[1]) злату очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.
Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистой быстриной,
Какъ Нилъ, народы напояетъ,
И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю шириной.
Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ сѣней
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не разгонялъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ;
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не устрашалъ.
Широкое открыто поле,
Гдѣ музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ твой до небесъ прославимъ
И знакъ щедротъ твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца восходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,

---

[1]) Искусство.

Желая паки возвратиться
Въ твою державу отъ Манжуръ.
Се мрачной вѣчности запону[1])
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ.
Тамъ влажная стезя бѣлѣетъ
На встокъ пловущихъ кораблей:
Колумбъ россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Сказать о щедрости твоей.
Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ океанъ;
Небесной синевой одѣянъ,
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.
И се Минерва ударяетъ
Въ верхи Рифейски копіемъ[2]),
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеска дневнаго свѣтила
Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.
О, вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ!
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ, ободренны,

[1]) Завѣсу. — Въ этомъ мѣстѣ оды передъ нами вскрываются завѣтныя надежды Ломоносова. Онъ мечтаетъ о морскихъ экспедиціяхъ въ Великій Океанъ, объ открытіяхъ и русскихъ колоніяхъ въ Полинезіи.

[2]) Рифейски верхи — Уральскія горы. Рѣчь идетъ о разработкѣ горныхъ богатствъ; вскрываетъ ихъ Минерва (Афина), какъ богиня мудрости, знанія.

Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.
  Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на единѣ;
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.
  Тебѣ, о милости источникъ,
О, Ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,
Противъ тебя возстать войною.
Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ безпреткновенну
И жизнь твою благословенну
Съ числомъ щедротъ твоихъ сравнитъ.

4. КЪ ПАХОМІЮ.

Пахомій говоритъ, что для святаго слова
Риторика ничто; лишь совѣсть будь готова.
Ты будешь казнодѣй[1]), лишь только стань попомъ
И стыдъ весь отложи. Однако врешь, Пахомъ.
На что риторику совсѣмъ пренебрегаешь?
Ее лишь ты одну, и то худенько знаешь.
Василій, Златоустъ, церковные столпы,
Учились долѣе, чѣмъ нынѣшни попы:
Гомера, Пиндара, Демосѳена читали
И проповѣдь свою ихъ штилемъ предлагали,
Натуру, общую всѣмъ прочимъ тварямъ мать,
Небесъ, земли, морей старались испытать,

[1]) Проповѣдникъ.

Дабы Творца чрезъ то по мѣрѣ силъ постигнуть
И важностью вещей сердца людски подвигнуть;
Не ставили за стыдъ изъ басенъ выбирать,
Чтобъ къ праведнымъ дѣламъ возможно преклонять.
Ты словомъ Божіимъ незнанье закрываешь
И больше тѣхъ мужей у насъ быть уповаешь;
Ты думаешь, Пахомъ, что ты ужъ Златоустъ!
Но мы увѣрены о томъ, что мозгъ твой пустъ.
Намъ слово Божіе чувствительно, любезно
И лишь во рту твоемъ безсильно, безполезно.
Нравоученіемъ преславный Телемакъ[1])
Стократъ полезнѣе твоихъ нескладныхъ вракъ.

5. КУЗНЕЧИКЪ[2]).

(Изъ Анакреона).

Кузнечикъ дорогой, сколь много ты блаженъ,
Сколь больше предъ людьми ты счастьемъ одаренъ!
Препровождаешь жизнь межъ мягкою травою,
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многихъ ты въ глазахъ презрѣнна тварь,
Но въ самой истинѣ ты передъ нами царь;
Ты Ангелъ во плоти, иль лучше — ты безплотенъ!
Ты скачешь и поешь, свободенъ, беззаботенъ,
Что видишь, все твое; вездѣ въ своемъ дому,
Не просишь ни о чемъ, не долженъ никому.

6. О ДВИЖЕНІИ ЗЕМЛИ.

Случились вмѣстѣ два астронома въ пиру
И спорили весьма между собой въ жару.
Одинъ твердилъ: земля вертясь вкругъ солнца ходитъ,
Другой, что солнце всѣ съ собой планеты водитъ.
Одинъ Коперникъ былъ, другой былъ Птоломей.
Тутъ поваръ споръ рѣшилъ усмѣшкою своей.
Хозяинъ спрашивалъ: ты звѣздъ теченье знаешь?
Скажи, какъ ты о семъ сомнѣньи разсуждаешь?

---

[1]) Т.-е. «Телемакъ», соч. Фенелона.

[2]) Примѣчаніе Ломоносова: «Стихи сочиненные на дорогѣ въ Петергофъ, когда сочинитель въ 1761 году ѣхалъ просить о подписаніи привилегіи для Академіи, бывъ много разъ прежде за тѣмъ же».

Онъ далъ такой отвѣтъ: что въ томъ Коперникъ правъ,
Я правду докажу, на солнцѣ не бывавъ:
Кто видѣлъ простака изъ поваровъ такого,
Который бы вертѣлъ очагъ кругомъ жаркого?

7. ОТРЫВКИ ИЗЪ «ГИМНА БОРОДѢ».

Не роскошной я Венерѣ,
Не уродливой Химерѣ
Въ гимнахъ жертву воздаю:
Я похвальну пѣснь пою
Волосамъ отъ всѣхъ почтеннымъ,
По груди распространеннымъ,
Что подъ старость нашихъ лѣтъ
Уважаютъ нашъ совѣтъ.

———

О, сколько въ свѣтѣ ты блаженна,
Борода — глазамъ замѣна!
Люди обще говорятъ
И по правдѣ то твердятъ:
Дураки, врали, пролазы
Были бы безъ ней безглазы:
Имъ въ глаза плевалъ бы всякъ;
Ею цѣлъ и здравъ ихъ зракъ.

———

Борода въ казну доходы[1])
Умножаетъ по вся годы;
Керженцамъ[2]) любезный братъ
Съ радостью двойной окладъ
Въ сборъ за оную приноситъ
И съ поклономъ низкимъ проситъ
Въ вѣчный пропустить покой
Безголовыхъ съ бородой.

———

Если кто невзраченъ тѣломъ,
Или въ разумѣ незрѣломъ,
Или въ скудости рожденъ,
Либо чиномъ не почтенъ, —

———

[1]) Раскольники должны были платить пошлину на право ношенія бороды.
[2]) Такъ Ломоносовъ называетъ раскольниковъ, потому что ими былъ наполненъ весь край по рѣкѣ Керженцу (притокъ Волги въ Нижегородской г.).

Будетъ взраченъ и разсуденъ,
Знатенъ чиномъ и не скуденъ,
Для великой бороды.
Таковы ея плоды!

———

О, прикраса золотая,
О, прикраса дорогая,
Мать дородства и умовъ,
Мать достатка и чиновъ,
Корень дѣйствій невозможныхъ,
О, завѣса мнѣній ложныхъ!
Чѣмъ могу тебя почтить,
Чѣмъ заслуги заплатить?

———

Черезъ многіе расчесы
Заплету тебя я въ косы,
И всю хитрость покажу,
По всѣмъ модамъ наряжу;
Черезъ разныя затѣи
Завивать хочу тупеи.
Дайте ленты, кошельки
И крупичатой муки!

———

Ахъ, куда съ добромъ дѣваться?
Всѣ уборы не вмѣстятся:
Для ихъ многаго числа
Борода не доросла.
Я крестьянамъ подражаю
И какъ пашню удобряю!
Борода, теперь прости,
Въ жирной влажности рости!

8. БАСНЯ.

Лишь только дневный шумъ замолкъ,
Надѣлъ пастушье платье волкъ
И взялъ пастушій посохъ въ лапу,
Привѣсилъ къ поясу рожокъ,
На уши вздѣлъ широку шляпу,
И крался тихо сквозь лѣсокъ
На ужинъ для добычи къ стаду.
Увидѣлъ тамъ, что жучка спитъ,

Обнявъ пастушку, Θирсъ храпитъ,
И овцы всѣ лежали сряду.
Онъ могъ изъ нихъ любую взять,
Но, не довольствуясь уборомъ,
Хотѣлъ прикрасить разговоромъ
И именемъ овецъ назвать.
Однако чуть лишь пасть разинулъ,
Раздался въ рощѣ волчій вой,
Пастухъ свой сладкій сонъ покинулъ,
И жучка бросился съ нимъ въ бой:
Одинъ дубиной гостя встрѣтилъ,
Другой за горло ухватилъ.
Тутъ поздно бѣдный волкъ примѣтилъ,
Что черезчуръ перемудрилъ,
Въ полахъ и въ рукавахъ связался
И волчьимъ голосомъ сказался.
Но Θирсъ не долго размышлялъ,
Уборъ съ него и кожу снялъ.
Я притчу всю короткимъ толкомъ
Могу вамъ, господа, сказать:
Кто въ свѣтѣ семъ родился волкомъ,
Тому лисицей не бывать.

9. ИЗЪ АНАКРЕОНА.

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Всѣ люди для покою
Сомкнули ужъ глаза.
Внезапно постучался
У двери купидонъ,
Пріятный перервался
Въ началѣ самомъ сонъ.
«Кто такъ стучится смѣло?»
Со гнѣвомъ я вскричалъ;
«Согрѣй обмерзло тѣло»,
Сквозь дверь онъ отвѣчалъ:
«Чего ты устрашился?
«Я мальчикъ, чуть дышу,
«Я ночью заблудился,
«Обмокъ и весь дрожу».

Тогда мнѣ жалко стало;
Я свѣчку засвѣтилъ,
Не медливши ни мало,
Къ себѣ его пустилъ.
Увидѣлъ, что крылами
Онъ машетъ за спиной,
Колчанъ набитъ стрѣлами,
Лукъ стянутъ тетивой.
Жалѣя о несчастьѣ,
Огонь я разложилъ,
И при такомъ ненастьѣ
Къ камину посадилъ.
Я теплыми руками
Холодны руки мялъ,
Я крылья и съ кудрями
До суха выжималъ.
Онъ чуть лишь ободрился,
«Каковъ-то, молвилъ, лукъ?
«Въ дождѣ чать повредился»;
И съ словомъ стрѣлилъ вдругъ.
Тутъ грудь мою пронзила
Преострая стрѣла
И сильно уязвила,
Какъ злобная пчела.
Онъ громко разсмѣялся
И тотчасъ заплясалъ:
«Чего ты испугался?»
Съ насмѣшкою сказалъ:
«Мой лукъ еще годится,
«Онъ цѣлъ и съ тетивой;
«Ты жъ будешь вѣкъ крушиться
«Отнынь, хозяинъ мой».

10. О ПОЛЬЗѢ КНИГЪ ЦЕРКОВНЫХЪ ВЪ РОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Въ древнія времена, когда славянскій народъ не зналъ употребленія письменно изображать свои мысли, которыя тогда были тѣсно ограничены, для невѣдѣнія многихъ вещей и дѣйствій, ученымъ народамъ извѣстныхъ, тогда и языкъ его не могъ изобиловать такимъ множествомъ реченій и выраженій разума, какъ нынѣ читаемъ. Сіе богатство больше всего пріобрѣтено купно съ греческимъ христіанскимъ зако-

номъ, когда церковныя книги переведены съ греческаго языка на славянскій для славословія Божія. Отмѣнная красота, изобиліе, важность и сила эллинскаго слова сколь высоко почитается, о томъ довольно свидѣтельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ, кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосѳеновъ и другихъ въ эллинскомъ языкѣ героевъ, витійствовали великіе христіанскія церкви учители и творцы, возвышая древнее краснорѣчіе высокими богословскими догматами и пареніемъ усерднаго пѣнія къ Богу. Ясно сіе видѣть можно вникнувшимъ въ книги церковныя на славянскомъ языкѣ, сколь много мы отъ перевода Ветхаго и Новаго завѣта, поученій Отеческихъ, духовныхъ пѣсней Дамаскиновыхъ и другихъ творцевъ каноновъ видимъ въ славянскомъ языкѣ греческаго изобилія, и оттуда умножаемъ довольство россійскаго слова, которое и собственнымъ своимъ достаткомъ велико и къ пріятію греческихъ красотъ посредствомъ славянскаго сродно. Правда, что многія мѣста оныхъ переводовъ не довольно вразумительны, однако польза наша весьма велика. При семъ хотя нельзя прекословить, что сначала переводившіе съ греческаго языка книги на славянскій не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять въ переводъ свойствъ греческихъ, славянскому языку странныхъ, однако оныя чрезъ долготу времени слуху славянскому перестали быть противны, но вошли въ обычай. И такъ, что предкамъ нашимъ казалось невразумительно, то намъ нынѣ стало пріятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравненіемъ россійскаго языка съ другими ему сродными. Поляки, преклонясь издавна въ католицкую вѣру, отправляютъ службу, по своему обряду, на латинскомъ языкѣ, на которомъ ихъ стихи и молитвы сочинены во времена варварскія, по большей части отъ худыхъ авторовъ, и потому ни изъ Греціи, ни отъ Рима не могли снискать подобныхъ преимуществъ, каковы въ нашемъ языкѣ отъ греческаго пріобрѣтены. Нѣмецкій языкъ по то время былъ убогъ, простъ и безсиленъ, пока въ служеніи употреблялся языкъ латинскій. Но какъ нѣмецкій народъ сталъ священныя книги читать и службу слушать на своемъ языкѣ, тогда богатство умножилось и произошли искусные писатели. Напротивъ того въ католицкихъ областяхъ, гдѣ только одну латынь, и то варварскую, въ служеніи употребляютъ, подобнаго успѣха въ чистотѣ нѣмецкаго языка не находимъ.

Какъ матеріи, которыя словомъ человѣческимъ изображаются, различествуютъ по мѣрѣ разной своей важности, такъ и россійскій языкъ чрезъ употребленіе книгъ церковныхъ по приличности имѣетъ разныя степени: высокій, посредственный и низкій. Сіе происходитъ отъ трехъ родовъ реченій россійскаго языка. Къ первому причитаются, которыя у древнихъ славянъ и нынѣ у россіянъ обще употребительны, напримѣръ: Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю. Ко второму принадлежатъ, кои хотя обще употребляются мало, а особенно въ разговорахъ, однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, напримѣръ: отверзаю, Господень, насажденный, взываю. Неупотребительныя и весьма обветшалыя отъсюда выключаются, какъ: обаваю, рясны, овогда, свѣнѣ и симъ подобныя. Къ третьему роду относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ славянскаго языка, то есть въ церковныхъ книгахъ, напримѣръ: говорю, ручей, который, пока, лишь. Выключаются отсюда презрѣнныя слова, которыхъ ни въ какомъ штилѣ употребить непристойно, какъ только въ подлыхъ комедіяхъ.

Отъ разсудительнаго употребленія и разбору сихъ трехъ родовъ реченій рождаются три штиля, высокій, посредственный и низкій. Первый составляется изъ реченій славяно-россійскихъ, то есть употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, и изъ славянскихъ, россіянамъ вразумительныхъ и не весьма обветшалыхъ. Симъ штилемъ составляться должны греческія поэмы, оды, прозаичныя рѣчи о важныхъ матеріяхъ, которымъ они отъ обыкновенной простоты къ важному великолѣпію возвышаются. Симъ штилемъ преимуществуетъ россійскій языкъ передъ многими нынѣшними европейскими, пользуясь языкомъ славянскимъ изъ книгъ церковныхъ.

Средній штиль состоять долженъ изъ реченій больше въ россійскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя реченія славянскія, въ высокомъ штилѣ употребительныя, однако съ великою осторожностью, чтобы слогъ не казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься въ подлость. И словомъ, въ семъ штилѣ должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тѣмъ теряется, когда реченіе славянское положено будетъ подлѣ россійскаго простонароднаго. Симъ штилемъ писать всѣ театральныя сочиненія, въ которыхъ требуется обыкновенное человѣческое слово къ живому представленію дѣйствія. Однако можетъ

и перваго рода штиль имѣть въ нихъ мѣсто, гдѣ потребно изобразить геройство и высокія мысли; въ нѣжностяхъ должно отъ того удаляться. Стихотворныя дружескія письма, сатиры, эклоги и элегіи сего штиля больше должны держаться. Въ прозѣ предлагать имъ пристойно описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ.

Низкій штиль принимаетъ реченія третьяго рода, то есть, которыхъ нѣтъ въ славянскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ славянскихъ обще неупотребительныхъ вовсе удаляться, по пристойности матерій, каковы суть комедіи, увеселительныя эпиграммы, пѣсни; въ прозѣ дружескія письма, описанія обыкновенныхъ дѣлъ. Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію. Но всего сего подробное показаніе надлежитъ до нарочнаго наставленія о чистотѣ россійскаго штиля.

11. ПИСЬМА КЪ И. И. ШУВАЛОВУ.

I[1]).

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ! Милостивое вашего превосходительства меня письмомъ напоминовеніе увѣряетъ къ великой моей радости о непремѣнномъ вашемъ ко мнѣ снисходительствѣ, которое я чрезъ много лѣтъ за великое между моими благополучіями почитаю. Высочайшая щедрота несравненныя монархини нашея, которую я вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю, можетъ ли меня отвести отъ любленія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ добровольно, отвратить не умѣла. Не примите, ваше превосходительство, мнѣ въ самохвальство, что я въ свое защищеніе представить смѣлость принимаю. Обучаясь въ Спасскихъ школахъ[2]), имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолимую силу имѣли. Съ одной стороны, отецъ, никого дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ

[1]) Писано по поводу опасенія Шувалова, что Л-въ, получивъ отъ Императрицы по ходатайству Шувалова имѣніе, станетъ меньше заниматься науками. Оно прекрасно выражаетъ врожденную любовь къ знанію, которую не могли заглушить никакія препятствія.

[2]) Заиконоспасское училище въ Москвѣ.

и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де, какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латинѣ учиться! Послѣ того вскорѣ взятъ я въ Санктпетербургъ и посланъ за море и жалованье получилъ противъ прежняго въ сорокъ разъ. Оно меня отъ наукъ не отвратило, но по пропорціи своей умножило охоту, хотя силы мои предѣлъ имѣютъ. Я всепокорнѣйше прошу ваше превосходительство въ томъ быть обнадежену, что я всѣ свои силы употреблю, чтобы тѣ, которые мнѣ отъ усердія велятъ быть предосторожну, были обо мнѣ безпечальны; а тѣ, которые изъ недоброхотной зависти толкуютъ, посрамлены бы въ своемъ неправомъ мнѣніи были и знать бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрить не должны, и помнили-бъ, что музы... кого хотятъ, того и полюбятъ. Ежели кто еще въ такомъ мнѣніи, что ученый человѣкъ долженъ быть бѣденъ, тому я предлагаю въ примѣръ съ его стороны Діогена, который жилъ съ собаками въ бочкѣ и своимъ землякамъ оставилъ нѣсколько остроумныхъ шутокъ для умноженія ихъ гордости, а съ другой стороны Невтона, богатаго лорда Боиля[1]), который всю свою славу въ наукахъ получилъ употребленіемъ великой суммы; Вольфа[2]), который лекціями и подарками нажилъ больше пяти сотъ тысячъ и сверхъ того баронство; Слоана[3]), въ Англіи, который послѣ себя такую библіотеку оставилъ, что никто приватно не былъ въ состояніи купить, и для того парламентъ далъ за нее двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ. По приказанію вашему все исполнить не премину, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребывая вашего превосходительства всепокорнѣйшій слуга Михаилъ Ломоносовъ. Изъ Санктпетербурга. Мая 10 дня 1753 года.

---

[1]) Англійскій физикъ.
[2]) Философъ, у котораго Л-въ учился въ Марбургѣ.
[3]) Ирландскій медикъ.

II.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ! Полученное вчерашняго числа отъ 24 мая письмо вашего превосходительства, въ которомъ я чувствую непремѣнный знакъ особливый вашей ко мнѣ милости, премного меня обрадовало, особливо тѣмъ, что вы объявить изволили свое удостовѣреніе о томъ, что я наукъ никогда не оставлю. Въ разсужденіи другихъ не имѣю я никакого особливаго удивленія за тѣмъ, что они имѣютъ примѣры въ нѣкоторыхъ людяхъ, которые только лишь себѣ путь къ счастію ученіемъ отворили, въ тотъ часъ къ дальнѣйшему происхожденію другія дороги приняли и способы изыскали, а науки почти совсѣмъ оставили, имѣя у себя патроновъ, которые у нихъ мало или и ничего не спрашиваютъ, и не какъ ваше превосходительство въ разсужденіи меня дѣлъ требуете, довольствуются только однимъ ихъ именемъ. Въ помянутыхъ, оставшихъ въ своемъ счастіи ученіе, людяхъ весьма ясно видѣть можно, что они только одно почти знаютъ, что въ малолѣтствѣ изъ подъ лозы выучились, а будучи въ своей власти, почти никакого знанія больше не присовокупили. Я напротивъ (позвольте, милостивый государь, не ради тщеславія, но ради моего оправданія объявить истину), имѣючи отца хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую и завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и голодъ, пока я ушелъ въ Спасскія школы. Нынѣ, имѣя къ тому по высочайшей ея императорскаго величества милости совершенное довольство, вашимъ отеческимъ предстательствомъ, и трудовъ моихъ одобреніе ваше и другихъ знателей и любителей наукъ, и почти общее въ нихъ удовольствіе, и наконецъ уже не дѣтское несовершеннаго возраста разсужденіе, могу ли я нынѣ въ моемъ мужествѣ дать себя посрамить передъ моимъ дѣтствомъ? Однако перестаю сими представленіями утруждать вашу терпѣливость, вѣдая ваши справедливыя мнѣнія. И ради того доношу вашему превосходительству о томъ, что похвальная ваша къ наукамъ охота требуетъ. Во первыхъ, что до электрической силы надлежитъ, то изысканы здѣсь два особливые опыта весьма недавно, одинъ господиномъ Рихманомъ

чрезъ машину, а другой мною въ тучѣ: первый, что Мушенброковъ опытъ съ сильнымъ ударомъ можно переносить съ мѣста на мѣсто, отдѣляя отъ машины въ знатное разстояніе около цѣлой версты, чему описаніе и рисунокъ при семъ сообщаю. Второе примѣтилъ я у своей громовой машины, 25 числа сего апрѣля, что безъ грому и молніи, чтобы слышать или видѣть можно было, нитка отъ желѣзнаго прута отходила и за рукою гонялась; а въ 28 число того же мѣсяца при прохожденіи дождеваго облака безъ всякаго чувствительнаго грому и молніи происходили отъ громовой машины сильные удары съ ясными искрами и съ трескомъ, издалека слышнымъ; что еще нигдѣ не примѣчено, и съ моею давнею теоріею о теплотѣ и съ нынѣшнею объ электрической силѣ весьма согласно, и мнѣ къ будущему публичному акту весьма прилично. Оный актъ буду я отправлять съ господиномъ профессоромъ Рихманомъ: онъ будетъ предлагать опыты свои, а я теорію и пользу отъ оной происходящую, къ чему уже я пріуготовляюся. Что же надлежитъ до второй части руководства къ краснорѣчію, то оная уже нарочито далече и въ концѣ октября мѣсяца уповаю изъ печати выдетъ, объ ускореніи которой всячески просить и стараться буду, а письменнаго не присылаю, за тѣмъ, что ваше превосходительство требовать изволите по листу печатныхъ. О первомъ томѣ Россійской Исторіи по обѣщанію моему стараніе прилагаю, чтобы онъ къ новому году письменный изготовился. Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего больше требовать не имѣю, и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное родилось. Впрочемъ удостовѣряясь многократно, сколь охотно слушаете ваше превосходительство разговоры о наукахъ, весьма жадно ожидаю радостнаго и пріятнаго съ вами свиданія, чтобы вы новыми моими стараніями удовольствіе имѣли, которыхъ всѣхъ въ отдаленіи сообщить не можно. Въ домѣ вашего превосходительства обѣщанныхъ оптическихъ вещей еще долго устроить не уповаю, за тѣмъ что еще нѣтъ ни половъ, ни потолковъ, ни лѣстницъ и недавно я ходилъ въ нихъ съ немалою опасностію. Электрическіе шарики по вашему желанію пришлю вамъ не умедливъ,

какъ возможно. Я могу увѣрить ваше превосходительство, что въ мастеровыхъ людяхъ здѣсь великая скудость, такъ что для дѣланія себѣ электрической машины не токмо гдѣ индѣ, но и съ вашего двора столяра за деньги не могъ достать. И для того по сіе время вмѣсто земной машины служатъ мнѣ иногда облака, къ которымъ я съ кровли шестъ выставилъ. Какіе вашему превосходительству инструменты потребны, о томъ прошу дать мнѣ позволеніе представить въ канцелярію академическую именемъ вашимъ, для приказанія мастерамъ за тѣмъ, что всѣ по шабашамъ долго протянутъ дѣла. Заключая сіе, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю всепокорнѣйшій и вѣрный слуга Михайло Ломоносовъ. Изъ Санктпетербурга мая 31 дня 1753 года.

III.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Никто въ жизни меня больше не изобидѣлъ, какъ ваше высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ, можетъ быть, какое нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ. Вы меня отозвали и тѣмъ поманили. Вдругъ слышу: помирись съ Сумарокковымъ! то есть, сдѣлай смѣхъ и позоръ. Свяжись съ такимъ человѣкомъ, отъ коего всѣ бѣгаютъ и вы сами не рады. Свяжись съ тѣмъ человѣкомъ, который ничего другаго не говоритъ, какъ только всѣхъ бранитъ, себя хвалитъ, и бѣдное свое риѳмичество выше всего человѣческаго знанія ставитъ. Тауберта и Миллера[1]) для того только бранитъ, что не печатаютъ его сочиненій, а не ради общей пользы. Я забываю всѣ его озлобленія и мстить не хочу никакимъ образомъ, и Богъ мнѣ не далъ злобнаго сердца. Только дружиться и обходиться съ нимъ никакимъ образомъ не могу, испытавъ чрезъ многіе случаи и зная, каково въ крапиву садиться. Не хотя васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показалъ я вамъ послушаніе, только васъ увѣряю, что въ послѣдній разъ. И ежели, несмотря на мое усердіе, будете гнѣваться, я полагаюсь на помощь Всевышняго, который мнѣ былъ въ жизнь защитникъ и никогда не оставилъ, когда я пролилъ передъ Нимъ слезы въ моей справедливости. Ваше высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству спомоще-

[1]) Таубертъ — совѣтникъ академической канцеляріи, Миллеръ — академикъ. Ломоносовъ съ ними всегда враждовалъ.

ствованіемъ въ наукахъ, можете лучшія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ. Зла ему не желаю. Мстить за обиды и не думаю. И только у Господа прошу, чтобы мнѣ съ нимъ не знаться. Буде онъ человѣкъ знающій и искусный, пускай дѣлаетъ пользу отечеству; я по моему таланту также готовъ стараться. А съ такимъ человѣкомъ обхожденія имѣть не могу и не хочу, который всѣ прочія знанія позоритъ, которыхъ и духу не смыслитъ. И сіе есть истинное мое мнѣніе, кое безъ всякой страсти нынѣ вамъ представляю. Не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ. Господинъ Сумароковъ, привязавшись ко мнѣ на часъ, столько всякаго вздору наговорилъ, что на весь мой вѣкъ станетъ, я радъ, что его Богъ отъ меня унесъ. По разнымъ наукамъ у меня столько дѣла, что я отказался отъ всѣхъ компаній; жена и дочь моя привыкли сидѣть дома и не желаютъ съ комедіянтами обхожденія. Я пустой болтовни и самохвальства не люблю слышать. И по сіе время ужились мы въ единодушіи. Теперь по вашему миротворству должны мы вступить въ новую дурную атмосферу. Ежели вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россіи, ежели мое къ вамъ усердіе не исчезло въ памяти, постарайтесь о скоромъ исполненіи справедливыхъ для пользы отечества прошеній, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мелочномъ дѣлѣ, позабудьте. Ожидая отъ васъ справедливаго отвѣта, съ древнимъ высокопочитаніемъ пребываю вашего высокопревосходительства униженный и покорный слуга.

Михайло Ломоносовъ.

1761 года января 19 дня.

---

14. А. П. Сумароковъ.

Александръ Петровичъ Сумароковъ, происходившій отъ знатныхъ предковъ, служившихъ еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, получилъ отъ своихъ современниковъ прозваніе «русскаго Расина», «сѣвернаго Лафонтена», «отца россійскаго театра», какъ любили въ подражательный вѣкъ называть въ Россіи писателей. Н. И. Новиковъ въ «Опытѣ словаря о россійскихъ писателяхъ» (1772) говоритъ о немъ: «Различныхъ родовъ стихотворными и прозаическими сочиненіями пріобрѣлъ онъ себѣ великую и безсмертную славу не только отъ россіянъ, но и отъ чужеземныхъ академій и славнѣйшихъ европейскихъ писателей... Впротчемъ всѣ его

сочиненія любителями россійскаго стихотворства весьма почитаются». Такіе отзывы выдающихся современниковъ показываютъ, что А. П. Сумароковъ въ Екатерининскій вѣкъ производилъ на читателей дѣйствительно большое впечатлѣніе живостью и разнообразіемъ своихъ сочиненій. Такіе отзывы въ то же время показываютъ, что требованія отъ литературы въ XVIII вѣкѣ еще не были значительны, что и естественно для тогдашняго состоянія литературнаго вкуса. А. П. Сумароковъ, живой по характеру, увлекался ложноклассической трагедіей, много подражалъ французамъ, и наиболѣе удачно писалъ въ области сатиры. Сумароковъ не былъ поэтомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова: онъ былъ замѣчательнымъ и чрезвычайно плодовитымъ стихотворцемъ. Какъ и большая часть нашихъ писателей XVIII вѣка, онъ не получилъ правильнаго образованія и своими знаніями, главнымъ образомъ, обязанъ самостоятельному чтенію. Аттестатъ, полученный имъ изъ Шляхетскаго корпуса, такъ опредѣляетъ подготовку, съ которой Сумароковъ вступалъ въ жизнь: «Въ геометріи обучилъ тригонометрію: експликуетъ и переводитъ съ нѣмецкаго на французскій языкъ; въ исторіи универсальной окончилъ Россію и Польшу; въ географіи атласъ Гибнеровъ обучилъ; сочиняетъ нѣмецкія письма и ораціи, мораль Вольфскую до III главы второй части слушалъ; имѣетъ начало въ итальянскомъ языкѣ». Сатира Сумарокова направлена на тѣ же явленія, какъ и вообще журнальная сатира того времени: внѣшнее подражаніе Западу, крѣпостное право, хищничество чиновниковъ, ложное воспитаніе. Любимая его тема въ трагедіяхъ — это избитая тема борьбы долга со страстью; трагедіи его проникнуты благородствомъ настроенія, что соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ чертамъ его характера. «Самолюбивый, вспыльчивый и, вмѣстѣ, добрый, великодушный, Сумароковъ любилъ славу, гонялся за похвалою, принималъ къ сердцу малѣйшее противорѣчіе. Зато выскочить, при видѣ встрѣчнаго бѣдняка изъ кареты, сорвать съ себя кафтанъ, отдать его бѣдняку и возвратиться домой въ плащѣ своего лакея — для Сумарокова ничего не значило» (Хмыровъ).

ХОРЕВЪ.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

КІЙ — князь Россійскій.
ХОРЕВЪ — братъ и наслѣдникъ его.
ЗАВЛОХЪ — бывшій князь Кіева града.
ОСНЕЛЬДА — дочь Завлохова.
СТАЛВЕРХЪ — первый боярин Кіева.
ВЕЛЬКАРЪ — наперсникъ Хоревовъ.
АСТРАДА — мамка Оснельдина.
Два стража.
Три воина.
Плѣнникъ.

Дѣйствіе въ Кіевѣ, въ княжескомъ домѣ.

Трагедія «Хоревъ» напечатана въ первый разъ въ 1747 г. при Академіи Наукъ. Эта трагедія нравилась всему грамотному люду

и неустанно ходила по рукамъ. Обаяніе, произведенное Хоревомъ, было такъ полно, что кадеты Сухопутнаго Шляхетскаго корпуса, гдѣ существовалъ кружокъ любителей литературы, попробовали разыграть трагедію Сумарокова въ 1749 г. и пригласили самого Сумарокова посмотрѣть на свою игру. Онъ былъ изумленъ прекрасною игрою кадетовъ, сообщилъ свое впечатлѣніе графу А. Г. Разумовскому, который доложилъ объ этомъ императрицѣ Елизаветѣ. Государыня пригласила кадетовъ во дворецъ, велѣла отпустить имъ изъ царской кладовой бархату, парчи, камки на костюмы, собственноручно убрала въ коронные брильянты Оснельду, роль которой исполнялъ кадетъ Свистуновъ. — «8 января 1750 года Хоревъ былъ сыгранъ въ комнатахъ государыни съ блистательнымъ успѣхомъ, къ восторгу автора, лично участвовавшаго въ представленіи и обласканнаго императрицею» (Хмыровъ). Нѣсколько времени спустя въ Москвѣ, которая въ то время стала интересоваться мѣщанскою драмой, Сумарокову пришлось съ горечью видѣть, что пьеса его уже не пользуется успѣхомъ.

Трагедія «Хоревъ» типична, какъ ложноклассическая трагедія: выдержанная высота настроенія всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, соблюденіе знаменитыхъ трехъ единствъ, краснорѣчивые монологи, условная идеализація далекой старины, составляютъ ея главныя черты. Въ изображеніи властителя Кіева — Кія пьеса отзывается на вопросъ о характерѣ просвѣщеннаго монарха, который интересовалъ XVIII вѣкъ.

Содержаніе трагедіи слѣдующее. Дѣйствіе происходитъ въ первые годы русской исторіи. Подъ стѣнами Кіева, которымъ правитъ Кій, собрались войска прежняго властителя этого города, Завлоха. Завлохъ пришелъ съ своими войсками возвратить себѣ не только городъ, давно уже отнятый у него Кіемъ, но и свою дочь Оснельду, которая тогда была взята Кіемъ въ плѣнъ, будучи еще ребенкомъ, а теперь уже взрослая дѣвушка и живетъ плѣнницей у Кія. Противъ Завлоха Кій посылаетъ своего младшаго брата, талантливаго полководца Хорева. Благородный Хоревъ стремится въ бой, но положеніе его трагическое; онъ и Оснельда любятъ другъ друга, и теперь ему приходится итти противъ ея отца. Въ трагедіи много трогательныхъ объясненій Хорева съ Оснельдой. Они прощаются, и Хоревъ отправляется въ сраженіе. Положеніе Хорева даетъ поводъ къ клеветѣ на него. Боярину Сталверху удается поселить въ душѣ Кія сомнѣніе въ томъ, что Хоревъ честно исполняетъ свой долгъ, и оклеветать Оснельду. Кій мучается своими подозрѣніями и необходимостью карать людей, которыхъ любитъ. Тѣмъ не менѣе Оснельду по его приказанію заключаютъ въ тюрьму и заставляютъ выпить ядъ. Между тѣмъ, Хоревъ побѣдоносно исполнивъ свой долгъ, взявъ Завлоха въ плѣнъ, возвращается съ надеждой на бракъ съ Оснельдой. Кій, узнавъ объ этомъ, приходитъ въ отчаяніе. Хоревъ закалывается. Сталверхъ, мучимый совѣстью, бросается въ Днѣпръ.

Основа трагедіи — борьба чувства долга со страстью — очень типична для ложноклассической пьесы. Она есть и въ «Сидѣ» Корнеля и въ другихъ подобныхъ драмахъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе 3-е.

Оснельда и Хоревъ.

Хоревъ.

Готовься къ радостямъ, княжна, въ сей день желанный,
Ужъ часъ приближился, тобой толь часто званный,
Уже открылся путь тебѣ изъ здѣшнихъ стѣнъ,
Ступай и покидай мѣста сіи и плѣнъ;
Родитель твой въ сей день тебя къ себѣ желаетъ,
А Кій, мой братъ, на то уже соизволяетъ.
Внимай изъ устъ моихъ желаемый отъѣздъ;
Но, отлучаяся изъ сихъ противныхъ мѣстъ,
Которыя тебя въ неволѣ содержали,
Когда дни счастливы Завлоха пробѣжали,
Хотя единою утробой я рожденъ
Со княземъ, коимъ твой родитель побѣжденъ,
Не ставь меня врагомъ; мной, сколько можно было,
Несчастіе тебя подъ стражею щадило;
Я тщился оное вседневно облегчать...
Ты плачешь; но къ чему такъ сердце отягчать?
Или воспомнила ты Кіеву досаду?
Но я противнаго не подавалъ и взгляду.

Оснельда.

Я плачу, что тебѣ безсильна отслужить;
Но вѣрь мнѣ, вѣрь, мой князь, гдѣ я ни буду жить,
Я милостей твоихъ во вѣки не забуду,
И съ ними вспоминать тебя по гробъ мой буду,
О, солнце, кое здѣсь въ послѣдній разъ я зрю!
О, солнце! ты то зришь, отъ сердца ль говорю!
Въ томъ ты свидѣтель будь, что имя милосердо,
Доколѣ я жива, пребудетъ очень твердо.

Хоревъ.

Въ послѣднія уже любезный слыша гласъ,
И видя предъ собой тебя въ послѣдній разъ,
Прошу тебя, скажи, скажи, княжна драгая,
Мои усердія въ умѣ располагая,
Возмогъ ли сердце я твое когда тронуть?
И чувствовала ли твоя хоть мало грудь
Тобой въ моей крови произведенный пламень?

Но можно ль воспалить огнемъ любовнымъ камень?
Я многажды тебѣ горячность открывалъ,
Которою меня твой сильно взоръ терзалъ:
Открытіе сіе мя паче тяготило,
Что слово на него ни разу не польстило;
Но кая красота мнѣ язву подала,
И во отчаянномъ умѣ моемъ жила.
Я чаялъ, я рожденъ къ единой только брани,
Противниковъ карать и налагати дани;
Но богъ любви тобой ту ярость умягчилъ,
Твой взоръ меня вздыхать во славѣ научилъ:
Когда твои глаза надежду мнѣ давали,
А безпристрастныя слова мнѣ сердце рвали,
Я слабости своей стыдился и стеналъ
И въ горести моей что дѣлати не зналъ!
Противъ тебя, противъ себя вооружался,
И пламень мой тобой вседневно умножался.
Я тщился много разъ, дабы тебя забыть,
И мнился иногда уже свободенъ быть;
Но вспомнивъ, я опять то чувствовалъ, что страстенъ.
Сей гордый духъ тебѣ сталъ вѣчно быть подвластенъ.

Оснельда.

Ахъ! князь, къ чему ужъ то, что я тебѣ мила?
Къ чему тебѣ желать, чтобъ я склонна была?
Не мучь меня, не мучь, не извлекай слезъ рѣки;
Ужъ больше не видать тебѣ меня во вѣки.
Когда тебѣ судьба претитъ меня любить,
Старайся ты меня изъ мысли истребить.
. . . . . .

Хоревъ.

Чего желается, и что намъ столь пріятно,
То кажется всегда намъ быть невѣроятно,
И зрится какъ во снѣ; но, о престрашный сонъ!
Какое множество въ семъ счастіи препонъ!
Пріятные часы! вы щедры мнѣ и люты:
Какими я могу назвать сіи минуты?
Несчастными почесть? мнѣ много счастья въ нихъ.
За счастливы принять? что злѣй минутъ мнѣ сихъ!
Оснельда, если бракъ любви не разрушаетъ,
И должность пламени въ крови не угашаетъ,

Почто творити намъ другъ другу стонъ?
И что препятствуетъ взойти тебѣ на тронъ,
Который ждетъ меня?... Ты мнѣ не отвѣчаешь;
Иль скипетръ и въ моихъ рукахъ противнымъ чаешь?

Оснельда.

Престань себѣ, моїй князь, надеждою сей льстить,
И ахъ! престань, престань мой разумъ симъ мутить.
Судьба меня съ тобой на вѣки раздѣлила,
И тщетно насъ любовь съ тобой соединила.
Какъ буду я имѣть въ одрѣ моемъ того,
Чей съ трона братъ отца низвергнулъ моего,
И трупы братіевъ моихъ влачилъ безстыдно,
Взирая на престолъ Завлоховъ звѣровидно:
Гражданъ безъ жалости казнилъ и разорилъ,
И кровью нашею весь городъ обагрилъ!
Оснельду въ пеленахъ невольницей оставилъ.
Перунъ! почто меня отъ смерти ты избавилъ,
И жизнь оставя, далъ ты чувствовати честь?
Или, чтобъ было мнѣ труднѣе иго несть?
Мнѣ бъ лучше умереть, какъ жити во неволѣ
И зрѣти хищника на отческомъ престолѣ.

Хоревъ.

Сея ли рѣчи я изъ устъ любезныхъ ждалъ!
Завлоха я еще, еще не побѣждалъ;
Но можетъ быть... Увы! Ты плачъ усугубляешь.

Оснельда.

Какія ты слова со мной употребляешь?
Довольствуйся моей ты слабостью, и рви
Во мнѣ печальный духъ, жестокой, въ сей любви;
Оставь невольницей Оснельду въ жизни слезной,
Терзай меня, дерись съ отцемъ своей любезной:
Оружье я сама противъ себя дала;
Но вспомни ты, того ль я, чтя тебя, ждала.
Твоя рука еще Оснельду не губила;
Такъ сдѣлай, чтобъ она Хорева не любила.
Разрушь враждой любовь, будь счастливъ, побѣждай,
Взносись моей бѣдой; лишь только разсуждай:
Противъ кого ты, князь, ко брани гнѣвъ сугубишь?
Идешь противъ тоя, которую ты любишь!

Хоревъ.

А если твой отецъ позволитъ на сіе?...
Скончаешь ли, княжна, мученіе мое?

Оснельда.

Какую область ты имѣешь надо мною!
Я злобъ не чувствую, мнѣ сказанныхъ тобою.

Хоревъ.

Всесильны небеса! подайте помощь намъ,
Оставьте духъ во мнѣ и свѣтъ моимъ очамъ!
Завлоховъ будетъ родъ тобой опять возставленъ,
И твой поносный плѣнъ моимъ вѣнцемъ прославленъ.
А Кій препятствовать не будетъ намъ ни въ чемъ:
И брань окончится любовью, не мечомъ.

Оснельда.

Изъ нашихъ подданныхъ, стенящихъ здѣсь во градѣ,
Пошли съ сей вѣстію къ Завлоховой досадѣ,
Чтобъ вѣдалъ онъ, хоть я преступницей даюсь,
Что я въ моей любви враговъ его таюсь,
И только лишь съ тобой единымъ согласилась.
О небо! Что за мысль въ мой слабый умъ вселилась!

Хоревъ.

Поди, дражайшая, и грамоту готовь,
Пиши къ родителю, что вложитъ въ умъ любовь.
Изобрази отцу, стоящу въ ратномъ полѣ,
Что кровь его опять здѣсь будетъ на престолѣ,
И плѣнники своихъ покинутъ тягость узъ,
Когда совокупитъ желанный насъ союзъ!
Посолъ тебѣ въ сей часъ любезная предстанетъ.
Увы, когда моя надежда мя обманетъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе 1-е.

Кій и Сталверхъ.

Сталверхъ пытается поселить въ душѣ Кія сомнѣніе въ вѣрности Хорева. Явленіе заканчивается слѣдующимъ монологомъ Кія.

Кій.

Сталверхъ! ты вѣренъ мнѣ; но дѣло таково
Восходитъ выше силъ понятья моего.

Кому на свѣтѣ семъ вдругъ вѣрити возможно?
А днесь надъ братомъ мнѣ судьею быти должно.
Хочу равно и ложь, и истинну внимать,
И слѣпо никого не буду осуждать.
Мятусь и лютаго злодѣя видя въ горѣ.
Князь — кормщикъ корабля, власть княжеская — море,
Гдѣ вѣтры, камни, мель препятствуютъ судамъ,
Желающимъ пристать къ покойнымъ берегамъ.
Но часто кажутся и облаки горами,
Летая вдалекѣ по небу надъ водами,
Которыхъ кормщику не должно обѣгать;
Но горы ль то иль нѣтъ — искусствомъ разбирать.
Хоть всѣ бъ вѣщали мнѣ: тамъ горы, мели тамо,
Когда не вижу самъ, плыву безъ страха прямо.

Явленіе 2-е.

Кій и Хоревъ.

Кій.

Примай оружіе, се долгъ тебя зоветъ,
И слава на поляхъ тебя съ побѣдой ждетъ,
Котора много разъ вѣнцы тебѣ сплетала,
Когда твоя рука въ народы смерть метала.
Вели въ трубы гласить, и на враговъ возстань,
Кинь въ вѣтры знамена и исходи на брань.
Ступай и побѣди и возвратися славно,
Какъ съ Скиѳскія войны подъ лаврами недавно.

Хоревъ.

Наукѣ бранной ты Хорева самъ училъ,
Я имя славное тобою получилъ.
И ты пять лѣтъ мнѣ самъ свидѣтель былъ вседневно,
Страшился ль я когда враговъ во время гнѣвно?
Какъ сталъ ты немощенъ, я твой намѣстникъ сталъ.
И воинствомъ уже я самъ повелѣвалъ.
Въ трудахъ, и подвигахъ возросъ и укрѣпился,
И безпокойствовать безскучно научился.
Но сколько воиновъ смерть алчна пожрала!
Возбудитъ ли вдовамъ супруговъ ихъ хвала,
Что въ мужествѣ своемъ съ мечьми въ рукахъ заснули.
И трупы ихъ въ крови противничей тонули?
Колико въ снѣдь звѣрямъ отцевъ, супруговъ, чадъ,

Повержено мечемъ! колико душъ взялъ адъ!
Когда на жертву насъ злой смерти долгъ приноситъ,
Помремъ; но жертвы сей она теперь не проситъ.
Когда нарядъ спасти не можно безъ ися,
Мы въ пропасть снидемъ всѣ, и первый сниду я:
Но нынѣ страха нѣтъ народу и коронѣ;
А мечъ дается намъ лишь только къ оборонѣ.

Кій.

Когда Завлохъ дерзнулъ сей городъ осадить,
Такъ должно воинство ко брани учредить.

Хоревъ.

Онъ дочери своей одной отъ насъ желаетъ,
А прочее намъ все безбранно оставляетъ.
Ты самъ предъ симъ часомъ людей своихъ щадилъ:
Что сталося, что вдругъ ты мысли премѣнилъ?

Кій.

Нѣтъ, князь, нейти на брань не ту вину имѣешь,
Что ты о воинствѣ печешься и жалѣешь;
Твою я вижу мысль, и что въ умѣ твоемъ,
О чемъ ты сѣтуешь въ смятеніи своемъ:
Ты хочешь, чтобъ княжна свободу воспріяла.

Хоревъ.

Хотя бы и того душа моя желала,
Чтобъ намъ во тишинѣ, а ей по волѣ жить;
Желаньемъ симъ тебя могу ли прогнѣвить?
Щедрота похвалы въ побѣдахъ умножаетъ,
И человѣчество въ душахъ изображаетъ.
Или подобиться во бранныхъ дѣйствахъ намъ
Въ пустыняхъ ужасно воюющимъ звѣрямъ,
Которы никакой пощады не имѣютъ?
Не ихъ примѣры намъ во браняхъ быть довлѣютъ.
Довольно въ варварствѣ мы кровь свою піемъ,
Когда по должности другъ друга мы біемъ,
И защищеніе съ отмщеніемъ мѣшаемъ.
Подъ видомъ мужества мы звѣрство возвышаемъ.
Какое имя ты, лесть груба, злу дала?
Убійство и грабежъ геройствомъ назвала!

Кій.

Но если мщенія Оснельда не забудетъ,
И ежели супругъ ея таковъ мнѣ будетъ,
Какъ прежде былъ Хоревъ трепещущимъ ордамъ,
Текущимъ отъ него по блатамъ и водамъ?

Хоревъ.

Привыкшіе давно народы побѣждати
Не могутъ надъ собой побѣду ожидати.
А ты, о государь! Не жди моихъ измѣнъ;
Въ сей часъ, въ сей злѣйшій часъ, иду изъ градскихъ стѣнъ,
И ежели рука не дрогнетъ среди бою,
Я буду подъ стѣной съ Завлоховой главою.

Явленіе 3-е.

Кій одинъ.

Нельзя повѣрити, чтобъ онъ измѣнникъ былъ,
И чтобы милости родительски забылъ;
Противу честности всегда любовь безмочна:
Хоревова душа чиста и непорочна.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Явленіе 1-е.

Кій одинъ.

О, бремя тяжкое порфиры и короны!
Законодавцу всѣхъ трудняй его законы.
Во всей подсолнечной гремитъ монарша страсть,
И превращается въ тиранство строга власть;
А милость винному, преступнику прощенье
Не рѣдко и царю и всѣмъ въ отягощенье.
Но мѣры правоты всегда ли льзя найти,
По коей къ общему блаженству мочь идти?
Потребно множество монарху проницанья;
Коль хочетъ онъ носить вѣнецъ безъ порицанья;
И если хочетъ онъ во славѣ быти твердъ,
Быть долженъ праведенъ, и строгъ, и милосердъ.
Уподоблятися правителямъ природы,
Какъ должны подражать ему его народы.
Но коей радости въ побѣдѣ нынѣ жду?
Почто въ желанный гробъ толь медленно иду?

Явленіе послѣднее.

Кій, Хоревъ, Завлохъ и другіе.

Вошедшій воинъ объявляетъ, что Сталверхъ, мучимый совѣстью, утопился въ Днѣпрѣ.

Хоревъ узнаетъ о смерти Оснельды и предается отчаянію. Завлохъ, показывая на Хорева, говоритъ, обращаясь къ своей умершей дочери: «Внемли, какъ сей тобой герой великій стонетъ». Пьеса заканчивается слѣдующей сценой.

Кій.

Карай мя, я твое сокровище похитилъ.

Хоревъ.

Пускай сей кровію тебя твой гнѣвъ насытилъ,
Который толь тебя на мя ожесточилъ.
Но если ты о мнѣ когда-нибудь рачилъ,
Такъ сдѣлай только то, о чемъ напоминаю.
Сіе прошеніе исполнишь ты, я знаю:
Отдай Завлоху мечъ, свободу возврати,
И воинство все съ нимъ изъ града испусти.

(Кій отдаетъ Завлоху мечъ, а Хоревъ говоритъ Завлоху.)

А ты, несчастный князь! возьми съ собой то тѣло,
Съ которымъ сердце быть мое на вѣкъ хотѣло,
И плачемъ омочивъ лишенное души,
Предай его землѣ; надъ гробомъ напиши:
Дѣвица, коей прахъ въ семъ мѣстѣ почиваетъ,
И въ адѣ со своимъ Хоревомъ пребываетъ,
Котораго она любила въ жизни сей;
Хоревъ, ея лишась *(закололся)*, послѣдовалъ за ней.

ОПЕКУНЪ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи.

Комедіи Сумарокова менѣе удачны, чѣмъ его трагедіи. По отзыву Дмитревскаго (переведенному на нѣмецкій языкъ въ *Извѣстіяхъ о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ*, изд. въ Лейпцигѣ въ 1768 году) «несмотря на множество разбросанныхъ въ нихъ шутокъ, на многія ѣдкія черты, онѣ, по общему составу своему, не имѣютъ на сценѣ достаточной занимательности». Къ этому

отзыву можно было бы добавить, что эти пьесы Сумарокова очень мало захватывали русскую жизнь; въ его комедіяхъ, которыя должны были бы рисовать русскій бытъ, этотъ бытъ отражался мало, и наоборотъ, нарисованные не съ натуры герои говорили не очень естественныя рѣчи, и бывало, что для вступленія въ бракъ, подобно Мольеровскимъ героямъ, отправлялись къ нотаріусу, а не подъ вѣнецъ. Это — герои, придуманные для того, чтобы обличать общественные пороки. Иногда, впрочемъ, оригиналами для нихъ служили и дѣйствительно существовавшія лица. Въ комедіи «Опекунъ», напримѣръ, Чужехватъ, по признанію самого Сумарокова, нарисованъ съ его зятя, который узналъ себя въ сатирѣ и впослѣдствіи мстилъ Сумарокову.

Опекунъ — по имени Чужехватъ, злой, недобросовѣстный и невѣжественный старикъ-дворянинъ, хочетъ выдать свою воспитанницу Сострату за какого-нибудь простака, чтобы воспользоваться ея имуществомъ. Самъ онъ хочетъ жениться на своей 17-лѣтней служанкѣ Нисѣ. Между тѣмъ Сострата любитъ дворянина Валерія, который любитъ ее съ своей стороны и ищетъ ея руки. Слуга Чужехвата—Пасквинъ (настоящее имя котораго Валеріанъ) и Ниса любятъ другъ друга. Постепенно выясняется, что Пасквинъ и Валерій — родные братья-близнецы, что, слѣдовательно, Пасквинъ (Валеріанъ) дворянскаго происхожденія, и что его дворянскія права были отняты у него мошенническими продѣлками Чужехвата. Открытіе это дѣлаетъ возможнымъ бракъ Нисы и Пасквина, такъ какъ Ниса тоже дворянка. Въ концѣ концовъ всѣ препятствія къ счастью добродѣтельныхъ дворянъ уничтожены, а Чужехватъ изобличенъ и взятъ подъ караулъ.

Явленіе IV.

Тѣ же и Чужехватъ.

Чужехватъ. Мерзкія, негодныя, плюгавыя, скаредныя! долго ли мнѣ васъ учить? Я думаю, что мнѣ отъ васъ до́ гробовой доски покою не будетъ!

Сострата. Что такое сдѣлалось?

Чужехватъ. У Пасквина крестъ украли, а онъ жалуется, да изъ дому вонъ хочетъ.

Сострата. Кража та, сударь, обыкновенное здѣсь ремесло, и, кажется, можно уже привыкнуть къ этому здѣшнихъ людей бездѣльству и поменьше гнѣваться.

Чужехватъ. Не о томъ дѣло, что они крадутъ; пускай бы крали, не касаяся господскому и не у своихъ, такъ бы въ домѣ по маленьку прибавлялось; а у своего украсти, такъ это изъ кармана въ карманъ перекладывать, да шумъ дѣлать, а мнѣ безпокойство. Пускай бы крали: кто безъ грѣха и кто бабѣ не внукъ. А хотя бы по слабости что и

у своихъ товарищей тихонько взять, да надобно концы хоронити, чтобы не подумали, что свой взялъ. Тому то я ихъ учу; да дурака хотя вѣкъ учи, такъ не научишь. А объ этомъ говорю ли я, что бъ не крали. Вѣдь они не на каторгѣ; для чего у нихъ волю отнимать? Кража не великая вина, потому что она страсть общая слабости человѣческой. Мошна дѣло первое на свѣтѣ; пуста мошна, пуста и голова. Давать ради Христа спасительнѣе, нежели просить ради Христа. Честь да честь! Какая честь, коли нечего ѣсть? До чести ли тогда, когда брюхо пусто? Пуста мошна, пусто и брюхо.

Сострата. Изрядное нравоученіе.

Чужехватъ. Конечно, изрядное. Такъ лучше по твоему поступать нравоученію? Намнясь видѣлъ я, какъ честный то по вашему и безчестный, а по моему безумный и разумный, принималися. Безчестный-атъ по вашему пріѣхалъ, такъ ему стулъ, да еще въ хорошенькомъ домѣ: все ли въ добромъ здоровьи? Какова твоя хозяюшка? дѣтки? Что такъ запалъ? Ни къ намъ не жалуешь, ни къ себѣ не зовешь? А всѣ вѣдаютъ то, что онъ чужимъ и неправильнымъ разжился. А честного-то человѣка дѣтки пришли милостыни просить, которыхъ отецъ ѣздилъ до Китайчетава царства и былъ въ Камчатномъ государствѣ, и объ этомъ государствѣ написалъ повѣсть; однако сказку то его читаютъ, а дѣтки-то его ходятъ по міру; а у дочекъ-то его крашенинныя бостроки, да и тѣ въ заплатахъ, — даромъ то, что отецъ ихъ во Камчатномъ былъ государствѣ, — и для того то, что онѣ въ крашенинномъ таскаются платьѣ, называютъ ихъ крашенинкиными[1]).

Сострата. А ежели бы это дошло до двора, такъ, можетъ быть, что такихъ людей дѣти по міру таскаться и перестали.

Чужехватъ. А когда у кого что свое есть, такъ ему нѣтъ нужды, знаетъ ли о немъ дворъ, или нѣтъ. Щей горшокъ, да самъ большой: а горшокъ-атъ равно варитъ, хотя купленый, хотя краденый. (*Оборотясь къ Нисѣ.*) Такъ-то, Нисанька! да что ты задумалась?

Ниса. Я о тебѣ, сударь, думаю.

Чужехватъ. Что такое?

Ниса. Я, сударь, не смѣю этого выговорить.

Чужехватъ. Говори, ничего; брань на вороту не виситъ.

[1]) Намекъ на положеніе дѣтей профессора Крашенинникова, который первый совершилъ ученое путешествіе въ Камчатку и составилъ ея описаніе. Онъ умеръ, разстроивъ здоровье учеными трудами; его заслуги были забыты, и семья осталась въ нуждѣ. Намекъ Сумарокова не прошелъ даромъ, о сиротахъ было доложено Государынѣ, и онѣ получили обезпеченіе.

Ниса. Мнѣ думается, что ты разбойникъ, и что тебѣ быть повѣшену.

Чужехватъ. Туда и дорога; а что пожито сладко, такъ то мое, по присловицѣ: что взято, то свято; а эта присловица законная и въ приказахъ наблюдалася не нарушимо, развѣ нынѣ по новому уложенію отставится.

Ниса. А душа то куда? во адъ?

Чужехватъ. На что заранѣе мучить себя; и тогда спастися можно, когда петлю накидывать станутъ. Да въ томъ я, полно, и виненъ ли, что плутую? Потому что безъ воли Божіей ничего не дѣлается, и не спадетъ со главы человѣческой волосъ безъ воли Божіей; такъ я плутую по волѣ Божіей, по пословицѣ: что ежели бы не Богъ, такъ бы кто мнѣ помогъ.

Состратa. Богъ плутамъ не помогаетъ и далъ человѣку волю избирати доброе и худое, за одно обѣщая воздаяніе, а за другое грозя наказаніемъ. А кто противу совѣсти своей святой не повинуется истинѣ, такъ тотъ суетно уповаетъ на милость Божескую.

. . . . . .

Явленіе XVII.

Ниса Я тебѣ, Валеріанъ, даю мою руку, а съ сею рукою даю тебѣ и сердце мое. Говорю, что тебѣ до смерти вѣрна буду и не клянуся; бездѣльника и клятва къ добродѣтели не пригвождаетъ, а добраго человѣка къ ней и едино слово пригвождаетъ; этотъ не раздражаетъ и человѣчества, а тотъ и Божество раздражаетъ; этотъ и человѣка ко утвержденію добраго своего намѣренія въ поруки не призываетъ, вѣдая, что ему и безъ порукъ вѣрятъ, а та мерзкая гадина и ко прикрытію своего обмана съ небеси всемогущаго Бога въ поруки призывати дерзаетъ.

Пасквинъ. И я, слѣдуя примѣру твоему, не клянуся тебѣ, Ниса; однако и безъ клятвы вѣрность мою къ тебѣ сохраню до гроба. Нѣтъ ничего болѣе Бога на небеси, и болѣе правосудія на земли, а злодѣи ничѣмъ не поражаютъ толико добродѣтели, какъ именемъ Божіимъ и видомъ правосудія; хотя всѣ законы, и Божескіе, и человѣческіе, противъ единыхъ бездѣльниковъ уставлены. О, человѣки, человѣки! Какое вы въ добродѣтели предъ скотами имѣете преимущество? Я лучше буду жити съ лютыми звѣрями, въ темныхъ

и непроходныхъ лѣсахъ, нежели съ лютыми человѣками въ великолѣпнѣйшихъ чертогахъ. А съ тобою, любезная моя Ниса, готовъ я жить на всякомъ мѣстѣ; вездѣ мнѣ рай, гдѣ ты со мною.

Ниса. Мнѣ и хижина та, гдѣ ты со мною будешь, царскимъ домомъ казаться станетъ.

Явленіе XVIII.

Чужехватъ, Ниса и Пасквинъ.

Чужехватъ. Что, Нисанька, одумалася ли ты?

Ниса. Въ чемъ, сударь?

Чужехватъ. А въ томъ то, сударыня, чтобы тебѣ выйти за меня замужъ.

Ниса. Я, сударь, вамъ это уже сказала, что я за васъ нейду.

Чужехватъ. Такъ ты червонцевъ то себѣ не воображала: какой у нихъ видъ, какое сіяніе и какая въ нихъ притягательная сила?

Ниса. Нѣтъ, сударь.

Чужехватъ. Ни имперіаловъ?

Ниса. Я, сударь, и въ бѣдности моей, этой подлости не имѣю, чтобы мнѣ утѣшаться воображеніемъ денегъ.

Чужехватъ. О Великій и Всемогущій Боже! Какъ ты слышишь такія душепагубныя рѣчи и терпишь такое беззаконіе? удивляюся твоему долготерпѣнію.

Пасквинъ. И я, сударь, удивляюся, что Богъ ей такое великое терпитъ беззаконіе.

Чужехватъ. Какъ ее громъ не поразитъ, или земля не пожретъ! И иконы святыя, прославленныя многими чудесами, золота и серебра не уничтожаютъ.

Ниса. Я, сударь, не икона, и чудесами не прославлена, и золота и серебра мнѣ вашего не надобно, а кажется мнѣ, что хотя и хорошо, кто отъ усердія святыя и по справедливости нами почитаемыя иконы золотомъ и серебромъ украшаетъ, а особливо тѣ, которыя показываютъ Божіей премудрости знаменія, сотворшаго премудростію Своею небо и землю, однако еще лучше пригвоздить сердце свое къ Богу, нежели кусокъ золота или серебра къ иконѣ его.

Чужехватъ. Серебро то и золото, Нисанька, къ иконѣ приложить можно, хотя и не то на умѣ, а сердце то къ Богу, когда не то въ мысли, не приложишь; а я, за кельей, между

нами молвить, къ Богу то никакого усердія не имѣю, и въ этомъ вамъ, какъ добрый человѣкъ и православный христіанинъ, чистосердечно признаваюсь. А тебя, рублевичекъ мой, червончикъ мой, имперьяльчикъ мой, возьму я за себя и силою: лучше отнять волю у человѣка и спасти его, нежели оставить ему ее на погибель; а молодымъ людямъ воли давать никогда не надобно, потому что они не знаютъ еще, что имъ полезно и что вредно.

Ниса. Нѣтъ, сударь, силою, вы на мнѣ жениться не можете.

Пасквинъ. Этого, сударь, не водится.

Чужехватъ. А тебѣ, дружокъ, до этого дѣла нѣтъ! Я уже давно примѣтилъ то, что ты за нею волочишься; такъ ступай со двора долой, ступай, ступай! и чтобы духа твоего здѣсь не было! вонъ, вонъ изъ двора, вонъ, негодной! . . . . . .

Явленіе послѣднее.

Чужехватъ, Валерій, Валеріанъ, Сострата, Ниса, Палемонъ секретарь и два солдата.

Секретарь. По рѣшенію Государственной Коллегіи Правосудія, по утвержденію Правительствующаго Сената и по Высочайшему повелѣнію, учреждено ваше имѣніе описать, и то, которое вамъ собственно принадлежитъ, отдать Валерьяну, учинивъ разсчетъ собственно по опекунству, также и тѣ деньги, которыя вами подарены покойному графу Откупщикову, взыскати съ его наслѣдниковъ, со всѣми по указамъ интересами, а васъ отселѣ взяти подъ караулъ, ради учиненія надлежащія вамъ по законамъ казни, для отмщенія истинѣ и для отвращенія страхомъ отъ нетерпимаго, въ честномъ и благоденственномъ обществѣ, злодѣянія.

Чужехватъ. Да это дѣло еще не совсѣмъ окончено!

Секретарь. Совсѣмъ окончено.

Чужехватъ. Я ни однажды не пытанъ, а надлежало меня трижды пытать, и ежели бы я трехъ пытокъ не вытерпѣлъ, тогда бы должно было обвинить меня.

Секретарь. Изволь итти.

Чужехватъ. Морозъ меня по кожѣ подираетъ: пришло преставленіе свѣта: гибну! гибну! горю! тону! помогите! умираю! ввергаюся во адъ! мучуся! стражду! стражду!

Секретарь. (*Солдатамъ.*) Возьмите его.

Чужехватъ. Будьте вы, злодѣи мои, прокляты и въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ!

(*Секретарь отходитъ и Чужехвата выводятъ.*)

Валерій. Исчезни беззаконіе и процвѣтай добродѣтель! А ты, любовь, дражайшая утѣха въ жизни человѣческой, вкоренившаяся въ сердца наши и увеселяющая насъ прекрасными своими цвѣтами, дай намъ вкусити сладкіе плоды свои!

ПѢСНЯ XXVIII.

Это — одна изъ тѣхъ «любовныхъ» пѣсенокъ, которыя создали Сумарокову первую извѣстность и тогда производили въ обществѣ сильное впечатлѣніе (см. объ этомъ у Болотова). Онѣ важны, какъ ступень въ развитіи стиха и стиля русской лирики.

Сокрылись тѣ часы, какъ ты меня искала,
И вся моя тобой утѣха отнята:
Я вижу, что ты мнѣ невѣрна нынѣ стала,
Противъ меня совсѣмъ ты стала ужъ не та.
Мой стонъ и грусти люты
Вообрази себѣ,
И вспомни тѣ минуты,
Какъ былъ я милъ тебѣ.
Взгляни на тѣ мѣста, гдѣ ты со мной видалась,
Всѣ нѣжности они на память приведутъ.
Гдѣ радости мои? Гдѣ страсть твоя дѣвалась?
Прошли и въ вѣкъ ко мнѣ обратно не придутъ.
Настала жизнь другая;
Но ждалъ ли я такой!
Пропала жизнь драгая,
Надежда и покой.

БАСНИ.

«Сумароковъ былъ самымъ плодовитымъ нашимъ баснописцемъ. Басни его дѣлятся на шесть книгъ, и всѣхъ басенъ у него 378. Такое количество удивляетъ насъ, но не надобно забывать, что въ это число входитъ довольно стихотвореній, не имѣющихъ ничего общаго съ баснею, ни по формѣ, ни по содержанію. Это энциклопедія легкой насмѣшки, а иногда и тяжелой сатиры» (Буличъ). Казалось бы, что при такомъ количествѣ басенъ Сумароковъ долженъ былъ бы занять видное мѣсто между нашими баснописцами, но, по справедливости, онъ не занялъ и не можетъ занять такого положенія: среди огромнаго количества его басенъ очень не легко найти такія, которыя были бы написаны со вкусомъ.

Въ большинствѣ и особенно его оригинальныя басни тяжелы, неглубоки и грубы по формѣ. Собраніе своихъ басенъ Сумароковъ посвятилъ наслѣднику престола, великому князю Павлу Петровичу.

Одна изъ приводимыхъ ниже его басенъ принадлежитъ ему самому и касается подьячихъ,— любимая Сумароковымъ тема; другая переведена изъ Лафонтена, и изъ нѣкоторыхъ ея выраженій не трудно замѣтить, что Крыловъ внимательно читалъ своихъ предшественниковъ.

1. ВОРОНА и ЛИСИЦА.

И птицы держатся людскова ремесла:
Ворона сыру кусъ когда-то унесла,
И на дубъ сѣла:
Сѣла,
Да только лишь еще не крошечки не ѣла.
Увидѣла лиса во рту у ней кусокъ,
И думаетъ она, я дамъ воронѣ сокъ.
Хотя туда не вспряну,
Кусочикъ этотъ я достану,
Дубъ сколько ни высокъ.
Здорово, говоритъ лисица,
Дружокъ воронушка, названая сестрица!
Прекрасная ты птица;
Какія ноженьки, какой носокъ!
И можно то сказать, тебѣ безъ лицемѣрья,
Что паче всѣхъ ты мѣръ, мой свѣтикъ, хороша;
И попугай ничто передъ тобой, душа;
Прекрасняе сто кратъ твои павлиньихъ перья:
Нелестны похвалы пріятно намъ терпѣть:
О естьли бы еще умѣла ты и пѣть,
Такъ не было бъ тебѣ подобной птицы въ мірѣ!
Ворона горлушко разинула пошире,
Чтобъ быти соловьемъ,
А сыру, думаетъ, и послѣ я поѣмъ,
Въ сію минуту мнѣ здѣсь дѣло не о пирѣ.
Разинула уста,
И дождалась поста:
Чуть видитъ лишь конецъ лисицына хвоста.
Хотѣла пѣть, не пѣла;
Хотѣла ѣсть, не ѣла:
Причина та тому, что сыру больше нѣтъ:
Сыръ выпалъ изъ роту лисицѣ на обѣдъ.

2. ДВѢ ДОЧЕРИ ПОДЪЯЧИХЪ.

Подъячій былъ, и былъ онъ добрый человѣкъ,
Чево не слыхано вовѣкъ:
Умъ рѣзвой
Имѣлъ,
Мужикъ былъ трезвой,
И сверьхъ тово еще писать умѣлъ.
Читатель этому конечно не повѣритъ,
И скажетъ обо мнѣ: онъ нынѣ лицемѣритъ;
А мой читателю отвѣтъ:
Я правду доношу, хоть вѣрь, хоть нѣтъ:
Что Хамово то племя,
И что крапивно сѣмя,
И что не возлетятъ ихъ души къ небесамъ,
И что наперсники подъячія бѣсамъ,
Я все то знаю самъ.
Въ убожествѣ подъячева вѣкъ минулъ;
Хотя подъячій сей работалъ день и ночь:
По смерти онъ покинулъ
Дочь,
И могъ надежно тѣмъ при смерти онъ ласкаться,
Что будетъ дочь ево въ вѣкъ по міру таскаться.
Другой подъячій былъ, и взятки бралъ:
Былъ пьяница, дуракъ и грамотѣ не зналъ.
Покинулъ дочь и тьму богатства онъ при смерти.
Взяла богатства дочь, а душу взяли черти.
Та дѣвка по міру таскается съ сумой,
А эта чванится въ каретѣ.
О Боже, Боже мой,
Какая чѣстности худая мзда на свѣтѣ!

ХОРЪ КЪ ПРЕВРАТНОМУ СВѢТУ.

Сатирическая пѣсня «Хоръ къ превратному свѣту» написана Сумароковымъ для торжественнаго уличнаго маскарада, устроеннаго Ѳ. Г. Волковымъ въ 1763 году въ Москвѣ, въ коронацію императрицы Екатерины II. (См. ниже стр. 157.). Этотъ «хоръ» заключаетъ въ себѣ ѣдкую сатиру на многіе значительные пороки русскаго общества и темныя общественныя явленія.

Прилетѣла на берегъ синица,
Изъ за полночнова моря,
Изъ за холодна океяна:

Спрашивали гостейку пріѣзжу,
За моремъ какія обряды.
Гостья пріѣзжа отвѣчала:
Все тамъ превратно на свѣтѣ.
За моремъ Сократы добронравны,
Каковыхъ и здѣсь мы видаемъ,
Никогда не суевѣрятъ,
Не ханжатъ, не лицемѣрятъ.
Воеводы за моремъ правдивы.
Дьякъ тамъ цуками не ѣздитъ,
Дьячихи алмазовъ не носятъ,
Дьячата гостинцовъ не просятъ:
За носъ тамъ судей писцы не водятъ.
Сахаръ подьячій покупаетъ.
За моремъ подьячія честны;
За моремъ писать они умѣютъ,
За моремъ въ подрядахъ не крадутъ;
Откупы за моремъ не въ модѣ,
Чтобы не стонало Государство.
Завтремъ тамъ истца не питаютъ.
За моремъ почетныя люди
Шеи назадъ не загибаютъ,
Люди отъ нихъ не погибаютъ.
Въ землю денегъ за моремъ не прячутъ.
Со крестьянъ тамъ кожи не сдираютъ,
Деревень на карты тамъ не ставятъ;
За моремъ людьми не торгуютъ.
За моремъ старухи не брезгливы,
Чтокъ они хотя не носятъ,
Добрыхъ людей не злословятъ.
За моремъ противно указу
Росту заказнова не емлютъ.
За моремъ пошлины не крадутъ.
Въ церкви за моремъ кокетки
Бредить, колобродить не ѣздятъ.
За моремъ бездѣльникъ не входитъ
Въ домы, гдѣ добрыя люди.
За моремъ людей не смучаютъ,
Сору изъ избы не выносятъ .
За моремъ ума не пропиваютъ;
Сильныя безсильныхъ тамъ не давятъ;
Предъ большихъ бояръ лампадъ не ставятъ.

Всѣ дворянски дѣти тамъ во школахъ:
Ихъ отцы и сами учились.
Учатся за моремъ и дѣвки;
За моремъ тово не болтаютъ:
Дѣвушкѣ де разума не надо,
Надобно ей личико да юбка,
Надобны румяны да бѣлилы.
Тамъ языкъ отцовскій не въ презрѣньи;
Только въ презрѣньи тѣ невѣжи,
Кои свой языкъ уничтожаютъ,
Кои, долго странствуя по свѣту,
Чужестраннымъ воздухомъ не къ стати,
Головы пустыя набивая,
Пузыри надутые вывозятъ.
Вздору тамъ Ораторы не мѣлютъ;
Стихотворцы вирши не кропаютъ;
Мысли у писателей тамъ ясны,
Рѣчи у слагателей согласны:
За моремъ невѣжа не пишетъ,
Критика злобою не дышетъ.
Ябѣды за моремъ не знаютъ,
Лутче тамъ достоинство наука,
Лутче приказнова крюка.
Хитрости свободны тамъ почтенняй,
Нежели дьячьи закрѣпы,
Нежели выписки и справки,
Нежели не внятныя екстракты.
Тамъ купецъ — купецъ, а не обманщикъ.
Гордости за моремъ не терпятъ,
Лести за моремъ не слышно,
Подлости за моремъ не видно.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ТРАГЕДІИ «ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ».

Примѣчаніе. Слово Публика, какъ нѣгдѣ и г. Вольтеръ изъясняется, не знаменуетъ цѣлаго общества, но часть малую онаго, т. е. людей знающихъ и вкусъ имущихъ. Есть ли бы я писалъ о вкусѣ Дисертацію, я бы сказалъ то, что такое вкусъ, и изъяснилъ бы оное; но здѣсь дѣло не о томъ. Въ Парижѣ, какъ извѣстно, невѣждъ не мало, какъ и вездѣ, ибо вселенная по большей части ими наполненна. Слово Чернь

принадлежитъ низкому народу, а не слово Подлой народъ; ибо подлой народъ суть каторжники и протчія презрѣнныя твари, а не ремесленники и земледѣльцы. У насъ сіе имя всѣмъ тѣмъ дается, которыя не дворяня. Дворянинъ! великая важность! Разумный священникъ и проповѣдникъ Величества Божіяго, или кратко Богословъ, Естествословъ, Астрономъ, Риторъ, Живописецъ, Скульпторъ, Архитекторъ и проч. по сему глупому положенію члены черни. О несносная дворянская гордость, достойная презрѣнія и поруганія! Истинная чернь суть невѣжды, хотя бы они и великія чины имѣли, богатство Крезовъ и влекли бы свой родъ отъ Зевса и Юноны, которыхъ никогда не бывало, отъ сына Филиппова, побѣдителя или паче разорителя вселенныя, отъ Іулія Цесаря, утвердившаго славу римскую, или паче разрушившаго оную. Слово Публика и тамо, гдѣ гораздо много ученыхъ людей, не значитъ ничево. Людовикъ XIV далъ Парнасу златой вѣкъ во своемъ отечествѣ, но по смерти ево вкусъ мало-по-малу сталъ исчезать. Не исчезъ еще, ибо видимъ мы онаго остатки въ г. Вольтерѣ и во другихъ французскихъ писателяхъ. Трагедіи и Комедіи во Франціи пишутъ, но не видно еще ни Вольтера, ни Моліера. Ввелся новый и пакостный родъ слезныхъ комедій: ввелся тамъ, но тамъ не исторгнутся сѣмена вкуса Расинова и Моліерова: а у насъ по Театру почти еще и начала нѣтъ; такъ такой скаредный вкусъ, а особливо вѣку Великія Екатерины не принадлежитъ. А дабы не впустить онаго, писалъ я о таковыхъ Драмахъ къ г. Вольтеру: но они въ сіе краткое время вползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургѣ: нашли всенародную похвалу и рукоплесканіе, какъ скаредно ни переведена Евгенія, и какъ нагло Актриса подъ именемъ Евгеніи Бакханту ни изображала; а сіе рукоплесканіе Переводчикъ оныя Драмы, какой-то подъячій, до небесъ возноситъ, соплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подъячій сталъ судіею Парнаса и утвердителемъ вкуса московской публики!... Конечно, скоро преставленіе свѣта будетъ. Но неужели Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ: и неужели вкусъ жителей московскихъ сходняе со вкусомъ сево подъячева! Подъячему соплетать похвалы вкуса Княжичей и Господичей московскихъ толь маловмѣстно, коль непристойно лакѣю, хотя и придворному, мои пѣсни безъ моей воли портить, печатать и продавать, или противъ воли еще пребывающаго въ жизни автора портить ево Драмы, и за порчу собирать

себѣ деньги, или съѣзжавшимся видѣть Семиру сидѣть возлѣ самаго оркестра и грызть орѣхи и думати, что когда за входъ заплачены деньги въ позорище, можно въ Партерѣ въ кулачки биться, а въ Ложахъ разсказывати исторіи своей недѣли громогласно и грызть орѣхи; можно и дома грызть орѣхи: а публиковать газеты весьма малонужныя можно и внѣ Театра; ибо таковые газетчики къ тому довольно времени имѣютъ. Многія въ Москвѣ зрители и зрительницы не для того на позорищи ѣздятъ, дабы имъ слышать ненужныя имъ газеты: а грызеніе орѣховъ не приноситъ удовольствія, ни зрителямъ разумнымъ, ни актерамъ, ни трудившемуся во удовольствіе Публики автору: ево служба награжденія, а не наказанія достойна. Вы, путешествователи, бывшія въ Парижѣ и въ Лондонѣ, скажите! грызутъ ли тамъ во время представленія Драмы орѣхи; и когда представленіе въ пущемъ жарѣ своемъ, сѣкутъ ли поссорившихся между ссбою пьяныхъ кучеровъ, ко тревогѣ всего партера, ложъ и театра. Но какъ то ни есть, я жалѣю, что я не имѣю копіи съ посланнаго г. Вольтеру письма, бывъ тогда въ крайней разстройкѣ и крайне боленъ, когда князь Козловскій, отъѣзжавшій къ г. Вольтеру, по письмо ко мнѣ заѣхалъ: я отдалъ мой подлинникъ, ниже ево набѣло переписавъ; однако отвѣтное письмо сего отличнаго автора и слѣдственно отличнаго и знатока нѣсколько моихъ вопросовъ заключаетъ, а особливо что до скаредной слезной комедіи касается. А ежели ни г. Вольтеру, ни мнѣ кто въ етомъ повѣрить не хочетъ, такъ я похвалю и такой вкусъ, когда щи съ сахаромъ кушать будутъ, чай пить съ солью, кофе съ чеснокомъ, и съ молебномъ совокупятъ панафиду. Между Таліи и Мельпомены различіе таково, каково между дня и ночи, между жара и стужи, и какое между разумными зрителями Драмы и между безумными. Не по количеству голосовъ, но по качеству утверждается достоинство вещи: а качество имѣетъ основаніе на истиннѣ.

Достойной похвалы невѣжи не умалятъ:
А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ.

Далѣе напечатанъ подлинный отвѣтъ Вольтера на письмо Сумарокова. Изъ него приводимъ въ переводѣ все существенное.

«Я отвѣчу на всѣ ваши вопросы, въ которыхъ ясно видны ваши взгляды. Я горжусь тѣмъ, что мои мнѣнія сходятся съ вашими. Да, я считаю Расина безспорно лучшимъ нашимъ

трагическимъ писателемъ; онъ одинъ говоритъ и сердцу и разсудку, одинъ дѣйствительно возвышенъ безъ всякой надутости; онъ внесъ въ рѣчь неизвѣстное дотолѣ очарованіе. Единственно онъ изображалъ трагическую сторону любви; до него лишь въ одномъ «Сидѣ» у Корнеля эта страсть передана прекрасно, но Сидъ не принадлежитъ Корнелю[1]), а почти во всѣхъ остальныхъ его пьесахъ любовь смѣшна или безсмысленна...

Вполнѣ подписываюсь подъ вашими словами о Мольерѣ и о слезной комедіи, которая къ стыду французской націи заняла мѣсто истиннаго комическаго жанра, доведеннаго до совершенства неподражаемымъ Мольеромъ. Послѣ Реньяра, который родился съ настоящимъ комическимъ дарованіемъ и одинъ близокъ къ Мольеру, у насъ появляются только уроды. Писатели, неспособные создать простой шутки, задумали писать комедіи просто для наживы. У нихъ нѣтъ достаточно творческой силы, чтобы создать трагедію, ни веселости, чтобы написать комедію; они не въ силахъ изобразить простаго лакея. И вотъ они даютъ трагическія приключенія подъ именемъ буржуазной жизни. Говорятъ, что въ этихъ пьесахъ есть извѣстный интересъ и онѣ довольно нравятся, когда хорошо исполнены; можетъ быть; я никогда не могъ ихъ читать; но увѣряютъ, что это актеры создаютъ нѣкоторую иллюзію. Эти пьесы-ублюдки — ни трагедіи, ни комедіи; разъ нѣтъ лошадей, съ удовольствіемъ можно ѣхать и на мулахъ.

Я уже двадцать лѣтъ не былъ въ Парижѣ. Мнѣ передавали, что тамъ теперь больше не ставятъ комедій Мольера. Я думаю, это потому, что всѣ знаютъ ихъ наизустъ и почти всякое выраженіе въ нихъ стало пословицей. Впрочемъ, въ нихъ есть длинноты, сюжеты часто слабы, а развязки рѣдко удачны; Мольеръ ставилъ своей задачей просто рисовать съ натуры и, безспорно, онъ былъ величайшимъ ея живописцемъ.

Вотъ милостивый государь, мои основные взгляды, которые вы желали знать».

Предисловіе заканчивается новымъ обращеніемъ къ «Евгеніи».

Разсмотрѣніе содержанія «Евгеніи».

Содержаніе сей слезной комедіи есть слѣдующее. Молодой, худовоспитанный и нечистосердечный графъ внѣ Лондона

[1]) Очевидно, намекъ на заимствованіе, сдѣланное Корнелемъ для Сида у испанца де-Кастро.

распалился красотою дочери нѣкоего небогатаго дворянина и велѣлъ своему слугѣ себя съ нею обвѣнчать. Онъ возвратился въ Лондонъ и, помолвивъ жениться на какой-то знатной дѣвицѣ, собирается ко дню сочетанія. Первая его супруга пріѣхала въ его домъ; свѣдала, что сожитель ея съ другою бракомъ сочетавается; бѣгаетъ, растрепавъ волосы. Она плачетъ, отецъ сердится; въ домѣ иной плачетъ, иной хохочетъ. Наконецъ сожитель ея, сей повѣса и обманщикъ, достойный висѣлицы за поруганіе религіи и дворянской дочери, которую онъ плутовски обманулъ, обманываетъ другую невѣсту, знатную дѣвицу; входитъ изъ бездѣльства въ бездѣльство: отказываетъ невѣстѣ и вдругъ, перемѣнивъ свою систему опять, женится вторично на первой своей женѣ. Но кто за такого гнуснаго человѣка поручится, что онъ на завтра еще на комъ-нибудь не женится, ежели правительство и духовенство его не истребятъ. Сей мерзкій повѣса не слабости и заблужденію подверженъ, но безсовѣстности и злодѣянію[1]).

ПИСЬМА КЪ И. И. ШУВАЛОВУ.

Переписка Сумарокова съ И. И. Шуваловымъ даетъ яркое представленіе о самомъ Сумароковѣ, какъ человѣкѣ впечатлитель-

[1]) Предисловіе Сумарокова и переписка его съ Вольтеромъ вызваны были большимъ успѣхомъ на московской сценѣ комедіи Бомарше «Евгенія», представленной въ первый разъ 18 мая 1770 года. «Евгенія» была переведена нѣкіимъ Н. Пушниковымъ, служившимъ при графѣ К. П. Разумовскомъ (поэтому Сумароковъ и называетъ переводчика для большей пренебрежительности п о д ь я ч и м ъ). Сумароковъ, вѣрный строгимъ правиламъ ложноклассической теоріи, не признавалъ новаго, нарождавшагося вида драматическихъ произведеній и, кромѣ того, былъ лично задѣтъ малымъ успѣхомъ своихъ трагедій въ Москвѣ, такъ же какъ и интригами противъ него въ московской театральной сферѣ. Все это ясно видно въ предисловіи и въ изложеніи имъ содержанія непріятной ему комедіи. Пристрастный, насмѣшливый пересказъ Сумарокова, разумѣется, не можетъ дать правильнаго понятія объ «Евгеніи» Бомарше. Эта комедія дѣйствительно гораздо слабѣе его «Севильскаго цырюльника» и «Женитьбы Фигаро», но она сыграла въ свое время извѣстную роль въ развитіи современной европейской драмы. Извѣстно важное участіе въ этомъ процессѣ «слезныхъ комедій» или «мѣщанскихъ драмъ»; «Евгенія»— типичный образчикъ такихъ произведеній. Кромѣ сентиментальнаго, мелодраматическаго элемента въ ней есть уже намеки на столь важную послѣ у Бомарше тему о соціальномъ неравенствѣ: молодой аристократъ, племянникъ министра, обманувъ бѣдную дѣвушку пародіей на брачную церемонію, бросаетъ ее, но потомъ, тронутый ея благородствомъ, раскаивается и возвращается къ ней. Пьеса получила широкую извѣстность за предѣлами Франціи; ее играли въ переработанномъ видѣ въ Англіи; въ Германіи она была пять разъ переведена въ XVIII вѣкѣ и ставилась на сценѣ еще въ началѣ XIX вѣка, заслуживъ, между прочимъ, одобреніе Гёте.

Рѣзкости Сумарокова вызвали дальнѣйшія интриги противъ него въ Москвѣ, онъ обратился съ запальчивымъ письмомъ къ императрицѣ Екатеринѣ, прося защиты своихъ правъ. Она просила его успокоиться и дала понять, что ей пріятнѣе видѣть представленіе страстей въ его драмахъ, нежели въ письмахъ.

номъ и исполненномъ живого интереса къ русскому театру, но не очень образованномъ, раздражительномъ и нерѣдко мелочномъ. Вмѣстѣ съ этимъ въ письмахъ прекрасно вырисовывается неопредѣленность положенія русскаго театра въ тѣ времена.

Хотя русскій театръ и былъ учрежденъ, но для него не было дано спеціальнаго помѣщенія. Сумароковъ могъ пользоваться для русскихъ представленій сценой или французскаго или итальянскаго театра, въ тѣ дни, когда эта сцена была свободна. Въ то время, какъ на французскій театръ отпускалось 25.000 рублей въ годъ и сверхъ того дворъ снабжалъ его музыкантами, декораціями и свѣчами, на содержаніе русскаго театра отпускалось 5000 руб. въ годъ. Музыкантовъ Сумарокову нерѣдко не отпускали и наканунѣ представленія его увѣдомляли, что музыканты устали, такъ какъ играли въ маскарадѣ. Артисты труппы Сумарокова жили на Васильевскомъ островѣ, а оба театра, французскій и итальянскій, находились въ придворныхъ помѣщеніяхъ, по сю сторону Невы, и, когда не было почему-либо переѣзда черезъ Неву, русскія представленія не могли состояться. Театръ Сумарокова находился въ вѣдѣніи иностранца, гофмаршала, графа Сиверса, которому интересы русскаго театра не были близки, и Сумарокову приходилось чаще имѣть дѣло съ однимъ изъ его помощниковъ: эти отношенія были рядомъ ожесточенныхъ столкновеній. Въ письмахъ Сумарокова сквозитъ, очень ясно, заброшенность русскаго театра и бѣдственное его матеріальное положеніе. Очень естественно, что такія условія общественной и литературной дѣятельности Сумарокова доставляли ему много страданія. Эти условія рисуютъ такъ же очень ярко положеніе русскаго писателя въ XVIII вѣкѣ.

I.

Милостивый Государь!

Я неоднократно дерзалъ утруждать ваше превосходительство о повелѣніи, чтобы на французскомъ театрѣ моимъ актерамъ было позволено играть въ тѣ дни, въ которыя отъ Серини[1]) не представляются драммы, и по необходимости или паче въ разсужденіи вашей ко мнѣ отмѣнной милости еще васъ утрудить дерзаю. Лѣто настаетъ, а деньги въ театральной казнѣ исчезаютъ, а я тысячами препятствій не только въ представленіяхъ лишенъ всего одобренія, но къ лютѣйшимъ моимъ воображеніямъ и чувствію въ моихъ хлопотныхъ и всѣмъ безполезныхъ обстоятельствахъ лишенъ всѣхъ поэтическихъ мыслей и не могу ничево зачать къ удовольствію двора и публики.

---

[1]) Серини, т.-е. Сереньи — директоръ французскаго театра.

Никто не можетъ требовать, чтобы русскій театръ основался, ежели толикія трудности не пресѣкутся, которыя не только отъемлютъ у меня поетическія чувствія, но все мое здоровье и разумъ, что еще я и больше всѣхъ на свѣтѣ почитаю благополучій. Удивительно ли будетъ, ваше превосходительство, что я отъ моихъ горѣстей сопьюсь, когда люди и отъ радостей спиваются? Я опасаюся ваше превосходительство много утруждать и когда говорю съ вами, всегда берегусь чтобы вамъ не наскучить и не здѣлаться противнымъ, а обстоятельства русскаго театра весьма всему свѣту могутъ показаться удивительны.

Кто можетъ повѣрить въ Парижѣ, когда я нѣкоторымъ образомъ не дѣлаю безчестія моему отечеству, симъ самымъ мучусь, имѣя еще милостивца, любителя наукъ и художествъ. Сколько я васъ люблю, тому свидѣтель весь свѣтъ, а на совѣсть свою я посылаться не могу; ибо льстецы и бездѣльники ее себѣ во лжесвидѣтельство употребляютъ. Карневалъ до послѣднихъ дней масленицы прошелъ безъ представленія отъ русскаго театра, за неимѣніемъ платья.

Май настаетъ, время къ удовольствію воздушныхъ пріятностей увеселенія, а я вмѣсто сочиненій и представленій стражду и все, что ни есть на свѣтѣ, теряю, здоровье, умъ, веселости, надежду, славу; но можно ли мнѣ изъяснить мое бѣдное отъ драмматическаго стихотворства состояніе! Вы можете мнѣ отвѣтствовать: страдай и что хочешь дѣлай. Однако я отъ васъ сего отвѣта не ожидаю, и измѣряю ваши милости моимъ къ вамъ усердіемъ, съ которымъ ожидая милостиваго предстательства о театрѣ и о людяхъ къ тому потребныхъ, есмь и буду до смерти моей, не яко іуда, но яко честной человѣкъ.

Вашего Превосходительства

27 апр. 757. всепокорнѣйшій и нижайшій слуга
С.-Пб. Александръ Сумароковъ.

II.

Милостивый Государь!

Три представленія не только не окупилися, но еще и убытокъ театру принесли, свѣчь сальныхъ не позволяютъ имѣть, ни плошекъ, а восковой иллюминаціи на малый зборъ содержать никакъ нельзя, я доносилъ съ прописаніемъ, да и въ короткое время силъ моихъ исправлять всѣ потребности

недостаетъ, все надобно заблаговременно исправлять, да и посылать мнѣ, милостивый Государь, некаво, не имѣя кромѣ двухъ копистовъ никакихъ театральныхъ служителей. — Я затрудненій напрасныхъ не имѣю притчины дѣлать и что доношу, о томъ утверждая моею честностью говорю, что то истинна. Я бы все исправилъ ежели бы была возможность а севодни послѣ обѣда зачавъ до завтра я не знаю какъ передѣлать — ежели я виноватъ и отъ меня происходятъ затрудненія такъ я признаваю себя неспособнымъ и отдаю на разсмотрѣніе всего свѣта такое ли ето дѣло поезія и театръ, чтобы исправленіе могло быть въ такое короткое время. — Я вижу что всѣ мои милостивый Государь предложенія не пріемлются и тянулъ сколько можно.

— Я доношу что мнѣ восковой иллюминаціи имѣть нельзя и когда буду пропустивъ время подъ самой конецъ зачинать исправленіе то не можетъ быть порядку а что Симоновъ поѣхалъ спустя лѣто въ лѣсъ по малину и не зачалъ исполнять того, что ему приказано заблаговременно ето милостивый Государь не моя вина. Подумайте милостивый Государь сколько теперь еще дѣла:

Нанимать музыкантовъ.
Покупать и разливать приказать воскъ.
Дѣлать публикаціи по всѣмъ командамъ.
Дѣлать репетиціи и протч.
Посылать къ Рамб. по статистовъ.
Посылать къ машинисту.
Дѣлать распорядокъ о пропускѣ.
Посылать по караулъ.

А людей только два копеиста, они копеисты, они разсыльщики, они портіеры.

Я наконецъ доношу, что три представленія уже неокупилися, денегъ нѣтъ, занимать негдѣ, своихъ у меня нѣтъ, жалованья за неимѣніемъ денегъ и по волѣ Ломоносова недаютъ, моихъ денегъ издержанныхъ г. Чулковъ семь лѣтъ не дастъ[1]), въ Академію съ меня нехристіанскою выкладкою за работы трагедій правятъ[2]). Богъ моей молитвы за грѣхи

[1]) Дѣло идетъ о 400 рубляхъ собственныхъ денегъ, истраченныхъ Сумароковымъ на театральныя представленія. Уплата по его счетамъ была произведена по настоянію Шувалова.

[2]) Въ Академической типографіи печатались драматическія сочиненія Сумарокова и его журналъ «Трудолюбивая Пчела». Сумароковъ, повидимому, предполагалъ, что за его труды по театру и литературѣ Академія должна была

мои не пріемлетъ и къ кому я не адресуюсь всѣ говорятъ что де русскій театръ партикулярной, ежели партикулярной такъ лутче ничего не представлять, мнѣ въ етомъ милостивый Государь нужды нѣтъ никакой и лутче всего разрушить театръ, а меня отпустить куда-нибудь на воеводство или посадить въ какую коллегію, я грабить родъ человѣческій научиться легко могу, а профессоровъ этой науки довольно, ибо ни одинъ еще не... лутче быть подъячимъ нежели стихотворцемъ.

Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга
А. С.

20 Маія 758.

15. Записки артиллеріи маіора Михаила Васильевича Данилова. Написанныя имъ въ 1771 году.

Приводимъ выдержки изъ предисловія къ изданію записокъ майора Данилова П. Строевымъ:

«Михаилъ Васильевичъ Даниловъ родился около 1722 года, скончался послѣ 1790 года. Изъ сочиненій его напечатаны:

«Начальное знаніе теоріи и практики въ артиллеріи, М. 1762, in 4°»; «Ясное показаніе, какъ приготовлять фейерверки и разныя иллюминаціи, М. 1779, in 4°»; «Письма къ пріятелю о полезныхъ и любопытства достойныхъ матеріяхъ, М. 1783, in 8°»; «Письмо о совѣсти, М. 1804, in 12°». Всѣ сіи книги нынѣ довольно рѣдки.

«По случаю достались мнѣ его записки, въ видѣ родословія Даниловыхъ, написанныя имъ въ 1771 году и пополненныя послѣ.

«Простодушный разсказъ автора о своей жизни, картины общежитія, нравовъ и службы дворянъ, во времена императрицъ Анны и Елиисаветы, милые анекдоты: все это любопытно и не совсѣмъ безполезно для исторіи. Нельзя не пожалѣть, что сіи записки не въ большемъ объемѣ и, кажется, безъ конца. Рукопись принадлежала самому автору, но очень дурного почерка, едва ли не дѣтскаго: я поисправилъ ее, не касаясь слишкомъ слога и выраженій, даже орѳографіи, какъ неотъемлемой собственности автора и его вѣка».

1. Въ 1735 году публиковано было указомъ, дабы всѣ недоросли дворянскіе дѣти явились въ герольдію, при Сенатѣ, на смотръ; а по разсматриванію Сената, по желанію каждаго недоросля, отсылали записываться въ школы или въ службу,

---

печатать его сочиненія на льготныхъ условіяхъ, и жалуется на высокія цѣны ея счетовъ. Деньги по этимъ счетамъ вычитались изъ театральнаго жалованья Сумарокова.

куда кто пожелаетъ: тогда и братъ мой Василій въ 736 г. записался въ артиллерійскую школу.

Оная школа была еще учреждена вновь, на полковомъ артиллерійскомъ дворѣ, и было въ оную прислано изъ Герольдіи дворянскихъ дѣтей, бѣдныхъ и знатныхъ по желанію, семь сотъ человѣкъ; а какъ въ новой школѣ не было ни порядка, ни учрежденія, ни смотрѣнія, то черезъ четыре года разошлось оное большое собраніе, безъ позволенія школьнаго начальства, по разнымъ мѣстамъ, въ настоящую службу, куда кто хотѣлъ, записались; а осталась только нѣкоторая часть дворянскихъ дѣтей, кои прилежали охотно и хотѣли учиться. Но великой тогда недостатокъ въ оной школѣ состоялъ въ учителяхъ. Сначала вступленія учениковъ, было для показанія одной ариѳметики, изъ пушкарскихъ дѣтей два подмастерья; потомъ опредѣлили, по пословицѣ волка овецъ пасти, штыкъ юнкора Алабушева.

Алабушевъ тогда содержался въ смертномъ убійствѣ третій разъ подъ арестомъ: былъ человѣкъ хотя нѣсколько знающій, разбиралъ Магницкаго печатной ариѳметикъ и часть геометрическихъ фигуръ показывалъ ученикамъ, почему и выдавалъ себя въ тогдашнее время ученымъ человѣкомъ, однако, былъ вздорный и весьма неприличный быть учителемъ благородному юношеству, гдѣ учитель долженъ своимъ добрымъ нравомъ, поведеніемъ и хорошими поступками, во всемъ ученіи образцомъ быть; а онъ рѣдкой день приходилъ въ школу непьяный. Видно, что тогда былъ великій недостатокъ ученыхъ людей въ артиллеріи, когда принуждены были взять и опредѣлить въ школу учителемъ колодника и смертоубійцу. Напослѣдокъ для поправленія въ школѣ порядка, еще опредѣленъ былъ, сверхъ штыкъ — юнкера Алабушева, капитанъ Гринковъ, у котораго не было лѣвой руки по локоть: человѣкъ былъ какъ прилежный, такъ и копотливый, и былъ великій заика, однако завелъ въ школѣ порядокъ получше Алабушева. Онъ вперялъ въ учениковъ охоту учиться, съ обѣщаніемъ чести, и довелъ до того, что его стараніемъ нѣсколько человѣкъ изъ учениковъ пожалованы были въ Артиллерію сержантами и ундеръ-офицерами[1]); изъ нихъ нынѣ есть при Артиллеріи полковники и генералы.

2. Зять мой Астафьевъ, получа большое наслѣдство, не прилежно сталъ уже въ полку служить; а какъ въ тогда-

[1]) Въ тогдашнее время жаловали въ чины по наукамъ, а неученаго записывали въ рядовые канонеры.

шнее время отставки отъ службы не было, или трудно ее получить было, то онъ нашелъ милостивца въ полковомъ секретарѣ, который его отпускалъ въ годовые отпуски за малые деревенскіе гостинцы. Секретарь доволенъ былъ, когда за пашпортъ получитъ душекъ двѣнадцать мужеска пола съ женами и съ дѣтьми, съ обязательствомъ таковымъ: когда зять мой Астафьевъ на срокъ оныхъ подаренныхъ крестьянъ не вывезетъ, куда назначено было, тогда неустойка награждалась прибавкою къ двѣнадцати душамъ. Чтобъ не потерять дружбы, таковымъ полезнымъ отъ секретаря отпускомъ зять мой пользовался каждый годъ по договору. Случалось мнѣ и то видѣть самому, при самомъ уже его въ отпускъ отъѣздѣ изъ полку, не оставятъ у него писари полковые и ротные постели и подушекъ, хотя онъ даже сидѣлъ въ кибиткѣ, и то вытаскивали и дѣлили по себѣ, какъ завоеванную добычу. Странное видѣніе было сихъ безстыдныхъ подлецовъ. Полковой писарь гораздо былъ совѣстнѣе секретаря своего: онъ бралъ только по одному человѣку за пашпортъ.

3. Былъ я любимый сынъ у моего отца; отъ роду моего лѣтъ семи, или болѣе, отдали меня въ томъ же селѣ Харинѣ, гдѣ отецъ мой жилъ, понамарю Филицу, прозваніемъ Брудастому, учиться. Понамарь былъ роста малаго, широкъ въ плечахъ, борода большая, круглая покрывала грудь его, голова съ густыми волосами равнялась съ плечьми его и казалось, что у него шеи не было; у него въ то же время учились два брата, мнѣ двоюродные, Елисей и Борисъ. Учитель нашъ Брудастой жилъ только одинъ съ своею женою, весьма въ малой избушкѣ: приходилъ я учиться къ Брудастому очень рано, въ началѣ дня, и, безъ молитвы дверей отворить, покуда мнѣ не скажетъ «аминь», не смѣлъ.

Памятно мнѣ мое ученіе у Брудастаго и по днесь, по той можетъ быть причинѣ, что часто меня сѣкли лозою: я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ таковаго всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна, и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока въ вечеру

и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюція: меня, какъ непонятнаго, «сѣчь». Я мнилъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть надлежитъ наказаніе. Брудастаго жена во время нашего ученія понуждала насъ, въ небытность своего мужа, всечастно, чтобъ мы громче кричали, хотя бъ и не то, что учимъ. Отраднѣе намъ было отъ скучнаго сидѣнья, когда учитель нашъ находился въ полѣ на работѣ. По возвращеніи Брудастаго отвѣчалъ я во всемъ урокѣ такъ, какъ утромъ при неутомленныхъ мысляхъ, весьма исправно и памятно: изъ сего нынѣ заключаю, что принужденное дѣтямъ ученіе грамотѣ неполезно, потому что отъ тѣлеснаго труда изнемогаютъ душевныя силы и приходятъ въ облѣненіе и упылость; явственнѣе можно усмотрѣть сію правду, принудить только робенка играть сверхъ его воли, тогда ему та игра и игрушки отъ скуки омерзѣютъ и тою игрою мало будетъ уже играть, или вовсе возненавидитъ. Въ подобіе сего обрѣтается: разныхъ рукодѣлъ мастера обременяютъ своихъ учениковъ не по силѣ лѣтъ ихъ, изъ коихъ нѣкоторые, не возмогши снести такой налогаемой на нихъ тягости ученія, обращаются въ бѣгство, кроются по разнымъ мѣстамъ, вымышляютъ бездѣльные обманы, наконецъ отъ воображенія страха, что будутъ ихъ наказывать за побѣгъ жестоко, приходятъ въ отчаянье и дѣлаются бездѣльниками навѣкъ. Вотъ какой плодъ происходитъ отъ таковыхъ безпутныхъ и ни къ чему годныхъ учителей, каковъ былъ мой Брудастой; вымышлялъ иногда и я, отъ таковаго скучнаго сидѣнія, напрасно показывать какія ни есть за собою затѣйныя приключенія и болѣзни, коихъ отнюдь во мнѣ не бывало.

Въ одинъ день, когда учитель нашъ былъ въ полѣ съ женою своею на работѣ, братъ мой двоюродный Елисей (меня и Бориса своего брата постарѣе и ко всякимъ шалостямъ поотважнѣе), увидя, что на дворѣ Брудастаго никого кромѣ насъ троихъ нѣтъ, поймалъ учителева любимаго кота сѣраго, связалъ ему заднія ноги, и повѣсилъ въ сараѣ, въ которомъ мы учились, на веревкѣ за заднія ноги, сѣкъ кота лозою и что приговаривалъ, не упомню; только то помню, что мы, на его шутки глядя, съ Борисомъ, сидя со страху, чтобъ не засталъ Брудастой, дрожали. И въ тотъ часъ, якобы на избавленіе своего кота, явился во дворъ свой нечаянно нашъ учитель: Елисей отъ сего явленія оробѣлъ, не успѣлъ кота съ пытки освободить, кинулся безъ памяти на скамейку за книгу свою учиться, потупя глаза въ книгу и духъ свой

притаилъ, не могъ дыхать свободно. Брудастой, увидя кота висящаго на веревкѣ, отъ досады и жалости остолбенѣлъ; потомъ пришелъ въ такое бѣшенство, что ухватилъ метлу, сьязанную изъ хворосту, случившуюся въ сараѣ, зачалъ стегать разъ за разомъ безъ разбора по Елисею и по книгѣ, и оною метлою отрывая подымалъ вверхъ листы изъ книги, которые по всему сараю летали. Брудастой былъ въ великомъ сердцѣ, какъ бѣшеный, стегая Елисея, тою же метлою доставалъ нѣсколько страждущаго, по близости на веревкѣ повѣшеннаго кота, который чаятельно усмирилъ звѣрскій тогдашній гнѣвъ его своимъ мяуканьемъ и тѣмъ сохранилъ остатки листовъ въ книгѣ. Мы, отъ сей драки, съ Борисомъ кромѣ страха ничего не претерпѣли отъ Брудастаго; а Елисею, достовѣрно сказать можно, что не меньше книги досталось, которая великую отъ метлы претерпѣла въ листахъ утрату.

Выучилъ я у Брудастаго азбуку, отецъ мой отвезъ меня близъ города Тулы къ живущей вдовѣ, Матренѣ Петровнѣ, которая въ замужествѣ прежде была за нашимъ свойственникомъ Афанасьемъ Денисовичемъ Даниловымъ. Матрена Петровна имѣла при себѣ племянника роднаго и своему имѣнію наслѣдника, Епишкова, по той причинѣ просила отца моего, дабы меня привезъ къ ней, какъ грамотѣ учиться, такъ и племяннику ея дѣлать компанію; а какъ вдова своего племянника много любила и нѣжила, потому не было намъ никогда принужденія учиться, однако я въ таковой будучи волѣ и непринужденномъ ученіи, безъ малѣйшаго наказанія, скоро окончилъ словесное ученіе, которое состояло только изъ двухъ книгъ, Часослова и Псалтыри. Вдова была великая богомолица, рѣдкой день проходилъ, чтобъ у неи домѣ не отправлялась служба, когда съ попомъ, а иногда слуга отправлялъ одинъ оную должность: я употребленъ былъ въ таковой службѣ къ чтенію, а какъ у вдовы любимый ея племянникъ ея еще читать не разумѣлъ, то отъ великой на меня зависти и досады, приходя къ столу, при которомъ я читалъ псалмы, своими сапогами толкалъ по моимъ ногамъ до такой боли, что я до слезъ доходилъ. Вдова хотя и увидитъ такія шалости своего племянника, однако болѣе ничего не скажетъ ему, и то протяжно, какъ нехотя: «Полно тебѣ шутить, Ванюшка», и будто не видитъ она, что отъ Иванушкиной шутки у меня изъ глазъ слезы текутъ. Она грамотѣ не знала, только всякой день, разогнувъ большую книгу

на столѣ, акаѳистъ Богородицѣ всѣмъ вслухъ громко читала. Вдова охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниною, только, признаюсь, сколько времени у ней я не жилъ, не помню того, чтобъ прошелъ хотя одинъ день безъ драки: какъ скоро она примется свои щи любимыя за столомъ кушать, то кухарку, которая готовила тѣ щи, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и станутъ сѣчь батожьемъ немилосердно, и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать; ето такъ уже введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно, для хорошаго апетиту. Вдова была такъ собою дородна, что ширина ея тѣла не много уступала высотѣ ея роста. Въ одно время гуляли мы съ племянникомъ ея и третій былъ съ нами молодой слуга, который насъ училъ грамотѣ и самъ учился; племянникъ ея и наслѣдникъ завелъ насъ къ яблони, стоявшей за дворами, которая не огорожена была ничѣмъ, началъ обивать яблоки не спросясь своей тетушки. Донесено было сіе преступленіе тетушкѣ его, что племянникъ около яблони забавляется, обивая яблоки; она приказала всѣхъ насъ троихъ привести передъ себя на нелицемѣрный судъ и, въ страхъ племяннику, приказала съ великимъ гнѣвомъ поднять немедленно невиннаго слугу и учителя нашего на козелъ, и сѣкли его очень долгое время немилостиво, причитая: «не обивай яблокъ съ яблони». Потомъ и до меня дошла очередь, приказала вдова поднять и меня на козелъ, и было мнѣ удара три подарено въ спину, хотя я, какъ и учитель нашъ, яблокъ отнюдь не обивали. Племянникъ оробѣлъ и мнилъ, не дойдетъ ли и до него по порядку очередь къ наказанію, однако страхъ его былъ тщетный; только вдова изволила сдѣлать ему выговоръ въ таковой силѣ, «что дурно де, не пригоже, сударь, такъ дѣлать и яблоки обивать безъ спросу моего», а послѣ поцѣловавъ его сказала: «чаятельно ты, Иванушка, давича испугался, какъ сѣкли твоихъ товарищей, не бойся, голубчикъ, я тебя никогда сѣчь не стану». Отецъ мой пріѣхавъ къ своей свойственницѣ вдовѣ, поблагодарилъ ее за мое содержаніе и взялъ меня въ домъ свой.

Далѣе авторъ продолжаетъ разсказъ о пребываніи своемъ въ артиллерійской школѣ. Онъ жилъ тогда у какихъ-то Вишняковыхъ.

4. Живши нѣсколько времени у Вишняковой, выучилъ сына ея ариѳметики. Сестра родная Вишняковой была въ замужествѣ за Секеринымъ, который записанъ былъ въ на-

шей же школѣ ученикомъ; прилежно просила она меня перейтить жить къ ней, дабы вмѣстѣ ѣздить съ мужемъ ея въ школу. Я за полезное принялъ отъ нее сіе предложеніе, перешелъ къ Секериной: намѣреніе ея было, чтобъ и мужъ ея, также какъ и племянникъ, отъ меня нѣсколько занялъ ученія; но не удалось ей сего произвесть по ея желанію въ дѣйство, ибо мужъ ея Секеринъ великій былъ шалунъ, ничего учить не хотѣлъ, переписался изъ школы въ армейскіе полки и тѣмъ отбылъ отъ ученія.

. . . . . .

Братъ мой Егоръ пріѣхалъ въ Москву изъ Петербурга, для взятія полковыхъ письменныхъ дѣлъ отъ перваго Московскаго полка, въ которомъ тогда еще служилъ сержантомъ; онъ выпросилъ меня изъ Московской въ Петербургскую школу, куда я съ нимъ отправился и пріѣхалъ въ Петербургъ. Братъ мой Василій выпущенъ былъ съ прочими изъ школы сержантомъ, а какъ по выпускѣ ихъ было много въ школѣ ваканцій, то стараньемъ брата моего Василья опредѣленъ я прямо въ первый классъ въ чертежную школу. Въ оной тогда было три класса, въ каждомъ положено по десяти учениковъ изъ дворянъ и офицерскихъ дѣтей, жалованье было опредѣлено въ третьемъ классѣ по двѣнадцати, во второмъ по осьмнадцати, въ первомъ по двадцати четыре рубли, въ годъ; да въ той же школѣ было на казенномъ содержаніи, изъ пушкарскихъ дѣтей, которые въ школѣ и жили, шестьдесятъ человѣкъ. Изъ чертежныхъ учениковъ выпускали въ артиллерійскую службу, изъ коихъ нынѣ въ генералъ-поручикахъ и генералъ-маіорахъ, а нѣкоторые и кавалеры, есть, а изъ пушкарскихъ дѣтей выпускали въ мастеровые, въ писари полковые и канцелярскіе. Надъ оною школою былъ директоромъ капитанъ Гинтеръ, человѣкъ прилежный, тихій и въ тогдашнее время первый знаніемъ своимъ, который всю артиллерію привелъ въ хорошую препорцію. Я по своей охотѣ, сверхъ школьнаго учителя, сыскавъ хорошихъ себѣ постороннихъ мастеровъ, хаживалъ къ нимъ учиться рисовать; писалъ я также нѣсколько живописи, разныя картины, ланшафты и портреты изъ масляныхъ красокъ; въ школу прихаживали многіе офицеры смотрѣть моихъ рисунковъ, а отъ похвалы оныхъ смотрителей умножалась во мнѣ прилежность и охота къ рисованью. Директоръ нашъ Гинтеръ безподобенъ былъ Алабушеву, отмѣнно меня отъ другихъ учениковъ хвалилъ за рисованье.

. . . . . .

5. Судьбина оставшаго отъ серпа воспы[1]) моего пасынка: ему было имя Николай, а при моей женитьбѣ отъ роду только три года; я его принялъ воспитывать на свои руки не для тщеславія, но по собственному моему произволенію и по жалости, что онъ къ своему воспитанію не имѣлъ попечителя роднаго своего отца. Началъ его при себѣ грамотѣ учить не такъ, какъ меня училъ пономарь Филипъ Брудастой, который только мучилъ однимъ всегдашнимъ прилежнымъ сидѣньемъ, а не ученьемъ: я училъ своего пасынка не доводя его никогда до малѣйшей скуки въ ученіи, пускалъ его часто гулять и пріучалъ самого по своей волѣ садиться за ученіе, безъ всякаго позыва и принужденія. Когда онъ пришелъ возрастомъ за десять лѣтъ, тогда обучилъ я его ариѳметикѣ и рисовать, къ чему онъ имѣлъ великую охоту и понятіе; отдавали мы его потомъ въ пансіонъ и въ университетъ обучаться французскому языку, математикѣ и прочимъ наукамъ, вездѣ онъ прилежно обучался и съ великою похвалою ото всѣхъ учителей; особливо ко мнѣ онъ имѣлъ любовь, почтеніе и ласку, болѣе нежели къ его родной матери, которая его безпримѣрно любила. Когда ему отъ роду было 15 лѣтъ, онъ тогда былъ въ артиллеріи сержантомъ, къ службѣ онъ былъ превеликій охотникъ и по своимъ лѣтамъ казался неусыпнымъ, онъ игралъ очень хорошо на скрипкѣ, былъ нравомъ тихъ и молчаливъ, по французски хотя зналъ говорить и переводить на Русское, только не имѣлъ склонности разговаривать на ономъ языкѣ. Съ возрастомъ его и наше утѣшеніе умножалось всечастно, мы не могли на его поступки глядя налюбоваться, а паче мать, которая хотя отъ него и не видала большой ласки (вѣроятно, мамки молодыя ему въ уши нашептали, что еслибъ матушка тебя любила, не пошла бъ для тебя замужъ), однакожъ безпримѣрно его любила и не могла на него наглядѣться.

---

16. Записки А. Т. Болотова.

Андрей Тимоѳеевичъ Болотовъ (1738—1833 г.) былъ очень плодовитымъ писателямъ XVIII вѣка; онъ издавалъ два солидныхъ сельскохозяйственныхъ журнала: «Сельскій Житель» и «Экономическій Магазинъ», оставилъ цѣлый рядъ сочиненій по сельскому хозяйству и садоводству, писалъ нравственно-философскія разсужденія, переводилъ нѣмецкіе романы. Всего болѣе онъ извѣстенъ

[1]) То-есть уцѣлѣвшаго отъ оспы.

своими «Записками» въ 29 частяхъ; этотъ огромный трудъ подробно описываетъ служебную и хозяйственную дѣятельность автора на протяженіи всей половины XVIII вѣка и содержитъ обильнѣйшій матеріалъ для исторіи быта и нравовъ средней руки дворянъ того времени. Тонъ «Записокъ» — правдивый и откровенный, иногда до наивности. Самъ Болотовъ представляетъ интересную личность: сынъ небогатаго полковника, служившаго все время въ Прибалтійскомъ краѣ и привыкшаго жить среди нѣмцевъ, нашъ мемуаристъ пошелъ по слѣдамъ отца: онъ прекрасно зналъ нѣмецкій языкъ и долго жилъ въ Кёнигсбергѣ. Образованіемъ онъ обязанъ былъ, главнымъ образомъ, самому себѣ, и въ его свѣдѣніяхъ было мало системы и глубины, но онъ недурно зналъ математику и естественныя науки, имѣлъ склонность къ философіи и одержимъ былъ великой страстью къ чтенію. Но сильнѣе всего была у него любовь къ сельскому хозяйству и къ природѣ; 24 лѣтъ отроду онъ уже вышелъ въ отставку и 70 слишкомъ лѣтъ прожилъ въ деревнѣ, соединяя агрономическіе опыты съ литературными занятіями. Болотовъ не былъ человѣкомъ большой силы ума и дарованій; значительно отличаясь отъ большинства провинціальнаго дворянства умственными интересами и извѣстной культурностью, онъ въ то же время вовсе не былъ передовымъ человѣкомъ своей эпохи; въ его привычкахъ и понятіяхъ навсегда осталась добрая доля старины и патріархальности: все оживленіе общества, всѣ новыя теченія Екатерининскаго времени прошли въ значительной степени мимо тульскаго дворянина, съ 1762 года прочно сѣвшаго на землю. Да онъ, и оставшись въ Петербургѣ, не могъ бы примкнуть къ передовымъ воззрѣніямъ по всему складу своей натуры, спокойной, уравновѣшенной, охотно ограничивавшейся узкимъ кругомъ хозяйственной дѣятельности и привычными умственными интересами невысокаго полета. Болотовъ интересенъ именно какъ представитель значительнаго въ концѣ XVIII вѣка полуневѣжественнаго слоя дворянства, который охотно шелъ за своимъ временемъ въ культурныхъ привычкахъ, но въ глубинѣ души оставался мало сознателенъ, глухъ къ высшимъ интересамъ, узокъ и консервативенъ въ важнѣйшихъ общественныхъ вопросахъ, а потому такъ искренно и послушно отозвался на реакцію конца Екатерининской эпохи. На Болотовѣ прекрасно доказывается, что въ то время идейныя движенія шли настолько впереди общества, что глубоко проникнуться ими могли лишь люди выдающихся дарованій или при исключительно счастливой обстановкѣ. Въ этомъ отношеніи важны помѣщенныя здѣсь сужденія Болотова о Комиссіи Наказа и разсказъ о его отношеніяхъ къ Новикову, котораго онъ понималъ очень узко и вульгарно. Болотовы даютъ намъ истинную мѣрку Новиковыхъ и Радищевыхъ.

1. Деревенская жизнь дворянъ (1750 г.). Околотокъ нашъ былъ тогда такъ пустъ, что никого изъ хорошихъ и богатыхъ сосѣдей въ близости къ намъ не было. Тогдашнія времена были не таковы, какъ нынѣшнія. Такого великаго множества дворянскихъ домовъ, повсюду съ живущими

въ нихъ хозяевами, какъ нынѣ, тогда нигдѣ не было. Все дворянство находилось тогда въ военной службѣ, и въ деревняхъ живали одни только престарѣлые старики, немогущіе болѣе нести службу или за болѣзнями и дряхлостію, по какому-нибудь особливому случаю оставленные, и всѣхъ такихъ было не много. Въ другихъ домахъ живали также однѣ только старушки съ женами служащихъ въ войскѣ дворянъ, и вели также уединенную жизнь. Итакъ и знакомиться было не съ кѣмъ...

Хоромы наши были превеликія, но обыкновеніе тогдашнихъ временъ приносило то съ собою, что состояли онѣ по большей части въ пустыхъ и нежилыхъ покояхъ. Напримѣръ, было въ нихъ двое превеликихъ сѣней, изъ которыхъ переднія такъ были велики, что я, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, сдѣлалъ изъ нихъ двѣ прекрасныя комнаты; а и заднія сѣни умѣстили-бъ въ себѣ также покойца два; но вмѣсто того были переднія совсѣмъ пусты, а въ заднихъ былъ только одинъ ходъ на верхъ, занимающій мѣсто цѣлой комнаты. Изъ сѣней сихъ былъ входъ въ переднюю, или по нынѣшнему, залу. Пространная комната сія была отъ начала построенія хоромъ холодная, и все украшеніе ея состояло въ образахъ простыхъ и въ кивотахъ, коими весь передній уголъ и цѣлая стѣна была наполнена, ибо обыкновенія чтобы комнаты подштукатуривать и обоями обивать не было тогда и въ завѣтѣ. Мебели же всѣ состояли въ лавкахъ кругомъ стѣнъ и въ длинномъ столѣ, поставленномъ въ переднемъ углу и ковромъ покрытомъ. Какъ окошки были небольшія, а стѣны и потолокъ отъ долговременности даже потемнѣлъ и сдѣлался кофейнаго цвѣта, а дубовый стычной полъ еще того былъ темнѣе, то царствовала въ сей комнатѣ сущая темнота, и въ ней никто и никогда не живалъ, а наполнялась она единожды въ годъ народомъ, то-есть въ святую недѣлю, когда съ образами приходили и въ ней молебенъ служивали. За сею слѣдовала другая, угольная и самая та комната, которая была у матери моей и гостиною, и столовою, и спальною и жилою; три маленькихъ окна съ одной, и одно двойное съ другой стороны впускали въ нее свѣтъ, и превеликая складенная изъ узорчатыхъ разноцвѣтныхъ кафлей печь снабжала тепломъ оную.

Печь сія расположена была особымъ и такимъ образомъ, какъ въ людяхъ не водится: не скоро можно было найти и добраться, откуда она топилась; надлежало лѣзть напередъ за печь, а тамъ поворачивать направо и искать устья, ибо

оно сдѣлано было отъ стѣны и совсѣмъ въ темнотѣ. Тапливали ее обыкновенно дворовыя бабы поочередно и таскивали всякій день превеликія ноши хвороста и съ нимъ залѣзши къ устью, прятывались и завѣшивались тамъ, власно какъ въ конурѣ. Совсѣмъ тѣмъ печь сія была тепла и неугарна, да и самая комната довольно свѣтла и весела.

Что касается до украшеній сей важнѣйшей въ домѣ комнаты, то оныя состояли также только въ однихъ образахъ, разставленныхъ въ переднемъ углу. Внизу сдѣланъ былъ маленькій угольничекъ, и тутъ передъ кіотомъ со крестомъ, съ мощами, горѣла неугасимая лампада, а вверху сдѣлана была предлинная полка, а на ней наставленъ цѣлый рядъ образовъ разныхъ. Стѣны въ комнатѣ сей были также ничѣмъ не обиты; но стычной дубовый полъ отъ частаго мытья нѣсколько побѣлѣе. Что касается до потолка, то онъ былъ неровнымъ, но черезъ доску — одна ниже, а другая выше, и отъ долговременности весьма изрядно закоптѣвшимъ.

Что принадлежитъ до мебелей, то нынѣшнихъ софъ, канапе, креселъ, тамбуровъ, комодовъ, ломберныхъ и другихъ разноманерныхъ столиковъ и прочаго, тому подобнаго не было тогда еще въ обыкновеніи. Гладенькія и чистенькія лавочки кругомъ стѣнъ и много-много полдюжинки старинныхъ стульевъ должны были отвѣтствовать вмѣсто всѣхъ креселъ и канапе, а длинный дубовый столъ и какой-нибудь маленькій складной вмѣсто всѣхъ столиковъ. Итакъ въ переднемъ углу стоялъ вышеупомянутый длинный столъ, въ другомъ была матери моей кровать, въ третьемъ прежде-упоминаемая печь и подлѣ нея широкая скамья, а въ четвертомъ стоялъ на лавкахъ, трехъ денегъ нестоющій и такъ почернѣвшій шкафчикъ, что надлежало развѣ скоблить ножемъ, чтобъ узнать, что онъ былъ нѣкогда крашенъ красками. Вотъ изображеніе наилучшей и первѣйшей комнаты. Вправо и сбоку подлѣ нея находился другой теплый покой или прежде-упоминаемая комнатка. Она составляла вкупѣ и дѣвичью, и лакейскую и дѣтскую, и была самая та, въ которой я родился. Незадолго до моего пріѣзда перегорожена она была на-двое досками, и сія отгородка была тогда моей спальнею и комнатою.

Наконецъ кромѣ сихъ трехъ комнатъ было еще два покойца холодныхъ, чрезъ сѣни и въ сторону къ саду. Но оба они были не жилые, а служили кладовыми. Одинъ занятъ былъ мелочными съѣстными припасами, а другой сундуками и былъ темный.

Вотъ все расположеніе старинныхъ хоромъ нашихъ, въ которыхъ живали наши предки, и въ коихъ я родился, женился и жилъ самъ потомъ нѣсколько лѣтъ, покуда отстроилъ себѣ новыя и лучшія.

2. Столичная жизнь. Дядя мой, будучи порядочный и степенный человѣкъ, жилъ, какъ говорится въ пословицѣ, ни шатко, ни валко, ни на сторону. Мотать онъ не моталъ, жилъ не слишкомъ роскошно, и въ домѣ у него все было хорошо и порядочно. Онъ имѣлъ у себя молодую тогда и вторую жену и маленькаго на рукахъ еще сына. Катерина Петровна — такъ звали его жену — была боярыня молодая и модная и великая щеголиха. Онъ любилъ ее чрезвычайно; однако она должна была во всемъ повиноваться его волѣ и ничего лишняго не затѣвать. Нѣсколько человѣкъ отборныхъ друзей, живущихъ такимъ же образомъ, какъ онъ, составляли наиболѣе ихъ компанію и дѣлили съ ними свое время. Въ особливости же друженъ съ ними былъ тогдашней конно-гвардіи секретарь, Дмитрій Михайловичъ Буткевичъ. Поэлику у сего офицера была также жена и притомъ такихъ же почти лѣтъ и свойствъ, какъ моя тетка, то обѣ сіи дамы связаны были неразрывной любовью и ѣзжали очень часто другъ къ другу. Во время сихъ съѣздовъ препровождали онѣ время свое наиболѣе въ играніи въ карты, ибо тогда зло сіе начало входить уже въ обыкновеніе, равно какъ и вся свѣтская нынѣшняя жизнь уже получала свое основаніе и начало. Все, что хорошею жизнью нынѣ называется, тогда только-что заводилось, равно какъ входилъ въ народѣ и тонкій вкусъ во всемъ. Самая нѣжная любовь, толико подкрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получала первое только надъ молодыми людьми свое господствіе, и помянутыхъ пѣсенокъ было не только еще очень мало, но онѣ были въ превеликую еще диковинку, и буде гдѣ какая проявится, то молодыми боярынями и дѣвушками съ языка была не спускаема [1]). Со всѣмъ тѣмъ, карточная игра не была еще въ такомъ ужасномъ употребленіи, какъ нынѣ, и не сиживали за картами и до обѣда и послѣ обѣда и во всю почти ночь не вставаючи. Нынѣшнихъ вистовъ тогда еще не было, а ломберъ и тресетъ были тогда наилучшія игры, да и въ тѣ игрывали только по вечерамъ. Въ прочее-жъ время упраж-

[1]) См. образчикъ этихъ пѣсенъ у Сумарокова (стран. 133).

нялись въ разныхъ и важныхъ разговорахъ. Въ сихъ разговорахъ обыкновеніе тогда было упражняться въ особливости за ужинами и за обѣдами. По цѣлому иногда часу и болѣе сидѣли они наѣвшись и ничего иного не дѣлая, кромѣ что упражняясь въ разговорахъ.

3. Впечатлѣніе отъ Сумароковскаго «Хорева». Въ благодарность за сіе, сдѣлалъ онъ[1]) мнѣ еще одну и, по тогдашнему времени, весьма пріятную для меня услугу. Имѣлъ онъ у себя списокъ съ трагедіи «Хорева». Сію трагедію онъ зналъ всю наизусть, и не знаю по какому случаю, умѣлъ такъ хорошо ее декламировать, какъ лучшій актеръ. Таковыми декламированіями нѣкоторыхъ мѣстъ изъ оной увеселялъ онъ нерѣдко и зятя, и сестру мою, и меня. Мнѣ все сіе было въ диковину, и какъ я никогда еще театральныхъ представленій не видывалъ, то мнѣ сіе полюбилось такъ, что захотѣлось самому выучиться прокрикивать стихи и такимъ же образомъ съ жестами дѣлать декламаціи. Я сталъ просить у него трагедію сію списать, но онъ такъ былъ учтивъ, что оную мнѣ подарилъ а сверхъ того узнавъ, для чего она мнѣ была надобна, поучилъ нѣсколько и декламированію, и всѣмъ тѣмъ удовольствовалъ меня чрезвычайно. Трагедія сія навела на меня множество хлопотъ, ибо какъ мнѣ она полюбилась до безконечности, то захотѣлось мнѣ ее такимъ же образомъ выучить наизусть для декламированія, и въ семъ то тверженіи оной упражнялся я обыкновенно дорогою въ переѣздахъ изъ квартиры до сестры моей и обратно.

4. Маскарадъ «Торжествующая Минерва» въ Москвѣ 1763 г. Я нашелъ тогда всю публику московскую, занимающуюся разговорами о имѣющемъ быть вскорѣ уличномъ маскарадѣ. Какъ зрѣлище сіе было совсѣмъ новое, необыкновенное и никогда, не только въ Россіи, но и нигдѣ небывалое, то всѣ дожидались того съ великою нетерпѣливостію. Новой нашей императрицѣ угодно было позабавить себя и всю московскую публику симъ необыкновеннымъ и сколько, съ одной стороны, великолѣпнымъ, столько, съ другой стороны весьма замысловатымъ и крайне пріятнымъ и забавнымъ зрѣлищемъ. Маскарадъ сей имѣлъ собственною цѣлью своею осмѣяніе всѣхъ обыкновеннѣйшихъ между людьми пороковъ, а особливо мздоимныхъ судей, игроковъ, мотовъ, пьяницъ и распутныхъ и торжество надъ ними наукъ

[1]) Знакомый автора, унтеръ-офицеръ, любитель фокусовъ и театра.

и добродѣтели: почему и названъ онъ былъ «Торжествующею Минервою». И процессія была превеликая и предлинная: везены были многія и разнаго рода колесницы и повозки, отчасти на огромныхъ саняхъ, отчасти на колесахъ, съ сидящими на нихъ многими и разнымъ образомъ одѣтыми и что-нибудь особое представляющими людьми, и поющими приличныя и для каждаго предмета нарочно сочиненныя сатирическія пѣсни[1]). Предъ каждою такою раскрашенною, распещренною, и раззолоченною повозкою, везомою множествомъ лошадей, шли особые хоры, гдѣ — разнаго рода музыкантовъ, гдѣ — разнообразно наряженныхъ людей, поющихъ громогласно другія веселыя и забавныя особаго рода стихотворенія; а индѣ шли огромные исполины, а индѣ удивительные карлы. И все сіе распоряжено было такъ хорошо, украшено такъ великолѣпно и богато и всѣ пѣсни и стихотворенія пѣты были такими пріятными голосами, что не инако, какъ съ крайнимъ удовольствіемъ на все то смотрѣть было можно.

Какъ шествіе всей этой удивительной процессіи простиралось изъ Нѣмецкой слободы по многимъ большимъ улицамъ, то стеченіе народа, желавшаго сіе видѣть, было превеликое. Всѣ тѣ улицы, по которымъ имѣла она свое шествіе, напичканы были безчисленнымъ множествомъ людей всякаго рода; и не только всѣ окны домовъ наполнены были зрителями благородными, но и всѣ промежутки между оными установлены были многими тысячами людей, стоявшихъ на сдѣланныхъ нарочно для того подлѣ домовъ и заборовъ подмосткахъ. Словомъ, вся Москва обратилась и собралась на край оной, гдѣ простиралось сіе маскарадное шествіе. И всѣ такъ онымъ прельстились, что долгое время не могли сіе забавное зрѣлище позабыть; а пѣсни и голоса оныхъ такъ всѣмъ полюбились, что долгое время и нѣсколько лѣтъ сряду увеселялся ими народъ, заставливая вновь ихъ пѣть фабричныхъ, которые употреблены были въ помянутые хоры и научены пѣснямъ онымъ.

5. Выборы въ Комиссію Наказа въ провинціи. Еще весною сего года находился я въ великомъ опасеніи о себѣ чтобъ не выбранъ я былъ въ депутаты въ комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія.

Важное сіе, громкое и славное дѣло основывалось въ сей годъ и императрица наша нарочно для сего пріѣзжала въ Москву.

[1]) Къ числу такихъ пѣсенъ относится помѣщенный выше «Хоръ къ превратному свѣту» Сумарокова (стр. 135).

Повелѣно было во всѣхъ уѣздахъ всего государства выбрать къ сему сочиненію новыхъ законовъ разумнѣйшихъ и способнѣйшихъ дворянъ депутатами и снабдить ихъ отъ всего дворянства инструкціями, а для порядочнѣйшего всего того производства выбрать напередъ дворянамъ въ каждомъ уѣздѣ себѣ предводителя. А по всему тому опасался я, чтобъ каширскимъ господамъ дворянамъ не вздумалось въ помянутые депутаты выбрать меня, какъ способнѣйшаго къ тому и могущаго лучше всѣхъ другихъ исправить сію должность.

Мѣсто сіе было хотя сопряженное съ честью и такое, въ которое многіе ужасно добивалися, ласкаясь отчасти опредѣленнымъ жалованіемъ, а отчасти другими выгодами, но мнѣ какъ-то не хотѣлось войтить въ сіе дѣло. Я власно какъ предвидѣлъ, что изъ всего сего великаго предпріятія ничего не выйдетъ; что грома надѣлается много, людей сторвется отъ домовъ множество, денегъ на содержаніе ихъ истратится бездна, вранья, крика и вздора будетъ много, а дѣла отъ всего того не выйдетъ никакого и все кончится ничѣмъ; а потому и не хотѣлось мнѣ для сего разстаться съ милою своею и столь для меня блаженною деревенскою жизнію.

И дабы въ томъ лучше успѣть, то не хотѣлъ я даже и показать себя господамъ каширскимъ дворянамъ и умышленно на съѣздъ ихъ для сихъ выборовъ не поѣхалъ, а отозвался письменно, что мнѣ пріѣхать было не можно. И слѣдствіе оказало, что я поступилъ и благоразумно; ибо скоро услышали мы, что и самое начало сего великаго дѣла далеко не соотвѣтствовало премудрымъ намѣреніямъ нашей императрицы, и что и самые выборы начались производимы быть вездѣ по пристрастіямъ, что выбирали и назначали къ тому не тѣхъ, которыхъ бы выбрать къ тому надлежало и которые къ тому были способны и другихъ достойнѣе, а тѣхъ, которымъ самимъ опредѣлиться въ сіе мѣсто хотѣлось, не смотря ни мало, способны ли они къ тому были или не способны. Отчего собственно и вышелъ потомъ сущій и такой ералажъ, что принуждено было все сіе дѣло остановить и оставить до другого времени. И какъ у насъ выбраны были въ предводители г. Юшковъ, бывшій нѣкогда въ Москвѣ губернаторомъ, а въ депутаты нѣкто г. Масловъ, то и остался я спокойнымъ и очень былъ радъ, что сія буря меня миновала.

6. Знакомство съ Н. И. Новиковымъ (1779 г.). На утріе, какъ въ четвертый день моего пребыванія въ Москвѣ, случившійся во второе число мѣсяца сентября, со-

брался я наконецъ съѣздить въ университетскую типографію, и день сей сдѣлался наидостопамятнѣйшимъ почти въ моей жизни, чрезъ основаніе въ оной перваго моего знакомства, а потомъ и самой дружбы, съ новымъ содержателемъ типографіи, извѣстнымъ и толико славнымъ у насъ господиномъ Новиковымъ, Николаемъ Ивановичемъ. Важной человѣкъ сей былъ до сего времени мнѣ совсѣмъ незнакомъ и я объ немъ до того времени и не слыхивалъ. Онъ же, напротивъ того, зналъ меня уже очень коротко, и по всѣмъ моимъ экономическимъ и даже нравственнымъ сочиненіямъ, и имѣлъ обо мнѣ и о способностяхъ моихъ весьма выгодныя мысли; почему и неудивительно, какъ скоро я, нашедъ его живущаго тутъ же въ домѣ, гдѣ находилась типографія, сказалъ ему о себѣ и о желаніи моемъ отыскать и получить экземпляры моей «Дѣтской философіи», онъ принялъ меня съ отмѣнною ласкою и благопріятствомъ и не могъ довольно изъявить своей радости и удовольствія о томъ, что получилъ случай со мною познакомиться. Признаюсь, что таковая неожиданная и благопріятная встрѣча была и самому мнѣ весьма пріятна. Мы вступили съ нимъ тотчасъ въ разныя разговоры и какъ онъ былъ человѣкъ въ наукахъ и литературѣ не только весьма знающій, но и самъ за нѣсколько лѣтъ до того издавалъ нравственный и сатирическій журналъ, подъ именемъ «Живописца», и можно было съ нимъ обо всемъ и обо всемъ говорить, то въ немногія минуты не только познакомились мы съ нимъ, какъ бы вѣкъ жили вмѣстѣ, но слѣпилась между нами и самая дружба, продолжающаяся даже и понынѣ.

7. Отношеніе автора къ воззрѣніямъ Новикова. И какъ мы съ нимъ гораздо уже познакомились, то и вздумалось ему испытать, не удастся ли ему и меня такимъ же образомъ втянуть въ свое сокровенное общество или шайку масоновъ, какъ учинилъ онъ то со многими уже другими, и съ тѣмъ безсомнѣнно намѣреніемъ, чтобы чрезъ то, какъ гранметру сей секты, сдѣлать и меня своимъ съ сей стороны подчиненнымъ и пріобрѣсть во мнѣ дарового работника и всѣмъ своимъ хотѣніямъ и повелѣніямъ безотговорочнаго исполнителя. И для того, заведя меня въ свой кабинетъ, началъ меня разспрашивать, не принадлежу ли я къ какому-нибудь ордену? Поразился я удивленіемъ, сіе услышавъ, и какъ по счастію былъ я о его масонствѣ и гранметрствѣ отъ г. Владыкина и нѣкоторыхъ другихъ извѣщенъ, то тотчасъ проникнулъ все его сокровенное намѣреніе и отнюдь

не желая дать ему возложить на себя узду и оселъ, тотчасъ принялъ всѣ нужныя съ сей стороны предосторожности; и потому на вопросъ его тотчасъ ему отвѣтствовалъ, что нѣтъ, и что я никогда не былъ ни масономъ, ни другимъ какимъ сектистомъ. Не успѣлъ онъ сего услышать, какъ и началъ было подъѣзжать ко мнѣ, по пословицѣ говоря, на полозкахъ и убаивать меня обыкновенными баснями и прельщать меня пышными выгодами ихъ братства, дружества, добродѣтелей и всего прочаго, и заговаривать, чтобъ я также вступилъ въ ихъ общество, съ увѣреніемъ, что я по качествамъ, знаніямъ и достоинствамъ своимъ могъ бы скоро получить между ими знаменитое достоинство.

Нѣсколько минутъ далъ я ему волю говорить и разглагольствовать, какъ онъ хотѣлъ, слушая со вниманіемъ все, что онъ ни говоритъ; но наконецъ ему сказалъ: Нѣтъ, батюшка, Николай Ивановичъ! дружбу и пріязнь имѣть я съ вами готовъ, а что касается до предлагаемаго вами, такъ покорно прошу меня отъ того уволить. Все, что вы ни говорите въ похвалу вашему обществу, мнѣ давнымъ давно уже извѣстно, и вы не первые, а меня ужъ многіе и многіе старались преклонить ко вступленію въ масонскій орденъ и въ другія секты и общества; но я далъ съ молодыхъ лѣтъ на себя зарокъ и самъ себя заклялъ, чтобъ отнюдь не вступать ни въ какой тайный орденъ и сокровенное общество! «Но для чего жъ?» подхватилъ онъ. — А для того, что зная существенно, чѣмъ и въ чемъ обязуетъ насъ и одинъ нашъ христіанскій законъ, думаю, что намъ и тѣхъ должностей и обязанностей довольно, какими онъ насъ къ исполненію обязуетъ, и что нѣтъ никакой нужды обязывать себя какими-либо другими должностями, а намъ дай Богъ, чтобъ и тѣ только исполнить, которыми обязуетъ насъ христіанская вѣра! Нечего ему было на сіе говорить. Онъ упнулся и замолчалъ, увидя, что во мнѣ наскочила коса его на камень; но собравшись опять съ духомъ, началъ-было опять свои разглагольствованія и увѣренія, что орденъ ихъ ни мало не противенъ христіанской вѣрѣ, и что я найду истинныхъ ему между ими почитателей, и прочее и прочее, но я, остановивъ его, опять сказалъ: «Знаю, батюшка, и слышалъ много разъ все сіе, но опять повторю, что какъ бы то не было, но меня покорно прошу отъ того уволить и въ разсужденіи меня никакого счета не дѣлать. Скажу вамъ прямо, что я клятвы своей до сего времени держался и впредь всегда держаться

буду, и потому всѣ ваши убѣжденія будутъ относительно до меня тщетны, и труды, употребленные къ тому, напрасны; а что касается до моего къ вамъ искренняго почтенія и дружбы, то я вамъ ее обѣщаю и безъ того, и вы найдете во мнѣ человѣка, которымъ вы съ сей стороны будете довольны, и о томъ перестанемъ говорить». Нечего ему было опять на сіе сказать и онъ, боясь, чтобъ меня не отогнать совсѣмъ прочь отъ себя и льстясь, можетъ-быть, надеждою, что не удастся ли ему впредь какимъ-нибудь образомъ въ сѣти свои запутать, принужденъ былъ сказать: «Ну, такъ и быть! что мнѣ съ вами, такимъ упрямымъ, дѣлать? но по крайней мѣрѣ испрашиваю я отъ васъ продолженія начатаго вашего дружества и любви!» — «О, что касается до этого, воскликнулъ я, то увѣряю васъ въ томъ чистосердечно, что вы будете много довольны и въ залогъ того вотъ вамъ моя рука!» Сказавъ сіе и схватя его руку, ударилъ я по ней своею, а онъ въ соотвѣтствіе того обнялъ меня и поцѣловался со мною.

Симъ кончилась тогда у насъ сокровенная въ кабинетѣ его сцена,и мы вышли потомъ въ залъ къ собравшимся къ столу и дожидавшимся насъ его подчиненнымъ, и сѣли обѣдать.

Послѣ обѣда, напившись кофею и поговоривъ еще кое о чемъ постороннемъ, поѣхалъ я отъ него на квартиру, и ѣдучи, вспоминая все бывшее до обѣда, самъ себѣ сказалъ: «Нѣтъ, нѣтъ, государь! Не на такого ты глупца и простачка напалъ, которой бы далъ себя ослѣпить твоими раздобарами и росказнями, и протянулъ бы тебѣ свою шею для возложенія на нее петли и узды, дабы тебѣ послѣ на немъ верхомъ ѣздить и неволею заставливать все дѣлать, что тебѣ угодно. Не бывать тому никогда и не раживаться, чтобъ далъ я тебѣ связать себѣ руки и ноги, а ежели хочешь, то изволь быть моимъ простымъ и обыкновеннымъ другомъ и обходиться со мною какъ себѣ съ равнымъ. Отъ этого мы не прочь, да и только всего!»

Симъ образомъ утвердившись въ своемъ намѣреніи, положилъ я имѣть впредь наивозможнѣйшую отъ него съ сей стороны осторожность. Поутру въ слѣдующій за симъ день, заѣхалъ я по дорогѣ опять къ Новикову, который при семъ свиданіи сдѣлалъ мнѣ опять новое неожидаемое предложеніе.

«Завожу я, говорилъ онъ мнѣ, въ разныхъ мѣстахъ государства или въ разныхъ городахъ книжную продажу, дабы чрезъ то по возможности поспѣшествовать нашей литера-

турѣ; а какъ вы живете вблизи Тулы, то не возьмете ли вы на себя трудъ пріискать кого-нибудь изъ тамошнихъ жителей, кто бы взялъ на себя комиссію продавать тамъ мои книги. Я бы могъ ихъ къ нему пересылать чрезъ васъ, а онъ за труды свои могъ пользоваться отъ сей продажи десятью процентами, а и вы могли бы тоже получать, если бы и у васъ въ Богородицкѣ стали бъ находиться охотники къ раскупанію оныхъ». — «Очень хорошо! отвѣчалъ я: въ этомъ я готовъ постараться оказать мою услугу, и въ проѣздъ мой чрезъ Тулу поговорю о томъ кое-съ-кѣмъ изъ моихъ знакомыхъ, и увѣдомлю васъ, если дѣло сіе пойдетъ на ладъ». Симъ онъ былъ очень и доволенъ, а и для меня было сіе не противно, и болѣе потому, что я при семъ случаѣ могъ бы пользоваться даромъ прочитываніемъ всѣхъ сихъ книгъ и не имѣлъ бы нужды въ покупаніи оныхъ.

8. Арестъ и ссылка Новикова (1792 г.). Первое вешнее тепло началось у насъ не прежде 5 числа сего мѣсяца. Въ сей впервыя выходили мы съ сыномъ моимъ прогуливаться въ сады наши, и оный достопамятенъ былъ и тѣмъ, что въ оный привезли къ намъ изъ Тулы первое извѣстіе о гоненіи, воздвигнутомъ въ Москвѣ на господъ Мартинистовъ, и что самый ихъ глава г. Новиковъ взятъ и куда-то сосланъ; а книги его и весь домъ опечатанъ. Сіе услышавши, поразился я сожалѣніемъ о семъ моемъ и всегда благопріятствовавшемъ мнѣ знакомцѣ и пріятелѣ, а вкупѣ и порадовался тому, что Богъ отвелъ и сохранилъ меня отъ того, что я не входилъ съ нимъ никогда ни въ какую тѣсную связь, а по носящимся о какой-то ихъ сектѣ сомнительствамъ, всегда имѣлъ къ нему недовѣрку и при всѣхъ случаяхъ отъ повѣреннаго съ нимъ обхожденія удалялся и бѣгалъ отъ него, какъ отъ огня.

Нѣсколько далѣе Болотовъ, упоминая о судѣ надъ Новиковымъ, отзывается о «господахъ Мартинистахъ» еще болѣе грубо и невѣжественно и радуется, что открылись «всѣ ихъ замыслы». Какіе — онъ не зналъ, и не могъ знать, потому что ихъ не было; да онъ и не интересовался этимъ. Онъ вмѣстѣ съ Екатериной и съ большинствомъ общества говорилъ о масонахъ по слухамъ, и чуть ли не считалъ Новикова и его друзей за компанію какихъ-то подозрительныхъ и вредныхъ шарлатановъ.

17. Императрица Екатерина II.

Императрица Екатерина II — первая женщина въ Россіи съ широкимъ европейскимъ образованіемъ. Она съ дѣтства отличалась страстью къ чтенію книгъ и впослѣдствіи съ увлеченіемъ отдавалась литературнымъ занятіямъ. Будучи уже императрицей, она утромъ, отъ 7—9 часовъ, а иногда и вечеромъ въ библіотекѣ занималась литературой. Литературная дѣятельность для нея отчасти была удовлетвореніемъ прямого влеченія, отчасти средствомъ проводить въ общество идеи, которыя она считала полезными.

Въ 1769—1770 гг. подъ ея руководствомъ издавался журналъ «Всякая Всячина», офиціальнымъ редакторомъ котораго былъ ея кабинетъ-секретарь Григ. Вас. Козицкій. По прекращеніи журнала императрица писала, главнымъ образомъ, комедіи и оперы, въ 1782—1784 гг. — педагогическія сочиненія. Въ 1783 г. она участвовала въ журналѣ «Собесѣдникъ Любителей Россійскаго слова», редакторомъ котораго была кн. Е. Р. Дашкова. Здѣсь Екатерина II помѣстила нѣсколько сатирическихъ очерковъ подъ названіемъ «Были и небылицы». Самымъ значительнымъ изданіемъ императрицы является «Наказъ», получившій огромное литературное значеніе въ XVIII вѣкѣ.

Ниже помѣщены характерныя статьи «Наказа», сцены изъ комедіи «О время», сцены изъ комедіи «Федулъ съ дѣтьми» и одна статья изъ «Былей и небылицъ».

Статьи изъ журнала «Всякая Всячина» отнесены нами въ главу «Русскіе журналы XVIII вѣка», какъ опредѣляющія одно изъ направленій журналистики того времени, а тѣ статьи изъ «Былей и небылицъ», въ которыхъ состоялся извѣстный обмѣнъ мнѣній между императрицей и Фонвизинымъ, отнесены къ главѣ «Фонвизинъ», какъ неотъемлемыя отъ дѣятельности этого писателя.

НАКАЗЪ.

«Наказъ» императрицы Екатерины II представляетъ документъ первостепенной важности въ исторіи русской культуры. Всякій, изучающій исторію идей въ XVIII вѣкѣ въ Россіи, непремѣнно остановится на этомъ произведеніи императрицы, въ основу котораго положены идеи просвѣтительной философіи. «Наказъ» окружилъ ореоломъ славы Екатерину II не только въ Россіи, но во всей западной Европѣ. Онъ былъ написанъ во время большого общественнаго возбужденія, когда повсюду въ Россіи выбирали депутатовъ для комиссіи 1767 г. и снабжали ихъ особыми мѣстными наказами, въ которыхъ провинція излагала свои нужды. «Наказъ» императрицы во многихъ государственныхъ идеяхъ шелъ впереди общества и въ разрѣзъ съ желаніями депутатовъ, иногда слишкомъ сословными, иногда узко мѣстными. Это было искреннее обращеніе императрицы Екатерины II къ обществу, призывавшее его жить на новыхъ, гораздо болѣе культурныхъ и гуманныхъ началахъ. Въ XVIII вѣкѣ, въ основаніи русскихъ законовъ все еще

лежало Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, съ безчисленными къ нему дополненіями, нерѣдко исключавшими другъ друга. Такое положеніе законовъ необходимо требовало пересмотра и приведенія ихъ въ систему, примѣнительно къ новымъ потребностямъ XVIII вѣка. Императрица на второй годъ своего царствованія (1764) стала готовить наказъ для задуманной ею комиссіи по составленію новаго уложенія. «Два года», говоритъ сама императрица, «я читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова, послѣдуя единственно уму и сердцу своему, съ ревностнымъ желаніемъ пользы, чести и счастья имперіи и чтобы довести до высшей степени благополучія живущихъ въ ней какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго особенно». Со словъ императрицы извѣстно также, что въ 1766 году она показала «Наказъ», такъ чистосердечно составленный, нѣкоторымъ приближеннымъ къ ней лицамъ — гр. Никитѣ Панину и гр. Орлову. Въ числѣ совѣтниковъ императрицы по вопросу о «Наказѣ» былъ и А. П. Сумароковъ, но императрица осталась неудовлетворена мелочностью его критики: Сумароковъ, между прочимъ, былъ противъ освобожденія крестьянъ, опасаясь крестьянскаго возстанія. Составлена была также предварительная комиссія съ правомъ сократить проектъ «Наказа», и примѣнить его къ русскимъ условіямъ. Въ этомъ измѣненномъ уже видѣ онъ и былъ напечатанъ при Сенатѣ и опубликованъ въ 1767 году. Въ 1768 году были напечатаны при Сенатѣ еще два дополненія, какъ сказано въ нихъ, къ «Большому наказу». Эти дополненія прибавляютъ къ 526 статьямъ «Наказа» еще 129. Теперь, въ недавно вышедшемъ академическомъ изданіи «Наказа» (подъ ред. Н. Д. Чечулина) данъ и первоначальный его текстъ, напечатанный съ рукописи, хранящейся въ Академіи Наукъ, съ надписью «Рукописный подлинникъ Наказа Ея Императорскаго Величества».

Такъ какъ наибольшимъ измѣненіямъ подверглась XI глава «Наказа», то ниже, въ примѣчаніяхъ, мы даемъ наиболѣе характерныя мѣста изъ первоначальнаго текста этой главы для сличенія съ текстомъ, появившимся въ печати въ 1767 году.

Въ цѣломъ «Наказъ» и въ первоначальномъ своемъ видѣ — не самостоятельное произведеніе императрицы, чего она и не скрывала: изъ 526 параграфовъ «Большого Наказа» заимствовано около 250 у Монтескьё («Духъ законовъ») и около 100 у Беккаріи («О преступленіяхъ и наказаніяхъ»). Вмѣстѣ съ этимъ источниками «Наказа» были: извѣстная «Энциклопедія», сочиненія Кенэ и др. Сама императрица писала: «я на пользу моей имперіи обобрала президента Монтескьё, не называя его. Надѣюсь, что если бы онъ съ того свѣта увидалъ меня работающею, то простилъ бы эту литературную кражу во благо 20 милліоновъ людей, которое изъ того послѣдуетъ».

Надо имѣть въ виду, что, хотя «Наказъ» и компилятивное произведеніе, значеніе его въ исторіи русской культуры этимъ не умаляется: онъ давалъ цѣлый рядъ чрезвычайно цѣнныхъ, новыхъ тогда идей, будившихъ мысль и чувство русскаго общества.

Приводимыя ниже статьи «Наказа» взяты изъ напечатаннаго въ типографіи Академіи Наукъ изданія 1770 года, гдѣ текстъ «Наказа» уже данъ на четырехъ языкахъ: русскомъ, латинскомъ (въ переводѣ Гр. Козицкаго), нѣмецкомъ и французскомъ. Первоначальный текстъ «Наказа», помѣщенный у насъ въ примѣчаніяхъ, взятъ изъ упомянутаго выше академическаго изданія 1907 года. Этотъ текстъ есть текстъ рукописи, хранящейся въ Правительствующемъ Сенатѣ и представляющей первоначальный переводъ съ французскаго подлинника «Наказа», хранящагося въ Академіи Наукъ.

Господи Боже мой! Вонми, и вразуми мя, да сотворю судъ людемъ Твоимъ по закону Святому Твоему судити въ правду.

НАКАЗЪ.

I.

Законъ христіанскій научаетъ насъ взаимно дѣлати другъ другу добро, сколько возможно.

Глава I.

6. Россія есть Европейская держава.

7. Доказательство сему слѣдующее. Перемѣны, которыя въ Россіи предпріялъ Петръ Великій, тѣмъ удобнѣе успѣхъ получили, что нравы, бывшіе въ то время, со всѣмъ не сходствовали со климатомъ, и принесены были къ намъ смѣшеніемъ разныхъ народовъ, и завоеваніями чуждыхъ областей. Петръ Первый, вводя нравы и обычаи Европейскіе въ Европейскомъ народѣ, нашелъ тогда такія удобности, какихъ онъ и самъ не ожидалъ.

Глава II[1]).

8. Россійскаго государства владѣнія простираются на тридцать двѣ степени широты, и на сто шестьдесятъ пять степеней долготы по земному шару.

9. Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть не можетъ дѣйствовати сходно со пространствомъ толь великаго государства.

---

[1]) §§ 10, 12 взяты изъ Монтескьё.

10. Пространное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особѣ, которая онымъ правитъ. Надлежитъ чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальныхъ странъ присылаемыхъ, награждала медленіе, отдаленностію мѣстъ причиняемое.

11. Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно.

12. Другая причина та, что лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ.

13. Какій предлогъ самодержавнаго правленія? Не тотъ, чтобъ у людей отнять естественную ихъ вольность: но чтобы дѣйствія ихъ направити къ полученію самого большаго ото всѣхъ добра.

Глава V[1]).

31. О состояніи всѣхъ въ государствѣ живущихъ.

32. Великое благополучіе для человѣка быти въ такихъ обстоятельствахъ, что когда страсти его вперяютъ въ него мысли быти злымъ, онъ однако щитаетъ себѣ за полезнѣе не быти злымъ.

33. Надлежитъ чтобъ законы, по елику возможно, предохраняли безопасность каждаго особо гражданина.

34. Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ.

35. Сіе равенство требуетъ хорошаго установленія, которое воспрещало бы богатымъ удручать меньше ихъ стяжаніе имѣющихъ; и обращать себѣ въ собственную пользу чины и званія, порученныя имъ только, какъ правительствующимъ особамъ государства.

36. Общественная или государственная вольность не въ томъ состоитъ, чтобъ дѣлать все, что кому угодно.

37. Въ государствѣ, то есть въ собраніи людей обществомъ живущихъ, гдѣ есть законы, вольность не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть, и чтобъ не быть принуждену дѣлать то, чего хотѣть не должно.

38. Надобно въ умѣ себѣ точно и ясно представити: что есть вольность? Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ; и ежели бы гдѣ какой гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, тамъ бы уже больше воль-

---

[1]) §§ 32—34, 36—38 взяты изъ Монтескьё.

ности не было: ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть.

39. Государственная вольность во гражданинѣ есть свойство духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностію: и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другого, а боялися бы всѣ однихъ законовъ.

57. Законоположеніе должно примѣняти къ народному умствованію. Мы ничего лучше не дѣлаемъ, какъ то, что дѣлаемъ вольно, непринужденно, и слѣдуя природной нашей склонности.

58. Для введенія лучшихъ законовъ необходимо потребно, умы людскіе къ тому приуготовить. Но чтобъ сіе не служило отговоркою, что нельзя установить и самаго полезнѣйшаго дѣла. Ибо если умы къ тому еще не приуготованы; такъ приймите на себя трудъ приуготовить оные, и тѣмъ самымъ вы уже много сдѣлаете.

Глава IX[1]). О производствѣ суда вообще.

123. Употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію; само человѣчество вопіетъ противъ оныя, и требуетъ, чтобъ она была вовсе уничтожена. Мы видимъ теперь народъ, гражданскими учрежденіями весьма прославившійся, который оную отметаетъ, не чувствуя оттуда никакого худаго слѣдствія: чего ради она не нужна по своему естеству. Мы ниже сего пространнѣе о семъ изъяснимся.

Глава X[2]). О обрядѣ криминальнаго суда.

206. Кто не объемлется ужасомъ, видя въ исторіи столько варварскихъ и безполезныхъ мученій, выисканныхъ и въ дѣйство произведенныхъ безъ малѣйшаго совѣсти зазора людьми, давшими себѣ имя премудрыхъ? Кто не чувствуетъ внутри содроганія чувствительнаго сердца при зрѣлищѣ тѣхъ тысячъ безщастныхъ людей, которые оныя претерпѣли и претерпѣваютъ, многажды обвиненные во преступленіяхъ сбыться

[1]) § 123 взятъ изъ Монтескьё.

[2]) §§ 206, 210, 240, 241, 243—248 взяты у Беккаріи; самая ссылка на императрицу Елисавету Петровну также заимствована у Беккаріи.

трудныхъ или немогущихъ, часто сплетенныхъ отъ незнанія, а иногда отъ суевѣрія? Кто можетъ, говорю Я, смотрѣть на растерзаніе сихъ людей, съ великими приуготовленіями отправляемое людьми же, ихъ собратіею? Страны и времена, въ которыхъ казни были самыя лютѣйшія въ употребленіи, суть тѣ, въ которыхъ содѣвалися беззаконія самыя безчеловѣчныя.

210. Опыты свидѣтельствуютъ, что частое употребленіе казней никогда людей не сдѣлало лучшими: чего для если Я докажу, что въ обыкновенномъ состояніи общества смерть гражданина ни полезна, ни нужна, то Я преодолѣю востающихъ противъ человѣчества. Я здѣсь говорю: *въ обыкновенномъ общества состояніи:* ибо смерть гражданина можетъ въ одномъ только случаѣ быть потребна, сирѣчь: когда онъ лишенъ будучи вольности, имѣетъ еще способъ и силу, могущую возмутить народное спокойство. Случай сей не можетъ нигдѣ имѣть мѣста, кромѣ когда народъ теряетъ, или возвращаетъ свою вольность, или во время безначалія, когда самые безпорядки заступаютъ мѣсто законовъ. А при спокойномъ царствованіи законовъ, и подъ образомъ правленія, соединенными всего народа желаніями утвержденнымъ, въ государствѣ противу внѣшнихъ непріятелей защищенномъ, и внутри поддерживаемомъ крѣпкими подпорами, то есть силою своею и вкоренившимся мнѣніемъ во гражданахъ, гдѣ вся власть въ рукахъ Самодержца, въ такомъ государствѣ не можетъ въ томъ быть никакой нужды, чтобъ отнимать жизнь у гражданина. Двадцать лѣтъ государствованія Императрицы Елисаветы Петровны подаютъ отцамъ народовъ примѣръ къ подражанію изящнѣйшій, нежели самыя блистательныя завоеванія.

240. Гораздо лучше предупреждать преступленія, нежели наказывать.

241. Предупреждать преступленія есть намѣреніе и конецъ хорошаго законоположничества, которое не что иное есть, какъ искусство приводить людей къ самому совершенному благу, или оставлять между ними, если всего искоренить нельзя, самое малѣйшее зло.

243. Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте чтобъ законы меньше благодѣтельствовали разнымъ между гражданами чинамъ, нежели всякому особо гражданину.

244. Сдѣлайте, чтобъ люди боялися законовъ, и никого бы кромѣ ихъ не боялися.

245. Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилося между людьми.

246. Книга добрыхъ законовъ не что иное есть, какъ недопущеніе до вреднаго своевольства причиняти зло себѣ подобнымъ.

247. Еще можно предупредить преступленіе награжденіемъ добродѣтели.

248. На конецъ самое надежное, но и самое труднѣйшее средство дѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія.

Глава XI.

250. Гражданское общество, такъ какъ и всякая вещь, требуетъ извѣстнаго порядка; надлежитъ тутъ быть однимъ, которые правятъ и повелѣваютъ, а другимъ, которые повинуются.

251. И сіе есть начало всякаго рода покорности; сія бываетъ больше или меньше облегчительна, смотря на состояніе служащихъ.

252. И такъ какъ законъ естественный повелѣваетъ намъ по силѣ нашей, о благополучіи всѣхъ людей пещися, то обязаны МЫ состояніе и сихъ подвластныхъ облегчати, сколько здравое разсужденіе дозволяетъ.

253. Слѣдовательно и избѣгати случаевъ, чтобъ не приводить людей въ неволю, развѣ крайняя необходимость къ учиненію того привлечетъ, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной; однако и та едва не весьма ли рѣдко бываетъ[1]).

254. Какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобъ законы гражданскіе съ одной стороны злоупотребленіе

---

[1]) Въ первоначальномъ текстѣ слѣдуетъ: «Два рода службы, одна существенная, другая личная, т.-е. крестьянство и холопство».

1) С у щ е с т в е н н а я соединяетъ крестьянъ неразлучно съ участкомъ земли имъ данной. Такіе рабы были у Германцевъ по описанію Тацита. Они служили въ должностяхъ при домахъ господскихъ, давали господину своему извѣстное количество хлѣба, скота, домашняго рукодѣлія и проч., и далѣе ихъ подданство не простиралося. Такая служба и теперь введена въ Венгріи, въ Чесской землѣ и во многихъ мѣстахъ Нижней Германіи.

2) С о б с т в е н н а я служба или холопство сопряжено съ услуженіемъ въ домѣ и принадлежитъ больше къ лицу или къ особѣ.

Великое злоупотребленіе есть, когда холопство въ одно время и личное и существенное. Таковы были рабы (илоты) у Лакедемонянъ: на нихъ налагали всѣ труды внѣ дому господскаго и въ домѣ всякимъ нападкамъ они были подвержены.

рабства отвращали, а съ другой стороны предостерегали бы опасности, могущія оттуда произойти[1]).

255. Нещасливо то правленіе, въ которомъ принуждены установляти жестокіе законы[2]).

256. Петръ Первый узаконилъ въ 1722 году, чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотреніемъ опекуновъ.

По первой статьи сего указа чинится исполненіе; а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася, не извѣстно[3]).

259. У Аѳинянъ строго наказывали того, кто съ рабомъ поступалъ свирѣпо.

260. Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ[4]).

261. Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества[5]).

---

[1]) Въ первоначальномъ текстѣ слѣдуетъ: «Правительство должно стараться о томъ, чтобы крѣпостной имѣлъ пищу и одежду; и сіе надлежитъ учредить закономъ».

Законы должны и о томъ имѣть попеченіе, чтобы они въ болѣзняхъ и въ старости ихъ не были оставлены. Клавдій, Цесарь римскій, узаконилъ рабамъ, оставленнымъ во время ихъ болѣзней отъ господъ своихъ, быть свободнымъ, когда выздоровѣютъ. Сей законъ утверждалъ рабамъ свободу; но надлежало бы еще утвердить закономъ и сохраненіе ихъ жизни. Когда законъ дозволяетъ господину отнимать жизнь у своего раба или наказывать его жестокимъ образомъ, то сіе долженъ онъ употреблять, какъ судья, а не какъ господинъ.

Надлежитъ, чтобы закономъ предписанъ былъ въ производствѣ дѣла сего порядокъ, по которому бы не оставалось бы никакого подозрѣнія о учиненіи рабу насилія. Когда въ Римѣ запрещено было отцамъ лишать жизни дѣтей своихъ, то правительство дѣлало дѣтямъ наказаніе, какое отецъ хотѣлъ предписать. Благоразумно было бы, есть ли бы въ разсужденіи господина и раба подобное введено было въ употребленіе.

Въ Россійской Финляндіи выбранные семь или осмь крестьянъ во всякомъ погостѣ составляютъ судъ, въ которомъ судятъ о всѣхъ преступленіяхъ. Съ пользою подобный судъ можно бы употребить для уменьшенія домашней суровости многихъ помѣщиковъ, или слугъ, ими посылаемыхъ на управленіе деревень ихъ безпредѣльное, что часто разорительно деревнямъ и народу и вредно государству, когда отъ нихъ удрученные крестьяне принуждены бываютъ лишиться неволею своего отечества побѣгами...

[2]) Въ первоначальномъ текстѣ слѣдуютъ ссылки на поводы къ освобожденію рабовъ у грековъ и римлянъ.

[3]) Въ первоначальномъ текстѣ слѣдуютъ: «Законы Платоновы и многихъ другихъ народовъ отъемлютъ у рабовъ естественное защищеніе: и такъ надлежитъ имъ дать защищеніе гражданское».

[4]) Въ первоначальномъ текстѣ идетъ указаніе средствъ постепеннаго освобожденія крестьянъ.

[5]) Въ первоначальномъ текстѣ послѣ указанія на договоры между помѣщиками и крестьянами, которыми могли бы опредѣляться ихъ земельныя отношенія, — говорится:

«Лифляндскій дворянинъ прозваніемъ Шульцъ недавно показалъ хорошій примѣръ ревности и усердія къ отечеству, котораго похвалить должно: онъ роздалъ всѣмъ своимъ крестьянамъ уговорныя письма на владѣніе земли, которую каждый изъ нихъ обрабатывать долженъ. И лифляндское шляхетство, въ собраніи своемъ, бывшемъ въ мѣсяцѣ январѣ 1765 г. согласилось

263. При чемъ однако весьма же нужно, чтобы предупреждены были тѣ причины, кои столь часто привели въ непослушаніе рабовъ противъ господъ своихъ; не узнавъ же сихъ причинъ, законами упредить подобныхъ случаевъ нельзя, хотя спокойство однихъ и другихъ отъ того зависитъ[1]).

Глава XII. О размноженіи народа въ государствѣ.

470. Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобъ они съ бо́льшимъ разсмотреніемъ располагали свои поборы; и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства: тѣмъ бы распространилось больше земледѣліе, и число бы народа въ государствѣ умножилось.

271. А нынѣ иный земледѣлецъ лѣтъ пятьнадцать дома своего не видитъ, а всякій годъ платитъ помѣщику свой оброкъ, промышляя въ отдаленныхъ отъ своего дома городахъ, бродя по всему почти государству.

Глава XX[2]).

480. Слова, совокупленныя съ дѣйствіемъ, принимаютъ на себя естество того дѣйствія; такимъ образомъ человѣкъ, пришедшій напримѣръ на мѣсто народнаго собранія увѣщавать подданныхъ къ возмущенію, будетъ виновенъ въ оскорбленіи Величества по тому, что слова совокуплены съ дѣйствіемъ, и заимствуютъ нѣчто отъ онаго. Въ семъ случаѣ не за слова наказуютъ, но за произведенное дѣйствіе, при которомъ слова были употреблены. Слова не вмѣняются никогда во преступленіе, развѣ оныя приуготовляютъ, или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствію беззаконному. Все превращаетъ и опровергаетъ, кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе смертной казни достойное; слова должно почитать за знакъ только преступленія, смертной достойнаго казни.

между прочимъ о трехъ примѣчанія достойныхъ статьяхъ, которыя здѣсь прилагаются: 1) чтобъ стяжаніе крестьянъ, въ ихъ движимомъ имѣніи, особливо въ нажитомъ ими самими почитать за собственно крестьянамъ принадлежащее, 2) чтобъ работу и дань, отъ нихъ требуемую, какого бы онѣ роду ни были, точно опредѣлить, наблюдая при томъ и то, чтобы оныя были съ силами крестьянина сходственны; 3) чтобъ неумѣренности домашняго наказанія приличные положить предѣлы.

Въ сей третьей статьи вошли они въ самыя подробности и предписали не только число прутьевъ или палочекъ, но и ударовъ, котораго преступать никому не надлежитъ. Все сіе весьма будетъ полезно для уменьшенія суровства домашняго.

[1]) Въ первоначальномъ текстѣ этой статьи нѣтъ.

[2]) §§ 480, 482, 434 взяты у Монтескьё.

482. И такъ слова не составляютъ вещи подлежащей преступленію; часто они не значатъ ничего сами по себѣ, но по голосу, какимъ оныя выговариваютъ; часто пересказывая тѣ же самыя слова, не даютъ имъ того же смысла; сей смыслъ зависитъ отъ связи соединяющей оныя съ другими вещьми. Иногда молчаніе выражаетъ больше, нежели всѣ разговоры. Нѣтъ ничего, что бы въ себѣ столько двойного смысла замыкало, какъ все сіе. Такъ какъ же изъ сего дѣлать преступленіе толь великое, каково оскорбленіе Величества, и наказывать за слова такъ, какъ за самое дѣйствіе? Я чрезъ сіе не хочу уменьшить негодованія, которое должно имѣть на желающихъ опорочить славу своего Государя, но могу сказать, что простое исправительное наказаніе приличествуетъ лучше въ сихъ случаяхъ, нежели обвиненіе въ оскорбленіи Величества, всегда страшное и самой невинности.

484. Запрещаютъ въ самодержавныхъ государствахъ сочиненія очень язвительныя; но оныя дѣлаются предлогомъ подлежащимъ градскому чиноправленію, а не преступленіемъ; и весьма беречься надобно изъисканія о семъ далече распространять, представляя себѣ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнѣтеніе: а сіе ни чего инаго не произведетъ, какъ невѣжество, опровергнетъ дарованія разума человѣческаго, и охоту писать отниметъ.

520. Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ МЫ думаемъ и за славу СЕБѢ вмѣняемъ сказать, что МЫ сотворены для НАШЕГО народа, и по сей причинѣ МЫ обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ они быть должны. Ибо, Боже сохрани! чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ, и слѣдовательно больше процвѣтающимъ на землѣ; намѣреніе законовъ НАШИХЪ было бы не исполнено: нещастіе, до котораго *Я* дожить не желаю!

О ВРЕМЯ!

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.

Сочинена въ Ярославлѣ во время чумы 1772 года.

Драматическая форма, повидимому, для императрицы Екатерины II была наиболѣе привлекательна. Въ ея авторствѣ драма занимаетъ самое большое мѣсто, всего до 30 пьесъ, многія изъ

которыхъ, недавно разысканныя, помѣщены теперь въ академическомъ изданіи сочиненій императрицы. Въ своихъ пьесахъ Екатерина II частью защищаетъ и объясняетъ задачи своего царствованія, нападаетъ на старые нравы, стоявшіе ей поперекъ дороги на пути преобразованій, иногда осмѣиваетъ масонство, котораго не любила; иногда высмѣиваетъ и своихъ политическихъ сосѣдей (опера «Горе-богатырь Косометовичъ» направлена противъ Густава шведскаго). Въ большинствѣ случаевъ ея пьесы — оперы и комедіи. Большого художественнаго значенія онѣ не имѣютъ, но онѣ интересны по темамъ, которыя выбирала императрица, и мѣстами веселостью сценъ. Комедія «О время» — первая изъ нихъ не только по времени (1772 г.), но и по достоинствамъ. Сюжетъ комедіи самый обыкновенный: на сценѣ двое любящихъ другъ друга молодыхъ людей (Христина и Молокососовъ), которые находятся въ зависимости отъ невѣжественныхъ и злыхъ старухъ; пьеса заканчивается свадьбой молодыхъ людей, устроенной служанкой Маврой, напоминающей смѣтливыхъ и изящныхъ служанокъ французскихъ пьесъ, и добродѣтельнымъ Непустовымъ. Но значеніе пьесы не въ изображеніи этой интриги. Комедія «О время» вызвана жалобами той партіи старины, которая роптала на нововведенія Екатерининскаго царствованія. Основная мысль комедіи — противопоставить невѣжество, сплетничество, суевѣріе стараго времени новымъ начинаніямъ императрицы, противопоставить тѣ времена, когда женщина ничему не училась и не выходила изъ терема, новымъ формамъ европейской жизни, которымъ сочувствовала императрица.

Обозначеніе, что пьеса сочинена въ Ярославлѣ, сдѣлано только для прикрытія имени автора.

ДѢЙСТВІЕ I.

Явленіе 1-е.

Непустовъ, Мавра.

Мавра. Повѣрьте, что я говорю правду. Вы не можете ее видѣть. Она теперь молится, и я сама войти къ ней въ горницу не смѣю.

Непустовъ. Да развѣ она цѣлый день молится? Когда я ни приду, все говорятъ мнѣ: не время; по утру была она у заутрени, а теперь опять на молитвѣ.

Мавра. И все такъ у насъ время проходитъ.

Непустовъ. Молиться хорошо: однако есть въ жизни нашей и должности, которыя свято наблюдать мы обязаны. Не ужели она и день и ночь насквозь молится?

Мавра. Нѣтъ. Упражненія наши перемѣнны; однако все

идетъ своимъ порядкомъ; иногда у насъ обыкновенныя службы, иногда чтеніе миней четій, а иногда, покинувъ чтеніе, боярыня наша изволитъ проповѣдовать намъ о молитвѣ, воздержаніи и постѣ.

Непустовъ. Слышалъ я, что госпожа твоя ханжитъ много, а о добродѣтеляхъ ея мало я слыхалъ.

Мавра. Правду сказать, и я много о томъ говорить не могу. О постѣ и воздержаніи твердитъ она всѣмъ своимъ людямъ весьма часто; а особливо при раздачѣ мѣсячины и указнаго. Самажъ никогда столько прилѣжности къ молитвѣ не показываетъ, какъ въ то время, когда приходя къ ней должники, требуютъ отъ ней за забранные по счетамъ товары платы. Она, швырнувъ одиножды въ меня молитвенникомъ, столь сильно голову мнѣ разшибла, что я съ недѣлю лежать принуждена была: а за что? за то только, что я пришла во время вечерни доложить ей, что купецъ пришелъ за деньгами, которыя она, занявъ у него по шести процентовъ, отдала въ ростъ по шестнадцати со ста. «Проклятая безбожница, кричала она на меня, такой ли теперь часъ? Пришла ты, какъ сатана, искушать меня свѣтскими суетами тогда, когда всѣ мысли мои заняты покаяніемъ, и отъ всякаго о свѣтѣ семъ попеченія удаленны». Прокричавъ съ великимъ сердцемъ сіе, бросила мнѣ въ високъ книгу. Посмотрите, и теперь еще знакъ есть; но я мушкою залепливаю его. Не можно ни какъ къ ней примѣниться: странный весьма человѣкъ; иногда не хочетъ, чтобъ ей говорили, а иногда и въ самой церкви сама безъ умолка и безъ конца болтаетъ. Говоритъ, что грѣшно осуждать ближняго; а сама всѣхъ судитъ, о всѣхъ переговариваетъ; особливо молодыхъ барынь терпѣть не можетъ; и кажется ей, что они все не такъ дѣлаютъ, какъ бы по мнѣнію ея дѣлать надлежало.

Непустовъ. Радъ я узнать ея нравъ: ето знаніе поможетъ мнѣ много въ дѣлѣ о женитьбѣ господина Молокососова. Но правду сказать, трудножъ ему будетъ уживаться съ такою бабушкою: она, или изъ дома его выживетъ, или въ могилу вгонитъ. Самажъ она требовала, чтобъ мы къ Москвѣ пріѣхали, чтобъ условиться о внучкиной свадьбѣ. Мы, для того отпросясь на двадцать на девять дней въ отпускъ, изъ Петербурга сюда прискакали: и тому уже три недѣли, какъ живучи здѣсь, всякій день о томъ домогаемся, а она всякій день новыя находитъ къ тому препятствія. Намъ приходитъ

уже срокъ; и мы должны немедлѣнно возвратиться. Что та будетъ севодни? Она севодни обѣщала дать рѣшительное слово, хотя я къ тому и начала не вижу.

Мавра. Потерпите, сударь, немного; послѣ вечерни можетъ быть вы ея увидите; а прежде етаго времени она не охотно гостей принимаетъ.

Непустовъ. Да мнѣ есть много кое о чемъ переговорить съ нею; и для того скажи ей, что я здѣсь; авось либо она и пуститъ меня къ себѣ.

Мавра. Нѣтъ, сударь: я ни изъ чего къ ней не пойду. Мнѣ или битой, или по крайней мѣрѣ браненой быть. Она и безъ того часто на меня гнѣвается и называетъ меня бусурманкою за то, что иногда читаю я Ежемѣсячныя сочиненія, а иногда и Клевеланда.

Непустовъ. Да ты можешь ей сказать, что я усильно прошу ея видѣть.

Мавра. Кой часъ вечерня отойдетъ, то я и пойду къ ней, а не прежде. Однако далѣе шести часовъ я не совѣтую вамъ оставаться. Въ ето время наѣдетъ къ ней довольное число подобныхъ ей барынь, которыя обыкновенно забавляютъ ея вѣстьми, изо всѣхъ угловъ города собранными; переговариваютъ и злословятъ всѣхъ знакомыхъ, перебирая ихъ, по христіанской любви, всѣхъ на перечетъ; увѣдомляютъ о всѣхъ Петербургскихъ новостяхъ, къ нимъ прилыгая, примышляя; одни убавляютъ, другія прибавляютъ. За правду ни кто въ етомъ собраніи не отвѣтствуетъ: до того намъ дѣла нѣтъ, лишь бы все было выговорено, что слышали, и что къ тому примыслили.

Непустовъ. Да по крайнѣй мѣрѣ, оставятъ ли насъ хоть поужинать? Какъ ты думаешь?

Мавра. Сомнѣваюсь. Какія у постницъ ужины?

Непустовъ. Какъ? Да развѣ отъ скупости вы поститесь? Вить севодни и день не постной.

Мавра. Я того точно не говорю, только... только... мы лишнихъ гостей не любимъ.

Непустовъ. Говори со мной, Маврушка, откровеннѣе. Какъ тебѣ госпожи своей не знать? Скажи мнѣ правду. Мнѣ кажется, что она наполнена суевѣріемъ и пустосвятствомъ; а при томъ и весьма зла.

Мавра. Кто добродѣтелей ищетъ въ долгихъ молитвахъ и въ наружныхъ обыкновеніяхъ и обрядахъ, тотъ боярыню мою безъ похвалы не оставитъ. Она наблюдаетъ строго дни

праздничные; къ обѣднѣ всякій день ѣдетъ; свѣчу передъ праздника всегда ставитъ; мяса по постамъ не ѣстъ; ходитъ въ шерстяномъ платьѣ... Да не подумайте, что изъ скупости... и ненавидитъ всѣхъ тѣхъ, кои ея правиламъ не слѣдуютъ. Нынѣшнихъ обычаевъ и роскоши она терпѣть не можетъ; а любитъ и хвалитъ старину, и тѣ времена, когда она пятнадцати лѣтъ была: чему уже теперь, благодатію Божіею, годиковъ пятдесятъ и съ лишкомъ минуло.

Непустовъ. Что касается до нынѣшней роскоши, я и самъ ея не люблю, и въ етомъ съ нею весьма согласенъ, такъ равно, какъ и старинную искренность почитаю. Похвальна, весьма похвальна старинная вѣрность дружбы, и твердое наблюденіе даннаго слова, дабы въ несодержаніи его не было стыдно! Въ етомъ и самъ я одного съ нею мнѣнія. Жаль, по истинѣ жаль, что нынѣ ни чему не стыдятся, и многіе молодые молодцы, произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, а боярыньки дерзско и похабно противъ мужей поступая, мало отъ чего когда краснѣются.

Мавра. Оставимъ ето. Въ платьѣ и головномъ госпожи моей уборѣ найдете вы совершенное изображеніе прародительскаго покроя, въ которомъ она и не малую добродѣтель и чистоту нравовъ поставляетъ.

Непустовъ. Да почему ето прародительскіе нравы? Ето не что иное, какъ ничего не значащіе обычаи, коихъ она съ нравами или не различаетъ, или различить не умѣетъ.

Мавра. Однакожъ по мнѣнію госпожи моей, чѣмъ платье старѣе, тѣмъ болѣе почтенія достойно.

Непустовъ. Скажижъ мнѣ, пожалуй, что она въ цѣлый день дѣлаетъ?

Мавра. Да гдѣ мнѣ ето все упомнить? А тѣмъ болѣе высказать не можно; вы смѣяться станете. Но пусть такъ; нѣчто вамъ разскажу. Она встаетъ по утру въ шесть часовъ и, слѣдуя древнему похвальному обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу: сошедъ оправляетъ предъ образами лампаду; потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акафистъ; потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохи и поетъ стихъ: блаженъ, кто и скоты милуетъ! А при семъ пѣніи и насъ такъ же миловать изволитъ, иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой, то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы; то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожьемъ, то подаетъ попу кадило; то со

внучкою, для чего она молода, бранится; то по чоткамъ кладетъ поклоны; то считаетъ жениховъ, за кого бы внучку безъ приданаго съ рукъ сжить, то... А! постойте, сударь, я слышу шумъ; пора мнѣ отсюда убираться. Конечно, госпожа моя идетъ; боюсь, чтобъ насъ вмѣстѣ не застала: вить и Богъ знаетъ, что ей на мысль придетъ.

(Отходитъ.)

Явленіе 2-е.

Г. Ханжахина, г. Непустовъ.

Ханжахина. А! господинъ Непустовъ, я и не знала, что вы здѣсь, сударь.

Непустовъ. Не прогнѣвайтесь, сударыня, что я пришолъ отдать вамъ мой поклонъ. Вы изволите знать, какую я до васъ нужду имѣю. Въ вашей волѣ теперь выдать внучку вашу за господина Молокососова и со мною о приданомъ условиться.

Ханжахина. Ахъ! Батька мой! Да какъ мнѣ на ето рѣшиться севодни: вить, подумай-ко самъ: ето дѣло таково, что требуетъ многаго размышленія. Я должна и того посмотрѣть, съ чемъ бы мнѣ и самой остаться. Человѣкъ я бѣдный; вдовье мое дѣло: откуда мнѣ что взять? Пусть злые люди, хоть и говорятъ, хоть и кричатъ о моемъ богатствѣ, да Богъ то вѣдаетъ, что я не могу наградить внучку свою большимъ приданымъ. Къ томужъ севодни духъ мой такъ безпокоенъ, что я и съ мыслями не могу собраться. У меня столько печали, столько нуждъ, что и конца имъ нѣтъ, такъ что и при молитвѣ злой свѣтъ покою мнѣ не даетъ. Разсудите сами, какъ мнѣ бѣдной не горевать: все дорого, да къ томужъ люди...

Непустовъ. Правда, сударыня, злыхъ людей много въ свѣтѣ: но намъ ихъ не передѣлать; оставимъ ихъ, и станемъ о своемъ дѣлѣ говорить. Вы знаете, что намъ долго здѣсь жить не можно. Срокъ близокъ: къ командѣ ѣхать надобно. И такъ уже три дни вы изволили меня и Молокососова обнадеживать, что севодни дадите намъ рѣшительный отвѣтъ; пожалуйте исполните свое слово. Жалокъ етотъ молодой человѣкъ будетъ, естьли онъ попусту въ задъ и въ передъ проскакать былъ долженъ!

Ханжахина. Я не то, сударь, говорю: изволь самъ разсудить, можно ли спокойному быть духу, естьли съ кѣмъ то случится, что сдѣлалось севодни со мною? Я обѣщалась,

чтобъ до вечерни положить пятьдесятъ поклоновъ передъ образомъ, которымъ моя покойная бабушка благословила покойную мою матушку, помяни ихъ, Господи! и лишь только начала, анъ гляжу, вошелъ маминъ сынъ[1]) и стоитъ, какъ демонъ, въ горницѣ. Я ему говорю: поди вонъ, не мѣшай мнѣ, проклятой, молиться; а онъ мнѣ въ ноги; я и въ другой разъ ему молвила: поди ты, сатана, вонъ; а онъ, ничего не говоря, совъ мнѣ въ руки бумашку, да самъ и ушелъ. Какъ вы думаете? Что въ етой бумашкѣ написано? О! немысленная тварь! О! демонское навожденіе!.. Онъ осмѣлился просить позволенія жениться. Мнѣ дескать тритцать уже лѣтъ; мать де моя умерла, обшить, обмыть нѣкому, и для того женится! Екая негодница! И онъ жениться вздумалъ! Етимъ привелъ онъ меня въ такое сердце, въ такое, батька мой, сердце, что я и число поклоновъ позабыла; и не знаю, сколько положила, и сколько еще класть надобно. Однакожъ велѣла его высѣчь, и положить женидьбу ту на спинѣ: позабудетъ онъ у меня мѣшать мнѣ класть поклоны.

Непустовъ. Да вить и онъ человѣкъ, сударыня; въ томъ только его неосторожность, что помѣшалъ вамъ считать поклоны: а можетъ быть, онъ и не зналъ, что вы на молитвѣ.

Ханжахина. Что за неосторожность! Какъ ему не знать, что я молюсь? Я вить всегда молюся. Зачемъ ему жениться? Я бъ его, проклятаго, постригла, но то бѣда, что нынѣ и не... О! Я такъ осердилась, что вся и теперь дрожу!

Непустовъ. Такое великое движеніе можетъ повредить ваше здоровье. Оставимъ ето; станемъ говорить о нашемъ дѣлѣ и о приданомъ внучки вашей.

Ханжахина. Вы не можете повѣрить, какъ много мнѣ досаждаютъ! Я не вѣдаю, какъ я отъ сердца по сю пору еще не умерла. На малаго та я не столько еще сержуся; но поганая дѣвка, которая, прости меня Господи! ему на шею вѣшается, та, та мнѣ досадна! Да дамъ же я ей замужество!

Непустовъ. А для чегожъ бы ей нейти за мужъ, коли ея лѣта уже такія?

Ханжахина. О, какая она скверная тварь!

Непустовъ. Вы почитаете, сударыня, молитву должностью, равно какъ и я, но вить и снисхожденіе и любовь къ ближнему, есть такъ же должности, закономъ намъ предписанныя.

---

[1]) «Мамой» въ старину звали, обыкновенно, няньку.

Ханжахина. Очень хорошо; изрядное показалъ онъ ко мнѣ снисхожденіе и любовь! Мерской малой! помѣшалъ мнѣ въ счетѣ поклоневъ.

Непустовъ. Дѣвицу выдать за мужъ стоитъ поклоновъ, сударыня.

Ханжахина. Хорошо, батька мой, съ стороны такъ разсуждать. А мнѣ вить не бросать же на улицу деньги! Гдѣ ихъ возмешь? Вотъ внучьку надобно выдать, и самой такъ же пожить еще хочется: да еще етакихъ мерскихъ жени; а все таки дай что нибудь: только и затвердили, что дай, да дай: а вить что больше дашь, то больше у самой убудетъ. Надлежало бы правительству та сдѣлать такое учрежденіе, чтобъ оно, вмѣсто насъ, людей та бы нашихъ при женидьбѣ снабжало. Правду сказать, вить оно обо всемъ въ государствѣ та печися должно, да полно что нынѣ ничего не смотрятъ!

Непустовъ. Правительство имѣетъ довольно попеченія и расходовъ и безъ того, чтобъ снабжать нашихъ людей, которые намъ служатъ, и слѣдовательно на нашихъ рукахъ быть должны. Но пожалуй, сударыня, забудь ето, и станемъ говорить о нашей свадьбѣ и приданомъ внучьки вашей. Господинъ Молокососовъ скоро сюда будетъ, и станетъ просить вашего на то соизволенія.

Ханжахина. Онъ молодецъ изрядный; я его ни чемъ не хулю, и ничего порочнаго въ немъ не вижу. Когдабъ эти проклятыя меня не разсердили, то можетъ быть, чтобъ я и подумала, что бы за внучькою та дать... *(Мавра входитъ.)* Чего ты хочешь, Мавра?

Явленіе 3.

Ханжахина, Непустовъ, Мавра.

Мавра. Васъ спрашиваютъ, сударыня. Сосѣдка ваша имѣетъ нужду слова два-три съ вами молвить.

Ханжахина *(Непустову)*. Не прогнѣвайся пожалуй: я на часъ выйду; бѣдная вдова, жена дворянская, меня спрашиваетъ: отказать не могу; люблю бѣднымъ помогать... Мавра, побудь ты здѣсь; я тотъ часъ назадъ приду.

Явленіе 4.

Непустовъ, Мавра.

Непустовъ. Чудная женщина!

Мавра. Знаете-ли, въ чемъ состоитъ помочь, которую она бѣдной подать хочетъ дворянкѣ? Ета бѣдняшка, отъ крайней

нищеты, заложила ей во стѣ рубляхъ золотую табакерку, которая въ трое того стоитъ, и платитъ ей по полуполтины на недѣлю росту. Теперь пришелъ срокъ; заплатить ей не чѣмъ, такъ боится, чтобъ и вовсе еще табакерка та не пропала.

Непустовъ. Возможно ли толь безсовѣстно поступать? По полуполтины со ста на недѣлю!.. Сказываютъ, что госпожа твоя чрезъ мѣру богата; что у ней тысячь со ста въ росту ходитъ; какъ ей не стыдно брать по полуполтины росту на недѣлю? Да еще съ кого? Съ бѣдной вдовы? Сходно ли ето съ ея молитвами и постомъ?

Мавра. Какъ бы то ни было, только ето такъ... Давича, сударь, я не досказала вамъ, какъ она день провождаетъ; изволишь ли дослушать окончанія?

Непустовъ. Изрядно. Я готовъ и любопытенъ дослушать.

Мавра. Остановились мы у заутрени, послѣ которой читаетъ она какія то особливыя отъ сильнаго искушенія молитвы.

Непустовъ. Какъ? Она искушенія боится? Она отъ искушенія молится? Да вить ей уже семдесять лѣтъ?

Мавра. До того нѣтъ нужды... Когда она тѣ молитвы читаетъ, то уже, кромѣ кошки, никто къ ней въ образную войти не смѣетъ... По окончаніи отъ соблазна молитвъ, изволитъ она пойти въ кладовую, гдѣ обметаетъ пыль и чиститъ вещи, кои у ней въ закладѣ; пересматриваетъ крѣпости и закладныя; считаетъ деньги, и изъ мѣшка въ мѣшокъ пересыпаетъ. Тутъ, кромѣ Бога, какъ она говоритъ, никто свидѣтелемъ быть не долженъ; а мнѣ кажется, кромѣ чорта никто тамъ не бываетъ! Потомъ она одѣнится, то есть чулки на ноги, да шубу на грѣшное тѣло надѣнетъ, и поѣдетъ къ обѣднямъ. Отслушаетъ она по разнымъ церьквамъ раннихъ и позднихъ обѣдни двѣ-три и столькожъ отпоетъ молебновъ. Въ церьквахъ даетъ она свиданьи подобнымъ себѣ старушкамъ, разсказываетъ имъ и отъ нихъ сбираетъ вѣсти разныя, и здѣшнія и Петербургскія, словомъ, изо всѣхъ домовъ сплетьни, которыя она выправивъ, прибавивъ и украсивъ благочиніемъ, развозитъ послѣ обѣда, и послѣ обыкновеннаго съ часъ времени на канапѣ отдыха, изъ дома въ домъ, разсказывая всѣмъ, кто хочетъ и не хочетъ слушать. Потомъ, или мимоѣздомъ гдѣ въ церьквѣ, или дома отслушаетъ вечерню, послѣ которой сберутся къ ней любимыя ея гостейки, и навезутъ новыхъ еще вѣстей.

Непустовъ. Кто жъ эти любимыя ея гости?

Мавра. Сестрица ея госпожа Вѣстникова, да госпожа Чудихина. Перьвая жеманна, все знающа, высокомѣрна, вѣстовщица, злорѣчлива, и любитъ при старости наряды: а послѣдняя очень забавна; всякій день новыя у ней примѣты; всего она боится; ото всего обмираетъ; суевѣрна до бесконечности; богомольна изъ пышности; мотовка безразсудная, а молебны однакожъ поетъ всегда въ долгъ; ссорщица, сплетница, безстыдна и лжива такъ, какъ болѣе никто быть не можетъ. Вотъ ихъ харак... Но ши... ши... Барыня идетъ.

Явленіе 5.

Ханжахина, Непустовъ, Мавра.

Ханжахина. Жалка бѣдная вдова! Пятеро у нее ребятишекъ; а пить ѣсть нѣчево. Я не знаю, для чего правительство не запрещаетъ такимъ бѣднымъ жениться. Да полно что? Нынѣче и ни въ чемъ смотрѣнья та нѣтъ; да кому и смотрѣть? А изъ етакихъ свадебъ, кромѣ нищихъ, ничего не выходитъ. Мавра, велитка сварить намъ кофе.

ѲЕДУЛЪ СЪ ДѢТЬМИ.

Опера въ одномъ дѣйствіи.

Дѣйствующіе лица:
Федулъ.
Дѣти пятнадцать человѣкъ.
Театръ представляетъ видъ деревенской.

Императрица Екатерина II любила собирать коренныя русскія слова, любила вставлять ихъ въ свой разговоръ, собирала пословицы: ей нравились русскія пѣсни. Она охотно поддержала изданіе словаря русскаго языка, предпринятое Академіей Наукъ. Это сочувствіе и вкусъ къ народнымъ оборотамъ русской рѣчи, къ народной поэзіи начинали сказываться въ XVIII вѣкѣ не у одной только императрицы. Народное направленіе чувствуется и въ журналахъ XVIII вѣка, и въ нѣкоторыхъ пьесахъ, и Чацкій былъ не первымъ, выразившимъ желаніе,

Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ.

Опера «Федулъ съ дѣтьми» является одной изъ попытокъ дать рядъ народныхъ сценъ, съ подлинными народными пѣснями и пословицами. Сравненіе этой оперы съ ниже помѣщенной пьесой Аблесимова можетъ дать понятіе о слабомъ литературномъ значеніи этой оперы.

Степень авторства императрицы въ этой пьесѣ, какъ и относительно многихъ ея пьесъ, еще недостаточно выяснена. Первыя два явленія, какъ возбуждающія наибольшія сомнѣнія, нами опущены.

Послѣдняя пѣсня Дуняши: «Во селѣ, селѣ Покровскомъ»... одна изъ любимыхъ въ XVIII вѣкѣ народныхъ пѣсенъ. Ею заслушивалась императрица Елисавета Петровна.

Явленіе 3.

Ѳедулъ съ дочерьми и съ сыновьями, коихъ числомъ пятнадцать.

Ѳедулъ *говоритъ*.

Всѣ пѣсни перепѣли, одного шершня недопѣли. Да всѣ ли вы налицо?

Щитаетъ дѣтей поючи.

Фотяша,	Акулина.
Дуняша,	Двойнички:
Іпполитъ,	Никодимъ,
Неофитъ,	Анкудимъ.
Серафина,	Тройнички:
Агрипина,	Минодора,
Парамонъ,	Митродора,
Филимонъ,	Нимфодора.
Катерина,	

Дѣти *хоромъ поютъ*.

Эхъ, эхъ, что, батюшка, нахмурился,
Эхъ, эхъ, что, батюшка, нахмурился?
Ахъ, какъ нашъ Ѳедулъ губы надулъ!
Ахъ, какъ нашъ Ѳедулъ губы надулъ!
Эхъ, эхъ, на ково осердился?
Эхъ, эхъ, на ково вскинулся?
Ахъ! какъ бровями моргаетъ!
Ахъ! усами подергиваетъ!

Ѳедулъ *говоритъ*.

Со мной здѣсь попѣвайте. *Поетъ*.
Дуняша, гдѣ была?

Дуняша.

Я блины пекла.

Ѳедулъ.

Да съ двора стекла.

Дуняша.

Я блины пекла.

Ѳедулъ *говоритъ.*

Соловья баснями не кормятъ.

Дѣти *хоромъ поютъ.*

Эхъ, эхъ, на Дуню осердился,
Эхъ, эхъ, на Дуню вскинулся!
Ахъ, какъ нашъ Ѳедулъ губы надулъ!
Ахъ, какъ нашъ Ѳедулъ губы надулъ!

Ѳедулъ *поетъ.*

Фотяша, люди про Дуню говорятъ.

Фотяша.

Дуняшѣ люди любить не велятъ.

Ѳедулъ.

Дуня нынѣ такова.

Фотяша.

Дуня не инакова.

Ѳедулъ.

Дуня изподлобья глазкомъ глядитъ.

Фотяша.

Дуня лишь только голоскомъ брянчитъ.

Ѳедулъ *говоритъ.*

Безъ матки пчелки пропащи дѣтки.

Дѣти *хоромъ поютъ.*

Эхъ, эхъ, что батюшкѣ здѣлалось?
Эхъ, эхъ, что родному разсудилось?
Ахъ, на Дуняшу осердился!
Ахъ, на Фотяшу осердился!

Ѳедулъ *поетъ*.

Ипполитъ, смотри быстро на меня.

Ипполитъ.

Изъ всей мочи пялю очи на тебя.

Ѳедулъ.

Женитьба мнѣ бредетъ на умъ.

Ипполитъ.

Такова думушка, раздумъ.

Ѳедулъ *говоритъ*.

Безъ жены, что безъ кошки.

Дѣти *поютъ хоромъ*.

Эхъ, эхъ, что батюшкѣ вздумалось!
Эхъ, эхъ, что батюшкѣ разсудилось!
Ахъ, онъ жениться собирается!
Ахъ, онъ жениться собирается!

Ѳедулъ *поетъ*.

Неофитъ, шить не кому, мыть не кому!

Неофитъ.

Восьмеро дѣвицъ не безъ рукъ, есть кому.

Ѳедулъ.

Недосугъ, поютъ, скачутъ, пляшутъ.

Неофитъ.

Варятъ, топятъ, и въ печи мѣшаютъ.

Ѳедулъ *говоритъ*.

Молодинькій умокъ, что вешній ледокъ.

Дѣти *поютъ хоромъ*.

Эхъ, эхъ, какъ батюшка былъ тихъ,
Эхъ, эхъ, такъ батюшка сталъ лихъ!
Ахъ, онъ жениться собирается,
Ахъ, онъ же еще притворяется!

Ѳедулъ *поетъ.*

Серафина, сказать ли тебѣ про диковинку?

Серафина.

Ты скажи, разскажи мнѣ одну лишь сказочку.

Ѳедулъ.

Я женюсь, у пана на сѣняхъ вдова молода.

Серафина.

Да въ полѣ, полѣ трава мурава.

Ѳедулъ *говоритъ.*

Товаръ полюбится, и умъ разступится.

Дѣти *поютъ хоромъ.*

Эхъ, эхъ, что батюшка говоритъ,
Эхъ, эхъ, что батюшка говоритъ?
Ахъ вдова похаживала!
Ахъ, палочкой помахивала!

Ѳедулъ *поетъ.*

Агрипина, за вдову сватался дворянинъ.

Агрипина.

Да съ Камышенки рѣчки съ ладьи мѣщанинъ.

Ѳедулъ.

Сватался за вдовушку съ Москвы скоморохъ.

Агрипина.

Житье-бытье, волынка да гудокъ, пьянъ и плохъ.

Ѳедулъ *говоритъ.*

Что было, то видѣли; а что будетъ, то увидимъ.

Дѣти *поютъ хоромъ.*

Эхъ, эхъ, батюшка тягается съ дворяниномъ,
Эхъ. эхъ, батюшка тягается съ мѣщаниномъ!
Ахъ, вдова похаживала!
Ахъ, хлыстомъ пограживала!

Ѳедулъ *поетъ*.

Парамонъ, вдова женихамъ отказывала.

Парамонъ.

А тебя, батюшка, она приманивала.

Ѳедулъ.

Она добраго молодца полюбила.

Парамонъ.

Она добраго молодца обманывала.

Ѳедулъ *говоритъ*.

Не смотри начала, жди конца.

Дѣти *хоромъ поютъ*.

Эхъ, эхъ, она женихамъ отказала,
Эхъ, эхъ, она батюшку приманивала,
Ахъ, она молодца обманывала,
Ахъ, она молодца обманывала!

Ѳедулъ *поетъ*.

Филимонъ, варилъ ли ты пиво?

Филимонъ.

Варилъ молодое.

Ѳедулъ.

Безъ солоду, ячменю.

Филимонъ.

Безъ яраго хмелю.

Ѳедулъ *говоритъ*.

Поетъ хорошо, а перестанетъ, и тово лутче.

Дѣти *поютъ хоромъ*.

Эхъ, эхъ, онъ пиво варитъ,
Эхъ, эхъ, онъ вино куритъ:
Ахъ, къ свадьбѣ готовится,
Ахъ, къ свадьбѣ готовится!

Ѳедулъ *поетъ*.

Катерина, въ слободушкѣ дворикъ,
Во дворикѣ вдовушка.

Катерина.

Во дворикѣ вдовушка.
У вдовушки дѣвушка.

Ѳедулъ.

У вдовушки дѣвушка,
Зовутъ ее Аннушка.

Катерина.

Сокрушила насъ, изсушила вдовушка.

Ѳедулъ *говоритъ*.

Старица Софья о всемъ мірѣ сохнетъ.

Дѣти *поютъ хоромъ*.

Эхъ, эхъ, батюшка рѣчей не принимаетъ,
Эхъ, эхъ, батюшка рѣчамъ не внимаетъ,
Ахъ, онъ насъ крушитъ,
Ахъ, онъ насъ сушитъ.

Ѳедулъ *поетъ*.

Акулинушка душа, отворяй ворота.

Акулина.

Акулинушка бѣжитъ,
Не шумитъ, не гремитъ.

Ѳедулъ.

Трое саночки бѣгутъ,
Акулина, это что?

Акулина.

Съ кабака бочки везутъ,
А тебѣ, сударь, на что?

Ѳедулъ *говоритъ*.

Догадка лутче разума.

Дѣти *поютъ хоромъ*.

Эхъ, эхъ, дѣло идетъ къ пиру,
Эхъ, эхъ, пустимся по міру;
Ахъ, головушки болятъ,
Ахъ, сердечки щемятъ.

Ѳедулъ *поетъ.*

Двойнички, двойнички!

Никодимъ и Анкудимъ *потягиваются, поютъ вмѣстѣ.*

Спать намъ хочется,
Во младыхъ костяхъ ломота.

Ѳедулъ.

Двойнички, двойнички,
Никодимъ, Анкудимъ!

Никодимъ и Анкудимъ *поютъ вмѣстѣ.*

Спать намъ хочется,
Въ бѣломъ тѣлѣ потягота.

Ѳедулъ *говоритъ.*

Всякая птица свои пѣсни поетъ.

Дѣти *хоромъ поютъ.*

Эхъ, эхъ, мы всѣ пѣсню одну поемъ,
Эхъ, эхъ, мы всѣ пѣсню одну поемъ;
Ахъ, не женись, отецъ нашъ родной,
Ахъ, не женись, отецъ нашъ родной!

Ѳедулъ *поетъ.*

Тройнишники:
Минодора,
Митродора,
Нимфодора!

Митродора, Минодора и Нимфодора *вмѣстѣ.*

Ахъ ты, батюшка дружекъ,
Сердце, радость, животокъ!
Мачиха насъ ударитъ въ лобокъ.

Ѳедулъ *говоритъ.*

Какъ смола со новой сосны содрана.

Дѣти *поютъ хоромъ.*

Эхъ, эхъ, послушай, батюшка, Дуняшу,
Эхъ, эхъ, послушай, батюшка, Дуняшу:
Ахъ, крушится, печалится,
Ахъ, въ лицѣ измѣняется.

Ѳедулъ *говоритъ*.

Сказка складка, а пѣсня быль. Послушайте прежде мою пѣсню, а тамъ Дуняшину.

Поетъ:

Эхъ, эхъ, не ладно!
Ахъ, нескладно!
Щенята сбѣсились,
Съ отцомъ побранились.
Эхъ, эхъ, не ладно!
Ахъ, не складно!
Отцу жениться вздумалось,
Отцу безъ жены скучилось.
Эхъ, эхъ, не ладно!
Ахъ, не складно!
Вдовицу онъ избралъ,
Худушу онъ выбралъ.
Эхъ, эхъ, не ладно!
Ахъ, не складно!
Отъ плѣча до плѣча больше, чѣмъ аршинъ,
Въ личикѣ не примѣтно морщинъ,
Эхъ, эхъ, не ладно!
Ахъ, не складно!
Она дѣтокъ заставитъ скакать,
По своей дуткѣ пѣть и плясать.

Ѳедулъ *говоритъ*.

Ну, Дуняша, что хотѣла?

Дуняша *поетъ*.

Во селѣ, селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой
Разыгралась, расплясалась
Красна дѣвица душа,
Красна дѣвица душа,
Авдотьюшка хороша.
Разыгравшись говорила:
Вы, подруженьки мои,
Поиграемте со мной,
Поиграемте теперь.
Я со радости, съ веселья,
Поиграть съ вами хочу.

Пріѣзжалъ ко мнѣ дѣтинка
Изъ Санктпитера сюда:
Онъ меня, красну дѣвицу,
Подговаривалъ съ собой,
Серебромъ меня дарилъ,
Онъ и золото сулилъ.
Поѣзжай со мной, Дуняша,
Поѣзжай, онъ говорилъ,
Подарю тебя парчою
И на шею жемчугомъ;
Ты въ деревнѣ здѣсь крестьянка,
А тамъ будешь госпожа,
И во всемъ такомъ уборѣ
Будешь вдвое хороша.
Я сказала, что поѣду,
Да опомнилась опять.
Нѣтъ, сударикъ, не поѣду,
Говорила я ему:
Я крестьянкою родилась,
Такъ не льзя быть госпожей;
Я въ деревнѣ жить привыкла;
А тамъ буду привыкать.
И совѣтую тебѣ
Имѣть равную себѣ;
Въ вашемъ городѣ обычай,
Я слыхала ото всѣхъ,
Что всѣхъ любите словами,
А на сердцѣ ни ково;
А у насъ та вить въ деревнѣ
Здѣсь прямая простота.
Вотъ чему я веселюся,
Чему радуюсь теперь,
Что осталась жить въ деревнѣ,
А въ обманъ не отдалась.

Ѳедулъ *говоритъ.*

Да вотъ моя худуша идетъ съ своимъ караводомъ, чево не достаетъ? Какъ пава плыветъ! Примитежъ ее съ ласкою.

Вдовушка приходитъ съ караводомъ, дѣти къ ней подходятъ съ поклонами, и начинается балетъ съ разными плясками.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

сестры моей двоюродной мѣсяца іюля 1 седмицы 1783 года.

(Изъ «Былей и небылицъ».)

«Были и небылицы» — рядъ сатирическихъ статей, помѣщенныхъ императрицей въ «Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго слова» (1783 г.). Это шутливые очерки, гдѣ авторъ иногда такъ непринужденно относится къ своимъ сочиненіямъ, что, напр., въ одномъ мѣстѣ пишетъ: «Здѣсь муха сѣла мнѣ на носъ и прервала мои мысли, такъ что письмо окончить не могъ; съ другой стороны, признаться должно, что она ко времени присѣла, ибо страница уже приходила къ концу».

Нерѣдко статьи ведутся отъ имени *дѣдушки*, роль котораго нѣсколько сходна съ ролью Стародума у Фонвизина. Эти шутливыя статейки иногда перемежались и серіозными замѣчаніями: здѣсь были помѣщены «вопросы» Фонвизина и отвѣты на нихъ императрицы.

Приводимый здѣсь отрывокъ изъ «Былей и небылицъ» даетъ характерное изображеніе тогдашней щеголихи, которыхъ часто осмѣивали журналы XVIII вѣка. Изображеніе щеголихи, данное здѣсь императрицей, показываетъ, что, защищая въ своихъ комедіяхъ новыя формы жизни отъ нападокъ защитниковъ старины, она видѣла и тѣ уродливости, въ которыхъ выражалось тогдашнее увлеченіе всѣмъ новомоднымъ.

Первая страница содержитъ имена тѣхъ, коихъ посѣтить намѣреніе имѣетъ, такъ же лавошниковъ, разносчиковъ, продающихъ женскіе уборы. За симъ слѣдуетъ:

Вторникъ. — Я встала съ постели въ первомъ часу по полудни.

NB. Я встала такъ рано для того, что легла рано, лишь три часа было за полночь...

Парикмахеръ чесалъ мнѣ сегодня волосы такъ порядочно, что я принуждена была болѣе часа разтрепаваться, чтобы въ люди было можно показаться.

Отобѣдала въ 5 часу.

Скучно въ Петербургѣ лѣтомъ, день и ночь равно свѣтлы. Я принуждена сидѣть съ опущенными занавѣсами. Солнечные лучи неблагородно видѣть. Въ комедію я поѣхала, хотѣла видѣть К...

Въ саду его не было.

Случайно свѣдала я, что онъ весь день игралъ въ вискъ у З...

А... Сего дня дурно одѣта была: она похожа на шефирку.

За ужиномъ меня уморить хотѣли, подчивали котлетами.

Середа. — Сего дня удачи мнѣ ни въ чемъ нѣтъ, отъ того, что лѣвой ногой съ постели встала, да и кошку во снѣ видѣла.

Ѣздила на биржу товаровъ покупать; но ничего не нашла по моему вкусу, а что и нашла, того въ долгъ отдать не хотѣли.

Пріѣзжала ко М... Ужасно какъ она скучна, непрестанно говоритъ о дѣтяхъ и ихъ воспитаніи.

Ѣздила къ Д... кого тамъ ни наѣхала, всѣ до крайности несносны.

Четвергъ. — Я четвергъ люблю паче другихъ дней, сама не знаю за что.

Ахти! съ недѣлю я у батюшки не была.

Заѣхать было къ Ф... помнится, что по дорогѣ, лишь бы не встрѣтить похоронъ. Смѣшно право! севодни портной, башмашникъ и разносчикъ за долгомъ приходили, я велѣла сказать, что меня дома нѣтъ.

NB. Третій день какъ К... не встрѣчаю.

Я домой пріѣхала не весела.

Суббота. — Дома гостей имѣла.

А... не пріѣзжалъ, я для него нарядилась и всѣхъ дѣвокъ перебранила, ни одна угодить не умѣла.

Воскресенье. — Б... пріѣхала въ половину службы. Всѣ обратились какъ вошла.

NB. Впредь надобно стараться попозже пріѣзжать.

Понедѣльникъ. — Я встала весела и писать не буду.

18. Журналы XVIII вѣка.

Періодическая печать у насъ въ XVIII вѣкѣ — явленіе совершенно новое, незнакомое допетровской Руси.

Впервые она созидалась правительственною властью: то были сначала первыя «Русскія Вѣдомости» при Петрѣ Великомъ, а затѣмъ различныя періодическія изданія, выходившія при Академіи Наукъ, Московскомъ университетѣ, Кадетскомъ корпусѣ. При Академіи Наукъ, подъ редакціей Миллера, издавался журналъ «Ежемѣсячныя Сочиненія» — первый учено-литературный журналъ въ Россіи. «Вся Россія», говоритъ о немъ Митрополитъ Евгеній, «съ жадностью и съ удовольствіемъ читала сей первый ежемѣсячникъ, въ которомъ много помѣщено иностранныхъ переводныхъ, а большая половина русскихъ, любопытнѣйшихъ статей историческихъ, географическихъ, коммерческихъ, ученыхъ и др.»

«Трудолюбивая Пчела» Сумарокова была первымъ журналомъ, издававшимся частнымъ лицомъ, но этотъ журналъ существовалъ всего одинъ годъ (1859 г.), и прекратился, повидимому, вслѣдствіе столкновенія Сумарокова съ представителями Академіи, въ типографіи которой печаталъ онъ свой журналъ.

Журналъ Сумарокова былъ довольно пестраго содержанія: здѣсь были и его статьи о русскомъ языкѣ, и разсужденія о добродѣтели и наукахъ, и слабые сонеты и элегіи, переводные и самостоятельные, и нападки на подьячихъ, статьи о мозаикѣ и т. п. Больше всего статей поставлялъ самъ Сумароковъ. Въ числѣ сотрудниковъ были: Козицкій, Аблесимовъ, Третьяковскій.

Въ царствованіе Екатерины II журнальная литература необыкновенно быстро разрастается. Быть можетъ, здѣсь оказалъ вліяніе примѣръ самой императрицы, выступившей въ одномъ изъ первыхъ этихъ журналовъ («Всякая Всячина»); быть можетъ, одобряло издателей и сотрудниковъ этихъ журналовъ обѣщаніе императрицы не стѣснять свободы мысли и слова; можетъ-быть, здѣсь сказывалось и увлеченіе новой литературной формой. Вѣроятно, здѣсь заговорила и нѣкоторая потребность имѣть обзоры текущей жизни. Во всякомъ случаѣ такихъ журналовъ уже въ первую половину царствованія Екатерины выходило около 20. Изъ нихъ обращали на себя вниманіе: редактируемая Козицкимъ «Всякая Всячина» (1769—1770), въ которой принимала участіе сама императрица, «Трутень» (1769—1770) Новикова, «И то и сіо» (1769 г.) Чулкова, «Смѣсь» (1769 г.) неизвѣстнаго издателя, «Адская Почта» (1769 г.) Эмина, «Живописецъ» (1772 г.), «Кошелекъ» (1774 г.). Позднѣе среди другихъ журналовъ выдѣлялись: «Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова» (1783—1784) подъ редакціей кн. Дашковой, «Почта Духовъ» (1789) и «Зритель» (1792 г.) Крылова, «Московскій Журналъ» (1791—1792) Карамзина, «Пріятное и полезное препровожденіе времени» (1793—1794) Подшивалова и Сохацкаго и др. Новиковъ, съ поступленіемъ въ масонскую ложу, издавалъ журналы, въ которыхъ проводилъ нѣкоторые масонскіе взгляды: таковы были «Утренній Свѣтъ» (1777—1780), «Вечерняя Заря» (1782), а въ 1784—85 гг. «Покоющійся Трудолюбецъ», въ которомъ онъ вернулся къ общественной сатирѣ. Новиковымъ же издавалось (1785—1789 гг.) «Дѣтское Чтеніе для сердца и ума», первый журналъ для юношества. Все это были столичные журналы, издававшіеся, большею частью, въ Петербургѣ, частью въ Москвѣ, но уже въ 1786 году въ Ярославлѣ появился и первый въ Россіи провинціальный журналъ «Уединенный Пошехонецъ», издававшійся Санковскимъ.

Изданія эти были недолговременны, существовали годъ, много — два, иногда нѣсколько мѣсяцевъ, и если на нихъ былъ спросъ, то, обыкновенно, переиздавались съ дополненіями и измѣненіями и продавались въ магазинахъ, какъ отдѣльныя книги.

Преобладающее направленіе, особенно журналовъ первой половины царствованія, было сатирическое; при этомъ любимой формой сатиры были: то аллегорическая повѣсть, то формы вопросовъ и отвѣтовъ, переписки между адскими жителями, волшебниками,

то формы словарей, сновъ, сатирическихъ лѣчебниковъ, писемъ въ редакцію и т.п. Въ большомъ ходу были псевдонимы, которыми авторы опредѣляли себя и свое направленіе (Добросовѣтовъ, Правомысловъ, Остроперовъ, Аристархъ Примирителевъ, Люборуссовъ, Неспускаловъ и т. п.).

Журналы нападали на внѣшнее подражаніе Западу, на русскихъ щеголей и щеголихъ, на уродливую постановку воспитанія, на взяточничество въ судѣ, на жестокое обращеніе съ крестьянами. Въ самомъ характерѣ сатиры уже начали опредѣленно обозначаться два направленія: одно, во главѣ котораго стояла «Всякая Всячина», опредѣляло себя, какъ сатиру въ «улыбательномъ духѣ»; другое —представленное, главнымъ образомъ, Новиковымъ — давало бичующую сатиру. Лучшіе журналы («Трутень», «Живописецъ») давали яркія и смѣлыя изображенія русскаго общественнаго быта, рѣшались направлять свои стрѣлы противъ могущественнаго тогда дворянскаго сословія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это указывалъ въ свое время и Добролюбовъ, при всей смѣлости изобличеній эти журналы еще очень рѣдко искали коренныхъ причинъ зла и мало задумывались надъ основами строя тогдашней русской жизни. Большею частью, это были только нападенія на отдѣльныхъ лицъ и отдѣльныя общественныя группы.

Эти журналы одно время разсматривались, какъ проявленіе полной самостоятельности русской мысли (Аѳанасьевъ), позднѣе замѣтили подражаніе иностраннымъ журналамъ, въ особенности англійскому «Зрителю» Стиля и Адиссона, но подражаніе видѣли только въ формѣ сатиры, содержаніе же ея считали взятой изъ русской дѣйствительности (Галаховъ); въ послѣднее время (Пекарскій, Солнцевъ) опредѣленно указано, что не только форма, но нерѣдко и содержаніе сатиры въ этихъ журналахъ заимствовано въ тѣхъ случаяхъ, когда оно съ небольшими передѣлками (а иногда и безъ нихъ) подходило къ русскимъ нравамъ, и притомъ заимствовано не изъ первыхъ, а изъ вторыхъ рукъ, напр. изъ французскихъ переводовъ англійскихъ журналовъ. Наиболѣе самостоятельными были журналы Новикова.

Помимо сатиры, иногда шуточной и болтливой, иногда горячо негодующей и яркой, эти журналы интересны и другими сторонами: въ нихъ помѣщались стихотворенія, эклоги, сонеты, элегіи, любовныя пѣсни, которыя являются звеньями въ развитіи нашей поэзіи и даютъ почувствовать эволюцію поэтической формы въ нашей литературѣ; въ нихъ помѣщались и тѣ любовныя пѣсенки, бывшія предметомъ общаго увлеченія, про которыя Болотовъ говоритъ, что онѣ тогда «стали получать первое надъ молодыми людьми господствіе». Въ нѣкоторыхъ журналахъ появлялись переводы изъ древнихъ классиковъ. Наконецъ, были журналы, не ограничивавшіеся негодованіемъ на наше обезьянство передъ Западомъ, а собиравшіе въ противовѣсъ своеобразныя черты національной культуры. Журналъ «И то и сіо», напримѣръ, даетъ своимъ читателямъ много русскихъ пословицъ, описаній народныхъ гаданій, обрядовъ и подблюдныхъ народныхъ пѣсенъ.

Участвовали въ журналахъ нерѣдко выдающіяся лица XVIII в.; не говоря уже объ Екатеринѣ II и Новиковѣ, сотрудничали въ журналахъ такіе писатели, какъ Радищевъ, Крыловъ, Аблесимовъ, Поповскій, Державинъ и др.

Въ цѣломъ журналы Екатерининскаго времени даютъ не только сильную картину нравовъ русскаго общества въ XVIII вѣкѣ, но и живо отражаютъ тѣ новые интересы и идеи, которые стали въ то время волновать всѣхъ мыслящихъ людей.

«ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА».

Журналъ «Всякая Всячина» — «бабушка» русскихъ сатирическихъ журналовъ, какъ онъ былъ прозванъ журналистикой XVIII вѣка, выходилъ въ 1769 году подъ редакціей Григ. Вас. Козицкаго, при непосредственномъ участіи и общемъ руководствѣ императрицы Екатерины II. Козицкій, бывшій переводчикъ при Академіи Наукъ, а впослѣдствіи въ ней же лекторъ философіи и словесныхъ наукъ, былъ во время изданія журнала кабинетъ-секретаремъ императрицы. Журналъ «Всякая Всячина» не имѣлъ опредѣленнаго плана, но захватывалъ широкую программу; онъ направлялъ свою сатиру на тѣ стороны жизни, которыя, дѣйствительно, заслуживали осмѣянія: старинныя суевѣрія, любовь къ шутамъ и шутовству, жестокое отношеніе къ крѣпостнымъ, мотовство, отсутствіе самаго понятія о цѣляхъ и средствахъ воспитанія, погоня за модами во всемъ, взяточничество — все это проходило передъ читателемъ «Всякой Всячины». Журналъ при этомъ сочувствовалъ народному въ языкѣ, въ одеждѣ; про театръ говорилъ, что «маркизъ на русскомъ театрѣ уши деретъ».

При всемъ томъ журналъ не давалъ дѣйствительно серіозной оцѣнки этихъ явленій. Императрица говорила про свою литературную дѣятельность: «кромѣ развлеченія, я никогда не придавала этому никакой важности». Задачей этой сатиры было скорѣе разсмѣшить, чѣмъ осмѣять. Девизъ журнала —веселость и отвращеніе къ «меланхолическому». Императрица называла такую сатиру сатирой «въ улыбательномъ духѣ». Сатирикъ долженъ «не цѣлить на особъ, но единственно на пороки», при чемъ не смѣшивать слабостей человѣческихъ съ пороками.

Въ настоящее время изслѣдованіями В. Ѳ. Солнцева выяснено, что такое опредѣленіе задачъ сатиры не было самостоятельнымъ взглядомъ журнала, а взято изъ знаменитаго англійскаго журнала Стиля и Адиссона — «Spectator». Англійскій журналъ дѣлитъ своихъ читателей на любителей веселыхъ, насмѣшливыхъ статей и на почитателей сухой, строгой морали. О задѣваніи личности въ сатирѣ «Spectator» говоритъ такъ: «Если я нападаю на порочныхъ, то я обрушиваюсь на все ихъ сословіе, и какъ бы ни дуренъ былъ поступокъ со мною другихъ, я все же не рѣшусь никогда взять примѣромъ одного виновнаго. Я буду разсматривать порокъ такимъ, какимъ онъ кажется, какъ родъ, и не такимъ, какъ онъ проявляется въ отдѣльной личности».

Самое содержаніе статей «Всякой Всячины», за исключеніемъ статей о подьячихъ и о старомъ воспитаніи, бралось изъ статей англійскаго журнала, иногда даже было дословнымъ переводомъ, тамъ гдѣ въ нравахъ было общее. Источникомъ «Всякой Всячины» служили и другіе иностранные журналы.

Основной взглядъ на сатиру, усвоенный «Всякой Всячиной», приводилъ ее иногда къ слишкомъ мало говорящимъ обобщеніямъ, иногда къ недостаточно глубокому отношенію къ какому-нибудь явленію. Журналъ устанавливалъ опредѣленное направленіе въ дѣлѣ сатиры, и оно вызвало въ другихъ журналахъ, которые называли себя «внучатами» «Всякой Всячины», возраженія. Особенно горячо возражалъ журналъ Новикова —«Трутень». Разногласіе приняло съ обѣихъ сторонъ очень страстныя формы. «Всякую Всячину» нѣсколько поддерживалъ журналъ «И то и сіо», мнѣнія «Трутня» защищали «Смѣсь» и «Адская Почта».

Ниже приводимыя статьи изъ «Всякой Всячины» даютъ характерный образецъ того, въ какомъ духѣ шелъ этотъ знаменитый споръ о направленіи сатиры.

Письмо къ издателю «Трутня».

«Господинъ издатель! Имѣлъ я терпѣніе до сего дня, но скучно мнѣ становится отъ вашихъ листовъ. Я старъ и много на свѣтѣ видывалъ. Я чаю, вы безъ бороды еще[1]): по молодости и вздумали, чаю, что весь свѣтъ перемѣнится, кой часъ еженедѣльно вы начнете писать, и для того выдумали тонкости, кои отъ насъ, стариковъ, право, не скрылися — мы, небось, съ перваго листа узнали, куда цѣлите. Поздравленіе съ новымъ годомъ было сдѣлано, дабы чѣмъ ни на есть начать; предисловіе ваше одна есть рѣзвость; привѣтствіе публикѣ была критика легкомысленныхъ, кои таскаются съ новизнами»...

Статья 35.

Господинъ сочинитель[2])!

Будучи охотникъ до издаваемыхъ въ нынѣшнемъ году разныхъ сочиненій, и покупая ихъ съ самаго начала, съ великимъ удовольствіемъ читалъ оныя, и могу сказать по справедливости, что находилъ въ нихъ разумъ, вкусъ и полезность; но нынѣ увидѣлъ въ нихъ сверхъ чаянія моего

[1]) Намекъ на молодость Новикова — ему было тогда 24 года.

[2]) Письмо было, повидимому, отъ редакціи, судя по тому, что примѣчаніе къ нему направлено противъ журнала «Трутень».

со всѣмъ неприличную такимъ сочиненіямъ междоусобную ссору, которая въ насъ отъ пріятнаго чтенія оныхъ великое произвела отвращеніе, и она то самая принудила меня къ вамъ, господинъ сочинитель, писать, чтобъ вы, какъ первый производитель нашего еженедѣльно принятаго удовольствія, постарались согласить ихъ, предписавъ имъ за правило хранить между собою ненарушимую дружбу и вѣчное согласіе.

Вашъ попечитель
Аристархъ Аристарховъ сынъ
Примирителевъ.

* * *

Мы должны признаться, что сей выговоръ Всякой Всячинѣ и племени ея весьма справедливъ. И такъ отъ сего дня объявляемъ нашимъ корреспондентамъ добровольно, непринужденно, въ удовольствіе публикѣ, что ни единое такое письмо, ни сочиненіе не будетъ болѣе мѣста имѣть во Всякой Всячинѣ, изъ котораго бы могли родиться ссоры и брани съ прочими издаваемыми листами; совѣтуя притомъ, по праву старшинства, и поколѣнію Всякой Всячины отложити всѣ домашнія распри, и только единственно упражняться удовольствовати читателей пріятными и полезными задатками.

52.

Писатель письма отъ 26 Марта, 1769 года, подписанный нашъ покорнѣйшій и усердный слуга А., узналъ, что его писмо не будетъ напечатано. Мы совѣтуемъ ему оное беречь до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдѣланъ лексиконъ всѣхъ слабостей человѣческихъ и всѣхъ недостатковъ разныхъ во свѣтѣ государствъ. Тогда сіе писмо можетъ служить реестромъ ко вспоможенію памяти сочинителю; а до тѣхъ поръ просимъ господина А., сколько возможно упражняться во чтеніи книгъ такихъ, посредствомъ которыхъ могъ бы онъ человѣколюбіе и кротость присовокупить ко прочимъ своимъ знаніямъ: ибо намъ кажется, что любовь его ко ближнему болѣе простирается на исправленіе, нежели на снисхожденіе и человѣколюбіе; а кто только видитъ пороки, не имѣвъ любви, тотъ не способенъ подавать наставленія другому. Мы и о томъ умолчать не можемъ, что большая часть матерій, въ его длинномъ писмѣ включенныхъ, не есть нашего де-

партамента. И такъ просимъ господина А. впредь подобными присылками не трудиться; нашъ полетъ по землѣ, а не на воздухѣ, еще же менѣе до небеси: сверьхъ того мы не любимъ меланхолическихъ писемъ.

53.

Государь мой!

Я весьма веселаго нрава и много смѣюсь; признаться должно, что часто смѣюсь и пустому; насмѣшникомъ же никогда не бывалъ. Я почитаю, что насмѣшки суть степень дурносердечія; я напротивъ того думаю, что имѣю сердце доброе, и люблю родъ человѣческій! И такъ не извольте ошибиться въ моемъ нравѣ, когда говорю, что я смѣшливъ; но выслушайте, чему я намнясь смѣялся такъ, что и теперь еще бока болятъ.

Былъ я въ бесѣдѣ, гдѣ нашелъ человѣка, который для того, что онъ болѣе думалъ о своихъ качествахъ, нежели прочіе люди, возмечталъ, что свѣтъ не такъ стоитъ; люди все не такъ дѣлаютъ; его не чтутъ, какъ ему хочется; онъ бы все дѣлать могъ, но его не такъ опредѣляютъ, какъ бы онъ желалъ: сего онъ хотя и не выговариваетъ, но изъ его рѣчей легко то понять можно. Вездѣ онъ видѣлъ тутъ пороки, гдѣ другіе не имѣвъ такихъ, какъ онъ, побудительныхъ причинъ, на силу приглядѣть могли слабости, и слабости весьма обыкновенныя человѣчеству. Ибо всѣ разумные люди признавать должны, что одинъ Богъ только совершенъ; люди же смертные безъ слабостей никогда не были, не суть и не будутъ. Но ворчливое самолюбіе сего человѣка изливало желчь на все то, что его окружало. Для чего же? Для того, что онъ стыдился выговорить свои собственныя огорченія: и такъ клалъ все на щетъ превратнаго будто свѣта, котораго онъ сказывалъ, что ненавидитъ: да сіе и примѣтить можно было изъ его рѣчей. Одинъ тутъ случившійся молодецъ удалый, долго слушая, терпѣливо и молча, поношенія смертныхъ, на конецъ потерялъ терпѣніе, и сказалъ ему: Государь мой, вы весьма ненавидите ближняго своего; тиранъ Калигула во своемъ сумасбродствѣ говаривалъ, что ему жаль, что весь родъ человѣческій не имѣетъ одной головы, дабы ее отрубить разомъ: не того ли и вы мнѣнія? Нашъ разсказъ симъ вопросомъ былъ приведенъ во превеликій стыдъ,

и чувствуя, что онъ страстьми своими былъ приведенъ къ показанію толикой ненависти къ людямъ, что подалъ причину вспомнить Калигулу, вскочилъ со стула, покраснѣлъ, по томъ пальцы грызъ, бѣгая по комнатѣ, на послѣдокъ выбѣжалъ и уѣхалъ, знатно отъ угрызенія совѣсти. А мы во весь вечеръ смѣялися людской слабости. Но послѣ, размышляя о семъ произшествіи съ большимъ примѣчаніемъ, разстались обѣщавъ другъ другу: 1) Никогда не называть слабости порокомъ. 2) Хранить во всѣхъ случаяхъ человѣколюбіе. 3) Не думать, чтобъ людей совершенныхъ найти можно было, и для того 4) Просить Бога, чтобъ намъ далъ духъ кротости и снисхожденія. Я нашелъ сіе положеніе столь хорошо, что принужденнымъ себя нахожу, васъ просить дать ему мѣсто во Всякой Всячинѣ.

Я же есмь
вашъ покорный слуга
Аѳиногенъ Перочиновъ.

P. S. Я хочу завтра предложить пятое правило, чтобы впредь о томъ никому не разсуждать, чего кто не смыслитъ; и шестое, чтобъ никому не думать, что онъ одинъ весь свѣтъ можетъ исправить.

66.

На ругательства, напечатанныя въ Трутнѣ подъ пятымъ отдѣленіемъ, мы отвѣтствовать не хотимъ, уничтожая оныя; а только не скоро дадимъ примѣтить, что господинъ Правдулюбовъ насъ называетъ криводушниками и потаччиками пороковъ для того, что мы сказали, что имѣемъ человѣколюбіе и снисхожденіе къ человѣческимъ слабостямъ, и что есть разница между пороками и слабостями.

Господинъ Правдулюбовъ не догадался, что изключая снисхожденіе, онъ изтребляетъ милосердіе. Но добросердечіе его не понимаетъ, чтобы гдѣ нинаесть быть могло снисхожденіе; а можетъ статься, что и умъ его не достигаетъ до подобнаго нравоученія. Думать надобно, что ему бы хотѣлось за все да про все кнутомъ сѣчь. Какъ бы то ни было, отдавая его публикѣ на судъ, мы совѣтуемъ ему лѣчиться, дабы черные пары и желчь не оказывалися даже и на бумагѣ, да коей онъ дотрогивается. Намъ его меланхолія не досадна; но ему несносно и то, что мы лучше любимъ смѣяться, нежели плакать. Еслибъ онъ писалъ трагедіи, то бы ему нужно было въ людяхъ слезливое разположеніе; но когда его тра-

гедіи еще свѣта не узрѣли, то какая ему нужда заставляти плакать людей или гнѣваться на зубоскаловъ.

81.

Изъ письма, писаннаго къ господину сочинителю Трутня отъ Тихона Добросовѣтова, а къ намъ по несысканіи его присланнаго для напечатанія чрезъ его пріятеля не подписавшаго имени, мы здѣсь издаемъ только въ свѣтъ правило въ ономъ предписанное всѣмъ сочинителямъ, которое гласитъ тако: «Добросердечный сочинитель, во всѣхъ намѣреніяхъ, поступкахъ и дѣлахъ котораго блистаетъ красота души добродѣтельнаго и непорочнаго человѣка, изъ рѣдка касается къ порокамъ, чтобы тѣмъ подъ примѣромъ какимъ не оскорбити человѣчества; но располагая свои другимъ наставленія, поставляетъ примѣръ въ лицѣ человѣка, украшеннаго различными совершенствами, то есть добронравіемъ и справедливостію, описываетъ твердаго блюстителя вѣры и закона, хвалитъ сына отечества, пылающаго любовію и вѣрностію къ Государю и обществу, изображаетъ миролюбиваго гражданина, искренняго друга, вѣрнаго хранителя тайны и даннаго слова; присовокупляетъ къ тому пользы изъ того проистекающія, и сладкое сіе удовольствіе, какое чувствуетъ хранящій добродѣтель въ томъ, что ни раскаяніе, ни угрызеніе совѣсти въ сердцѣ таковаго человѣка мѣста не имѣютъ. Вотъ славный способъ исправляти слабости человѣческія! При чтеніи таковаго сочиненія каждый чувствуетъ внутреннее восхищеніе, прилѣпляется къ добродѣтели, не имѣя ни къ себѣ, ни къ сочинителю отвращенія; самъ безъ обличителя охуждаетъ пороки, которымъ слѣдовалъ отъ безразсудности. Злонравнаго же человѣка есть предмѣтъ, изо всего составляти ближнимъ поношеніе, къ порокамъ ихъ присовокупляти свои собственные, бранити всѣхъ, и услаждаться, другихъ уязвляя.

Мы и сами сему правилу будемъ стараться послѣдовать, и другихъ къ тому, почитая оное весьма справедливымъ, приглашаемъ.

Что же касается до остального содержанія того письма, то или писатель онаго или пріятель его могутъ къ господину сочинителю Трутня ити, который, думаемъ, укажетъ, гдѣ его найти можно, и поступить съ онымъ по своему произволенію.

«ТРУТЕНЬ».

Журналъ «Трутень», самымъ названіемъ своимъ противопоставленный «Трудолюбивой Пчелѣ» Сумарокова, намекаетъ на праздность. Въ предисловіи издатель (Новиковъ) говоритъ, что только праздность заставляетъ его взяться за перо. Въ сущности названіе журнала указываетъ, что онъ направленъ противъ тѣхъ, кто празденъ; объ этомъ говоритъ и эпиграфъ его, взятый изъ «Притчей» Сумарокова: «они работаютъ, а вы ихъ хлѣбъ ядите».

Новикову было 24 года, когда онъ подъ свѣжими впечатлѣніями работы въ комиссіи 1767 года, гдѣ онъ былъ секретаремъ, со всею горячностью молодости взялся за это изданіе. Его журналъ занимался, главнымъ образомъ, двумя сторонами русской тогдашней жизни; Новиковъ указывалъ: 1) что мы, погнавшись за новинками европейской жизни, взяли не лучшее, а по дорогѣ растеряли много добраго изъ стараго; 2) что крестьянинъ такой же человѣкъ, какъ другіе; что злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ не могутъ быть терпимы.

Источники перваго зла онъ видитъ въ воспитаніи (см. приведенную ниже статью «Изъ Кронштата»). Нѣкоторыя статьи журнала показываютъ, что для Новикова ясна была и причина жестокаго обращенія съ крестьянами, и у него мелькаетъ, правда, еще неясно выраженная мысль о необходимости уничтоженія крѣпостного права. Въ «Трутнѣ» помѣщались также и мелкія стихотворенія, басни, любовныя пѣсни, которыми тогда зачитывались и которыя твердились наизусть.

Взглядъ на сатиру у Новикова очень отличался отъ пониманія ея задачъ «Всякой Всячиной», и оба журнала вступили въ горячій споръ. Новиковъ сочувствовалъ бичующей сатирѣ, не щадящей личности. Этотъ споръ оказалъ вліяніе на обѣ спорящія стороны.

Императрица Екатерина хотя и видѣла въ издателѣ «Трутня» человѣка съ злымъ сердцемъ, «но мысль Новикова не переставала дѣйствовать въ ея умѣ: уже во «Всякой Всячинѣ» она признавала своего литературнаго противника остроумнымъ писателемъ и умнымъ человѣкомъ; а черезъ нѣсколько времени она стала сообщать ему историческія рукописи для его изданій и, наконецъ, письменно обѣщала свое сотрудничество въ его новомъ сатирическомъ журналѣ «Живописцѣ» — ясно, что мнѣніе ея о нравственныхъ свойствахъ Новикова измѣнилось, готовъ былъ измѣниться и ея взглядъ на сатиру и, быть можетъ, вообще ея міросозерцаніе... Но если мысль Новикова такъ подѣйствовала на императрицу, то въ свою очередь и ея мысль повліяла, быть можетъ, на молодого издателя «Трутня» — я разумѣю мысль о дѣйствіи на нравы изображеніемъ добрыхъ примѣровъ. Вскорѣ послѣ «Трутня» Новиковъ начинаетъ издавать памятники русской исторіи съ цѣлью показать своимъ современникамъ образцы хорошей жизни, доблестныхъ дѣлъ и характеровъ нашихъ предковъ» (Незеленовъ).

«Трутень» 1769 года посвященъ Л. А. Нарышкину, а 1770 года— В. А. Всеволодскому. Вторая часть «Трутня» была слабѣе первой.

Въ общемъ «Трутень» заинтересовалъ русскихъ читателей и вышелъ въ августѣ того же 1769 года вторымъ изданіемъ.

Приводимыя ниже статьи изъ этого журнала знакомятъ съ характеромъ спора между «Трутнемъ» и «Всякой Всячиной», со взглядомъ Новикова на воспитаніе, съ его отношеніемъ къ крѣпостнымъ: присоединено также одно изъ стихотвореній: любовная элегія.

Листъ V. Маія 26 дня.

5.

Господинъ Трутень[1]).

Второй вашъ листокъ написанъ не по правиламъ вашей прабабки. Я самъ того мнѣнія, что слабости человѣческія сожалѣнія достойны; однакожъ не похвалъ, и никогда того не подумаю, чтобъ на сей разъ не покривила своею мыслію и душею госпожа ваша прабабка, давъ знать на своей стр. 340, въ раздѣленіи 52, что похвальнѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять оныя. Многіе слабой совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ оному человѣколюбія. Они говорятъ, что слабости человѣкамъ обыкновенны, и что должно оныя прикрывать человѣколюбіемъ; слѣдовательно они порокамъ сшили изъ человѣколюбія кафтанъ; но такихъ людей человѣколюбіе приличнѣе назвать пороколюбіемъ. По моему мнѣнію больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ снисходитъ или (сказать по Руски) потакаетъ; и ежели смѣли написать, что учитель, любви къ слабостямъ неимѣющій, оныхъ исправить не можетъ, то и я съ лучшимъ основаніемъ сказать могу, что любовь къ порокамъ имѣющій никогда не исправится. Еще не понравилось мнѣ перьвое правило упомянутой Госпожи, то есть, чтобъ отнюдь не называть слабости порокомъ, будто Іоанъ и Иванъ не все одно. О слабости тѣла человѣческаго мы разсуждать не станемъ; ибо я не лѣкарь, а она не повивальная бабушка; но душа слабая и гибкая въ каждую сторону покривиться можетъ. Да я и незнаю, что по мнѣнію сей Госпожи значитъ слабость. Нынѣ обыкновенно слабостью называется, въ кого-нибудь по уши влюбиться, то есть въ чужую жену или дочь; а изъ сей мнимой слабости выходитъ: обезчестить домъ, въ который

---

[1]) См. статью 52 «Всякой Всячины».

мы ходимъ, и поссорить мужа съ женой, или отца съ дѣтьми; а ето будто не порокъ? Кои построжее меня о томъ при досугѣ разсуждаютъ, назовутъ по справедливости оный беззаконіемъ. Любить деньги есть также слабость; по чему слабому человѣку простительно брать взятки и набогащаться грабежами. Пьянствовать также слабость, или еще привычка; однако пьяному можно жену и дѣтей прибить до полусмерти и подраться съ вѣрнымъ своимъ другомъ. Словомъ сказать, я какъ въ слабости, такъ въ порокѣ не вижу ни добра, ни различія. Слабость и порокъ, по моему все одно; а беззаконіе дѣло иное. На концѣ своего листка ваша Госпожа прабабка похваляетъ тѣхъ писателей, кои только угождать всѣмъ стараются; а вы сему правилу, не повинуясь криводушнымъ приказнымъ и не къ стати умствующему Прокурору, не великое здѣлали угожденіе. Не хочу я васъ побуждать, какъ дѣлаютъ прочіе, къ продолженію сего труда, ниже васъ хвалить; звѣрокъ по кохтямъ видѣнъ. То только скажу, что изъ всево поколѣнія вашей прабабки вы первый, къ которому я пишу письмо. Можетъ статься, скажутъ Г. критики, что мнѣ какъ Трутню съ Трутнемъ — имѣть дѣло весьма сходно; но для меня разумнѣе и гораздо похвальнѣе быть Трутнемъ чужія дурныя работы повреждающимъ, нежели такою пчелою, которая по всѣмъ мѣстамъ летаетъ и ничего разобрать и найти не умѣетъ. Я хотѣлъ было сіе письмо послать къ Госпожѣ вашей прабабкѣ; но она меланхолическихъ писемъ читать не любитъ; и въ семъ письмѣ, я думаю, она ничего такого не найдетъ, отъ чего бы у нее отъ смѣха три дня бока болѣть могли.

Покорный вашъ слуга

Правдулюбовъ.

9 Маія, 1769 года.

Листъ VIII. Іюня 16 дня.

Издатель Трутня, во утѣшеніе Всякой Всячинѣ, своей совремянницѣ, не хотѣлъ напечатать сего письма: но по справедливости не могъ онъ въ томъ отказать г. Правдолюбову, тѣмъ паче, что онъ отъ Всякой Всячины отданъ на судъ публикѣ; и такъ благоразумныя и безпристрастныя читатели сей судъ по формѣ, или и безъ формы, какъ имъ угодно, окончать могутъ. Оправданіе г. Правдулюбова здѣсь слѣдуетъ[1]).

[1]) См. статью 66 «Всякой Всячины».

Господинъ издатель!

Госпожа Всякая Всячина на насъ прогнѣвалась, и наши нравоучительныя разсужденія называетъ ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думалъ. Вся ея вина состоитъ въ томъ, что на Рускомъ языкѣ изъясняться не умѣетъ, и Рускихъ писаній обстоятельно разумѣть не можетъ; а сія вина многимъ нашимъ писателямъ свойственна.

Изъ словъ, въ раздѣленіи 52 ею означенныхъ, Рускій человѣкъ ничего иного заключить не можетъ, какъ только, что господинъ А. правъ, и что госпожа Всякая Всячина его критиковала криво.

Въ пятомъ листѣ Трутня ничего не писано, какъ думаетъ госпожа Всякая Всячина, ни противу милосердія, ни противу снисхожденія, и публика, на которую и я ссылаюсь, то разобрать можетъ. Ежели я написалъ, что больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, кто онымъ потакаетъ, то не знаю, какъ такимъ изъясненіемъ я могъ тронуть милосердіе? Видно, что госпожа Всякая Всячина такъ похвалами избалована, что теперь и то почитаетъ за преступленіе, естьли кто ее не похвалитъ.

Не знаю, по чему она мое письмо называетъ ругательствомъ? Ругательство есть брань гнусными словами выраженная; но въ моемъ прежнемъ письмѣ, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нѣтъ ни кнутовъ, ни висѣлицъ, ни протчихъ слуху противныхъ рѣчей, которыя въ изданіи ея находятся.

Госпожа Всякая Всячина написала, что пятый листъ Трутня уничтожаетъ. И ето какъ то сказано не по Руски; уничтожить, то есть въ ничто превратить, есть слово самовластію свойственное, а такимъ бездѣлицамъ, какъ ея листки, никакая власть не прилична; уничтожаетъ верьхняя власть какое нибудь право другимъ. Но съ госпожи Всякой Всячины довольно бы было написать, что презираетъ, а не уничтожаетъ мою критику. Сихъ же листковъ множество носится по рукамъ, и такъ ихъ всѣхъ ей уничтожить не можно.

Она утверждаетъ, что я имѣю дурное сердце по тому, что, по ея мнѣнію, изключаю моими разсужденіями снисхожденіе и милосердіе. Кажется, я ясно написалъ, что слабости человѣческія сожалѣнія достойны, но что требуютъ исправленія, а не потачки; и такъ думаю, что сіе мое изъ-

ясненіе, знающему Россійскій языкъ и правду, не покажется противнымъ ни справедливости, ни милосердію.

Совѣтъ ея, чтобы мнѣ лѣчиться, не знаю, мнѣ ли больше приличенъ или сей госпожѣ. Она сказавъ, что на пятый листъ Трутня отвѣтствовать не хочетъ, отвѣчала на оный всѣмъ сердцемъ и умомъ, и вся ея желчь въ ономъ письмѣ здѣлалась видна. Когдажъ она забывается и такъ мокротлива, что часто не туда плюетъ, куда надлежитъ, то кажется для очищенія ея мыслей и внутренности не безполезно ей и полѣчиться.

Сія госпожа назвала мой умъ тупымъ по тому, что не понялъ ея нравоученій. На то отвѣчаю: что и глаза мои того не видятъ, чего нѣтъ. Я тѣмъ весьма доволенъ, что госпожа Всякая Всячина отдала меня на судъ публикѣ. Увидитъ публика изъ будущихъ нашихъ писемъ, кто изъ насъ правъ.

Покорный вамъ слуга

Правдулюбовъ.

6 Іюня, 1769 года.

Листъ XVIII. Августа 11 дня.

Изъ Кронштата.

На сихъ дняхъ въ здѣшній портъ прибылъ изъ Бурдо корабль: на немъ кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 Француза, сказывающія о себѣ, что они всѣ Бароны, Шевалье, Маркизы и Графы, и что они будучи нещастливы во своемъ отечествѣ, по разнымъ дѣламъ касавшимся до чести ихъ, приведены были до такой крайности, что для пріобрѣтенія золота, вмѣсто Америки, принуждены были ѣхать въ Россію. Они во всѣхъ разсказахъ солгали очень мало: ибо по достовѣрнымъ доказательствамъ они всѣ природныя Французы, упражнявшіеся въ разныхъ ремеслахъ и должностяхъ третьяго рода. Многія изъ нихъ въ превеликой жили ссорѣ съ Парижскою Полиціею, и для того она по ненависти своей къ нимъ здѣлала имъ привѣтствіе, которое имъ не полюбилось. Оное въ томъ состояло, что бы они немедлѣнно выбрались изъ Парижа, буде не хотятъ обѣдать, ужинать и ночевать въ Бастиліи. Такое привѣтствіе хотя было и очень искренно, однакожъ симъ господамъ Французамъ не полюбилось; и ради того пріѣхали они сюда, и намѣрены вступить въ должности учителей и Гофмейстеровъ

молодыхъ благородныхъ людей. Они скоро отсюда пойдутъ въ Петербургъ. Любезныя согражданѣ, спешите панимать сихъ чужестранцевъ, для воспитанія вашихъ дѣтей! Поручайте немѣдленно будущую подпору государства симъ побродягамъ, и думайте, что вы исполнили долгъ родительской, когда наняли въ учители Французовъ, не узнавъ прежде ни знанія ихъ, ни поведѣнія.

Листъ XXIV. Октября 6 дня.

53.

Для Г. Безразсуда.

Безразсудъ болѣнъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только по тому, что они крепостныя ево рабы. Онъ съ ними точно такъ и поступаетъ, собирая съ нихъ тяжкую дань, называемую оброкъ. Никогда съ ними не только что не говоритъ ни слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоненіемъ своей головы, когда они по восточному обыкновенію предъ нимъ по землѣ разпростираются. Онъ тогда думаетъ: Я господинъ, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы претерпѣвая всякія нужды и день и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежомъ оброка: они памятуя мое и свое состояніе должны трепетать моего взора. Въ дополненіе къ сему прибавляетъ онъ, что точно о крестьянахъ сказано: въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой. Бѣдныя крестьяне любить ево какъ отца не смѣютъ, но почитая въ немъ своего тирана, ево трепещутъ. Они работаютъ день и ночь, но со всѣмъ тѣмъ едва, едва имѣютъ дневное пропитаніе, за тѣмъ, что на силу могутъ платить господскія поборы. Они и думать не смѣютъ, что у нихъ есть что нибудь собственное, но говорятъ: ето не мое, но Божіе и господское. Всевышній благословляетъ ихъ труды и награждаетъ, а Безразсудъ ихъ обираетъ. Безразсудной! развѣ забылъ то, что ты сотворенъ человѣкомъ, не уже ли гнушаешься самимъ собою, во образѣ крестьянъ, рабовъ твоихъ? развѣ не знаешь ты, что между твоими рабами и человѣками больше сходства, нежели между тобой и человѣкомъ. Вообрази рабовъ твоихъ состояніе, оно и безъ отягощенія тягостно: когдажъ ты гнушаешься тѣми, которыя для удовольствованія страстей твоихъ трудятся, почти безъ

отдыхновенія: они не смѣютъ и мыслить, что они человѣки: но почитаютъ себя осужденниками за грѣхи отецъ своихъ, видя, что прочія ихъ братія у помѣщиковъ отцовъ, наслаждаются вождѣленнымъ спокойствіемъ, не завидуя никакому на свѣтѣ щастію, ради тово, что они въ своемъ званіи благополучны: то подумай, какъ должны гнушаться тобой истинныя человѣки, человѣки Господа, Господа, отцы своихъ дѣтей, а не тираны своихъ, какъ ты, рабовъ. Они гнушаются тобой, яко извергомъ человѣчества, преобращающаго нужное подчиненіе въ несносное иго рабства. Но Безразсудъ всегда твердитъ: я господинъ, они мои рабы; я человѣкъ, они крестьяне. Отъ сей вредной болѣзни

Рецептъ:

Безразсудъ долженъ всякой день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, покуда найдетъ онъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ.

Листъ XIII. Марта 30 дня (1770 г.).

41.

ПѢСНЯ.

Куда свой взоръ ни обращаю,
Вездѣ напасти мнѣ грозятъ:
Утѣхъ себѣ не предвѣщаю,
Бѣды нещастнаго разятъ.

* * *

Болѣзни сердце отягчаютъ,
Во мнѣ волнуетъ хладна кровь,
Меня мученія терзаютъ,
Ведетъ въ отчаянье любовь.

* * *

Не зрятъ глаза мои любезной,
Увы! я съ нею разлученъ,
Вздыхай, терзайся, лей токъ слезной,
Нещастной, ты на вѣкъ плѣненъ.

* * *

Ты тяжкимъ бремемъ жизнь считаешь
Ты вянешь, твой блѣднѣетъ видъ;
Ты мысля о драгой страдаешь,
И мысль сія какъ громъ разитъ!

О вы мѣста, мѣста любезны!
Гдѣ часть души моей живетъ!
Къ вамъ путь являютъ токи слезны,
Что всякой часъ нещастной льетъ.

* * *

Теперь отъ васъ я удаляюсь,
И стражду продолжая путь,
Любовью пагубной терзаюсь,
Стеня тягчу вздыханьемъ грудь.

* * *

Рази, разгнѣванна судбина,
О смертный часъ, скорей теки!
Приди желанная кончина,
И жизнь несносну пресѣки!

«ЖИВОПИСЕЦЪ».

«Живописецъ» — лучшій изъ журналовъ Новикова. Онъ посвященъ императрицѣ Екатеринѣ II, и ея собственное отношеніе къ издателю «Живописца» въ это время было болѣе благосклонное, какъ это видно и изъ приводимаго ниже ея письма, присланнаго въ редакцію журнала въ отвѣтъ на посвященіе. Послѣдней статьею журнала была ода императрицѣ. Журналъ издавался къ 1772 и 1773 годахъ. Вторая часть журнала значительно слабѣе первой; отчасти здѣсь сказалось и то, что въ 1773 году Новиковъ отвлеченъ былъ изданіемъ «Вивліофики». «Живописецъ» вызвалъ въ себѣ большой интересъ въ русскомъ обществѣ и въ XVIII вѣкѣ выдержалъ пять изданій, что было исключительнымъ явленіемъ для журналовъ того времени. Большой спросъ на журналъ самъ Новиковъ въ предисловіи къ третьему изданію объяснялъ тѣмъ, «что сіе сочиненіе попало на вкусъ мѣщанъ нашихъ: ибо у насъ тѣ только книги третьими, четвертыми и пятыми изданіями печатаются, которыя симъ простосердечнымъ людямъ, по незнанію ихъ чужестранныхъ языковъ, нравятся... Напротивъ того, книги, на вкусъ нашихъ мѣщанъ не попавшія, весьма спокойно лежатъ въ хранилищахъ, почти вѣчною для нихъ темницею назначенныхъ».

По характеру и предмету сатиры «Живописецъ» продолжаетъ дѣло «Трутня», но съ еще большимъ талантомъ. Языкъ «Живописца» такъ обработанъ, выдержанъ, такъ легко читается и такъ искусно беретъ изъ народнаго языка, что кажется почти современнымъ.

Текстъ «Живописца», приводимый ниже, взятъ по 7-му изданію П. Ефремова 1864 года, повторяющему дословно первое изданіе Новикова.

Неизвѣстному г. сочинителю комедіи «О Время».

Приписаніе[1]).

Государь мой!

Я не знаю кто вы; но вѣдаю только то, что за сочиненіе ваше достойны почтенія и великія благодарности. Ваша комедія «О Время» троекратно представлена была на Императорскомъ придворномъ театрѣ, и троекратно постепенно умножала справедливую похвалу своему сочинителю. И какъ не быть ей хвалимой? Вы перьвой сочинили комедію точно въ нашихъ нравахъ; вы перьвой съ такимъ искусствомъ и остротою, заставили слушать ѣдкость сатиры, съ пріятностію и удовольствіемъ; вы перьвой съ такой благородной смѣлостію напали на пороки въ Россіи господствовавшія; и вы перьвой достойны по справедливости великой похвалы во представленіѣ вашей комедіи оказанной. Продолжайте, сударь мой, къ славѣ Россіи, къ чести своего имени, и великому удовольствію разумныхъ единоземцевъ вашихъ; продолжайте, говорю, прославлять себя вашими сочиненіями: перо ваше достойно равенства съ Моліеровымъ. Слѣдуйте его примѣру: взгляните безпристрастнымъ взоромъ на пороки наши, закоренѣлыя худыя обычаи, злоупотребленія, и на всѣ развратныя наши поступки; вы найдете толпы людей достойныхъ вашего осмѣянія; и вы увидите, какое еще пространное поле ко прославленію вашему осталось. Изтребите изъ сердца своего всякое пристрастіе; не взирайте на лица: порочный человѣкъ во всякомъ званіи равнаго достоинъ презрѣнія. Низкостепенной порочной человѣкъ, видя осмѣваема себя купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать, что пороки въ бѣдности только одной перомъ вашимъ угнѣтаются. А превосходительство, удрученное пороками, въ первой разъ въ жизни своей возчувствуетъ равенство съ низкостепенными. Вы перьвой достойны показать, что дарованная вольность умамъ Россійскимъ употребляется въ пользу отечества. Но, государь мой, почто укрываете свое имя; имя всеобщія достойное благодарности: я никакой не нахожу къ тому причины. Не ужели, оскорбя толь жестоко пороки и вооружа противъ себя порочныхъ, опасаетесь ихъ злословія — нѣтъ, такая слабость никогда не можетъ

[1]) Посвященіе: Неизвѣстный сочинитель — императрица Екатерина II.

имѣть мѣста въ вашемъ сердцѣ. И можетъ ли такая благородная смѣлость опасаться угнѣтенія въ то время, когда ко щастію Россіи и ко благоденствію человѣческаго рода, владычествуетъ нами премудрая Екатерина: ея удовольствіе, оказанное во представленіѣ вашей комедіи, удостовѣряетъ о покровительствѣ Ея такимъ какъ вы писателямъ. Чегожъ осталось вамъ страшиться? Но, можетъ быть, особенныя причины принуждаютъ васъ укрывать свое имя; ежели такъ, то не тщусь проникать оныхъ. И хотя имя ваше навсегда останется неизвѣстнымъ, однакожъ почтеніе къ вамъ мое никогда не умалится. Оно единственнымъ было побужденіемъ приписанію вамъ журнала подъ названіемъ «Живописца». Примите, государь мой, сей знакъ благодарности за ваше преполезное сочиненіе отъ единоземца вашего. Вы открыли мнѣ дорогу, которой я всегда страшился; вы возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ, исправлять нравы своихъ единоземцевъ; вы поострили меня испытать въ томъ свои силы: и дай Боже, чтобы читатели въ листахъ моихъ находили хотя нѣкоторое подобіе той соли и остроты, которыя оживляютъ ваше сочиненіе. Естьлижъ буду имѣть успѣхъ въ моемъ предпріятіи, и естьли листы мои принесутъ пользу и увеселеніе читателямъ, то за сіе они не мнѣ, но вамъ будутъ одолжены: ибо безъ вашего примѣра, не отважился бы я напасть на пороки; а я остаюсь навсегда

вашимъ почитателемъ

С. «Живописца».

П. П. Хотѣлъ бы я просить васъ, чтобы вы сдѣлали честь моему журналу, сообщеніемъ какого-либо изъ вашихъ мѣлкихъ сочиненій; но опасаюсь отвлечь отъ упражненій вашихъ. Впротчемъ для меня весьма лестно получить вашъ отвѣтъ.

Въ Санктпетербургѣ
Апрѣля 12 дня,
1772 года.

ЛИСТЪ 3.

«Что въ наукахъ, говоритъ Наркисъ[1]): Астрономія умножитъ ли красоту мою паче звѣздъ небесныхъ? — Нѣтъ: начтожъ мнѣ она? Математика прибавитъ ли моихъ доходовъ — нѣтъ: чортъ ли въ ней! Физика изобрѣтетъ ли новыя таинства въ природѣ, служащія къ моему украшенію — нѣтъ:

[1]) Этимъ именемъ часто въ журналахъ называли щеголей.

куда она годится! Исторія покажетъ ли мнѣ человѣка, который бы былъ прекраснѣе меня — нѣтъ; какая жъ въ ней нужда? Географія сдѣлаетъ ли меня любезнѣе — нѣтъ: такъ она и не достойна моего вниманія. Протчія всѣ науки могутъ ли произвесть чудо, чтобы красавицы въ меня не влюблялись — нѣтъ: ето невозможность; слѣдовательно для меня всѣ они безполезны. А о словесныхъ наукахъ и говорить нѣчего. Одна только изъ нихъ заслуживаетъ нѣсколько мое вниманіе: ето стихотворство; да и оно нужно мнѣ тогда только, когда захочется написать пѣсенку. Я бы началъ обучаться оному, да то бѣда, что я не знаю Рускова языка. Покойный батюшка ево терпеть не могъ; да и всю Россію ненавидѣлъ: и сожалѣлъ, что онъ въ ней родился; полно, етому дивиться нѣчему; она и подлинно ето заслуживаетъ: человѣкъ съ моими достоинствами не можетъ найти щастія! То, что имѣю я, другой почелъ бы щастіемъ, но для меня етова мало. — О Россія! Россія! Когда научишься ты познавать достоинства людскія!» Такъ разсуждаетъ Наркисъ: достоинства его слѣдующія: танцуетъ прелестно, одѣвается щегольски, поетъ какъ ангелъ: красавицы почитаютъ его Адонидомъ, а солюбовники Марсомъ, и всѣ его трепещутъ; да есть чего и страшиться: ибо онъ уже принялъ нѣсколько уроковъ отъ Французскаго шпагобойца. Къ дополненію его достоинствъ играетъ онъ во всѣ карточныя игры совершенно, а притомъ разумѣетъ по Французски. — Не завидной ли ето молодецъ? Не совершенной ли онъ человѣкъ? — Читатель, скажи мнѣ на ухо, каковы будутъ дѣти Наркисовы.

ЛИСТЪ 5.

Отрывокъ путешествія
въ ***
И*** Т*** [1]).

Глава XIV.

. . . . . .

. . . . . По выѣздѣ моемъ изъ сего города, я останавливался во всякомъ почти селѣ и деревнѣ: ибо всѣ они равно любопытство мое къ себѣ привлекали; но въ три дня

[1]) Иниціалы И*** Т*** обозначаютъ: «Издатель Трутня». Изображеніе разоренной деревни очень сильно, по языку и лиризму напоминаетъ путешествіе Радищева. Въ «Запискахъ Охотника» Тургенева есть аналогичныя изображенія деревни (напр. начало «Пѣвцовъ»).

сего путешествія, ничего не нашелъ я похвалы достойнаго. *Бѣдность и рабство* повсюду встрѣчалися со мною во образѣ крестьянъ. Непаханныя поля, худой урожай хлѣба возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія, покрытыя соломой хижины изъ тонкаго заборника, дворы, огороженныя плѣтнями, не большія адоньи хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота, подтверждали сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны.

Не пропускалъ я ни одного селенія, чтобы не разспрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію всегда находилъ, что помѣщики ихъ сами тому были виною. О человѣчество! тебя незнаютъ въ сихъ поселеніяхъ. О господство! ты тиранствуешь надъ подобными себѣ человѣками. О блаженная добродѣтель, любовь ко ближнему, ты употребляешься во зло: глупыя помѣщики сихъ бѣдныхъ рабовъ изъявляютъ тебя болѣе къ лошадямъ и собакамъ, а не къ человѣкамъ! Съ великимъ содраганіемъ чувствительнаго сердца, начинаю я описывать нѣкоторыя села, деревни и помѣщиковъ ихъ. Удалитесь отъ меня, ласкательство и пристрастіе, низкія свойства подлыхъ душъ: истинна перомъ моимъ руководствуетъ!

Деревня *Раззоренная* поселена на самомъ низкомъ и болотномъ мѣстѣ. Дворовъ около дватцати, стѣсненныхъ одинъ подлѣ другого, огорожены изсохшими плѣтнями, и покрыты отъ одного конца до другого, сплошь соломою. Какая нещастная жертва, жестокости пламяни посвященная нерадивостію ихъ господина! Избы, или лутче сказать бѣдныя развалившіяся хижины, представляютъ взору путешественника, оставленное человѣками селеніе. Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою, просыхающая только зимнимъ временемъ.

При въѣздѣ моемъ въ сіе обиталище плача, я не видалъ ни одного человѣка. День былъ жаркой; я ѣхалъ въ открытой коляскѣ; пыль и жаръ столько обезспокоивали меня дорогой, что я спѣшилъ войти въ одну изъ сихъ развалившихся хижинъ, дабы нѣсколько успокоиться. Извощикъ мой остановился у воротъ одного бѣднаго дворишка, сказывая, что ето былъ лутчей во всей деревнѣ; и что хозяинъ онаго зажиточнѣе былъ всѣхъ протчихъ, по тому, что имѣлъ онъ корову. Мы стучалися у воротъ очень долго; но намъ ихъ

не отпирали. Сабака, на дворѣ привязанная, тихимъ и осиплымъ лаяніемъ, казалось давала знать, что ей оберегать было нѣчево. Извощикъ вышелъ изъ терпѣнія, перелѣзъ черезъ ворота, и отперъ ихъ. Коляска моя взвезена была на грязной дворъ, намощенной соломой: ежели оною намостить можно грязное и болотное мѣсто; а я вошелъ въ избу разтворенными на стешь дверями. Заразительной духъ отъ всякой нечистоты, чрезвычайной жаръ, и жужжаніе безчисленнаго множества мухъ, оттуда меня выгоняли; а вопль трехъ оставленныхъ младенцевъ удерживалъ во оной. Я спѣшилъ подать помощь симъ несчастнымъ тварямъ. Пришедъ къ лукошкамъ, прицеплѣннымъ веревками къ шестамъ, въ которыхъ лежали безъ всякаго призрѣнія оставленныя младенцы, увидѣлъ я, что у одного упалъ сосокъ съ молокомъ, я его поправилъ и онъ успокоился. Другова нашелъ, обернувшагося лицомъ къ подушонкѣ изъ самой толстой холстины, набитой соломою; я тотчасъ его оборотилъ, и увидѣлъ, что безъ скорой помощи, лишился бы онъ жизни: ибо онъ не только что посинѣлъ, но и почернѣвъ, былъ уже въ рукахъ смерти: скоро и етотъ успокоился. Подошедъ къ третьему увидѣлъ, что онъ былъ разпеленанъ, множество мухъ покрывали лице его и тѣло и немилосердно мучили сего робенка; солома на которой онъ лежалъ, также его колола, и онъ произносилъ пронзающій крикъ. Я оказалъ и етому услугу, согналъ всѣхъ мухъ, спеленалъ его другими, хотя нечистыми, но однакожъ сухими пеленками, которыя въ избѣ тогда развѣшены были; поправилъ солому, которую онъ, борохтаясь, ногами взбилъ: замолчалъ и етотъ. Смотря на сихъ младенцевъ, и входя въ бѣдность состоянія сихъ людей, вскричалъ я: жестокосердый тиранъ отъемлющій у крестьянъ насущный хлѣбъ и послѣднѣе спокойство! По смотри, чего требуютъ сіи младенцы! У одного связаны руки и ноги: приноситъ ли онъ о томъ жалобы? — Нѣтъ: онъ спокойно взираетъ на свои оковы. Чего же требуетъ онъ? — Необходимо нужнаго только пропитанія. Другой произносилъ вопль о томъ, что бы только не отнимали у него жизнь. Третей вопіялъ къ человѣчеству, чтобы его не мучили. Кричите бѣдныя твари: сказалъ я проливая слезы; произносите жалобы свои! Наслаждайтесь послѣднимъ симъ удовольствіемъ во младенчествѣ: когда возмужасте, тогда и сего утѣшенія лишитесь. О солнце, лучами щедротъ своихъ*** озаряющее: призри на сихъ нещастныхъ!

Оказавъ услугу человѣчеству, я спѣшилъ подать помощь себѣ: тяжкой запахъ въ избѣ, столь для меня былъ вреденъ, что я насилу могъ выйти изъ оной.

Пришедъ къ своей коляскѣ, упалъ я безъ чувства во оную. Приключившейся мнѣ обморокъ былъ не продолжителенъ: я опомнился, спрашивалъ холодной воды: извощикъ мой ее принесъ изъ колодязя; но я не могъ пить ея по причинѣ худаго запаха. Я требовалъ чистой; но во отвѣтъ услышалъ, что во всей деревнѣ лутче етой воды нѣтъ, и что всѣ крестьяне довольствуются сею пакостною водою. Помѣщики, сказалъ я, вы никакого не имѣете попеченія о сохраненіи здоровья своихъ кормильцевъ!

Я спрашивалъ, гдѣ хозяева того дома: извощикъ отвѣтствовалъ: что всѣ крестьяне и крестьянки въ полѣ; прибавя къ тому, что когда былъ я въ избѣ, то выходилъ онъ въ то время за заднія ворота посмотрѣть, не найдетъ ли тамъ ково-нибудь изъ крестьянъ; что нашелъ онъ тамъ одного спрятавшагося мальчика, которой ему сказалъ, что увидѣвъ изъ далека пыль отъ моей коляски, подумали они, что ето ѣдетъ ихъ баринъ, и для того отъ страха разбѣжались. Они скоро придутъ, сказалъ извощикъ; я ихъ увѣрилъ, что мы проѣзжія, что ты бояринъ доброй, что ты не дерешься, и что ты пожалуешь имъ на лапти. Вскорѣ послѣ того пришли два мальчика и двѣ дѣвочки отъ пяти до семи лѣтъ. Они всѣ были босиками, съ разкрытыми грудями и въ однихъ рубашкахъ; и столь были дики, и застращены именемъ барина, что боялись подойти къ моей коляскѣ. Извощикъ ихъ подвелъ, приговаривая: «не бойтесь, онъ васъ не убьетъ: онъ бояринъ доброй; онъ пожалуетъ вамъ на лапти». Робятишки подведены будучи близко къ моей коляскѣ, вдругъ всѣ побѣжали назадъ крича: «ай! ай! ай! берите все что есть, только не бейте насъ!» Извощикъ схватя одного изъ нихъ спрашивалъ, чего они испужались. Мальчишка тресучись отъ страха говорилъ: «да! чево испужались... ты насъ обманулъ... на етомъ баринѣ красной кафтанъ... ето никакъ нашъ баринъ... онъ насъ засѣчотъ». Вотъ плоды жестокости и страха: о вы худыя и жестокосердыя господа! вы дожили до того нещастія, что подобныя вамъ человѣки боятся васъ какъ дикихъ звѣрей! Не бойся, другъ мой, сказалъ я испуженному краснымъ кафтаномъ мальчику; я не вашъ баринъ: подойди ко мнѣ, я тебѣ дамъ денегъ. Мальчикъ оставилъ страхъ, подошелъ ко мнѣ, взялъ деньги, по-

клонился въ ноги, и оборотясь кричалъ другимъ: «ступайте сюда робята; ето не нашъ баринъ; ететъ баринъ доброй: онъ даетъ деньги и не дерется»! Робятишки тотчасъ всѣ ко мнѣ прибѣжали: я далъ каждому по нѣскольку денегъ и по пирожку, которыя со мной были. Они всѣ кричали: «у меня деньги! у меня пирогъ!» *(Продолженіе будетъ впредь.)*

Сіе сатирическое сочиненіе, подъ названіемъ путешествія въ *** получилъ я отъ г. И. Т. съ прошеніемъ, чтобы оно помѣщено было въ моихъ листахъ. Естьли бы ето было въ то время, когда умы наши и сердца заражены были Французскою націею, то не осмѣлился бы я читателя моего поподчивать съ етого блюда; потому что оно приготовленэ очень солоно, и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ невѣждъ горьковато. Но нынѣ премудрость, сѣдящая на престолѣ, истинну покровительствуетъ во всѣхъ дѣяніяхъ. И такъ я надѣюсь, что сіе сочиненьице заслужитъ вниманіе людей, истинну любящихъ. Въ протчемъ я увѣряю моево читателя, что продолженіе сего путешествія удовольствуетъ его любопытство.

ЛИСТЪ 7.

Письмо къ господину Живописцу[1]).

Государь мой!

Никогда не думалъ я, чтобъ сочиненная мною комедія, «О Время», таковой имѣла успѣхъ, каковымъ вы меня увѣряете: а тѣмъ паче не воображалъ себѣ той чести, которую вы, приписаніемъ еженедѣльныхъ вашихъ листовъ, мнѣ здѣлали. Комедію мою сочинилъ я живучи во уединеніи во время свирѣпствующей язвы[2]); и при сочиненіи оной не бралъ я находящихся въ ней умоначертаній ни откуда, кромѣ собственной моей семьи: слѣдовательно не выходя изъ дому своего нашолъ въ немъ одномъ къ составленію забавнаго позорища, довольно обширное поле, для искуснѣйшаго пера; а не для такова, каковымъ я свое почитаю. Что до меня

[1]) Незеленовъ по поводу этого письма императрицы въ журналъ Новикова замѣчаетъ: «Тонъ письма Екатерины къ издателю «Живописца» не похожъ на тонъ полемическихъ статей во «Всякой Всячинѣ», которыя, какъ послѣ «Были и небылицы», писаны въ улыбательномъ родѣ: письмо писано серіозно, и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что императрица смотрѣла въ это время на сатиру почти такъ же, какъ и Новиковъ».

[2]) Императрица продолжаетъ сохранять свой псевдонимъ: обозначеніе, что комедія «О Время» написана въ Ярославлѣ во время чумы, было сдѣлано для прикрытія имени автора.

касается; я никакихъ ни требованій, ни желаній не имѣю. Пишу я для собственной своей забавы: и естьли малыя сочиненія мои приобрѣтутъ успѣхъ, и принесутъ удовольствіе разумнымъ людямъ, то я тѣмъ весьма награжденъ буду. На противъ того естьли услышу, что нѣтъ въ нихъ никому увеселенія, то хотя тѣмъ, ненавидя праздность, отъ писанія и не воздержуся; однакожъ выдавать ихъ болѣ не стану. Имяни своего я не скрываю; но и не напишу его: дабы въ первой разъ не явилось оно въ свѣтѣ въ заглавіи комедій; что для меня самого было бы комедіею; а прибыли въ томъ ни кому нѣтъ, Карпомъ ли или Сидоромъ меня зовутъ. И такъ оставя сіе позвольте мнѣ включить здѣсь нѣкоторое примѣчаніе на недавно сочиненную мною комедію, названную «Имянины госпожи Ворчалкиной». Дошло до меня, что нѣкоторыя критики за непристойно поставляютъ, что господинъ Фирлифюшковъ[1]), за безстыдное слово нездержаніе, наказанъ палкою. Говорятъ они, что, «какъ дескать дворянина за безчестное дѣло бить палкою?» Я не стану приводить здѣсь бывалоль таковое гдѣ-нибудь дѣйствіе, или нѣтъ; ниже хочу извинять поступокъ господина Геркулова. Онъ дѣйствительно въ обыкновенномъ общежитіи жестокъ. Но себя я легко оправдать могу, сославшись на самое уложенье. Въ немъ господа критики найдутъ, чему за несдержаніе слова и за бездѣльство люди подвергаются. Еще остается мнѣ отвѣтствовать вамъ на вашу прозьбу. Вы хотите, чтобъ я присылалъ къ вамъ какія-нибудь мои сочиненіи; сіе съ охотою впредь я исполню, и сожалѣю о томъ только, что на сей случай никакихъ у меня готовыхъ не случилось: ибо я цѣлыя пять мѣсяцовъ занятъ былъ сочиненіями комедій, коихъ пять готовыхъ имѣю, и нѣкоторыя изъ нихъ отосланы на Θеатръ, а прочія туда же въ походъ собираются... Я впрочемъ есмь,

государь мой,
вашъ охотный слуга,
сочинитель комедіи: О Время.

Господину сочинителю комедіи «О Время», за полученное мною письмо, свидѣтельствую мою благодарность. Впротчемъ я имѣю къ нему сообщить многое, и для того оставляю отвѣтствовать особливымъ письмомъ до слѣдующихъ листовъ.

---

[1]) Фирлифюшковъ и Геркуловъ — дѣйствующія лица изъ комедіи императрицы «Именины г-жи Ворчалкиной». Фирлифюшковъ — свѣтскій, пустой франтъ. Геркуловъ бьетъ его палкой за неплатежъ долга.

ПИСЬМА КЪ ѲАЛАЛЕЮ. (Листъ 15.)

Господинъ «Живописецъ»! помѣстите пожалуйте слѣдующее письмо въ ваши листы, буде возможно; содержаніе его кажется заслуживаетъ ето, чтобы вы исполнили прозьбу

Вашего покорнаго слуги
П. Р.

I.

Письмо уѣзднаго дворянина къ его сыну[1]).

Сыну нашему Ѳалалею Трифоновичу, отъ отца твоего Трифона Панкратьевича, и отъ матери твоей Акулины Сидоровны, и отъ сестры твоей Варюшки, низкій поклонъ и великое челобитье.

Пиши къ намъ про свое здоровье: таки такъ ли ты поживаешь, ходишь ли въ церковь, молишься ли Богу, и не потерялъ ли ты святцевъ, которыми я тебя благословилъ. Береги ихъ; вить ето не шутка: меня ими благословилъ покойникъ дѣдушка, а его отецъ духовной Ильинской батька. Онъ былъ боленъ черною немочью и по обѣщанью ѣздилъ въ Кіевъ: его Богъ помиловалъ и Кіевскіе чудотворцы помогли; и онъ оттуда привезъ етотъ канунникъ и благословилъ дѣдушку, а онъ его возомъ муки, двумя тушами свиными, да стягомъ говяжьимъ.

Не тѣмъ-то покойникъ свѣтъ будь помянутъ! Онъ ничего своего даромъ не давалъ: дѣдушкины та, свѣтъ, грѣхи дорогонько становились. Кабы онъ покойникъ поменьше съ попами водился, такъ бы и намъ побольше оставилъ. Домъ его былъ какъ полная чаша, да и тутъ процѣдили. Вить и нашъ батько Иванъ: кабы да я не таковъ былъ, такъ онъ бы готовъ хоть кожу содрать: тото поповскіе завидливые глаза: прости Господи мое согрѣшеніе! А ты Ѳалалеюшка съ попами знайся, да берегись; ихъ молитва до Бога доходна, да

[1]) Письма къ Фалалею (всего ихъ помѣщено въ журналѣ четыре) — одни изъ самыхъ яркихъ статей въ «Живописцѣ». Онѣ вводятъ въ ту бытовую психологію провинціальнаго дворянства, которая послужила основой для Фонвизина при созданіи «Недоросля». Въ письмахъ искусно выдержанъ языкъ невѣжественнаго провинціала и грубаго по чувствамъ человѣка. Въ то же время эти письма очень тонко даютъ почувствовать хорошія стороны начинаній императрицы. Въ недовольствѣ авторовъ писемъ на новые порядки чувствуется, какъ благодѣтельны были мѣропріятія Екатерины II и съ какими грубыми нравами упорныхъ невѣждъ ей приходилось бороться. Графъ Орловъ (см. конецъ перваго письма) противопоставляется автору письма, какъ примѣръ провинціальному дворянству.

убыточна... Какъ отпоешь молебенъ, такъ можно ему поднести чарка вина, да дать ему шесть денегъ, такъ онъ и доволенъ. Чегожъ ему больше: прости Господи, вить не рожна? Да полно нынче и винцо-та въ сапогахъ ходитъ: екое времечко; вотъ до чего дожили, что и вина своего не льзя привесть въ городъ; пей де вино государево съ кружала, да дѣлай прибыль откупщикамъ. Вотъ какое разсужденіе! А говорятъ, что всіо хорошо дѣлаютъ; по етому скоро и изъ своей муки нельзя будетъ печь пирога.

Да што ужъ и говорить, житье то наше дворянское нынѣче стало очень худенько. Сказываютъ, что дворянамъ дана вольность: да чортъ ли ето слыхалъ, прости Господи, какая вольность? Дали вольность, а ничего не можно своею волею сдѣлать; не льзя у сосѣда и земли отнять: въ старину то было намъ больше вольности, бывало отхватишь у сосѣда земли цѣлое поле; такъ ходи же онъ да проси, такъ еще десять полей потеряетъ; а вина бывало кури сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню мѣста. Коли воевода пріятель, такъ кури смѣло въ его голову: тото была воля-та! Нынче и денегъ отдавать въ проценты не льзя: больше шести рублей брать не велятъ, а бывало, такъ бирали на сто и по двадцати по пяти рублей. Нѣтъ ста, кто што ни говори, а старая воля лучше новой. Нынче только и воли, што можно вытить изъ службы, да поѣхать за море, а не слыхать што тамъ дѣлать: хлѣбатъ мы и здѣсь ѣдимъ, да таково жъ живемъ. А изъ службы тогда хоть и не вольно было вытить, такъ были на ето лѣкари: отнесешь ему барашка въ бумажкѣ, да судьѣ другова, такъ и отставятъ за болѣзнями. Да ужъ бывало какъ пріѣдешь въ деревню-та, такъ ето наверстаешь: былъ бы только умъ, да зналъ бы приказныя дѣла, такъ сосѣди и не куркай. Тото было житье: ты Ѳалалеюшка не запомнишь етова.

Сестра твоя Варя посажена за грамоту; батько Иванъ самъ ей началъ азбуку въ ее именины; ей минуло пятнадцать лѣтъ: пора, мой другъ, и объ етомъ подумать; вить ужъ скоро и женихи станутъ свататься; а безъ грамоты замужъ ее выдать не годится: и указа самой прочесть не льзя. Отпиши, Ѳалалеюшка, что у васъ въ Питерѣ дѣлается: сказываютъ, што великіе затеи. Колокольню строютъ, и хотятъ сдѣлать выше Ивана Великаго; статошное ли ето дѣло; то дѣлалось по благословенію Патріяршему,

а имъ какъ ето сдѣлать. Вѣра-та была тогда покрѣпче, во всемъ, другъ мой, надѣялись на Бога, а нынче она пошатнулась, по постамъ ѣдятъ мясо, и хотятъ сами все сдѣлать; а все ето проклятая некрестъ дѣлаетъ: отъ Нѣмцовъ житья нѣтъ! Какъ поводимся съ ними еще, такъ и намъ съ ними быть во адѣ. Пожаласта, Θалалеюшка, не погуби себя, не заводи съ ними знакомства: провались они проклятые. Нынче и за море ѣздить не запрещаютъ, а въ Кормчей книгѣ положено за ето проклятіе. Нынче все ничего; и коляски пошли съ дышлами, а и за ето такъ же положено проклятіе; не льзя только взятки брать, да проценты выше указанныхъ: ето имъ пуще пересола; а объ етомъ въ Кормчей книгѣ ничего и не написано: на моей душѣ проклятія не будетъ: я и по сію пору ѣзжу въ зеленой своей коляскѣ съ оглоблями. Меня отрѣшили отъ дѣлъ за взятки; процентовъ большихъ не бери, такъ отъ чего же разбогатѣть: вить не всякому Богъ дастъ кладъ: а съ мужиковъ ты хоть кожу сдери, такъ не много прибыли. Я кажется, таки и такъ не плошаю, да што ты изволишь сдѣлать: пять дней ходятъ они на мою работу, да много ли въ пять дней сдѣлаютъ: сѣку ихъ нещадно, а всіо прибыли нѣтъ; годъ отъ году всіо больше мужики нищаютъ: Господь на насъ прогнѣвался; право, Θалалеюшка, и ума ни приложу, что съ ними дѣлать.

Пріѣхалъ къ намъ сосѣдъ Брюжжаловъ, и привезъ съ собою какіе та печатные листочки, и будучи у меня читалъ ихъ. Что ето у васъ, Θалалеюшка, дѣлается, никакъ съ ума сошли всѣ дворяне? Чего они смотрятъ, да я бы ему проклятому и ребра живова не оставилъ. Што за Живописецъ такой у васъ проявился! какой-нибудь Нѣмецъ, а православный етова не написалъ бы. Говоритъ, что помѣщики мучатъ крестьянъ, и называетъ ихъ тиранами, а того проклятый и не знаетъ, што въ старину тираны бывали не крещеные, и мучили святыхъ: посмотри самъ въ Чети Минеи; а наши мужики вить не святые: какъ же намъ быть тиранами? Нынѣче же ето и ремесло не въ модѣ: скорѣе въ Воеводы добьешься, нежели во — Да полно, ето не наше дѣло. Изволитъ умничать, что мужики бѣдны: едакая бѣда: не ушто хочетъ онъ, чтобы мужики богатѣли, а мы бы дворяне скудѣли; да етова и Господь не приказалъ: кому нибудь одному богатому быть надобно, либо помѣщику, либо крестьянину: вить не всѣмъ старцамъ въ игумнахъ быть. И во святомъ писаніи сказано: Другъ другу тяготы носите, и тако испол-

ните законъ Христовъ: они на насъ работаютъ; а мы ихъ сѣчомъ, ежели станутъ лѣниться; такъ мы и равны — да на што они и крестьяне: его такое и дѣло, што работай безъ отдыху. Дайка имъ волю, такъ они и не вѣсть что затѣютъ. Вотъ те на, до чего дожили: только я на ето смотрѣть не буду: ври себѣ онъ што хочетъ: а я знаю что съ мужиками дѣлать[1])...

О коли бы онъ здѣсь былъ! то то бы потѣшилъ свой животъ: всѣ бы кости у него сдѣлалъ какъ въ мѣшкѣ. Што и говорить, дали волю: тутъ не бось не видятъ, и знатные господа молчатъ; кабы я былъ большимъ бояриномъ, такъ управилъ бы его въ Сибирь. Едакія люди за себя не вступятся! Вить и бояра съ мужиками та своими поступаютъ не по Нѣмецки, а все таки такъ же по Руски, и ихъ крестьяне не богатѣе нашихъ. Да што ужъ и говорить, и они свихнулись. Не далеко отъ меня деревня Григорья Григорьевича Орлова; такъ знаешь ли по чему онъ съ нихъ беретъ: стыдно и сказать, по полтара рубли съ души, а угодьевъ то сколько! и мужики какіе богатые; живутъ себѣ да и гадки не маютъ[2]), богатѣе инова дворянина; ну, а ты разсуди самъ, што отъ етова прибыли, што мужики богати; кабы перетаскалъ въ свой карманъ, такъ бы это полутче было: едакой умъ! то то, Ѳалалеюшка, не къ рукамъ едакое добро досталось. Кабы ета деревня была моя, такъ бы я по тридцати рублей съ нихъ бралъ, да и тутъ бы ихъ въ міръ еще не пустилъ; только што мужиковъ балуютъ. Ехъ! перевелись ста старые наши большіе бояра: то-та были люди, не только что со своихъ, да и съ чужихъ кожи драли. То-то пожили да поцарствовали, какъ сыръ въ маслѣ катались: и Царское, и Дворянское, и купеческое, все было ихъ; у всѣхъ кромѣ Бога отнимали; да и у того чуть тако не отни... А нынѣшніе господа што за люди, и себѣ добра не хотятъ. Што ужъ и говорить: все пошло на Нѣмецкой манеръ.

Нутка, Ѳалалеюшка, вздумай да взгадай, да поди въ отставку: полно другъ мой, вить ты уже послужилъ, лбомъ стѣну не проломишь; а коли не то, такъ хоть въ отпускъ пріѣзжай. Скосырь твой живъ и налетка; мать твоя бережетъ ихъ пуще своего глаза; намнясь налетку укусила было бѣше-

---

[1]) Я нѣчто выключилъ изъ сего письма; такія мнѣнія оскорбляютъ человѣчество. (Примѣчаніе редакціи журнала.)

[2]) И заботы не имѣютъ.

ная собака; да спасибо скоро захватили, ворожея заговорила. Ну да полно и было за ето людямъ. Сидоровна твоя всѣмъ кожу спустила: то-то проказница; я зато ее и люблю, што ужъ коли примется сѣчь, такъ отдѣлаетъ, перемѣнъ двенадцать подадутъ: попроситъ небось воды со льдомъ; да ето нѣтъ ничего, лутче смотрятъ. За симъ писавый кланяюсь. Отецъ твой Трифонъ, благословеніе тебѣ посылаю.

II. (Листъ 23.)

Сыну моему Θалалею.

Такъ-то ты почитаешь отца твоего, заслуженнаго и почтеннаго драгунскаго ротмистра? тому ли я тебя проклятаго училъ, и того ли отъ тебя надѣялся, что бы ты на старости отдалъ меня на посмѣшище цѣлому городу? Я писалъ къ тебѣ окаянному въ наставленіе, а ты ето письмо отдай напечатать. Погубилъ ты, супостатъ, мою головушку: пришло съ ума сойти! Слыханое ли ето дѣло, чтобы дѣти надъ отцами своими такъ ругались! Да знаешъ ли ты ето, что я тебя за непочтеніе къ родителямъ, въ силу указовъ, велю высѣчь кнутомъ: меня Богъ и Государь тѣмъ пожаловали: я воленъ и надъ животомъ твоимъ; видно что ты ето позабылъ! кажется я тебѣ много разъ толковалъ, что ежели отецъ или мать сына своего и до смерти убьетъ, такъ и за ето положено только церковное покаяніе. Эй сынокъ, спохватись! не сыграй надъ собой шутки: вѣть недалеко великій постъ, попоститься мнѣ немудрено; Петербургъ не за горами, я и самъ могу къ тебѣ пріѣхать. Ну, сынъ, я теперь тебя въ послѣдній разъ прощаю, по прозьбѣ твоей матери; ежели бы не она, такъ ужъ бы я далъ тебѣ знать себя. Я бы и ее не послушался, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впредь берегись: вѣть ежели ты окажешъ еще какое ко мнѣ непочтеніе, такъ ужъ не жди никакой пощады; я не Сидоровнѣ чета: у меня не одинъ мѣсяцъ проохаешь, лишь бы мнѣ только до тебя дорваться. Слушай же, сынокъ, коли ты хочешь опять прійти ко мнѣ въ милость, такъ просись въ отставку, да пріѣзжай ко мнѣ въ деревню. Есть кому и безъ тебя служить: пускай кабы не было войны, такъ бы хоть и послужить можно было, ето бы свое дѣло; а то вѣдь ты знаешь, что нынча время военное; неровно какъ пошлютъ въ армію, такъ пропадешъ ни за копейку. Есть пословица: Богу молись, а самъ не пло-

шись; убериська въ сторонку, такъ ето здоровѣе будетъ. Поди въ отставку, да пріѣзжай домой: ѣшь до сыта, спи сколько хочешь, а дѣла за тобой ни какова не будетъ. Чего тебѣ лутче етого? За честью, свѣтъ, не угоняешся; честь! честь! худая честь, коли нечего будетъ ѣсть! Пусть у тебя не будетъ Егорья, да будешъ ты за то поздоровѣе всѣхъ Егорьевскихъ Кавалеровъ. Съ Егорьемъ-то и молодые люди частехонько поохиваютъ, а которые постарѣе, такъ тѣ чуть дышутъ: у кого руки перестрѣляны, у кого ноги, у иного голова: такъ радостно ли отцамъ смотрѣть на дѣтей изуродованныхъ? и невѣста ни одна не пойдетъ...

III. (Листъ 24.)

Свѣтъ мой Ѳалалей Трифоновичъ!

Что ты ето, другъ мой сердечной, накудесилъ? пропала бы твоя головушка: вѣть ты уже не таперь знаешъ Панкратьевича: какъ ты себя не бережешъ; ну кабы ты бѣдниькой попался ему въ руки, такъ вѣть бы онъ тебя изуродовалъ пуще Божьева милосердія. Нечево, Ѳалалеюшка, норовок-атъ у нево, прости Господи, чертовской; ужъ я ли ему не угождаю, да и тутъ никогда не попаду въ ладъ. Какъ закуралѣситъ, такъ и святыхъ вонъ понеси. А ты батько мой, что ето сдѣлалъ, отдай письмо ево напечатать; вѣть ему всѣ сосѣди смѣются: экой де у тебя сынокъ, что и надъ отцомъ ругается. Да полно вѣть, Ѳалалеюшка, всѣхъ рѣчей не переслушаешъ; мало ли что лихіе люди говорятъ: Богъ съ ними; у нихъ свои дѣтки есть, Богъ имъ заплатитъ. Чужое-то робя всегда худо: наши лутче всѣхъ; а кабы оглянулись на своихъ дѣтокъ, такъ бы и не то еще увидѣли. Побереги ты мой батько самъ себя, не разсерди отца-то еще: съ нимъ и чортъ тогда уже не совладѣетъ. Отпиши къ нему поласковѣе, да хоть солги что нибудь, вѣть ето не какой грѣхъ, не чужова будешь обманывать, своево роднова; и всѣ дѣти не праведники: какъ передъ отцомъ не солгать. Отцамъ да матерямъ на дѣтей не насердиться: свой своему по неволѣ другъ.

Дай Богъ тебѣ, другъ мой сердечный, здоровье, а я лежу на смертной постелѣ: не умори ты меня безвременно: пріѣзжай къ намъ поскорѣе, хоть бы мнѣ на тебя насмотрѣться въ послѣдней разъ. Худо, другъ мой, мнѣ приходитъ: нечево, очень худо: обрадуй, свѣтъ мой, меня: ты вѣть

у меня одинъ одинехонекъ, какъ синей порохъ въ глазѣ, какъ мнѣ тебя не любить, кабы у меня было дѣтей много, то бы свое дѣло. Заставай, батька мой, меня живую: я тебя благословлю твоимъ Ангеломъ, да отдамъ тебѣ всѣ мои денжонки, которыя украдкою отъ Понкратьевича накопила: вѣть для тебя же мой свѣтъ; отец-атъ тебѣ нѣскòлько[1]) даетъ денегъ, а твое еще дѣло дѣтское, какъ не полакомиться, какъ не повеселиться: твои, другъ мой, такія еще лѣта, чтобы забавляться: мы и сами съ молоду таковы же бывали. Веселись, мой батюшка, веселись: придетъ такая пора, что и веселье на умъ не пойдетъ. Послала я къ тебѣ, Θалалеюшка, сто рублей денегъ, только ты объ нихъ къ отцу ничево не пиши; я ето сдѣлала украдкою, кабы онъ свѣдалъ про ето, такъ бы меня, свѣтъ мой, забранилъ. Отцы-та всегда таковы: только что брюжжатъ на дѣтей, а никогда не потѣшатъ. Мое, другъ мой, не отцовское сердце, материнское, послѣднюю копѣйку изъ за души отдамъ, лишь бы ты былъ веселъ и здоровъ. Батька ты мой, Θалалей Трифоновичъ; дитя мое умное, дитя разумное, дитя любезное, свѣтъ мой, умникъ, худо мнѣ приходитъ: какъ мнѣ съ тобою раставаться будетъ? На ково я тебя покину? Погубитъ онъ супостатъ мою головушку! етотъ старый хрычь когда нибудь тебя изуродуетъ. Береги, мой свѣтъ, себя, какъ можно береги: плетью обуха не перебьешъ; что ты съ едакимъ чортомъ, прости Господи, сдѣлаешъ. Пріѣзжай мой батька къ намъ въ деревню, какъ таки можно пріѣзжай: дай мнѣ на себя насмотрѣться: сердце мое послышало, что приходитъ мой конецъ. Прости мой батюшка, прости свѣтъ мой: благословеніе тебѣ посылаю, мать твоя Акулина Сидоровна, и нижайшій, мой свѣтъ, поклонъ приношу. Прости голубчикъ мой: не позабудь меня.

IV.

Любезному племяннику моему Θалалею Трифоновичу, отъ дяди твоего Ермолая Терентьевича низкой поклонъ и великое челобитье; и при семъ желаю тебѣ многолѣтнаго здравія и всякаго благополучія на множество лѣтъ, отъ Адама и до сего дне.

Было бы тебѣ вѣстно, что мы по отпускъ сего писма всѣ, слава Богу, живы и здоровы; такожъ и отецъ твой Трифонъ Панкратьевичъ здравствуетъ же, только Сидоровна, хозяйка

[1]) Немного.

его, а твоя мать, больно трудна: што подымешъ, то и есть, а сама ни на волосъ не поворохнется. Вчерась отнялись у нее руки и ноги, а теперь чай ужъ и не говоритъ; и при мнѣ-та такъ ужъ черезъ мочь только намекала. Она заочно благословила тебя твоимъ Ангеломъ, да Фарсульской Богородицею[1]), а меня Неопалимой. Ну братъ племянникъ, мать-то твоя и передъ смертью не тароватѣе стала! Оставила на поминъ душѣ такой образъ, что и на полтора рубля окладу не наберется. Невидальщина какая! у меня образовъ-та и своихъ есть сотня мѣста, да не едакихъ, какъ жаръ вызолочены; а ета братъ Неопалима, подлинно что не опалитъ, и окладишко весь почернѣлъ: Богъ съ нею! Спасибо хоть за то, что она въ полномъ умѣ исповѣдалась и масломъ особоровалась; хоть и умретъ, такъ ужъ по Христіянски. Дай Богъ всякому такую кончину! Да и тутъ, Ѳалалеюшка, кабы не я, такъ бы развѣ глухою исповѣдью[2]) исповѣдывать. Ужъ я ей говорилъ: Эй Сидоровна исповѣдайся: вѣть уже ты въ гробъ глядишъ; такъ нѣтъ-ста на силу прибили. А какъ приспичило, такъ давай, давай попа, да ужъ за то въ одинъ день трижды исповѣдалась. Знать что у нее многонько грѣшковъ-то скопилось. Приводили и ворожей: нечево, спасибо твоему отцу, не поскупился; да ничего не помогли. А послѣ исповѣди привели было еще одного, да ужъ и Сидоровна сама не захотѣла напрасно тратить деньги. Кому жить, Ѳалалеюшка, такъ будетъ притоманно[3]) живъ, а кому умереть, тому и ворожеи не пособятъ. Животомъ и смертью Богъ владѣетъ. Аще ежели ему угодно будетъ прекратить дни ея, то пріѣзжай погребсти грѣшное тѣло ея. Да и кромѣ того намъ до тебя есть дѣло.

Ну, Ѳалалеюшка! вѣть матушка твоя скончалась: поминай какъ звали. Я только теперь получилъ объ етомъ извѣстіе: отецъ твой сказываютъ, воетъ какъ корова. У насъ всегда такъ: которая корова умерла, такъ та и къ удою была добра. Какъ Сидоровна была жива, такъ отецъ твой бивалъ ее какъ свинью, а какъ умерла, такъ плачетъ, какъ будто по любимой лошади.

Пріѣзжай, другъ мой, Ѳалалеюшка, пріѣзжай Бога ради поскорѣе, хоть не на долго, а буде можно, такъ и вовсе.

---

[1]) Вмѣсто «Корсунской».

[2]) Больнымъ, не владѣющимъ уже рѣчью, священникъ шепчетъ на ухо грѣхи, а они знакомъ подтверждаютъ свое раскаяніе.

[3]) Непремѣнно.

Ты самъ увидишъ, што тебѣ дома жить будетъ веселѣе Петербургскова. А буде не угодно, то хоша туда просись, куда я тебѣ присовѣтую, сирѣчь къ приказнымъ дѣламъ, да только гдѣ похлѣбнѣе, на прикладъ, въ экономическіе казначеи, или въ управители дворцовыхъ волостей, или куда нибудь къ подрядчымъ, либо таможеннымъ дѣламъ. Въ такихъ мѣстахъ кому не удалось побыть, такъ всѣ, Богъ съ ними, сытехоньки стали. Иной уже теперь и въ каменныхъ палатахъ живетъ, а которые ни одной души за собою не имѣли, тѣ уже нажили сотни и по двѣ-три. Не въ проносъ сказать[1]) о нашемъ Авдулѣ Еремѣевичѣ: хотя онъ и не долго пожилъ при монастырскихъ крестьянахъ, да уже всѣхъ дочекъ выдалъ за мужъ. За одной, я слышелъ, чистыми денежками десять тысячь далъ, да деревню тысячь въ пять. А не совсѣмъ-таки раззорился: Богъ съ нимъ, про себя еще осталось. А кабы да ево не смѣнили, такъ бы онъ и гораздо понагрѣлъ руки около нынѣшнихъ рекрутскихъ наборовъ. Знать, что тѣхъ молитва дошла до Бога, которые въ ету пору опредѣлились. Не житье имъ, масляница. Я бы ста и самъ непобрезговалъ пойти въ едакіе управители. Перепало бы кое что и мнѣ въ карманъ: кресты да перстни, всіо тѣже деньги, только умѣй концы хоронить. Я и по нынѣ еще всіо старинькимъ живу. Кто передъ Богомъ не грѣшенъ? Кто передъ Царемъ не виноватъ? не нами свѣтъ начался, не нами и окончается. Что въ людяхъ ведіотся, то и насъ не миніотся. Лишь только подѣлись, Ѳалалеюшка, такъ и концы въ воду. Не ужъ-то всѣхъ станутъ вѣшать? въ чемъ кто попадется, тотъ тѣмъ и спасіотся. Грѣхъ да бѣда на кого не живіотъ? Я и самъ попался было однажды подъ судъ; однако дѣло-то пошло иною дорогою, и я очистился, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ. Но кабы ты самъ сюда пріѣхалъ, такъ бы мы обо всіомъ поговорили лутче на словахъ; а писать-то страховато, неровно кому попадется въ руки, такъ напляшесся до сыта. При семъ во ожиданіи тебя, остаюсь дядя твой Ермолай.

И ТО И СІО.

Издателемъ журнала «И то и сіо» былъ Мих. Дмитр. Чулковъ; онъ, не кончивъ курса въ Московскомъ университетѣ, поступилъ на службу и былъ сенатскимъ секретаремъ.

[1]) По секрету, между нами.

Чулковъ былъ любителемъ народной старины, собирателемъ народныхъ сказокъ и пѣсенъ, даровитымъ разсказчикомъ, не безъ юмора, и очень плодовитымъ писателемъ. Его взглядъ на сатиру опредѣляется слѣдующими словами его журнала: «Слогъ ея долженъ быть простъ, воленъ, коротокъ и язвителенъ, и больше всего сочинитель оной долженъ показывать въ ней всю свою кротость, имѣть совершенное познаніе человѣческихъ свойствъ, играть весьма пріятно словами, исправлять человѣческіе нравы и научать ихъ доброму — въ шуткахъ» (36 нед., стран. 2).

По направленію журналъ былъ близокъ ко «Всякой Всячинѣ», которую называлъ «родною сестрою», а даже отчасти подражалъ ей въ заглавіи.

Наиболѣе интересную сторону журнала представляетъ рядъ стихотвореній, въ которыхъ внимательный читатель можетъ замѣтить предвѣстіе поэтическихъ формъ XIX вѣка, и попытки собирать народныя гаданія, повѣрья, пѣсни: въ нихъ просвѣчиваетъ стремленіе къ изученію народности и сочувствіе народной поэзіи. Это одна изъ серіозныхъ чертъ литературы Екатерининскаго времени.

СЕДЬМАЯ НЕДѢЛЯ.

Эпиграммы.

Полезенъ ли Театръ, и чиститъ ли онъ нравы,
Иль только что однѣ приноситъ намъ забавы,
Коль спроситъ кто меня о семъ,
скажу,
и докажу
ему о всемъ,
и прямо:
а какъ?
вотъ такъ,
Какъ испытаніе доказываетъ само:
Для умныхъ служитъ онъ къ познанью вмѣсто вратъ,
Для глупыхъ игрище, гульбище и развратъ[1]).

ВТОРАЯ НАДЕСЯТЬ НЕДѢЛЯ.

Сонетъ.

О небо! для чего родился человѣкъ?
Не для товоль, чтобъ весь онъ мучился свой вѣкъ:
Болѣзни, нищету, и зло претерпѣвая,
Гнушался живота, кончину призывая?

[1]) Стихотвореніе написано Мих. Вас. Поповымъ. М. В. Поповъ — писатель изъ народа, выведенный въ люди Ф. Г. Волковымъ. Онъ учился нѣкоторое время въ Шляхетскомъ корпусѣ, былъ однимъ изъ секретарей въ комиссіи 1767 г. Впослѣдствіи много писалъ въ журналахъ, собиралъ народныя пѣсни, занимался изученіемъ славянской мифологіи. Послѣдніе его труды не имѣютъ научнаго значенія

***

Ахъ, нѣтъ! конечно намъ всещедро божество,
Не для мученія послало существо;
И разумъ нашъ, его преславное творенье,
Не ко вреду намъ данъ, но въ пользу и спасенье.

***

Сей миръ, прекрасный миръ, источникъ нашихъ дней,
Исполненный всѣхъ благъ къ довольствію людей,
Устроенъ намъ творцомъ Едемскимъ райскимъ садомъ:

***

Но наши глупости, пороки, суета,
И умствованій злыхъ и гордыхъ пустота,
Преобратили намъ его изъ рая адомъ.

***

Эпитафіи[1]).

Подъ кучкой здѣсь зарытъ пречестный человѣкъ:
Онъ обществу служилъ во весь свой долгій вѣкъ;
Отъ зависти самой имѣлъ похвалъ вѣнецъ,
И украшеніемъ природы почитался;
но на конецъ,
За всѣ свои труды, отъ голода скончался.

***

Въ гробницѣ сей лежитъ преславнѣйшій купецъ,
И вотъ какихъ онъ былъ товаровъ продавецъ:
Не рыбъ и не скотовъ, не птицъ и не звѣрей;
Да чтожъ онъ продавалъ? людей.

ЧЕТЫРЕДЕСЯТЬШЕСТАЯ НЕДѢЛЯ.

Время еще не приспѣло, и святки отъ насъ еще далеко, но нетокмо что за шесть недѣль, но за два мѣсяца или съ лишкомъ начинаютъ грѣзиться сны краснымъ дѣвицамъ, и святки представляются имъ гораздо прежде, нежели они настали. Итако угождая сему прекрасному полу начинаю дѣ-

[1]) Объ эпитафіи написаны М. В. Поповымъ.

лать о немъ предувѣдомленіе. Знающіе дѣвицы всѣ оные обряды могутъ увеселяться моимъ упоминовеніемъ, а которые совсѣмъ ихъ позабыли, тѣ могутъ припомнить. Куда ни обернись, вездѣ есть польза.

Сверхъ же сего остается уже немного времени продолжать мнѣ мой Еженедѣльникъ, и такъ долженъ я непремѣнно поговорить о такихъ обрядахъ, которыхъ никакъ мнѣ миновать не можно, да еще и не должно; потомъ предложить нѣсколько объ игрищахъ, а наконецъ сдѣлать заключтеніе съ почтеніемъ выпросивъ извиненіе у читателя, съ нимъ и съ Еженедѣльникомъ проститься.

Во первыхъ долженъ я написать всѣ оные обряды по порядку, а потомъ изъяснять ихъ каждый порознь, чтобъ лучшее о нихъ понятіе имѣли.

1. Поютъ дѣвушки, такъ называемыя, подблюдныя пѣсни.
2. Сидя въ пустой горницѣ, смотрятся въ зеркало.
3. Ходятъ въ пустую горницу ужинать.
4. Носятъ кожу коровью или коневью къ пролуби и тамо садятся на нее, очертясь кругомъ отъ пролуби[1]).
5. Льютъ олово или свинецъ.
6. Слушаютъ подъ окнами.
7. Выходятъ за вороты съ первымъ кускомъ, спрашиваютъ у мимоидущаго объ имени.
8. Полютъ снѣгъ.
9. Берутъ изъ полѣнницы полѣно.
10. Снимаютъ куръ съ насести.
11. Слушаютъ, сидя у окна въ горницѣ.
12. Вывѣшиваютъ бѣлое полотенцо изъ окошка ночью.
13. Слушаютъ у церкви.
14. Дѣлаютъ изъ прутиковъ мостикъ, и кладутъ ево подъ подушку во время ихъ сна.
15. Ядятъ пересолъ въ то время, какъ ложатся спать.
16. Разкладываютъ бобы и тыковные сѣмена.

---

[1]) Въ томъ же журналѣ помѣщено слѣдующее подробное описаніе этого гаданія: По пропѣніи подблюдныхъ пѣсенъ, и по окончаніи другихъ такихъ церемоній, вздумалось хозяину на чертяхъ покататься. А сіе катаніе происходитъ такимъ образомъ. Берутъ дѣвушки воловью кожу, таскаютъ ее къ пролуби, и тамо сѣвши на нее, очерчиваются огаркомъ, нарочно къ тому изготовленнымъ, а оный огарокъ великую имѣетъ силу, понеже горитъ онъ въ такой день, который называется у дѣвушекъ особливымъ для открытія ихъ участи. Изъ пролуби же выходятъ водяные демоны, и возятъ ихъ столько, сколько имъ угодно, и во время оное гадаютъ дѣвушки не о чемъ объ иномъ, какъ только о своихъ женихахъ.

17. Ворожатся на картахъ.
18. Слушаютъ въ банѣ.
19. Ходятъ въ сараи гдѣ стоятъ свиные туши.
20. Бросаютъ башмаки со двора черезъ ворота.
21. Ходятъ на перекрестокъ съ зеркаломъ.
22. Садятся на лошадь и завязываютъ ей глаза.
23. Сажаютъ пѣтуха и курицу подъ решето, связавши ихъ хвостами.
24. Слушаютъ у житницы.
25. Вывѣшиваютъ ключи за окошко..
26. Кладутъ подъ головы гребень.
27. Аукаютъ, выбѣгая изъ двора.
28. Ложатся на взничь въ снѣгъ.
29. Кладутъ подъ столъ три шапки.
30. Сучатъ нитки и пускаютъ въ воду.

ПЯТИДЕСЯТАЯ НЕДѢЛЯ.

Пріятелю моему показалися[1]) подблюдныя пѣсни, и тако въ ево удовольствіе поставлю я ихъ еще нѣсколько, какъ для ево увеселенія, такъ и во удовольствіе читателя.

1.

У Спаса въ Чигасахъ за Яузой — — — Слава .
Живутъ мужики богатые;
Гребутъ золото лопатами,
Чисто серебро лукошками.

2.

Ахъ ты зерно, ты зерно бурмитское,
Еще нѣтъ на тя, зерно погибѣли,
Изъ пѣпла — тя, зерно вѣтры вывѣютъ,
Изъ сору-тя куры выгребутъ.

3.

Соколъ летитъ изъ улицы,
Соколинка изъ проулочка,
Слеталися, цѣловалися,
Сизымъ крыльямъ обнималися.

[1]) Понравились.

4.

Ахъ какъ на небѣ у насъ да двѣ радуги,
Ахъ какъ на дворѣ у насъ да двѣ радости,
Отецъ сына женитъ, дочку замужъ даетъ,
Еще коробьи съ двора, сундуки на дворъ.

5.

Стоятъ сани снаряжены,
И полсткою подернуты,
Только сѣсти въ нихъ да поѣхати.

6.

Ахъ ты мати, ты мати, порода моя,
Еще выгляни, мати, въ окошечко,
Ахъ ты выкини, мати, опутинку,
Еще чѣмъ мнѣ опутать ясна сокола.

7.

Мышь пищитъ,
Коровай тащитъ,
А еще попищитъ,
И другой утащитъ.

8.

Чарочка поплывушечка,
До чево тебѣ доплавати,
Пора ужъ тебѣ да и вонъ выплывать,
Князьямъ и боярамъ вино подносить.

9.

Взойду я, взойду на круту гору,
Ахъ какъ стану я, стану повыше людей,
Еще станутъ мнѣ люди завидовати.

10.

На корытѣ сижу,
Я корысти гляжу,
Я еще посижу,
Я еще погляжу,
Ахъ какъ погодя маленько корысть на дворъ,
Какъ корысть на дворъ, сто рублевъ на столъ.

11.

Покачу колечко кругомъ города,
Я за тѣмъ ли колечкомъ сама пойду,
Какъ сама пойду, мила лада найду.

12.

Ласточка косатая,
Ты не вѣй гнѣзда въ высокомъ терему,
Веть не жить тебѣ здѣсь и не лѣтывати.

13.

Куръ идетъ на сени
И курка съ нимъ.
Куръ клюетъ пшеницу
И курка съ нимъ.
Куръ пьетъ сытицу
И курка съ нимъ.

14.

Катилося зерно по бархату,
Прикатилася зерно ко яхонту.
Крупюнь жемчугъ со яхонтомъ,
Хорошъ женихъ съ невѣстою.

Припѣвъ къ каждой пѣсни:

Да кому мы спѣли, тому добро,
Кому вынится скоро збудется.

51 и 52 НЕДѢЛЯ[1]).

Удивительно мнѣ очень, что я самъ узнаю свои погрѣшности и теперь вижу ясно, что какъ въ похвалѣ, такъ и въ похуденіи себя я неумѣренъ. Еще довлѣетъ мнѣ сказать нѣчто, за сіе похвалы или хулы я достоенъ, сево уже не знаю, во всемъ моемъ изданіи трудился я одинъ безъ всякой себѣ помощи выключая нѣкоторое весма малое, которое и по слогу узнаетъ читатель, что оно не мое, а при-

[1]) Заключительная глава журнала.

несено ко мнѣ рокомъ, какъ такою птицею, которая съ земли носитъ въ луну понятія и умы человѣческія, только уже оттуда не сноситъ къ намъ ни единаго.

Въ заключеніе всего, господинъ читатель, естьли я не принесъ тебѣ увеселенія моимъ журналомъ; а о пользѣ я не говорю; по причинѣ той, что и отовсѣхъ нашихъ выдумокъ не получилъ ты никакой пользы: то покрайнѣй мѣрѣ, нежелаю препятствовать всякому веселится, кто чемъ поизволитъ, потому что чужое увеселеніе пороку мнѣ неприноситъ; такъ какъ и мой журналъ не приносилъ, не приноситъ и не принесетъ никому и никакой пользы, по пословицѣ: Есть дѣ что послушать, да нечего покушать. И тако что ни разумѣлъ, то всіо высказалъ и теперь ничево уже не знаю.

Эпитафія и Тому и Сему.

Не тѣло мертвое сей камень покрываетъ,
Не для того на мѣстѣ семъ лѣжитъ;
Идущему напоминаетъ,
Что и ему какъ мнѣ умрети надлѣжитъ.
Прохожій, естьли ты съ умомъ,
Вздохни; однако не о томъ,
Что я уже скончался,
Вздохни, что ты еще на свѣтѣ семъ остался.

---

19. А. О. Аблесимовъ.

Александръ Онисимовичъ Аблесимовъ — извѣстный писатель XVIII вѣка, сынъ небогатаго помѣщика, участникъ «Трудолюбивой Пчелы», «Всякой Всячины» и «Трутня».

На него обратила общее вниманіе его комическая опера «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ, въ трехъ дѣйствіяхъ», представленная на Московскомъ театрѣ въ первый разъ въ 1779 году. Въ «Драматическомъ Словарѣ» о ней сказано: «Сія пьеса столько возбудила вниманіе отъ публики, что много разъ сряду была играна, и завсегда театръ наполнялся: а потомъ въ С.-Петербургѣ была представлена много разъ у Двора и въ случившемся на тогдашнее время вольномъ театрѣ у содержателя Книпера была играна сряду 27 разъ; не только отъ національныхъ слушана была съ удовольствіемъ, но и иностранцы любопытствовали довольно; коротко сказать, что едва ли не первая русская опера имѣла столько восхитительныхъ спектаторовъ и плесканія». Хотя высшіе слои петербургскаго общества въ то время и смотрѣли

нѣсколько свысока на комическія оперы, выводившія на сцену простую, народную жизнь, но пьесы этого рода на ряду съ мѣщанской драмой («Евгенія» Бомарше) уже завоевывали себѣ тогда положеніе, и «Мельникъ» пробилъ себѣ дорогу всюду: и въ аристократическіе круги и въ широкіе круги общества. Аблесимовъ, любившій народныя сказки и пѣсни, даетъ въ своей оперѣ много пѣсенъ или народныхъ, или сочиненныхъ въ народномъ вкусѣ. Этой своей стороной пьеса примыкаетъ къ тому народному направленію въ русской литературѣ, которое уже опредѣленно становится замѣтно въ Екатерининское время. Содержаніе пьесы состоитъ въ томъ, что ловкій мельникъ, путемъ якобы колдовства, устраиваетъ свадьбу двухъ любящихъ другъ друга — крестьянской дѣвушки Анюты и парня Филимона — и хитро обходитъ для этого противящихся браку родителей Анюты.

МЕЛЬНИКЪ КОЛДУНЪ, ОБМАНЩИКЪ И СВАТЪ.

Дѣйствующія лица:

Анкудинъ, крестьянинъ.
Фетинья, жена его.
Анюта, дочь ихъ.
Филимонъ, женихъ Анютинъ.
Ѳаддей, мельникъ — колдунъ, обманщикъ и сватъ.
Нѣсколько подругъ Анютиныхъ.

Дѣйствіе въ деревнѣ.

Представлено въ первый разъ въ Московскомъ театрѣ 20-го генваря 1779 года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ съ одной стороны лѣсъ, вдали по холмамъ малыя деревеньки, съ другой стороны — мельницу и при ней телѣги съ мѣшками. Напереди жъ всего дерево.

Явленіе 1-е.

Мельникъ *(одинъ. Онъ, стругая доску, поетъ только тонъ пѣсни безъ рѣчей и музыки. Потомъ говоритъ).* Какая бишь это пѣсня?... Да: «Какъ вечоръ у насъ со полуночи»... такъ... *(начинаетъ пѣть на этотъ тонъ пѣсню, продолжая самъ свою работу).*

Какъ вечоръ у насъ со полуночи,
Со полуночи до бѣла свѣта...

Какой проливной было пошелъ дождикъ, да пересталъ скоро. *(Также поетъ и продолжаетъ работу.)*

На зарѣ-то было да на утренней,
На закатѣ вѣдь свѣтлаго мѣсяца...

Ну ужъ былъ вѣтеръ! то-то, слышь ты, дулъ сильно, что чуть бола[1]) и мельницу-то мою совсѣмъ не спрорушилъ; въ пень бы я сталъ, да спасибо! хоть исковеркалъ, да немного; а хоть и немного, да надѣлалъ дѣла *(приноравливаетъ доску)*. Ну, будетъ ладно, пойдетъ опять заново. *(Подошедъ къ оркестру.)* Смѣшно, право, какъ я вздумаю: говорятъ, будто мельница безъ колдуна стоять не можетъ, и уже-де мельникъ всякій не простъ: они-де знаются съ домовыми, и домовые-то у нихъ на мельницахъ какъ черти ворочаютъ... Ха! ха! ха!.. какой сумбуръ мелютъ? а я, кажется, самъ коренной мельникъ: родился, выросъ и состарился на мельницѣ, а ни одного домовова сроду въ глаза не видывалъ. А коли молвить матку-правду, то кто смышленъ и гораздъ обманывать, такъ вотъ все и колдовство тутъ... Да пускай што хотятъ они, то и бредятъ, а мы наживаемъ этимъ ремесломъ себѣ хлѣбецъ.

Кто умѣетъ жить обманомъ,
Всѣ зовутъ того цыганомъ;
А цыганскою ухваткой
Прослывешь колдунъ угадкой.
И колдовки колотовки,
Тѣ же дѣлаютъ уловки.
Много всякаго есть сброду:
Наговариваютъ воду,
Рѣшетомъ вертятъ мірянамъ
И живутъ такимъ обманомъ.

Какъ и азъ грѣшный!...

Явленіе 2-е.

Филимонъ и прежній.

Мельникъ *(его увидя)*. А!.. это ко мнѣ гость. На сей день будетъ поживка. *(Къ Филимону.)* Путь-дорога доброму молодцу!

Филимонъ. Челомъ бью, старинушка.

Мельникъ. Издалеча-ль бредешь, куда путь держишь?..

Филимонъ. Не пуще дальное дѣло.

Мельникъ. Да волею или неволею?

Филимонъ. Коней ищу: савраско да гнѣдко вдвоемъ куда-то запропастились; а кони-та, кони-та какіе добрые были. *(Особливо.)* Это онъ-та ворожейка: попытаюсь у него поколдоваться. *(Къ мельнику.)* Што, старинушка, хочу спросить тебя...

[1]) Вм. «было»: м. б. попытка передать фонетически народный говоръ.

Мельникъ. О чемъ поволишь? изволь-ста, мы ваши работники.

Филимонъ. Доброе дѣло... и мы вамъ плательщики... И такъ поворожи мнѣ: найдутся ли мои кони?

Мельникъ. Найдутся ли кони?...

Филимонъ. Такъ, старинушка; мнѣ объ нихъ очень хочется свѣдать.

Мельникъ. А вотъ этакъ, напримѣръ, какъ? будетъ ли отъ тебя што? *(подставляетъ руку).*

Филимонъ. Напередъ угадай, дѣдушка, а тамъ мы посмотримъ.

Мельникъ *(отворачивается, сердится и начинаетъ петь).*

Угадать,
Не устать;
Да какъ дѣло плоховато,
Такъ и платятъ торовато.

Филимонъ. Да я тебѣ старинушка, плательщикъ буду...

Мельникъ.
На посулѣ,
Какъ на стулѣ,
Посидя да не поѣшь,
Такъ животъ не будетъ свѣжъ.

Филимонъ. Ни изъ чево не солгу, повѣрь пожалуй...

Мельникъ.
Въ тотъ чередъ,
Напередъ
Эти басни не подъ нужу,
Вынь-ка мошну-та наружу,
И пустова не болтай,
Да намъ денежки считай.

(Подставляетъ руку, смотря ему въ глаза.)

Филимонъ. Ну, коли такъ, изволь пожалуй: мы вамъ и напередъ дадимъ посильно мѣсто копеекъ.

Мельникъ. Это только-та?

Филимонъ. Будетъ покамѣстъ: чево больше?

Мельникъ *(особо).* Ладно, ты безъ полтинки-та отъ меня не отъѣдешь.

Филимонъ. Што-жъ ты мнѣ скажешь?

Мельникъ. А какъ теперь на дворѣ — рано?

Филимонъ. Не больно еще поздно, и солнце за лѣсъ не сѣло.

Мельникъ. Перевернись жа три раза по солнцу.

Филимонъ. Што бы такъ?

Мельникъ. Што бы такъ!... въ ворожбѣ это нада... Ну, дѣлай што велятъ!...

Филимонъ. Во твою угоду мы и повернемся. *(Вертится одинъ разъ.)*

Мельникъ. Еще противъ солнца.

Филимонъ *(вертясь)*. Еще таки и противъ солнца.

Мельникъ. Теперь стань вотъ къ этому дереву. *(Филимонъ хочетъ идти, а мельникъ говоритъ.)* Нѣтъ, нѣтъ, постой... есть ли у тебя платъ?

Филимонъ *(вынимаетъ платокъ)*. Есть, вотъ.

Мельникъ. Зажми-жа глаза плотно... завяжи платомъ крѣпче... еще крѣпче... Ну! ладно... теперь слушай жа: стой да нишкни, съ мѣста не двигайся и никому не аукайся, а я пойду къ старшому...

Флимонъ. *(Исполняя все, что мельникъ ему ни приказывалъ.)* А буде кто безъ тебя ко мнѣ придетъ и станетъ меня спрашивать: зачѣмъ-де ты стоишь такъ, добрый молодецъ, ясныя твои очи завязаны?...

Мельникъ. Ни съ кѣмъ ни словечка; а ворчи, коли хочешь, про себя.

Филимонъ. А пѣсню спѣть въ потребу ли будетъ?

Мельникъ. Всполошишь всѣхъ; не нада.

Филимонъ *(про себя)*. Эдакая причина!

Мельникъ. Стой жа плотно.

Филимонъ. Инъ добро, быть такъ.

(Мельникъ, отходя отъ Филимона, примѣчаетъ его движенія; а онъ покушается глаза немного открыть. Мельникъ, воротясь, подходитъ крадучись и говоритъ съ сердцемъ.)

Мельникъ. Тють!... Тють!... што ты это чудесишь?... этакой рахманной, вѣдь испужаешься... *(Взявъ его за руку.)* Поди за мною... стой, ухватись вотъ за это дерево *(потомъ очерчиваетъ его мѣломъ)*. Ну, стой жа, слышь ли ты, плотно, не трошься и за черту ни ногою, а то быть худу... *(Отходитъ.)*

Явленіе 3-е.

Филимонъ *(одинъ. Онъ, приклоняя голову въ ту сторону, куда мельникъ ушелъ, слушаетъ)*. Слышится, колдунъ ушелъ... такъ, ушелъ теперь. Што-та онъ мнѣ скажетъ... Ну, да што ни будетъ, то будетъ!... *(открываетъ немного глаза)*. Да... нѣтъ... ужъ меня, ничего не видя, отъ страху

какъ будто морозъ по кожѣ подираетъ... Што-жъ мнѣ дѣлать? ничего иного, какъ орать что есть мочи... Нѣтъ! стану курныкать помаленьку, только штобъ не такъ страшно-то мнѣ было.

Не тронемся, не ворохнемся,
Не кликнемся, не аукнемся;
Спою пѣсню; да какую-жъ я спою?...
А! любиму свою...

(Музыка зачинаетъ, а въ это время, какъ Филимонъ готовится пѣть.)

Явленіе 4-е.

Мельникъ и прежній.

(Мельникъ выноситъ жернова, ставитъ ихъ у мельницы.)

Филимонъ *(продолжаетъ пѣть на голосъ: «Какъ ходилъ, гулялъ молодчикъ»).*

Вотъ спою какую пѣсню:
Ходилъ молодецъ на Прѣсню,
Подъ вечерокъ,
Путь недалекъ.
Ходилъ молодецъ на Прѣсню
Изъ Сесвяцкова села,
Подъ вечерокъ,
Путь недалекъ.
Изъ Сесвяцкова села,
Красна дѣвка тамъ жила,
Дѣвка душа,
Тамъ хороша.
Красна дѣвка тамъ жила,
Молодца съ ума свела.

(Мельникъ вертитъ жерновомъ и симъ дѣлаетъ шумъ; а Филимонъ, продолжая пѣть, пугается).

Дѣвка...ду...ша
Тамъ...хо...ро...ша...

(Оканчиваетъ дикимъ голосомъ.)

Мельникъ. Разступись, вода!... растворись, мельница!... явись ко мнѣ сѣдой демонъ!... *(вертитъ опять жерновомъ сильнѣе и производитъ шумъ).*

Филимонъ *(дрожитъ).* Чуръ меня!... чуръ меня!... съ нами невидимая сила...

Мельникъ *(подбѣгая къ Филимону).* Ухватись, ухватись за дерево плотнѣя.

Филимонъ *(хватаясь за дерево, самъ дрожитъ).*

Мельникъ *(обходя его кругомъ).* Будутъ кони?... будутъ кони?... Таки будутъ?... *(Сиповатымъ голосомъ.)* «Нѣтъ, не будутъ». *(Обходитъ другой разъ.)* Придутъ кони?... Таки придутъ ли кони?... *(Также сиповато.)* «Нѣтъ, не придутъ». Што за дьявольщина! *(Обходитъ третій разъ.)* Найдутся ли кони?... да найдутся ли кони?... *(Притворнымъ голосомъ съ сердцемъ.)* «Хоть найдутся, да не скоро»... *(своимъ голосомъ.)* Исчезни-жъ, окаянной!... *(Самъ подбѣгаетъ опять къ жернову и вертитъ оный, потомъ, подошедъ къ Филимону.)* Теперь поди сюда, развяжи глаза и не бойся ничего.

Филимонъ *(развязавъ глаза).* У!... *(дрожа поетъ).*

О ты, дѣдушка Ѳаддей!
И ты сильной ворожища!
Ты могучій чародѣй.

Мельникъ. Кабы ковшъ теперь пивища:
Я въ него бы поглядѣлъ,
То надѣлалъ бы ужъ дѣлъ.

Филимонъ. Ты намъ, дѣдушка, помога,
У кого кручины много.

Мельникъ. *(особо).* Я тѣмъ, дѣтушка, помога,
У кого есть денегъ много.

Оба
Филимонъ. Ты намъ, дѣдушка,
Мельникъ. Я вамъ, дѣтушки, } помога.
Филимонъ.
Мельникъ. } У кого } кручины / есть денегъ } много.

Филимонъ. И такъ, дѣдушка, пропали мои кони?...

Мельникъ. *(поетъ).* Я вамъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много.

Филимонъ. Што-жъ ты мнѣ скажешь?
Мельникъ. *(еще поетъ).* Я вамъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много.

Филимонъ. Да вотъ, пожалуй, я и ещо дамъ тебѣ денегъ, только отгадай мнѣ *(даетъ ему денегъ).*
Мельникъ *(заикаясь).* А!... а кармливалъ ты ихъ овсомъ?
Филимонъ. О! нѣтъ, они съ роду зерна не видали.
Мельникъ. Ну, такъ вѣкъ не найдутся...
Филимонъ. Этакое мое горе!

Мельникъ. Постой ещо... подай-ка мнѣ свою руку! *(Филимонъ кажетъ руку, а мельникъ водитъ по ладони пальцемъ.)* Такъ, въ твоей рукѣ ихъ нѣту; только корысть будетъ, лихихъ людей переможешь; а на сердце кручина пала...

Филимонъ *(особливо)*. Какъ сказали объ немъ, такъ и подлинно, што онъ все подноготное узнаваетъ!

Мельникъ. Погляди-ка сюда пряменько!... што-та есть у тебя на мысли?...

Филимонъ. Охъ! старинушка, есть... да боюсь молвить.

Мельникъ. Небось, небось, повѣдай мнѣ свою крѣпкую думу, авось-либо въ чемъ и пособить можно.

Филимонъ. Нѣтъ, дѣдушка, кажется, несбыточное дѣло, и статца-та этому не можно.

Мельникъ. Не болтай пустова.

Филимонъ *(поетъ на голосъ: «Западала путь-дороженька моя»)*.

Я повѣдаю тоску-печаль ему;
Отчего такъ больно сердцу моему;
Вѣдь онъ сильный ворожища
И мнѣ стался быть дружища,
Такъ я думушку свою
Передъ нимъ не потаю...

Мельникъ. Не утай, не утай ничево, а мы посмотримъ, какъ пособить будетъ можно.

Филимонъ. Ну, инъ быть такъ; правду молвить, я прибрелъ-бола къ тебѣ кручину свою размыкать; придумай, пригадай мнѣ, я задумалъ доброй молодецъ жениться и пришла мнѣ одна красная дѣвица по обычью; да вотъ бѣда моя! отецъ и мать ее другъ съ другомъ не согласны: старухѣ какъ-то изстари случилось быть дворянскаго отродья; а выдана въ крестьянство по-неволѣ; старикъ-атъ вѣдь и хочетъ дочку выдать за дѣтину хлѣбопашца, а старуха-хлопотунья за дворянскова сыночка... и за то-та мужъ съ женою и хлопочутъ.

Мельникъ. О! о! это плёвое дѣло; я смекнулъ какъ быть этому: дѣвка будетъ наша! Что за работу?

Филимонъ. Четверть доброй ржи старинушкѣ челомъ бью.

Мельникъ. Ну-тка по рукамъ... ладно!...

(Поетъ на голосъ: «Вы ръченьки, ръченьки».)

Не кручинься, молодецъ,
Горю сдѣлаемъ конецъ,

Назову тебя я братомъ
И пойду къ невѣстѣ сватомъ,
Ты объ этомъ не тужи,
Припасай лишь четверть ржи.

Филимонъ. О томъ, дѣдушка, ни слова,
Будетъ рожь тебѣ готова;
О дарахъ ты не тужи,
Дѣломъ самъ лишь не держи.

Мельникъ. Я тебѣ жену добуду,
Иль я мельникъ въ вѣкъ не буду!..

Филимонъ. Чудеса ты все творишь,
Какъ рублемъ меня даришь.

Мельникъ. Мы пойдемъ приготовляться,
Какъ съ невѣстой повидаться...

Филимонъ. Пойдемъ къ дѣлу поспѣшать.

Мельникъ. Пойдемъ свадьбу затѣвать.

Оба. А чтобъ быть намъ посмѣлѣя
И приттить повеселѣя,
Такъ зайдемъ мы въ кабачекъ:
Тяпнемъ тамъ винца крючокъ.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ поле, съ одной стороны вдали мельницу, рѣку, лѣсъ, а съ другой напереди дворъ крестьянскій, потомъ сумерки и восходящій мѣсяцъ.

Явленіе 1-е.

Анюта и Филимонъ.

(Анюта выходитъ изъ двора, а послѣ Филимонъ изъ лѣсу.)

Анюта. У!... да ужъ на дворѣ-та и смеркается! Когда это день прошелъ? Смотри пожалуй, а я работаючи-та и не видала. *(Поетъ начало: «Земляничка ягодка».)*

Во своей я младости
Вить не вижу радости,
Вотъ мой
Таланъ какой. (2).
Нѣту мнѣ весела дня;
Все сушитъ,
Все крушитъ
Всякой часъ меня.

Филимонъ *(ходя между тѣмъ задумавшись и по голосу узнавъ ее, останавливается)*. Это она!... она точнёхонько...

Анюта *(увидя Филимона)*. Это онъ?... Точно онъ!...

Филимонъ. Подойду къ ней, што ни будетъ, то будетъ. *(Подходитъ.)*

Анюта. Онъ ко мнѣ идетъ?... такъ, ко мнѣ; нѣтъ, я уйду отъ него, а то неровно какъ старики мои меня съ нимъ увидятъ, то пойдетъ дымъ коромысломъ! *(Хочетъ уйтить, а послѣ останавливается.)*

Филимонъ *(также остановясь)*. Бѣги пожалуй, што нужды? видишь какая, коли такъ упряма, ты чаешь краше тебя и нѣту; анъ лихъ есть много, не тебѣ чета, и я право гоняться-та за тобою не буду.

Анюта *(про себя)*. Кажется, онъ вздурился, што я уйтить-та хотѣла! этакая напасть моя, што станешь дѣлать? Не уйтить — горе, а уйтить и вдвое... да не кая пропасть, мнѣ и самой хочется повести съ нимъ поговорку.

Филимонъ *(увидя, что она остановилась)*. А! а... это ей не по сердцу, што я сказалъ: гоняться-та за ней не буду... этакъ-та лучше съ ними водиться; у насъ вѣдь по-сельски: какъ любушкѣ своей тулунбаса два-три въ спину влѣпишь, и она стерпитъ, такъ и наша.

Анюта. Не знаю сама, штобы это такое со мною сталось?... што я ево лишь увижу, такъ сердце мое всё затрепещетъ, руки опустятся, ноги подогнутся, и съ мѣста не сдвинешься!.. Што-жъ будешь дѣлать? Хоть побои принять, а съ нимъ перемолвлю. *(Воротясь, подходитъ къ нему тихо.)*

Филимонъ *(также къ ней приближаясь, про себя)*. Ты ко мнѣ, и я къ тебѣ. *(Анютѣ.)* Дѣвица красная, по добру-ль живешь по-здорову?

Анюта. Не пуще такъ, штобы тебѣ сказать, — радостно.

Филимонъ. Да тебя давно ужъ и въ посидѣнкахъ не видно.

Анюта. Матушка меня не пущаетъ; говоритъ: ты, дескать, ужъ дѣвушка-невѣста, такъ женихи осудятъ: и я отъ этова иногда и плачу.

Филимонъ. Не тужи, красная дѣвица, авось-либо дождемся и мы своей воли.

Анюта. Кажется, мнѣ не нажить этихъ дней. *(Особо.)* Онъ, видно, хочетъ на мнѣ жениться.

Филимонъ *(особо-жъ.)* Женился бы не шутёмъ, кабы было можно.

Анюта *(поетъ начало на голосъ: «Кабы знала, кабы вѣдала, мой свѣтъ»).*

Кабы я, млада, увѣрена была,
Что дружку свому хоть чуть-чуть я мила:
Я не въ скукѣ бы жила.

Филимонъ *(особо говоритъ).* Побожусь ей, что я нивѣсть какъ ее люблю.

Анюта *(продолжаетъ пѣть на тотъ же тонъ начало).*

Только милый мой не вѣдаетъ того,
Какъ безвременно крушусь я для него:
Онъ во снѣ мнѣ часто снится,
Будто вздумалъ онъ жениться
На иной, а не на мнѣ.

Филимонъ. Нѣтъ, нѣтъ! што пустое затѣвать! этова и въ умѣ не бывало.

Явленіе 2-е.

Мельникъ и прежніе.

Мельникъ. Ого! соколъ, ты ужъ и здѣся! Скоренько ты залетѣлъ... а я нечива-таки, тяпнулъ винца мѣрочку, такъ и веселѣя стало. Здорова-ка, Анюта!

Анюта. Здравствуй, сосѣдушка.

Мельникъ. Што-то какъ этакъ вы дѣлаете?

Анюта. Пѣли пѣсни.

Филимонъ. *(Мельнику.)* Слышалъ ли ты, какъ она жалобно пѣла?

Мельникъ. Слышалъ, слышалъ, да это не надолго; скоро запоетъ инымъ голосомъ, ужъ не такъ заунывно.

Анюта *(досадуя).* Зачѣмъ его чертъ принесъ?...

Филимонъ. Небось, нѣтъ ничего.

Анюта. Да видишь какой, только помѣшалъ намъ!

Филимонъ *(поетъ).* Полно свѣтикъ мой, стыдиться,
Станемъ мы при немъ дружиться,
Дай мнѣ рученьку свою,
Дай голубушку мою.

Анюта. Ничуть это негодится,
Чтобъ такъ при людяхъ рѣзвиться,
Отвяжись и не шути,
Вѣдь не сколько въ томъ пути.

Филимонъ. Его нечива таиться;
Старикъ этотъ пригодится,
Распознай сама его,
Онъ пригоденъ для всего.

Анюта *(обертываясь назадъ)*. Ай! ай!... уйдите, уйдите! старуха моя сюда идетъ.

Мельникъ. Уйдемъ, уйдемъ, вѣдь старуха-та великая хлопотунья.

(Мельникъ и Филимонъ уходятъ на задъ театра и прячутся за крестьянскій дворъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Явленіе 5-е.

Анкудинъ и Фетинья.

Анкудинъ. Старуха!... какъ ты смышляешь? сватъ-атъ нашъ не дьявольщину-ль какую городитъ и ужъ не оборотня ли намъ сватаетъ?

Фетинья. Чево доброва и быть такъ.

Анкудинъ *(поетъ)*. Вижу я, колдунъ морочитъ:
Обмануть насъ всѣхъ трехъ хочетъ;
Только какъ колдунъ ни дюжъ,
Да вѣдь я и самъ уклюжъ:
Какъ обманъ ево я смѣчу,
То какъ чорта изувѣчу,
Провожу съ двора дубьемъ... (2).

Явленіе послѣднее.

Мельникъ (пьяный и съ балалайкой), Филимонъ и прежніе.

Мельникъ. Ну-те-тка... *(къ старику)* этова ли я къ тебѣ приводилъ?

Анкудинъ. Этова, этова, не спорное дѣло, только, братъ...

Мельникъ *(къ старухѣ)*. А ты съ нимъ ли на дорогѣ-та столкнулась?

Фетинья. Съ нимъ, точнёхонько.

Мельникъ. А у невѣсты и спрашивать нечива.

Анюта *(подходя къ нимъ, разсматриваетъ Филимона; онъ ей кланяется и она ему)*. Онъ!... точнёхонько онъ!...

Фетинья. Да вѣдь онъ дворянинъ, ты сказывалъ?

Мельникъ. Да еще и природной.

Анкудинъ. Почему-жа мнѣ называлъ его крестьяниномъ?

Мельникъ. А потому же, что это правда.

Анкудинъ. Што-жъ за чертовщина такая? Дворянинъ и крестьянинъ; нѣтъ! нѣтъ, видно, братъ-сватъ, ты насъ морочишь.

Анюта. Батюшка и матушка, что до того нужды? пускай онъ хоть пастухъ будетъ, да мнѣ полюбился; не думайте, отдавайте скорѣе.

Мельникъ *(беретъ старика и старуху за руки; сперва къ старику)*. Ты за нево отдать думаешь?

Анкудинъ. Съ охотой бы.

Мельникъ *(къ старухѣ)*. А ты, сватьюшка?

Фетинья. И я бы не упрямилась, коли дворянинъ онъ.

Мельникъ. Ладно, слушайте-жъ, что я вамъ пѣть буду.

(Настраиваетъ сперва балалайку, потомъ поетъ.)

Ужъ какъ шли старикъ съ старухой изъ лѣсочка
Изъ лѣсочка,
Съ ними дочка,
Пригожайка... (2)
Навстрѣчу имъ попался сосѣдъ-мельникъ,
Сосѣдъ-мельникъ,
Не бездѣльникъ,
Ворожайка... (2)
Сосѣдъ-мельникъ загадаетъ имъ загадку:
Имъ загадку,
Правду-матку
Загадаетъ... (2)
Ещо што да таково,
На Руси у насъ давно:
Самъ помѣщикъ, самъ крестьянинъ,
Самъ холопъ и самъ бояринъ,
Самъ и пашетъ, самъ оретъ
И съ крестьянъ оброкъ беретъ.
Отгадайте!
Толкъ въ томъ дайте.
Не болтайте,
Отгадайте... (2)

Анкудинъ. Чортъ развѣ это отгадаетъ, а не мы грѣшные!

Мельникъ *(продолжая пѣть)*.

Старики мои догадки не имѣютъ
Не имѣютъ,
Не умѣютъ
Отгадати... (2)
Такъ инъ мнѣ пришло загадку разгадати,
Разгадати,
Не солгати,
Объявити... (2)

Ещо вотъ да што оно,
На Руси у насъ давно:
Самъ помѣщикъ, самъ крестьянинъ,
Самъ холопъ и самъ бояринъ,
Самъ и пашетъ, и оретъ
И съ крестьянъ оброкъ беретъ.
Это знайте:
Это знайте,
Не вступайте
Больше въ споръ.
Ево знаютъ,
Называютъ
Однодворецъ!.. [1])

Слышали-ль?... онъ однодворецъ, а однодворецъ — и дворянинъ, и крестьянинъ — все одинъ.

Анкудинъ. Вотъ-та! а я, хоть бы тѣ треснуть, не домыслился-бъ этова.

Мельникъ. Ну, теперь спору больше нѣтъ?

Анкудинъ. Нисколько.

Фетинья. И я ни слова. *(Особливо.)* Вить все ужъ дочь-та моя будетъ не за простымъ мужикомъ-охреяномъ, а таки хотя за половиною да дворяниномъ.

Анкудинъ. Пускай, пускай по-твоему.

Мельникъ. Нечива-жъ и смышлять больше, ну-тка въ добрый часъ пиркомъ да за свадебку.

Фетинья. Во святой часъ! по рукамъ да и замужъ.

Анкудинъ. Спасибо, братъ-сосѣдушка, правду молвить, удружилъ всѣмъ намъ. *(Начинаютъ пѣть)*:

Теперь у насъ, старуха, нѣту спора:
Приходитъ наше дѣло до сговора.

Хоръ.

Мельникъ. Такъ... я къ вамъ, мои други,
Я не даромъ приходилъ,
Я вамъ свадьбу снарядилъ,
Всѣмъ вамъ, всѣмъ вамъ угодилъ.

Всѣ. Вотъ... другъ нашъ сватъ Гаврилычъ,
Сватъ не даромъ приходилъ,
Онъ намъ свадьбу снарядилъ,
Всѣмъ намъ, всѣмъ намъ угодилъ.

Фетинья. Крушить не буду молодость дѣвичью,
Сыскала жениха ей по обычью.

---

[1]) Этой пѣсней мельникъ рѣшаетъ дѣло: ему надо убѣдить мать Анюты, что Филимонъ не простой крестьянинъ, а что-то въ родѣ дворянина.

Хоръ.

Мельникъ. Такъ... я къ вамъ, мои други... | Всѣ. Вотъ... другъ нашъ сватъ Гаврилычъ...

Филимонъ. Теперь мое сердечушко на мѣстѣ:
По нраву я пришолъ моей невѣстѣ.

Хоръ.

Мельникъ. Такъ... я къ вамъ мои, други... | Всѣ. Вотъ... другъ нашъ сватъ Гаврилычъ...

Анюта. Не грезилось младенькѣ и не снилось;
Замужство чтобъ такое мнѣ случилось.

Хоръ.

Мельникъ. Такъ... я къ вамъ, мои други... | Всѣ. Вотъ... другъ нашъ сватъ Гаврилычъ...

Мельникъ. Какъ женится на дѣвочкѣ дѣтинка,
То придетъ мнѣ въ карманъ отъ нихъ полтинка.

Хоръ.

Мельникъ. Такъ... я къ вамъ, мои други,
Я не даромъ приходилъ,
Я вамъ свадьбу снарядилъ,
Всѣмъ вамъ, всѣмъ вамъ угодилъ.

Всѣ. Вотъ... другъ нашъ сватъ Гаврилычъ,
Сватъ не даромъ приходилъ,
Онъ намъ свадьбу снарядилъ,
Всѣмъ намъ, всѣмъ намъ угодилъ.

Всѣ. Зачинать пора пирушки намъ смекать,
И въ веселости затѣимъ куликать.

Мельникъ *(поетъ къ Анкудину).*

Поведи-ка ты къ себѣ насъ, добрый тесть:
У тебя вина и пива много есть.

Всѣ. Поведи-ка ты къ себѣ насъ, добрый тесть:
У тебя вина и пива много есть.

(Всѣ отходятъ).

20. А. Н. Радищевъ.

Александръ Николаевичъ Радищевъ — какъ въ своихъ сочиненіяхъ, такъ и въ своей личной жизни далъ примѣръ замѣчательной цѣльности, глубины убѣжденій, которыя онъ выразилъ въ своей знаменитой книгѣ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», изданной въ годы французской революціи въ Петербургѣ. Сочиненіе закончено въ 1789 году, а напечатано въ собственной типографіи Радищева и поступило въ продажу въ 1790 году. Сочиненіе представляетъ бичующую сатиру: предметъ этой сатиры обозначенъ стихомъ изъ Телемахиды, который Радищевъ взялъ какъ эпиграфъ для своей книги: «Чудище обло (грубо), озорно, огромно, стозѣвно, и лаяй».

Какое это было чудовище, противъ котораго горячо вооружился Радищевъ, и почему онъ не могъ помириться съ его существованіемъ, это выясняется какъ изъ свойствъ его благородной личности, такъ изъ условій его развитія.

Радищевъ, можетъ-быть, больше, чѣмъ кто-либо другой изъ его современниковъ, былъ представителемъ той части мыслящаго русскаго общества, для которой идеи эпохи просвѣщенія XVIII вѣка не были только предметомъ моды и щегольства; Радищевъ, посланный императрицей Екатериной II, вмѣстѣ съ другими молодыми людьми за границу для пополненія образованія, и усердно работая въ Лейпцигскомъ университетѣ (1766—1771 гг.), жадно вчитывался въ европейскую, преимущественно французскую литературу того времени, и стремился осмыслить для себя вычитанное въ цѣльное міросозерцаніе. Это не было простое усвоеніе чужихъ теорій. Новыя идеи въ ихъ товарищескомъ кругу глубоко переживались, подвергались внимательному обсужденію, были предметомъ горячихъ споровъ, и въ переработанномъ уже видѣ становились дѣйствительными убѣжденіями.

Радищевъ и его товарищи изучали лекціи своего учителя Эрнста Платнера, послѣдователя идеалистической философіи Лейбница, съ увлеченіемъ читали и подвергали критикѣ сочиненія французскихъ матеріалистовъ Гельвеція, Гольбаха, вырабатывали свои нравственные и политическіе взгляды подъ вліяніемъ ученія Руссо объ естественныхъ правахъ человѣка и сочиненій Мабли, который давалъ имъ теорію народнаго представительства и въ которомъ они, однако, уже примѣчали и утопическія желанія. Въ этой работѣ, въ этихъ спорахъ окрѣпли собственные взгляды Радищева, которымъ онъ оставался вѣренъ до конца, какъ въ своей личной жизни, такъ и на государственной службѣ, такъ и въ общественной дѣятельности и которые выразилъ въ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву». По религіознымъ убѣжденіямъ онъ не пошелъ вслѣдъ за матеріалистами, и остался деистомъ (см. гл. «Бронницы»), по политическимъ взглядамъ онъ былъ конституціоналистомъ (см. гл. «Спасская Полѣсть»), и основывалъ необходимость народнаго представительства на ученіи объ естественныхъ правахъ человѣка; въ воспитаніи онъ защи-

щаетъ естественную простоту въ развитіи человѣка (см. главу «Крестцы»); все сочиненіе проникнуто глубокимъ уваженіемъ къ человѣческой личности и законности. По опредѣленію П. Милюкова, «основная мысль публицистической критики Радищева — одна, послѣ «добродѣтели» больше всего нужно руководствоваться «закономъ». —«Законъ, какъ ни худъ, есть связь обществу». Поэтому повиновеніе закону и защита его отъ произвола есть первѣйшая обязанность гражданина».

Въ отличіе отъ многихъ своихъ современниковъ Радищевъ приступилъ къ оцѣнкѣ русской жизни во всеоружіи основательныхъ знаній и сложившихся убѣжденій. Очень естественно, что всю силу своей сатиры онъ долженъ былъ направить на то, что, какъ черное бѣлому, было противоположно его натурѣ — на рабство. И, дѣйствительно, развивая въ своемъ сочиненіи разныя стороны своего міросозерцанія, онъ, въ центрѣ своей книги, разсматриваетъ, какъ вопіющее зло, крѣпостную неволю. Она-то и есть «чудище обло, озорно» и т. д., какъ это видно изъ главы «Хотиловъ», гдѣ онъ называетъ крѣпостное право «стоглавымъ зломъ», «стоглавымъ чудовищемъ».

По характеру своего сочиненія Радищевъ примыкаетъ къ той журнальной сатирѣ XVIII вѣка, во главѣ которой былъ Новиковъ, но въ то же время и существенно отличается отъ нея: несмотря на кажущуюся разбросанность и случайность впечатлѣній, Радищевъ даетъ въ «Путешествіи» очень цѣльную картину русской жизни, освѣщенную не только съ моральной и соціальной точки зрѣнія, но и съ политической. Какъ сатирикъ, онъ выдается глубиной настроенія, силой лиризма и еще большею смѣлостью въ опредѣленіи зла. При этомъ онъ не только нападаетъ, онъ указываетъ и пути улучшенія: въ главѣ «Хотиловъ» онъ набрасываетъ проектъ освобожденія крестьянъ.

Всѣми своими воззрѣніями Радищевъ, подобно Новикову, настолько шелъ въ разрѣзъ съ начинавшеюся тогда реакціею, что за свою книгу онъ былъ сосланъ въ Сибирь, откуда возвращенъ съ воцареніемъ императора Павла I.

Языкъ его книги очень характеренъ. Радищевъ, желая усвоить себѣ настоящій литературный языкъ и слѣдуя совѣту Ломоносова, изучалъ церковныя книги. Языкъ его иногда тяжеловатъ, нерѣдко онъ напоминаетъ торжественный языкъ библіи, а въ цѣломъ своеобразенъ, силенъ и временами проникнутъ глубокимъ лиризмомъ.

Радищевъ для своей книги избралъ форму путешествія, именно только какъ форму, дающую возможность свободно высказывать, какъ бы по дорогѣ, самые разнообразные впечатлѣнія и взгляды. Описанія мѣстностей, по которымъ онъ проѣзжаетъ, почти отсутствуютъ. Зато книга богата выраженіемъ его личнаго настроенія. Такой типъ сочиненія, по его собственнымъ словамъ, былъ ему подсказанъ «Сентиментальнымъ путешествіемъ» Стерна.

Радищевъ посвятилъ книгу своему пріятелю Кутузову, о которомъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

Александръ Михайловичъ Кутузовъ учился сначала въ Московскомъ университетѣ, а затѣмъ въ Лейпцигскомъ, гдѣ и сблизился

тѣсною дружбой съ Радищевымъ. Кутузовъ былъ масонъ-мистикъ, дѣятельный членъ Дружескаго общества. Одному изъ членовъ Новиковскаго кружка, кн. Н. И. Трубецкому онъ писалъ: «Вы знаете мои правила: извѣстно вамъ, что я великій врагъ всякаго возмущенія и что я не перестану никогда твердить, что критика настоящаго правленія есть непозволенное дѣло и нимало не принадлежитъ къ литературѣ». Терпимость Кутузова и Радищева была такъ велика, что разность взглядовъ не ослабляла ихъ глубокой и тѣсной дружбы и не помѣшала Радищеву посвятить другу свой трудъ, въ которомъ выражены его завѣтныя убѣжденія и взгляды. Отчасти это было слѣдствіемъ того, что, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ П. Милюковъ, Радищевъ «не разрывалъ принципіально съ тѣми понятіями о предѣлахъ дозволеннаго въ литературной и общественной дѣятельности, которыя приняты были въ кружкѣ его друзей». Нужно сказать также, что и Кутузовъ иногда высказывалъ такія мысли, которыя были близки идеямъ Радищева. Таково, напримѣръ, одно его письмо къ масону Лопухину, напоминающее идею главы «Путешествія», «Спасская Полѣсть»: «Ежели бы монархиня наша», писалъ Кутузовъ, «могла видѣть все то, что опредѣленные ею дѣлаютъ, вострепетало бы ея нѣжное и человѣколюбивое сердце; гнѣвъ ея, — справедливый гнѣвъ, постигъ бы сихъ нечеловѣковъ, злоупотребляющихъ ея довѣренность. Я всегда скажу, безъ всякаго лицемѣрія: не монархиня причиною нашего притѣсненія, но одовѣренные частицею ея власти. Скажу и то, что частію мы сами причиною сего. Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ. Для чего не прибѣгаемъ къ самой ней и не стараемся пробиться сквозь лицемѣріе, ласкательство и ложь, окружающія ея престолъ?»

ПУТЕШЕСТВІЕ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

А. М. К.

Любезнѣйшему другу.

Что бы разумъ и сердце произвести ни захотѣли, тебѣ оно, О! сочувственникъ мой, посвящено да будетъ. Хотя мнѣнія мои о многихъ вещахъ различествуютъ съ твоими, но сердце твое бьетъ моему согласно — и ты мой другъ.

Я взглянулъ окрѣстъ меня — душа моя, страданіями человѣчества уязвленна стала. Обратилъ взоры мои во внутренность мою — и узрѣлъ, что бѣдствіи человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ непрямо на окружающіе его предмѣты. Уже ли, вѣщалъ я самъ себѣ, природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно, сокрыла истинну на вѣки? Уже ли сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобъ чувствовали

мы бѣдствія, а блаженство николи? Разумъ мой вострепеталъ отъ сея мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ.

«Оъими завѣсу съ очей природнаго чувствованія — и блаженъ буду». Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергли меня чувствительность и состраданіе; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, что бы противиться заблужденію; и — веселіе неизреченное! я почувствовалъ, что возможно всякому соучастникомъ быть въ благодѣйствіи себѣ подобныхъ. — Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешъ. Но если, говорилъ я самъ себѣ, я найду кого-либо, кто намѣреніе мое одобритъ; кто ради благой цѣли, неопорочитъ неудачное изображеніе мысли; кто состраждетъ со мною надъ бѣдствіями собратіи своей; кто въ шествіи моемъ меня подкрѣпитъ; не сугубой ли плодъ произойдетъ отъ подъятаго мною труда?... Почто, почто мнѣ искать далеко кого-либо? Мой другъ! ты близь моего сердца живешь — и имя твое да озаритъ сіе начало.

ЛЮБАНИ.

Зимою ли я ѣхалъ или лѣтомъ, для васъ думаю равно. Можетъ быть, и зимою и лѣтомъ. Не рѣдко то бываетъ съ путешественниками, поѣдутъ на саняхъ, а возвращаются на тѣлегахъ. — Лѣтомъ. — Бревешками вымощенная дорога замучила мои бока; я вылезъ изъ кибитки и пошелъ пешкомъ. Лежа въ кибиткѣ, мысли мои обращены были въ неизмѣримость міра. Отдѣляяся душевно отъ земли, казалося мнѣ, что удары кибиточные были для меня легче. — Но упражненія духовныя не всегда насъ отъ тѣлесности отвлекаютъ: и для сохраненія боковъ моихъ пошелъ я пешкомъ. — Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги увидѣлъ я пашущаго ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрѣлъ я на часы. — Перваго сорокъ минутъ. — Я выѣхалъ въ субботу. — Сего дня праздникъ. — Пашущей крестьянинъ принадлежитъ, конечно, помѣщику, который оброку съ него не беретъ. — Крестьянинъ пашетъ съ великимъ тщаніемъ. — Нива, конечно не господская. — Соху поворачиваетъ съ удивительною легкостью. — Богъ въ помощь, сказалъ я, подошедъ къ пахарю, которой не останавливаясь доканчивалъ зачатую борозду. — Богъ въ помощь, повторилъ я. — Спасибо, баринъ, говорилъ

мнѣ пахарь, стряхая сошникъ и перенося соху на новую борозду. — Ты, конечно, раскольникъ, что пашешь по воскресеньямъ? — Нѣтъ, баринъ, я прямымъ крестомъ крещусь, сказалъ онъ, показывая мнѣ сложенныя три перста. А Богъ милостивъ, съ голоду умирать не велитъ, когда есть силы и семья. — Развѣ тебѣ во всю недѣлю нѣтъ времени работать, что ты и воскресенью не спускаешъ да еще и въ самой жаръ? — Въ недѣлѣ то, баринъ, шесть дней, а мы шесть разъ въ недѣлю ходимъ на барщину; да подъ вечерокъ возимъ оставшее въ лѣсу сѣно на господской дворъ, коли погода хороша; а бабы и дѣвки, для прогулки ходятъ по праздникамъ въ лѣсъ по грибы да по ягоды. — Дай Богъ, (крестяся) чтобы подъ вечеръ сего дня дожжикъ пошелъ. Баринъ, коли есть у тебя свои мужики, такъ они того же у Господа молятъ. — У меня, мой другъ, мужиковъ нѣтъ и для того никто меня не кленетъ. — Велика ли у тебя семья? Три сына и три дочки. Перьвинькому то десятый годокъ. — Какъ же ты успѣваешь доставать хлѣбъ, коли только праздникъ имѣешь свободнымъ? — Не одни праздники, и ночь наша. Не лѣнись нашъ братъ, то съ голоду не умретъ. Видишь ли, одна лошадь отдыхаетъ: а какъ ета устанетъ, возмусь за другую; дѣло то и споро. — Между тѣмъ пахарь запрегъ другую лошадь въ соху и начавъ новую борозду со мною простился.

Разговоръ сего земледѣльца возбудилъ во мнѣ множество мыслей. Первое представилось мнѣ не равенство крестьянскаго состоянія. Сравнилъ я крестьянъ казенныхъ съ крестьянами помѣщичьими. Тѣ и другіе живутъ въ деревняхъ; но одни платятъ извѣстное, а другіе должны быть готовы платить то, что господинъ хочетъ. Одни судятся своими равными; а другіе въ законѣ мертвы, развѣ по дѣламъ уголовнымъ. — Членъ общества становится только тогда извѣстенъ правительству его охраняющему, когда нарушаетъ союзъ общественный, когда становится злодѣй! Сія мысль всю кровь во мнѣ возпалила.

Страшись, помѣщикъ жестокосердый, на челѣ каждаго изъ твоихъ крестьянъ вижу я твое осужденіе. —Углубленный въ сихъ размышленіяхъ, я нечаянно обратилъ взоръ мой на моего слугу, который сидя на кибиткѣ передо мной, качался изъ стороны въ сторону. Вдругъ почувствовалъ я быстрый мразъ протекающій кровь мою, и прогоняя жаръ къ вершинамъ нудилъ его разпространяться по лицу. Мнѣ такъ стало во внутренности моей стыдно, что я едва не заплакалъ.

Ты во гнѣвѣ твоемъ, говорилъ я самъ себѣ, устремляешся на гордаго Господина, изнуряющаго крестьянина своего на нивѣ своей; а самъ не то же ли или еще хуже того дѣлаешь. Какое преступленіе сдѣлалъ бѣдный твой Петрушка, что ты ему воспрещаешъ пользоваться усладителемъ нашихъ бѣдствій, величайшимъ даромъ природы нещастному, сномъ. — Онъ получаетъ плату, сытъ, одѣтъ, ни когда я его не сѣку ни плетьми, ни батожьемъ. (О умѣренный человѣкъ!) — и ты думаешъ, что кусокъ хлѣба, и лоскутъ сукна тебѣ даютъ право поступать съ подобнымъ тебѣ существомъ, какъ съ кубаремъ, и темъ ты только хвастаешъ, что не часто подсѣкаешъ его въ его вертѣніи. Вѣдаешъ ли, что въ первенственномъ уложеніи, въ сердцѣ каждаго написано? Если я кого ударю, тотъ и меня ударить можетъ. — Вспомни тотъ день, какъ Петрушка пьянъ былъ и не поспѣлъ тебя одѣть. Вспомни о его пощечинѣ. О есть ли бы онъ тогда, хотя пьяной опомнился, и тебѣ отвѣчалъ бы соразмѣрно твоему вопросу! — А кто тебѣ далъ власть надъ нимъ? — Законъ. — Законъ? И ты смѣешъ поносить сіе священное имя? Нещастный... Слезы потекли изъ глазъ моихъ; и въ такомъ положеніи почтовые клячи дотащили меня до слѣдующаго стана.

СПАСКАЯ ПОЛѢСТЬ.

...Мнѣ представилось, что я Царь, Шахъ, Ханъ, Король, Бей, Набабъ, Султанъ, или какое то сихъ названій нѣчто, сѣдящее во власти на Престолѣ. Мѣсто моего возсѣденія было изъ чистаго злата, и хитро изкладенными драгими разнаго цвѣта каменьями, блистало лучезарно. Ничто сравниться немогло съ блескомъ моихъ одеждъ. Глава моя украшалася вѣнцемъ лавровымъ. Вокругъ меня лежали знаки власть мою изъявляющіе...

Съ робкимъ подобострастіемъ, и взоры мои ловящи стояли вокругъ престола моего чины Государственные. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ престола моего, толпилося безчисленное множество народа, коего разныя одежды, черты лица, осанка, видъ и станъ, различіе ихъ племени возвѣщали. Трепетное ихъ молчаніе увѣряло меня, что они всѣ воли моей подвластны...

Глубочайшее въ собраніи семъ присудствовало молчаніе; казалося, что всѣ въ ожиданіи были важнаго какого произшествія, отъ коего спокойствіе и блаженство всего общества

зависѣли. Обращенный самъ въ себя и чувствуя глубоко вкорѣнившуюся скуку въ душѣ моей, отъ насыщающаго скоро единообразія происходящую, я долгъ отдалъ естеству и ротъ разинувъ до ушей, зѣвнулъ въ всю мочь. Всѣ вняли чувствованію души моей. Внезапу смятеніе распростерло мрачной покровъ свой по чертамъ веселія, улыбка улѣтала со устъ нѣжности, и блескъ радованія съ ланидъ удовольствія. Изкаженные взгляды и озираніе, являли нечаянное нашествіе ужаса и предстоящія бѣды. Слышны были вздохи, колющіе предтечи скорби; и уже начинало раздаваться задерживаемое присудствіемъ страха стенаніе. Уже скорыми въ сердца всѣхъ стопами шествовало отчаяніе и смертныя содраганія, самыя кончины мучительнѣе... Тронутый до внутренности сердца толико печальнымъ зрѣлищемъ, ланидныя мышцы нечувствительно стянулися ко ушамъ моимъ, и разтягивая губы, произвели въ чертахъ лица моего кривленіе, улыбкѣ подобное, за коимъ я чхнулъ весьма звонко. Подобно какъ въ мрачную атмосферу густымъ туманомъ отягченную, проникаетъ полуденный солнца лучь...

Тако при улыбкѣ моей развѣялся видъ печали на лицахъ всего собранія посѣлившійся; радость проникла сердца всѣхъ быстротечно, и неосталося косаго вида неудовольствія нигдѣ. Всѣ начали восклицать: да здравствуетъ нашъ великій Государь, да здравствуетъ на вѣки. Подобно тихому полуденному вѣтру, помавающему листвія деревъ, и любострастное производящему въ дубравѣ шумленіе, тако во всемъ собраніи радостное шептаніе раздавалось. Иной въ полголоса говорилъ: онъ усмирилъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, разширилъ предѣлы отечества, покорилъ тысячи разныхъ народовъ своей державѣ. Другой возклицалъ: онъ обогатилъ государство, разширилъ внутреннюю и внѣшную торговлю, онъ любитъ науки и художества, поощряетъ земледѣліе и рукодѣліе. Женщины съ нѣжностью вѣщали: онъ недалъ погибнуть тысячамъ полезныхъ согражданъ избавя ихъ до сосца еще гибельныя кончины. Иной съ важнымъ видомъ возглашалъ: онъ умножилъ государственные доходы, народъ облегчилъ отъ податей, доставилъ ему надежное пропитаніе. Юношество, съ восторгомъ руки на Небо простирая рѣкло; онъ милосердъ, правдивъ, законъ его для всѣхъ равенъ, онъ почитаетъ себя первымъ его служителемъ. Онъ законодатель мудрый, судія правдивый, исполнитель ревностный, онъ паче всѣхъ Царей великъ, онъ вольность даруетъ всѣмъ.

Рѣчи таковыя, ударяя въ тимпанъ моего уха, громко раздавалися въ душѣ моей. Похвалы сіи истинными въ разумѣ моемъ изображалися, ибо сопутствуемы были искренности наружными чертами. Таковыми ихъ пріемля душа моя возвышалася надъ обыкновеннымъ зрѣнія кругомъ; въ существѣ своемъ разширялась и вся объемля, касалася степеней Божественной премудрости. Но ничто несравнилося съ удовольствіемъ самоодобренія при раздаваніи моихъ приказаній. Первому военачальнику повелѣвалъ я ити съ многочисленнымъ войскомъ на завоеваніе земли, цѣлымъ Небеснымъ поясомъ отъ меня отдѣленной.

Государь, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, слава единая имени твоего, побѣдитъ народы оную землю населяющіе. Страхъ предшествовать будетъ оружію твоему, и возвращуся приносяй дань Царей сильныхъ. — Учредителю плаванія я рекъ; да корабли мои разсѣятся по всѣмъ морямъ, да узрятъ ихъ невѣдомые народы; флагъ мой да извѣстенъ будетъ на Сѣверѣ, Востокѣ, Югѣ и Западѣ.

Исполню Государь. — И полетѣлъ на исполненіе яко вѣтръ опредѣленный надувать вѣтрила корабельные. — Возвѣсти до дальнѣйшихъ предѣловъ моея области, рекъ я хранителю законовъ, се день рожденія моего, да ознаменится онъ въ лѣтописяхъ на вѣки отпущеніемъ повсемѣстнымъ. Да отверзутся темницы, да изыдутъ преступники, и да возвратятся въ домы свои, яко заблудшіе отъ истиннаго пути. — Милосердіе твое, Государь! есть образъ всещедраго существа. Бѣгу возвѣстити радость скорбящимъ отцамъ по чадѣхъ ихъ, супругамъ по супругахъ ихъ. — Да воздвигнутся, рекъ я первому зодчію, великолѣпнѣйшія зданія для убѣжища муссъ, да украсятся подражаніями природы разновидными; и да будутъ онѣ ненарушимы, яко небесныя жительницы, для нихъ же онѣ уготовляются. — О премудрый, отвѣчалъ онъ мнѣ, егда велѣніямъ твоего гласа стихіи повиновалися, и совокупя силы свои учреждали въ пустыняхъ и на дебряхъ обширные грады, превосходящіе великолѣпіемъ славнѣйшіе въ древности; колико маловаженъ будетъ сей трудъ для ревностныхъ исполнителей твоихъ велѣній. Ты рекъ, и грубые строенія припасы уже гласу твоему внемлютъ. — Да отверзется нынѣ, рекъ я, рука щедроты, да изліются остатки избытка на немощствующихъ, сокровища ненужныя да возвратятся къ ихъ источнику. — О всещедрый Владыко, всевышнимъ намъ дарованный, отецъ своихъ чадъ, обогатитель нищаго, да будетъ твоя

воля. — При всякомъ моемъ изреченіи всѣ предстоящіе восклицали радостно и плесканіе рукъ нетокмо сопровождало мое слово, но даже предъупреждало мысль.

Единая изъ всего собранія жена, облегшаяся твердо о столпъ, испускала вздохи скорби и являла видъ презрѣнія и негодованія. Черты лица ея были суровы и платье простое. Глава ея покрыта была шляпою, когда всѣ другіе обнаженными стояли главами. Кто сія? вопрошалъ я близь стоящаго меня.

Сія есть странница намъ неизвѣстная, именуетъ себя Прямовзорой и глазнымъ врачемъ. Но есть Волхвъ опаснѣйшій, носяй ядъ и отраву, радуется скорби и сокрушенію; всегда нахмуренна, всѣхъ презираетъ и поноситъ; даже не щадитъ въ руганіи своемъ священныя твоея главы. — Почтожъ злодѣйка сія терпима въ моей области? Но о ней завтра. Сей день, есть день милости и веселія. Пріидите сотрудники мои въ ношеніи тяжкаго бремени правленія, пріимите достойное за труды и подвиги ваши воздаяніе. Тогда возставъ отъ мѣста моего, всзлагалъ я различныя знаки почестей на предстоящихъ; отсудствующіе забыты небыли, но тѣ, кои пріятнымъ видомъ, словамъ моимъ шли во срѣтеніе, имѣли большую во благодѣяніяхъ моихъ долю. По семъ продолжалъ я мое слово: пойдемъ столпы моея державы, опоры моея власти, пойдемъ усладиться по трудѣ. Достойно бо да вкуситъ трудившійся плода трудовъ своихъ. Достойно Царю вкусити веселія, онъ же изливаетъ многочисленныя всѣмъ. Покажи намъ путь къ уготованному тобою празднеству, рекъ я къ учредителю веселій. Мы тебѣ послѣдуемъ. — Постой, вѣщала мнѣ странница отъ своего мѣста, постой, и подойди ко мнѣ. Я врачь присланный къ тебѣ и тебѣ подобнымъ, да очищу зрѣніе твое. — Какія бельма! сказала она съ восклицаніемъ. —

Нѣкая невидимая сила нудила меня ити предъ нее; хотя всѣ меня окружавшіе мнѣ въ томъ препятствовали дѣлая даже мнѣ насиліе.

На обоихъ глазахъ бельма, сказала странница, а ты столь рѣшительно судилъ о всемъ. Потомъ коснулася обоихъ моихъ глазъ, и сняла съ нихъ толстую плену, подобну роговому раствору. Ты видишь, сказала она мнѣ, что ты былъ слѣпъ и слѣпъ всесовершенно. — Я есмь Истина. Всевышній подвигнутый на жалость стенаніемъ тебѣ подвластнаго народа, низпославъ меня съ небесныхъ круговъ, да отжену темноту проницанію взора твоего препятствующую. Я сіе исполнила.

Всѣ вещи представятся днесь въ естественномъ ихъ видѣ, взорамъ твоимъ. Ты проникнешъ во внутренность сердецъ. Неутаится болѣе отъ тебя змія, крыющаяся въ излучинахъ душевныхъ. Ты познаешь вѣрныхъ своихъ подданныхъ, которыя въ дали отъ тебя, не тебя любятъ, но любятъ отечество; которые готовы всегда на твое пораженіе, если оно отмститъ порабощеніе человѣка. Но невозмутятъ они гражданскаго покоя безвременно, и безъ пользы. Ихъ призови себѣ въ друзей. Изжени сію гордую чернь, тебѣ предстоящую и прикрывшую срамоту души своей позлащенными одеждами. Они то истинные твои злодѣи, затмѣвающіе очи твои, и входъ мнѣ въ твои чертоги воспрещающіе. Единъ разъ являюся я Царямъ во все время ихъ царствованія, да познаютъ меня въ истинномъ моемъ видѣ; но я никогда неоставляю жилища смертныхъ. Пребываніе мое неесть въ чертогахъ царскихъ...

Но я вѣщаю тебѣ, поживу въ предѣлахъ твоего обладанія. Егда восхощешь меня видѣти, егда осажденная козьнями ласкательства душа твоя, взалкаетъ моего взора, воззови меня изъ твоея отдаленности; гдѣ слышенъ будетъ твердый мой гласъ, тамъ меня и обрящешъ. Неубойся гласа моего николи. Если изъ среды народныя возникнетъ мужъ порицающій дѣла твоя, вѣдай, что той есть твой другъ искренній. Чуждый надежды мзды, чуждый рабскаго трепета, онъ твердымъ гласомъ возвѣститъ меня тебѣ. Блюдись и недерзай его казнити, яко общаго возмутителя. Призови его, угости его яко странника. Ибо всякъ, порицающій Царя въ самовластіи его, есть странникъ земли, гдѣ все предъ нимъ трепещетъ. Угости его, вѣщаю, почти его, да возвратившися возможетъ онъ паче и паче глаголати нельстиво. Но таковыя твердыя сердца бываютъ рѣдки; едва единъ въ цѣломъ столѣтіи явится на свѣтскомъ ристалищѣ. А дабы бдѣтельность твоя не усыплялася нѣгою власти, се кольцо дарую тебѣ, да возвѣститъ оно тебѣ твою неправду, когда на нее дерзать будешъ...

Но обрати теперь взоры свои на себя и на предстоящихъ тебѣ, возри на исполненіе твоихъ велѣній, и если душа твоя несодрогнется отъ ужаса при взорѣ таковомъ, то отъиду отъ тебя и чертогъ твой загладится навсегда въ памяти моей».

Изрекшія странницы лице казалося веселымъ и вещественнымъ сіяющее блескомъ. Возрѣніе на нее вливало въ душу мою радость.

Взглянувъ вокругъ сѣбя просвѣтленными глазами, властитель увидалъ все въ новомъ видѣ и содрогнулся. Вельможи, пользовавшіеся его довѣріемъ и управлявшіе различными важными дѣлами государства, были не достойны этого довѣрія. Самыя лучшія намѣренія властителя на дѣлѣ искажались и шли мимо цѣли, его добротой пользовались не тѣ, на кого онъ ее направлялъ, а тѣ, кто стоялъ къ нему близко и умѣлъ его обмануть.

Едва, едва досязали слабые источники моей щедроты застѣнчиваго достоинства и стыдливыя заслуги. Слезы пролились изъ очей моихъ и сокрыли отъ меня толь бѣдственныя представленія безразсудной моей щедроты... Возревѣлъ я яростію гнѣва. Недостойные преступники, злодѣи! вѣщайте, почто во зло употребили довѣренность Господа вашего? предстаньте нынѣ предъ судію вашего. Возтрепещите въ окаменѣлости злодѣянія вашего. Чѣмъ можете оправдать дѣла ваши? Что скажете во извиненіе ваше? Се онъ, его же призову изъ хижины уничиженія. Пріиди, вѣщалъ я старцу, коего созерцалъ въ краѣ обширныя моея области, кроющагося подъ заросшею мхомъ хижиною, пріиди облегчить мое бремя; пріиди и возврати покой томящемуся сердцу и возтревоженному уму.

Изрекши сіе, обратилъ я взоръ мой на мой санъ, позналъ обширность моея обязанности, позналъ, откуду проистекаетъ мое право и власть. Возтрепеталъ во внутренности моей, убоялся служенія моего. Кровь моя пришла въ жестокое волненіе, и я пробудился. — Еще неопомнившись, схватилъ я себя за палѣцъ, но терноваго кольца на немъ небыло. О если бы оно пребывало хотя на мизинцѣ Царей!

Властитель міра, если читая сонъ мой, ты улыбнешся съ насмѣшкою, или нахмуришъ чело, вѣдай, что видѣнная мною странница отлетѣла отъ тебя далеко и чертоговъ твоихъ гнушается.

БРОННИЦЫ.

Рѣчь идетъ о селѣ Бронницы, около Новгорода. Тамъ была гора, «на которой — пишетъ Радищевъ — сказываютъ, въ древніе времена, до пришествія, думаю, Славянъ, стоялъ храмъ, славившійся тогда издаваемыми въ ономъ прорицаніями... Нынѣ же на мѣстѣ славнаго древняго капища построена малая церковь».

... — Я опомнился. — Достигъ вершины горы, и узрѣвъ церковь возвелъ я руки на небо. Господи, возопилъ я, се храмъ твой, се храмъ, вѣщаютъ, истиннаго, единаго Бога.

На мѣстѣ семъ, на мѣстѣ твоего нынѣ пребыванія, повѣствуютъ, стоялъ храмъ заблужденія. Но немогу повѣрить, о Всесильный! что бы человѣкъ мольбу сердца своего воссылалъ ко другому какому-либо существу, а не къ тебѣ. Мощная дѣсница твоя, невидимо всюду простертая, и самаго отрицателя всемогущія воли твоея нудитъ признавати природы строителя и содержателя. Если смертный въ заблужденіи своемъ, странными, непристойными и звѣрскими нарицаетъ тебя именованіями, почитаніе его однако же стремится къ тебѣ, предвѣчному, и онъ трепещетъ предъ твоимъ могуществомъ. Егова, Юпитеръ, Брама; Богъ Авраама, Богъ Моисея, Богъ Конфуція, Богъ Зороастра, Богъ Сократа, Богъ Марка Аврелія, Богъ Христіанъ, о Богъ мой! Ты единъ повсюду. Если въ заблужденіи своемъ смертные, казалося, не тебя чтили единаго; но боготворили они твои несравненныя силы, твои неуподобляемыя дѣла. Могущество твое, вездѣ и во всемъ ощущаемое, было вездѣ и во всемъ покланяемо. Безбожникъ, тебя отрицающій, признавая природы законъ непремѣнный, тебѣ же приноситъ тѣмъ хвалу, хваля тебя паче нашего пѣснопѣнія. Ибо проникнутый до глубины своея изящностію твоего творенія, ему предстоитъ трепѣтенъ. — Ты ищешъ, отецъ всещедрый, искренняго сердца и души непорочной; они отверсты вездѣ на твое пришествіе. Сниди Господи и воцарися въ нихъ. — И пребылъ я нѣсколько мгновеній отриновенъ окрестныхъ мнѣ предмѣтовъ, низшедъ во внутренность мою глубоко.

КРЕСТЬЦЫ.

На станціи «Крестцы» авторъ встрѣтилъ пожилого дворянина, который разставался съ двумя юношами, своими сыновьями, отпуская ихъ въ военную службу. На прощанье отецъ подробно объяснилъ дѣтямъ, какихъ правилъ держался онъ съ женой при ихъ воспитаніи. Эти убѣжденія родителей должны были служить дѣтямъ опорой въ самостоятельной жизни. Въ уста Крестецкаго дворянина авторъ вложилъ собственный идеалъ воспитанія. Связь съ воззрѣніями Локка и Руссо легко усматривается въ этомъ идеалѣ.

... Но если я исполнилъ должность мою въ воспитаніи вашемъ, обязанъ сказати нынѣ вамъ вину, почто васъ такъ, а не иначе воспитывалъ и для чего сему, а не другому васъ научилъ; и для того услышите повѣсть о воспитаніи вашемъ, и познайте вину всѣхъ моихъ надъ вами дѣяній. Со младенчества вашего принужденія вы не чувствовали.

Хотя въ дѣяніяхъ вашихъ вождаемы были рукою моею, неощущали однакоже николи ея направленія. Дѣянія ваши были предъузнаты и предваряемы; нехотѣлъ я, что бы робость или послушаніе повиновенія, малѣйшею чертою ознаменовала на васъ тяжесть своего перста. И для того духъ вашъ нетерпящь велѣнія безразсуднаго, кротокъ къ совѣту дружества. Но если младенцамъ вамъ сущимъ, находилъ я, что уклонялися отъ пути мною назначеннаго, устремляемы случайнымъ ударенісмъ, тогда остановлялъ я ваше шествіе, или лучше сказать, непримѣтно вводилъ въ прежній путь, яко потокъ оплоты прорывающій, искусною рукою обращается въ свои берега.

Робкая нѣжность неприсудствовала во мнѣ, когда казалося, нерачилъ объ охраненіи васъ отъ непріязненности стихій и погоды. Желалъ лучше, что бы на мгновеніе тѣло ваше оскорбилося преходящею болью, нежели дебелы пребудете въ возрастѣ совершенномъ! И для того почасту ходили вы босы непокровенную имѣя главу; въ пыли, въ грязи, возлѣжали на отдохновеніе, на скаміи или на камени. Неменьше старался я, удалить васъ отъ убійственной пищи и питія. Труды наши лучшая была приправа въ обѣдѣ нашемъ. Воспомните, съ какимъ удовольствіемъ обѣдали мы въ деревнѣ намъ неизвѣстной, ненашедъ дороги къ дому. Сколь вкусенъ намъ казался тогда хлѣбъ ржаной и квасъ деревенскій! Неробщите на меня, если будете иногда осмѣяны, что неимѣете казистаго возшествія, что стоите, какъ тѣлу вашему покойнѣе, а не какъ обычай или мода велитъ; что одѣваетеся не со вкусомъ, что волосы ваши кудрятся рукою природы, а не чесателя. Неробщите, если будете небрежены въ собраніяхъ, а особливо отъ женщинъ, для того что не умѣете хвалить ихъ красоту; но вспомните, что вы бѣгаете быстро, что плаваете неутомляяся, что подымаете тяжести безъ натуги, что умѣете водить соху, вскопать гряду, владѣете косою и топоромъ, стругомъ и долотомъ; умѣете ѣздить верхомъ, стрѣлять. Неопечальтеся, что вы скакать не умѣете какъ скоморохи...

Но вы умѣете изображать животныхъ и неодушевленныхъ, изображать черты Царя природы, человѣка. Въ живописи найдете вы истинное услажденіе нетокмо чувствъ, но и разума. — Я васъ научилъ музыкѣ, дабы дрожащая струна согласно вашимъ нервамъ, возбуждала дремлющее сердце; ибо музыка приводя внутренность въ движеніе, дѣлаетъ

мягкосердіе въ насъ привычкою. — Научилъ я васъ и варварскому искусству сражаться мечемъ. Но сіе искусство да пребудетъ въ васъ мертво, доколѣ собственная сохранность того невостребуетъ. Оно, уповаю, несдѣлаетъ васъ наглыми; ибо вы твердой имѣете духъ, и обидою несочтете, если оселъ васъ улягнетъ, или свинья смраднымъ до васъ коснется рыломъ. Небойтесь сказать никому, что вы корову доить умѣете, что шти и кашу сварите, или зажаренной вами кусокъ мяса будетъ вкусенъ. Тотъ, кто самъ умѣетъ что сдѣлать, умѣетъ заставить сдѣлать, и будетъ на погрѣшности снисходителенъ, зная всѣ въ исполненіи трудности. Во младенчествѣ и отрочествѣ, неотягощалъ я разсудка вашего готовыми размышленіями, или мыслями чуждыми, неотягощалъ памяти вашей излишними предмѣтами. Но предложивъ вамъ пути къ познаніямъ, съ тѣхъ поръ, какъ начали разума своего ощущати силы, сами шествуете къ отверстой вамъ стезѣ. Познанія ваши тѣмъ основательнѣе, что вы ихъ пріобрѣли нетвердя, какъ то говорятъ по пословицѣ, какъ сорока якова. Слѣдуя сему правилу, доколѣ силы разума небыли въ васъ дѣйствующи, непредлагалъ я вамъ понятія о всевышнемъ существѣ, и еще менѣе объ откровеніи. Ибо то, что бы бы познали прежде, нежели были разумны, было бы въ васъ предразсудокъ и разсужденію бы мѣшало. Когда же я узрѣлъ, что вы въ сужденіяхъ вашихъ вождаетесь разсудкомъ, то предложилъ вамъ связь понятій, ведущихъ къ познанію Бога; увѣренъ во внутренности сердца моего, что всещедрому Отцу пріятнѣе зрѣти двѣ непорочныя души, въ коихъ свѣтильникъ познаній, не предразудкомъ возжигается, но что они сами возносятся къ начальному огню на возгорѣніе. Предложилъ я вамъ тогда о законѣ откровенномъ, не сокрывая отъ васъ все то, что въ опроверженіе онаго сказано многими. Ибо желалъ, что бы вы могли сами избирать между млекомъ и желчію, и съ радостью видѣлъ, что воспріяли вы сосудъ утѣшенія неробко...

ХОТИЛОВЪ.

(Проектъ уничтоженія крѣпостного права.)

Извѣстно вамъ изъ дѣяній отцевъ вашихъ, извѣстно всѣмъ изъ нашихъ лѣтописей, что мудрые правители нашего народа, истиннымъ подвизаемы человѣколюбіемъ, дознавъ естественную связь общественнаго союза, старалися положить

предѣлъ стоглавному сему злу. Но державныя ихъ подвиги утщетилися, извѣстнымъ тогда, гордыми своими преимуществами въ государствѣ нашемъ, чиносостояніемъ, но нынѣ обветшалымъ и въ презрѣніе впадшимъ, дворянствомъ наслѣдственнымъ. Державные предки наши, среди могущества силъ скипетра своего, немощны были на разрушеніе оковъ гражданскія неволи. Нетокмо они немогли исполнить своихъ благихъ намѣреній, но ухищреніемъ помянутаго въ государствѣ чиносостоянія, подвигнуты стали на противныя разсудку ихъ и сердцу правила. Отцы наши зрѣли губителей сихъ, со слезами можетъ быть сердечными, сожимающихъ узы и отягчающихъ оковы, наиполезнѣйшихъ въ обществѣ сочленовъ.

Земледѣльцы и доднесь между нами рабы; мы въ нихъ непознаемъ сограждан намъ равныхъ, забыли въ нихъ человѣка. О возлюбленные наши сограждане! о истинные сыны отечества! возрите окрестъ васъ, и познайте заблужденіе ваше.

... Но нѣтъ ничего вреднѣе, какъ всегдашнее на предмѣты рабства возрѣніе. Съ одной стороны родится надмѣнность, а съ другой робость. Тутъ никакой неможно быть связи, развѣ насиліе. И сіе, собираяся въ малую среду, властнодержавное свое дѣйствіе простираетъ всюду тяжко. Но поборники неволи, власть и остріе въ рукахъ имѣющіе, сами ключимые во узахъ, наиярostнѣйшіе оныя бываютъ проповѣдники. Кажется, что духъ свободы толико въ рабахъ изсякаетъ, что нетокмо нежелаютъ скончать своего страданія, но тягостно имъ зрѣти, что другіе свободствуютъ. Оковы свои возлюбляютъ, если возможно человѣку любити свою пагубу. Мнѣ мнится въ нихъ зрѣти змію, совершившую паденіе перваго человѣка. — Примѣры властвованія суть заразительны. Мы сами, признаться должно, мы ополченные палицею мужества и природы на сокрушеніе стоглавнаго чудовища, изсосающаго пищу общественную, уготованную на прокормленіе гражданъ, мы поползнулися, можетъ быть, на дѣйствія самовластія, и хотя намѣренія наши были всегда благи и къ блаженству цѣлаго стремились; но поступокъ нашъ державный полезностію своею оправдаться не можетъ. И такъ нынѣ молимъ васъ, отпущенія нашего неумышленнаго дерзновенія.

Невѣдаете ли, любезные наши сограждане, коликая намъ предстоитъ гибель, въ коликой мы вращаемся опасности.

Загрубѣлыя всѣ чувства рабовъ, и благимъ свободы мановеніемъ въ движеніе неприходящія, тѣмъ укрѣпять и усовершенствуютъ внутреннее чувствованіе. Потокъ, загражденный въ стремленіи своемъ, тѣмъ сильнѣе становится, чемъ тверже находитъ противостояніе. Прорвавъ оплотъ единожды, ни что уже въ разлитіи его противиться ему невозможетъ. Таковы суть братія наши, въ узахъ нами содержимые. Ждутъ случая и часа. Колоколъ ударяетъ. И се пагуба звѣрства разливается быстротечно. Мы узримъ окрестъ насъ мечъ и отраву. Смерть и пожиганіе намъ будетъ посулъ за нашу суровость и безчеловѣчіе.

И чѣмъ медлительнѣе и упорнѣе мы были въ разрѣшеніи ихъ узъ, тѣмъ стремительнѣе они будутъ во мщеніи своемъ. Приведите себѣ на память прежнія повѣствованія. Даже обольщеніе, колико яростныхъ сотворило рабовъ на погубленіе господъ своихъ! Прельщенные грубымъ самозванцемъ текутъ ему во слѣдъ, и ничего толико нежелаютъ, какъ освободиться отъ ига своихъ властителей; въ невѣжествѣ своемъ другаго средства къ тому неумыслили, какъ ихъ умерщвленіе. Нещадили они ни пола, ни возраста. Они искали паче веселіе мщенія, нежели пользу сотрясенія узъ.

Вотъ что намъ предстоитъ, вотъ чего намъ ожидать должно. Гибель возносится горѣ постепенно, и опасность уже вращается надъ главами нашими. Уже время, вознесши косу, ждетъ часа удобности, и первый льстецъ, или любитель человѣчества, возникши на пробужденіе нещастныхъ, ускоритъ его махъ. Блюдитеся.

Но если ужасъ гибели, и опасность потрясенія стяжаній, подвигнуть можетъ слабаго изъ васъ, не ужели небудемъ мы толико мужественны въ побѣжденіи нашихъ предразсужденій, въ попраніи нашего корыстолюбія и не освободимъ братію нашу изъ оковъ рабства, и невозстановимъ природное всѣхъ равенство? Вѣдая сердецъ вашихъ расположеніе, пріятнѣе имъ убѣдиться доводами, въ человѣческомъ сердцѣ почерпнутыми, нежели въ изчисленіяхъ корыстолюбиваго благоразумія, а менѣе еще въ опасности. Идите, возлюбленные мои, идите въ жилища братіи вашей, возвѣстите о премѣнѣ ихъ жребія. Вѣщайте съ ощущеніемъ сердечнымъ: подвигнутые на жалость вашею участію, соболѣзнуя о подобныхъ намъ, познавъ ваше равенство съ нами, и убѣжденные общею пользою, пришли мы да лобзаемъ братію нашу. Оставили мы гордое различіе, насъ толико вре-

мени отъ васъ отдѣлявшее, забыли мы существовавшее между нами неравенство, возторжествуемъ нынѣ о побѣдѣ нашей, и сей день, въ онъ же сокрушаются оковы сограждан намъ любѣзныхъ, да будетъ знаменитѣйшій въ лѣтописяхъ нашихъ. Забудьте наше прежнее злодѣйство на васъ, и да возлюбимъ другъ друга искренно.

Се будетъ глаголъ вашъ; се слышится онъ уже во внутренности сердецъ вашихъ. Немѣдлите, возлюбленные мои. Время лѣтитъ, дни наши преходятъ въ недѣйствіи. Да нескончаемъ жизни нашея, возъимѣвъ только мысль благую, и невозмогши ее исполнить. Да невоспользуется тѣмъ потомство наше, да непожнетъ вѣнца нашего, и съ презрѣніемъ о насъ да нескажетъ: они были.

Вотъ что я прочелъ въ замаранной грязью бумагѣ, которую поднялъ я передъ почтовою избою, вылѣзая изъ кибитки моей...

Между тѣмъ, какъ лошадей моихъ перепрягали, я любопытствовалъ, разсматривая доставшіяся мнѣ бумаги. Множество нашелъ я подобныхъ той, которую читалъ. Вездѣ я обрѣталъ расположенія человѣколюбиваго сердца, вездѣ видѣлъ гражданина будущихъ временъ. Болѣе всего видно было, что другъ мой пораженъ былъ несообразностью гражданскихъ чиносостояній. Цѣлая связка бумагъ и начертаній законоположеній относилася къ уничтоженію рабства въ Россіи. Но другъ мой, вѣдая, что вышшая власть недостаточна въ силахъ своихъ, на претвореніе мнѣній мгновенно, начерталъ путь повремяннымъ законоположеніямъ, къ постепенному освобожденію земледѣльцевъ въ Россіи. Я здѣсь покажу шествіе его мыслей. Первое положеніе относится къ раздѣленію сельскаго рабства и рабства домашняго. Сіе послѣднѣе уничтожается прежде всего, и запрещается поселянъ и всѣхъ по деревнямъ въ ревизіи написанныхъ брать въ домы. Буде помѣщикъ возметъ земледѣльца въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ. Дозволить крестьянамъ вступать въ супружество, нетребуя на то согласія своего господина. Запретить брать выводныя деньги. Второе положеніе относится къ собственности и защитѣ земледѣльцевъ. Удѣлъ въ землѣ ими обрабатываемой, должны они имѣть собственностію; ибо платятъ сами подушную подать. Приобретенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его онаго да не лишитъ самопроизвольно. Возстановленіе земледѣльца во званіе гражданина. Надле-

житъ ему судиму быть ему равными, то есть въ расправахъ, въ кои выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Дозволить крестьянину приобретать недвижимое имѣніе, то есть покупать землю. Дозволить невозбранное приобретеніе вольности, платя господину за отпускную, извѣстную сумму. Запретить произвольное наказаніе безъ суда. Изчезни, варварское обыкновеніе, разрушься власть тигровъ! вѣщаетъ нашъ законодатель... За симъ слѣдуетъ совершенное уничтоженіе рабства... Но теперь дуга коренной лошади звенитъ уже въ колокольчикъ и зоветъ меня къ отъѣзду; и для того я за благо положилъ, лучше разсуждать о томъ, что выгоднѣе для ѣдущаго на почтѣ, что бы лошади шли рысью или иноходью, или что выгоднѣе для почтовой клячи, быть иноходцемъ или скакуномъ? нежели заниматься тѣмъ, что не существуетъ.

ГОРОДНЯ.

Здѣсь авторъ засталъ рекрутскій наборъ со всѣми тогдашними его ужасами, слезами и отчаяньемъ. Въ толпѣ рекрутовъ вниманіе его обратилъ на себя одинъ уже не первой молодости человѣкъ, который шелъ на службу съ радостью. Спрошенный авторомъ о причинѣ его радости, онъ разсказалъ ему свою исторію.

Если вы непоскучаете слышать моей повѣсти, то я вамъ скажу, что я родился въ рабствѣ; сынъ дядки моего бывшаго господина. Сколь восхищаюсь я, что неназовутъ уже меня Ванькою, ни поносительнымъ именованіемъ, ни позыва несдѣлаютъ свистомъ. Старой мой баринъ, человѣкъ добросердечной, разумной и добродѣтельной, нерѣдко рыдавшій надъ участію своихъ рабовъ, хотѣлъ за долговременныя заслуги отца моего, отличить и меня, давъ мнѣ воспитаніе наравнѣ съ своимъ сыномъ. Различія между нами почти не было, развѣ только то, что онъ на кафтанѣ носилъ сукно моего потонѣ. Чему учили молодого боярина, тому учили и меня; наставленіи намъ во всемъ были одинаковы, и безъ хвастовства скажу, что во многомъ я лучше успѣлъ своего молодого господина.

Ванюша, говорилъ мнѣ старой баринъ, щастіе твое зависитъ совсемъ отъ тебя. Ты болѣе къ учености и нравственности имѣешь побужденій, нежели мой сынъ. Онъ по мнѣ будетъ богатъ, и нужды неузнаетъ, а ты съ рожденія съ нею познакомился. И такъ старайся быть достоинъ моего о тебѣ

попеченія. — На семнадцатомъ году возраста молодого моего барина отправленъ былъ онъ и я въ чужіе краи съ надзирателемъ, коему предписано было, меня почитать сопутникомъ, а не слугою. Отправляя меня старой мой баринъ сказалъ мнѣ: надѣюсь, что ты возвратишся къ утѣшенію моему и своихъ родителей. Рабъ ты въ предѣлахъ сего государства, но внѣ оныхъ ты свободенъ. Возвратясь же въ оное, узъ рожденіемъ твоимъ на тебя положенныхъ, ты не обрящешъ. Мы отсутственны были пять лѣтъ, и возвращалися въ Россію; молодой мой баринъ въ радости видѣть своего родителя, а я признаюсь, ласкаяся пользоваться сдѣланнымъ мнѣ обѣщаніемъ. Сердце трепетало, вступая опять въ предѣлы моего отечества. И по истиннѣ предчувствіе его было неложно. Въ Ригѣ молодой мой господинъ получилъ извѣстіе о смерти своего отца. Онъ былъ оною тронутъ, я приведенъ въ отчаяніе. Ибо всѣ мои стараніи, пріобрѣсти дружбу и довѣренность молодого моего барина, всегда были тщетны. Онъ нетолько меня нелюбилъ, изъ зависти можетъ быть, тѣснымъ душамъ свойственной, но ненавидѣлъ.

Примѣтивъ мое смятеніе, извѣстіемъ о смерти его отца произведенное, онъ мнѣ сказалъ, что сдѣланное мнѣ обѣщаніе непозабудетъ, если я того буду достоинъ. Въ первый разъ, онъ осмѣлился мнѣ сіе сказать, ибо получивъ свободу смертію своего отца, онъ въ Ригѣ же отпустилъ своего надзирателя, заплативъ ему за труды его щедро. Справедливость надлежитъ отдать бывшему моему господину, что онъ много имѣетъ хорошихъ качествъ, но робость духа и легкомысліе оныя помрачаютъ.

Чрезъ недѣлю послѣ нашего въ Москву пріѣзда, бывшей мой господинъ влюбился въ изрядную лицемъ дѣвицу, но которая съ красотою тѣлесною соединяла скареднѣйшую душу, и сердце жестокое и суровое. Воспитанная въ надмѣнности своего происхожденія, отличностію почитала только внѣшность, знатность, богатство. Чрезъ два мѣсяца она стала супруга моего барина, и моя повелительница. До того времени я нечувствовалъ перемѣны въ моемъ состояніи, жилъ въ домѣ господина моего, какъ его сотоварищъ. Хотя онъ мнѣ ничего не приказывалъ, но я предъупреждалъ его иногда желаніи, чувствуя его власть и мою участь. Едва молодая госпожа переступила порогъ дому, въ которомъ она опредѣлялась начальствовать, какъ я почувствовалъ тягость моего жребія. Первой вечеръ по свадьбѣ и слѣдующій день, въ которой я ей пред-

ставленъ супругомъ ея какъ его сотоварищъ, она занята была обыкновенными заботами новаго супружества; но въ вечеру когда при довольно многолюдномъ собраніи, пришли всѣ къ столу, и сѣли за первой ужинъ у новобрачныхъ, и я по обыкновенію моему, сѣлъ на моемъ мѣстѣ на нижнемъ концѣ, то новая госпожа сказала довольно громко своему мужу, если онъ хочетъ, чтобъ она сидѣла за столомъ съ гостями, то бы холопей за оной несажалъ. Онъ, взглянувъ на меня и движимъ уже ею, прислалъ ко мнѣ сказать, что бы я изъ за стола вышелъ; и ужиналъ бы въ своей горницѣ. Вообразите, колико чувствительно мнѣ было сіе уничиженіе. Я, скрывъ однако же изступающія изъ глазъ моихъ слезы, удалился. На другой день несмѣлъ я показаться. Ненавѣдываясь обо мнѣ, принесли мнѣ обѣдъ мой и ужинъ. То же было и въ слѣдующіе дни. Чрезъ недѣлю послѣ свадьбы, въ одинъ день, послѣ обѣда, новая госпожа, осматривая домъ и разпредѣляя всѣмъ служителямъ должности и жилище, зашла въ мои комнаты. Онѣ для меня уготованы были старымъ моимъ бариномъ. Меня небыло дома. Неповторю того, что она говорила, будучи въ оныхъ, мнѣ въ посмѣяніе, но возвратясь домой мнѣ сказали ея приказъ, что мнѣ отведенъ уголъ въ нижнемъ етажѣ, съ холостыми офиціантами; гдѣ моя постеля, сундукъ съ платьемъ и бѣльемъ уже были поставлены; все прочее она оставила въ прежнихъ моихъ комнатахъ, въ коихъ помѣстила своихъ дѣвокъ.

Что въ душѣ моей происходило слыша сіе, удобнѣе чувствовать, если кто можетъ, нежели описать. Но дабы не занимать васъ излишнимъ можетъ быть повѣствованіемъ, госпожа моя, вступивъ въ управленіе дома, и ненаходя во мнѣ способности къ услугѣ, поверстала меня въ лакеи, и надѣла на меня ливрѣю. Малѣйшее мнимое упущеніе сея должности влекло за собою пощечины, батожье, кошки. О, государь мой, лучше бы мнѣ неродиться! Колико кратъ негодовалъ я на умершаго моего благодѣтеля, что далъ мнѣ душу на чувствованіе. Лучше бы мнѣ было возрасти въ невежествѣ, недумавъ никогда, что есмь человѣкъ всѣмъ другимъ равный.

Наконецъ онъ отданъ былъ въ солдаты, послѣ того какъ рѣшительно отказался жениться на провинившейся горничной своей госпожи, несмотря на всѣ жестокія принужденія. Онъ считалъ это послѣднее наказаніе истиннымъ избавленіемъ.

21. М. М. Хераковъ.

Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ былъ писателемъ посредственнаго таланта, но имѣлъ въ XVIII вѣкѣ очень высокую репутацію. Современники цѣнили его за то, что онъ далъ русской литературѣ эпическую поэму, не имѣть которой въ ложноклассическій вѣкъ считалось какъ-то неприличнымъ для большого и сильнаго народа. Но была и другая причина, поднимавшая значеніе Хераскова даже выше размѣровъ его таланта. Онъ былъ развитой человѣкъ, искренній и благородный по натурѣ, горячо привязанный къ интересамъ литературы, просвѣщенія и гуманности. Его имя связано съ дѣятельностью Новикова, стремленія и взгляды котораго онъ раздѣлялъ и которому именно онъ помогъ начать просвѣтительную работу въ Москвѣ. Одинъ изъ историковъ той эпохи (М. Лонгиновъ) такъ изображаетъ общественную роль Хераскова: «Въ исторіи литературы онъ занимаетъ почетное мѣсто, какъ образованный, честный дѣятель и какъ пріятный стихотворецъ, въ которомъ видны иногда проблески истинной поэзіи. Домъ Херасковыхъ всегда былъ открытъ для всякаго, кто имѣлъ стремленіе къ предметамъ этого рода (просвѣщенію и литературѣ), и всѣ молодые люди, преданные этимъ высокимъ интересамъ, составляли какъ бы семейство ихъ. Херасковъ видѣлъ и одобрялъ первыя попытки Богдановича и Фонвизина, потомъ Державина, впослѣдствіи — Карамзина и Дмитріева, наконецъ, поддерживалъ первые шаги Жуковскаго, Тургеневыхъ и ихъ товарищей. Онъ — свидѣтель и участникъ всего лучшаго въ литературѣ XVIII вѣка... Жизнь Хераскова — одна изъ лучшихъ страницъ въ исторіи нашего общества и его просвѣщенія». Пыпинъ прибавляетъ къ этой оцѣнкѣ: «можно не придавать большой цѣны его поэтическому дарованію; творенія его остаются тяжелы по манерѣ и языку, — но должно отмѣтить, что они отличаются вообще большой серіозностью тона: его мысли всегда направлены на важные вопросы нравственности и просвѣщенія. И въ этомъ отношеніи любопытна его связь съ масонскими тенденціями».

Херасковъ былъ плодовитъ и писалъ въ самыхъ различныхъ родахъ, начиная съ одъ, поэмъ и трагедій въ чистомъ ложноклассическомъ духѣ, который лежалъ въ основѣ его литературнаго развитія, кончая моральными аллегорическими повѣстями и разнообразными лирическими вещами. Къ концу жизни развитіе нашей поэзіи, начавшееся ея сближеніе съ жизнью и выработка новыхъ поэтическихъ формъ подъ перомъ Державина, Богдановича и Дмитріева оказали извѣстное вліяніе на творчество Хераскова, побудивъ его смягчить важную торжественность строгихъ ложноклассическихъ формъ; онъ пробовалъ прилагать «языкъ боговъ» и къ болѣе легкимъ, шутливымъ сюжетамъ. Мы приводимъ здѣсь отрывки изъ его торжественной «Россіады» и изъ сказочной поэмы «Бахаріана».

«Россіада» описываетъ покореніе Грознымъ Казани. Вопреки исторіи Херасковъ видитъ въ этомъ событіи центральный пунктъ всей борьбы Руси съ татарами и отсюда ведетъ освобожденіе ея

отъ татарскаго ига. Исторической вѣрности ни въ фактахъ, ни въ духѣ эпохи здѣсь вообще нельзя найти, и къ ней вовсе не стремился никогда ложноклассическій поэтъ. Поэтическихъ достоинствъ въ поэмѣ тоже немного; она написана стихотворцемъ вполнѣ второстепеннымъ, по шаблонамъ теоріи, съ многочисленными заимствованіями и подражаніями; образцами и примѣрами ему служили всѣ предшественники, начиная съ Гомера и Виргилія, кончая Торквато Тассо, Аріосто и Вольтеромъ съ его «Генріадой». Но поэма написана въ очень выдержанномъ серіозномъ тонѣ, гладкимъ, обработаннымъ стихомъ и не лишена въ отдѣльныхъ мѣстахъ болѣе или менѣе удачныхъ, живыхъ и легкихъ оборотовъ, образовъ и картинъ. Изъ «Россіады» учебныя хрестоматіи, обыкновенно, берутъ описанія волшебнаго Казанскаго лѣса и царства зимы въ Кавказскихъ горахъ. Мы выбрали три не менѣе удавшихся автору мѣста, которыя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе типичны для эпической поэмы. Это — отправленіе русскаго войска въ походъ, затѣмъ — страданія его отъ зноя и, наконецъ, картину сраженія подъ стѣнами Казани.

«Бахаріана или Неизвѣстный. Волшебная повѣсть, почерпнутая изъ русскихъ сказокъ» была написана Херасковымъ въ послѣдніе годы жизни. Она издана была отдѣльно отъ собранія его сочиненій въ 1803 году и безъ имени автора; многіе учебники литературы даже не упоминаютъ объ этой поэмѣ. Между тѣмъ она для исторіи нашей поэзіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ важнѣе «Россіады». «Россіада» была отжившей вещью уже въ моментъ созданія; современники могли восторгаться ею, но она ни вела ни къ чему дальнѣйшему и не открывала никакихъ путей; она была пышнымъ памятникомъ на пустой могилѣ, которымъ любовались проходящіе мимо, пока не замѣчали искусственной и безвкусной его архитектуры. «Бахаріана» входила въ составъ цѣлаго литературнаго теченія, въ которомъ были новые элементы и которое прямо приводитъ насъ къ Пушкину. Отъ подлинныхъ русскихъ народныхъ сказокъ «Бахаріана» стояла очень далеко; она была близка къ такимъ «русскимъ» сказкамъ, которыя писали въ XVIII вѣкѣ Чулковъ и Поповъ. Это были свободныя импровизаціи на русскія, а чаще на западно-европейскія темы волшебныхъ, рыцарскихъ романовъ и поэмъ. Эта литература на Западѣ была громадна; у насъ ее въ концѣ XVIII вѣка много переводили, ей охотно подражали въ прозѣ и стихахъ. Вкусъ къ ней совпалъ съ первыми проблесками романтизма на Руси, который эта литература подготовляла и развивала. Десять частей «Русскихъ сказокъ» Чулкова, вышедшихъ въ 1783 г. и усердно читавшихся и въ началѣ XIX вѣка, содержали въ себѣ огромный матеріалъ волшебно-рыцарскихъ приключеній, излагавшихся въ шутливомъ или назидательномъ духѣ, со многими сказочными подробностями, взятыми изъ западно-европейскаго или русскаго эпическаго запаса, но обыкновенно лишенными простоты и искренности народной сказки. Подобныя, разукрашенныя фантазіей, произведенія съ легкимъ налетомъ народности у насъ писали тогда въ прозѣ и стихахъ, кромѣ Чулкова, еще М. Поповъ («Славянскія древности»), Ради-

шевъ («Бова»), Державинъ («Царь-дѣвица»), Карамзинъ («Илья Муромецъ»). Сюда примыкаетъ и Херасковъ со своей «Бахаріаной»; сюда же слѣдуетъ включить и «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» Жуковскаго. Длинный рядъ этихъ произведеній замыкается «Русланомъ и Людмилой» Пушкина. Во многихъ изъ нихъ, начиная съ Чулкова, основой служитъ варіируемая на безчисленное количество ладовъ сказочно-рыцарская схема о приключеніяхъ героя, который отправляется искать и освобождать красавицу, похищенную злымъ волшебникомъ и заключенную въ его замкѣ, гдѣ она окружена чудесами и роскошью. Пока чародѣй напрасно старается склонить къ себѣ сердце героини всѣми соблазнами, ея возлюбленный терпитъ множество бѣдъ: встрѣчи съ противникомъ или соперникомъ, очарованные замки съ коварными красавицами, битвы, смерть и оживленіе, превращенія и заточенія — все выноситъ онъ и изъ всего выходитъ побѣдителемъ, благодаря своей храбрости и вѣрности, а также помощи добраго и мудраго волшебника или феи. Въ концѣ всегда зло и коварства терпятъ пораженіе, а любящія и вѣрныя сердца награждаются счастливымъ соединеніемъ. Поэма Пушкина опиралась какъ разъ на весь этотъ, хорошо знакомый публикѣ матеріалъ; ея успѣхъ зависѣлъ именно отъ того, что она, взявъ извѣстное, придала ему новый видъ и цѣну, далеко оставивъ за собой всѣ предшествовавшія обработки легкой непринужденностью и изяществомъ.

Помѣщенные два отрывка изъ «Бахаріаны» даютъ понятіе объ одной изъ обработокъ этого матеріала до Пушкина и позволяютъ судить о томъ, что «Русланъ и Людмила», по дѣйствующимъ лицамъ, ихъ ролямъ и положеніямъ, во многомъ идетъ по старымъ слѣдамъ. Первый отрывокъ даетъ параллель къ пребыванію Людмилы въ замкѣ Черномора, а второй — соотвѣтствуетъ встрѣчѣ Руслана съ Финномъ.

РОССІАДА.

1.

Уже кипящая подъ веслами вода
Носила по Окѣ россійскія суда;
Надеждѣ, ревности и щастію врученны
Плывутъ, снарядами и пищей отягченны.
Пріемлютъ Волжскія шумящія струи
На влажные свои хребты суда сіи;
И гласы трубные далеко раздаются;
Въ рѣкахъ брони звучатъ, въ Коломнѣ слезы льются.
Другую войска часть со стѣнъ сей городъ зритъ,
Которая на брань, какъ стадо птицъ, паритъ.
Стонаетъ тучный брегъ подъ ратными полками,
И пыль густыми ихъ объемлетъ облаками.
Скрываются они за крутизною горъ;
Слухъ внемлетъ пѣсни ихъ, но войскъ не видитъ взоръ.

И будто на своихъ дѣтей еще взираютъ,
Отъ стѣнъ родители къ нимъ руки простираютъ,
И теплыя мольбы возносятъ къ небесамъ:
Да слава двигнется во слѣдъ по ихъ стопамъ!
Какъ туча, молніи въ груди своей несуща,
Перунамъ пламеннымъ свободы не дающа,
Высокимъ зданіямъ и хижинамъ грозитъ,
Но, въ нѣдрахъ кроя смерть, идетъ и не разитъ:
Толикій гнѣвъ несетъ и молніи такія
Къ Казани съ пламенемъ парящая Россія;
Отважность, крояся среди ея полковъ,
Ведетъ къ сраженью ихъ внизъ Волжскихъ береговъ.

Начало похода было труднымъ. Враги волшебными чарами и волхвованіями навели на русское войско сперва палящій зной, потомъ лютую зиму. Слѣдующій отрывокъ изображаетъ страданія русскихъ отъ зноя и жажды.

2.

На высочайшую восходитъ зло степѣнь:
Мракъ вечеромъ томитъ, томитъ поутру тѣнь;
Натура съ воздуха сняла свои покровы;
Ни тонки облака, ни вѣтвисты дубровы,
Ни вѣтры тихіе, ни горы, ни лѣса,
Не могутъ прохлаждать палящи небеса;
И смерти ратники тоскливой ожидаютъ;
Непобѣдимыхъ гладъ и жажда побѣждаютъ;
Гортань изсякла ихъ, огонь горѣлъ въ устахъ,
Дыханье огненно во рту сгущало прахъ...
Два воина пошли для промысла въ ночи:
Въ ракитовомъ кусту имъ слышатся ключи,
Которы будто бы внутри земли журчали.
Се кладъ, безцѣнный кладъ! идущіе вскричали;
И съ корнемъ вмигъ они ракитникъ извлекли,
Потоки чистые мгновенно потекли.
Насытились они; но ключъ, что имъ явился,
Какъ тонкая змія, между травой извился,
Бѣжалъ и внутрь земли себѣ находитъ путь.
Но ратники воды успѣли почерпнуть;
Ушелъ потокъ отъ нихъ. Водой наполнивъ шлемы,
Несли ее къ Царю, усердны, скромны, нѣмы;
Дабы, гдѣ равная снѣдаетъ жажда всѣхъ,
Отъ нужды, ревности не сдѣлалъ кто помѣхъ,
Печальнаго Царя отъ сѣни отторгаютъ,

И воду свѣжую во шлемахъ предлагаютъ.
Сей подвигъ тяжкій вздохъ у ихъ Царя извлекъ;
О, други! ихъ обнявъ, Монархъ печальный рекъ:
Или вы чаете, что въ семъ пространномъ полѣ
Вашъ Царь слабѣе всѣхъ и всѣхъ томится болѣ?
Томлюся больше всѣхъ, въ нещастливой судьбѣ,
О страждущихъ со мной, томлюсь не о себѣ:
Пойдемъ и принесемъ напитокъ сей скорбящимъ,
Нещастнымъ ратникамъ, почти въ гробахъ лежащимъ.
Подарокъ сей для нихъ, не для меня мнѣ милъ...
Пошелъ и воиновъ скорбящихъ напоилъ.

Слѣдующій отрывокъ изображаетъ битву подъ стѣнами Казани. Татары храбро кинулись въ средину русскаго войска и привели его сперва въ смятеніе. Особенное опустошеніе въ нашихъ рядахъ производили два непріятельскихъ витязя. Одинъ изъ нихъ, Озмаръ, добрался до русскаго полководца, князя Троекурова.

3.

Воитель, въ подвигахъ неукротимый, злобный,
Закинувъ на хребетъ свой щитъ, лунѣ подобный,
Въ уста вложивъ кинжалъ и въ руки взявъ мечи,
Которы у него сверкали какъ лучи,
Бѣжитъ; но встрѣтилъ князь мечемъ сего злодѣя;
Текуща кровь съ броней на землю каплетъ рдѣя;
Наводитъ ужасъ онъ, какъ близкая гроза;
Сверкаютъ подъ челомъ у варвара глаза;
Героя поразить мечами покушался,
Подвигся, отступилъ, во всѣ страны метался;
Хотѣлъ со двухъ сторонъ мечи свои вонзить,
Но князь успѣлъ его сквозь сердце поразить,
Злодѣй, заскрежетавъ, сомкнулъ кровавы очи,
И гордый духъ его ушелъ во мраки ночи.
Повержена врага увидѣвъ своего,
Герой Россійскій снять спѣшитъ броню съ него;
Удары злобныхъ Ордъ щитомъ своимъ отводитъ,
Ихъ нудитъ отступить, съ коня на землю сходитъ,
Поникъ, — но храбрость ту другой злодѣй пресѣкъ.
Съ копьемъ въ одной рукѣ, въ другой съ чеканомъ текъ;
Шумитъ какъ древній дубъ, великъ тяжелымъ станомъ,
И Троекурова ударилъ въ тылъ чеканомъ:
Свалился шлемъ съ него, какъ камень, на траву;

Злодѣй, алкающій разсѣчь его главу,
Направилъ копіе рукою въ саму выю,
И скоро бы лишилъ поборника Россію;
Уже броню его и кольцы сокрушилъ,
Но Пронскій на конѣ къ сей битвѣ поспѣшилъ.
Узнавый, что его сподвижникъ погибаетъ,
Какъ молнія ряды смѣшенны пролетаетъ;
Разитъ, и руку прочь успѣлъ онъ отдѣлить,
Которой врагъ хотѣлъ геройску кровь пролить.
Свирѣпый витязь палъ. Ордынцы встрепетали;
Воскрикнули, щиты и шлемы разметали,
Смѣшались, дрогнули и обратились въ бѣгъ.
Съ полками Пронскій князь на ихъ хребты налегъ.
Какъ волны предъ собой Борей въ пучинѣ гонитъ,
Или къ лицу земли древа на сушѣ клонитъ,
Такъ гонятъ Россы ихъ, въ толпу соединясь.
Рубите, бодрствуйте! имъ вопитъ Пронскій князь.
Весь воздухъ огустѣлъ шумящими стрѣлами,
И долъ наполнился кровавыми тѣлами.
Звукъ мечный слышится и ржаніе коней;
Летаетъ грозна смерть съ косою межъ огней;
Катятся тамъ главы, ліются крови рѣки,
И человѣчество забыли человѣки!
Что было въ варварствомъ въ другія времена,
То въ полѣ сдѣлала достоинствомъ война.

БАХАРІАНА.

1.

На груди цвѣты имѣя
И вѣнки на головахъ,
Нимфы пляшутъ по долинамъ,
Въ рощицахъ любовь поютъ;
Эхо пѣсни ихъ разноситъ
По пещерамъ и горамъ.
Пробуждается Фелана
Рѣзвостью и пляской Нимфъ,
Лиліи она подобна
Окропленною росой;
Слезы, кои проливала,

Слезы видны на щекахъ,
Какъ изсохшіе потоки,
Какъ протекши ручейки;
Выступила изъ пещеры, —
Усмѣхнулися луга;
Птички громче засвистали,
Ясный день — яснѣе сталъ;
Солнце, солнце веселилось
Освѣщая царску дочь;
Небеса сіяли чище;
Любовалися поля;
Нимфы розы ей подносятъ,
Знакъ румяности ея;
Лиліи дарятъ Феланѣ
Бѣлизны ея примѣръ;
Входитъ въ миртовую рощу,
Въ честь ей соловьи поютъ;
Съ нѣжностью пріосѣняетъ
Посѣтительницу лѣсъ;
Подъ зелеными древами
Учреждаются пиры,
Роскошь тамъ столы готовитъ,
Смаку придаетъ имъ вкусъ;
Тамо финики и смоквы;
Тамо сладкій виноградъ;
Все, что жажду утоляетъ,
Все, что можетъ услаждать,
Все въ златыхъ сосудахъ видно,
Во прозрачномъ хрусталѣ.
Чуть Фелана прикасалась
Къ очарованнымъ столамъ;
Нимфы пищей наслаждались,
Шумомъ, играми, виномъ;
На цвѣтущіе луга
Кои, разпестрясь цвѣтами,
Радужный имѣли видъ,
Рѣзвятся, въ лугу играютъ,
Бѣгаютъ по муравѣ,
Падаютъ, встаютъ, хохочутъ,
Бьютъ въ ладоши и поютъ, —
Не участвуетъ Фелана
Въ ихъ забавахъ, въ ихъ играхъ...

2.

Видитъ онъ дубовый лѣсъ вдали.
Тѣнь струится по густой травѣ,
Подъѣзжаетъ къ черной тѣни онъ.
Ѣдетъ межъ древесъ развѣсистыхъ,
Шествуя дорожкой узкою.
Неизвѣстный призадумался;
Вѣтви за него цѣпляются;
Витязь ничего не чувствуетъ,
Только чувствуетъ въ душѣ тоску,
Разлученіе съ Феланою;
Подъ зеленымъ сводомъ идетъ конь;
Вдругъ орлиный раздается крикъ,
На дубу въ гнѣздѣ орелъ сидѣлъ,
Слыша конскій топотъ встрепеталъ;
По дубравѣ громкой крикъ орла
Раздается въ тишинѣ глухой.
Неизвѣстный пробуждается,
Всюду, — всюду озирается;
Видитъ за лѣсомъ зеленый лугъ,
Слабымъ свѣтомъ озаряемый,
Тѣни въ даль кругомъ простерлися,
Солнце къ западу катилося,
На небѣ заря вечерняя
Алой краскою малуется;
Среди луга хижина стоитъ,
Вкругъ ея сребристый ручеекъ
По песочку извивается,
Между камышковъ играетъ онъ,
И цвѣтками вкругъ любуется.
Старецъ выступилъ изъ хижины,
Борода его, какъ новый снѣгъ,
Простиралася до пояса;
Къ ручейку онъ наклоняется,
Раковиной воду черпаетъ;
Но, услыша топотъ отъ коня,
Приподнялъ чело почтенное;
Не погасъ еще въ глазахъ его,
Не погасъ огонь цвѣтущихъ лѣтъ;
Голосомъ сказалъ привѣтливымъ,
Приглашая Неизвѣстнаго;

Добрый вечеръ! — говоритъ ему:
Ты пусти коня въ лугу пастись,
Самъ пройди ко мнѣ черезъ ручей
Въ хижину уединенную!...
Руку простираетъ къ Витязю,
Витязь сходитъ съ борзаго коня;
Переходитъ онъ черезъ ручей
Съ осторожностью по камышкамъ,
Онъ ко старцу приближается;
Шлемъ оставилъ между вѣтвями.
Важенъ старцевъ былъ почтенный видъ,
Онъ осанку, кажется, имѣлъ
И наружность Патріаршеску,
Ввѣрься! — сердце говоритъ ему;
Разумъ сумнѣваться не велитъ;
Откровенность дружество сулитъ.
Входитъ Неизвѣстный въ хижину;
Хижина была прибориста,
Нѣтъ излишества, — ни роскоши;
Добрый вкусъ съ пріятной простотой
Представляютъ свойства старцовы.
Простота милѣе пышности!
Старецъ странника привѣтствуетъ
Угощеніемъ пустынничьимъ,
На ковры сажаетъ мягкіе;
Поставляетъ онъ передъ него
Сладкій сотъ, — какъ будто бѣлый снѣгъ,
Вкусные плоды сушеные,
Сыръ, — млеко, — вино восточное.
Укрѣпися прежде пищею,
Добрый старецъ говоритъ ему,
Мы потомъ начнемъ бесѣдовать.
Неизвѣстный ближе сѣлъ къ огню;
Красота лица явилася,
Красота не женовидная;
Мужественная, пріятная;
На глазахъ его написаны
Храбрость, важность и — задумчивость.
Пищу онъ вкушалъ умѣренно,
Но глаза подъемля на небо,
Вздохомъ часто пищу прерывалъ.
Старецъ, угощая Неизвѣстнаго,

Кроткимъ голосомъ сказалъ ему:
Вижу, что въ цвѣтущей юности
Чашу горести ты пилъ, — мой сынъ!...
Ахъ! Я самъ несчастенъ въ жизни былъ;
Послѣ я о томъ повѣдаю!
Но скажи мнѣ, другъ мой, кто ты есть?
Потупляя взоры смутные,
Неизвѣстный старцу отвѣчалъ:
Я несчастнѣй въ мірѣ всѣхъ людей!...

22. Д. И. ФОНВИЗИНЪ.

Школьное знакомство съ Фонвизинымъ, обыкновенно, ограничивается «Недорослемъ» или, въ лучшемъ случаѣ, еще «Бригадиромъ». Между тѣмъ формы проявленія его сатирическаго таланта вовсе не исчерпываются областью комедіи: этотъ талантъ былъ довольно разнообразенъ, и, не читая «Вопросовъ», матеріаловъ для журнала «Стародумъ» и стихотворныхъ опытовъ, трудно составить себѣ правильное понятіе о средствахъ сатирическаго дарованія Фонвизина. Съ другой стороны, изученіе однѣхъ его комедій не даетъ достаточно опредѣленнаго представленія о личности самого сатирика, о его воззрѣніяхъ. Врагъ невѣжества и грубости выступаетъ ясно въ авторѣ «Бригадира» и «Недоросля», виденъ и далеко не безусловный поклонникъ европейской жизни и западнаго просвѣщенія, но очень многіе важные вопросы остаются безъ отвѣта у читателя, внимательно прослѣдившаго за разсужденіями «Стародума» и другихъ носителей идеаловъ автора. Какъ смотрѣлъ Фонвизинъ въ концѣ концовъ на просвѣтительное движеніе въ Европѣ его времени, и не мѣнялся ли его взглядъ? Представлялъ ли онъ себѣ какой-либо исходъ изъ того заколдованнаго круга, въ которомъ въ сущности вращается Стародумъ, когда жалуется на «нынѣшнихъ мудрецовъ»: «они, правда, искореняютъ сильно предразсудки, да воротятъ съ корня добродѣтель»? Какъ оцѣнивалъ онъ существовавшій въ Россіи порядокъ вещей, который онъ имѣлъ возможность сравнить съ положеніемъ дѣлъ на западѣ, особенно во Франціи? Глубоко ли всматривался онъ въ условія жизни русскаго общества и какъ далеко шелъ въ анализѣ даже тѣхъ золъ родной дѣйствительности, которыхъ прямо касается его «Недоросль»? Напримѣръ, въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ, гдѣ мѣсто Фонвизина среди другихъ писателей его вѣка, которые почти всѣ, вѣдь, затрогивали помѣщичьи отношенія, — и Екатерина, и Сумароковъ, и сатирическіе журналы, и Новиковъ, и Радищевъ?

Это все — вопросы, на которые важно получить сколько-нибудь опредѣленные отвѣты, а ихъ не даетъ знакомство лишь съ двумя главными произведеніями Фонвизина. Съ цѣлью дать матеріалъ

для болѣе полнаго и обстоятельнаго сужденія о писателѣ, наиболѣе выдающемся по силѣ таланта среди всѣхъ нашихъ литераторовъ XVIII вѣка, мы помѣщаемъ ниже выдержки изъ заграничныхъ писемъ и другихъ произведеній Фонвизина, обычно не входящихъ въ учебныя хрестоматіи. Примѣчанія къ отдѣльнымъ вещамъ помогутъ разобраться въ данномъ матеріалѣ.

ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНІЕ ВЪ ДѢЛАХЪ МОИХЪ И ПОМЫШЛЕНІЯХЪ.

«Признанія» писаны Фонвизинымъ въ самомъ концѣ жизни и остались неоконченными: изъ четырехъ «книгъ», на которыя онъ задумалъ раздѣлить ихъ, написано двѣ и начало третьей. Въ ихъ тонѣ и взглядахъ часто отражается тяжелое состояніе автора, который доживалъ свой вѣкъ разбитый параличомъ и предавшійся религіозно-покаянному настроенію.

1. Родители. Воспитаніе. Отецъ мой былъ человѣкъ большого здраваго разсудка, но не имѣлъ случая, по тогдашнему образу воспитанія, просвѣтить себя ученіемъ. По крайней мѣрѣ читалъ онъ всѣ русскія книги, изъ коихъ любилъ отмѣнно древнюю и римскую исторію, мнѣнія Цицероновы и прочіе хорошіе переводы нравоучительныхъ книгъ. Онъ былъ человѣкъ добродѣтельный и истинный христіанинъ, любилъ правду и такъ не терпѣлъ лжи, что всегда краснѣлъ, когда кто лгать при немъ не устыжался. Въ переднихъ знатныхъ вельможъ никто его не видывалъ, но онъ не пропускалъ ни одного праздника, чтобъ не быть съ почтеніемъ у своихъ начальниковъ. Ненавидѣлъ лихоимства и бывъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ люди наживаются, никакихъ никогда подарковъ не принималъ. «Государь мой!» говаривалъ онъ приносителю: «сахарная голова не есть резонъ для обвиненія вашего соперника: извольте ее отнести назадъ, а принесите законное доказательство вашего права». Послѣ сего болѣе уже не разговаривалъ съ приносителемъ.

Отецъ мой жилъ слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ. Причиною сему было воздержное христіанское житіе. Онъ горячихъ напитковъ не пилъ, пищу употреблялъ здоровую, но не объѣдался... За картами ни одной ночи не просиживалъ, и словомъ, никакой страсти, возмущающей человѣческое спокойствіе, онъ не чувствовалъ. О, если бы дѣти его ему были подобны въ тѣхъ качествахъ, кои составляли главныя души его свойства и кои въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва ли сохранить можно!

Отецъ мой былъ характера весьма вспыльчиваго, но не злопамятнаго; съ людьми своими обходился съ кротостью; но не взирая на сіе, въ домѣ нашемъ дурныхъ людей не было. Сіе доказываетъ, что побои не есть средство къ исправленію людей. Не взирая на свою вспыльчивость, я не слыхалъ, чтобъ онъ съ кѣмъ нибудь поссорился; а вызовъ на дуэль считалъ онъ дѣломъ противу совѣсти. «Мы живемъ подъ законами», говаривалъ онъ: «и стыдно, имѣя таковыхъ священныхъ защитниковъ, каковы законы, разбираться самимъ на кулакахъ. Ибо шпаги и кулаки суть одно. И вызовъ на дуэль есть не что иное, какъ дѣйствіе буйственной молодости». Наконецъ долженъ я сказать къ чести отца моего, что онъ, имѣя не болѣе пятисотъ душъ, живучи въ обществѣ съ хорошими дворянами, воспитывая восьмерыхъ дѣтей, умѣлъ жить и умереть безъ долга. Сіе искусство въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва ли кому извѣстно. По крайней мѣрѣ намъ, дѣтямъ его, кажется непостижимо. Но ничто не доказываетъ такъ великодушнаго чувствованія отца моего, какъ поступокъ его съ роднымъ братомъ его. Сей послѣдній вошелъ въ долги, по состоянію своему неоплатные. Не было уже никакой надежды къ извлеченію его изъ погибели. Отецъ мой былъ тогда въ цвѣтущей своей юности. Одна вдова, старуха близъ семидесяти лѣтъ, влюбилася въ него и обѣщала, ежели на ней женится, искупить имѣніемъ своимъ брата его. Отецъ мой, по единому подвигу братской любви, не поколебался жертвовать ему собою: женился на той старухѣ будучи самъ осьмнадцати лѣтъ. Она жила съ нимъ еще двѣнадцать лѣтъ. И отецъ мой старался объ успокоеніи ея старости, какъ должно христіанину. Надлежитъ признаться, что въ нашъ вѣкъ не встрѣчаются уже такіе примѣры братолюбія, чтобъ молодой человѣкъ пожертвовалъ собою, какъ отецъ мой, благосостоянію своего брата.

Вторая супруга отца моего, а моя мать, имѣла разумъ тонкій и душевными очами видѣла далеко. Сердце ея было сострадательно и никакой злобы въ себѣ не вмѣщало: жена была добродѣтельная, мать чадолюбивая, хозяйка благоразумная и госпожа великодушная. Можно сказать, что домъ моихъ родителей былъ тотъ, отъ котораго за добродѣтели ихъ благодать Божія никогда не отнималась.

Чувствительность моя была безпримѣрна. Однажды отецъ мой, собравъ всѣхъ своихъ младенцевъ, сталъ разсказывать намъ исторію Іосифа Прекраснаго. Въ разсказываніи его

не было никакого украшенія: но какъ повѣсть сама собою есть весьма трогательная, то весьма скоро навернулись слезы на глаза мои; потомъ началъ я рыдать неутѣшно. Іосифъ, проданный своими братьями, растерзалъ мое сердце, и я, не могши остановить рыданія моего, оробѣлъ, думая, что слезы мои почтены будутъ знакомъ моей глупости. Отецъ мой спросилъ меня, о чемъ я такъ рыдаю; «у меня разболѣлся зубъ», отвѣчалъ я. И такъ, отвели меня въ мою комнату и начали лѣчить здоровый мой зубъ. «Батюшка», говорилъ я: «я всклепалъ на себя зубную болѣзнь: а плакалъ я оттого, что мнѣ жаль стало бѣднаго Іосифа». Отецъ мой похвалилъ мою чувствительность и хотѣлъ знать, для чего я тотчасъ не сказалъ ему правду. «Я постыдился», отвѣчалъ я; «да и побоялся, чтобы вы не перестали разсказывать исторіи». — Я ее, конечно, доскажу тебѣ, говорилъ отецъ мой. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней онъ сдержалъ свое слово и видѣлъ новый опытъ моей чувствительности.

Странно, что сія повѣсть, тронувшая столько мое младенчество, послужила мнѣ самому къ извлеченію слезъ у людей чувствительныхъ. Ибо я знаю многихъ, кои, читая, Іосифа, мною переведеннаго, проливали слезы [1]).

Не утаю и того, что пріѣзжавшій изъ Дмитріевской нашей деревни мужикъ, Ѳедоръ Суратовъ, сказывалъ намъ сказки и такъ настращалъ меня мертвецами и темнотою, что я до сихъ поръ неохотно одинъ остаюсь въ потемкахъ. А къ мертвецамъ привыкъ я уже въ теченіе жизни моей, теряя людей, сердцу моему любезныхъ.

Родители мои были люди набожные, но какъ въ младенчествѣ нашемъ не будили насъ къ заутренямъ, то въ каждый церковный праздникъ отправляемо было въ домѣ всенощное служеніе, равно какъ на первой и послѣдней недѣляхъ великаго поста дома же моленіе отправлялось. Какъ скоро я выучился читать, такъ отецъ мой у крестовъ заставлялъ меня читать [2]). Сему обязанъ я, если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе. Ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать невозможно. Я долженъ благодарить родителя моего за то, что онъ весьма примѣчалъ мое

[1]) Фонвизинъ говоритъ о своемъ переводѣ поэмы Битобэ «Іосифъ».

[2]) Очевидно, Фонвизинъ мальчикомъ читалъ вслухъ Псалтирь и Часословъ у образовъ во время ежедневной молитвы, а также во время отправлявшихся на дому службъ исполнялъ обязанности причетника. Это было обычное дѣло тогда; см., напр., разсказъ майора Данилова (стран. 149).

чтеніе, и бывало, когда я стану читать бѣгло: «перестань молоть!» кричалъ онъ мнѣ: «или ты думаешь, что Богу пріятно твое бормотанье». Сего недовольно: отецъ мой, примѣчая изъ читаннаго мною тѣ мѣста, коихъ, казалось ему, читая я не разумѣлъ, принималъ на себя трудъ изъяснять мнѣ оныя; словомъ, попеченія его о моемъ наученіи были безмѣрны. Онъ не въ состояніи будучи нанимать для меня учителей для иностранныхъ языковъ, не мѣшкалъ, можно сказать, ни сутокъ отдачею меня и брата моего въ университетъ, какъ скоро онъ учрежденъ сталъ [1]).

Остается мнѣ теперь сказать объ образѣ нашего университетскаго ученія; но самая справедливость велитъ мнѣ предварительно признаться, что нынѣшній университетъ уже не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учители и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ[2])...

Какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностью воспоминать университетъ. Ибо въ немъ, обучась по латыни, положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего, въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ. Склонность моя къ писанію являлась еще въ младенчествѣ и я, упражняясь въ переводахъ на россійскій языкъ, достигъ до юношескаго возраста.

2. Автохарактеристика. Первая поѣздка въ Петербургъ. Теперь настало время сказать нѣчто о моемъ характерѣ и познакомить читателя съ умомъ моимъ и сердцемъ. Я наслѣдовалъ отъ отца моего какъ вспыльчивость, такъ и непамятозлобіе; отъ матери моей головную боль, которою она во всю жизнь страдала и которая, промучивъ меня все время моего младенчества, юношества и бо́льшую часть совер-

---

[1]) Собственно, въ университетскую гимназію, въ 1755 году.

[2]) Далѣе Фонвизинъ разсказываетъ извѣстные анекдоты объ экзаменѣ латинскаго языка при помощи пуговицъ преподавателя и о медали, которую получилъ самъ авторъ за успѣхи въ географіи, хотя не зналъ, куда впадаетъ Волга. Въ другомъ мѣстѣ записокъ онъ добавляетъ еще такія подробности: «Въ бытность мою въ университетѣ учились мы весьма безпорядочно. Ибо, съ одной стороны, причиною тому была ребяческая лѣность, а съ другой — нерадѣніе и пьянство учителей. Ариѳметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу; латинскаго языка учитель былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ, но голову имѣлъ преострую и какъ латинскій, такъ и россійскій языкъ зналъ очень хорошо». Послѣ такихъ уничтожающихъ отзывовъ тѣмъ интереснѣе идущій дальше въ текстѣ записокъ общій итогъ автора относительно пребыванія въ университетѣ.

шенныхъ лѣтъ, лишила меня многихъ способовъ къ счастію, напримѣръ: въ университетѣ пропускалъ я многія важныя лекціи за головною болью; въ юношествѣ головная боль мѣшала мнѣ часто показать мою исправность въ отправленіи службы, чрезъ что и заслужилъ я отъ одного начальника имя лѣнивца. Но со всѣмъ тѣмъ признаюсь, что головная боль послужила мнѣ и къ доброму, а именно не допустила меня сдѣлаться пьяницею, къ чему имѣлъ я великій случай и склонность.

Природа дала мнѣ умъ острый, но не дала мнѣ здраваго разсудка. Весьма рано появилась во мнѣ склонность къ сатирѣ. Острыя слова мои носились по Москвѣ; а какъ они были для многихъ язвительны, то обиженные оглашали меня злымъ и опаснымъ мальчишкою; всѣ же тѣ, коихъ острыя слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезнымъ и въ обществѣ пріятнымъ. Видя, что вездѣ принимаютъ меня за умнаго человѣка, заботился я мало о томъ, что разумъ мой похваляется на счетъ сердца и я прежде нажилъ непріятелей, нежели друзей. Молодые люди! не думайте, чтобъ острыя слова ваши составили вашу истинную славу; остановите дерзость ума вашего и знайте, что похвала, вамъ приписываемая, есть для васъ сущая отрава; а особливо, если чувствуете склонность къ сатирѣ, укрощайте ее всѣми силами вашими: ибо и вы безъ сомнѣнія подвержены будете одинаковой судьбѣ со мною. Меня стали скоро бояться, потомъ ненавидѣть; и я вмѣсто того, чтобы привлечь къ себѣ людей, отгонялъ ихъ отъ себя и словами и перомъ. Сочиненія мои были острыя ругательства: много было въ нихъ сатирической соли, но разсудка, такъ сказать, ни капли.

Сердце мое, не похвалясь скажу, предоброе. Я ничего такъ не боялся, какъ сдѣлать какую-нибудь несправедливость, и для того ни передъ кѣмъ такъ не трусилъ, какъ передъ тѣми, кои отъ меня зависѣли и кои отомстить мнѣ были не въ состояніи. Я, можетъ быть, истребилъ бы и склонность мою къ сатирѣ, если бы одинъ изъ сочениковъ моихъ, упражнявшійся въ стихахъ, мнѣ въ томъ не воспрепятствовалъ. Я прослылъ великимъ критикомъ и мой ученикъ весьма боялся, чтобъ я не сталъ смѣяться стихамъ его; а дабы вѣрнѣе имѣть меня на своей сторонѣ, то сталъ онъ хвалить мои стихи; каждая строка его восхищала; но какъ тогда разсудокъ во мнѣ не дѣйствовалъ, то я со всею остротою не могъ проникнуть, для чего онъ такъ меня хва-

лилъ, и думалъ, что я похвалу его заслуживалъ. Такъ-то вертятъ головы молодымъ писателямъ!

Около 1758 г. Фонвизинъ въ числѣ десяти избранныхъ школьниковъ былъ привезенъ въ Петербургъ напоказъ основателю и покровителю Московскаго университета, Шувалову. Онъ разсказываетъ о своемъ восхищеніи предъ блескомъ Екатерининскаго двора, гдѣ ему пришлось быть на куртагѣ. Кромѣ того, его очаровалъ театръ.

Но ничто въ Петербургѣ такъ меня не восхищало, какъ театръ, который я увидѣлъ въ первый разъ отъ роду. Играли русскую комедію, какъ теперь помню, Генрихъ и Пернилла[1]). Тутъ видѣлъ я Шумскаго[2]), который шутками своими такъ меня смѣшилъ, что я, потерявъ благопристойность, хохоталъ изо всей силы. Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, почти описать невозможно: комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ — великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе. Я съ ума было сошелъ отъ радости, узнавъ, что сіи комедіянты вхожи въ домъ дядюшки моего, у котораго я жилъ. И дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время познакомился я тутъ съ покойнымъ Ѳедоромъ Григорьевичемъ Волковымъ[3]), мужемъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ. Тутъ познакомился я съ славнымъ нашимъ актеромъ, Иваномъ Аѳанасьевичемъ Дмитревскимъ, человѣкомъ честнымъ, умнымъ, знающимъ и съ которымъ дружба моя до сихъ поръ продолжается. Стоя въ партерахъ, свелъ я знакомство съ сыномъ одного знатнаго господина, которому физіономія моя понравилась; но какъ скоро спросилъ онъ меня, знаю ли я по французски, и услышалъ отъ меня, что не знаю, то онъ вдругъ перемѣнился и ко мнѣ похолодѣлъ: онъ счелъ меня невѣждою и худо воспитаннымъ, началъ надо мною шпынять, а я, примѣтя изъ оборота рѣчей его, что онъ кромѣ французскаго, коимъ говорилъ также плохо, не смыслитъ болѣе ничего, сталъ отъѣдаться и моими эпиграммами загонялъ его такъ, что онъ унялся отъ насмѣшки и сталъ звать меня въ гости; я отвѣчалъ учтиво и мы разошлися прія-

[1]) Комедія Гольберга, переводъ Нартова.
[2]) Комическій актеръ, особенно отличавшійся въ роли слугъ.
[3]) Основатель русскаго театра (1729—1763).

тельски. Но тутъ узналъ я, сколько нуженъ молодому человѣку французскій языкъ, и для того твердо предпринялъ и началъ учиться оному, а между тѣмъ продолжалъ латинскій, на коемъ слушалъ логику у профессора Шадена[1]), бывшаго тогда ректоромъ. Сей ученый мужъ имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши были очевидны, и мы съ братомъ скоро потомъ произведены были въ студенты. Въ самое же сіе время не оставлялъ я упражняться въ переводахъ на россійскій языкъ съ нѣмецкаго: перевелъ «Сиѳа, царя египетскаго»[2]), но не весьма удачно. Знаніе мое въ латинскомъ языкѣ пособило мнѣ весьма къ обученію французскаго. Черезъ два года я могъ разумѣть Вольтера и началъ переводить стихами его «Альзиру». Сей переводъ есть не что иное, какъ грѣхъ юности моея, но совсѣмъ тѣмъ встрѣчаются и въ немъ хорошіе стихи.

3. Чтеніе «Бригадира» при дворѣ (1766 г.). Я пріѣхалъ въ Петербургъ и привезъ съ собою «Бригадира» и «Іосифа». Надобно примѣтить, что я обѣ сіи книги читалъ мастерски. Чтеніе мое заслужило вниманіе покойнаго Александра Ильича Бибикова и графа Григорья Григорьевича Орлова, который не преминулъ донести о томъ государынѣ. Въ самый Петровъ день графъ прислалъ ко мнѣ спросить: ѣду ли я въ Петергофъ, и если ѣду, то взялъ бы съ собою мою комедію «Бригадира». Я отвѣчалъ, что исполню его повелѣніе. Въ Петергофѣ на балѣ графъ, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: «Ея величество приказала послѣ бала вамъ быть къ себѣ, и вы съ комедіею извольте идти въ Эрмитажъ». И дѣйствительно, я нашелъ ея величество готовую слушать мое чтеніе. Никогда не бывъ столь близко государя, признаюсь, что я началъ было нѣсколько робѣть, но взоръ россійской благотворительницы и гласъ ея, идущій къ сердцу, ободрилъ меня; нѣсколько словъ, произнесенныхъ монаршими устами, привели меня въ состояніе читать мою комедію предъ нею съ обыкновеннымъ моимъ искусствомъ. Во время же чтенія, похвалы ея давали мнѣ новую смѣлость, такъ что послѣ чтенія былъ я завлеченъ къ нѣкоторымъ шуткамъ и потомъ, облобызавъ ея десницу, вышелъ, имѣя отъ нея всемилостивѣйшее привѣтствіе за мое чтеніе...

[1]) Іоганъ Маттіасъ Шаденъ, докторъ философіи и профессоръ Московскаго университета, род. въ Пресбургѣ, ум. въ Москвѣ въ 1797 г.

[2]) Вѣроятно, 1-ю часть, ибо она вышла въ 1762 г., но оканчивалъ переводъ Фонвизинъ въ Петербургѣ, и 2-я часть явилась только въ 1763 г., а 4-я уже въ 1768 г.

По возвращеніи моемъ въ городъ, узналъ я на другой день, что его высочество возвратился. Я немедленно пошелъ во дворецъ къ графу Никитѣ Ивановичу. Мнѣ сказали, что онъ въ антресоляхъ; я просилъ, чтобы ему обо мнѣ доложили. Въ ту минуту позванъ былъ я къ графу; онъ принялъ меня очень милостиво. «Я тотчасъ одѣнусь», сказалъ онъ мнѣ, «а ты посиди со мною». Я примѣтилъ, что онъ въ разговорахъ своихъ со мною старался узнать не только то, какія я имѣю знанія, но и какія мои моральныя правила. Одѣвшись, повелъ меня къ великому князю, и представилъ ему меня, какъ молодого человѣка отличныхъ качествъ и рѣдкихъ дарованій. Его высочество изъявилъ мнѣ въ весьма милостивыхъ выраженіяхъ, сколько желаетъ онъ слышать мою комедію. «Да вотъ послѣ обѣда», сказалъ графъ, «ваше высочество ее услышите». Потомъ подошедъ ко мнѣ: «Вы», сказалъ, «извольте остаться при столѣ его высочества». Какъ скоро столъ отошелъ, то послѣ кофе посадили меня, и его высочество съ графомъ и съ нѣкоторыми двора своего сѣли около меня. Чрезъ нѣсколько минутъ тономъ чтенія моего произвелъ я во всѣхъ слушателяхъ прегромкое хохотанье. Паче всего вниманіе графа Никиты Ивановича возбудила Бригадирша. «Я вижу», сказалъ онъ мнѣ, «что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо Бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимофеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу». По окончаніи чтенія, Никита Ивановичъ дѣлалъ свое разсужденіе на мою комедію. «Это въ нашихъ нравахъ первая комедія», говорилъ онъ, «и я удивляюсь вашему искусству, какъ вы, заставя говорить такую дурищу во всѣ пять актовъ, сдѣлали однако роль ея столько интересною, что все хочется ее слушать; я не удивляюсь, если сія комедія столь много имѣетъ успѣха; совѣтую вамъ не оставлять вашего дарованія».

ЛИСИЦА — КАЗНОДѢЙ [1]).

БАСНЯ.

Въ Ливійской сторонѣ правдивый слухъ промчался,
Что Левъ, звѣриный царь, въ большомъ лѣсу скончался.

[1]) Одно изъ самыхъ раннихъ произведеній Фонвизина. Его относятъ къ 1762 г. Казнодѣй — проповѣдникъ.

Стекалися туда скоты со всѣхъ сторонъ
Свидѣтелями быть огромныхъ похоронъ.
Лисица-казнодѣй, при мрачномъ семъ обрядѣ,
Съ смиренной харею, въ монашескомъ нарядѣ,
Взмостясь на каѳедру, съ восторгомъ вопіетъ:
«О рокъ, лютѣйшій рокъ! Кого лишился свѣтъ!
Кончиной кроткаго владыки пораженный,
Восплачь и возрыдай, звѣрей соборъ почтенный!
Се царь, премудрѣйшій изъ всѣхъ лѣсныхъ царей,
Достойный вѣчныхъ слезъ, достойный алтарей,
Своимъ рабамъ отецъ, своимъ врагамъ ужасенъ,
Предъ нами распростертъ, безчувственъ и безгласенъ!
Чей умъ постигнуть могъ число его добротъ,
Пучину благости, величія, щедротъ?
Въ его правленіе невинность не страдала,
И правда на судѣ безстрашно предсѣдала;
Онъ скотолюбіе въ душѣ своей питалъ,
Въ немъ трона своего подпору почиталъ;
Былъ въ области своей порядка насадитель,
Художествъ и наукъ былъ другъ и покровитель».
— «О, лесть подлѣйшая!» шепнулъ Собакѣ Кротъ:
«Я зналъ Льва коротко: онъ былъ пресущій скотъ,
И золъ, и безтолковъ, и силой вышней власти
Онъ только насыщалъ свои тирански страсти.
Тронъ кроткаго царя, достойна алтарей,
Былъ сплоченъ изъ костей растерзанныхъ звѣрей!
Въ его правленіе любимцы и вельможи
Сдирали безъ чиновъ съ звѣрей невинныхъ кожи;
И словомъ, такъ была юстиція строга,
Что кто кого смогà, такъ тотъ того въ рога.
Благоразумный Слонъ изъ лѣса въ степь сокрылся,
Домостроитель Бобръ отъ пошлинъ разорился,
И Пиѳикъ[1]) слабоумъ, списатель звѣрскихъ лицъ,
Служившій у Двора честнѣе всѣхъ Лисицъ,
Который, посвятя работѣ дни и ночи,
Искусной кистію прельщая звѣрски очи,
Портретовъ написалъ съ царя звѣрей лѣсныхъ
Пятнадцать въ цѣлый ростъ и двадцать поясныхъ,
Да сверхъ того еще, по новому манеру,
Альфреско расписалъ монаршую пещеру: —

[1]) Обезьяна.

За то, что въ жизнь свою трудился, сколько могъ, —
Съ тоски и съ голоду третьяго дня издохъ.
Вотъ мудраго царя правленіе похвально!
Возможно-ль ложь сплетать столь явно и нахально!» —
Собака молвила: «Чему дивишься ты,
Что знатному скоту льстятъ подлые скоты?
Когда же то тебя такъ сильно изумляетъ,
Что низка тварь корысть всему предпочитаетъ
И къ счастію бредетъ презрѣнными путьми;
Такъ, видно, никогда ты не жилъ межъ людьми».

ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

КЪ ГР. П. И. ПАНИНУ.

Здѣсь приведены выдержки изъ заграничныхъ писемъ Фонвизина къ гр. Петру Иван. Панину, брату извѣстнаго Никиты Ивановича Панина, въ 1777—78 гг., когда Фонвизинъ провелъ цѣлый годъ на югѣ Франціи и въ Парижѣ. Письма его (къ Панину и къ сестрѣ), написанныя очень живо и ярко, по большей части въ сатирическомъ тонѣ, содержатъ много наблюденій не только надъ бытомъ и нравами, но и надъ общей политической жизнью Франціи. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что нерѣдко онъ заимствовалъ сужденія и выводы цѣликомъ изъ иностранныхъ писателей. Отношеніе его почти ко всему во Франціи рѣзко отрицательное, даже прямо недружелюбное. Франція, доживавшая тогда послѣдніе годы стараго, разрушавшагося режима, давала очень много поводовъ къ самой суровой критикѣ, и Фонвизинъ во многихъ своихъ рѣзкихъ приговорахъ былъ правъ, особенно въ томъ, что касалось общественныхъ порядковъ и правительственнаго устройства. Но онъ обнаружилъ мало умѣнья разбираться въ сложныхъ вопросахъ общественной жизни, и главное, мало спокойствія и безпристрастія. Его заключенія, напр., о французскомъ національномъ характерѣ, о нравахъ и обычаяхъ, о писателяхъ и ученыхъ часто легкомысленны, даже грубы; съ какимъ-то злорадствомъ подчеркиваетъ онъ и высмѣиваетъ все дурное, что удалось ему замѣтить, не всегда вѣрно притомъ понимая и оцѣнивая отдѣльные факты. Это чувство имѣетъ свое объясненіе. Привыкши постоянно встрѣчать кругомъ себя въ Россіи восторженное преклоненіе передъ всѣмъ французскимъ, Фонвизинъ, какъ самъ говоритъ, ѣхалъ во Францію, ожидая встрѣтить земной рай. Природный умъ показалъ ему тамъ много несовершенствъ, но недостатокъ глубины и серіозности мысли помѣшалъ сдѣлать правильные выводы изъ видѣннаго, и онъ сразу перескочилъ въ противоположное настроеніе: сатирическая жилка взяла свое, воспрянуло уязвленное самолюбіе патріота, и въ передовой европейской странѣ почти ничего не уцѣлѣло отъ торжествующей,

злорадной насмѣшки. Естественно, что этому смѣху не разъ суждено возвращаться на голову насмѣшника.

Но даже тамъ, гдѣ блестящій и желчный умъ Фонвизина вскрываетъ передъ нами дѣйствительно возмутительныя вещи или дикія несообразности, видно, что нашъ сатирикъ подходилъ къ жизни безъ правильной, продуманной мѣрки. Найдя и жестоко высмѣявъ какую-нибудь слабую сторону французскихъ порядковъ, онъ часто не прочь вспомнить тутъ же о родной странѣ, но при этомъ, обыкновенно, ограничивается «утѣшительнымъ» соображеніемъ, что здѣшнее безобразіе не уступитъ нашему.

Вотъ общій итогъ, который подводитъ онъ своимъ наблюденіямъ: «Я увидѣлъ, что во всякой землѣ худаго больше, нежели добраго, что люди вездѣ люди, что умные люди вездѣ рѣдки, что дураковъ вездѣ изобильно, и словомъ, что наша нація не хуже никоторой, и что мы дома можемъ наслаждаться истиннымъ счастіемъ, за которымъ нѣтъ нужды шататься въ чужихъ краяхъ». Выводъ поражаетъ своей ничтожностью и отсутствіемъ истинной просвѣщенности. На ряду съ этимъ въ письмахъ разсыпанъ рядъ живыхъ и мѣткихъ наблюденій. Письма важны для характеристики Фонвизина и при чтеніи требуютъ постоянно критическаго къ себѣ отношенія.

I.

Монпелье. Созывъ земскихъ чиновъ. Въ разсужденіи общества теперь здѣсь самое наилучшее время. Les Etats de Languedoc собрались сюда, по обыкновенію, на два мѣсяца. Они состоятъ изъ уполномоченныхъ отъ короля, правителей, духовенства и дворянства. Собраніе сего земскаго суда имѣетъ предметомъ своимъ распоряженіе дѣлъ Лангедокской провинціи и сборъ для короля подати, называемой don gratuit...

Позвольте, милостивый государь, включить здѣсь описаніе бывшей здѣсь на сихъ дняхъ церемоніи, называемой l'ouverture des Etats. Сіе зрѣлище заслуживало любопытство чужестранцевъ, какъ по великолѣпію, съ коимъ сей обрядъ отправлялся, такъ и по странности древнихъ обычаевъ, наблюдаемыхъ при семъ случаѣ. Собраніе было весьма многолюдное, въ залѣ стариннаго дома, называемаго Gouvernement des Etats. Пришедъ въ уреченный часъ и взявъ свои мѣста, ожидали прибытія графа Перигора, какъ представляющаго особу королевскую. Какъ скоро оное возвѣщено было, то все дворянство вышло къ нему на встрѣчу, и онъ, въ кавалерскомъ платьѣ и шляпѣ, взошедъ на сдѣланное нарочно возвышенное мѣсто, сѣлъ въ кресла подъ балдахиномъ; по правую сторону архіепископъ Нарбонскій и двѣнадцать епископовъ, а по лѣвую дворянство въ древнихъ рыцарскихъ

платьяхъ и шляпахъ. Засѣданіе началось чрезъ одного синдика чтеніемъ историческаго описанія древняго Монпельевскаго королевства. Прошедъ времена древнихъ королей и упомянувъ, какъ оно перешло во владѣніе французскихъ государей, сказано въ заключеніе всего, что нынѣ благополучно владѣющему монарху[1]) надлежитъ платить деньги. Графъ Перигоръ читалъ потомъ рѣчь, весьма трогающую, въ которой изобразилъ долгъ вѣрноподанныхъ платить исправно подати. Многіе прослезились отъ сего краснорѣчія. Интендантъ [2]) читалъ, съ своей стороны, также рѣчь, въ которой, говоря весьма много о дѣйствіяхъ природы и искусства, выхвалялъ здѣшній климатъ и трудолюбивый характеръ жителей. По его мнѣнію самая ясность небесъ здѣшняго края должна способствовать къ исправному платежу подати. Послѣ сего архіепископъ Нарбонскій говорилъ поучительное слово. Проходя всю исторію коммерціи, весьма краснорѣчиво изобразилъ онъ всѣ ея выгоды и сокровища и заключилъ тѣмъ, что съ помощію коммерціи, къ которой онъ слушателей сильно поощрялъ, Господь наградитъ со вторицею ту сумму, которую они согласятся заплатить нынѣ своему государю. Каждая изъ сихъ рѣчей сопровождаема была комплиментомъ къ знатнѣйшимъ сочленамъ. Интендантъ превозносилъ похвалами архіепископа, архіепископъ интенданта; оба они выхваляли Перигора, а Перигоръ выхвалялъ ихъ обоихъ. Потомъ всѣ пошли въ соборную церковь, гдѣ пѣтъ былъ благодарный молебенъ Всевышнему за сохраненіе въ жителяхъ единодушія къ добровольному платежу того, что въ противномъ случаѣ взяли бы съ нихъ насильно. — Le don gratuit съ капитаціею [3]) состоитъ въ сборѣ съ Лангедокской провинціи на наши деньги 920,000 рублей.

Проникнутое злой насмѣшкой описаніе Фонвизина вполнѣ оправдывается жалкимъ положеніемъ, къ какое были поставлены передъ революціей провинціальные états. Въ слѣдующемъ письмѣ изъ Монпелье, чрезъ два мѣсяца, Фонвизинъ пишетъ: «Les Etats, или земскій судъ здѣшней провинціи уже кончился. Всѣ разъѣхались изъ Монпелье, знатные и богатые въ Парижъ, а мелкіе и бѣдные по деревнямъ своимъ. Первые пріѣзжали сюда дѣлать то, что хотятъ, или, справедливѣе сказать, дѣлать то, чѣмъ у двора насчетъ послѣднихъ выслужиться можно; а послѣдніе собраны были для формы, дабы соблюдена была въ точности наружность

[1]) Людовикъ XVI.
[2]) Губернаторъ.
[3]) Capitation (taxe par têtes) подушный окладъ.

земскаго суда; — я называю наружность, для того что въ самомъ существѣ она не значитъ ничего. Всѣ трактуемыя тутъ дѣла ограничиваются въ одномъ, то-есть, въ собраніи подати. Окончивъ сіе, за прочія и не принимаются. Первый государственный чинъ, духовенство, препоручаетъ провинцію въ одно покровительство царя небеснаго, дабы самому не поссориться съ земнымъ, если вступится за жителей и облегчитъ утѣсненное ихъ состояніе. Знатнѣйшія свѣтскія особы считаютъ бытіе свое на свѣтѣ постольку, поскольку у двора пріятно на нихъ смотрятъ, и конечно не промѣняютъ одного милостиваго взгляда на все блаженство управляемой ими области. Словомъ, по окончаніи сего земскаго суда, провинція обыкновенно отдается въ добычу безсовѣстнымъ людямъ, которые тѣмъ жесточе грабятъ, чѣмъ дороже имъ самимъ становится привилегія разорять своихъ согражданъ».

II.

Парижъ. Впечатлѣнія отъ южной Франціи.

Я видѣлъ Лангедокъ, Провансъ, Дофине, Ліонъ, Бургонь, Шампань. Первыя двѣ провинціи считаются во всемъ здѣшнемъ государствѣ хлѣбороднѣйшими и изобильнѣйшими. Сравнивая нашихъ крестьянъ въ лучшихъ мѣстахъ съ тамошними, нахожу, безпристрастно судя, состояніе нашихъ несравненно счастливѣйшимъ. Я имѣлъ честь вашему сіятельству описывать частію причины оному въ прежнихъ моихъ письмахъ; но главною поставлю ту, что подать въ казну платится неограниченная и слѣдственно собственность имѣнія есть только въ одномъ воображеніи. Въ семъ плодоснѣйшемъ краю на каждой почтѣ карета моя была всегда окружена нищими, которые весьма часто, вмѣсто денегъ, именно спрашивали, нѣтъ ли съ нами куска хлѣба. Сіе доказываетъ неоспоримо, что и посреди изобилія можно умереть съ голода.

Осмотрѣвъ все то, что заслуживало любопытство въ сихъ провинціяхъ, пріѣхалъ я въ Парижъ, въ сей мнимый центръ человѣческихъ знаній и вкуса. Не имѣлъ я еще довольно времени въ немъ осмотрѣться; но могу увѣрить ваше сіятельство, что стараюсь употребить каждый часъ въ пользу, примѣчая все то, что можетъ мнѣ подать справедливѣйшее понятіе о національномъ характерѣ. Неприлично изъясняться объ ономъ откровенно отсюда; ибо могутъ здѣсь почитать меня или льстецомъ, или осуждателемъ; но не могу же не отдать и той справедливости, что надобно отрещись вовсе отъ общаго смысла и истины, если сказать, что нѣтъ здѣсь

весьма много чрезвычайно хорошаго и подражанія достойнаго. Все сіе однакожъ не ослѣпляетъ меня до того, чтобъ не видѣть здѣсь столько же, или и больше, совершенно дурного и такого, отъ чего насъ Боже избави. Словомъ, сравнивая и то и другое, осмѣлюсь вашему сіятельству чистосердечно признаться, что если кто изъ молодыхъ моихъ сограждан, имѣющій здравый разсудокъ, вознегодуетъ, видя въ Россіи злоупотребленія и неустройства, и начнетъ въ сердцѣ своемъ отъ нея отчуждаться, то для обращенія его на должную любовь къ отечеству, нѣтъ вѣрнѣе способа, какъ скорѣе послать его во Францію. Здѣсь конечно узнаетъ онъ самымъ опытомъ очень скоро, что всѣ разсказы о здѣшнемъ совершенствѣ ложь, что люди вездѣ люди, что прямо умный и достойный человѣкъ вездѣ рѣдокъ и что въ нашемъ отечествѣ, какъ ни плохо иногда въ немъ бываетъ, можно однако быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой землѣ, если совѣсть спокойна и разумъ правитъ воображеніемъ, а не воображеніе разумомъ.

III.

Парижъ. Общая картина Французской жизни.

Я оставилъ Францію. Пребываніе мое въ семъ государствѣ убавило сильно цѣну его въ моемъ мнѣніи. Я нашелъ доброе гораздо въ меньшей мѣрѣ, нежели воображалъ; а худое въ самой большой степени, которой и вообразить не могъ. Я разсматривалъ съ всевозможнымъ вниманіемъ все то, что могло способствовать мнѣ къ пріобрѣтенію точнѣйшаго понятія о характерѣ французовъ и о настоящемъ ихъ положеніи относительно разныхъ частей правительства. Позвольте, милостивый государь, примѣчанія мои на оное представить вашему сіятельству и добавьте своимъ проницаніемъ то, къ чемъ мои разсужденія недостаточны будутъ.

Достойные люди, какой бы націи ни были, составляютъ между собой одну націю. Выключа ихъ изъ французской, примѣчалъ я вообще ея свойство. Надлежитъ отдать справедливость, что при неизъяснимомъ развращеніи нравовъ есть во французахъ доброта сердечная. Весьма рѣдкій изъ нихъ злопамятенъ — добродѣтель конечно непрочная, и полагаться на нее нельзя; но крайней мѣрѣ и пороки въ нихъ не глубоко вкоренены. Непостоянство и вѣтренность не до-

пускаютъ ни пороку, ни добродѣтели въ сердца ихъ поселиться. Къ нимъ совершенно приличенъ стихъ Кребильоновъ:

Criminel sans penchant, vertueux sans dessein.

Разсудка французъ не имѣетъ и имѣть его почелъ бы несчастьемъ своей жизни; ибо оный заставилъ бы его размышлять, когда онъ можетъ веселиться. Забава есть одинъ предметъ его желаній. А какъ на забавы потребны деньги, то для пріобрѣтенія ихъ употребляетъ всю остроту, которою его природа одарила. Острота, неуправляемая разсудкомъ, не можетъ быть способна ни на что, кромѣ мелочей, въ которыхъ и дѣйствительно французы берутъ верхъ предъ цѣлымъ свѣтомъ [1]).

По всеобщему ихъ образу мыслей обмануть не стыдно; но не обмануть — глупо. Смѣло скажу, что французъ самъ себѣ не проститъ, если пропуститъ случай обмануть, хотя въ самой бездѣлицѣ. Божество его — деньги. Изъ денегъ нѣтъ труда, котораго бъ не поднялъ, и нѣтъ подлости, которой бы не сдѣлалъ. Къ большимъ злодѣяніямъ неспособенъ. Самые убійцы становятся таковыми тогда только, когда умираютъ съ голоду, какъ же скоро французъ имѣетъ пропитаніе, то людей не рѣжетъ, а довольствуется обманывать. Корыстолюбіе несказанно заразило всѣ состоянія, не исключая самихъ философовъ нынѣшняго вѣка. Въ разсужденіи денегъ не гнушаются и они человѣческою слабостію. Д'Аламберты, Дидероты въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видѣлъ я на всякій день на бульварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе [2])...

Одно тщеславіе ихъ простирается до того, что сами науки сдѣлались источникомъ непримиримой вражды между семьями. Братъ гонитъ брата за то, что одинъ любитъ Расина,

[1]) Этому смѣлому обвиненію всего французскаго общества въ пустотѣ и легкомыслія, обыкновенно, противопоставляютъ отзывъ англійскаго ученаго, извѣстнаго историка Гиббона, бывшаго во Франціи на нѣсколько лѣтъ раньше Фонвизина. Гиббонъ писалъ: «Говорите, что вамъ угодно, о легкомыслія французовъ; но я увѣряю васъ, что за двѣ недѣли моего пребыванія въ Парижѣ я слышалъ больше дѣльныхъ разговоровъ, достойныхъ памяти, и видѣлъ больше образованныхъ писателей изъ порядочнаго круга, чѣмъ въ Лондонѣ за двѣ-три зимы».

[2]) Въ этой грубой, даже невѣжественной выходкѣ авторъ очень неудачно упомянулъ Даламбера и Дидро, какъ разъ отличавшихся нравственнымъ достоинствомъ. Видимо, онъ бросалъ слова наобумъ.

а другой Корнеля; ибо острота французскаго разума велитъ одному брату, любя Расина, ругать язвительно Корнеля и клясться предъ свѣтомъ, что Расинъ предъ Корнелемъ, а братъ его передъ нимъ, гроша не стоитъ. Вообще ни единъ писатель не можетъ терпѣть другаго и почитаетъ праздникомъ всякій случай уязвить своего совмѣстника. При всей ихъ премудрости нѣтъ въ нихъ и столько разсудка, чтобъ осмотрѣться, какъ безчестятъ себя сами, ругая другъ друга, и въ какое посмѣяніе приводятъ себя у тѣхъ, въ коихъ хотятъ вселить въ себѣ почтеніе...

Обращусь теперь къ начатому описанію характера національнаго. Господа философы отвели меня нѣсколько отъ моей главной матеріи; но я, остановясь на нихъ, хотѣлъ показать, что со стороны практическаго нравоученія перенимать у французовъ, кажется, нечего. Примѣтилъ я вообще, что французъ всегда молодъ, а изъ молодости переваливается вдругъ въ дряхлую старость: слѣдственно въ совершенномъ возрастѣ никогда не бываетъ [1]). Пока можетъ, утопаетъ онъ въ презрительныхъ забавахъ и сей родъ жизни дѣлаетъ всѣ состоянія такъ равными, что послѣдній повѣса живетъ въ пріятельской связи съ знатнѣйшею особою. Равенство есть благо, когда оно, какъ въ Англіи, основано на духѣ правленія; но во Франціи равенство есть зло, потому что происходитъ оно отъ развращенія нравовъ [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ сіи злоупотребленія имѣютъ свой источникъ въ воспитаніи, которое у французовъ пренебрежено до невѣроятности. Первыя особы въ государствѣ не могутъ никогда много разниться отъ безсловесныхъ, ибо воспитываютъ ихъ такъ, чтобъ они на людей не походили. Какъ скоро начинаютъ понимать, то попы вселяютъ въ нихъ предразсудки, подавляющіе смыслъ младенческій, и они выростаютъ обыкновенно съ однимъ чувствомъ подобострастія къ духовенству. Нынѣшній король трудолюбивъ и добросердеченъ; но оба сіи качества управляются чужими головами. Одинъ изъ принцевъ имѣетъ великую претензію на царство небесное и о земныхъ вещахъ мало помышляетъ. Попы увѣрили его, что не отрекшись вовсе отъ здраваго ума, нельзя никакъ понравиться Богу, и онъ дѣлаетъ все

---

[1]) Вся эта мысль цѣликомъ заимствована изъ соч. Дюкло: «Considerations sur les mœurs de ce siècle, 1752. Очень характерно поэтому, что Фонвизинъ начинаетъ фразу словами: «Примѣтилъ я вообще».

[2]) Снова фраза, переведенная изъ Дюкло. Ср. ниже «Выборъ гувернера».

возможное, чтобъ стать угодникомъ Божіимъ. Другой — побѣдилъ силу вѣры силою вина: мало людей перепить его могутъ. Сверхъ того почитается онъ первымъ петиметромъ и всѣ молодые люди подражаютъ его тону, который состоитъ въ томъ, чтобъ говорить грубо, произнося слова отрывисто; ходить переваливаясь, разинувъ ротъ, не смотря ни на кого; толкнуть всякаго, съ кѣмъ встрѣтится; смѣяться безъ малѣйшей причины, сколько силъ есть громче; словомъ, дѣлать все то, что дурачество и пьянство въ голову вложить могутъ. Таковы всѣ нынѣшніе французскіе петиметры.

Воспитаніе во Франціи ограничивается однимъ ученіемъ. Нѣтъ генеральнаго плана воспитанія и все юношество учится, а не воспитывается. Главное стараніе прилагаютъ, чтобъ одинъ сталъ богословомъ, другой живописцемъ, третій столяромъ; но чтобъ каждый изъ нихъ былъ человѣкомъ, того и на мысль не приходитъ [1]). Итакъ относительно воспитанія Франція ни въ чемъ не имѣетъ преимущества предъ прочими государствами. Въ сей части столько же и у нихъ недостатковъ, сколько и вездѣ; но въ тысячу разъ больше шарлатанства. Рѣдкій отецъ не изобрѣтаетъ новаго плана для воспитанія дѣтей своихъ. Часто новый его планъ хуже стараго; но сей поступокъ доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что сами они чувствуютъ недостатки общаго у себя воспитанія, не смысля разобрать, въ чемъ состоятъ они дѣйствительно.

Дворянство французское по бо́льшей части въ крайней бѣдности и невѣжество его ни съ чѣмъ несравненно. Ни званіе дворянина, ни орденъ Св. Людовика не мѣшаютъ во Франціи ходить по міру. Исключая знатныхъ и богатыхъ, каждый французскій дворянинъ, при всей своей глупой гордости, почтетъ за великое себѣ счастіе быть принятымъ гувернеромъ къ сыну нашего знатнаго господина. Множество изъ нихъ мучили меня неотступными просьбами достать имъ такія мѣста въ Россіи; но какъ исполненіе ихъ просьбъ было бы убійственно для невинныхъ, доставшихся въ ихъ руки, то уклонился я отъ сего злодѣянія и почитаю долгомъ совѣсти не способствовать тому злу, которое въ отечествѣ нашемъ уже довольно вкореняется.

Причина бѣдности дворянства есть та же самая, которая

[1]) Слегка перефразированная мысль Дюкло, какъ и дальше, о планахъ въ воспитаніи.

столько утвердила богатство и силу ихъ духовенства, и именно: право большаго сына наслѣдовать въ родительскомъ имѣніи. Для меньшихъ братьевъ два пути отверзты: военная служба и чинъ духовный. Въ первомъ предстоятъ труды, оканчивающіеся почти всегда бѣдностію, а въ послѣднемъ священная праздность и изобиліе. Обыкновенно фамилія изъ сродническої горячности преклоняетъ меньшихъ братьевъ къ послѣднему; но часто французская живость велитъ имъ сопротивляться сему благому совѣту и, принявъ военную службу, поссориться со всею своею роднею. Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ ни одной дворянской фамиліи, гдѣ бъ не было изъ меньшихъ братьевъ человѣка благоразумнаго, предпочтившаго состояніе пастыря состоянію овцы. Всѣ архіепископы и епископы суть братья знатнѣйшихъ особъ, подкрѣпляемые у двора своею роднею и подкрѣпляющіе себя въ народѣ содержаніемъ его въ крайнемъ суевѣріи. Ваше сіятельство изъ сего усмотрѣть изволите, сколь тверда во Франціи сила духовенства, когда въ сохраненіи его самъ дворъ видитъ свою пользу. Суевѣріе народное простирается тамъ до невѣроятности. Я опишу вамъ, милостивый государь, одинъ изъ духовныхъ обрядовъ, который сію истину неоспоримо докажетъ.

Городъ Э (Aix) есть главный въ Провансѣ. Парламентъ и всѣ лучшіе люди сей провинціи имѣютъ въ немъ свое пребываніе; слѣдственно должно быть въ немъ и просвѣщенія больше, нежели въ другихъ городахъ низшаго класса. Не взирая на сіе, вотъ какимъ образомъ ежегодно отправляется въ Э праздникъ, называемый Fête Dieu. Торжество состоитъ въ процессіи, въ которой Святыя тайны носимы бываютъ по городу въ препровожденіи всего народа. Знатнѣйшія особы наряжены всѣ въ маскарадное платье. Одинъ представляетъ Пилата, другой Каіафу, и такъ далѣе. Дамы и дѣвицы благородныя наряжены Мѵроносицами и прочими святыми, а прекраснѣйшая представляетъ Богородицу. Мѣщанство все наряжено чертями: почтеннѣйшій Вельзевуломъ, а прочіе по степенямъ своихъ достоинствъ. Всѣ сіи черти идутъ предъ Тѣломъ Христовымъ съ превеликимъ ревомъ и пятятся назадъ, будто бы сила Святыхъ Тайнъ отъ себя ихъ отгоняетъ. За нѣсколько дней предъ церемоніею раздѣленіе ролей производитъ многія тяжбы, особливо между мѣщанствомъ. Часто приходитъ предъ судъ тотъ, у кого роль отнимаютъ, и доказываетъ свою претензію тѣмъ, что отецъ его былъ дьяволъ,

дѣдъ дьяволъ и что онъ безвинно теряетъ званіе своихъ предковъ. Во всѣхъ прочихъ французскихъ городахъ, не исключая самаго Парижа, есть множество подобныхъ сему дурачествъ, служащихъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что народъ ихъ пресмыкается во мракѣ глубочайшаго невѣжества.

Въ разсужденіи злоупотребленія духовной власти я увѣренъ, что Франція несравненно несчастнѣе всѣхъ прочихъ государствъ. Правда, что невѣжество поповъ дѣлаетъ часто поношеніе всей націи; но изъ сихъ двухъ крайностей я лучше видѣть хочу поповъ-невѣждъ, нежели тирановъ. Сила духовенства во Франціи такова, что знатнѣйшіе не боятся потерять ее никакимъ соблазномъ... Нѣтъ позорнѣе той жизни, какую ведутъ французскіе аббаты.

Разсматривая состояніе французской націи, научился я различать вольность по праву отъ дѣйствительной вольности. Нашъ народъ не имѣетъ первой, но послѣднею во многомъ наслаждается. Напротивъ того французы, имѣя право вольности, живутъ въ сущемъ рабствѣ. Король, будучи ограниченъ законами, имѣетъ въ рукахъ всю силу попирать законы. Les lettres de cachet суть именные указы, которыми король посылаетъ въ ссылки и сажаетъ въ тюрьму, которымъ никто не смѣетъ спросить причины и которые весьма легко достаются у государя обманомъ, что̀ доказываютъ тысячи примѣровъ. Каждый министръ есть деспотъ въ своемъ департаментѣ. Фавориты его дѣлятъ съ нимъ самовластіе и своимъ фаворитамъ удѣляютъ. Что̀ видѣлъ я въ другихъ мѣстахъ, видѣлъ и во Франціи. Кажется, будто всѣ люди на то сотворены, чтобъ каждый былъ или тиранъ, или жертва. Неправосудіе во Франціи тѣмъ жесточе, что происходитъ оно непосредственно отъ самого правительства и на всѣхъ простирается. Налоги, частые и тяжкіе, служатъ къ одному обогащенію ненасытныхъ начальниковъ; никто, не подвергаясь бѣдѣ, не смѣетъ слова молвить противъ сихъ утѣсненій. Надобно тотчасъ выбрать одно изъ двухъ: или платить, или быть брошену въ тюрьму. C'est l'affaire du goût. Всякій дѣлаетъ, что хочетъ.

Народъ въ провинціяхъ еще несчастнѣе, нежели въ столицѣ. Судьба его зависитъ главнѣйше отъ интенданта; но что есть интендантъ? Воръ, имѣющій полномочіе грабить провинцію безотчетно. Чѣмъ дороже стала ему у двора сія привиллегія, тѣмъ для народа тягостнѣе. Каждый изъ нихъ начинаетъ ремесло свое тѣмъ, что захватываетъ откупъ

хлѣба, нужнѣйшаго для жизни произрастенія, и принуждаетъ черезъ то жителей покупать у него жизнь за ту цѣну, которую опредѣлить заблагоразсуждаетъ.

Франція вся на откупу. Невозможно выѣхать на нѣсколько шаговъ изъ Парижа, чтобъ, воротясь, не быть остановлену таможнею. Почти за все ввозимое въ городъ платится столько пошлины, сколько сама вещь стоитъ. Изъ уваженія къ особѣ государя узаконено не сбирать пошлины въ томъ одномъ мѣстѣ, гдѣ его присутствіе; слѣдственно въ тотъ день, въ который король пріѣхалъ бы въ Парижъ, пошлина не должна собираться съ народа. Сіе причиною, что король, будучи нерѣдко у рѣшетки Парижа, въ него не въѣзжаетъ; онъ уже нѣсколько лѣтъ не былъ въ Парижѣ для того, что по контракту отдалъ его грабить государственнымъ ворамъ. Можно по всей справедливости сказать, что Версаль есть мѣсто, куда французскаго короля посылаютъ откупщики въ вѣчную ссылку.

Другой источникъ казенныхъ доходовъ во Франціи есть продажа чиновъ и должностей — зло безмѣрное, вымышленное въ несчастныя времена, когда не было откуда взять денегъ на нужнѣйшіе государственные расходы. Сіе изобрѣтеніе, доставивъ на то время большую подмогу, понравилось правительству. Время протекло; чины благополучно продавались; иной не могъ, другой не хотѣлъ, третій не смѣлъ предупредить того зла, которое со временемъ необходимо долженствовало родиться отъ торговли сего рода. Мало-по-малу доходы отъ продажи чиновъ стали присвояться не къ своимъ назначеніямъ. Надлежало вымышлять вседневно на продажу новые чины, новыя должности; но и того не доставало. Надлежало усугубить налоги и нація нашлась въ положеніи бѣдственнѣйшемъ прежняго. Множество подлыхъ людей душею и происхожденіемъ покупали себѣ права и способы быть орудіями народныхъ утѣсненій. Довѣренность къ начальникамъ уступила мѣсто душевному къ нимъ презрѣнію; ибо къ пріобрѣтенію начальства однѣ деньги потребны стали. Нынѣ всѣ зловредныя слѣдствія продажи чиновъ терзаютъ государство и нѣтъ средства къ избавленію. Король не въ состояніи возвратить денегъ, взятыхъ за продажу, а не возвратя денегъ, нельзя отнять проданнаго. При послѣднемъ засѣданіи парламента сдѣланъ былъ планъ уничтоженію сей торговли; но тотъ планъ, изобрѣтенный впрочемъ коварствомъ и злобою, не

могъ быть произведенъ въ дѣйство безъ потрясенія всего государства и опытъ доказалъ, что продажа чиновъ во Франціи есть зло нужное и ничѣмъ неотвратимое.

Не бывъ военнымъ человѣкомъ, не могу о французскихъ войскахъ подать вашему сіятельству идеи другимъ образомъ, какъ сообщивъ слышанныя мною разсужденія отъ безпристрастныхъ чужестранцевъ. Вообще говорятъ, что нѣтъ въ ихъ войскѣ души военной. Всякій солдатъ умствуетъ, слѣдственно плохо повинуется. При мнѣ король смотрѣлъ свой полкъ. Всѣ чужестранные, между коими были изъ нашихъ генералъ-маіоръ князь Долгорукій, полковники Бибиковъ и Неранчичъ, не могли отъ смѣха удержаться, смотря на маневры. Я, не смысля ничего въ семъ искусствѣ, могъ примѣтить, что солдаты командировъ своихъ нимало не уважаютъ. Нѣсколько разъ полковникъ Marquis de Châtelet, подъѣзжая къ фрунту, кричалъ: paix, messieurs! paix! je vous en prie; ибо солдаты, разговаривая одинъ съ другимъ о своихъ дѣлахъ, изо всей силы хохотали. Офицеры, по общему признанію, ниже понятія о должностяхъ своихъ не имѣютъ. Осмѣлюсь разсказать вашему сіятельству видѣнное мною въ Монпелье, чтобъ представить вамъ примѣръ ихъ военной дисциплины. Губернаторъ тамошній, графъ Перигоръ, имѣетъ въ театрѣ свою ложу. У дверей оной обыкновенно ставится часовой съ ружьемъ, изъ уваженія къ его особѣ. Въ одинъ разъ, когда ложа наполнена была лучшими людьми города, часовой, соскучивъ стоять на своемъ мѣстѣ, отошелъ отъ дверей, взялъ стулъ и, поставя его рядомъ со всѣми сидящими знатными особами, сѣлъ тутъ же смотрѣть комедію, держа въ рукахъ свое ружье. Подлѣ него сидѣлъ маіоръ его полка и кавалеръ Св. Людовика. Удивила меня дерзость солдата и молчаніе его командира, котораго взялъ я вольность спросить: для чего часовой такъ къ нему присоединился? C'est qu'il est curieux de voir la comédie, отвѣчалъ онъ съ такимъ видомъ, что ничего страннаго тутъ и не примѣчаетъ.

Тяжебныя дѣла во Франціи такъ же несчастны, какъ и у насъ, съ тою только разницею, что въ нашемъ отечествѣ издержки тяжущихся не столь безмѣрны. Правда, что у насъ и у нихъ чаще обвинена бываетъ сторона безпомощная; но во Франціи, прежде нежели у праваго отнять, надлежитъ еще много сдѣлать церемоній, которыя обѣимъ сторонамъ весьма убыточны. У насъ же по крайней мѣрѣ въ томъ пре-

имущество, что дѣйствуютъ гораздо проворнѣе, и какъ скоро вступился какой нибудь полубояринъ, сродни фавориту, то въ самой тотъ часъ дѣло беретъ уже совсѣмъ другой оборотъ и приближается къ концу. Скажутъ мнѣ, что французы превосходятъ насъ въ гражданскихъ дѣлахъ краснорѣчіемъ и что ихъ стряпчіе великіе витіи, а наши безграмотны. Правда; но все сіе весьма хорошо для французскаго языка, а не для праваго дѣла. При безсовѣстныхъ судьяхъ Цицеронъ и Вахтинъ равные ораторы.

Полиція парижская славна въ Европѣ. Говорятъ, что полиціймейстеръ ихъ всевѣдущъ; что онъ, какъ невидимый духъ, присутствуетъ вездѣ, слышитъ всѣхъ бесѣды, видитъ всѣхъ дѣянія, и кромѣ однихъ помышленій человѣческихъ ничто отъ него не скрыто. Поздравляю его съ такимъ преестественнымъ проницаніемъ; но при семъ небесномъ дарѣ желалъ бы я ему лучшаго обонянія; ибо на скотномъ дворѣ у нашего добраго помѣщика чистоты гораздо больше, нежели предъ самыми дворцами французскихъ королей. Въ разсужденіи дешевизны я инаго сказать не могу, какъ что въ весьма рѣдкихъ европейскихъ городахъ жизнь такъ безмѣрно дорога, какъ въ Парижѣ; за то и бѣдность въ немъ несказанная; и хотя нищимъ шататься запрещено, однако я нигдѣ столько ихъ не видывалъ. Впрочемъ, парижскіе купцы, какъ и вездѣ, стараются свой товаръ продавать сколько можно дороже. Разница только та, что французы обманываютъ несравненно съ большимъ искусствомъ и не знаютъ въ обманахъ ни мѣры, ни стыда. Что же касается до безопасности въ Парижѣ, то я внутренно увѣренъ, что всевѣдѣніе полиціймейстера не весьма дѣйствительно и польза отъ полицейскихъ шпіоновъ отнюдь не соотвѣтствуетъ той ужасной суммѣ, которую полиція на нихъ употребляетъ. Грабятъ по улицамъ и рѣжутъ въ домахъ нерѣдко. Строгость законовъ не останавливаетъ злодѣяній, рождающихся во Франціи почти всегда отъ бѣдности; ибо, какъ я выше изъяснился, французы, по собственному побужденію сердецъ своихъ, нимало къ злодѣяніямъ неспособны и одна нищета влагаетъ у нихъ ножъ въ руку убійцы. Число мошенниковъ въ Парижѣ неисчетно. Сколько кавалеровъ Св. Людовика, которымъ, если не укравъ ничего выходятъ изъ дому, кажется, будто нѣчто свое въ домѣ томъ забыли! Словомъ, въ разсужденіи всѣхъ полицейскихъ предметовъ, парижская полиція кажется отъ возможнаго совершенства

весьма еще далека. Напротивъ того вижу, что развращеніе ихъ нравовъ отнимаетъ почти всю силу у законовъ и самую ихъ строгость дѣлаетъ недѣйствительною.

Если что во Франціи нашелъ я въ цвѣтущемъ состояніи, то конечно ихъ фабрики и мануфактуры. Нѣтъ въ свѣтѣ націи, которая бъ имѣла такой изобрѣтательный умъ, какъ французы въ художествахъ и ремеслахъ, до вкуса касающихся. Я хаживалъ въ marchandes des modes, какъ къ артистамъ, и смотрѣлъ на уборы и наряды, какъ на прекрасныя картины. Сіе дарованіе природы послужило много къ поврежденію ихъ нравовъ. Моды вседневно перемѣняются: всякая женщина хочетъ наряжена быть по послѣдней модѣ; мужья пришли въ несостояніе давать довольно денегъ женамъ на уборы; жены стали промышлять деньги, не безпокоя мужей своихъ, и Франція сдѣлалась въ одно время моделью вкуса и соблазномъ нравовъ для всей Европы. Нынѣшняя королева[1]) страстно любитъ наряжаться. Прошлаго года послала она свой портретъ къ матери, въ которомъ велѣла написать себя наряженною по самой послѣдней модѣ. Императрица[2]) возвратила сей портретъ при письмѣ, въ которомъ между прочимъ сіи строчки находились: «Vos ordres ont été mal exécutés; au lieu de la Reine de France que je m'attendais à admirer dans votre envoi je n'ai trouvé que la ressemblance et les entours d'une actrice d'Opéra. Il faut, qu'on se soit trompé[3]).

Королева смутилась было симъ отвѣтомъ, но придворные скоро ей растолковали, что гнѣвъ ея матери происходитъ не отъ чего другого, какъ отъ ея старости, отъ ея набожности и отъ худаго вкуса вѣнскаго двора.

ЧЕЛОБИТНАЯ РОССІЙСКОЙ МИНЕРВѢ ОТЪ РОССІЙСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

«Челобитная» написана въ одно время съ «Вопросами», въ началѣ 1783 г.; оба произведенія помѣщены въ сосѣднихъ книжкахъ «Собесѣдника» и проникнуты однимъ настроеніемъ. Въ нихъ дрожитъ негодованіе человѣка, который видитъ, какъ мало, и въ обществѣ и въ правительственномъ кругу, цѣнятся истинныя за-

[1]) Марія Антуанета.
[2]) Марія Терезія.
[3]) Ваше приказаніе худо исполнено: вмѣсто французской королевы, которую я надѣялась увидѣть на присланномъ портретѣ, я нашла въ немъ сходство съ оперною актрисою. Должно-быть, тутъ вышла ошибка.

слуги, умъ и дарованіе, а пустота и безсовѣстность легко и свободно занимаютъ первыя мѣста. Въ частности здѣсь видно еще горькое сознаніе того, что писателю, даже даровитому и выдающемуся, въ этомъ обществѣ не добиться уваженія и признанія важности его работы — однимъ словомъ, Фонвизина оскорбляла та же черта русской жизни, отъ которой терпѣлъ и Пушкинъ. Въ «Челобитной» это общественное признаніе, котораго желалъ Фонвизинъ, понимается еще довольно примитивно: авторъ какъ бы соглашается, что истинныя права на общественное уваженіе пріобрѣтаются лишь государственной службой, и проситъ только, чтобы писателямъ не мѣшали получить эти права, не загораживали имъ дороги къ службѣ, которую они по своей образованности способны нести съ большей честью, чѣмъ чиновные и знатные невѣжды. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ «Отвѣтѣ Стародума» онъ уже не требуетъ для писателя службы, а признаетъ, что «человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть полезнымъ совѣтодателемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества».

Замѣтная въ обоихъ произведеніяхъ 1783 г. желчность и рѣзкость тона, можетъ-быть, объясняется тѣмъ, что толчкомъ къ продумыванью этихъ вопросовъ для Фонвизина послужили нѣкоторыя особенности его личнаго положенія въ это время. Въ началѣ 1783 г. умеръ гр. Никита Ив. Панинъ, съ которымъ Фонвизинъ давно и крѣпко связалъ свою служебную карьеру; со смертью Панина передъ сатирикомъ вставалъ вопросъ дальнѣйшаго личнаго устройства, затрудненный тѣмъ, что его покровитель не пользовался милостями двора и знати. Фонвизинъ былъ тогда уже извѣстнымъ писателемъ, которому успѣхъ «Недоросля» только что далъ славу и сознаніе своего таланта, онъ чувствовалъ себя по уму, опытности и знаніямъ способнымъ занять видное служебное положеніе; итти къ тому обычной дорогой — искать себѣ «милостивца» — было не въ его характерѣ (Панина онъ глубоко уважалъ какъ личность), а прямые пути отсутствовали. Онъ долженъ былъ видѣть, что ему грозитъ опасность остаться не у дѣлъ, и не могъ этого желать по своей живой, дѣятельной натурѣ и находясь въ цвѣтѣ силъ. И вотъ онъ вылилъ въ «Вопросахъ» и «Челобитной» все, что пережилъ въ этотъ переходный моментъ жизни, все, что оскорбляло и задѣвало его какъ писателя и какъ личность, — вылилъ желчно и колко, именно, какъ человѣкъ, на себѣ лично почувствовавшій одну изъ общихъ ненормальностей. Быть можетъ, онъ при этомъ разсчитывалъ отчасти возбудить вниманіе царственной писательницы («Челобитная» обращена прямо къ ней); она не разъ оказывала это вниманіе и литературнымъ произведеніямъ, и самимъ писателямъ; примѣръ Державина съ его «Фелицей», напечатанной въ томъ же «Собесѣдникѣ» на двѣ книжки раньше «Вопросовъ» и «Челобитной», былъ очень свѣжъ и могъ оказывать свое дѣйствіе. Но въ «Фелицѣ» было очень много искренняго восхищенія и очень мало сатиры, притомъ легкой и веселой, а статьи Фонвизина содержали каплю обычныхъ, нѣсколько офиціальныхъ, похвалъ и рядъ желчныхъ,

«кусательныхъ» указаній въ серіозномъ, «меланхолическомъ» тонѣ, котораго такъ не любила еще «Всякая Всячина». Челобитчикъ-писатель, стремившійся къ службѣ, вмѣсто поощренія навлекъ на себя неудовольствіе, и въ томъ же году долженъ былъ выйти окончательно въ отставку.

Бьютчеломъ Россійскіе Писатели; а о чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

Подъ владѣніемъ Вашего Божественнаго Величества находимся слишкомъ двадцать лѣтъ, въ теченіе коихъ никакихъ обидъ и притѣсненій отъ лица Вашего намъ именованнымъ не учинено; напротивъ же того, всякое одобреніе и покровительство отъ священныя Особы Вашея намъ изъявляемо было.

2.

Но какъ Ваше Божественное Величество правите своей землею своимъ умомъ, то и не удивительно, что часто предстоитъ Вамъ трудъ поправлять своимъ просвѣщеніемъ людское невѣжество и своей мудростію людскую глупость. Сею высочайшею милостію пользовались, и нынѣ пользуются, всѣ тѣ вѣрноподданные Вашего Божественнаго Величества, кои достигли до знаменитости, не будучи сами умомъ и знаніемъ весьма знамениты.

3.

Сіи самые знаменитые невѣжды, заемля свѣтъ отъ лучей Вашего Величества, возмечтали о себѣ, что сіяніе дѣлъ, Вами руководствуемыхъ, происходитъ яко бы отъ искръ ихъ собственной мудрости; ибо, возвышаяся на степени, забыли они совершенно, что умы ихъ суть умы жалованные, а не родовые и что по статнымъ спискамъ всегда справиться можно, кто изъ нихъ и въ какой торжественный день пожалованъ въ умные люди.

4.

Отъ сего возмечтанія родилось въ душахъ реченныхъ невѣждъ внутреннее удостовѣреніе, что къ отправленію дѣлъ ни въ какихъ знаніяхъ нужды нѣтъ, ибо де мы сами въ дѣлахъ, безъ малѣйшаго въ нихъ знанія. Мы, именованные, пріемля сіе ихъ признаніе за справедливое, понеже и въ силу закона собственное признаніе есть наилучшее всѣхъ доказательствъ, дерзаемъ представить Вашему Божественному Ве-

личеству, что помянутые невѣжды, произносящіе съ крайнимъ безстыдствомъ и въ похвальбу себѣ таковое признаніе, употребляютъ во зло знаменитость своего положенія, къ тяжкому предосужденію словесныхъ наукъ и къ нестерпимому притѣсненію насъ именованныхъ. Они, исповѣдуя другъ другу невѣдѣніе свое въ вещахъ, которыхъ не вѣдать стыдно во всякомъ состояніи, постановили между собою условіе: всякое знаніе, а особливо словесныя науки, почитать не иначе какъ уголовнымъ дѣломъ. Въ слѣдствіе чего учинили они между собою опредѣленіе, которое, въ противность высочайшихъ учрежденій, намъ именованнымъ при открытыхъ дверяхъ не прочитали и безъ всякихъ обрядовъ къ дѣйствительному онаго исполненію нагло приступили. Сіе беззаконное опредѣленіе ихъ состоитъ, какъ мы стороною узнали, въ нижеслѣдующихъ пунктахъ: 1. Всѣхъ упражняющихся въ словесныхъ наукахъ къ дѣламъ не употреблять. 2. Всѣхъ таковыхъ, при дѣлахъ уже находящихся, отъ дѣлъ отрѣшать.

И дабы Вашего Божественнаго Величества указомъ повелѣно было сіе наше прошеніе принять и таковое беззаконное и вѣкъ нашъ ругающее опредѣленіе отмѣнить; насъ же, яко грамотныхъ людей, повелѣть по способностямъ къ дѣламъ употреблять, дабы мы, именованные, служа Россійскимъ музамъ на досугѣ, могли главное жизни нашей время посвятить на дѣло для службы Вашего Величества.

Великая Богиня! просимъ Ваше Божественное Величество о семъ нашемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Къ поданію надлежитъ въ Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова. Прошеніе писалъ россійскихъ музъ служитель Иванъ Нельстецовъ.

ВОПРОСЫ ФОНВИЗИНА

И ОТВѢТЫ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ.

Въ 1783 г. Фонвизинъ прислалъ безъ подписи въ журналъ «Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова» статью, въ формѣ вопросовъ, гдѣ затрогивались нѣкоторые важные общественные и государственные порядки въ довольно колкомъ тонѣ. Журналъ издавался при Академіи; редакторомъ была кн. Дашкова, и всѣмъ было извѣстно, что тамъ сотрудничала сама Екатерина, наполнявшая порядочную часть журнала «Былями и небылицами» и «Записками касательно россійской исторіи». «Вопросы» не понравились Екатеринѣ; одни изъ нихъ задѣвали больныя мѣста

нашихъ порядковъ и такимъ образомъ косвенно критиковали ее, какъ правительницу; другіе обличали преимущественно высшій кругъ знатнаго и вельможнаго дворянства, который она не позволяла трогать еще раньше, напр. Новикову (полемика «Всякой Всячины» съ «Трутнемъ»). Наконецъ, въ нѣкоторыхъ вопросахъ она увидала прикосновеніе къ ея личной жизни, къ близкому кругу ея общества. (Вопросъ о шпыняхъ и балагурахъ явно мѣтилъ на оберъ-шталмейстера Л. А. Нарышкина, остроуміе и буфонство котораго Екатерина слушала ежедневно и любила.) Въ вопросахъ послѣдняго рода она прочитала недоброжелательство лично къ себѣ и сперва приписала статью оберъ-камергеру Шувалову, котораго не любила. Екатерина рѣшила напечатать анонимную сатиру, обезвредивъ ее своими отвѣтами. Она писала по этому поводу кн. Дашковой: «Если бы можно напечатать вмѣстѣ съ отвѣтами, то сатира будетъ безвредна, если только поводъ къ сравненіямъ не придастъ большей дерзости». Вопросы такъ и были напечатаны параллельно съ отвѣтами Екатерины; изъ этихъ отвѣтовъ, въ общемъ намѣренно уклончивыхъ и неискренихъ, а мѣстами строгихъ и недовольныхъ, видно, что она не даромъ опасалась «повода къ сравненію»: результаты сравненія не въ ея пользу. Какъ бы то ни было, она достигла цѣли; Фонвизинъ понялъ, что чуть было не попалъ въ бѣду, и прислалъ «покаянное» объясненіе въ «Собесѣдникъ», которое и было напечатано вмѣстѣ съ новымъ отвѣтомъ «сочинителя Былей и Небылицъ». Въ этомъ отвѣтѣ Екатерина съ снисходительнымъ пренебреженіемъ прощала кающагося. Дашковой она писала при этомъ: «Такъ какъ я возвращаю жалкое произведеніе, которое, очевидно, вышло изъ-подъ пера автора вопросовъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю честь приложить готовый къ напечатанію листъ».

Всѣ эти матеріалы помѣщены ниже.

Собесѣдникъ Любителей Россійскаго слова, подъ надзираніемъ почтенныхъ Наукъ Покровительницы, есть и долженъ быть хранилищемъ тѣхъ произведеній разума, кои приносить могутъ столько увеселенія, сколько и дѣйствительной пользы. Издатели онаго не боятся отверзать двери истиннѣ: по чему и беру вольность представить имъ для напечатанія нѣсколько вопросовъ, могущихъ возбудить въ умныхъ и честныхъ людяхъ особливое вниманіе. Буде оные напечатаются, то продолженіе послѣдуетъ впредь и немедленно.

Публика заключитъ тогда по справедливости, что естьли можно вопрошать прямодушно; то можно и отвѣчать чистосердечно. Отвѣты и рѣшенія наполнять будутъ Собесѣдника и составлять неизсыхаемый источникъ размышленій, извлекающихъ со дна истинну, толь возлюбленную Монархинѣ нашей.

ВОПРОСЫ.	ОТВѢТЫ.
1. Отъ чего у насъ спорятъ сильно въ такихъ истинахъ, кои нигдѣ уже не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сумнѣнія?	На 1. У насъ, какъ и вездѣ, всякій споритъ о томъ, что ему не нравится или непонятно.
2. Отъ чего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ?	На 2. Многіе добрые люди вышли изъ службы вѣроятно для того, что нашли выгоду быть въ отставкѣ.
3. Отъ чего всѣ въ долгахъ?	На 3. Отъ того въ долгахъ, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ.
4. Естьли дворянствомъ награждаются заслуги, а къ заслугамъ отверзто поле для всякаго гражданина, отъ чего же никогда не достигаютъ дворянства купцы, а всегда или заводчики или откупщики?	На 4. Одни, бывъ богатѣе другихъ, имѣютъ случай оказать какую нинаесть такую заслугу, по которой получаютъ отличіе.
5. Отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства?	На 5. Для того, что вольныхъ типографій до 1782 г. не было.
6. Отъ чего не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ перевелися общества между благородными?	На 6. Отъ размножившихся клобовъ.
7. Отъ чего главное стараніе большой части дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобъ поскорѣй сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобъ поскорѣе сдѣлать ихъ не служа гвардіи унтеръ-офицерами?	На 7. Одно легче другаго.
8. Отъ чего въ нашихъ бесѣдахъ слушать нечего?	На 8. Отъ того, что говорятъ небылицу.
9. Отъ чего извѣстные и явные бездѣльники приниі	На 9. Отъ того, что на судѣ не изобличены.

маются вездѣ равно съ честными людьми?

10. Отъ чего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличится?

На 10. Отъ того что сіе не есть дѣло всякаго.

11. Отъ чего знаки почестей, долженствующіе свидѣтельствовать истинныя отечеству заслуги, не производятъ по большой части къ носящимъ ихъ, ни малѣйшаго душевнаго почтенія?

На 11. Отъ того, что всякой любитъ и почитаетъ лишь себѣ подобнаго, и не общественныя и особенныя добродѣтели.

12. Отъ чего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?

На 12. Сіе не ясно: стыдно дѣлать дурно, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего.

13. Чѣмъ можно возвысить упадшія души дворянства? Какимъ образомъ выгнать изъ сердецъ нечувственность къ достоинству благороднаго званія? Какъ здѣлать, чтобъ почтенное титло дворянина было несумнѣннымъ доказательствомъ душевнаго благородства?

На 13. Сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшними покажетъ несумнѣнно, колико души ободрены либо упали, самая наружность, походка и проч. то уже оказываетъ.

14. Имѣя Монархиню честнаго человѣка, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ, удостоиваться Ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ?

На 14. Для того, что вездѣ во всякой землѣ и во всякое время родъ человѣческій совершеннымъ не родится.

15. Отъ чего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли; а нынче имѣютъ, и весьма большіе?

На 15. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли. NB. Сей вопросъ родился отъ *свободоязычія*, котораго предки наши не имѣли; будеже бы имѣли, то начли бы на нынѣшняго одного десять прежде бывшихъ.

16. Отъ чего многіе пріѣзжіе изъ чужихъ краевъ, почитавшіеся тамо умными людьми, у насъ почитаются дураками, и на оборотъ, отъ чего здѣшніе умницы въ чужихъ краяхъ часто дураки?

На 16. Отъ того, что вкусы разные, и что всякой народъ имѣетъ свой смыслъ.

17. Гордость большой части бояръ гдѣ обитаетъ, въ душѣ или въ головѣ?

На 17. Тамо же, гдѣ нерѣшимость.

18. Отъ чего въ Европѣ весьма ограниченный человѣкъ въ состояніи написать письмо вразумительное, и отъ чего у насъ часто преострые люди пишутъ такъ безтолково?

На 18. Отъ того, что тамо учась слогу одинаково пишутъ; у насъ же всякъ мысли свои не учась на бумагу кладетъ.

19. Отъ чего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостью, по томъ же оставляются, а не рѣдко и совсѣмъ забываются?

На 19. По той же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется.

20. Какъ истребить два сопротивные и два вреднѣйшіе предразсудки: первый, будто у насъ все дурно; а въ чужихъ краяхъ все хорошо; вторый, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо?

На 20. Временемъ и знаніемъ.

21. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?

На 21. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корени всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ.

Къ г. сочинителю Былей и Небылицъ отъ сочинителя вопросовъ.

По отвѣтамъ вашимъ вижу, что я нѣкоторые вопросы не умѣлъ написать внятно, и для того покорно васъ прошу принять здѣсь мое объясненіе. Въ разсужденіи вопроса о

нечувственности къ достоинству благороднаго званія, позвольте мнѣ сказать вамъ, государь мой, что разумъ онаго со всѣмъ другой, нежели, въ какомъ по видимому вы его принимаете. Естьли вы мой согражданинъ, то кто бы вы ни были, можете быть увѣрены, что я ни вамъ и ни кому изъ моихъ согражданъ не уступлю въ душевномъ чувствованіи всѣхъ неизсчетныхъ благъ, которыя въ теченіе съ лишкомъ двадцати лѣтъ изливаются на благородное общество. Надобно быть извергу, чтобъ не признавать, какое ободреніе душамъ подается. Мой вопросъ точно отъ того и произошелъ, что я пораженъ былъ тою нечувственностію, которую къ сему самому ободренію изъявляютъ многіе злонравные и невоспитанные члены сего почтеннаго общества.

Мнѣ случилось по своей землѣ поѣздить. Я видѣлъ, въ чемъ большая часть носящихъ имя дворянина полагаетъ свое любочестіе. Я видѣлъ множество такихъ, которые служатъ, или паче занимаютъ мѣста въ службѣ для того только, что ѣздятъ на парѣ. Я видѣлъ множество другихъ, которые пошли тотчасъ въ отставку, какъ скоро добились права впрягать четверню. Я видѣлъ отъ почтеннѣйшихъ предковъ презрительныхъ потомковъ. Словомъ: я видѣлъ дворянъ раболѣпствующихъ. Я дворянинъ, и вотъ что разтерзало мое сердце. Вотъ что подвигло меня сдѣлать сей вопросъ. Легко станется, что я не умѣлъ положить ево на бумагу, какъ думалъ: но я думалъ честно, и имѣю сердце, пронзенное благодарностію и благоговѣніемъ къ великимъ дѣяніямъ всеобщія нашея благотворительницы. Ласкаюсь, что всѣ тѣ честные люди, отъ коихъ имѣю щастіе быть знаемъ, отдадутъ мнѣ справедливость, что перо мое никогда не было и не будетъ омочено ни ядомъ лести, ни желчью злобы.

Вседушевно благодарю васъ за отвѣтъ на мой вопросъ: «отъ чего тяжущіяся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства?» Отвѣтъ вашъ подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія. Да облобызаемъ мысленно съ душевною благодарностію десницу правосуднѣйшія и премудрыя Монархини. Она, отверзая новыя врата просвѣщенію, въ тоже время и тѣмъ же самымъ полагаетъ новую преграду ябедѣ и коварству. Она и въ семъ случаѣ слѣдуетъ своему всегдашнему обычаю; ибо разсѣчь однимъ разомъ камень претыканія, и вдругъ источить изъ него два цѣлебные потока, есть образъ

чудодѣйствія, Екатеринѣ II весьма обычайный. Способомъ печатанія тяжбъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то, чево дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ; воздастся достойная хвала праведнымъ судьямъ; возгнушаются честные сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ. О естьлибъ я имѣлъ талантъ вашъ, г. сочинитель Былей и Небылицъ! съ радостію начерталъ бы я портретъ судьи, которой, считая всѣ свои бездѣльства погребенными въ архивѣ своего мѣста, беретъ въ руки печатную тетрадь, и вдругъ видитъ въ ней свои скрытыя плутни, объявленныя во всенародное извѣстіе. Естьлибъ я имѣлъ перо ваше, съ какою бы живостію изобразилъ я, какъ пораженный симъ нечаяннымъ ударомъ безсовѣстный судья блѣднѣетъ, какъ трясутся его руки, какъ при чтеніи каждой строки языкъ его нѣмѣетъ, и по всѣмъ чертамъ его лица разливается стыдъ, проникнувшій въ мрачную его душу, можетъ быть, въ первый разъ отъ рожденія. Вотъ г. сочинитель Былей и Небылицъ, вотъ портретъ, достойный забавной, но сильной вашей кисти.

Чрезъ вопросъ: «отъ чего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?» разумѣлъ я, отъ чего празднымъ людямъ нестыдно быть праздными?

Статьею о шпыняхъ и балагурахъ хотѣлъ я показать только несообразность балагурства съ большимъ чиномъ. Вы, можетъ быть, спросите меня, для чего же вопроса моего не умѣлъ я такъ написать, какъ теперь говорю. На сіе буду вамъ отвѣчать вашимъ же отвѣтомъ на мой вопросъ, хотя со всѣмъ другова рода. «Для того, что вездѣ во всякой землѣ и во всякое время родъ человѣческій совершеннымъ не родится».

Признаюсь, что благоразумные ваши отвѣты убѣдили меня внутренне, что я самаго добраго намѣренія исполнить не умѣлъ, и что не могъ я дать моимъ вопросамъ приличнаго оборота. Сіе внутреннее мое убѣжденіе рѣшило меня заготовленные еще вопросы отмѣнить, не столько для того, чтобъ невиннымъ образомъ не быть обвиняему въ *свободоязычіи*, ибо у меня совѣсть спокойна, сколько для того, чтобъ не подать повода другимъ къ дерзкому *свободоязычію*, котораго всей душею ненавижу.

Видя, что вы, государь мой, въ числѣ издателей Собесѣдника, покорно прошу помѣстить въ него сіе письмо. Напечатаніе онаго будетъ для меня весьма лестнымъ знакомъ, что вы моимъ объясненіемъ довольны. Доброе мнѣніе творца, вмѣщающаго, какъ вы, въ твореніи свои пользу и забаву, въ степени возможнаго совершенства, должно быть для меня неоцѣненно: напротивъ же того всякое ваше неудовольствіе, мною въ совѣсти моей ничѣмъ незаслуженное, естьли какимъ нибудь образомъ буду имѣть нещастіе примѣтить, приму я съ огорченіемъ за твердое основаніе непреложнаго себѣ правила: во всю жизнь мою за перо не приниматься.

* * *

Послѣ сей добровольной исповѣди, напечатанной по собственному прошенію кающагося, сочинителю Былей и Небылицъ не остается что либо сказать, тѣмъ паче, что онъ въ душѣ своей увѣренъ, что сей поступокъ господина сочинителя вопросовъ сходствуетъ съ обычаемъ достойнымъ похвалы, православнаго христіанина, по которому за грѣхомъ вскорѣ слѣдуетъ раскаяніе и покаяніе; но въ семъ случаѣ разрѣшеніе зависитъ ни отъ кого иного, какъ отъ многоголовной публики; мое же дѣло тутъ постороннее[1]).

Примѣчаніе.

Чтожъ касается до даннаго мнѣ совѣта, чтобъ я описаніе ябѣдника и мздоимца на себя взялъ, на то въ отвѣтъ скажу, возблагодаривъ напередъ за похвалы, въ коихъ себя ни мало не узнаю, что въ Былѣ и Небылицѣ гнусности и отвращеніе за собою влекущее не вмѣщаемо; изъ оныхъ строго исключается все то, что не въ улыбательномъ духѣ, и не по вкусу прародителя моего, либо скуку возбудить могущее и наипаче горесть и плачь разогрѣвающія драмы. Ябедниками и мздоимцами заниматься, не есть наше дѣло; мы и грамматику худо знаемъ, гдѣ намъ проповѣди писать.

[1]) Этотъ отвѣтъ былъ исправленъ и нѣсколько измѣненъ, можетъ быть, Дашковой; въ рукописи Екатерины конецъ его имѣлъ такой видъ (приводимъ, сохраняя подлинную орѳографію): «Но въ семъ случаѣ разрешеніе зависитъ ни отъ кого инаго какъ отъ многоголовной публики, ей одной принадлежитъ сказать Богъ проститъ я же вамъ всепокорный слуга по слову евангельскому всегда радуюсь о возвращеніе на пути истинны всякой заблюдшей овцы».

НЕДОРОСЛЬ[1]).

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Простаковъ.
Г-жа Простакова, жена его.
Митрофанъ, сынъ ихъ, недоросль.
Еремѣевна, мама Митрофанова.
Правдинъ.
Стародумъ.
Софья, племянница Стародума.
Милонъ.
Г. Скотининъ, братъ г-жи Простаковой.
Кутейкинъ, семинаристъ.
Цыфиркинъ, отставной сержантъ.
Вральманъ, учитель.
Тришка, портной.
Слуга Простакова.
Камердинеръ Стародума.

Дѣйствіе въ деревнѣ Простаковыхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе 1-е.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Еремѣевна.

Г-жа Простакова *(осматривая кафтанъ на Митрофанѣ)*. Кафтанъ весь испорченъ. Еремѣевна, введи сюда мошенника Тришку. *(Еремѣевна отходитъ.)* Онъ, воръ, вездѣ его обузилъ. Митрофанушка, другъ мой! я, чаю, тебя жметъ до смерти. Позови сюда отца. *(Митрофанъ отходитъ.)*

Явленіе 2-е.

Г-жа Простакова, Еремѣевна, Тришка.

Г-жа Простакова *(Тришкѣ)*. А ты, скотъ, подойди поближе. Не говорила ль я тебѣ, воровская харя, чтобъ ты кафтанъ пустилъ шире. Дитя, первое, растетъ; другое, дитя и безъ узкаго кафтана деликатнаго сложенія. Скажи, болванъ, чѣмъ ты оправдаешься?

---

[1]) «Недорослями» звались въ офиціальномъ языкѣ еще въ XVII вѣкѣ дворянскіе подростки до 15 лѣтъ, «недоросшіе» до зачисленія на обязательную военную службу. Правительство вело имъ списки, дѣлало смотры, а съ Петра Великаго требовало, чтобы недоросли, живя дома, получали образованіе, и строго наказывало за уклоненіе отъ службы. Но какъ разъ съ XVIII вѣка въ провинціальномъ дворянствѣ усиливается стремленіе всячески обходить законъ, чтобы избавить сыновей отъ тяжелой службы или оттянуть срокъ, и мало-по-малу слово «недоросль» стало пріобрѣтать иной смыслъ; ко времени правленія Екатерины II, когда обязательность военной службы для дворянъ сильно ослабилась, складывается тотъ типъ недоросля, какъ грубаго неуча и баловня, который получилъ подъ перомъ Фонвизина свой законченный видъ.

Тришка. Да вѣдь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вамъ докладывалъ: ну, да извольте отдавать портному.

Г-жа Простакова. Такъ развѣ необходимо надобно быть портнымъ, чтобъ умѣть сшить кафтанъ хорошенько? Экое скотское разсужденіе!

Тришка. Да вѣдь портной-то учился, сударыня, а я нѣтъ.

Г-жа Простакова. Еще онъ же и споритъ! Портной учился у другого, другой у третьяго; да первоетъ[1]) портной у кого учился? Говори, скотъ.

Тришка. Да первоетъ портной, можетъ-быть, шилъ хуже и моего.

Митрофанъ *(вбѣгаетъ)*. Звалъ батюшку. Изволилъ сказать: тотчасъ.

Г-жа Простакова. Такъ поди же, вытащи его, коли добромъ не дозовешься.

Митрофанъ. Да вотъ и батюшка.

Явленіе 3-е.

Тѣ же и Простаковъ.

Г-жа Простакова. Что, что ты отъ меня прятаться изволишь? Вотъ, сударь, до чего я дожила съ твоимъ потворствомъ! Какова сыну обновка къ дядину сговору? Каковъ кафтанецъ Тришка сшить изволилъ?

Простаковъ *(отъ робости запинаясь)*. Мѣ... мѣшковатъ немного.

Г-жа Простакова. Самъ ты мѣшковатъ, умная голова.

Простаковъ. Да я думалъ, матушка, что тебѣ такъ кажется.

Г-жа Простакова. А ты самъ развѣ ослѣпъ?

Простаковъ. При твоихъ глазахъ мои ничего не видятъ.

Г-жа Простакова. Вотъ какимъ муженькомъ наградилъ меня Господь: не смыслитъ самъ разобрать, что̀ широко, что̀ узко.

Простаковъ. Въ этомъ я тебѣ, матушка, и вѣрилъ, и вѣрю.

Г-жа Простакова. Такъ вѣрь же и тому, что я холопямъ потакать не намѣрена. Поди, сударь, и теперь же накажи...

Явленіе 4-е.

Тѣ же и Скотининъ

Скотининъ. Кого? За что? Въ день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказаніе до завтраго; а завтра, коль изволишь, я и самъ охотно помогу. Не будь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не всякая вина виновата. У меня въ этомъ, сестрица, одинъ обычай съ тобою. Да за что жъ ты такъ прогнѣвалась?

---

[1]) Народное выраженіе: первый то.

Г-жа Простакова. Да вотъ, братецъ, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мѣшковатъ ли этотъ кафтанъ?

Скотининъ. Нѣтъ.

Простаковъ. Да я и самъ уже вижу, матушка, что онъ узокъ.

Скотининъ. Я и этого не вижу. Кафтанецъ, братъ, сшитъ изряднехонько.

Г-жа Простакова *(Тришкѣ)*. Выйди вонъ, скотъ. *(Еремѣевнѣ.)* Поди жъ, Еремѣевна, дай позавтракать ребенку. Вѣдь я, чаю, скоро и учители прійдутъ.

Еремѣевна. Онъ уже и такъ, матушка, пять булочекъ скушать изволилъ.

Г-жа Простакова. Такъ тебѣ жаль шестой, бестія? Вотъ какое усердіе! Изволь смотрѣть!

Еремѣевна. Да во здравіе, матушка. Я, вѣдь, сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковалъ до самаго утра.

Г-жа Простакова. Ахъ, Мати Божія! Что съ тобой сдѣлалось, Митрофанушка?

Митрофанъ. Такъ, матушка. Вчера послѣ ужина схватило.

Скотининъ. Да видно, братъ, поужиналъ плотно.

Митрофанъ. А я, дядюшка, почти и вовсе не ужиналъ.

Простаковъ. Помнится, другъ мой, ты что-то скушать изволилъ.

Митрофанъ. Да что? Солонины ломтика три, да подовыхъ[1]), не помню пять, не помню шесть.

Еремѣевна. Ночью то и дѣло испить просилъ. Квасу цѣлый кувшинецъ выкушать изволилъ.

Митрофанъ. И теперь какъ шальной хожу. Ночь всю такая дрянь въ глаза лѣзла.

Г-жа Простакова. Какая жъ дрянь, Митрофанушка?

Митрофанъ. Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова. Какъ же это?

Митрофанъ. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Простаковъ *(въ сторону)*. Ну! бѣда моя! Сонъ въ руку!

Митрофанъ *(разнѣжась)*. Такъ мнѣ и жаль стало.

Г-жа Простакова *(съ досадою)*. Кого, Митрофанушка?

Митрофанъ. Тебя, матушка: ты такъ устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова. Обойми меня, другъ мой сердечный! Вотъ сынокъ — одно мое утѣшеніе!

Скотининъ. Ну, Митрофанушка! ты, я вижу, матушкинъ сынокъ, а не батюшкинъ.

Простаковъ. По крайней мѣрѣ я люблю его, какъ надлежитъ родителю; то-то умное дитя, то-то разумное, забавникъ,

---

[1]) Пироговъ.

затѣйникъ! Иногда я отъ него внѣ себя, отъ радости самъ истинно не вѣрю, что онъ мой сынъ.

Скотининъ. Только теперь забавникъ нашъ стоитъ, что-то нахмурясь.

Г-жа Простакова. Ужъ не послать ли за докторомъ въ городъ?

Митрофанъ. Нѣтъ, нѣтъ, матушка. Я ужъ лучше самъ выздоровлю. Побѣгу-тка теперь на голубятню, такъ авось либо...

Г-жа Простакова. Такъ авось либо Господь милостивъ. Поди, порѣзвись, Митрофанушка. *(Митрофанъ съ Еремѣевною отходятъ.)*

Явленіе 5-е.

Г-жа Простакова, Простаковъ, Скотининъ.

Скотининъ. Что жъ я не вижу своей невѣсты? Гдѣ она? Ввечеру быть уже сговору: такъ не пора ли ей сказать, что выдаютъ ее замужъ?

Г-жа Простакова. Успѣемъ, братецъ. Если ей это сказать прежде времени, то она можетъ еще подумать, что мы ей докладываемся. Хотя по мужѣ, однако я ей свойственница; а я люблю, чтобъ и чужіе меня слушали.

Простаковъ *(Скотинину)*. Правду сказать, мы поступили съ Софьюшкой, какъ съ сущею сироткой. Послѣ отца осталась она младенцемъ. Тому съ полгода, какъ ея матушкѣ, а моей сватьюшкѣ, сдѣлался ударъ...

Г-жа Простакова *(показываетъ, будто креститъ сердце)*. Съ нами сила крестная!

Простаковъ. Отъ котораго она и на тотъ свѣтъ пошла. Дядюшка ея, г. Стародумъ, поѣхалъ въ Сибирь; а какъ нѣсколько уже лѣтъ не было о немъ ни слуху, ни вѣсти, то мы и считаемъ его покойникомъ. Мы, видя, что она осталась одна, взяли ее въ нашу деревеньку и надзираемъ надъ ея имѣніемъ, какъ надъ своимъ.

Г-жа Простакова. Что, что ты такъ сегодня разоврался, мой батюшка? Еще братецъ можетъ подумать, что мы для интересу ее къ себѣ взяли.

Простаковъ. Ну какъ, матушка, ему это подумать? Вѣдь Софьюшкино недвижимое имѣніе намъ къ себѣ придвинуть не можно.

Скотининъ. А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчикъ. Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня сосѣди ни обижали, сколько убытку ни дѣлали, я ни на кого не билъ челомъ; а всякій убытокъ, чѣмъ за нимъ ходить, сдеру съ своихъ же крестьянъ, — такъ и концы въ воду.

Простаковъ. То правда, братецъ: весь околотокъ говоритъ, что ты мастерски оброкъ собираешь.

Г-жа Простакова. Хоть бы ты насъ поучилъ, братецъ батюшка; а мы никакъ не умѣемъ. Съ тѣхъ поръ какъ все, что у крестьянъ ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можемъ. Такая бѣда!

Скотининъ. Изволь, сестрица, поучу васъ, поучу, лишь жените меня на Софьюшкѣ.

Г-жа Простакова. Неужели тебѣ эта дѣвчонка такъ понравилась?

Скотининъ. Нѣтъ, мнѣ нравится не дѣвчонка.

Простаковъ. Такъ по сосѣдству ея деревеньки?

Скотининъ. И не деревеньки; а то, что̀ въ деревенькахъ-то ея водится, и до чего моя смертная охота.

Г-жа Простакова. До чего, братецъ?

Скотининъ. Люблю свиней, сестрица; а у насъ въ околоткѣ такія крупныя свиньи, что нѣтъ изъ нихъ ни одной, котора, ставъ на задни ноги, не была бы выше каждаго изъ насъ цѣлой головою.

Простаковъ. Странное дѣло, братецъ, какъ родня на родню походить можетъ! Митрофанушка нашъ весь въ дядю — и онъ до свиней съизмала такой же охотникъ, какъ и ты. Какъ былъ еще трехъ лѣтъ, такъ, бывало, увидя свинку, задрожитъ отъ радости.

Скотининъ. Это, подлинно, диковинка! Ну, пусть, братецъ, Митрофанъ любитъ свиней для того, что онъ мой племянникъ. Тутъ есть какое-нибудь сходство; да отчего же я къ свиньямъ такъ сильно пристрастился?

Простаковъ. И тутъ есть же какое нибудь сходство. Я такъ разсуждаю.

Явленіе 6-е.

Тѣ же и Софья.

(Софья вошла, держа письмо въ рукѣ и имѣя веселый видъ.)

Г-жа Простакова *(Софьѣ)*. Что такъ весела, матушка? Чему обрадовалась?

Софья. Я получила сейчасъ радостное извѣстіе. Дядюшка, о которомъ столь долго мы ничего не знали, котораго я люблю и почитаю, какъ отца моего, на сихъ дняхъ въ Москву пріѣхалъ. Вотъ письмо, которое я отъ него получила теперь.

Г-жа Простакова *(испугавшись, съ злобою)*. Какъ, Стародумъ, твой дядюшка, живъ? И ты изволишь затѣвать, что онъ воскресъ! Вотъ изрядный вымыселъ!

Софья. Да онъ никогда не умиралъ.

Г-жа Простакова. Не умиралъ! А развѣ ему и умереть нельзя? Нѣтъ, сударыня, это твои вымыслы, чтобъ дядюшкою своимъ насъ застращать, чтобъ мы дали тебѣ волю. Дядюшка-де человѣкъ умный; онъ, увидя меня въ чужихъ рукахъ, найдетъ способъ меня выручить. Вотъ чему ты рада, сударыня; однако, пожалуй, не очень веселись; дядюшка твой, конечно, не воскресалъ.

Скотининъ. Сестра! Ну, да коли не умиралъ?

Простаковъ. Избави Боже, коли онъ не умиралъ.

Г-жа Простакова *(къ мужу)*. Какъ не умиралъ? Что ты бабушку путаешь? Развѣ ты не знаешь, что ужъ нѣсколько

лѣтъ отъ меня его и въ памятцахъ за упокой поминали? Неужто таки и грѣшныя-то мои молитвы не доходили? *(Къ Софьѣ.)* Письмецо-то мнѣ пожалуй *(почти вырываетъ)*. Я объ закладъ бьюсь, что оно какое-нибудь амурное, и догадываюсь, отъ кого. Это отъ того офицера, который искалъ на тебѣ жениться и за котораго ты сама итти хотѣла. Да которая бестія безъ моего спросу отдаетъ тебѣ письма? Я доберусь! Вотъ до чего дожили: къ дѣвушкамъ письма пишутъ! дѣвушки грамотѣ умѣютъ!

Софья. Прочтите его сами, сударыня: вы увидите, что ничего невиннѣе быть не можетъ.

Г-жа Простакова. Прочтите его сами! Нѣтъ, сударыня! я, благодаря Бога, не такъ воспитана. Я могу письма получать, а читать ихъ всегда велю другому. *(Къ мужу.)* Читай.

Простаковъ *(долго смотря)*. Мудрено.

Г-жа Простакова. И тебя, мой батюшка, видно воспитывали, какъ красную дѣвицу. Братецъ, прочти, потрудись.

Скотининъ. Я? Я и отроду ничего не читывалъ, сестрица! Богъ меня избавилъ этой скуки.

Софья. Позвольте мнѣ прочесть.

Г-жа Простакова. О, матушка, знаю, что ты мастерица, да лихъ не очень тебѣ вѣрю. Вотъ, я чаю, учитель Митрофанушкинъ скоро прійдетъ: ему велю...

Скотининъ. А ужъ зачали молодца учить грамотѣ?

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка братецъ! ужъ года четыре какъ учится. Нечего, грѣхъ сказать, чтобъ мы не старались воспитывать Митрофанушку: троимъ учителямъ денежки платимъ. Для грамоты ходитъ къ нему дьячокъ отъ Покрова — Кутейкинъ. Арихметикѣ учитъ его, батюшка, одинъ отставной сержантъ Цыфиркинъ. Оба они приходятъ сюда изъ города. Вѣдь отъ насъ и городъ въ трехъ верстахъ, батюшка. По-французски и всѣмъ наукамъ обучаетъ его нѣмецъ — Адамъ Адамычъ Вральманъ. Этому по триста рубликовъ на годъ; сажаемъ за столъ съ собою; бѣлье его наши бабы моютъ; куда надобно — лошадь; за столомъ стаканъ вина; на ночь сальная свѣча, и парикъ направляетъ нашъ же Фомка даромъ. Правду сказать, и мы имъ довольны, батюшка братецъ: онъ ребенка не неволитъ. Вѣдь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще въ недорослѣхъ, потà его и понѣжить; а тамъ, лѣтъ черезъ десятокъ, какъ войдетъ, избави Боже, въ службу, всего натерпится. Какъ кому счастіе на роду написано, братецъ! Изъ нашей же фамиліи Простаковыхъ, смотритка, на боку лежа, летятъ себѣ въ чины. Чѣмъ же плоше ихъ Митрофанушка? Ба! Да вотъ пожаловалъ кстати дорогой нашъ постоялецъ.

Явленіе 7-е.

Тѣ же и Правдинъ.

Г-жа Простакова. Братецъ, другъ мой, рекомендую вамъ дорогого гостя нашего, господина Правдина; а вамъ, государь мой, рекомендую брата моего.

Правдинъ. Радуюсь, сдѣлавъ ваше знакомство[1]).

Скотининъ. Хорошо, государь мой; а какъ по фамиліи? Я не дослышалъ.

Правдинъ. Я называюсь Правдинъ, чтобъ вы дослышали.

Скотининъ. Какой уроженецъ, государь мой? Гдѣ деревеньки?

Правдинъ. Я родился въ Москвѣ, ежели вамъ то знать надобно, а деревни мои въ здѣшнемъ намѣстничествѣ.

Скотининъ. А смѣю ли спросить, государь мой, имени и отчества не знаю: въ деревенькахъ вашихъ водятся ли свинки?

Г-жа Простакова. Полно, братецъ, о свиньяхъ-то начинать. Поговоримъ-ка лучше о нашемъ горѣ. *(Къ Правдину.)* Вотъ, батюшка! Богъ велѣлъ намъ взять на свои руки дѣвицу. Она изволитъ получать грамотки отъ дядюшекъ; къ ней съ того свѣта дядюшки пишутъ. Сдѣлай милость, мой батюшка, потрудись, прочти всѣмъ намъ вслухъ.

Правдинъ. Извините меня, сударыня, я никогда не читаю писемъ безъ позволенія тѣхъ, къ кому они писаны.

Софья. Я васъ о томъ прошу. Вы меня тѣмъ очень одолжите.

Правдинъ. Если вы приказываете *(читаетъ)*:

«Любезная племянница! Дѣла мои принудили меня жить нѣсколько лѣтъ въ разлукѣ съ своими ближними; а дальность лишила меня удовольствія имѣть о васъ извѣстія. Я теперь въ Москвѣ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Сибири. Я могу служить примѣромъ, что трудами и честностію состояніе свое сдѣлать можно. Сими средствами, съ помощію счастія, нажилъ я десять тысячъ рублей доходу...»

Скотининъ и оба Простаковы. Десять тысячъ!

Правдинъ *(читаетъ)*. «Которымъ тебя, моя любезная племянница, тебя дѣлаю наслѣдницею...»

Г-жа Простакова. Тебя наслѣдницею!
Простаковъ. Софью наслѣдницею! } *Вмѣстѣ.*
Скотининъ. Ее наслѣдницею!

Г-жа Простакова *(бросаясь обнимать Софью)*. Поздравляю, Софьюшка, поздравляю, душа моя! Я внѣ себя отъ радости! Теперь тебѣ надобенъ женихъ. Я, я лучшей невѣсты и Митрофанушкѣ не желаю. То-то дядюшка! То-то отецъ родной! Я и сама все-таки думала, что Богъ его хранитъ, что онъ еще здравствуетъ.

Скотининъ *(протянувъ руку)*. Ну, сестрица, скорѣй же по рукамъ.

Г-жа Простакова *(тихо Скотинину)*. Постой, братецъ, сперва надобно спросить ее, хочетъ ли еще она за тебя выйти?

Скотининъ. Какъ! Что за вопросъ! Неужели ты ей докладываться станешь?

Правдинъ. Позволите ли письмо дочитать?

Скотининъ. А на что? Да хоть пять лѣтъ читай, лучше десяти тысячъ не дочитаешься.

---

[1]) Галлицизмъ.

Г-жа Простакова *(къ Софьѣ)*. Софьюшка, душа моя! пойдемъ ко мнѣ въ спальню. Мнѣ крайняя нужда съ тобой поговорить *(увела Софью)*.

Скотининъ. Ба! Такъ я вижу, что сегодня сговору-то врядъ и быть ли.

Явленіе 8-е.

Правдинъ, Простаковъ, Скотининъ, Слуга.

Слуга *(къ Простакову, запыхавшись)*. Баринъ! баринъ! Солдаты пришли, остановились въ нашей деревнѣ.

Простаковъ. Какая бѣда! Ну! разорятъ насъ до конца!

Правдинъ. Чего вы испугались?

Простаковъ. Ахъ ты, отецъ родной! мы ужъ видали виды. Я къ нимъ и появиться не смѣю.

Правдинъ. Не бойтесь. Ихъ, конечно, ведетъ офицеръ, который не допуститъ ни до какой наглости. Пойдемъ къ нему со мною. Я увѣренъ, что вы робѣете напрасно. *(Правдинъ, Простаковъ и слуга отходятъ.)*

Скотининъ. Всѣ меня одного оставили. Пойти-было прогуляться на скотный дворъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе 1-е.

Правдинъ, Милонъ.

Милонъ. Какъ я радъ, мой любезный другъ, что нечаянно увидѣлся съ тобою! Скажи, какимъ случаемъ...

Правдинъ. Какъ другъ, открою тебѣ причину моего здѣсь пребыванія. Я опредѣленъ членомъ въ здѣшнемъ намѣстничествѣ; имѣю повелѣніе объѣхать здѣшній округъ; а при томъ, изъ собственнаго подвига сердца моего, не оставляю замѣчать тѣхъ злонравныхъ невѣждъ, которые, имѣя надъ людьми своими полную власть, употребляютъ ее во зло безчеловѣчно. Ты знаешь образъ мыслей нашего намѣстника. Съ какою ревностію помогаетъ онъ страждущему человѣчеству! Съ какимъ усердіемъ исполняетъ онъ тѣмъ самымъ человѣколюбивые виды нашей власти! Мы въ нашемъ краю сами испытали, что гдѣ намѣстникъ таковъ, каковымъ изображенъ намѣстникъ въ Учрежденіи[1]), тамъ благосостояніе обитателей вѣрно и надежно. Я живу здѣсь уже три дня. Нашелъ помѣщика дурака безсчетнаго, а жену — презлую фурію, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастье цѣлаго ихъ дома. Ты что задумался, мой другъ? Скажи мнѣ, долго ль здѣсь останешься?

---

[1]) «Учрежденіе для управленія губерній» — законодательный актъ Императрицы Екатерины II, 1775 г. Тамъ говорится между прочимъ: «Намѣстникъ... имѣетъ пресѣкать всякаго рода злоупотребленія... обуздывать... тиранство и жестокость».

Милонъ. Черезъ нѣсколько часовъ иду отсюда.

Правдинъ. Что такъ скоро? Отдохни.

Милонъ. Не могу. Мнѣ велѣно и солдатъ вести безъ замедленія... да сверхъ того, я самъ горю нетерпѣніемъ быть въ Москвѣ.

Правдинъ. Что̀ причиною?

Милонъ. Открою тебѣ тайну сердца моего, любезный другъ. Я влюбленъ и имѣю счастіе быть любимъ. Больше полугода, какъ я въ разлукѣ съ той, которая мнѣ дороже всего на свѣтѣ, и, что еще горестнѣе, ничего не слыхалъ я о ней во все это время. Часто, приписывая молчаніе ея холодности, терзался я горестью; но вдругъ получилъ извѣстіе, которое меня поразило. Пишутъ ко мнѣ, что по смерти ея матери, какая-то дальняя родня увезла ее въ свои деревни. Я не знаю: ни кто, ни куда. Можетъ быть, она теперь въ рукахъ какихъ-нибудь корыстолюбцевъ, которые, пользуясь сиротствомъ ея, содержатъ ее въ тиранствѣ. Отъ одной этой мысли я внѣ себя!

Правдинъ. Подобное безчеловѣчіе вижу я и въ здѣшнемъ домѣ. Ласкаюсь однако положить скоро границы злобѣ жены и глупости мужа. Я увѣдомилъ уже обо всемъ нашего начальника и не сомнѣваюсь, что унять ихъ возьмутся мѣры[1]).

Милонъ. Счастливъ ты, мой другъ, будучи въ состояніи облегчать судьбу несчастныхъ. Не знаю, что мнѣ дѣлать въ горестномъ моемъ положеніи?

Правдинъ. Позволь мнѣ спросить объ ея имени.

Милонъ *(въ восторгѣ)*. А! Вотъ она сама.

Явленіе 2-е.

Тѣ же и Софья.

Софья. Милонъ! Тебя ли я вижу?

Правдинъ. Какое счастіе!

Милонъ. Вотъ та, которая владѣетъ моимъ сердцемъ. Любезная Софья, скажи мнѣ, какимъ случаемъ здѣсь нахожу тебя?

Софья. Сколько горестей терпѣла я со дня нашей разлуки! Безсовѣстные мои свойственники...

Правдинъ. Мой другъ! не спрашивай о томъ, что̀ столько ей прискорбно... Ты узнаешь отъ меня, какія грубости...

Милонъ. Недостойные люди!

Софья. Сегодня однакожъ въ первый разъ здѣшняя хозяйка перемѣнила со мной свой поступокъ. Услыша, что дядюшка мой дѣлаетъ меня наслѣдницею, вдругъ изъ грубой и бранчивой сдѣлалась ласковою до самой низкости, и я по всѣмъ ея обинякамъ вижу, что прочитъ меня въ невѣсты своему сыну.

---

[1]) Въ «Наказѣ» Екатерина писала: «Петръ первый узаконилъ въ 1722 г., чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ: по первой статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася — неизвѣстно». Въ концѣ комедіи Фонвизинъ и заставляетъ Правдина «привести въ дѣйство» эту послѣднюю статью указа Петра.

Милонъ *(съ нетерпѣніемъ)*. И ты не изъявила ей тотъ же часъ совершеннаго презрѣнія?

Софья. Нѣтъ...

Милонъ. И не сказала ей, что ты имѣешь сердечныя обязательства, что...

Софья. Нѣтъ.

Милонъ. А! теперь вижу мою погибель. Соперникъ мой счастливъ! Я не отрицаю въ немъ всѣхъ достоинствъ: онъ, можетъ быть, разуменъ, просвѣщенъ, любезенъ, но чтобъ могъ со мною сравниться въ моей къ тебѣ любви, чтобъ...

Софья *(усмѣхаясь)*. Боже мой! Еслибъ ты его увидѣлъ, ревность твоя довела бы тебя до крайности!

Милонъ *(съ негодованіемъ)*. Я воображаю всѣ его достоинства!

Софья. Всѣхъ и вообразить не можешь. Онъ хотя и шестнадцати лѣтъ, а достигъ уже до послѣдней степени своего совершенства, и далѣ не пойдетъ.

Правдинъ. Какъ, далѣ не пойдетъ, сударыня? Онъ дочитываетъ Часословъ: а тамъ думать надобно, примутся и за Псалтырь.

Милонъ. Такъ таковъ-то мой соперникъ! А! любезная Софья, на что ты и шуткою меня терзаешь? Ты знаешь, какъ легко страстный человѣкъ огорчается и малѣйшимъ подозрѣніемъ. Скажи жъ мнѣ, что ты ей отвѣчала? *(Здѣсь Скотининъ идетъ по театру, задумавшись, и никто его не видитъ.)*

Софья. Я сказала, что судьба моя зависитъ отъ воли дядюшкиной, что онъ самъ сюда пріѣхать обѣщалъ въ письмѣ своемъ, котораго *(къ Правдину)* не позволилъ вамъ дочитать господинъ Скотининъ.

Милонъ. Скотининъ!

Скотининъ. Я!

Явленіе 3-е.

Тѣ же и Скотининъ.

Правдинъ. Какъ вы подкрались, господинъ Скотининъ! Этого бы я отъ васъ не чаялъ.

Скотининъ. Я проходилъ мимо васъ. Услышалъ, что меня кличутъ, я и откликнулся. У меня такой обычай: кто вскрикнетъ — Скотининъ! а я ему: я! Что вы, братцы, и за правду? Я самъ служивалъ въ гвардіи и отставленъ капраломъ. Бывало, на съѣзжей въ перекличкѣ какъ закричатъ: Тарасъ Скотининъ! а я во все горло: я!

Правдинъ. Мы васъ теперь не кликали, и вы можете итти, куда шли.

Скотининъ. Я никуда не шелъ; а брожу, задумавшись. У меня такой обычай, какъ что заберу въ голову, того изъ нея гвоздемъ не выколотишь. У меня, слышь ты, что вошло въ умъ, тутъ и засѣло. О томъ вся и дума, то только и вижу во снѣ, какъ на яву, а на яву, какъ во снѣ.

Правдинъ. Что жъ бы васъ теперь занимало?

Скотининъ. Охъ, братецъ, другъ ты мой сердечный, со мною чудеса творятся. Сестрица моя вызвала меня скоро-наскоро изъ моей деревни въ свою, а коли также проворно вывезетъ меня изъ своей деревни въ мою, то могу предъ цѣлымъ свѣтомъ, по чистой совѣсти, сказать: ѣздилъ я ни пошто, привезъ ничего.

Правдинъ. Какая жалость, господинъ Скотининъ! Сестрица ваша играетъ вами, какъ мячикомъ.

Скотининъ *(озлобясь)*. Какъ мячикомъ? Оборони Богъ! Да я и самъ зашвырну ее такъ. что цѣлою деревней въ недѣлю не отышутъ.

Софья. Ахъ, какъ вы разсердились!

Милонъ. Что съ вами сдѣлалось?

Скотининъ. Самъ ты, умный человѣкъ, поразсуди: привезла меня сестра сюда жениться, теперь сама же подъѣхала съ отводомъ: «Что-де тебѣ, братецъ, въ женѣ; была бы де у тебя, братецъ, хорошая свинья». Нѣтъ, сестра! я и своихъ поросятъ завести хочу. Меня не проведешь.

Правдинъ. Мнѣ и самому кажется, господинъ Скотининъ, что сестрица ваша помышляетъ о свадьбѣ, только не о вашей.

Скотининъ. Эка притча! Я другому не помѣха. Всякій женись на своей невѣстѣ. Я чужую не трону, и мою чужой не тронь же. *(Софьѣ.)* Ты не бойсь, душенька· тебя у меня никто не перебьетъ.

Софья. Это что значитъ! Вотъ еще новое!

Милонъ *(вскричалъ)*. Какая дерзость!

Скотининъ *(къ Софьѣ)*. Чего жъ ты испугалась?

Правдинъ *(къ Милону)*. Какъ ты можешь сердиться на Скотинина!

Софья *(Скотинину)*. Неужели суждено мнѣ быть вашею женою?

Милонъ. Я насилу могу удержаться!

Скотининъ. Суженаго конемъ не объѣдешь, душенька! Тебѣ на твое счастье грѣхъ пенять. Ты будешь жить со мною припѣваючи. Десять тысячъ твоего доходу! Эко счастье привалило! Да я столько родясь и не видывалъ; да я на нихъ всѣхъ свиней со бѣла свѣта выкуплю; да я, слышь ты, то сдѣлаю, что всѣ затрубятъ: въ здѣшнемъ-де околоткѣ и житье однѣмъ свиньямъ.

Правдинъ. Когда же у васъ могутъ быть счастливы одни только скоты, то женѣ вашей отъ нихъ и отъ васъ будетъ худой покой.

Скотининъ. Худой покой! Ба! ба! ба! Да развѣ свѣтлицъ у меня мало? Для нея одной отдамъ угольную съ лежанкой. Другъ ты мой сердечный, коли у меня теперь, ничего не видя, для каждой свинки хлѣвокъ особливый, то женѣ найду свѣтелку.

Милонъ. Какое скотское сравненіе!

Правдинъ *(Скотинину)*. Ничему не бывать, господинъ Скотининъ. Я скажу вамъ напрямки: сестрица ваша прочитъ ее за сынка своего.

Скотининъ *(озлобясь)*. Какъ! племяннику перебивать у дяди! Да я его на первой встрѣчѣ какъ чорта изломаю! Ну, будь я свиной сынъ, если я не буду ея мужемъ, или Митрофанъ уродомъ.

Явленіе 4-е.

Тѣ же, Еремѣевна и Митрофанъ.

Еремѣевна. Да поучись хоть немножечко.

Митрофанъ. Ну, еще слово молви, стара хрычевка, ужъ я те отдѣлаю! Я опять нажалуюсь матушкѣ: такъ она тебѣ изволитъ дать таску по вчерашнему.

Скотининъ. Подойди сюда, дружочекъ.

Еремѣевна. Изволь подойти къ дядюшкѣ.

Митрофанъ. Здорово, дядюшка! Что ты такъ ощетиниться изволилъ?

Скотининъ. Митрофанъ! гляди на меня прямѣе.

Еремѣевна. Погляди, батюшка.

Митрофанъ *(Еремѣевнѣ)*. Да дядюшка что за невидальщина? Что ты на немъ увидишь?

Скотининъ. Еще разъ: гляди на меня прямѣе!

Еремѣевна. Да не гнѣви дядюшку. Вонъ, изволь посмотрѣть, батюшка, какъ онъ глазки-то вытаращилъ, и ты свои изволь такъ же вытаращить. *(Скотининъ и Митрофанъ, выпуча глаза, другъ на друга смотрятъ.)*

Милонъ. Вотъ изрядное объясненіе!

Правдинъ. Чѣмъ-то оно кончится?

Скотининъ. Митрофанъ! ты теперь отъ смерти на волоску. Скажи всю правду. Если бъ я грѣха не побоялся, я бы те, не говоря еще ни слова, за ноги, да объ уголъ; да не хочу губить души, не найдя виноватаго.

Еремѣевна *(задрожала)*. Ахъ, уходитъ онъ его! Куда моей головѣ дѣваться?

Митрофанъ. Что ты, дядюшка? бѣлены объѣлся! Да я знать не знаю, за что ты на меня вскинуться изволилъ.

Скотининъ. Смотри жъ, не отпирайся, чтобъ я въ сердцахъ съ одного разу не вышибъ изъ тебя духу. Тутъ ужъ руки не подставишь. Мой грѣхъ: виноватъ Богу и государю. Смотри, не клепли жъ и на себя, чтобъ напрасныхъ побой не принять.

Еремѣевна. Избави Богъ напраслины!

Скотининъ. Хочешь ли ты жениться!

Митрофанъ *(разнѣжась)*. Ужъ давно, дядюшка, беретъ охота...

Скотининъ *(бросаясь на Митрофана)*. Ахъ, ты чушка проклятая!...

Правдинъ *(не допуская Скотинина)*. Господинъ Скотининъ! рукамъ воли не давай.

Митрофанъ. Мамушка! заслони меня!

Еремѣевна *(заслоня Митрофана, остервенясь и поднявъ кулаки)*. Издохну на мѣстѣ, а дитя не выдамъ. Сунься, сударь, только изволь сунуться. Я те бѣльмы-то выцарапаю.

Скотининъ *(задрожавъ и грозя, отходитъ)*. Я васъ доѣду!

Еремѣевна *(задрожавъ, въ слѣдъ)*. У меня и свои зацѣпы востры!

Митрофанъ *(въ слѣдъ Скотинину)*. Убирайся, дядюшка; проваливай.

Явленіе 5-е.

Тѣ же и оба Простаковы.

Г-жа Простакова *(мужу, идучи)*. Тутъ перевирать нечего. Весь вѣкъ, сударь, ходишь, развѣся уши.

Простаковъ. Да онъ самъ съ Правдинымъ изъ глазъ у меня сгибъ да пропалъ. Я чѣмъ виноватъ?

Г-жа Простакова *(къ Милону)*. А, мой батюшка, господинъ офицеръ! Я васъ теперь искала по всей деревнѣ: мужа съ ногъ сбила, чтобъ принести вамъ, батюшка, нижайшее благодареніе за добрую команду.

Милонъ. За что, сударыня?

Г-жа Простакова. Какъ за что, мой батюшка? Солдаты такіе добрые. До сихъ поръ волоска никто не тронулъ. Не прогнѣвайся, мой батюшка, что уродъ мой васъ прозѣвалъ. Отроду никого угостить не смыслить. Ужъ такъ рохлею родился, мой батюшка.

Милонъ. Я нимало не пеняю, сударыня.

Г-жа Простакова. На него, мой батюшка, находитъ, такой, по здѣшнему сказать, столбнякъ. Иногда, выпуча глаза, стоитъ битый часъ, какъ вкопаный. Ужъ чего-то я съ нимъ ни дѣлала; чего только онъ у меня ни вытерпѣлъ! Ничѣмъ не проймешь. Ежели столбнякъ и попройдетъ, то занесетъ, мой батюшка, такую дичь, что у Бога просишь опять столбняка...

Правдинъ. По крайней мѣрѣ, сударыня, вы не можете жаловаться на его злой нравъ. Онъ смиренъ...

Г-жа Простакова. Какъ теленокъ, мой батюшка; оттого-то у насъ въ домѣ все и избаловано. Вѣдь у него нѣтъ того смыслу, чтобъ все въ домѣ была строгость, чтобъ наказать путемъ виноватаго. Все сама управляюсь, батюшка. Съ утра до вечера, какъ за языкъ повѣшена, рукъ не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тѣмъ и домъ держится, мой батюшка!

Правдинъ *(въ сторону)*. Скоро будетъ онъ держаться инымъ образомъ.

Митрофанъ. И сегодня матушка все утро изволила провозиться съ холопями.

Г-жа Простакова *(къ Софьѣ)*. Убирала покои для твоего любезнаго дядюшки. Умираю, хочу видѣть этого почтеннаго старичка. Я объ немъ много наслышалась. И злодѣи его говорятъ только, что онъ немножечко угрюмъ, а такой-де преразумный, да коли-де ужъ кого и полюбитъ, такъ прямо полюбитъ.

Правдинъ. А кого онъ не возлюбитъ, тотъ дурной человѣкъ. *(Софьѣ.)* Я и самъ имѣю честь знать вашего дядюшку. А сверхъ того отъ многихъ слышалъ объ немъ то, что вселило въ душу мою истинное къ нему почтеніе. Что называютъ въ немъ угрюмостью, грубостью, то-есть одно дѣйствіе его прямодушія. Отроду языкъ его не говорилъ д а, когда душа его чувствовала н ѣ т ъ.

Софья. Зато и счастье свое долженъ онъ былъ доставать трудами.

Г-жа Простакова. Милость Божія къ намъ, что удалось. Ничего такъ не желаю, какъ отеческой его милости къ Митрофанушкѣ. Софьюшка, душа моя! не изволишь ли посмотрѣть дядюшкиной комнаты? *(Софья отходитъ.)*

Г-жа Простакова *(Простакову)*. Опять зазѣвался, мой батюшка. Да изволь, сударь, проводить ее. Ноги-то не отнялись.

Простаковъ *(отходя)*. Не отнялись, да подкосились.

Г-жа Простакова *(къ гостямъ)*. Одна моя забота, одна моя отрада — Митрофанушка. Мой вѣкъ проходитъ. Его готовлю въ люди. *(Здѣсь появляются* Кутейкинъ *съ Часословомъ, а* Цыфиркинъ *съ аспидной доской и грифелемъ. Оба они знаками спрашиваютъ Еремѣевну, входить ли. Она ихъ манитъ, а Митрофанъ отмахиваетъ.)*

Г-жа Простакова *(не видя ихъ, продолжаетъ)*. Авось-либо Господь милостивъ и счастье на роду ему написано.

Правдинъ. Оглянитесь, сударыня, что за вами дѣлается.

Г-жа Простакова. А! это, батюшка, Митрофанушкины учители: Сидорычъ Кутейкинъ...

Еремѣевна. И Пафнутьичъ Цыфиркинъ.

Митрофанъ *(въ сторону)*. Пострѣлъ ихъ побери и съ Еремѣевной!

Кутейкинъ. Дому владыкѣ миръ и многая лѣта съ чады и домочадцы.

Цыфиркинъ. Желаемъ вашему благородію здравствовать сто лѣтъ, да двадцать, да еще пятнадцать, несчетны годы.

Милонъ. Ба! это нашъ братъ, служивый! Откуда взялся, другъ мой?

Цыфиркинъ. Былъ гарнизонный, ваше благородіе, а нынѣ пошелъ въ чистую[1]).

Милонъ. Чѣмъ же ты питаешься?

Цыфиркинъ. Да кое-какъ, ваше благородіе! Малу толику арихметикѣ маракую, такъ питаюсь въ городѣ около приказныхъ служителей у счетныхъ дѣлъ. Не всякому открылъ Господь науку: такъ кто самъ не смыслитъ, меня нанимаетъ то счетецъ повѣрить, то итоги подвести. Тѣмъ и питаюсь; праздно жить не люблю. На досугѣ жъ ребятъ обучаю. Вотъ и у ихъ благородія съ парнемъ третій годъ надъ ломаными[2]) бьемся, да плохо что-то клеится. Ну и то правда, человѣкъ на человѣка не приходитъ.

---

[1]) Т.-е. въ полную отставку, безъ возврата на службу.

[2]) Т.-е. надъ дробями.

Г-жа Простакова. Что, что ты это, Пафнутьичъ, врешь? Я не вслушалась.

Цыфиркинъ. Такъ. Я его благородію докладывалъ, что въ иного пня въ десять лѣтъ не вдолбишь того, что другой ловитъ на полетѣ.

Правдинъ *(Кутейкину)*. А ты, господинъ Кутейкинъ, не изъ ученыхъ ли?

Кутейкинъ. Изъ ученыхъ, ваше благородіе. Семинаріи здѣшнія епархіи. Ходилъ до реторики[1]), да Богу изволившу, назадъ воротился. Подавалъ въ консисторію челобитье, въ которомъ прописалъ: «Такой-то-де семинаристъ, изъ церковничьихъ дѣтей, убояся бездны премудрости, проситъ отъ нея объ увольненіи». На что и милостивая резолюція вскорѣ воспослѣдовала, съ отмѣткою: «Такого-то-де семинариста отъ всякаго ученія уволить: писано бо есть — не мечите бисера передъ свиніями, да не попрутъ его ногами».

Г-жа Простакова. Да гдѣ нашъ Адамъ Адамычъ?

Еремѣевна. Я и къ нему было толкнулась, да насилу унесла ноги: дымъ столбомъ, моя матушка! Задушилъ, проклятый, табачищемъ. Такой грѣховодникъ!

Кутейкинъ. Пустое, Еремѣевна! Нѣсть грѣха въ куреніи табака.

Правдинъ *(въ сторону)*. Кутейкинъ еще и умничаетъ!

Кутейкинъ. Во многихъ книгахъ разрѣшается: во Псалтырѣ именно напечатано: «И злакъ на службу человѣкомъ».

Правдинъ. Ну, а еще гдѣ?

Кутейкинъ. И въ другой Псалтырѣ напечатано то же. У нашего протопопа маленькая въ осьмушку, и въ той то же.

Правдинъ *(г-жѣ Простаковой)*. Я не хочу мѣшать упражненіямъ сына вашего; слуга покорный.

Милонъ. Ни я, сударыня.

Г-жа Простакова. Куда жъ вы, государи мои?...

Правдинъ. Я поведу его въ мою комнату. Друзья, давно не видавшись, о многомъ говорить имѣютъ.

Г-жа Простакова. А кушать гдѣ изволите: съ нами, или въ своей комнатѣ? У насъ за столомъ только что своя семья съ Софьюшкой...

Милонъ. Съ вами, съ вами, сударыня.

Правдинъ. Мы оба эту честь имѣть будемъ.

Явленіе 6-е.

Г-жа Простакова, Еремѣевна, Митрофанъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Г-жа Простакова. Ну, такъ теперь хотя по-русски прочти зады, Митрофанушка.

Митрофанъ. Да, зады! Какъ не такъ.

---

[1]) Три класса духовныхъ семинарій назывались: реторика, философія и богословіе. Кутейкинъ, очевидно, не дошелъ до 2-го курса, остановившись на первомъ.

Г-жа Простакова. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, другъ мой сердечный! Такое дѣло.

Митрофанъ. Какъ не такое! Пойдетъ на умъ ученье. Ты бъ еще навезла сюда дядюшекъ!

Г-жа Простакова. Что, что такое?

Митрофанъ. Да, того и смотри, что отъ дядюшки таска; а тамъ съ его кулаковъ, да за Часословъ. Нѣтъ, такъ я спасибо, ужъ одинъ конецъ съ собою!

Г-жа Простакова *(испугавшись)*. Что, что ты хочешь дѣлать? Опомнись, душенька!

Митрофанъ. Вѣдь здѣсь и рѣка близко. Нырну — такъ поминай какъ звали!

Г-жа Простакова *(внѣ себя)*. Уморилъ! уморилъ! Богъ съ тобой!

Еремѣевна. Все дядюшка напугалъ: чуть-было въ волоски ему не вцѣпился. А ни за што, ни про што...

Г-жа Простакова *(въ злобѣ)*. Ну...

Еремѣевна. Присталъ къ нему: хочешь ли жениться...

Г-жа Простакова. Ну...

Еремѣевна. Дитя не потаилъ: ужъ давно-де дядюшка, охота беретъ. Какъ онъ остервенится, моя матушка! какъ вскинется...

Г-жа Простакова *(дрожа)*. Ну... а ты, бестія, остолбенѣла? а ты не впилась братцу въ харю? а ты не раздернула ему рыла по уши?...

Еремѣевна. Приняла-было! Охъ, приняла, да...

Г-жа Простакова. Да... да... что? не твое дитя, бестія! По тебѣ ребенка хоть убей до смерти!

Еремѣевна. Ахъ, Создатель спаси и помилуй! Да кабы братецъ въ ту жъ минуту отойти не изволилъ, то бъ я съ нимъ поломалась, во что бъ Богъ ни поставилъ: притупились бы эти *(указывая на ногти)*, я бъ и клыковъ беречь не стала.

Г-жа Простакова. Всѣ вы, бестіи, усердны на однихъ словахъ, а не на дѣлѣ...

Еремѣевна *(заплакавъ)*. Я не усердна вамъ, матушка! Ужъ какъ больше служить, не знаешь... рада не токмо что... живота не жалѣешь... а все не угодно.

Кутейкинъ. Намъ во-свояси повелите? }
Цыфиркинъ. Намъ куда походъ, ваше благородіе? } *Вмѣстѣ.*

Г-жа Простакова. Ты же еще, старая вѣдьма, и разревѣлась. Поди, накорми ихъ съ собою, а послѣ обѣда тотчасъ опять сюда. *(Къ Митрофану.)* Пойдемъ со мною, Митрофанушка. Я тебя изъ глазъ теперь не выпущу. Какъ скажу я тебѣ нещичко[1]), такъ пожить на свѣтѣ слюбится. Не вѣкъ тебѣ, моему другу, не вѣкъ тебѣ учиться: ты, благодаря Бога, столько уже смыслишь, что и самъ взведешь дѣточекъ. *(Къ Еремѣевнѣ.)* Съ братцемъ перевѣдаюсь не по-твоему. Пусть же всѣ добрые люди увидятъ, что̀ мама[2]) и что̀ мать родная! *(отходитъ съ Митрофаномъ).*

[1]) Нѣчто, что-то.
[2]) Нянька.

Кутейкинъ. Житье твое, Еремѣевна, яко тьма кромѣшная. Пойдемъ-ка за трапезу, да съ горя выпей сперва чарку...

Цыфиркинъ. А тамъ другую, — вотъ-те и умноженіе.

Еремѣевна *(въ слезахъ)*. Нелегкая меня не приберетъ. Сорокъ лѣтъ служу, а милость все та же...

Кутейкинъ. А велика ль благостыня?

Еремѣевна. По пяти рублей на годъ, да по пяти пощочинъ на день *(Кутейкинъ и Цыфиркинъ отводятъ ее подъ руки)*.

Цыфиркинъ. Смекнемъ же за столомъ, что тебѣ доходу въ круглый годъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Явленіе 1-е.

Стародумъ и Правдинъ.

Правдинъ. Лишь только изъ-за стола встали, и я, подошедъ къ окну, увидѣлъ вашу карету, то, не сказавъ никому, выбѣжалъ къ вамъ навстрѣчу обнять васъ отъ всего сердца. Мое къ вамъ душевное почтеніе.

Стародумъ. Оно мнѣ драгоцѣнно, повѣрь мнѣ.

Правдинъ. Ваша ко мнѣ дружба тѣмъ лестнѣе, что вы не можете имѣть ее къ другимъ, кромѣ такихъ...

Стародумъ. Каковъ ты. Я говорю безъ чиновъ. Начинаются чины, — перестаетъ искренность.

Правдинъ. Ваше обхожденіе...

Стародумъ. Ему многіе смѣются. Я это знаю. Быть такъ. Отецъ мой воспиталъ меня по-тогдашнему, а я не нашелъ и нужды себя перевоспитывать. Служилъ онъ Петру Великому. Тогда одинъ человѣкъ назывался ты, а не вы; тогда не знали еще заражать людей столько, чтобъ всякій считалъ себя за многихъ. За то нонче многіе не стоютъ одного. Отецъ мой у двора Петра Великаго...

Правдинъ. А я слышалъ, что онъ въ военной службѣ...

Стародумъ. Въ тогдашнемъ вѣкѣ придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитаніе дано мнѣ было отцемъ моимъ по тому вѣку наилучшее. Въ то время къ наученію мало было способовъ, да и не умѣли еще чужимъ умомъ набивать пустую голову.

Правдинъ. Тогдашнее воспитаніе дѣйствительно состояло въ нѣсколькихъ правилахъ...

Стародумъ. Въ одномъ. Отецъ мой непрестанно мнѣ твердилъ одно и то же: имѣй сердце, имѣй душу, — и будешь человѣкъ во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знанія мода, какъ на пряжки, на пуговицы.

Правдинъ. Вы говорите истину. Прямое достоинство въ человѣкѣ есть душа.

Стародумъ. Безъ нея просвѣщеннѣйшая умница жалкая тварь. *(Съ чувствомъ.)* Невѣжда безъ души — звѣрь. Самый мелкій подвигъ вводитъ его во всякое преступленіе. Между тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, и тѣмъ, для чего онъ дѣлаетъ, никакихъ вѣсковъ у него нѣтъ. Отъ такихъ-то животныхъ пришелъ я освободить...

Правдинъ. Вашу племянницу. Я это знаю. Она здѣсь. Пойдемъ...

Стародумъ. Постой. Сердце мое кипитъ еще негодованіемъ на недостойный поступокъ здѣшнихъ хозяевъ. Побудемъ здѣсь нѣсколько минутъ. У меня правило — въ первомъ движеніи ничего не начинать.

Правдинъ. Рѣдкіе правило ваше наблюдать умѣютъ.

Стародумъ. Опыты жизни моей меня къ тому пріучили. О, еслибъ я ранѣе умѣлъ владѣть собою, я имѣлъ бы удовольствіе служить долѣе отечеству.

Правдинъ. Какимъ же образомъ? Происшествія съ человѣкомъ вашихъ качествъ никому равнодушны быть не могутъ. Вы меня крайне одолжите, если разскажете...

Стародумъ. Я ни отъ кого ихъ не таю для того, чтобъ другіе въ подобномъ положеніи нашлись меня умнѣе. Вошедъ въ военную службу, познакомился я съ молодымъ графомъ, котораго имени я и вспомнить не хочу. Онъ былъ по службѣ меня моложе, сынъ случайнаго отца[1]), воспитанъ въ большомъ свѣтѣ и имѣлъ особливый случай научиться тому, что въ наше воспитаніе еще и не входило. Я всѣ силы употребилъ снискать его дружбу, чтобъ всегдашнимъ съ нимъ обхожденіемъ наградить недостатки моего воспитанія. Въ самое то время, когда взаимная наша дружба утверждалась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросился обнимать его съ радостью. «Любезный графъ! вотъ случай намъ отличить себя. Пойдемъ тотчасъ въ армію и сдѣлаемся достойными званія дворянина, которое намъ дала порода». Вдругъ мой графъ сильно наморщился и, обнявъ меня сухо: «Счастливый тебѣ путь, сказалъ мнѣ, «а я ласкаюсь, что батюшка не захочетъ со мной разстаться». Ни съ чѣмъ нельзя сравнить презрѣнія, которое ощутилъ я къ нему въ ту жъ минуту. Тутъ увидѣлъ я, что между людьми случайными и людьми почтенными бываетъ иногда неизмѣримая разница; что въ большомъ свѣтѣ водятся премелкія души и что съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду.

Правдинъ. Сущая истина.

Стародумъ. Оставя его, поѣхалъ я немедленно, куда звала меня должность. Многіе случаи имѣлъ я отличить себя. Раны мои доказываютъ, что я ихъ и не пропускалъ. Доброе мнѣніе обо мнѣ начальниковъ и войска было лестною наградою службы моей, какъ вдругъ получилъ я извѣстіе, что графъ, прежній мой знакомецъ, о которомъ я гнушался вспоминать, произведенъ чиномъ, а обойденъ я, — я, лежавшій тогда отъ

[1]) Т.-е. человѣка, имѣвшаго *случай* выдвинуться при дворѣ и попасть въ милость. Ср. въ «Горѣ отъ ума»: «Вельможа въ случаѣ»...

ранъ въ тяжкой болѣзни! Такое неправосудіе растерзало мое сердце, и я тотчасъ взялъ отставку.

Правдинъ. Чтожъ бы иное и дѣлать надлежало?

Стародумъ. Надлежало образумиться. Не умѣлъ я остеречься отъ первыхъ движеній раздраженнаго моего любочестія. Горячность не допустила меня тогда разсудить, что прямо любочестивый человѣкъ ревнуетъ къ дѣламъ, а не къ чинамъ; что чины нерѣдко выпрашиваются, а истинное почтеніе необходимо заслуживается; что гораздо честнѣе быть безъ вины обойдену, нежели безъ заслугъ пожалованну.

Правдинъ. Но развѣ дворянину не позволяется взять отставки ни въ какомъ случаѣ?

Стародумъ. Въ одномъ только: когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его отечеству прямой пользы не приноситъ. А! тогда поди.

Правдинъ. Вы даете чувствовать истинное существо должности дворянина.

Стародумъ. Взявъ отставку, пріѣхалъ я въ Петербургъ. Тутъ слѣпой случай завелъ меня въ такую сторону, о которой мнѣ отроду и въ голову не приходило.

Правдинъ. Куда же?

Стародумъ. Ко двору. Меня взяли ко двору. А? Какъ ты объ этомъ думаешь?

Правдинъ. Какъ же вамъ эта сторона показалась?

Стародумъ. Любопытна. Первое показалось мнѣ странно то, что въ этой сторонѣ по большой прямой дорогѣ никто почти не ѣздитъ, а всѣ объѣзжаютъ крюкомъ, надѣясь доѣхать поскорѣе[1]).

Правдинъ. Хоть крюкомъ, да просторна ли дорога?

Стародумъ. А такова-то просторна, что двое, встрѣтясь, разойтиться не могутъ. Одинъ другого сваливаетъ, и тотъ, кто на ногахъ, не поднимаетъ уже никогда того, кто на земи[2]).

Правдинъ. Такъ поэтому тутъ самолюбіе...

Стародумъ. Тутъ не самолюбіе, а, такъ назвать, себялюбіе. Тутъ себя любятъ отмѣнно, о себѣ одномъ пекутся, объ одномъ настоящемъ часѣ суетятся. Ты не повѣришь: я видѣлъ тутъ множество людей, которымъ во всѣ случаи ихъ жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.

Правдинъ. Но тѣ достойные люди, которые у двора служатъ государству...

Стародумъ. О! тѣ не составляютъ двора для того, что они двору полезны, а прочіе для того, что дворъ имъ полезенъ. Я не былъ въ числѣ первыхъ и не хотѣлъ быть въ числѣ послѣднихъ.

Правдинъ. Васъ, конечно, у двора не узнали?

Стародумъ. Тѣмъ для меня лучше. Я успѣлъ убраться безъ хлопотъ; а то бы выжили жъ меня однимъ изъ двухъ манеровъ.

---

[1]) Взято изъ «Les caractères» Лябрюйера. Та же мысль есть у Dufresny въ «Les amusements sérieux et comiques».

[2]) Переводъ изъ Dufresny.

Правдинъ. Какихъ?

Стародумъ. Отъ двора, мой другъ, выживаютъ двумя манерами: либо на тебя разсердятся, либо тебя разсердятъ. Я не сталъ дожидаться ни того, ни другого: разсудилъ, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели въ чужой передней.

Правдинъ. И такъ, вы отошли отъ двора ни съ чѣмъ? *(Открываетъ свою табакерку).*

Стародумъ *(беретъ у Правдина табакъ).* Какъ ни съ чѣмъ? Табакеркѣ цѣна пятьсотъ рублевъ. Пришли къ купцу двое. Одинъ, заплатя деньги, принесъ домой табакерку; другой пришелъ домой безъ табакерки. И ты думаешь, что другой домой пришелъ ни съ чѣмъ? Ошибаешься. Онъ принесъ назадъ свои пятьсотъ рублевъ цѣлы. Я отошелъ отъ двора безъ деревень, безъ ленты, безъ чиновъ, да мое принесъ домой неповрежденно: мою душу, мою честь, мои правила.

Правдинъ. Съ вашими правилами людей не отпускать отъ двора, а къ двору призывать надобно.

Стародумъ. Призывать? А зачѣмъ?

Правдинъ. За тѣмъ, за чѣмъ къ больнымъ врача призываютъ.

Стародумъ. Мой другъ, ошибаешься. Тщетно звать врача къ больнымъ неисцѣльно; тутъ врачъ не пособитъ, развѣ самъ заразится.

Явленіе 2-е.

Тѣ же и Софья.

Софья *(къ Правдину).* Силъ моихъ не стало отъ ихъ шуму.

Стародумъ *(въ сторону).* Вотъ черты лица ея матери! Вотъ моя Софья!

Софья *(смотря на Стародума).* Боже мой, онъ меня назвалъ! Сердце мое меня не обманываетъ...

Стародумъ *(обнявъ ее).* Нѣтъ! Ты дочь моей сестры, дочь сердца моего!

Софья *(бросаясь въ его объятія).* Дядюшка! я внѣ себя съ радости.

Стародумъ. Любезная Софья! Я узналъ въ Москвѣ, что ты живешь здѣсь противъ воли. Мнѣ на свѣтѣ шестьдесятъ лѣтъ. Случалось быть часто раздраженнымъ, иногда быть собою довольнымъ. Ничто такъ не терзало мое сердце, какъ невинность въ сѣтяхъ коварства; никогда не бывалъ я такъ собой доволенъ, какъ если случалось вырвать добычу изъ рукъ порока.

Правдинъ. Сколь пріятно быть тому и свидѣтелемъ!

Софья. Дядюшка! ваши ко мнѣ милости...

Стародумъ. Ты знаешь, что я одной тобой привязанъ къ жизни. Ты должна дѣлать утѣшеніе моей старости, а мои попеченія — твое счастье. Пошедъ въ отставку, положилъ я основаніе твоему воспитанію; но не могъ иначе основать твоего состоянія, какъ разлучась съ твоею матерью и съ тобою.

Софья. Отсутствіе ваше огорчало насъ несказанно.

Стародумъ *(къ Правдину)*. Чтобъ оградить ея жизнь отъ недостатка въ нужномъ, рѣшился я удалиться на нѣсколько лѣтъ въ ту землю, гдѣ достаютъ деньги, не промѣнивая ихъ на совѣсть, безъ подлой выслуги, не грабя отечества; гдѣ требуютъ денегъ отъ самой земли, которая поправосуднѣе людей, лицепріятія не знаетъ, а платитъ одни труды вѣрно и щедро.

Правдинъ. Вы могли бъ обогатиться, какъ я слышалъ, несравненно больше.

Стародумъ. А на что?

Правдинъ. Чтобъ быть богату, какъ другіе.

Стародумъ. Богату! А кто богатъ? Да вѣдаешь ли ты, что для прихотей одного человѣка всей Сибири мало? Другъ мой, все состоитъ въ воображеніи. Послѣдуй природѣ, никогда не будешь бѣденъ; послѣдуй людскимъ мнѣніямъ, никогда богатъ не будешь.

Софья. Дядюшка, какую правду вы говорите!

Стародумъ. Я нажилъ столько, чтобъ при твоемъ замужествѣ не остановляла насъ бѣдность жениха достойнаго.

Софья. Во всю жизнь мою ваша воля будетъ мой законъ.

Правдинъ. Но выдавъ ее, не лишнее было бы оставить и дѣтямъ...

Стародумъ. Дѣтямъ? Оставлять богатство дѣтямъ! Въ головѣ нѣтъ. Умны будутъ, безъ него обойдутся; а глупому сыну не въ помощь богатство. Видалъ я молодцовъ въ золотыхъ кафтанахъ, да съ свинцовой головою. Нѣтъ, другъ мой! наличныя деньги — не наличныя достоинства. Золотой болванъ — все болванъ.

Правдинъ. Со всѣмъ тѣмъ мы видимъ, что деньги нерѣдко ведутъ къ чинамъ, чины обыкновенно къ знатности, а знатнымъ оказывается почтеніе.

Стародумъ. Почтеніе! Одно почтеніе должно быть лестно человѣку — душевное; а душевнаго почтенія достоинъ только тотъ, кто въ чинахъ не по деньгамъ, а въ знати не по чинамъ.

Правдинъ. Заключеніе ваше неоспоримо.

Стародумъ. Ба! Это что за шумъ!

Явленіе 3-е.

Тѣже, г-жа Простакова, Скотининъ и Милонъ.

(Милонъ разнимаетъ г-жу Простакову съ Скотининымъ.)

Г-жа Простакова. Пусти! пусти, батюшка! Дай мнѣ до рожи, до рожи...

Милонъ. Не пущу, сударыня. Не прогнѣвайся!

Скотининъ *(въ запальчивости, оправляя парикъ)*. Отвяжись, сестра! Дойдетъ дѣло до ломки: погну, такъ затрещишь.

Милонъ *(г-жѣ Простаковой)*. И вы забыли, что онъ вамъ братъ!

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка, сердце взяло! дай додраться!

Милонъ *(Скотинину)*. Развѣ она вамъ не сестра?

Скотининъ. Что грѣха таить, одного помету! Да вишь какъ развизжалась.

Стародумъ *(не могши удержаться отъ смѣха, къ Правдину)*. Я боялся разсердиться, теперь смѣхъ меня беретъ.

Г-жа Простакова. Кого-то? Надъ кѣмъ-то? Это что за выѣзжій?

Стародумъ. Не прогнѣвайся, сударыня: я отроду ничего смѣшнѣе не видывалъ.

Скотининъ *(держась за шею)*. Кому смѣхъ, а мнѣ и полсмѣха нѣтъ.

Милонъ. Да не ушибла ль она васъ?

Скотининъ. Передъ-отъ заслонялъ обѣими, такъ вцѣпилась въ зашеину...

Правдинъ. И больно?

Скотининъ. Загривокъ немного пронозила.

(Въ слѣдующую рѣчь г-жи Простаковой, Софья сказываетъ взорами Милону, что передъ нимъ Стародумъ. Милонъ ее понимаетъ.)

Г-жа Простакова. Пронозила!... Нѣтъ, братецъ, ты долженъ образъ вымѣнять господина офицера[1]): а кабы не онъ, то бъ ты отъ меня не заслонился. За сына вступлюсь; не спущу родному. *(Стародуму.)* Это, сударь, ничего и не смѣшно, не прогнѣвайся. У меня материно сердце. Слыхано ли, чтобъ сука щенятъ своихъ выдавала? Изволилъ пожаловать невѣдомо къ кому, невѣдомо кто.

Стародумъ *(указывая на Софью)*. Пріѣхалъ къ ней ея дядя, Стародумъ.

Г-жа Простакова *(обробѣвъ и струся)*. Какъ? это ты? ты, батюшка? гость нашъ безцѣнный! Ахъ, я дура безсчетная! Да такъ ли бы надобно было встрѣтить отца родного, на котораго вся надежда, который у насъ одинъ, какъ порохъ въ глазу! Батюшка, прости меня: я дура. Образумиться не могу. Гдѣ мужъ? Гдѣ сынъ? Какъ въ пустой домъ пріѣхалъ! Наказаніе Божіе! Всѣ обезумѣли. Дѣвка! дѣвка! Палашка! дѣвка!

Скотининъ *(въ сторону)*. Тотъ-то! онъ-то! дядюшка-то!

Явленіе 4-е.

Тѣ же и Еремѣевна.

Еремѣевна. Чего изволишь?

Г-жа Простакова. А ты развѣ дѣвка, собачья ты дочь? Развѣ у меня въ домѣ, кромѣ твоей скверной хари, и служанокъ нѣтъ! Палашка гдѣ?

Еремѣевна. Захворала, матушка; лежитъ съ утра.

Г-жа Простакова. Лежитъ! Ахъ, она бестія! Лежитъ! Какъ будто она благородная!

---

[1]) Т.-е. купить образъ того святого, имя котораго носитъ офицеръ.

Еремѣевна. Такой жаръ рознялъ, матушка; безъ умолку бредитъ...

Г-жа Простакова. Бредитъ, бестія! Какъ будто благородная! Зови же ты мужа, сына! Скажи имъ, что по милости Божіей дождались мы дядюшку любезной нашей Софьюшки; что второй нашъ родитель къ намъ пожаловалъ теперь по милости Божіей. Ну, бѣги, переваливайся!

Стародумъ. Къ чему такъ суетиться, сударыня! По милости Божіей, я вашъ не родитель; по милости же Божіей, я вамъ и незнакомъ.

Г-жа Простакова. Нечаянный твой пріѣздъ, батюшка, умъ у меня отнялъ; да дай хотя обнять тебя хорошенько, благодѣтель нашъ!

Явленіе 5-е.

Тѣже, Простаковъ, Митрофанъ и Еремѣевна.

(Въ слѣдующую рѣчь Стародума Простаковъ съ сыномъ, вышедшіе изъ средней двери, стали позади Стародума. Отецъ готовъ обнять, какъ скоро дойдетъ очередь, а сынъ подойти къ рукѣ. Еремѣевна взяла мѣсто въ сторонѣ и, сложа руки, стала какъ вкопанная, выпяля глаза на Стародума, съ рабскимъ подобострастіемъ.)

Стародумъ *(обнимая неохотно г-жу Простакову)*. Милость совсѣмъ лишняя, сударыня; безъ нея могъ бы я весьма легко обойтиться.

(Вырвавшись изъ ея рукъ, обертывается на другую сторону, гдѣ Скотининъ, стоявшій уже съ распростертыми руками, тотчасъ его схватываетъ.)

Стародумъ. Это къ кому я попался?

Скотининъ. Это я, сестринъ братъ.

Стародумъ *(увидя еще двухъ, съ нетерпѣніемъ)*. А это кто еще?

Простаковъ *(обнимая)*. Я женинъ мужъ.
Митрофанъ *(ловя руку)*. А я матушкинъ сынокъ. } *Вмѣстѣ.*

Милонъ *(Правдину)*. Теперь я не представлюсь.

Правдинъ *(Милону)*. Я найду случай представить тебя послѣ.

Стародумъ *(не давая руки Митрофану)*. Этотъ ловитъ цаловать руку: видно, что готовятъ въ него большую душу.

Г-жа Простакова. Говори, Митрофанушка: какъ-де, сударь, мнѣ твоей ручки не цаловать! ты мой второй отецъ!

Митрофанъ. Какъ не цаловать, дядюшка, твоей ручки! ты мой отецъ... *(Къ матери.)* Какой бишь?

Г-жа Простакова. Второй.

Митрофанъ. Второй? Второй отецъ, дядюшка.

Стародумъ. Я, сударь, тебѣ ни отецъ, ни дядюшка.

Г-жа Простакова. Батюшка, вѣдь ребенокъ, можетъ быть, свое счастье прорекаетъ: авось-либо сподобитъ Богъ быть ему и впрямь твоимъ племянничкомъ.

Скотининъ. Право! А я чѣмъ не племянникъ? Ай, сестра!

Г-жа Простакова. Я, братецъ, съ тобой лаяться не стану. *(Къ Стародуму.)* Отроду батюшка, ни съ кѣмъ не бранивалась. У меня такой нравъ: хоть разругай, вѣкъ слова не скажу. Пусть же, себѣ на умѣ, Богъ тому заплатитъ, кто меня, бѣдную, обижаетъ.

Стародумъ. Я это примѣтилъ, какъ скоро ты, сударыня, изъ дверей показалась.

Правдинъ. А я уже три дни свидѣтелемъ ея добронравія.

Стародумъ. Этой забавы я такъ долго имѣть не могу. Софьюшка, другъ мой, завтра же поутру ѣду съ тобою въ Москву.

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка, за что такой гнѣвъ?

Простаковъ. За что немилость?

Г-жа Простакова. Какъ? Намъ разстаться съ Софьюшкой, съ сердечнымъ нашимъ другомъ! Я съ одной тоски хлѣба отстану.

Простаковъ. А я уже тутъ сгибъ да пропалъ.

Стародумъ. Когда же вы ее такъ любите, то долженъ я васъ обрадовать: я везу ее въ Москву для того, чтобы, сдѣлать ея счастье. Мнѣ представленъ въ женихи ея нѣкто молодой человѣкъ большихъ достоинствъ; за него ее и выдамъ.

Г-жа Простакова. Ахъ! уморилъ!
Милонъ. Что я слышу!
(Софья кажется пораженною.)
Скотининъ. Вотъ-те разъ!
(Простаковъ всплеснулъ руками.)
Митрофанъ. Вотъ тебѣ на!
(Еремѣевна печально кивнула головою.)
Правдинъ показываетъ видъ огорченнаго удивленія.)

Всѣ вмѣстѣ.

Стародумъ *(примѣтя всѣхъ смятеніе)*. Что это значитъ? *(Къ Софьѣ.)* Софьюшка, другъ мой, и ты, мнѣ кажется, въ смущеніи? Неужель мое намѣреніе тебя огорчило? Я заступаю мѣсто отца твоего. Повѣрь мнѣ, что я знаю его права. Они нейдутъ далѣе, какъ отвращать несчастную склонность дочери; а выборъ достойнаго человѣка зависитъ совершенно отъ ея сердца. Будь спокойна, другъ мой: твой мужъ, тебя достойный, кто бъ онъ ни былъ, будетъ имѣть во мнѣ истиннаго друга. Поди, за кого хочешь. *(Всѣ принимаютъ веселый видъ.)*

Софья. Дядюшка, не сомнѣвайтесь въ моемъ повиновеніи.

Милонъ *(въ сторону)*. Почтенный человѣкъ!

Г-жа Простакова *(съ веселымъ видомъ)*. Вотъ отецъ! Вотъ послушать! Поди, за кого хочешь, лишь бы человѣкъ ея стоилъ. Такъ, мой батюшка, такъ. Тутъ лишь только жениховъ пропускать не надобно. Коль есть въ глазахъ дворянинъ, малый молодой...

Скотининъ. Изъ ребятъ давно ужъ вышелъ...

Г-жа Простакова. У кого достаточекъ хоть и небольшой..

Скотининъ. Да свиной заводъ не плохъ...

Г-жа Простакова. Такъ и въ добрый часъ, въ архангельской.

Скотининъ. Такъ веселымъ пиркомъ, да и за свадебку. } *Вмѣстѣ.*

Стародумъ. Совѣты ваши безпристрастны. Я это вижу.

Скотининъ. То ль еще увидишь, какъ опознаешь меня покороче? Вишь ты — здѣсь содомно. Черезъ часъ-мѣста приду къ тебѣ одинъ, тутъ дѣло и сладимъ. Скажу, не похвалясь, каковъ я, право такихъ мало *(отходитъ)*.

Стародумъ. Это всего вѣроятнѣе.

Г-жа Простакова. Ты, мой батюшка, не диви на братца...

Стародумъ. А онъ вашъ братецъ?

Г-жа Простакова. Родной, батюшка: вѣдь и я по отцѣ Скотининыхъ. Покойникъ батюшка женился на покойницѣ матушкѣ; она была по прозванію Приплодиныхъ. Насъ дѣтей было у нихъ восемнадцать человѣкъ; да кромѣ меня съ братцомъ, всѣ, по власти Господней, примерли: иныхъ изъ бани мертвыхъ вытащили; трое, похлебавъ молочка изъ мѣднаго котлика, скончались; двое о Святой Недѣлѣ съ колокольни свалились; а достальныя сами не стояли, батюшка!

Стародумъ. Вижу, каковы были и родители ваши.

Г-жа Простакова. Старинные люди, мой отецъ! Не нынѣшній былъ вѣкъ. Насъ ни чему не учили. Бывало, добры люди приступятъ къ батюшкѣ, ублажаютъ, ублажаютъ, чтобъ хоть братца отдать въ школу, — кстати ли? Покойникъ-свѣтъ и руками, и ногами, царство ему небесное! Бывало, изволитъ закричать: прокляну ребенка, который что-нибудь перейметъ у басурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему-нибудь учиться захочетъ.

Правдинъ. Вы однакожъ своего сынка кое-чему обучаете.

Г-жа Простакова. Да нынѣ вѣкъ другой, батюшка! *(Къ Стародуму.)* Послѣднихъ крохъ не жалѣемъ, лишь бы сына всему выучить. Мой Митрофанушка изъ-за книги не встаетъ по суткамъ. Материно мое сердце. Иное жаль, жаль, да подумаешь: зато будетъ и дѣтина хоть куда. Вѣдь вотъ ужъ ему, батюшка, шестнадцать лѣтъ исполнится около зимняго Николы. Женихъ хоть кому, а все-таки учители ходятъ, часа не теряютъ, и теперь двое въ сѣняхъ дожидаются. *(Мигнула Еремѣевнѣ, чтобъ ихъ позвать.)* А въ Москвѣ приняли иноземца на шесть лѣтъ, и чтобъ другіе не сманили, контрактъ въ полиціи заявили. Подрядился учить, чему мы хотимъ, а по насъ — учи, чему самъ умѣетъ. Мы весь родительскій долгъ исполнили! Нѣмца приняли и деньги впередъ по третямъ платимъ. Желала бъ я душевно, чтобъ ты самъ, батюшка, полюбовался на Митрофанушку и посмотрѣлъ бы, что онъ выучилъ.

Стародумъ. Я худой тому судья, сударыня.

Г-жа Простакова *(увидя Кутейкина и Цыфиркина)*. Вотъ и учители! Не говорила ль я, батюшка, что Митрофанушка

мой ни днемъ, ни ночью покою не имѣетъ. Свое дитя хвалить дурно, а куда не безсчастна будетъ та, которую приведетъ Богъ быть его женою.

Правдинъ. Это все хорошо. Не забудьте однакожъ, сударыня, что гость вашъ теперь только изъ Москвы пріѣхалъ, и что ему покой гораздо нужнѣе похвалъ вашего сына.

Стародумъ. Признаюсь, что я радъ бы отдохнуть и отъ дороги, и отъ всего того, что слышалъ и что видѣлъ.

Г-жа Простакова. Ахъ, мой батюшка! все готово: сама для тебя комнату убирала.

Стародумъ. Благодаренъ! Софьюшка, проводи же меня.

Г-жа Простакова. А мы-то что? Позволь, мой батюшка, проводить тебя и мнѣ, и сыну, и мужу. Мы всѣ за твое здоровье въ Кіевъ пѣшкомъ обѣщаемся, лишь бы дѣльце наше сладить.

Стародумъ *(къ Правдину)*. Когда же мы увидимся? Отдохнувъ, я сюда прійду.

Правдинъ. Такъ я здѣсь и буду имѣть честь васъ видѣть.

Стародумъ. Радъ душею. *(Увидя Милона, который ему съ почтеніемъ поклонился, откланивается и ему учтиво.)*

Г-жа Простакова. Такъ милости просимъ.

(Кромѣ учителей, всѣ отходятъ. Правдинъ съ Милономъ въ сторону, а прочіе въ другую.)

Явленіе 6-е.

Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Кутейкинъ. Что за бѣсовщина! Съ самаго утра толку не добьешься. Здѣсь каждое утро процвѣтетъ и погибнетъ.

Цыфиркинъ. А нашъ братъ и вѣкъ такъ живетъ. Дѣла не дѣлай, отъ дѣла не бѣгай. Вотъ бѣда нашему брату, какъ кормятъ плохо, какъ сегодня къ здѣшнему обѣду провіанту не стало...

Кутейкинъ. Да, кабы не умудрилъ и меня Владыка, шедши сюда, забрести на перепутьи къ нашей просвирнѣ, взалкахъ бы яко песъ ко вечеру.

Цыфиркинъ. Здѣшни господа добры командиры!

Кутейкинъ. Слыхалъ ли ты, братецъ, каково житье-то здѣшнимъ челядинцамъ? Даромъ что ты служивый, бывалъ на баталіяхъ, страхъ и трепетъ пріидетъ на тя...

Цыфиркинъ. Вотъ на, слыхалъ ли? Я самъ видалъ здѣсь бѣглый огонь въ сутки сряду часа по три. *(Вздохнувъ.)* Охъ-ти мнѣ! грусть беретъ.

Кутейкинъ. О, горе мнѣ грѣшному!

Цыфиркинъ. О чемъ вздохнулъ, Сидорычъ?

Кутейкинъ. И въ тебѣ смятеся сердце твое, Пафнутьевичъ?

Цыфиркинъ. За неволю призадумаешься! Далъ мнѣ Богъ ученичка, боярскаго сынка. Бьюсь съ нимъ третій годъ; трехъ перечесть не умѣетъ.

Кутейкинъ. Такъ у насъ одна кручина. Четвертый годъ мучу свой животъ. Посесть часъ кромѣ задовъ новой строки не разберетъ; да и зады мямлетъ, прости Господи, безъ складу по складамъ, безъ толку по толкамъ.

Цыфиркинъ. А кто виноватъ? Лишь онъ грифель въ руки, а нѣмецъ въ двери: ему шабашъ изъ-за доски, а меня рады въ толчки.

Кутейкинъ. Тутъ мой ли грѣхъ? Лишь указку въ персты, басурманъ въ глаза: ученичка по головкѣ, а меня по шеѣ.

Цыфиркинъ *(съ жаромъ)*. Я далъ бы себѣ ухо отнести, лишь бы этого тунеядца прошколить по-солдатски.

Кутейкинъ. Меня хоть теперь шелепами, лишь бы выю грѣшничу путемъ накостылять.

Явленіе 7-е.

Тѣ же, г-жа Простакова и Митрофанъ.

Г-жа Простакова. Пока онъ отдыхаетъ, другъ мой, ты хоть для виду поучись, чтобъ дошло до ушей его, какъ ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофанъ. Ну, а тамъ что?

Г-жа Простакова. А тамъ и женишься.

Митрофанъ. Слушай, матушка, я тебя потѣшу, поучусь: только чтобъ это былъ послѣдній разъ и чтобъ сегодня жъ быть сговору.

Г-жа Простакова. Прійдетъ часъ воли Божіей!

Митрофанъ. Часъ моей воли пришелъ: не хочу учиться, хочу жениться. Ты жъ меня взманила, пеняй на себя. Вотъ я сѣлъ. *(Цыфиркинъ очиниваетъ грифель.)*

Г-жа Простакова. А я тутъ же присяду. Кошелекъ повяжу для тебя, другъ мой! Софьюшкины денежки было бъ куда класть.

Митрофанъ. Ну, давай доску, гарнизонная крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркинъ. Ваше благородіе завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

Г-жа Простакова *(работая)*. Ахъ, Господи Боже мой! ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнутьича! Ужъ и разгнѣвался!

Цыфиркинъ. За что разгнѣваться, ваше благородіе! У насъ россійская пословица: собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.

Митрофанъ. Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркинъ. Все зады, ваше благородіе. Вѣдь съ задами-то вѣкъ назади останешься.

Г-жа Простакова. Не твое дѣло, Пафнутьичъ. Мнѣ очень мило, что Митрофанушка впередъ шагать не любитъ. Съ его умомъ, да залетѣть далеко, да и Боже избави!

Цыфиркинъ. Задача: изволилъ ты, на прикладъ[1]), итти по дорогѣ со мною: ну, хоть возьмемъ съ собою Сидорыча. Нишли мы трое...

Митрофанъ *(пишетъ)*. Трое.

Цыфиркинъ. На дорогѣ, на прикладъ же, триста рублей.

Митрофанъ *(пишетъ)*. Триста.

Цыфиркинъ. Дошло дѣло до дѣлежа. Смекни-тко, по чему на брата?

Митрофанъ *(вычисляя, шепчетъ)*. Единожды три — три, единожды нуль — нуль.

Г-жа Простакова. Что, что, до дѣлежа?

Митрофанъ. Вишь триста рублей, что̀ нашли, троимъ раздѣлить.

Г-жа Простакова. Вретъ онъ, другъ мой сердечный! Нашедъ деньги, ни съ кѣмъ не дѣлись: всѣ себѣ возьми, Митрофанушка! не учись этой дурацкой наукѣ.

Митрофанъ. Слышь, Пафнутьичъ, задавай другую.

Цыфиркинъ. Пиши, ваше благородіе. За ученье жалуете мнѣ въ годъ десять рублей.

Митрофанъ. Десять.

Цыфиркинъ. Теперь, правда, не за что; а кабы ты, баринъ, что-нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофанъ *(пишетъ)*. Ну, ну, десять.

Цыфиркинъ. Сколько жъ бы на годъ?

Митрофанъ *(вычисляя, шепчетъ)*. Нуль да нуль — нуль; одинъ да одинъ... *(Задумался.)*

Г-жа Простакова. Не трудись попустому, другъ мой, гроша не прибавлю; да и не за что, наука не такая: лишь тебѣ мученье; а все, вижу, пустота. Денегъ нѣтъ — что считать? деньги есть — сочтемъ и безъ Пафнутьича хорошохонько.

Кутейкинъ. Шабашъ, право, Пафнутьичъ. Двѣ задачи рѣшены. Вѣдь на повѣрку приводить не станутъ.

Митрофанъ. Небось, братъ. Матушка тутъ сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкинъ, проучи вчерашнее.

Кутейкинъ *(открываетъ Часословъ. Митрофанъ беретъ указку)*. Начнемъ благословясь. За мною со вниманіемъ. Азъ же есмь червь...

Митрофанъ. Азъ же есмь червь...

Кутейкинъ. Червь, сирѣчь животина, скотъ. Сирѣчь: азъ есмь скотъ.

Митрофанъ. Азъ есмь скотъ.

Кутейкинъ *(учебнымъ голосомъ)*. А не человѣкъ.

Митрофанъ *(также)*. А не человѣкъ.

Кутейкинъ. Поношеніе человѣковъ.

Митрофанъ. Поношеніе человѣковъ.

Кутейкинъ. И уни...

---

[1]) Напримѣръ.

Явленіе 8-е.

Тѣ же и Вральманъ.

Вральманъ. Ай! ай! ай! ай! ай! Теперь-то я фижу! Умарить хотятъ репенка! Матушка ты мая! сшалься натъ сфаей утропой, — такъ скасать, асмое тифа фъ сфѣтѣ. Тай фолю этимъ преклятымъ слатѣямъ, исъ такой калафы толга ль палфанъ? Ушь диспозисіонъ, ушь все есть.

Г-жа Простакова. Правда, правда твоя, Адамъ Адамычъ! Митрофанушка, другъ мой, коли ученье такъ опасно для твоей головушки, такъ по мнѣ перестань.

Митрофанъ. А по мнѣ и подавно.

Кутейкинъ *(затворяя Часословъ)*. Конецъ и Богу слава.

Вральманъ. Матушка моя! Што тепѣ натопно? Сынокъ, какофъ есть, да талъ Похъ старовье; или сынокъ премудрой, такъ скасать, Аристотелисъ[1]), да въ могилу.

Г-жа Простакова. Ахъ, какая страсть, Адамъ Адамычъ. Онъ же и такъ вчера небережно поужиналъ.

Вральманъ. Разсути шь, мать мая: напилъ брюхо лишнѣ— пѣда; а фить калоушка-то у нефо караздо слапѣ прюха, напить ее лишнѣ, захрани Поже!

Г-жа Простакова. Правда твоя, Адамъ Адамычъ! Да что ты станешь дѣлать? Ребенокъ, не выучась, поѣзжай-ка въ тотъ же Петербургъ: скажутъ, дуракъ. Умницъ-то нынѣ завелось много; ихъ-то я боюсь.

Вральманъ. Чефо паяться, мая матушка? Расумная шеловѣкъ никахта ефо не сатеретъ, никахта зъ нимъ не саспоритъ: а онъ съ умными лютьми не сфясывайся, такъ и путетъ плаготенствіе Пожіе.

Г-жа Простакова. Вотъ какъ надобно тебѣ на свѣтѣ жить, Митрофанушка!

Митрофанъ. Я и самъ, матушка, до умницъ-то не охотникъ. Свой братъ завсегда лучше.

Вральманъ. Сфая кампанія то ли тѣло!

Г-жа Простакова. Адамъ Адамычъ! да изъ кого жъ ты ее выберешь?

Вральманъ. Не крушинься, мая матушка, не крушинься; какофъ тфой тражайшій сынъ, такихъ на сфѣтѣ милліоны, милліоны. Какъ ему не фыпрать сепѣ кампаніи!

Г-жа Простакова. То даромъ, что мой сынъ: малый острый, проворный.

Вральманъ. То ли пы тѣло, капы не самарили ефо на ушеньи! Россиска краматъ! Арихметика! Ахъ Хоспоти Поже мой! Какъ туша фъ тѣлѣ остаёса! Какъ путто пы россиски тфорянинъ ушь и не могъ фъ сфѣтѣ авансировать пезъ россиской краматъ!

Кутейкинъ *(въ сторону)*. Подъ языкъ бы тебѣ трупъ и болѣзнь.

---

[1]) Знаменитый греческій философъ.

Врaльманъ. Какъ путто пы до арихметики пыли люти тураки несчотные!

Цыфиркинъ *(въ сторону)*. Я те ребра-то пересчитаю. Попадешься ко мнѣ.

Врaльманъ. Ему потрепно снать, какъ шить фъ сфѣтѣ. Я снаю сфѣтъ наизусть; я самъ терта калашъ.

Г-жа Простакова. Какъ тебѣ не знать большого свѣту, Адамъ Адамычъ! Я чай, и въ одномъ Петербургѣ ты всего наглядѣлся.

Врaльманъ. Тафольно, мая матушка, тафольно. Я сафсегда ахотникъ пылъ смотрѣть публикъ. Пыфало, о прасникѣ съѣтутца въ Катрингофъ кареты съ господамъ; я фсе на нихъ смотру. Пыфало, не сойту ни на минуту съ коселъ.

Г-жа Простакова. Съ какихъ козелъ?

Врaльманъ *(въ сторону)*. Ай, ай, ай, ай! Што я сафралъ.[1]) *(Вслухъ.)* Ты, матушка, снаешь, што сматрѣть фсегда лофче зповыши, такъ я, пыфало, на снакому карету и сасѣлъ, та и смотру польшой сфѣтъ съ коселъ.

Г-жа Простакова. Конечно, виднѣе. Умный человѣкъ знаетъ, куда взлѣзть.

Врaльманъ. Вашъ тражайшій сынъ также на сфѣтѣ какънипуть всмаститца лютей посматрѣть и сепя покасать. Уталецъ! *(Митрофанъ, стоя на мѣстѣ, перевертывается.)*

Врaльманъ. Уталецъ! Не постоитъ на мѣстѣ, какъ тикой конь пезъ усды. Ступай! Фортъ! *(Митрофанъ убѣгаетъ.)*

Г-жа Простакова *(усмѣхаясь радостно)*. Ребенокъ, право, хоть и женихъ. Пойти за нимъ однакожъ, чтобъ онъ съ рѣзвости безъ умыслу чѣмъ-нибудь гостя не прогнѣвалъ?

Врaльманъ. Поти, мая матушка! Салётна птиса! Съ нимъ тфой глаза натопно.

Г-жа Простакова. Прощай же, Адамъ Адамычъ! *(Отходитъ.)*

Явленіе 9-е.

Врaльманъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Цыфиркинъ *(насмѣхаясь)*. Эка образина!

Кутейкинъ *(насмѣхаясь)*. Притча во языцѣхъ!

Врaльманъ. Чему фы супы-то скалите, нефѣжи?

Цыфиркинъ *(ударивъ по плечу)*. А ты что брови-то нахмурилъ, чухонская сова!

Врaльманъ. Ой! ой! шелѣсны лапы!

Кутейкинъ *(ударивъ по плечу)*. Филинъ проклятый, что ты буркалами-то похлопываешь?

Врaльманъ *(тихо)*. Пропалъ я. *(Вслухъ.)* Што фы истефаетесь, репята, што ли, нато мною?

Цыфиркинъ. Самъ праздно хлѣбъ ѣшь, и другимъ ничего дѣлать не даешь: да ты жъ еще и рожи не уставишь.

---

[1]) Врaльманъ проговорился: ниже оказывается, что онъ дѣйствительно былъ прежде кучеромъ. Такіе случаи тогда въ самомъ дѣлѣ бывали.

Кутейкинъ. Уста твоя всегда глаголаша гордыню, нечестивый!

Вральманъ *(оправляясь отъ робости)*. Какъ фы терсаете нефѣшничать передъ ушоной персоной? Я на-краулъ сакричу.

Цыфиркинъ. А мы те и честь отдадимъ: я доскою...

Кутейкинъ. А я Часословомъ.

Вральманъ. Я хоспожѣ на фасъ пошаляюсь.

(Цыфиркинъ, замахиваясь доскою, а Кутейкинъ Часословомъ.)

Цыфиркинъ. Раскрою тебѣ рожу на пятеро.
Кутейкинъ. Зубы грѣшника сокрушу. } *Вмѣстѣ.*

(Вральманъ бѣжитъ.)

Цыфиркинъ. Ага! поднялъ трусъ ноги!

Кутейкинъ. Направи стопы своя, окаянный!

Вральманъ *(въ дверяхъ)*. Што фсяли, пестіи? Сюта сунтесь?

Цыфиркинъ. Уплелъ! Мы бы дали тебѣ таску.

Вральманъ. Лихъ не паюсь теперь, не паюсь.

Кутейкинъ. Засѣлъ, пребеззаконный! Много ль тамъ васъ басурмановъ-то! Всѣхъ высылай.

Вральманъ. Съ атнимъ не слатили. Эхъ, пратъ, фсяли!
Цыферкинъ. Одинъ десятерыхъ уберу.
Кутейкинъ. Во утріе избію вся грѣшныя земли. } *Всѣ вдругъ кричатъ.*

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Явленіе 1-е.

Софья *(одна, глядя на часы)*. Дядюшка скоро долженъ выйти. *(Садясь.)* Я его здѣсь подожду. *(Вынимаетъ книжку и прочитавъ нѣсколько.)* Это правда. Какъ не быть довольну сердцу, когда спокойна совѣсть! *(Прочитавъ опять нѣсколько.)* Нельзя не любить правилъ добродѣтели: они способы къ счастію. *(Прочитавъ нѣсколько, взглянула и, увидѣвъ Стародума, къ нему подбѣгаетъ.)*

Явленіе 2-е.

Софья и Стародумъ.

Стародумъ. А! ты уже здѣсь, другъ мой сердечный!

Софья. Я васъ дожидалась, дядюшка. Читала теперь книжку.

Стародумъ. Какую?

Софья. Французскую: Фенелона, о воспитаніи дѣвицъ.

Стародумъ. Фенелона, автора Телемака? Хорошо. Я не знаю твоей книжки, однако читай ее, читай. Кто написалъ Телемака, тотъ перомъ своимъ нравовъ развращать не станетъ. Я боюсь для васъ нынѣшнихъ мудрецовъ. Мнѣ случилось читать

изъ нихъ все то, что переведено по-русски[1]). Они, правда, искореняютъ сильно предразсудки, да воротятъ съ корня добродѣтель[2]). Сядемъ. *(Оба сѣли.)* Мое сердечное желаніе видѣть тебя столько счастливою, сколько въ свѣтѣ быть возможно.

Софья. Ваши наставленія, дядюшка, составляютъ все мое благополучіе. Дайте мнѣ правила, которымъ я послѣдовать должна. Руководствуйте сердцемъ моимъ; оно готово вамъ повиноваться.

Стародумъ. Мнѣ пріятно расположеніе души твоей. Съ радостью подамъ тебѣ мои совѣты. Слушай меня съ такимъ вниманіемъ, съ какою искренностью я говорить буду. Поближе. *(Софья подвигаетъ стулъ свой.)*

Софья. Дядюшка, всякое слово ваше врѣзано будетъ въ сердце мое.

Стародумъ *(съ важнымъ чистосердечіемъ)*. Ты теперь въ тѣхъ лѣтахъ, въ которыхъ душа наслаждаться хочетъ всѣмъ бытіемъ своимъ, разумъ хочетъ знать, а сердце чувствовать. Ты входишь теперь въ свѣтъ, гдѣ первый шагъ рѣшитъ часто судьбу цѣлой жизни, гдѣ всего чаще первая встрѣча бываетъ: умы, развращенные въ своихъ понятіяхъ, сердца, развращенныя въ своихъ чувствіяхъ. О, мой другъ! умѣй различить, умѣй остановиться съ тѣми, которыхъ дружба къ тебѣ была бы надежною порукою за твой разумъ и сердце.

Софья. Все мое стараніе употреблю заслужить доброе мнѣніе людей достойныхъ. Да какъ мнѣ избѣжать, чтобъ тѣ, которые увидятъ, какъ отъ нихъ я удаляюсь, не стали на меня злобиться? Не можно ль, дядюшка, найти такое средство, чтобъ мнѣ никто на свѣтѣ зла не пожелалъ?

Стародумъ. Дурное расположеніе людей, недостойныхъ почтенія, не должно быть огорчительно. Знай, что зла никогда не желаютъ тѣмъ, кого презираютъ; а обыкновенно желаютъ зла тѣмъ, кто имѣетъ право презирать. Люди не одному богатству, не одной знатности завидуютъ: и добродѣтель также своихъ завистниковъ имѣетъ. Они всею силою стараются развратить невинное сердце, чтобъ унизить его до себя самихъ, и разумъ, не имѣвшій испытанія, обольщаютъ до того, чтобъ полагать свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно.

Софья. Возможно ль, дядюшка, чтобъ были въ свѣтѣ такіе жалкіе люди, въ которыхъ дурное чувство родится точно отъ того, что есть въ другихъ хорошее? Добродѣтельный человѣкъ сжалиться долженъ надъ такими несчастными.

Стародумъ. Они жалки, это правда: однако для этого добродѣтельный человѣкъ не перестаетъ итти своей дорогой. Подумай ты сама, какое было бы несчастье, ежели бъ солнце перестало свѣтить для того, чтобъ слабыхъ глазъ не ослѣпить!

---

[1]) Софья читала Телемака по-французски. Чтобы оттѣнить разницу стараго и новаго воспитанія Фонвизинъ изобразилъ Стародума незнающимъ иностранныхъ языковъ.

[2]) Эта мысль переведена изъ соч. Дюкло «Considérations sur les mœurs de ce siècle».

Софья. Да скажите жъ мнѣ, пожалуйте, виноваты ли они? Всякій ли человѣкъ можетъ быть добродѣтеленъ?

Стародумъ. Повѣрь мнѣ, всякій найдетъ въ себѣ довольно силъ, чтобъ быть добродѣтельну. Надобно захотѣть рѣшительно, а тамъ всего будетъ легче не дѣлать того, за что бъ совѣсть угрызала.

Софья. Кто жъ остережетъ человѣка, кто не допуститъ до того, за что послѣ мучитъ его совѣсть?

Стародумъ. Кто остережетъ? Та же совѣсть. Вѣдай, что совѣсть всегда, какъ другъ, остерегаетъ прежде, нежели, какъ судья, наказываетъ.

Софья. Такъ поэтому надобно, чтобъ всякій порочный человѣкъ былъ дѣйствительно презрѣнія достоинъ, когда дѣлаетъ онъ дурно, знавъ, что дѣлаетъ. Надобно, чтобъ душа его была очень низка, когда она не выше дурного дѣла.

Стародумъ. И надобно, чтобъ разумъ его былъ не прямой разумъ, когда онъ полагаетъ свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно.

Софья. Мнѣ казалось, дядюшка, что всѣ люди согласились, въ чемъ полагать свое счастье. Знатность, богатство...

Стародумъ. Такъ, мой другъ! И я согласенъ назвать счастливымъ знатнаго и богатаго. Да сперва согласимся, кто знатенъ и кто богатъ[1]). У меня мой расчетъ. Степени знатности разсчитываю я по числу дѣлъ, которыя большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а не по числу дѣлъ, которыя нахваталъ на себя изъ высокомѣрія; не по числу людей, которые шатаются въ его передней, а по числу людей, довольныхъ его поведеніемъ и дѣлами. Мой знатный человѣкъ, конечно, счастливъ; богачъ мой тоже. По моему расчету, не тотъ богатъ, который отсчитываетъ деньги, чтобъ прятать ихъ въ сундукъ, а тотъ, который отсчитываетъ у себя лишнее, чтобъ помочь тому, у кого нѣтъ нужнаго.

Софья. Какъ это справедливо! Какъ наружность насъ ослѣпляетъ! Мнѣ самой случалось видѣть множество разъ, какъ завидуютъ тому, кто у двора ищетъ и значитъ...

Стародумъ. А того не знаютъ, что у двора всякая тварь что-нибудь да значитъ и чего-нибудь да ищетъ; того не знаютъ, что у двора всѣ придворные и у всѣхъ придворные. Нѣтъ, тутъ завидовать нечему: безъ знатныхъ дѣлъ знатное состояніе ничто.

Софья. Конечно, дядюшка. И такой знатный никого счастливымъ не дѣлаетъ, кромѣ себя одного.

Стародумъ. Какъ! А развѣ тотъ счастливъ, кто счастливъ одинъ? Знай, какъ бы онъ знатенъ ни былъ, душа его прямого удовольствія не вкушаетъ. Вообрази себѣ человѣка, который бы всю свою знатность устремилъ на то только, чтобъ ему одному было хорошо, который бы и достигъ уже до того, чтобъ самому

---

[1]) Во всемъ этомъ разговорѣ разсужденія Стародума о добродѣтели, о чести, о знатности имѣютъ много общаго съ истолкованіемъ всѣхъ подобныхъ понятій въ статьѣ Фонвизина «Опытъ россійскаго сословника», для которой онъ обильно черпалъ матеріалъ изъ французскаго словаря синонимовъ Жирара.

ему ничего желать не оставалось; вѣдь тогда вся душа его заняласъ бы однимъ чувствомъ, одной боязнію: рано или поздно сверзиться. Скажи жъ, мой другъ, счастливъ ли тотъ, кому нечего желать, а есть чего бояться?

Софья. Вижу, какая разница казаться счастливымъ и быть дѣйствительно. Да мнѣ это не понятно, дядюшка, какъ можно человѣку все помнить одного себя. Неужели не разсуждаютъ, чѣмъ одинъ обязанъ другому? Гдѣ жъ умъ, которымъ такъ величаются?

Стародумъ. Чѣмъ умомъ величаться, другъ мой? Умъ, коль онъ только что умъ, самая бездѣлица. Съ пребѣглыми умами видимъ мы худыхъ мужей, худыхъ отцовъ, худыхъ гражданъ[1]). Прямую цѣну уму даетъ благонравіе: безъ него умный человѣкъ чудовище. Оно неизмѣримо выше всей бѣглости ума. Это легко понять всякому, кто хорошенько подумаетъ. Умовъ много и много разныхъ. Умнаго человѣка легко извинить можно, если онъ какого-нибудь качества ума и не имѣетъ; честному человѣку никакъ простить нельзя, ежели не достаетъ въ немъ какого-нибудь качества сердца: ему необходимо всѣ имѣть надобно. Достоинство сердца нераздѣлимо. Честный человѣкъ долженъ быть совершенно честный человѣкъ.

Софья. Ваше изъясненіе, дядюшка, сходно съ моимъ внутреннимъ чувствомъ, котораго я изъяснить не могла. Я теперь живо чувствую и достоинство честнаго человѣка, и его должность.

Стародумъ. Должность! А, мой другъ, какъ это слово у всѣхъ на языкѣ, и какъ мало его понимаютъ! Всечасное употребленіе этого слова такъ насъ съ нимъ ознакомило, что, выговоря его, человѣкъ ничего уже не мыслитъ, ничего не чувствуетъ. Если бъ люди понимали его важность, никто не могъ бы вымолвить его безъ душевнаго почтенія. Подумай, что такое должность. Это тотъ священный обѣтъ, которымъ обязаны мы всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ живемъ и отъ кого зависимъ. Если бъ такъ должность исполняли, какъ объ ней твердятъ, всякое состояніе людей осталось бы при своемъ любочестіи и было бъ совершенно счастливо. Дворянинъ, напримѣръ, считалъ бы за первое безчестье не дѣлать ничего, когда есть ему столько дѣла: есть люди, которымъ помогать; есть отечество, которому служить. Тогда не было бъ такихъ дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками. Дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ — подлѣе его ничего на свѣтѣ не знаю.

Софья. Возможно ль такъ себя унизить?

Стародумъ. Другъ мой, что сказалъ я о дворянинѣ, распространимъ теперь на человѣка. У каждаго свои должности. Посмотримъ, какъ они исполняются. Каковы, напримѣръ, большею частію мужья нынѣшняго свѣта; не забудемъ, каковы и жены. О мой сердечный другъ! теперь мнѣ все твое вниманіе потребно.

[1]) Въ «Докладѣ о воспитаніи» сотрудника Екатерины Бецкаго говорится: «Опытъ доказалъ, что одинъ только украшенный или просвѣщенный разумъ не производитъ еще добраго, прямого гражданина; напротивъ, онъ становится вреднымъ для того, у кого съ юныхъ лѣтъ не вкоренена въ сердцѣ добродѣтель». Сравни слова Стародума въ I явленіи 5-го дѣйствія.

Возьмемъ въ примѣръ несчастный домъ, каковыхъ множество, гдѣ жена не имѣетъ никакой сердечной дружбы къ мужу, ни онъ къ женѣ довѣренности; гдѣ каждый съ своей стороны своротили съ пути добродѣтели. Вмѣсто искренняго и снисходительнаго друга, жена видитъ въ мужѣ своемъ грубаго и развращеннаго тирана. Съ другой стороны, вмѣсто кротости, чистосердечія, свойствъ жены добродѣтельной, мужъ видитъ въ душѣ своей жены одну своенравную наглость, а наглость въ женщинѣ есть вывѣска порочнаго поведенія. Оба стали другъ другу въ несносную тягость; оба ни во что уже не ставятъ доброе имя, потому что у обоихъ оно потеряно. Можно ль быть ужаснѣе ихъ состоянія? Домъ брошенъ; люди забываютъ долгъ повиновенія, видя въ самомъ господинѣ своемъ раба гнусныхъ страстей его; имѣніе расточается: оно сдѣлалось ничье, когда хозяинъ его самъ не свой. Дѣти, несчастныя ихъ дѣти, при жизни отца и матери уже осиротѣли. Отецъ, не имѣя почтенія къ женѣ своей, едва смѣетъ ихъ обнять, едва смѣетъ отдаться нѣжнѣйшимъ чувствованіямъ человѣческаго сердца. Невинные младенцы лишены также и горячности матери. Она, недостойная имѣть дѣтей, уклоняется ихъ ласки, видя въ нихъ или причины безпокойствъ своихъ, или упрекъ своего развращенія. И какого воспитанія ожидать дѣтямъ отъ матери, потерявшей добродѣтель? Какъ ей учить ихъ благонравію, котораго въ ней нѣтъ? Въ минуты, когда мысль ихъ обращается на ихъ состояніе, какому аду должно быть въ душахъ и мужа и жены?

Софья. Ахъ, какъ я ужасаюсь этого примѣра!

Стародумъ. И не дивлюся: онъ долженъ привести въ трепетъ добродѣтельную душу. Я еще той вѣры, что человѣкъ не можетъ быть и развращенъ столько, чтобъ могъ спокойно смотрѣть на то, что видимъ.

Софья. Боже мой! отчего такія страшныя несчастія?

Стародумъ. Оттого, мой другъ, что при нынѣшнихъ супружествахъ рѣдко съ сердцемъ совѣтуются. Дѣло о томъ: знатенъ ли, богатъ ли женихъ, хороша ли, богата ли невѣста; о благонравіи вопросу нѣтъ. Никому и въ голову не входитъ, что въ глазахъ мыслящихъ людей честный человѣкъ безъ большого чина — презнатная особа; что добродѣтель все замѣняетъ, а добродѣтели ничто замѣнить не можетъ. Признаюсь тебѣ, другъ мой, что сердце мое тогда только будетъ спокойно, когда увижу тебя за мужемъ, достойнымъ твоего сердца, когда взаимная любовь ваша...

Софья. Да какъ достойнаго мужа не любить дружески?

Стародумъ. Такъ. Только, пожалуй, не имѣй ты къ мужу своему любви, которая на дружбу походила бъ; имѣй къ нему дружбу, которая на любовь бы походила: это будетъ гозрадо прочнѣе. Тогда, послѣ двадцати лѣтъ женитьбы, найдете въ сердцахъ вашихъ прежнюю другъ къ другу привязанность. Мужъ благоразумный, жена добродѣтельная — что почтеннѣе быть можетъ! Надобно, мой другъ, чтобъ мужъ твой повиновался разсудку, а ты мужу, и будете оба совершенно благополучны.

Софья. Все, что вы ни говорите, трогаетъ сердце мое...

Стародумъ *(съ нѣжнѣйшею горячностью)*. И мое восхищается, видя твою чувствительность. Отъ тебя зависитъ твое счастіе. Богъ далъ тебѣ всѣ пріятности твоего пола. Вижу въ тебѣ сердце честнаго человѣка. Ты, мой сердечный другъ, ты соединяешь въ себѣ обоихъ половъ совершенства. Ласкаюсь, что горячность моя меня не обманываетъ, что добродѣтель...

Софья. Ты ею наполнилъ всѣ мои чувства. *(Бросясь цаловать ему руки.)* Гдѣ она?

Стародумъ *(цалуя самъ ея руки)*. Она въ твоей душѣ. Благодарю Бога, что въ самой тебѣ нахожу твердое основаніе твоего счастія. Оно не будетъ зависѣть ни отъ знатности, ни отъ богатства. Все это прійти къ тебѣ можетъ; однако для тебя сть счастье всегдо этого больше. Это то, чтобъ чувствовать себя остойною всѣхъъ благъ, которыми ты можешь наслаждаться...

Софья. Дядюшка! Истинное мое счастье то, что ты у меня есть. Я знаю цѣну...

Явленіе 3-е.

Тѣ же и Камердинеръ.

(Камердинеръ подаетъ письмо Стародуму.)

Стародумъ. Откуда?

Камердинеръ. Изъ Москвы, съ нарочнымъ. *(Отходитъ.)*

Стародумъ *(распечатавъ и смотря на надпись)*. Графъ Честанъ. А! *(Начиная читать, показываетъ видъ, что глаза разобрать не могутъ.)* Софьюшка, очки мои на столѣ, въ книгѣ.

Софья *(отходя)*. Тотчасъ, дядюшка.

Явленіе 4-е.

Стародумъ *(одинъ)*. Онъ, конечно, пишетъ ко мнѣ о томъ же, о чемъ въ Москвѣ сдѣлалъ предложеніе. Я не знаю Милона; но когда дядя его мой истинный другъ, когда вся публика считаетъ его честнымъ и достойнымъ человѣкомъ... если свободно ея сердце...

Явленіе 5-е.

Стародумъ и Софья.

Софья *(подавая очки)*. Нашла, дядюшка.

Стародумъ *(читаетъ)*. «...Я теперь только узналъ... ведетъ въ Москву свою команду... онъ съ вами долженъ встрѣтиться. Сердечно буду радъ, если онъ увидится съ вами... Возьмите трудъ узнать образъ мыслей его...» *(Въ сторону.)* Конечно, безъ того ее не выдамъ... «Вы найдете... Вашъ истинный другъ...» Хорошо. Это письмо до тебя принадлежитъ. Я сказывалъ тебѣ, что молодой человѣкъ похвальныхъ свойствъ, представленъ...

Слова мои тебя смущаютъ, другъ мой сердечный; я это и давича примѣтилъ и теперь вижу. Довѣренность твоя ко мнѣ...

Софья. Могу ли я имѣть на сердцѣ что-нибудь отъ васъ скрытое? Нѣтъ, дядюшка, я чистосердечно скажу вамъ...

Явленіе 6-е.

Тѣ же, Правдинъ и Милонъ.

Правдинъ. Позвольте представить вамъ господина Милона, моего истиннаго друга.

Стародумъ *(въ сторону)*. Милонъ!

Милонъ. Я почту за истинное счастіе, если удостоюсь вашего добраго мнѣнія, вашихъ ко мнѣ милостей...

Стародумъ. Графъ Честанъ не свойственникъ ли вашъ?

Милонъ. Онъ мнѣ дядя.

Стародумъ. Мнѣ очень пріятно быть знакому съ человѣкомъ вашихъ качествъ. Дядя вашъ мнѣ о васъ говорилъ. Онъ отдаетъ вамъ всю справедливость. Особливыя достоинства...

Милонъ. Это его ко мнѣ милость. Въ мои лѣта и въ моемъ положеніи было бы непростительное высокомѣріе считать все то заслуженнымъ, чѣмъ молодого человѣка ободряютъ достойные люди.

Правдинъ. Я напередъ увѣренъ, что другъ мой пріобрѣтетъ вашу благосклонность, если вы его узнаете короче. Онъ бывалъ часто въ домѣ покойной сестрицы вашей...

(Стародумъ оглядывается на Софью.)

Софья *(тихо Стародуму и въ большой робости)*. И матушка любила его какъ сына.

Стародумъ *(Софьѣ)*. Мнѣ это очень пріятно. *(Милону.)* Я слышалъ, что вы были въ арміи. Неустрашимость ваша...

Милонъ. Я дѣлалъ мою должность. Ни лѣта мои, ни чинъ, ни положеніе еще не позволяли мнѣ показать прямой неустрашимости, буде есть во мнѣ она.

Стародумъ. Какъ! Будучи въ сраженіяхъ и подвергая жизнь свою...

Милонъ. Я подвергалъ ее, какъ прочіе. Тутъ храбрость была такое качество сердца, какое солдату велитъ имѣть начальникъ, а офицеру — честь. Признаюсь вамъ искренно, что показать прямой неустрашимости не имѣлъ я еще никакого случая; испытать же себя сердечно желаю.

Стародумъ. Я крайне любопытенъ знать, въ чемъ же полагаете вы прямую неустрашимость?

Милонъ. Если позволите мнѣ сказать мысль мою: я полагаю истинную неустрашимость въ душѣ, а не въ сердцѣ[1]). У кого она въ душѣ, у того, безъ всякаго сомнѣнія, и храброе сердце. Въ нашемъ военномъ ремеслѣ храбръ долженъ быть воинъ, не-

[1]) Различіе между храбростью и неустрашимостью заимствовано изъ французскаго Словаря синонимовъ Жирара.

устрашимъ военачальникъ. Онъ съ холодною кровью усматриваетъ всѣ степени опасности, принимаетъ нужныя мѣры, славу свою предпочитаетъ жизни; но что всего болѣе — онъ для пользы и славы отечества не устрашается забыть свою собственную славу. Неустрашимость его состоитъ слѣдственно не въ томъ, чтобъ презирать жизнь свою: онъ ее никогда и не отваживаетъ; онъ умѣетъ ею жертвовать.

Стародумъ. Справедливо. Вы прямую неустрашимость полагаете въ начальникѣ; свойственна ли же она и другимъ состояніямъ?

Милонъ. Она добродѣтель; слѣдственно нѣтъ состоянія, которое ею не могло бы отличиться. Мнѣ кажется, храбрость сердца доказывается въ часъ сраженія, а неустрашимость души — во всѣхъ испытаніяхъ, во всѣхъ положеніяхъ жизни. И какая разница между безстрашіемъ солдата, который на приступѣ отваживаетъ жизнь свою на ряду съ прочими, и между неустрашимостію человѣка государственнаго, который говоритъ правду государю, отваживаясь его прогнѣвать? Судья, который, не убоясь ни мщенія, ни угрозъ сильнаго, отдалъ справедливость безпомощному, въ моихъ глазахъ — герой. Какъ мала душа того, кто за бездѣлицу вызоветъ на дуэль, передъ тѣмъ, кто вступится за отсутствующаго, котораго честь при немъ клеветники терзаютъ? Я понимаю неустрашимость такъ...

Стародумъ. Какъ понимать должно тому, у кого она въ душѣ. Обойми меня, другъ мой! Извини мое простосердечіе: я другъ честныхъ людей. Это чувство вкоренено въ мое воспитаніе. Въ тебѣ вижу и почитаю добродѣтель, украшенную разсудкомъ просвѣщеннымъ.

Милонъ. Душа благородная... Нѣтъ, не могу скрывать болѣе моего сердечнаго чувства!... Нѣтъ! Добродѣтель твоя извлекаетъ силою своею все таинство души моей. Если мое сердце добродѣтельно, если стоитъ оно быть счастливо, отъ тебя зависитъ сдѣлать его счастье. Я полагаю его въ томъ, чтобъ имѣть женою любезную племянницу вашу. Взаимная наша склонность...

Стародумъ *(къ Софьѣ, съ радостью)*. Какъ! Сердце твое умѣло отличить того, кого я самъ предлагалъ тебѣ? Вотъ мой тебѣ женихъ...

Софья. И я люблю его сердечно.

Стародумъ. Вы оба другъ друга достойны. *(Въ восхищеніи соединяетъ ихъ руки.)* Отъ всей души моей даю вамъ мое согласіе.

Милонъ *(обнимая Стародума)*. Мое счастіе несравненно!

Софья *(цалуя руки Стародумовы)*. Кто можетъ быть счастливѣе меня? } *Вмѣстѣ.*

Правдинъ. Какъ искренно я радъ!

Стародумъ. Мое удовольствіе неизреченно.

Милонъ *(цалуя руку Софьи)*. Вотъ минута нашего благополучія.

Софья. Сердце мое вѣчно любить тебя будетъ.

Явленіе 7-е.

Тѣ же и Скотининъ.

Скотининъ. И я здѣсь.

Стародумъ. Зачѣмъ пожаловалъ?

Скотининъ. За своей нуждой.

Стародумъ. А чѣмъ могу служить?

Скотининъ. Двумя словами.

Стародумъ. Какими это?

Скотининъ. Обнявъ меня покрѣпче, скажи: Софьюшка твоя.

Стародумъ. Не пустое ль затѣвать изволишь? Подумай-ка хорошенько.

Скотининъ. Я никогда не думаю и напередъ увѣренъ, что коли и ты думать не станешь, то Софьюшка моя.

Стародумъ. Это странное дѣло! Человѣкъ ты, какъ вижу, не безъ ума, а хочешь, чтобъ я отдалъ мою племянницу за кого, не знаю.

Скотининъ. Не знаешь, такъ я скажу. Я Тарасъ Скотининъ, въ родѣ своемъ не послѣдній. Родъ Скотининыхъ великій и старинный. Пращура нашего ни въ какой герольдіи[1]) не отыщешь.

Правдинъ *(смѣючись)*. Эдакъ вы насъ увѣрите, что онъ старѣе Адама.

Скотининъ. А что ты думаешь? Хоть немногимъ...

Стародумъ *(смѣючись)*. То есть, пращуръ твой созданъ хоть въ шестой же день, да немного попрежде Адама.

Скотининъ. Нѣтъ, право? Такъ ты добраго мнѣнія о старинѣ моего рода?

Стародумъ. О! такого то добраго, что я удивляюсь, какъ на твоемъ мѣстѣ можно выбирать жену изъ другого рода, какъ изъ Скотининыхъ?

Скотининъ. Разсуди же, какое счастье Софьюшкѣ быть за мною. Она дворянка...

Стародумъ. Экой человѣкъ! Да для того-то ты ей и не женихъ.

Скотининъ. Уже я на то пошелъ. Пусть болтаютъ, что Скотининъ женился на дворяночкѣ; для меня все равно.

Стародумъ. Да для нея не все равно, когда скажутъ, что дворянка вышла за Скотинина.

Милонъ. Такое неравенство сдѣлало бъ несчастье вамъ обоимъ.

Скотининъ. Ба! Да этотъ что тутъ равняется? *(Тихо Стародуму.)* А! не отбиваетъ ли?

Стародумъ *(тихо Скотинину)*. Мнѣ такъ кажется.

Скотининъ *(тѣмъ же тономъ)*. Да гдѣ къ чорту!

Стародумъ *(тѣмъ же тономъ)*. Тяжело.

---

[1]) Учрежденіе, вѣдающее дворянскія родословныя.

Скотининъ *(громко, указывая на Милона)*. Кто жъ изъ насъ смѣшонъ? Ха, ха, ха, ха!

Стародумъ *(смѣется)*. Вижу, кто смѣшонъ.

Софья. Дядюшка, какъ мнѣ мило, что вы веселы!

Скотининъ *(Стародуму)*. Ба! Да ты весельчакъ. Давича я думалъ, что къ тебѣ и приступу нѣтъ. Мнѣ слова не сказалъ, а теперь все со мной смѣешься.

Стародумъ. Таковъ человѣкъ, мой другъ! Часъ на часъ не приходитъ.

Скотининъ. Это и видно. Вѣдь и давича былъ я тотъ же Скотининъ, а ты сердился.

Стародумъ. Была причина.

Скотининъ. Я ее и знаю. Я и самъ въ этомъ таковъ же. Дома, когда зайду въ хлѣва, да найду свиней не въ порядкѣ, — досада и возьметъ. И ты, не въ проносъ слово, заѣхавъ сюда, нашелъ сестринъ домъ не лучше хлѣвовъ, — тебѣ и досадно.

Стародумъ. Ты меня счастливѣе. Меня трогаютъ люди.

Скотининъ. А меня такъ свиньи.

Явленіе 8-е.

Тѣ же, г-жа Простакова, Простаковъ, Митрофанъ и Еремѣевна.

Г-жа Простакова *(входя)*. Все ль съ тобою, другъ мой?

Митрофанъ. Ну, да ужъ не заботься.

Г-жа Простакова *(Стародуму)*. Хорошо ли отдохнуть изволилъ, батюшка? Мы всѣ въ четвертой комнатѣ на цыпочкахъ ходили, чтобъ тебя не обезпокоить; не смѣли въ дверь заглянуть; послышимъ, анъ ужъ ты давно и сюда выйти изволилъ. Не взыщи, батюшка...

Стародумъ. О, сударыня, мнѣ очень было бы досадно, ежели бъ вы сюда пожаловали ранѣе.

Скотининъ. Ты, сестра, какъ на смѣхъ, все за мною по пятамъ. Я пришелъ сюда за своею нуждою.

Г-жа Простакова. А я такъ за своею. *(Стародуму.)* Позволь же, мой батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою. *(Мужу и сыну.)* Кланяйтесь.

Стародумъ. Какою, сударыня?

Г-жа Простакова. Во первыхъ, прошу милости всѣхъ садиться. *(Всѣ садятся, кромѣ Митрофана и Еремѣевны.)* Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка. За молитвы родителей нашихъ (намъ грѣшнымъ гдѣ бъ и умолить!) даровалъ намъ Господь Митрофанушку. Мы все дѣлали, чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изволишь его видѣть. Не угодно ль, мой батюшка, взять на себя трудъ и посмотрѣть, какъ онъ у насъ выученъ?

Стародумъ. О, сударыня, до моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я слышалъ объ его учителяхъ и вижу напередъ, какому грамотѣю ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цы-

фиркина. *(Къ Правдину.)* Любопытенъ бы я былъ послушать, чему нѣмецъ-отъ его выучилъ.

Г-жа Простакова. Всѣмъ наукамъ, батюшка.
Простаковъ. Всему, мой отецъ. } *Вмѣстѣ.*
Митрофанъ. Всему, чему изволишь.

Правдинъ *(Митрофану)*. Чему жъ бы напримѣръ?

Митрофанъ *(подаетъ ему книгу)*. Вотъ, грамматикѣ.

Правдинъ *(взявъ книгу)*. Вижу. Это грамматика. Чтожъ вы въ ней знаете?

Митрофанъ. Много. Существительно, да прилагательно...

Правдинъ. Дверь, напримѣръ, какое имя: существительное, или прилагательное?

Митрофанъ. Дверь? котора дверь?

Правдинъ. Котора дверь? Вотъ эта.

Митрофанъ. Эта? Прилагательна.

Правдинъ. Почему жъ?

Митрофанъ. Потому что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще не навѣшена: такъ та покамѣстъ существительна.

Правдинъ. Такъ поэтому у тебя слово дуракъ прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку?

Митрофанъ. И вѣдомо.

Г-жа Простакова. Что, каково, мой батюшка?

Простаковъ. Каково, мой отецъ?

Правдинъ. Нельзя лучше. Въ грамматикѣ онъ силенъ.

Милонъ. Я думаю, не меньше и въ исторіи.

Г-жа Простакова. То, мой батюшка, онъ еще съизмала къ исторіямъ охотникъ.

Скотининъ. Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ того глазъ не сведу, чтобъ выборный не разсказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачій сынъ! Откуда что берется.

Г-жа Простакова. Однако все-таки не придетъ противъ Адамъ Адамыча.

Правдинъ *(Митрофану)*. А далеко ли вы въ исторіи?

Митрофанъ. Далеко ль? Какова исторія! Въ иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдинъ. А! такъ этой-то исторіи учитъ васъ Вральманъ?

Стародумъ. Вральманъ! Имя что-то знакомое.

Митрофанъ. Нѣтъ. Нашъ Адамъ Адамычъ исторій не разсказываетъ; онъ, что я же, самъ охотникъ слушать.

Г-жа Простакова. Они оба заставляютъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью.

Правдинъ. Да не у ней ли оба вы учились и географіи?

Г-жа Простакова *(сыну)*. Слышишь, другъ мой сердечный. Это что за наука?

Митрофанъ *(тихо матери)*. А я почемъ знаю?

Г-жа Прастокова *(тихо Митрофану)*. Не упрямься, душенька, теперь-то себя и показать.

Митрофанъ *(тихо матери)*. Да я не возьму въ толкъ, о чемъ спрашиваютъ.

Г-жа Простакова *(Правдину)*. Какъ, батюшка, назвалъ ты науку-то?

Правдинъ. Географія.

Г-жа Простакова *(Митрофану)*. Слышишь, еоргафія.

Митрофанъ. Да что такое? Господи Боже мой! Пристали съ ножемъ къ горлу.

Г-жа Простакова *(Правдину)*. И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему, сдѣлай милость, какая эта наука-то: онъ ее и разскажетъ.

Правдинъ. Описаніе земли.

Г-жа Простакова *(Стародуму)*. А къ чему бы это служило на первый случай?

Стародумъ. На первый случай годилось бы и къ тому, что ежели бъ случилось ѣхать, такъ знаешь, куда ѣдешь.

Г-жа Простакова. Ахъ, мой батюшка! Да извощики-то на что жъ[1])? Это ихъ дѣло. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда, — свезутъ, куда изволишь. Мнѣ, повѣрь, батюшка, что, конечно, то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.

Стародумъ. О, конечно, сударыня, въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, чего не знаешь.

Г-жа Простакова. Безъ наукъ люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворитъ и что-нибудь положитъ. То-то экономъ былъ! Жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другими не похвалюсь, отъ васъ не потаю: покойникъ свѣтъ, лежа на сундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ сказать, съ голоду. А! каково это?

Стародумъ. Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтобъ вкусить такую блаженную кончину.

Скотининъ. Да коль доказывать, что ученье вздоръ, такъ возьмемъ дядю Вавилу Фалалеича. О грамотѣ никто отъ него не слыхивалъ, ни онъ ни отъ кого слышать не хотѣлъ: а какова была голбушка!

Правдинъ. Что жъ такое?

Скотининъ. Да съ нимъ на роду вотъ что случилось. Верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмѣльной въ каменны ворота. Мужикъ былъ рослый, ворота низки: забылъ наклониться — какъ хватитъ себя лбомъ о притолку, индо пригнуло дядю къ похвямъ потылицею[2]), и бодрый конь вынесъ его изъ воротъ къ крыльцу навзничь. Я хотѣлъ бы знать: есть ли на свѣтѣ ученый лобъ, который бы отъ такого тумака не развалился;

---

[1]) Возраженіе Простаковой заимствовано изъ повѣсти Вольтера «Jeannot et Colin».

[2]) Похви или пахви — ремешки, идущіе отъ сѣдла къ хвосту лошади; потылица — затылокъ.

а дядя, вѣчная ему память, протрезвясь, спросилъ только: цѣлы ли ворота?

Милонъ. Вы, господинъ Скотининъ, сами признаете себя неученымъ человѣкомъ; однако, я думаю, въ этомъ случаѣ и вашъ лобъ былъ бы не крѣпче ученаго.

Стародумъ *(Милону)*. Объ закладъ не бейся, другъ мой. Я думаю, что Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы.

Г-жа Простакова. Батюшка мой! да что за радость и выучиться? Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленѣе, того свои же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую-нибудь должность.

Стародумъ. А кто посмышленѣе, тотъ и не откажетъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ.

Г-жа Простакова. Богъ васъ знаетъ, какъ вы нынче судите. У насъ, бывало, всякій того и смотритъ, что на покой. *(Правдину.)* Ты самъ, батюшка, сколько трудишься! Вотъ и теперь, сюда шедши, я видѣла, что къ тебѣ несутъ какой-то пакетъ.

Правдинъ. Ко мнѣ пакетъ? И мнѣ никто этого не скажетъ! *(Вставая.)* Я прошу извинить меня, что васъ оставлю. Можетъ быть, есть ко мнѣ какія-нибудь повелѣнія отъ намѣстника.

Стародумъ *(встаетъ и всѣ встаютъ)*. Поди, мой другъ; однако я съ тобою не прощаюсь.

Правдинъ. Я еще увижусь съ вами. Вы завтра ѣдете поутру?

Стародумъ. Часовъ въ семь. *(Правдинъ отходитъ.)*

Милонъ. А я завтра же, проводя васъ, поведу мою команду. Теперь пойду сдѣлать къ тому распоряженіе. *(Милонъ отходитъ, прощаясь съ Софьею взорами.)*

Явленіе 9-е.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Простаковъ, Еремѣевна, Стародумъ и Софья.

Г-жа Простакова *(Стародуму)*. Ну, мой батюшка, ты довольно видѣлъ, каковъ Митрофанушка?

Скотининъ. Ну, мой другъ сердечный, ты видишь, каковъ я?

Стародумъ. Узналъ обоихъ, нельзя короче.

Скотининъ. Быть ли же за мною Софьюшкѣ?

Стародумъ. Не бывать.

Г-жа Простакова. Женихъ ли ей Митрофанушка?

Стародумъ. Не женихъ.

Г-жа Простакова. А что бъ помѣшало? } *Вмѣстѣ.*
Скотининъ. За чѣмъ же дѣло стало? }

Стародумъ *(сведя обоихъ)*. Вамъ однимъ за секретъ сказать можно: она сговорена. *(Отходитъ и даетъ знакъ Софьѣ, чтобъ шла за нимъ.)*

Г-жа Простакова. Ахъ, злодѣй!

Скотининъ. Да онъ рехнулся.

Г-жа Простакова *(съ нетерпѣніемъ)*. Когда они выѣдутъ?

Скотининъ. Вѣдь ты слышала, поутру въ семь часовъ.

Г-жа Простакова. Въ семь часовъ!

Скотининъ. Завтра и я проснусь съ свѣтомъ вдругъ. Будь онъ уменъ, какъ изволитъ, а и съ Скотининымъ развяжется не скоро! *(Отходитъ.)*

Г-жа Простакова *(бѣгая по театру въ злобѣ и въ мысляхъ)*. Въ семь часовъ!... Мы встанемъ поранѣ... Что захотѣла, поставлю на своемъ... Всѣ ко мнѣ! *(Всѣ подбѣгаютъ.)*

Г-жа Простакова *(къ мужу)*. Завтра въ шесть часовъ, чтобъ карета была подвезена къ заднему крыльцу. Слышишь ли ты? Не прозѣвай.

Простаковъ. Слышу, мать моя.

Г-жа Простакова *(къ Еремѣевнѣ)*. Ты во всю ночь не смѣй вздремать у Софьиныхъ дверей. Лишь она проснется, бѣги ко мнѣ.

Еремѣевна. Не промигну, моя матушка.

Г-жа Простакова *(сыну)*. Ты, мой другъ сердечный, самъ въ шесть часовъ будь готовъ и поставь троихъ слугъ въ Софьиной передспальней, да двоихъ въ сѣняхъ на подмогу.

Митрофанъ. Все будетъ сдѣлано.

Г-жа Простакова. Подите жъ съ Богомъ. *(Всѣ отходятъ.)* А я ужъ знаю, что̀ дѣлать. Гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость. Старикъ погнѣвается, да проститъ и за неволю. А мы свое возьмемъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Явленіе 1-е.

Стародумъ и Правдинъ.

Правдинъ. Это былъ тотъ пакетъ, о которомъ при васъ сама здѣшняя хозяйка вчера меня увѣдомила.

Стародумъ. И такъ, ты имѣешь теперь способъ прекратить безчеловѣчіе злой помѣщицы?

Правдинъ. Мнѣ поручено взять подъ опеку домъ и деревни при первомъ бѣшенствѣ, отъ котораго могли бы пострадать подвластные ей люди.

Стародумъ. Благодареніе Богу, что человѣчество найти защиту можетъ! Повѣрь мнѣ, другъ мой: гдѣ государь мыслитъ, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ одномъ, что̀ законно, и что угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ беззаконно[1]).

---

[1]) Всѣ эти разсужденія о долгѣ государя близко напоминаютъ мысли изъ переведеннаго Фонвизинымъ «Похвальнаго Слова Марку Аврелію».

Правдинъ. Я въ этомъ согласенъ съ вами; да, какъ мудрено истреблять закоренѣлые предразсудки, въ которыхъ низкія души находятъ свои выгоды!

Стародумъ. Слушай, другъ мой! Великій государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости его та, чтобъ править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости. Крестьянинъ, который плоше всѣхъ въ деревнѣ, выбирается обыкновенно пасти стадо, потому что немного надобно ума пасти скотину. Достойный престола государь стремится возвысить души своихъ подданныхъ. Мы это видимъ своими глазами.

Правдинъ. Удовольствіе, которымъ государи наслаждаются, владѣя свободными душами, должно быть столь велико, что я не понимаю, какія побужденія могли бы отвлекать...

Стародумъ. А! Сколь великой душѣ надобно быть въ государѣ, чтобъ стать на стезю истины и никогда съ нея не совращаться! Сколько сѣтей разставлено къ уловленію души человѣка, имѣющаго въ рукахъ своихъ судьбу себѣ подобныхъ! И во-первыхъ, толпа скаредныхъ льстецовъ всеминутно силится увѣрять его, что люди сотворены для него, а не онъ для людей.

Правдинъ. Безъ душевнаго презрѣнія нельзя себѣ вообразить, что такое льстецъ.

Стародумъ. Льстецъ есть тварь, которая не только о другихъ, ниже о себѣ хорошаго мнѣнія не имѣетъ. Все его стремленіе къ тому, чтобъ сперва ослѣпить умъ у человѣка, а потомъ дѣлать изъ него, что ему надобно. Онъ ночной воръ, который сперва свѣчу погаситъ, а потомъ красть станетъ.

Правдинъ. Несчастіямъ людскимъ, конечно, причиною собственное ихъ развращеніе; но способы сдѣлать людей добрыми...

Стародумъ. Они въ рукахъ государя. Какъ скоро всѣ увидятъ, что безъ благонравія никто не можетъ выйти въ люди; что ни подлой выслугой и ни за какія деньги нельзя купить того, чѣмъ награждается заслуга; что люди выбираются для мѣстъ, а не мѣста похищаются людьми, — тогда всякій найдетъ свою выгоду быть благонравнымъ и всякій хорошъ будетъ.

Правдинъ. Справедливо. Великій государь даетъ...

Стародумъ. Милость и дружбу тѣмъ, кому изволитъ; мѣста и чины тѣмъ, кто достоинъ.

Правдинъ. Чтобъ въ достойныхъ людяхъ не было недостатка, прилагается нынѣ особливое стараніе о воспитаніи...

Стародумъ. Оно и должно быть залогомъ благосостоянія государства. Мы видимъ всѣ несчастныя слѣдствія дурного воспитанія. Ну, что для отечества можетъ выйти изъ Митрофанушки, за котораго невѣжды-родители платятъ еще и деньги невѣждамъ-учителямъ! Сколько дворянъ-отцовъ, которые нравственное воспитаніе сынка своего поручаютъ своему рабу крѣпостному! Лѣтъ черезъ пятнадцать и выходятъ вмѣсто одного раба двое: старый дядька да молодой баринъ.

Правдинъ. Но особы высшаго состоянія просвѣщаютъ дѣтей своихъ...

Стародумъ. Такъ, мой другъ; да я желалъ бы, чтобъ при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ — благонравіе. Вѣрь мнѣ, что наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу. Я хотѣлъ бы, напримѣръ, чтобъ при воспитаніи сына знатнаго господина наставникъ его всякій день разогнулъ ему исторію и указалъ въ ней два мѣста: въ одномъ, какъ великіе люди способствовали благу своего отечества; въ другомъ, какъ вельможа недостойный, употребившій во зло свою довѣренность и силу, съ высоты пышной своей знатности низвергся въ бездну презрѣнія и поношенія.

Правдинъ. Надобно, дѣйствительно, чтобъ всякое состояніе людей имѣло приличное себѣ воспитаніе: тогда можно быть увѣрену...[1]) Что за шумъ?

Стародумъ. Что такое сдѣлалось?

Явленіе 2-е.

Тѣ же, Милонъ, Софья, Еремѣевна.

Милонъ *(отталкивая отъ Софьи Еремѣевну, которая за нее было уцѣпилась, кричитъ къ людямъ, имѣя въ рукѣ обнаженную шпагу)*. Не смѣй никто подойти ко мнѣ!

Софья *(бросаясь къ Стародуму)*. Ахъ, дядюшка, защити меня!

Стародумъ. Другъ мой, что такое?
Правдинъ. Какое злодѣяніе!
Софья. Сердце мое трепещетъ!
Еремѣевна. Пропала моя голубушка!
} *Вмѣстѣ.*

Милонъ. Злодѣи! Идучи сюда, вижу множество людей, которые, подхватя ее подъ руки, несмотря на сопротивленіе и крикъ, сводятъ уже съ крыльца къ каретѣ.

Софья. Вотъ мой избавитель!

Стародумъ. Другъ мой!

Правдинъ *(Еремѣевнѣ)*. Сейчасъ скажи, куда везти хотѣли, или какъ съ злодѣйкой...

Еремѣевна. Вѣнчаться, мой батюшка, вѣнчаться!

Г-жа Простакова *(за кулисами)*. Плуты! воры! мошенники! Всѣхъ прибить велю до смерти!

Явленіе 3-е.

Тѣ же, г-жа Простакова, Простаковъ и Митрофанъ.

Г-жа Простакова. Какая я госпожа въ домѣ! *(Указывая на Милона.)* Чужой погрозитъ, приказъ мой ни во что!

Простаковъ. Я ли виноватъ?
Митрофанъ. За людей приниматься!
Г-жа Простакова. Жива быть не хочу!
} *Вмѣстѣ.*

[1]) Взглядъ на воспитаніе здѣсь совпадаетъ во многомъ съ XVI главой «Наказа».

Правдинъ. Злодѣяніе, которому я самъ свидѣтель, даетъ право, вамъ, какъ дядѣ, вамъ какъ жениху...

Г-жа Простакова. Жениху! }
Простаковъ. Хороши мы! } *Вмѣстѣ.*
Митрофанъ. Все къ чорту! }

Правдинъ. Требовать отъ правительства, чтобъ сдѣланная ей обида наказана была всею строгостью законовъ. Сейчасъ представлю ее передъ судъ, какъ нарушительницу гражданскаго спокойства.

Г-жа Простакова *(бросаясь на колѣни)*. Батюшки! Виновата!

Правдинъ. Мужъ и сынъ не могли не имѣть участія въ злодѣяніи.

Простаковъ. Безъ вины виноватъ! } *Вмѣстѣ, бросаясь на колѣни.*
Митрофанъ. Виноватъ, дядюшка! }
Г-жа Простакова. Ахъ, я собачья дочь! Что я надѣлала!

Явленіе 4-е.

Тѣ же и Скотининъ.

Скотининъ. Ну, сестра, хорошу было шутку... Ба! что это? Всѣ наши на колѣняхъ!

Г-жа Простакова *(стоя на колѣняхъ)*. Ахъ, мои батюшки! повинную голову мечъ не сѣчетъ. Мой грѣхъ! Не погубите меня! *(Къ Софьѣ.)* Мать ты моя родная, прости меня, умилосердись надо мною *(указывая на мужа и сына)* и надъ бѣдными сиротами!

Скотининъ. Сестра! О своемъ ли ты умѣ?

Правдинъ. Молчи, Скотининъ.

Г-жа Простакова. Богъ дастъ тебѣ благополучіе и съ дорогимъ женихомъ твоимъ. Что тебѣ въ головѣ моей?

Софья *(Стародуму)*. Дядюшка, я мое оскорбленіе забываю.

Г-жа Простакова *(поднявъ руки къ Стародуму)*. Батюшка! прости и ты меня, грѣшную. Вѣдь я человѣкъ, не ангелъ.

Стародумъ. Знаю, знаю, что человѣку нельзя быть ангеломъ, да не надобно быть и чортомъ.

Милонъ. И преступленіе, и раскаяніе въ ней презрѣнія достойны.

Правдинъ *(Стародуму)*. Ваша малѣйшая жалоба, ваше одно слово предъ правительствомъ... и ужъ спасти ее нельзя.

Стародумъ. Не хочу ни чьей погибели. Я ее прощаю.

(Всѣ вскочили съ колѣнъ.)

Г-жа Простакова. Простилъ! Ахъ, батюшка!... Ну, теперь-то дамъ я зорю канальямъ своимъ людямъ! теперь-то я всѣхъ переберу по-одиночкѣ! теперь-то допытаюсь, кто изъ рукъ ее выпустилъ! Нѣтъ, мошенники! Нѣтъ, воры! Вѣкъ не прощу этой насмѣшки!

Правдинъ. А за что вы хотите наказывать людей вашихъ?

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшки! Это что за вопросъ? Развѣ я не властна и въ своихъ людяхъ?

Правдинъ. А вы считаете себя въ правѣ драться тогда, когда вамъ вздумается?

Скотининъ. Да развѣ дворянинъ не воленъ поколотить слугу, когда захочетъ?

Правдинъ. Когда захочетъ! Да что за охота? Прямой ты Скотининъ! *(Г-жѣ Простаковой.)* Нѣтъ, сударыня, тиранствовать никто не воленъ.

Г-жа Простакова. Не воленъ? Дворянинъ, когда захочетъ, и слуги высѣчь не воленъ? Да на чтожъ данъ намъ указъ-отъ о вольности дворянства[1])?

Стародумъ. Мастерица толковать указы!

Г-жа Простакова. Извольте насмѣхаться; а я теперь же всѣхъ съ головы на голову... *(Порывается итти.)*

Правдинъ *(останавливая ее)*. Поостановитесь, сударыня. *(Вынувъ бумагу и важнымъ голосомъ, Простакову.)* Именемъ правительства вамъ приказываю сей же часъ собрать людей и крестьянъ вашихъ, для объявленія имъ указа, что за безчеловѣчіе жены вашей, до котораго попустило ее ваше крайнее слабомыслiе, повелѣваетъ мнѣ правительство принять въ опеку домъ вашъ и деревни.

Простаковъ. А! До чего мы дожили!

Г-жа Простакова. Какъ? Новая бѣда! За что? за что, батюшка? Что я въ своемъ домѣ госпожа...

Правдинъ. Госпожа безчеловѣчная, которой злонравіе въ благоучрежденномъ государствѣ терпимо быть не можетъ. *(Простакову.)* Подите.

Простаковъ *(отходитъ, всплеснувъ руками)*. Отъ кого это, матушка!

Г-жа Простакова *(тоскуя)*. О, горе взяло! О, грустно!

Скотининъ *(въ сторону)*. Ба! ба! ба! Да эдакъ и до меня доберутся. Да эдакъ и всякій Скотининъ можетъ попасть подъ опеку... Уберусь же я отсюда по-добру, по-здорову.

Правдинъ *(Скотинину)*. А скорѣе всего ты. Я слыхалъ, что ты съ свиньями не въ примѣръ лучше обходишься, нежели съ людьми...

Скотининъ. Государь ты мой милостивый! да какъ къ людямъ и лежать у меня сердцу? Самъ ты разсуди: люди передо мною умничаютъ, а между свиньями я самъ всѣхъ умнѣе.

Г-жа Простакова. Все теряю! Совсѣмъ погибаю!

Скотининъ *(Стародуму)*. Я шелъ было къ тебѣ добиться толку. Женихъ...

Стародумъ *(указывая на Милона)*. Вотъ онъ.

[1]) Указъ Петра III 1762 г., предоставлявшій дворянамъ многія преимущества, главнымъ образомъ, освобождавшій ихъ отъ обязательной военной службы. Многіе невѣжественные дворяне склонны были толковать его, какъ Простакова, въ смыслѣ освобожденія дворянства отъ всѣхъ обязанностей и дарованія права дѣлать что угодно.

Скотининъ. Ага! такъ мнѣ и дѣлать здѣсь нечего. Кибитку впречь, да и...

Правдинъ. Да и ступай къ своимъ свиньямъ. Не забудь однакожъ повѣстить всѣмъ Скотининымъ, чему они подвержены.

Скотининъ. Какъ друзей не остеречь! Повѣщу имъ, чтобъ они людей...

Правдинъ. Побольше любили, или бъ по крайней мѣрѣ...

Скотининъ. Ну...

Правдинъ. Хоть не трогали.

Скотининъ *(отходя)*. Хоть не трогали.

Явленіе 5-е.

Г-жа Простакова, Стародумъ, Правдинъ, Митрофанъ, Софья, Еремѣевна.

Г-жа Простакова *(Правдину)*. Батюшка! не погуби ты меня! Что тебѣ прибыли? Не возможно ль какъ-нибудь указъ поотмѣнить? Всѣ ли указы исполняются?

Правдинъ. Я отъ должности никакъ не отступлю.

Г-жа Простакова. Дай мнѣ сроку хоть на три дня. *(Въ сторону.)* Я дала бы себя знать...

Правдинъ. Ни на три часа.

Стародумъ. Да, другъ мой, она и въ три часа напроказить можетъ столько, что вѣкомъ не пособишь.

Г-жа Простакова. Да какъ вамъ, мой батюшка, самому входить въ мелочи?...

Правдинъ. Это мое дѣло. Чужое возвращено будетъ хозяевамъ, а...

Г-жа Простакова. А съ долгами-то раздѣлаться?... Не доплачено учителямъ.

Правдинъ. Учителямъ? *(Еремѣевнѣ.)* Здѣсь ли они? Введи ихъ сюда.

Еремѣевна. Чай, что прибрели. А нѣмца-то, мой батюшка?...

Правдинъ. Всѣхъ позови. *(Еремѣевна отходитъ.)*

Правдинъ. Не заботься ни о чемъ, сударыня: я всѣхъ удовольствую.

Стародумъ *(видя въ тоскѣ г-жу Простакову)*. Сударыня, ты сама себя почувствуешь лучше, потерявъ силу дѣлать другимъ дурно.

Г-жа Простакова. Благодарна за милость! Куда я гожусь, когда въ моемъ домѣ моимъ же рукамъ и воли нѣтъ?

Явленіе 6-е.

Тѣ же, Еремѣевна, Вральманъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Еремѣевна *(введя учителей, къ Правдину)*. Вотъ тебѣ и вся ваша сволочь, мой батюшка.

Вральманъ *(Правдину)*. Фаше фысоко-и-плахоротіе, исфолили къ сепѣ прасить?

Кутейкинъ *(Правдину)*. Званъ быхъ, и пріидохъ.

Цыфиркинъ *(Правдину)*. Что приказу будетъ, ваше благородіе?

Стародумъ *(съ прихода Вральмана въ него вглядывается)*. Ба! Это ты, Вральманъ?

Вральманъ *(узнавъ Стародума)*. Ай! ай! ай! ай! ай! Это ты, мой милостифый хосподинъ! *(Цалуя полу Стародумову.)* Старофенька ли, мой отесъ, пошифать исфолишь?

Правдинъ Какъ! Онъ вамъ знакомъ?

Стародумъ. Какъ не знакомъ! Онъ три года былъ у меня кучеромъ. *(Всѣ показываютъ удивленіе.)*

Правдинъ. Изрядный учитель!

Стародумъ. А ты здѣсь въ учителяхъ, Вральманъ? Я думалъ, право, что ты человѣкъ добрый и не за свое не возьмешься.

Вральманъ. Та што тѣлать, мой патюшка! Не я перфой, не я послѣтній. Три мѣсеса фъ Москфѣ шатался пезъ мѣстъ, кушеръ нихтѣ не ната. Пришло мнѣ липо съ голотъ мереть, липо ушитель...

Правдинъ *(къ учителямъ)*. По волѣ правительства ставъ опекуномъ надъ здѣшнимъ домомъ, я васъ отпускаю.

Цыфиркинъ. Лучше не надо!

Кутейкинъ. Отпускать благоволите? Да прежде разочтемся...

Правдинъ. А что тебѣ надобно?

Кутейкинъ. Нѣтъ, милостивый господинъ, мой счетецъ зѣло не малъ. За полгода за ученье, за обувь, что истаскалъ въ три года, за простои, что сюда прибредешь, бывало, по пусту, за....

Г-жа Простакова. Ненасытная душа! Кутейкинъ! За что это?

Правдинъ. Не мѣшайтесь, сударыня, я васъ прошу.

Г-жа Простакова. Да коль пошло на правду: чему ты выучилъ Митрофанушку?

Кутейкинъ. Это его дѣло, не мое.

Правдинъ *(Кутейкину)*. Хорошо, хорошо. *(Цыфиркину.)* Тебѣ много ль заплатить?

Цыфиркинъ. Мнѣ? Ничего.

Г-жа Простакова. Ему, батюшка, за одинъ годъ дано десять рублей, а еще за годъ ни полушки не заплачено.

Цыфиркинъ. Такъ, на тѣ десять рублей я износилъ сапоговъ въ два года — мы и квиты.

Правдинъ. А за ученіе?

Цыфиркинъ. Ничего.

Стародумъ. Какъ ничего?

Цыфиркинъ. Не возьму ничего: онъ ничего не перенялъ.

Стародумъ. Да тѣмъ не меньше тебѣ заплатить надобно.

Цыфиркинъ. Не за что. Я государю служилъ слишкомъ двадцать лѣтъ. За службу деньги бралъ; по пустому не биралъ и не возьму.

Стародумъ. Вотъ прямо добрый человѣкъ! *(Стародумъ и Милонъ вынимаютъ изъ кошельковъ деньги.)*

Правдинъ. Тебѣ не стыдно, Кутейкинъ?

Кутейкинъ *(потупя голову)*. Посрамихся, окаянный.

Стародумъ *(Цыфиркину)*. Вотъ тебѣ, другъ мой, за добрую душу.

Цыфиркинъ. Спасибо, ваше высокородіе, благодаренъ. Дарить меня ты воленъ; самъ не заслужа, вѣкъ не потребую.

Милонъ *(давая ему деньги)*. Вотъ еще тебѣ, другъ мой!

Цыфиркинъ. И еще спасибо. *(Правдинъ даетъ также деньги.)*

Цыфиркинъ. Да за что, ваше благородіе, жалуете?

Правдинъ. За то, что ты не походишь на Кутейкина.

Цыфиркинъ. И! ваше благородіе! Я солдатъ.

Правдинъ *(Цыфиркину)*. Пойди жъ, мой другъ, съ Богомъ. *(Цыфиркинъ отходитъ.)*

Правдинъ. А ты, Кутейкинъ, пожалуй-ка сюда завтра, да потрудись разсчесться съ самою госпожею.

Кутейкинъ *(выбѣгая)*. Съ самою! Ото всего отступаюсь.

Вральманъ *(Стародуму)*. Старофа слука не остафте, фаше фысокоротіе. Фосмите меня апять къ сепѣ.

Стародумъ. Да ты, Вральманъ, я чаю, отсталъ и отъ лошадей?

Вральманъ. Эй, нѣтъ, мой патюшка! Шіучи съ стѣшнимъ хоспотамъ, касалось мнѣ, што я фсе съ лошатками.

Явленіе 7-е.

Тѣ же и камердинеръ.

Камердинеръ *(Стародуму)*. Карета ваша готова.

Вральманъ. Прикашишь мнѣ дофести сепя?

Стародумъ. Поди, садись на козлы. *(Вральманъ отходитъ.)*

Явленіе послѣднее.

Г-жа Простакова, Стародумъ, Милонъ, Софья, Правдинъ, Митрофанъ, Еремѣевна.

Стародумъ *(Правдину, держа руки Софьи и Милона)*. Ну, мой другъ, мы ѣдемъ. Пожелай намъ...

Правдинъ. Всего счастья, на которое имѣютъ право честныя сердца.

Г-жа Простакова *(бросаясь обнимать сына)*. Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка!

Митрофанъ. Да отвяжись, матушка! Какъ навязалась...

Г-жа Простакова. И ты, и ты меня бросаешь! А! неблагодарный! *(Упала въ обморокъ.)*

Софья *(подбѣжавъ къ ней)*. Боже мой! она безъ памяти.

Стародумъ *(Софьѣ)*. Помоги ей, помоги. *(Софья и Еремѣевна помогаютъ.)*

Правдинъ *(Митрофану)*. Негодница, тебѣ ли грубить матери? Къ тебѣ ея безумная любовь и довела ее всего больше до несчастья.

Митрофанъ. Да она, какъ будто невѣдомо...

Правдинъ. Грубіянъ!

Стародумъ *(Еремѣевнѣ)*. Что она теперь? Что?

Еремѣевна *(посмотрѣвъ пристально на г-жу Простакову и всплеснувъ руками)*. Очнется, мой батюшка, очнется.

Правдинъ *(Митрофану)*. Съ тобой, дружокъ, знаю, что дѣлать. Пошелъ-ка служить...

Митрофанъ *(махнувъ рукою)*. По мнѣ, куда велятъ!

Г-жа Простакова *(очнувшись, въ отчаяніи)*. Погибла я совсѣмъ! Отнята у меня власть! Отъ стыда никуда глазъ показать нельзя! Нѣтъ у меня сына!

Стародумъ *(указавъ на г-жу Простакову)*. Вотъ злонравія достойные плоды!

ДРУГЪ ЧЕСТНЫХЪ ЛЮДЕЙ

или

СТАРОДУМЪ.

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНІЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ИСТИНѢ.

Подъ этимъ заглавіемъ Фонвизинъ задумалъ въ 1788 г. издавать журналъ. Но времена уже измѣнились: теперь на сатирическіе журналы смотрѣли далеко не такъ благосклонно, какъ раньше, да и самъ Фонвизинъ внушалъ мало довѣрія. Его прочная привязанность къ Панинымъ, которыхъ Екатерина только терпѣла, его неловкіе «Вопросы» заставляли императрицу держаться настороже; наконецъ, кое-что во взглядахъ подлиннаго Стародума, Софьинаго дядюшки, могло ей не очень нравиться, журналъ же обѣщалъ быть дальнѣйшимъ развитіемъ того же направленія. Журналъ не былъ разрѣшенъ Фонвизину. Мы печатаемъ выдержки изъ матеріаловъ, приготовленныхъ для этого изданія.

Оно должно было открыться обращеніемъ «сочинителя Недоросля» къ Стародуму и отвѣтомъ послѣдняго. Въ обращеніи своемъ Фонвизинъ пишетъ, что онъ обязанъ роли Стародума успѣхомъ «Недоросля» въ публикѣ, поэтому онъ рѣшилъ назвать журналъ его именемъ и просить его сотрудничества. «Не страшусь я», продолжаетъ авторъ, «строгости цензуры, ибо вы, конечно, не напишете ничего такого, чего бы напечатать было невозможно. Вѣкъ Екатерины Вторыя ознаменованъ дарованіемъ Россіянамъ свободы мыслить и изъясняться. «Недоросль» мой, между прочимъ,

служитъ тому доказательствомъ, ибо назадъ тому пѣтъ за тридцать ваша собственная роль могла ли бы быть представлена и напечатана? Правда, что есть и нынѣ особы, стремящіяся угнетать дарованія и препятствующія выходить всему тому, что невѣжество и порокъ ихъ обличаетъ; но таковое немощной злобы усиліе, кромѣ смѣха, ничего другого нынѣ произвести не можетъ». Событія показали, что «смѣхъ» былъ преждевременъ, и надежда на «дарованіе свободы мыслить и изъясняться» была напрасна.

Отвѣтъ Стародума помѣщенъ ниже. Въ немъ важенъ конецъ, гдѣ высказывается взглядъ на значеніе писателя въ обществѣ. Сравненіе этого взгляда съ мыслью «Челобитной» показываетъ, что у Фонвизина не было яснаго, устойчиваго пониманія общественной роли писателя: въ его время мы найдемъ такое пониманіе едва ли не у двухъ только лицъ — у Новикова и у Радищева.

1. Отвѣтъ Стародума.

Москва, Января 1788 г.

Съ удовольствіемъ соглашаюсь принять участіе въ вашемъ періодическомъ сочиненіи. Я буду сообщать мысли мои по мѣрѣ, какъ онѣ мнѣ въ голову приходить будутъ. Краснорѣчія отъ меня не ожидайте, ибо вы сами знаете, что я не писатель, а буду говорить полезныя истины для того только, что мы, Богу благодареніе, живемъ въ томъ вѣкѣ, въ которомъ честный человѣкъ можетъ мысль свою сказать безбоязненно.

Я самъ жилъ большею частію тогда, когда каждый, слушавъ двоихъ такъ бесѣдующихъ, какъ я говорилъ съ Правдинымъ, бѣжалъ прочь отъ нихъ стремглавъ, трепеща, чтобъ не сдѣлали его свидѣтелемъ вольныхъ разсужденій о Дворѣ и о дурныхъ вельможахъ; но чтобъ мой сей разговоръ приведенъ былъ въ театральное сочиненіе, о томъ и помышлять было невозможно; ибо погибель сочинителя была бы наградою за сочиненіе.

Екатерина расторгла сіи узы. Она, отверзая пути къ просвѣщенію, сняла съ рукъ писателя оковы и позволила вездѣ охотникамъ заводить вольныя типографіи, дабы умы имѣли повсюду способы выдавать въ свѣтъ свои творенія.

И такъ, Россійскіе Писатели! какое обширное поле предстоитъ вашимъ дарованіямъ! Если какая рабская душа, обитающая въ тѣлѣ знатнаго вельможи, устремится на васъ отъ страха, чтобъ не терпѣть униженія отъ вашихъ обличеній; если какой-нибудь безсовѣстный лихоимецъ дерзнетъ, подкапываясь подъ законы, простирать хищную руку на

грабежъ отечества и своихъ согражданъ: то перо ваше можетъ смѣло обличать ихъ предъ тропомъ, предъ отечествомъ, предъ свѣтомъ.

Я думаю, что таковая свобода писать, каковою пользуются нынѣ Россіяне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть полезнымъ совѣтодателемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества. Дабы обѣщаніе мое о принятіи участія въ вашемъ сочиненіи было не на словахъ, а на дѣлѣ, сообщаю вамъ теперь же нѣсколько писемъ съ моими отвѣтами. Вы можете помѣстить ихъ въ вашу книгу, если разсудите за благо; а я навсегда пребываю, и проч.

Стародумъ.

2. Письмо къ Стародуму

отъ Дѣдиловскаго помѣщика Дурыкина[1]).

Имѣя честь быть вашимъ сосѣдомъ, прошу не прогнѣваться, что я, безъ всякихъ моихъ заслугъ, утруждаю васъ симъ письмомъ. Я знаю, что вы въ Москвѣ много знакомцевъ имѣете и любите людей ученыхъ, а мои обстоятельства вотъ каковы:

Я имѣю шестерыхъ дѣтей: трехъ мужескаго и столько жъ женскаго пола. Для дѣвочекъ переманили мы отъ сосѣда мадаму, которая за ними смотритъ и за которою мы смотримъ; называется мадамъ Лудо; неизвѣстно какой націи. Большой мой сынъ Ѳединька, по семнадцатому году, читать и писать умѣетъ, а Митюшка и Павлинька еще не начинали грамотѣ. Митюшка матушкинъ сынокъ; съ нимъ надобно обходиться нѣжно, ибо онъ слабаго здоровья. Я хотѣлъ бы выписать изъ Москвы учителя, но только не нѣмца, ибо боюсь взять Вральмана. Не худо было бы, еслибъ вы сдѣлали милость посмотрѣли изъ университетскихъ студентовъ, а кондиціи мои при семъ прилагаю, пребывая впрочемъ...

Дурыкинъ.

[1]) Переписка Дурыкина со Стародумомъ заимствована Фонвизинымъ изъ соч. нѣмецкаго сатирика XVIII вѣка Рабенера.

Кондиціи для учителя дому Дурыкина.

1. Учитель долженъ быть изъ русскихъ, умѣть по французскому, по нѣмецкому, сочинять стихи, сколько потребно для домашняго обихода. Не худо, чтобы онъ зналъ и ариѳметику.

2. На годъ дамъ ему двѣсти рублей, а онъ долженъ учить дѣтей моихъ со всею кротостію.

3. Жить онъ будетъ у меня въ домѣ, обѣдать съ камердинеромъ.

4. А какъ я, по милости Божіей, имѣю чинъ генеральскій, будучи отставленъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, то я именно требую, чтобъ онъ въ разговорахъ со мною и съ женою давалъ намъ чаще титулъ превосходительства.

5. При гостяхъ въ наше присутствіе онъ садиться не долженъ.

6. При мнѣ и при женѣ моей ни шляпы, ни колпака отнюдь не надѣвать; но изъ человѣколюбія въ зимнее время дозволяю накрыться, и то когда метель большая.

7. Въ сутки будетъ онъ получать по три бутылки русскаго пива домашняго варенья.

8. Не худо, еслибъ онъ взялъ на себя вести мои приходныя и расходныя книги, а притомъ бы умѣлъ причесать ребятамъ моимъ волосы, также и парикъ бы мой взялъ подъ свой присмотръ.

9. Онъ долженъ исполнять все сіе условіе, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, быть выгнату по шеѣ изъ дому; ибо я признаюсь, что нравъ у меня бѣшеный, да и будучи въ генеральскомъ чинѣ, можетъ быть, не могу воздержать себя противу студента, въ службѣ моей находящагося, хотя бы онъ и офицерскаго былъ чина.

3. Отвѣтъ Стародума Дурыкину.

Письмо ваше, государь мой, казалъ я одному университетскому профессору, который на просьбу мою о пріисканіи въ домъ вашъ студента отвѣчалъ мнѣ письменно. Вотъ и письмо его.

Стародумъ.

4. Письмо университетскаго профессора къ Стародуму.

Я говорилъ нѣкоторымъ нашимъ студентамъ о предлагаемомъ имъ мѣстѣ въ домѣ Его Превосходительства Дурыкина. Охотники есть, но правду сказать, большая часть ставятъ учительское званіе ниже себя, а хотятъ чиновъ, одинъ однакожъ объявилъ мнѣ свое желаніе быть учителемъ. Онъ изъ малороссіянъ, называется господинъ Срамченко — филологъ и филосовъ, а иные увѣряютъ, что и мартинистъ, но проситъ въ годъ не меньше трехъ сотъ рублей, хотя живетъ по духу, а не по плоти. Знаетъ пофранцузски, а больше полатыни, ариѳметику до тройного правила; отъ стиховъ однакожъ проситъ увольненія; обѣщаетъ воздавать Его Превосходительству должное почтеніе, но обѣдать съ камердинеромъ не соглашается. Предложеніе о чесаніи волосовъ и о надзираніи надъ его парикомъ почитаетъ себѣ обидою, ибо сіе называетъ онъ рукодѣліемъ. Расходныя и приходныя книги вести не берется.

Представился мнѣ еще молодой человѣкъ 22 лѣтъ; поученъ изрядно. Я оставилъ его у себя обѣдать и нахожу, что жретъ безъ милосердія. Онъ требуетъ кромѣ обѣда и ужина, чтобъ данъ былъ ему добрый завтракъ, а не меньше и полдникъ, также чтобъ и предлагаемая порція пива была удвоена.

Господинъ Кераксинъ желаетъ также быть учителемъ, проситъ 250 рублей въ годъ. Онъ знаетъ погречески, поеврейски, но не знаетъ порусски, что, кажется, для дѣтей Его Превосходительства и не нужно. Нынѣ, къ сожалѣнію, многіе изъ русскихъ дворянъ хотятъ дѣтей своихъ учить порусски, но по истинѣ, охота сія есть одна пустая затѣя; ибо самъ г-нъ Дурыкинъ грамотою ли дослужился до титула Превосходительства?

Цезуркинъ, ремесломъ піита, желаетъ также имѣть мѣсто у господина Дурыкина. Онъ обѣщаетъ каждый разъ, для именинъ Его Превосходительства и каждаго изъ чадъ его, сводить въ стихахъ своихъ всѣхъ боговъ съ Олимпа, проситъ по копѣйкѣ за стихъ, да къ святкамъ кафтана съ плеча Его Превосходительства, хотя довольно поношенаго. Онъ весьма забавнаго нрава и шутитъ такъ умно, что въ домѣ дурака не надо; ни на кого не сердится, развѣ только кто стихи его похулитъ.

Красоткинъ, студентъ весьма щеголеватый, убирается какъ кукла, да и думаетъ не иначе. Онъ съ удовольствіемъ берется причесывать волосы дѣтямъ Его Превосходительства, умѣетъ выводить изъ платья пятна и вырѣзывать изъ бумаги разныя фигуры.

5. Письмо Дурыкина къ Стародуму.

Предлагаемые господиномъ профессоромъ въ домъ мой студенты кажутся мнѣ всѣ ребята достойные быть учителями у дѣтей благородныхъ, и для того я боюсь выбрать одного безъ обиды другому. Покорно прошу уговорить господина профессора, чтобъ онъ всѣхъ сихъ господъ созвалъ къ себѣ въ домъ и сдѣлалъ родъ аукціона: кто возьметъ дешевле, того я и беру, и съ тѣмъ можетъ онъ заключить контрактъ на шесть лѣтъ. Впрочемъ пребываю.

Дурыкинъ.

ВЫБОРЪ ГУВЕРНЕРА.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Эта очень небольшая комедія написана Фонвизинымъ въ концѣ жизни, около 1790 г. Тема ея только намѣчена и мало развита. Живущіе въ своемъ имѣніи князья Слабоумовы ищутъ гувернера къ десятилѣтнему сыну. Предводитель дворянства Сеумъ по ихъ просьбѣ рекомендуетъ и привозитъ къ нимъ штабъ-офицера Нельстецова, умнаго и честнаго человѣка, но уже первое знакомство выясняетъ, что Нельстецовъ не хочетъ брать на себя воспитаніе избалованнаго мальчика, которому родители набили голову только его княжествомъ; съ другой стороны, Слабоумовымъ не подходитъ гувернеръ — русскій офицеръ, выше чиномъ, чѣмъ самъ князь, и притомъ человѣкъ прямой и серіозный. Родители берутъ француза Пеликана, ловкаго, угодливаго кавалера и отличнаго мозольнаго оператора.

Ни сама тема, быстро утратившая свѣжесть еще въ XVIII вѣкѣ, ни ея спѣшная и схематическая разработка не даютъ комедіи права считаться значительнымъ произведеніемъ Фонвизина, но она писана въ разгаръ Французской революціи, и въ ней есть одна сцена, важная для политическихъ взглядовъ автора, который, очевидно, вкладываетъ въ уста Нельстецова свои воззрѣнія: не даромъ онъ отдалъ честному штабъ-офицеру свой литературный псевдонимъ, которымъ въ 1783 г. подписалъ свою «Челобитную Россійской Минервѣ».

Эту сцену мы и приводимъ ниже.

ДѢЙСТВІЕ III.

Явленіе 5-е.

Князь, Княгиня, Сеумъ и Нельстецовъ.

Княгиня *(Сеуму)*. Я хотѣла васъ спросить, почитаете ли вы за полезное, если мы сына отправимъ во Францію лѣтъ черезъ десятокъ?

Сеумъ. Вы далеко видите, сударыня; лѣтъ черезъ десятокъ неизвѣстно еще, будетъ ли кого и будетъ ли кому отправлять.

Нельстецовъ. А я въ прибавокъ скажу, что и того еще предвидѣть нельзя, что лѣтъ черезъ десятокъ будетъ и съ самою Франціею, ежели господа французы колобродить нескоро перестанутъ.

Сеумъ. Вотъ до чего дошло то государство, которому цѣлая Европа столько лѣтъ во всемъ подражать хотѣла! Читая въ газетахъ описанія гибельнаго состоянія Франціи, желалъ бы я знать, противъ какого политическаго правила грѣшатъ французы, заводя равенство состояній [1])?

Князь. Я этого не понимаю.

Сеумъ *(къ Нельстецову)*. Мнѣ не случалось съ вами объ этомъ говорить; а, право, желалъ бы знать ваше о томъ мнѣніе.

Нельстецовъ. Я никакъ не беру на себя рѣшить вашъ вопросъ; однако готовъ отдать на судъ вашъ мое мнѣніе; вотъ оно: нигдѣ и никогда не бывали и быть не могутъ такіе законы, кои бы каждаго частнаго человѣка счастливымъ дѣлали. Необходимо надобно, чтобъ одна часть подданныхъ для блага цѣлаго государства чѣмъ нибудь жертвовала; слѣдственно, равенство состояній и быть не можетъ. Оно есть вымыселъ ложныхъ философовъ, кои краснорѣчивыми своими умствованіями довели французовъ до настоящаго ихъ положенія. Они, желая отвратить злоупотребленіе власти, стараются истребить тотъ образъ правленія, коимъ Франція всей славы своей достигла. Со всѣмъ тѣмъ, сколько имъ покушеніе сіе ни много стоитъ и стоить будетъ, но равенства состояній никогда достигнуть не могутъ, какіе бы законы они ни сдѣлали; ибо всегда одна часть подданныхъ будетъ принесена

---

[1]) Въ это время во Франціи состоялось уничтоженіе всѣхъ титуловъ и привилегій дворянства.

25. Н. М. Карамзинъ.

Если дѣлить писателей на такихъ, которые выражаютъ настроеніе своего времени, и на такихъ, которые углубляются въ вѣчныя стороны жизни, имѣющія постоянное значеніе, то Н. М. Карамзинъ принадлежитъ къ числу первыхъ, даже къ числу такихъ, которые, можетъ-быть, слишкомъ легко подчиняются духу времени. Въ этомъ причина большой популярности этихъ писателей среди современниковъ, въ этомъ причина большого и иногда плодотворнаго ихъ вліянія въ свое время, и здѣсь же основанія, почему для послѣдующихъ поколѣній они получаютъ интересъ, главнымъ образомъ, историческій. Карамзинъ представляетъ въ настоящее время очень большой интересъ съ исторической точки зрѣнія, какъ выразитель вкусовъ XVIII вѣка, а въ XIX в. вкусовъ той части общества, которая по своимъ взглядамъ больше примыкала къ XVIII вѣку, чѣмъ къ XIX столѣтію. Первымъ, обратившимъ на себя общее вниманіе, сочиненіемъ Карамзина были «Письма русскаго путешественника», напечатанныя имъ въ «Московскомъ Журналѣ» (1791—1792), который онъ началъ издавать, вернувшись изъ-за границы. Карамзинъ провелъ за границей около двухъ лѣтъ (1789—1790), побывалъ въ Германіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи, и моремъ вернулся въ Россію. Хотя самъ Карамзинъ говоритъ, что письма его писаны, «какъ случалось дорогою, на лоскуткахъ карандашомъ», но, вѣроятно, дорогою набрасывались только эскизы будущихъ писемъ. По крайней мѣрѣ, въ томъ текстѣ писемъ, который напечатанъ въ «Московскомъ Журналѣ», указывали (Тихонравовъ, Сиповскій) литературныя заимствованія и такую обработку, которая можетъ быть достигнута только кабинетнымъ трудомъ.

«Письма русскаго путешественника» есть литературное произведеніе, написанное отчасти подъ вліяніемъ «Сентиментальнаго путешествія» англійскаго писателя Стерна. Языкъ «Писемъ», необыкновенный для своего времени и сейчасъ неустарѣвшій, богатство ихъ содержанія и новое (сентиментальное) литературное направленіе, которое чувствуется въ этомъ сочиненіи повсюду,— все это сразу сдѣлало книгу Карамзина одной изъ самыхъ популярныхъ, и вліяніе этой книги въ общемъ было благотворно. По замѣчанію Буслаева, «многочисленные читатели ихъ нечувствительно воспитывались въ идеяхъ европейской цивилизаціи, какъ бы созрѣвали вмѣстѣ съ созрѣваніемъ молодого русскаго путешественника, учась чувствовать его благородными чувствами, мечтать его прекрасными мечтами». Эпиграфомъ изданія 1797 года было взято двустишіе:

> Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить съ собою,
> Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ.

Для большого удобства пользованія приводимыми ниже письмами мы указываемъ въ заголовкахъ ихъ содержаніе. Заголовки, принадлежащіе Карамзину, оговорены въ примѣчаніяхъ.

ПИСЬМА РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

1. ВЫѢЗДЪ ИЗЪ РОССІИ.

Тверь, 18 Маія 1789.

Разстался я съ вами, милые[1]), разстался! Сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими своими чувствами, а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь? — Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты поѣдешь? Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая: ты поѣдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но — когда пришелъ желаемый день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ — на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои, — на окно, подъ которымъ сиживалъ я подгорюнившись въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставало меня восходящее солнце, — на готическій домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы ночные, — однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоцѣннымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но за то мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я, какъ съ друзьями; и въ самое то время, какъ былъ размягченъ, растроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ, и взялъ опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать! — Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысячи пріятныхъ минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ за нее заплатятъ.

---

[1]) Письма адресовались Алексѣю Александровичу Плещееву и его женѣ Настасьѣ Ивановнѣ. На сестрѣ ея, Елизаветѣ Ивановнѣ, Карамзинъ впослѣдствіи женился.

Милой Птрв.[1]) провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его; — тамъ сѣлъ я въ кибитку, взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго, и сказалъ: прости! Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались... и другъ вашъ оспротѣлъ въ мірѣ, оспротѣлъ въ душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и тѣнь: ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему посреди васъ, милые? — Естьли бы человѣку, самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ думалъ назвать себя щастливѣйшимъ изъ смертныхъ!...

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; а на послѣдней станціи къ Твери грусть моя такъ усилилась, что, я, въ деревенскомъ трактирѣ, стоя передъ карикатурами Королевы Французской и Римскаго Императора, хотѣлъ бы, какъ говоритъ Шекспиръ, выплакать сердце свое. Тамъ-то все оставленное мною явилось мнѣ въ такомъ трогательномъ видѣ. — Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно. — Простите! Дай Богъ вамъ утѣшеній! — Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства!

2. БАЗЕЛЬ.

Августа 9.

Въ каретѣ дорогою[2]).

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновеніе вѣтерка проницаетъ, кажется, въ сердце мое и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Щастливые Швейцары! всякой ли день, всякой ли часъ благодарите вы Небо за свое щастіе, живучи въ объятіяхъ прелестной Натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ,

---

[1]) Александръ Андреевичъ Петровъ — талантливый, образованный и рано умершій сотрудникъ Новиковскаго кружка. Карамзинъ былъ съ нимъ очень близокъ.

[2]) Заголовокъ Карамзина.

и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть конечно пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла должна кротко влетать въ грудь вашу[1]), не возмущаемую свирѣпыми страстями! — Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей Природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! есть ли бы теперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно Природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому щастію; что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, перемѣна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой — когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красотъ Природы — чувствую я то же, и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая Благость не была бы высочайшею Благостію, естьли бы Она съ которой нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ необходимостей — и съ сей-то услажденной стороны должны мы прикасаться къ нимъ устами нашими! — Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, естьли я когда нибудь, какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, ропталъ на жребій человѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благости, лобызаю невидимую руку Твою, меня ведущую! —

Мы ѣдемъ подлѣ Реина, съ ужаснымъ шумомъ и волненіемъ стремящагося между тихихъ луговъ и садовъ виноградныхъ. Тутъ мальчики и маленькія дѣвочки играютъ, рвутъ цвѣты и бросаютъ ими другъ въ друга; тамъ покойный селянинъ, насвистывая веселую пѣсню, поправляетъ въ саду своемъ сошки, увитыя гибкимъ виноградным стеблемъ — смотритъ на проѣзжихъ, и ласковымъ мановеніемъ желаетъ имъ добраго дня. — Высокія горы у насъ передъ глазами; но Альпы скрываются еще въ лазури отдаленія. Юра изгибаетъ за ними хребетъ свой, отбрасывающій синюю тѣнь на долины. — Нѣтъ, я не могу писать; красоты, меня окружающія, отвлекаютъ глаза мои отъ бумаги.

[1]) Читатель, можетъ-быть, вспомнитъ о стрѣлахъ Аполлоновыхъ, которыя кротко умерщвляли смертныхъ. Греки въ мифахъ своихъ предали намъ памятники нѣжнаго своего чувства. Что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ нѣжнѣе сего вымысла, приписывающаго разрушеніе наше дѣйствію вѣчно юнаго Аполлона, въ которомъ древніе воображали себѣ совершенство красоты и стройности? (Примѣчаніе Карамзина.)

3. ПОСѢЩЕНІЕ ЛАФАТЕРА[1]).

Цирихъ.

Съ отмѣннымъ удовольствіемъ подъѣзжалъ я къ Цириху; съ отмѣннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на его пріятное мѣстоположеніе, на ясное небо, на веселыя окрестности, на свѣтлое, зеркальное озеро, и на красивые его берега, гдѣ нѣжный Геснеръ рвалъ цвѣты для украшенія пастуховъ и пастушекъ своихъ; гдѣ душа безсмертнаго Клопштока наполнялась великими идеями о священной любви къ отечеству, которыя послѣ съ дикимъ величіемъ излились въ его Германѣ; гдѣ Бодмеръ собиралъ черты для картинъ Ноахиды, и питался духомъ временъ Патріархъ; гдѣ Виландъ и Гете въ сладостномъ упоеніи обнимались съ Музами, и мечтали для потомства; гдѣ Фридрихъ Штолбергъ, сквозь туманъ двадцати девяти вѣковъ, видѣлъ въ духѣ своемъ древнѣйшаго изъ творцевъ Греческихъ, пѣвца боговъ и Героевъ, сѣдаго старца Гомера, лаврами увѣнчаннаго, и пѣснями своими восхищающаго Греческое юношество — видѣлъ, внималъ, и въ вѣрномъ отзывѣ повторялъ пѣсни его на языкѣ Тевтоновъ[2]); гдѣ нашъ Л* бродилъ съ любовною своею грустію, и всякій цвѣточикъ со вздохомъ посвящалъ Веймарской своей богинѣ[3]). —

Мы пріѣхали сюда въ 10 часовъ утра. Въ трактирѣ, подъ вывѣскою Ворона, отвели намъ большую, свѣтлую комнату. Обширное Цирихское озеро разливается у насъ передъ глазами, и почти подъ самыми нашими окнами вытекаетъ изъ него рѣка Лиммата, которой шумное и быстрое стремленіе пріятнымъ образомъ отличается отъ тихой зыби водъ его; прямо противъ насъ, за озеромъ, стоятъ высокія горы въ утесъ; далѣе, въ сторону, видны Швицкія, Унтервальденскія и другія высочайшія и снѣгомъ покрытыя горы, составляющія для меня совершенно новое зрѣлище; и все это могу я видѣть вдругъ, сидя подъ окномъ въ своей комнатѣ. — Намъ принесли кушанье. Послѣ обѣда пойду — нужно ли сказывать, къ кому?

[1]) Лафатеръ (Johann Kaspar Lafater (1741—1801) — извѣстный писатель-мистикъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ. Онъ былъ пасторомъ и занимался физіономикой — ученіемъ о томъ, какъ по чертамъ лица распознавать способности и склонности человѣка. Передъ путешествіемъ Карамзинъ обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими письмами.

[2]) Т.-е. Нѣмцовъ, — Штолбергъ перевелъ Иліаду. (Примѣч. Карамзина.)

[3]) Карамзинъ говоритъ о нѣмецкомъ поэтѣ Ленцѣ, который провелъ послѣдніе годы жизни въ Москвѣ и былъ знакомъ съ Карамзинымъ.

Въ 9 часовъ вечера. Вошедши въ сѣни, я позвонилъ въ колокольчикъ, и черезъ минуту показался сухой, высокой, блѣдный человѣкъ, въ которомъ мнѣ не трудно было узнать — Лафатера. Онъ ввелъ меня въ свой кабинетъ. Услышавъ, что я тотъ Москвитянинъ, который выманилъ у него нѣсколько писемъ, Лафатеръ поцѣловался со мною — поздравилъ меня съ пріѣздомъ въ Цирихъ — сдѣлалъ мнѣ два или три вопроса о моемъ путешествіи — и сказалъ: «Приходите ко мнѣ въ шесть часовъ; теперь я еще не кончилъ своего дѣла. Или останьтесь въ моемъ кабинетѣ, гдѣ можно читать и разсматривать, что вамъ угодно. Будьте здѣсь какъ дома». — Тутъ онъ показалъ мнѣ въ своемъ шкапѣ нѣсколько фоліантовъ, съ надписью: Физіогномическій Кабинетъ, и ушелъ. Я постоялъ, подумалъ, сѣлъ и началъ разбирать физіогномическіе рисунки. Между тѣмъ признаюсь вамъ, друзья мои, что сдѣланный мнѣ пріемъ оставилъ во мнѣ не совсѣмъ пріятныя впечатлѣнія. Уже ли я надѣялся, что со мною обойдутся дружелюбнѣе и, услышавъ мое имя, окажутъ болѣе ласковаго удивленія? Но на чемъ же основывалась такая надежда? Друзья мои! не требуйте отъ меня отвѣта, или вы приведете меня въ краску. Улыбайтесь про себя на счетъ вѣтреннаго, безразсуднаго самолюбія человѣческаго, и предайте забвенію слабость вашего друга. — Лафатеръ раза три приходилъ опять въ кабинетъ, запрещалъ мнѣ вставать со стула [1]), бралъ книгу или бумагу, и опять уходилъ назадъ. Наконецъ вошелъ онъ съ веселымъ видомъ, взялъ меня за руку и повелъ — въ собраніе Цирихскихъ Ученыхъ, къ Профессору Брейтингеру, гдѣ рекомендовалъ меня хозяину и гостямъ, какъ своего пріятеля. Небольшой человѣкъ съ проницательнымъ взоромъ, — у котораго Лафатеръ пожалъ руку сильнѣе, нежели у другихъ, — обратилъ на себя мое вниманіе. Это былъ Пфенингеръ, издатель Христіанскаго Магазина, и Лафатеровъ другъ. При первомъ взглядѣ показалось мнѣ, что онъ очень похожъ на С. И. Г.[2]), и хотя, разсматривая лице его по частямъ, увидѣлъ я, что глаза у него другіе, лобъ другой, и все, все другое; однакожъ первое впечатлѣніе осталось, и мнѣ никакъ не можно было разувѣрить себя въ сходствѣ. Наконецъ я положилъ, что хотя и нѣтъ между ими сходства въ наружной формѣ ча-

[1]) Эти слова показываютъ, съ какимъ уваженіемъ относился молодой человѣкъ къ Лафатеру.

[2]) Семенъ Ивановичъ Гамалѣя, другъ Новикова и Шварца.

стей лица, однакожь оно должно быть во внутренней структурѣ мускуловъ!! Вы знаете, друзья мои, что я еще и въ Москвѣ любилъ заниматься разсматриваніемъ лицъ человѣческихъ, искать сходства тамъ, гдѣ другіе его не находили, и проч. и проч., а теперь, будучи обвѣянъ воздухомъ того города, который можно назвать колыбелію новой Физіогномики, Метопоскопіи, Хиромантіи, Подоскопіи[1]) — теперь и вы бойтесь мнѣ на глаза показаться! — Честные Швейцары курили табакъ и пили чай, а Лафатеръ разсказывалъ имъ о свиданіи своемъ съ Неккеромъ. Послушаемъ, что онъ говоритъ объ немъ. «Естьли бы хотѣлъ я вообразить совершеннаго Министра, то представлялъ бы себѣ Неккера. Лице, голосъ и движенія не измѣняютъ у него сердцу. Вѣчное спокойствіе есть его стихія. Однакожь онъ не рожденъ великимъ, такъ какъ Невтонъ, Вольтеръ, и проч. Великость его есть пріобрѣтеніе; онъ сдѣлалъ изъ себя все возможное». Лафатеръ видѣлъ его въ самый тотъ часъ, какъ онъ рѣшился повиноваться волѣ Короля и Національнаго Собранія, и посвятивъ сердечный вздохъ спокойному пристанищу, ожидавшему его при подошвѣ горы Юры[2]), возвратиться въ бурный Парижъ. — Я былъ слушателемъ въ бесѣдѣ Цирихскихъ Ученыхъ, и къ великому своему сожалѣнію не понималъ всего, что говорено было; потому что здѣсь говорятъ самымъ нечистымъ Нѣмецкимъ языкомъ. Черезъ часъ Лафатеръ взялъ шляпу, и я пошелъ съ нимъ вмѣстѣ. Онъ проводилъ меня до трактира, и простился со мною до завтрашняго дня.

Пришедши въ свою комнату, почувствовалъ я великую грусть; и чтобы не дать ей усилиться въ моемъ сердцѣ, сѣлъ писать къ вамъ, любезные, милые друзья мои! Для того, чтобы узнать всю привязанность нашу къ отечеству, надобно

---

[1]) Метопоскопія — угадываніе характера по чертамъ лица; хиромантія — по рукамъ; подоскопія — по ногамъ

[2]) Гдѣ онъ теперь провождаетъ тихіе дни свои; но можетъ ли единообразная, непрерывная, праздная тишина быть щастіемъ для того, кто привыкъ уже къ дѣятельной жизни государственнаго человѣка? Сія жизнь, при всѣхъ своихъ безпокойствахъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто весьма пріятное, и Неккеръ, при шумѣ горныхъ вѣтровъ, потрясающихъ уединенное жилище его, томится въ унынiи. Размышляя о протекшихъ часахъ, посвященныхъ имъ благу Французовъ, онъ внутренно укоряетъ сей народъ неблагодарностію и взываетъ съ царемъ Леаромъ: Blow winds, rage, blow! I tax not you, you elements, with unkindness; I called not you my children; I never gave you kingdom! («Шумите, свирѣпые вѣтры; шумите! я не жалуюсь на свирѣпость вашу, раздраженныя стихіи! вы не дѣти мои: вамъ не отдавалъ я царства».) Читая сіе мѣсто въ новой книгѣ его, sur l'Administration de M. Nekker, par lui-même, я готовъ былъ заплакать. Французы! вы кричали нѣкогда: «да здравствуетъ Нація, Король и Неккеръ!» а теперь кто изъ васъ думаетъ о Неккерѣ? (Примѣчаніе Карамзина.)

изъ него выѣхать; чтобы узнать всю любовь нашу къ друзьямъ, надобно съ ними разстаться.

Какая пріятная, тихая мелодія нѣжно потрясаетъ нервы моего слуха! Я слышу пѣніе; оно несется изъ оконъ сосѣдняго дома. Это голосъ юноши — и вотъ слова пѣсни:

«Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя: для пользы твоея готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.

Отечество мое! ты все въ себѣ вмѣщаешь, чѣмъ смертный можетъ наслаждаться въ невинности своей. Въ тебѣ прекрасенъ видъ Природы; въ тебѣ цѣлителенъ и ясенъ воздухъ; въ тебѣ земныя блага рѣкою полною ліются.

Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.

Мы всѣ живемъ въ союзѣ братскомъ; другъ друга любимъ, не боимся, и чтимъ того, кто мудръ и добръ. Не знаемъ роскоши, которая свободныхъ въ рабовъ, въ тирановъ превращаетъ. На что намъ блескъ искусства, когда Природа здѣсь сіяетъ во всей своей красѣ — когда мы изъ грудей ея піемъ блаженство и восторгъ?

Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ».

Голосъ умолкъ; тишина ночи царствуетъ въ городѣ. Простите, друзья мои[1])!

4. ПАСТУШЬИ ХИЖИНЫ НА АЛЬПІЙСКИХЪ ГОРАХЪ[2]).

Въ 9 часовъ утра.

Въ четыре часа разбудилъ меня проводникъ мой. Я вооружился Геркулесовскою палицею — пошелъ — съ благоговѣніемъ ступилъ первый шагъ на Альпійскую гору, и съ бодростію началъ взбираться на крутизны. Утро было холодно; но скоро почувствовалъ я жаръ, и скинулъ съ себя теплый сюртукъ. Черезъ четверть часа усталость подкосила ноги мои — и потомъ каждую минуту надлежало мнѣ отдыхать. Кровь моя волновалась такъ сильно, что мнѣ можно было слышать біеніе своего пульса. Я прошелъ мимо громады большихъ камней, которые за десять лѣтъ передъ симъ свалились съ вершины горы, и могли бы превратить въ пыль цѣлый городъ. Почти безпрестанно слышалъ я глухой шумъ, происходящій отъ катящагося съ горъ снѣга. Горе тому несчастному страннику, который встрѣтится симъ падающимъ

[1]) Все письмо носитъ слѣды позднѣйшей литературной обработки.
[2]) Заглавіе Карамзина.

снѣжнымъ кучамъ! Смерть его неизбѣжна. — Болѣе четырехъ часовъ шелъ я все въ гору, по узкой каменной дорожкѣ, которая иногда совсѣмъ пропадала; наконецъ достигъ до цѣли своихъ пламенныхъ желаній, и ступилъ на вершину горы, гдѣ вдругъ произошла во мнѣ удивительная перемѣна. Чувство усталости исчезло; силы мои возобновились; дыханіе мое стало легко и свободно; необыкновенное спокойствіе и радость разлились въ моемъ сердцѣ. Я преклонилъ колѣна, устремилъ взоръ свой на небо, и принесъ жертву сердечнаго моленія — Тому, Кто въ сихъ гранитахъ и снѣгахъ напечатлѣлъ столь явственно Свое всемогущество, Свое величіе, Свою вѣчность!... Друзья мои! я стоялъ на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могутъ для поклоненія Всевышнему... Языкъ мой не могъ произнести ни слова; но я никогда такъ усердно не молился, какъ въ сію минуту.

Такимъ образомъ на самомъ себѣ испыталъ я справедливость того, что Руссо говоритъ о дѣйствіи горнаго воздуха. Всѣ земныя попеченія, всѣ заботы, всѣ мысли и чувства, унижающія благородное существо человѣка, остаются въ долинѣ — и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ я внизъ на жителей Лаутербруннена, не завидуя имъ въ томъ, что они въ самую сію минуту увеселялись зрѣлищемъ серебрянаго Штауббаха, освѣщаемаго солнечными лучами. Здѣсь смертный чувствуетъ свое высокое опредѣленіе, забываетъ земное отечество и дѣлается гражданиномъ вселенной[1]); здѣсь смотря на хребты каменныхъ твердынь, ледяными цѣпями скованныхъ и осыпанныхъ снѣгомъ, на которомъ столѣтія оставляютъ едва примѣтные слѣды[2]), забываетъ онъ время, и мыслію своею въ вѣчность углубляется; здѣсь въ благоговѣйномъ ужасѣ трепещетъ сердце его, когда онъ помышляетъ о той всемогущей Рукѣ, которая вознесла къ небесамъ сіи громады, и повергнетъ ихъ нѣкогда въ бездну морскую. —

Съ бодростію и съ удовольствіемъ продолжалъ я путь свой по горѣ, называемой Венгенальпомъ, мимо вершинъ Юнгферы и Эйгера, которыя возвышаются на хребтѣ ея какъ на фундаментѣ. Тутъ нашелъ я нѣсколько хижинъ, въ кото-

---

[1]) Одно изъ впечатлѣній, создавшее во время путешествія космополитическое настроеніе въ Карамзинѣ.

[2]) Всякое лѣто таетъ на горахъ снѣгъ, и всякую зиму прибавляются на нихъ новые снѣжные слои. Естьли бы можно было перечесть сіи послѣдніе, то мы узнали бы тогда древность міра или, по крайней мѣрѣ, древность сихъ горъ. (Примѣч. Карамзина.)

рыхъ пастухи живутъ только лѣтомъ. Сіи простодушные люди зазвали меня къ себѣ въ гости, и принесли мнѣ сливокъ, творогу и сыру. Хлѣба у нихъ нѣтъ; но проводникъ мой взялъ его съ собою. Такимъ образомъ я обѣдалъ у нихъ, сидя на бревнѣ — потому что въ ихъ хижинахъ нѣтъ ни столовъ, ни стульевъ. Двѣ молодыя веселыя пастушки, смотря на меня, безпрестанно смѣялись. Я говорилъ имъ, что простая и безпечная жизнь ихъ мнѣ весьма нравится, и что я хочу остаться у нихъ вмѣстѣ съ ними доить коровъ. Онѣ отвѣчали мнѣ однимъ смѣхомъ. — Теперь лежу на хижинѣ, на которую стопло мнѣ только шагнуть, и пишу карандашемъ въ своей дорожной книжкѣ. Какъ въ сію минуту низки передо мною всѣ Великаны земнаго шара! — Черезъ полчаса пойду далѣе.

5. ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

Парижъ, Апрѣля.... 1790.

Говорить ли о Французской Революціи? Вы читаете газеты: слѣдственно происшествія вамъ извѣстны. Можно ли было ожидать такихъ сценъ въ наше время, отъ зефирныхъ Французовъ, которые славились своею любезностію, и пѣли съ восторгомъ отъ Кале до Марсели, отъ Перпиньяна до Стразбурга:

Pour un peuple aimable et sensible
Le premier bien est un bon Roi...
Для любезнаго народа
Счастье добрый Государь...

Не думайте однакожь, чтобы вся нація участвовала въ трагедіи, которая играется нынѣ во Франціи. Едва ли сотая часть дѣйствуетъ; всѣ другіе смотрятъ, судятъ, спорятъ, плачутъ или смѣются, бьютъ въ ладоши или освистываютъ, какъ въ театрѣ. Тѣ, которымъ потерять нечего, дерзки какъ хищные волки; тѣ, которые всего могутъ лишиться, робки какъ заѣцы; одни хотятъ все отнять, другіе хотятъ спасти что нибудь. Оборонительная воѣна съ наглымъ непріятелемъ рѣдко бываетъ щастлива. Исторія не кончилась; но по сіе время Французское дворяпство и духовенство кажутся худыми защитниками Трона.

Съ 14 іюля всѣ твердятъ во Франціи объ Аристократахъ и Демократахъ; хвалятъ и бранятъ другъ друга сими име-

нами, по большей части не зная ихъ смысла. Судите о народномъ невѣжествѣ по слѣдующему анекдоту:

Въ одной деревенькѣ близъ Парижа крестьяне остановили молодаго, хорошо одѣтаго человѣка, и требовали, чтобы онъ кричалъ съ ними: vive la nation! да здравствуетъ нація! Молодой человѣкъ исполнилъ ихъ волю; махалъ шляпою и кричалъ: vive la nation! Хорошо! хорошо! сказали они. мы довольны. Ты добрый французъ; ступай, куда хочешь. Нѣтъ, постой: изъясни намъ прежде, что такое... нація?—

Разсказываютъ, что маленькій Дофинъ, играя съ своею бѣлкою, щелкаетъ ее по носу и говоритъ: ты Аристократъ, великой Аристократъ, бѣлка! Любезный младенецъ, безпрестанно слыша это слово, затвердилъ его.

Одинъ Маркизъ, который былъ нѣкогда осыпанъ Королевскими милостями, играетъ теперь не послѣднюю ролю между непріятелями Двора. Нѣкоторые изъ прежнихъ его друзей изъявили ему свое негодованіе. Онъ пожалъ плечами, и съ холоднымъ видомъ отвѣчалъ имъ: que faire? j'aime les te-te-troubles! что дѣлать? я люблю мяте-те-тежи! Маркизъ заика.

Но читалъ ли Маркизъ исторію Греціи и Рима? помнитъ ли цикуту и скалу Тарпейскую? Народъ есть острое желѣзо, которымъ играть опасно, а революція отверстый гробъ для добродѣтели и — самаго злодѣйства.

Всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ; и въ самомъ несовершеннѣйшемъ надобно удивляться чудесной гармоніи, благоустройству, порядку. Утопія[1]) будетъ всегда мечтою добраго сердца, или можетъ исполниться непримѣтнымъ дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ. Когда люди увѣрятся, что для собственнаго ихъ щастія добродѣтель необходима, тогда настанетъ вѣкъ златой, и во всякомъ правленіи человѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни. Всякія же насильственныя потрясенія гибельны, и каждый бунтовщикъ готовитъ себѣ эшафотъ. Предадимъ, друзья мои, предадимъ себя во власть Провидѣнію: Оно конечно имѣетъ Свой планъ; въ Его рукѣ сердца Государей — и довольно.

---

[1]) Или царство щастія, сочиненіе Моруса. (Примѣч. Карамзина.) Утопія Томаса Мора (1487—1535) — романъ, представляющій соціальный строй будущаго. (Примѣч. составителей.)

Легкіе умы думаютъ, что все легко; мудрые знаютъ опасность всякой перемѣны, и живутъ тихо. Французская Монархія производила великихъ Государей, великихъ Министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ; подъ ея мирною сѣнію возрастали науки и художества; жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей; бѣдный находилъ себѣ хлѣбъ, богатый наслаждался своимъ избыткомъ... Но дерзкіе подняли сѣкиру на священное дерево, говоря: мы лучше сдѣлаемъ!

Новые Республиканцы съ порочными сердцами: разверните Плутарха, и вы услышите отъ древняго, величайшаго добродѣтельнаго Республиканца, Катона, что безначаліе хуже всякой власти! —

Въ заключеніе сообщу вамъ нѣсколько стиховъ изъ Рабеле, въ которыхъ знакомецъ мой, Аббатъ Н*, находитъ предсказаніе нынѣшней революціи...[1])

Французской старинный языкъ, можетъ быть, для васъ теменъ. Я переведу:

«Объявляю всѣмъ, кто хочетъ знать, что не далѣе, какъ въ слѣдующую зиму, увидимъ во Франціи злодѣевъ, которые явно будутъ развращать людей всякаго состоянія, и поссорятъ друзей съ друзьями, родныхъ съ родными. Дерзкой сынъ не побоится возстать противъ отца своего, и рабъ противъ господина, такъ что въ самой чудесной Исторіи не найдемъ примѣровъ подобнаго раздора, волненія и мятежа. Тогда нечестивые, вѣроломные сравняются властію съ добрыми; тогда глупая чернь будетъ давать законы, и безсмысленные сядутъ на мѣсто судей. О страшный, гибельный потопъ! потопъ, говорю: ибо земля освободится отъ своего бѣдствія не иначе, какъ упившись кровію[2]).

6. РУССКАЯ ИСТОРІЯ ЛЕВЕКА[3]).

Парижъ, Маія... 1790.

...Тутъ же узналъ я Левека, Автора «Россійской Исторіи», которая хотя имѣетъ много недостатковъ, однакожь

[1]) Карамзинъ приводитъ въ подлинникѣ стихотвореніе изъ LVIII главы романа Рабле «Гаргантюа», сопровождая его далѣе нѣсколько сокращеннымъ переводомъ.

[2]) Литературныя ссылки этого письма свидѣтельствуютъ о позднѣйшей обработкѣ его.

[3]) Письмо представляетъ интересъ, съ одной стороны, какъ выраженіе взглядовъ Карамзина на задачи историка, которыхъ онъ держался и впослѣдствіи; съ другой стороны, здѣсь Карамзинъ выразилъ свое отношеніе къ національному и къ дѣятельности Петра I, которое впослѣдствіи кореннымъ образомъ измѣнилось.

лучше всѣхъ другихъ. Больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей Россійской Исторіи, то есть писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ — вотъ образцы! Говорятъ, что наша Исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло вытти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только Русскихъ, но и чужестранцевъ. Родословная Князей, ихъ ссоры, междоусобія, набѣги Половцевъ, не очень любопытны: соглашаюсь; но за чѣмъ наполнять ими цѣлые томы? Что не важно, то сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ Англійской Исторіи; но всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа Русскаго, характеръ древнихъ нашихъ Героевъ, отмѣнныхъ людей, происшествія дѣйствительно любопытныя описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ Великій: Владиміръ — свой Лудовикъ XI: Царь Іоаннъ — свой Кромвель: Годуновъ — и еще такой Государь, которому нигдѣ не было подобныхъ: Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей Исторіи, и даже въ Исторіи человѣчества; его-то надобно представить въ живописи; а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель Анджело. — Левекъ, какъ Писатель, не безъ дарованія, не безъ достоинствъ, соображаетъ довольно хорошо; разсказываетъ довольно складно, судитъ довольно справедливо; но кисть его слаба, краски не живы; слогъ правильный, логическій, но не быстрый. Къ тому же Россія не мать ему; не наша кровь течетъ въ его жилахъ: можетъ ли онъ говорить о Русскихъ съ такимъ чувствомъ, какъ Русской? Всего же болѣе не люблю его за то, что онъ унижаетъ Петра Великаго (если посредственный Французскій Писатель можетъ унизить нашего славнаго Монарха) говоря: on lui a peut-être refusé avec raison le titre d'homme de Génie, puisque en voulant former sa nation, il n'a su qu'imiter les autres peuples[1]). Я слыхалъ такое мнѣніе даже отъ Русскихъ, и никогда не могъ слышать безъ досады. Путь образованія или просвѣщенія одинъ для народовъ; всѣ они идутъ

[1]) Т.-е.: «Его, можетъ-быть, по справедливости не хотятъ назвать великимъ умомъ, ибо онъ, желая образовать народъ свой, только что подражалъ другимъ народамъ».

имъ вслѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе Русскихъ: и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано? Лучше ли бъ было Русскимъ не строить кораблей, не образовать регулярнаго войска, не заводить Академій, фабрикъ, для того, что все это не Русскими выдумано? Какой народъ не перенималъ у другова? и не должно ли сравняться, чтобы превзойти? «Однакожь, говорятъ, начто подражать рабски? начто перенимать вещи, совсѣмъ ненужныя?» Какія же? Рѣчь идетъ, думаю, о платьѣ и бородѣ. Петръ Великій одѣлъ насъ по-Нѣмецки для того, что такъ удобнѣе; обрилъ намъ бороды для того, что такъ и покойнѣе и пріятнѣе. Длинное платье не ловко, мѣшаетъ ходить... «Но въ немъ теплѣе!»... У насъ есть шубы... «За чѣмъ же имѣть два платья?»... За тѣмъ, что нѣтъ способа быть въ одномъ на улицѣ, гдѣ 20 градусовъ мороза, и въ комнатѣ, гдѣ 20 градусовъ тепла. Борода же принадлежитъ къ состоянію дикаго человѣка; не брить ее то же, что не стричь ногтей. Она закрываетъ отъ холоду только малую часть лица: сколько же неудобности лѣтомъ, въ сильной жаръ! сколько неудобности и зимою, носить на лицѣ иней, снѣгъ и сосульки! Не лучше ли имѣть муфту, которая грѣетъ не одну бороду, но все лицо? Избирать во всемъ лучшее, есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго; а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтить умъ во всѣхъ отношеніяхъ. Монархъ объявилъ войну нашимъ стариннымъ обыкновеніямъ во первыхъ для того, что они были грубы, недостойны своего вѣка; во вторыхъ и для того, что они препятствовали введенію другихъ, еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ иностранныхъ новостей. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому Русскому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать. Естьли бы Петръ родился Государемъ какого нибудь острова, удаленнаго отъ всякаго сообщенія съ другими государствами, то онъ въ природномъ великомъ умѣ своемъ нашелъ бы источникъ полезныхъ изобрѣтеній и новостей для блага подданныхъ; но рожденный въ Европѣ, гдѣ цвѣли уже Искусства и Науки во всѣхъ земляхъ, кромѣ Русской, онъ долженъ былъ только разорвать завѣсу, которая скрывала отъ насъ успѣхи разума человѣческаго, и сказать намъ: «смотрите; сравняйтесь съ ними, и потомъ, естьли можете, превзойдите ихъ!» Нѣмцы, Французы, Англичане, были впереди Русскихъ по крайней

мѣрѣ шестью вѣками: Петръ двинулъ насъ своею мощною рукою, и мы въ нѣсколько лѣтъ почти догнали ихъ. Всѣ жалкія Іереміады объ измѣненіи Русскаго характера, о потерѣ Русской нравственной физіогноміи, или не что иное какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука были ихъ долею въ самомъ высшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все народное ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для Русскихъ; и что Англичане или Нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ! Еще другое странное мнѣніе. Il est probable, говоритъ Левекъ, que si Pierre n'avoit pas régné, les Russes seroient aujourd'hui ce qu'ils sont; то есть: хотя бы Петръ Великій и не училъ насъ, мы бы выучились! Какимъ же образомъ? сами собою? но сколько трудовъ стоило Монарху побѣдить наше упорство въ невѣжествѣ! Слѣдственно Русскіе не расположены, не готовы были просвѣщаться. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ жили многіе иностранцы въ Москвѣ, но не имѣли никакого вліянія на Русскихъ, не имѣвъ съ ними почти никакого обхожденія. Молодые люди, тогдашніе франты, катались иногда въ саняхъ по Нѣмецкой слободѣ, и за то считались вольнодумцами. Одна только ревностная, дѣятельная воля и безпредѣльная власть Царя Русскаго могла произвести такую внезапную, быструю перемѣну. Сообщеніе наше съ другими Европейскими землями было очень не свободно и затруднительно; ихъ просвѣщеніе могло дѣйствовать на Россію только слабо; и въ два вѣка по естественному, непринужденному ходу вещей, едва ли сдѣлалось бы то, что Государь нашъ сдѣлалъ въ 20 лѣтъ. Какъ Спарта безъ Ликурга, такъ Россія безъ Петра не могла бы прославиться.

7. СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ.

Лондонъ, іюля 1790.

Такъ называемый мирный судья есть въ Англіи первый разбиратель всѣхъ доносовъ; онъ призываетъ къ себѣ обвиняемаго, даетъ очную ставку, и возглашаетъ ему сво-

боду, если доносъ оказывается неосновательнымъ; въ противномъ же случаѣ обязываетъ его явиться въ судъ, или, когда преступленіе важно, отсылаетъ въ темницу. Потомъ другой судья, именуемый Шерифомъ, избираетъ отъ 12 до 24 присяжныхъ (всякаго состоянія людей, извѣстныхъ по своему доброму поведенію), которые снова должны разсмотрѣть обстоятельства доноса; и естьли 12 изъ нихъ не признаютъ доказательствъ вѣроятными, то обвиняемый выпускается; а естьли признаютъ, то начинается формальное дѣло — такимъ образомъ:

Въ день рѣшительнаго засѣданія преступникъ является въ судъ, выслушиваетъ на себя доносъ, и на вопросъ: «какъ хочешь быть судимъ»? отвѣчаетъ: «по совѣсти и закону моего отечества». Шерифъ избираетъ тогда другихъ присяжныхъ ровно 12 и судимый имѣетъ право уничтожить ихъ выборъ, доказывая, что они по чему нибудь могутъ быть пристрастны; и даже безъ всякихъ причинъ можетъ отвергнуть по закону 20 человѣкъ. Когда же присяжные выбраны, тогда, давъ клятву быть вѣрными совѣсти, садятся на свои кресла, и вмѣстѣ съ судьями выслушиваютъ дѣло, въ присутствіи многочисленныхъ зрителей. Доносчикъ обвиняетъ, судимый оправдывается, самъ или черезъ своего адвоката; представляютъ свидѣтелей — и наконецъ, по разобраніи всѣхъ обстоятельствъ, одинъ изъ судей снова предлагаетъ ихъ въ ясномъ сокращеніи. Присяжные идутъ въ другую комнату, запираются и судятъ единственно по гласу совѣсти; законъ не велитъ имъ ни пить, ни ѣсть, пока они на что нибудь единодушно не согласятся. Вышедши оттуда, говорятъ только одно слово: виноватъ или не виноватъ, и дѣло рѣшено безъ всякой аппелляціи. Естьли скажутъ: виноватъ, то судьи прибираютъ только законъ на вину, держась его точнаго смысла, и не входя ни въ какія произвольныя изъясненія, такъ что въ Англіи не будетъ наказано и самое важное преступленіе, естьли законъ именно не опредѣляетъ его. Слѣдственно здѣсь нѣтъ человѣка, отъ котораго зависѣла бы жизнь другова! Не только осудить, но даже и судить нельзя никого безъ согласія 12 знаменитыхъ гражданъ. За то Англичане и хвалятся своими уголовными законами болѣе, нежели чѣмъ нибудь, называя установленіе присяжныхъ священнымъ и божественнымъ. Разсказываютъ много удивительныхъ случаевъ, въ которыхъ темное чувство истины спасало невинныхъ вопреки всѣмъ вѣроятностямъ.

На примѣръ, недавно одинъ ремесленникъ былъ судимъ въ убійствѣ; разныя улики обвиняли его; 11 присяжныхъ согласились произнести рѣшительное слово: виноватъ! двѣнадцатой не хотѣлъ. Товарищи требовали отъ него причинъ. «Не знаю, отвѣтилъ онъ: но видъ этого человѣка говоритъ моему сердцу въ его пользу; и я скорѣе умру съ голода, нежели обвиню». Прошелъ цѣлый день въ спорѣ; и наконецъ присяжные, изнуренные усталостію, рѣшились оправдать судимаго. Черезъ нѣсколько дней нашелся другой убійца: ремесленникъ былъ невиненъ.

8. СЕМЕЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ[1]).

Лондонъ, іюля 1790.

Берега Темзы прекрасны; ихъ можно назвать цвѣтниками — и вопреки Англійскимъ туманамъ, здѣсь царствуетъ Флора. Какъ милы сельскіе домики, оплетенные розами снизу до самой кровли[2]), или густо осѣненные деревами, такъ что ни одинъ яркій лучъ солнца не можетъ въ нихъ проникнуть!

Но картина добрыхъ нравовъ и семейственнаго щастія всего болѣе восхищаетъ меня въ деревняхъ Англійскихъ, въ которыхъ живутъ теперь многіе достаточные Лондонскіе граждане, дѣлаясь на лѣто поселянами. Всякое Воскресенье хожу въ какую нибудь загородную церковь слушать нравственную, ясную проповѣдь во вкусѣ Йориковыхъ[3]), и смотрѣть на спокойныя лица отцовъ и супруговъ, которые всѣ усердно молятся Всевышнему и просятъ, кажется, единственно о сохраненіи того, что уже имѣютъ. Въ церквахъ сдѣланы ложи — и каждая занимается особымъ семействомъ. Матери окружены дѣтьми — и я нигдѣ не видалъ такихъ прекрасныхъ малютокъ, какъ здѣсь: совершенно кровь съ молокомъ, какъ говорятъ Русскіе: одушевленные цвѣточки, любезные Зефиру; все маленькіе Эмили, все маленькія Софіи. Изъ церкви каждая семья идетъ въ свой садикъ, который разгоряченному воображенію кажется по крайней мѣрѣ уголкомъ Мильтонова Эдема; но, къ щастію, тутъ нѣтъ змѣя искусителя: миловидная хозяйка гуляетъ рука въ руку съ мужемъ своимъ, а не съ пре-

[1]) Заглавіе Карамзина.

[2]) Видъ прекрасной. Вѣтки съ цвѣтами, нарочно поднятыя вверхъ, переплетаются, и достаютъ до кровли низенькихъ домиковъ. (Примѣч. Карамзина.)

[3]) Отъ лица Йорика ведется разсказъ въ Сентиментальномъ путешествіи Стерна.

лестникомъ, не съ Чичисбеемъ... однимъ словомъ, здѣсь рѣдкой холостой человѣкъ не вздохнетъ, видя красоту и щастіе дѣтей, скромность и благонравіе женщинъ. Такъ, друзья мои, здѣсь женщины скромны и благонравны, слѣдовательно мужья щастливы; здѣсь супруги живутъ для себя, а не для свѣта. Я говорю о среднемъ состояніи людей; впрочемъ и самые Англійскіе Лорды, и самые Англійскіе Герцоги не знаютъ того всегдашняго разсѣянія, которое можно назвать стихіею нашего, такъ называемаго хорошаго общества. Здѣсь балъ или концертъ есть важное происшествіе: объ немъ пишутъ въ газетахъ. У насъ правило: вѣчно быть въ гостяхъ, или принимать гостей. Англичанинъ говоритъ: я хочу быть щастливымъ дома, и только изрѣдка имѣть свидѣтелей моему щастію. Какія же слѣдствія? Свѣтскія дамы, будучи всегда на сценѣ, привыкаютъ думать единственно о театральныхъ добродѣтеляхъ. Со вкусомъ одѣться, хорошо войти, пріятно взглянуть, есть важное достоинство для женщины, которая живетъ въ гостяхъ, а дома только спитъ или сидитъ за туалетомъ. Нынѣ большой ужинъ, завтра балъ: красавица танцуетъ до пяти часовъ утра; и на другой день до того ли ей, чтобы заниматься своими нравственными должностями? Напротивъ того Англичанка, воспитываемая для домашней жизни, пріобрѣтаетъ качества доброй супруги и матери, украшая душу свою тѣми склонностями и навыками, которые предохраняютъ насъ отъ скуки въ уединеніи и дѣлаютъ одного человѣка сокровищемъ для другаго. Войдите здѣсь по утру въ домъ: хозяйка всегда за рукодѣльемъ, за книгою, за клавесиномъ, или рисуетъ, или пишетъ, или учитъ дѣтей, въ пріятномъ ожиданіи той минуты, когда мужъ, отправивъ свои дѣла, возвратится съ биржи, выдетъ изъ кабинета и скажетъ: теперь я твой! теперь я вашъ! Пусть назовутъ меня, чѣмъ кому угодно; но признаюсь, что я безъ какой-то внутренней досады не могу видѣть молодыхъ супруговъ въ свѣтѣ и говорю мысленно: «Нещастные! что вы здѣсь дѣлаете? развѣ дома среди вашего семейства, въ объятіяхъ любви и дружбы, вамъ не сто разъ пріятнѣе, нежели въ этомъ пусто-блестящемъ кругу».

9. ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Кронштатъ.

Берегъ! отечество! благословляю васъ! Я въ Россіи, и черезъ нѣсколько дней буду съ вами, друзья мои!... Всѣхъ

останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по-Русски, слышать Русскихъ людей. Вы знаете, что трудно найти городъ хуже Кронштата; но мнѣ онъ милъ! Здѣшній трактиръ можно назвать гостинницею нищихъ: но мнѣ въ немъ весело!

Съ какимъ удовольствіемъ перебираю свои сокровища; записки, счеты, книги, камешки, сухія травки и вѣтки, напоминающіе мнѣ или сокрытіе Роны, la perle de Rhône, или могилу отца Лоренза, или густую иву, подъ которою Англичанинъ Попъ сочинялъ лучшіе стихи свои! Согласитесь, что всѣ на свѣтѣ Крезы бѣдны передо мною!

Перечитываю теперь нѣкоторые изъ своихъ писемъ: вотъ зеркало души моей въ теченіе осьмнадцати мѣсяцовъ! Оно черезъ 20 лѣтъ (естьли столько проживу на свѣтѣ) будетъ для меня еще пріятно — пусть для меня одного! Загляну, и увижу, каковъ я былъ, какъ думалъ и мечталъ; а что человѣку (между нами будь сказано) занимательнѣе самого себя?... По чему знать? можетъ быть, и другіе найдутъ нѣчто пріятное въ моихъ эскизахъ; можетъ быть и другіе... но это ихъ, а не мое дѣло. А вы, любезные, скорѣе, скорѣе приготовьте мнѣ опрятную хижину, въ которой я могъ бы на свободѣ веселиться Китайскими тѣнями моего воображенія, грустить съ моимъ сердцемъ и утѣшаться съ друзьями!

ЧТО НУЖНО АВТОРУ[1])?

1793.

Говорятъ, что Автору нужны таланты и знанія: острой, проницательный разумъ, живое воображеніе и проч. Справедливо; но сего не довольно. Ему надобно имѣть и доброе, нѣжное сердце, естьли онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ души нашей; естьли хочетъ, чтобы дарованія его сіяли свѣтомъ немерцающимъ; естьли хочетъ писать для вѣчности и собирать благословенія народовъ. Творецъ всегда изображается въ твореніи, и часто противъ воли своей. Тщетно думаетъ лицемѣръ обмануть читателей и подъ златою одеждою пышныхъ словъ сокрыть желѣзное сердце; тщетно гово-

[1]) Статья излагаетъ основные взгляды Карамзина на задачи художественнаго творчества и вмѣстѣ съ этимъ заключаетъ данныя, показывающія, что на сентиментализмъ Карамзина вліяли не только англійская литература, но нѣмецкая поэзія и французская, а въ особенности Руссо.

ритъ намъ о милосердіи, состраданіи, добродѣтели! Всѣ восклицанія его холодны, безъ души, безъ жизни; и никогда питательное, эѳирное пламя не польется изъ его твореній въ нѣжную душу читателя.

Естьли бы Небо надѣлило какого нибудь изверга великими дарованіями славнаго Аруэта[1]), то, вмѣсто прекрасной Заиры, написалъ бы онъ — каррикатуру Заиры[2]). Чистѣйшій, цѣлебный Нектаръ въ нечистомъ сосудѣ дѣлается противнымъ, ядовитымъ питьемъ.

Когда ты хочешь писать портретъ свой, то посмотрись прежде въ вѣрное зеркало: можетъ ли быть лицо твое предметомъ искусства, которое должно заниматься однимъ изящнымъ, изображать красоту, гармонію, и распространять въ области чувствительнаго пріятныя впечатлѣнія? Естьли творческая Натура произвела тебя въ часъ небреженія, или въ минуту раздора своего съ Красотою: то будь благоразуменъ, не безобразь художниковой кисти, — оставь свое намѣреніе. Ты берешься за перо, и хочешь быть Авторомъ: спроси же у самого себя, наединѣ, безъ свидѣтелей, искренно: каковъ я? ибо ты хочешь писать портретъ души и сердца своего.

Уже ли думаете вы, что Геснеръ[3]) могъ бы столь прелестно изображать невинность и добродушіе пастуховъ и пастушекъ, естьли бы сіи любезныя черты были чужды собственному его сердцу?

Ты хочешь быть Авторомъ: читай исторію несчастій рода человѣческаго — и естьли сердце твое не обольется кровію, оставь перо, — или оно изобразитъ намъ холодную мрачность души твоей.

Но естьли всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему открытъ путь въ чувствительную грудь твою; естьли душа твоя можетъ возвыситься до страсти къ добру; можетъ питать въ себѣ святое, никакими сферами не ограниченное желаніе всеобщаго блага:

[1]) Защитникъ и покровитель невинныхъ, благодѣтель Каласовой фамиліи, благодѣтель всѣхъ Фернейскихъ жителей, имѣлъ конечно не злое сердце. Примѣч. Карамзина. Аруэтъ = Вольтеръ (Франсуа-Марія-Аруэ — первоначальное имя Вольтера). Карамзинъ въ своемъ примѣчаніи имѣетъ въ виду знаменитый процессъ, который былъ начатъ, упорно веденъ и выигранъ Вольтеромъ для возстановленія добраго имени Калласа, который былъ казненъ, какъ жертва религіознаго фанатизма.

[2]) «Заира» — трагедія Вольтера. — Трагедіи Вольтера заключали много декламацій, эффектныхъ сценъ и холодной риторики. «Заира» — между ними одна изъ лучшихъ.

[3]) Нѣмецкій идиллическій поэтъ (1730—1787 г.).

тогда смѣло призывай богинь Парнасскихъ — онѣ пройдутъ мимо великолѣпныхъ чертоговъ, и посѣтятъ твою смиренную хижину — ты не будешь безполезнымъ Писателемъ — и никто изъ добрыхъ не взглянетъ сухими глазами на твою могилу.

Слогъ, фигуры, метафоры, образы, выраженія — все сіе трогаетъ и плѣняетъ тогда, когда одушевляется чувствомъ; естьли не оно разгорячаетъ воображеніе Писателя, то никогда слеза моя, никогда улыбка моя не будетъ его наградою.

Отъ чего Жакъ-Жакъ Руссо нравится намъ со всѣми своими слабостями и заблужденіями? Отъ чего любимъ мы читать его и тогда, когда онъ мечтаетъ или запутывается въ противорѣчіяхъ? — Отъ того, что въ самыхъ его заблужденіяхъ сверкаютъ искры страстнаго человѣколюбія; отъ того, что самыя слабости его показываютъ нѣкоторое милое добродушіе.

Напротивъ того многіе другіе Авторы, не смотря на свою ученость и знанія, возмущаютъ духъ мой и тогда, когда говорятъ истину: — ибо сія истина мертва въ устахъ ихъ; ибо сія истина изливается не изъ добродѣтельнаго сердца; ибо дыханіе любви не согрѣваетъ ее.

Однимъ словомъ: я увѣренъ, что дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ Авторомъ.

ПОЭЗІЯ[1]).

1787.

Die Lieder der gottlichen Harfenspiele
schallen mit Macht, wie beseelend[2]).
Klopstock.

Едва былъ созданъ міръ огромный, велелѣпный,
Явился человѣкъ, прекраснѣйшая тварь,
Предметъ любви Творца, любовію рожденный;
Явился — весь сей міръ привѣтствуетъ его,
Въ восторгѣ и любви, единою улыбкой.
Узрѣвъ соборъ красотъ, и чувствуя себя,
Сей гордый Царь почувствовалъ и Бога,
Причину бытія — толь живо ощутилъ

---

[1]) Это одно изъ раннихъ произведеній Карамзина; оно уже свидѣтельствуетъ, что даръ языка ставилъ его и здѣсь на одно изъ первыхъ мѣстъ въ русской литературѣ. Приводимъ начало стихотворенія.

[2]) Пѣсни божественныхъ арфистовъ звучатъ мощно, какъ одушевленныя. Клопштокъ.

Величіе Творца, Его премудрость, благость,
Что сердце у него въ гимнъ нѣжный излилось,
Стремясь летѣть къ Отцу... Поэзія святая!
Се ты въ устахъ его, въ источникѣ своемъ,
Въ высокой простотѣ! Поэзія святая!
Благословляю я рожденіе твое!
Когда ты, человѣкъ, въ невинности сердечной,
Какъ роза, цвѣлъ въ раю, Поэзія тебѣ
Утѣхою была. Ты пѣлъ свое блаженство,
Ты пѣлъ Творца его. Самъ Богъ тебѣ внималъ,
Внималъ, благословлялъ твои святые гимны:
Гармонія была душею гимновъ сихъ —
И часто Ангелы въ небесныхъ мелодіяхъ,
На лирахъ золотыхъ, хвалили пѣснь твою...

БѢДНАЯ ЛИЗА[1]).

Повѣсть.

(1792 г.)

Можетъ быть, никто изъ живущихъ въ Москвѣ не знаетъ такъ хорошо окрестностей города сего, какъ я, потому что никто чаще моего не бываетъ въ полѣ, никто болѣе моего не бродитъ пѣшкомъ, безъ плана, безъ цѣли — куда глаза глядятъ — по лугамъ и рощамъ, по холмамъ и равнинамъ. Всякое лѣто нахожу новыя пріятныя мѣста, или въ старыхъ новыя красоты.

Но всего пріятнѣе для меня то мѣсто, на которомъ возвышаются мрачныя, готическія башни Симонова монастыря. Стоя на сей горѣ, видишь на правой сторонѣ почти всю Москву, сію ужасную громаду домовъ и церквей, которая представляется глазамъ въ образѣ величественнаго амфитеатра: великолѣпная картина, особливо когда свѣтитъ

---

[1]) Одна изъ самыхъ любимыхъ повѣстей въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв. Ею зачитывался юноша Бѣлинскій. Печальная судьба героини вызвала цѣлое паломничество къ Симонову монастырю, гдѣ былъ знаменитый Лизинъ прудъ. Повѣсть дѣйствительно занимаетъ важное мѣсто въ исторіи нашей литературы; несмотря на цѣлый рядъ сентиментальныхъ условностей и неправдоподобное изображеніе крестьянъ, она интересна выборомъ простого сюжета, изображеніемъ чувства, живымъ языкомъ и въ общемъ гуманнымъ направленіемъ. Она вызываетъ сочувствіе къ крестьянамъ, хотя и не глубокое, а замѣчаніе Карамзина: «ибо и крестьянки любить умѣютъ», призываетъ общее вниманіе къ чувству крестьянъ. Интересны въ повѣсти и нѣкоторыя картинки Москвы и ея окрестностей, написанныя съ натуры.

Напечатана повѣсть въ «Московскомъ Журналѣ».

на нее солнце; когда вечерніе лучи его пылаютъ на безчисленныхъ златыхъ куполахъ, на безчисленныхъ крестахъ, къ небу возносящихся! Внизу разстилаются тучные, густозеленые, цвѣтущіе луга; а за ними, по желтымъ пескамъ, течетъ свѣтлая рѣка, волнуемая легкими веслами рыбачьихъ лодокъ, или шумящая подъ рулемъ грузныхъ струговъ, которые плывутъ отъ плодоноснѣйшихъ странъ Россійской Имперіи и надѣляютъ алчную Москву хлѣбомъ. На другой сторонѣ рѣки видна дубовая роща, подлѣ которой пасутся многочисленныя стада; тамъ молодые пастухи, сидя подъ тѣнію деревъ, поютъ простыя, унылыя пѣсни и сокращаютъ тѣмъ лѣтніе дни, столь для нихъ единообразные. Подалѣе, въ густой зелени древнихъ вязовъ, блистаетъ златоглавый Даниловъ монастырь; еще далѣе, почти на краю горизонта, синѣются Воробьевы горы. На лѣвой же сторонѣ видны обширныя, хлѣбомъ покрытыя поля, лѣсочки, три или четыре деревеньки, и вдали село Коломенское съ высокимъ Дворцомъ своимъ.

Часто прихожу на сіе мѣсто, и почти всегда встрѣчаю тамъ весну; туда же прихожу и въ мрачные дни осени, горевать вмѣстѣ съ Природою. Страшно воютъ вѣтры въ стѣнахъ опустѣвшаго монастыря, между гробовъ, заросшихъ высокою травою, и въ темныхъ переходахъ келлій. Тамъ, опершись на развалины грозныхъ камней, внимаю глухому стону временъ, бездною минувшаго поглощенныхъ — стону, отъ котораго сердце мое содрогается и трепещетъ. Иногда вхожу въ келліи, и представляю себѣ тѣхъ, которые въ нихъ жили — печальныя картины! Здѣсь вижу сѣдого старца, прѣклонившаго колѣна передъ Распятіемъ, и молящагося о скоромъ разрѣшеніи земныхъ оковъ своихъ: ибо всѣ удовольствія изчезли для него въ жизни, всѣ чувства его умерли, кромѣ чувства болѣзни и слабости. Тамъ юный монахъ — съ блѣднымъ лицомъ, съ томнымъ взоромъ, — смотритъ въ поле сквозь рѣшетку окна, видитъ веселыхъ птичекъ, свободно плавающихъ въ морѣ воздуха — видитъ, и проливаетъ горькія слезы изъ глазъ своихъ. Онъ томится, вянетъ, сохнетъ — и унылый звонъ колокола возвѣщаетъ мнѣ безвременную смерть его. Иногда на вратахъ храма разсматриваю изображеніе чудесъ, въ семъ монастырѣ случившихся — тамъ рыбы падаютъ съ неба для насыщенія жителей монастыря, осажденнаго многочисленными врагами; тутъ образъ Богоматери обращаетъ непріятелей въ бѣгство. Все

сіе обновляетъ въ моей памяти исторію нашего отечества — печальную исторію тѣхъ временъ, когда свирѣпые Татары и Литовцы огнемъ и мечемъ опустошали окрестности Россійской столицы, и когда нещастная Москва, какъ беззащитная вдовица, отъ одного Бога ожидала помощи въ лютыхъ своихъ бѣдствіяхъ.

Но всего чаще привлекаетъ меня къ стѣнамъ Симонова монастыря — воспоминаніе о плачевной судьбѣ Лизы, бѣдной Лизы. Ахъ! я люблю тѣ предметы, которые трогаютъ мое сердце и заставляютъ меня проливать слезы нѣжной скорби!

Саженяхъ въ семидесяти отъ монастырской стѣны, подлѣ березовой рощи, среди зеленаго луга, стоитъ пустая хижина, безъ дверей, безъ окончинъ, безъ полу; кровля давно сгнила и обвалилась. Въ сей хижинѣ, лѣтъ за тридцать передъ симъ, жила прекрасная, любезная Лиза съ старушкою, матерью своею.

Отецъ Лизинъ былъ довольно зажиточный поселянинъ, потому что онъ любилъ работу, пахалъ хорошо землю и велъ всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обѣдняли. Лѣнивая рука наемника худо обрабатывала поле, и хлѣбъ переставалъ хорошо родиться. Онѣ принуждены были отдать свою землю въ наемъ, и за весьма небольшія деньги. Къ тому же бѣдная вдова, почти безпрестанно проливая слезы о смерти мужа своего — ибо и крестьянки любить умѣютъ! — день ото дня становилась слабѣе, и совсѣмъ не могла работать. Одна Лиза, — которая осталась послѣ отца пятнадцати лѣтъ — одна Лиза, не щадя своей нѣжной молодости, не щадя рѣдкой красоты своей, трудилась день и ночь — ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цвѣты, а лѣтомъ брала ягоды — и продавала ихъ въ Москвѣ. Чувствительная, добрая старушка, видя неутомимость дочери, часто прижимала ее къ слабо біющемуся сердцу, называла Божескою милостію, кормилицею, отрадою старости своей, и молила Бога, чтобы Онъ наградилъ ее за все то, что она дѣлаетъ для матери. «Богъ далъ мнѣ руки, чтобы работать (говорила Лиза): ты кормила меня своею грудью и ходила за мной, когда я была ребенкомъ: теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать; слезы наши не оживятъ батюшки». Но часто нѣжная Лиза не могла удержать собственныхъ слезъ своихъ — ахъ! она помнила, что у нее былъ отецъ, и что его не стало; но для успокоенія матери старалась таить печаль

сердца своего, и казаться покойною и веселою. — «На томъ свѣтѣ, любезная Лиза (отвѣчала горестная старушка), на томъ свѣтѣ перестану я плакать. Тамъ, сказываютъ, будутъ всѣ веселыя; я вѣрно весела буду, когда увижу отца твоего. Только теперь не хочу умереть — что съ тобою безъ меня будетъ? На кого тебя покинуть? Нѣтъ, дай Богъ прежде пристроить тебя къ мѣсту! Можетъ быть, скоро сыщется доброй человѣкъ. Тогда, благословя васъ, милыхъ дѣтей моихъ, перекрещусь, и спокойно лягу въ сырую землю».

Прошло года два послѣ смерти отца Лизина. Луга покрылись цвѣтами, и Лиза пришла въ Москву съ ландышами. Молодой, хорошо одѣтый человѣкъ, пріятнаго вида, встрѣтился ей на улицѣ. Она показала ему цвѣты — и закраснѣлась. «Ты продаешь ихъ, дѣвушка?» спросилъ онъ съ улыбкою. — Продаю, отвѣчала она. «А что тебѣ надобно?» — Пять копѣекъ. «Это слишкомъ дешево. Вотъ тебѣ рубль». Лиза удивилась, осмѣлилась взглянуть на молодого человѣка, — еще болѣе закраснѣлась, и потупивъ глаза въ землю, сказала ему, что она не возьметъ рубля. «Для чего же?» — Мнѣ не надобно лишняго. «Я думаю, что прекрасные ландыши, сорванные руками прекрасной дѣвушки, стоятъ рубля. Когда же ты не берешь его, вотъ тебѣ пять копѣекъ. Я хотѣлъ бы всегда покупать у тебя цвѣты; хотѣлъ бы, чтобъ ты рвала ихъ только для меня». Лиза отдала цвѣты, взяла пять копѣекъ, поклонилась и хотѣла итти; но незнакомецъ остановилъ ее за руку. «Куда же ты пойдешь, дѣвушка?» — Домой. «А гдѣ домъ твой?» Лиза сказала, гдѣ она живетъ; сказала и пошла. Молодой человѣкъ не хотѣлъ удерживать ее, можетъ быть для того, что мимоходящіе начали останавливаться, и смотря на нихъ, коварно усмѣхались.

Лиза, пришедши домой, разсказала матери, что съ нею случилось. «Ты хорошо сдѣлала, что не взяла рубля. Можетъ быть, это былъ какой нибудь дурной человѣкъ»... Ахъ нѣтъ, матушка! я этаго не думаю. У него такое доброе лице, такой голосъ. — «Однакожъ, Лиза, лучше кормиться трудами своими, и ничего не брать даромъ. Ты еще не знаешь, другъ мой, какъ злые люди могутъ обидѣть бѣдную дѣвушку! У меня всегда сердце бываетъ не на своемъ мѣстѣ, когда ты ходишь въ городъ; я всегда ставлю свѣчу передъ образомъ, и молю Господа Бога, чтобы Онъ сохранилъ тебя отъ всякой бѣды и напасти.» — У Лизы навернулись на глазахъ слезы; она поцѣловала мать свою...

Незнакомецъ приходитъ въ гости къ Лизѣ, знакомится съ ея матерью, производитъ на нее выгодное впечатлѣніе, а Лиза влюбляется въ него. Его зовутъ Эрастомъ.

Теперь читатель долженъ знать, что сей молодой человѣкъ, сей Эрастъ былъ довольно богатый дворянинъ, съ изрядным разумомъ и добрымъ сердцемъ, добрымъ отъ природы, но слабымъ и вѣтреннымъ. Онъ велъ разсѣянную жизнь, думалъ только о своемъ удовольствіи, искалъ его въ свѣтскихъ забавахъ, но часто не находилъ: скучалъ и жаловался на судьбу свою. Красота Лизы при первой встрѣчѣ сдѣлала впечатлѣніе въ его сердцѣ. Онъ читывалъ романы, идилліи; имѣлъ живое воображеніе, и часто переселялся мысленно въ тѣ времена (бывшія или не бывшія), въ которыя, естьли вѣрить Стихотворцамъ, всѣ люди безпечно гуляли по лугамъ, купались въ чистыхъ источникахъ, цѣловались какъ горлицы, отдыхали подъ розами и миртами, и въ щастливой праздности всѣ дни свои провождали. Ему казалось, что онъ нашелъ въ Лизѣ то, чего сердце его давно искало. «Натура призываетъ меня въ свои объятія, къ чистымъ своимъ радостямъ» — думалъ онъ, и рѣшился — по крайней мѣрѣ на время — оставить большой свѣтъ.

Обратимся къ Лизѣ. Наступила ночь — мать благословила дочь свою и пожелала ей кроткаго сна; но на сей разъ желаніе ея не исполнилось: Лиза спала очень худо. Новый гость души ея, образъ Эрастовъ столь живо ей представлялся, что она почти всякую минуту просыпалась, просыпалась и вздыхала. Еще до восхожденія солнечнаго Лиза встала, сошла на берегъ Москвы рѣки, сѣла на травѣ, и подгорюнившись смотрѣла на бѣлые туманы, которые волновались въ воздухѣ, и подымаясь вверхъ, оставляли блестящія капли на зеленомъ покровѣ Натуры. Вездѣ царствовала тишина. Но скоро восходящее свѣтило дня пробудило все твореніе: рощи, кусточки оживились; птички вспорхнули и запѣли; цвѣты подняли свои головки, чтобы напитаться животворными лучами свѣта. Но Лиза все еще сидѣла подгорюнившись. Ахъ, Лиза, Лиза! что съ тобою сдѣлалось? До сего времени, просыпаясь вмѣстѣ съ птичками, ты вмѣстѣ съ ними веселилась утромъ, и чистая, радостная душа свѣтилась въ глазахъ твоихъ, подобно какъ солнце свѣтится въ капляхъ росы небесной; но теперь ты задумчива и общая радость Природы чужда твоему сердцу. — Между тѣмъ молодой пастухъ по берегу рѣки гналъ стадо,

играя на свирѣли. Лиза устремила на него взоръ свой и думала: «Естьли бы тотъ, кто занимаетъ теперь мысли мои, рожденъ былъ простымъ крестьяниномъ, пастухомъ, — и естьли бы онъ теперь мимо меня гналъ стадо свое: ахъ! я поклонилась бы ему съ улыбкою, и сказала бы привѣтливо: Здравствуй, любезный пастушокъ! куда гонишь ты стадо свое? И здѣсь растетъ зеленая трава для овецъ твоихъ; и здѣсь алѣютъ цвѣты, изъ которыхъ можно сплести вѣнокъ для шляпы твоей. Онъ взглянулъ бы на меня съ видомъ ласковымъ — взялъ бы, можетъ быть, руку мою... Мечта!» Пастухъ, играя на свирѣли, пошелъ мимо, и съ пестрымъ стадомъ своимъ скрылся за ближнимъ холмомъ...

Эрастъ видится съ Лизой и объясняется ей въ любви.

Лиза возвратилась въ хижину свою совсѣмъ не въ такомъ расположеніи, въ какомъ изъ нее вышла. На лицѣ и во всѣхъ ея движеніяхъ обнаруживалась сердечная радость. Онъ меня любитъ! думала она, и восхищалась сею мыслію. «Ахъ матушка!» сказала Лиза матери своей, которая лишь только проснулась. «Ахъ матушка! какое прекрасное утро! Какъ все весело въ полѣ! Никогда жаворонки такъ хорошо не пѣвали; никогда солнце такъ свѣтло не сіяло; никогда цвѣты такъ пріятно не пахли!» — Старушка, подпираясь клюкою, вышла на лугъ, чтобы насладиться утромъ, которое Лиза такими прелестными красками описывала. Оно въ самомъ дѣлѣ показалось ей отмѣнно пріятнымъ; любезная дочь веселіемъ своимъ развеселяла для нее всю Натуру. «Ахъ Лиза!» говорила она: «какъ все хорошо у Господа Бога! Шестой десятокъ доживаю на свѣтѣ а все еще не могу наглядѣться на дѣла Господни; не могу наглядѣться на чистое небо, похожее на высокой шатеръ, и на землю, которая всякой годъ новою травою и новыми цвѣтами покрывается. Надобно, чтобы Царь небесный очень любилъ человѣка, когда онъ такъ хорошо убралъ для него здѣшній свѣтъ. Ахъ, Лиза! кто бы захотѣлъ умереть, естьли бы иногда не было намъ горя?... Видно такъ надобно. Можетъ быть, мы забыли бы душу свою, если бы изъ глазъ нашихъ никогда слезы не капали». А Лиза думала: ахъ! я скорѣе забуду душу свою, нежели моего друга!...

У Лизы и Эраста происходятъ свиданія, пока однажды онъ не сообщаетъ Лизѣ, что они должны разстаться, такъ какъ онъ ѣдетъ на войну. Вотъ сцена ихъ прощанія.

Но что же чувствовала она тогда, когда Эрастъ, обнявъ ее въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ прижавъ къ своему сердцу, сказалъ: прости, Лиза!... Какая трогательная картина! Утренняя заря, какъ алое море, разливалась по восточному небу. Эрастъ стоялъ подъ вѣтвями высокаго дуба, держа въ объятіяхъ своихъ блѣдную, томную, горестную подругу, которая, прощаясь съ нимъ, прощалась съ душею своею. Вся Натура пребывала въ молчаніи.

Лиза рыдала — Эрастъ плакалъ — оставилъ ее — она упала — стала на колѣни, подняла руки къ небу и смотрѣла на Эраста, который удалялся — далѣе — далѣе и наконецъ скрылся — возсіяло солнце, и Лиза, оставленная, бѣдная, лишилась чувствъ и памяти.

Она пришла въ себя — и свѣтъ показался ей унылъ и печаленъ. Всѣ пріятности Натуры сокрылись для нее вмѣстѣ съ любезнымъ ея сердцу. «Ахъ! (думала она) для чего я осталась въ этой пустынѣ? Что удерживаетъ меня летѣть въ слѣдъ за милымъ Эрастомъ? Война не страшна для меня; страшно тамъ, гдѣ нѣтъ моего друга. Съ нимъ жить, съ нимъ умереть хочу, или смертію своею спасти его драгоцѣнную жизнь. Постой, постой, любезный! я лечу къ тебѣ!» — Уже хотѣла она бѣжать за Эрастомъ; но мысль: у меня есть мать! остановила ее. Лиза вздохнула, и преклонивъ голову, тихими шагами пошла къ своей хижинѣ. — Съ сего часа дни ея были днями тоски и горести, которую надлежало скрывать отъ нѣжной матери: тѣмъ болѣе страдало сердце ея! Тогда только облегчалось оно, когда Лиза, уединясь въ густоту лѣса, могла свободно проливать слезы и стенать о разлукѣ съ милымъ. Часто печальная горлица соединяла жалобный голосъ свой съ ея стенаніемъ. Но иногда — хотя весьма рѣдко — златой лучъ надежды, лучъ утѣшенія, освѣщалъ мракъ ея скорби. Когда онъ возвратится ко мнѣ, какъ я буду щастлива! какъ все перемѣнится! отъ сей мысли прояснялся взоръ ея, розы на щекахъ освѣжались, и Лиза улыбалась, какъ Майское утро послѣ бурной ночи. — Такимъ образомъ прошло около двухъ мѣсяцевъ.

Въ одинъ день Лиза должна была итти въ Москву, за тѣмъ, чтобы купить розовой воды, которою мать ея лечила глаза свои. На одной изъ большихъ улицъ встрѣтилась ей великолѣпная карета, и въ сей каретѣ увидѣла она — Эраста. Ахъ! закричала Лиза, и бросилась къ нему; но карета про-

ѣхала мимо и поворотила на дворъ. Эрастъ вышелъ, и хотѣлъ уже итти на крыльцо огромнаго дома, какъ вдругъ почувствовалъ себя въ Лизиныхъ объятіяхъ. Онъ поблѣднѣлъ — потомъ, не отвѣчая ни слова на ея восклицанія, взялъ ее за руку, привелъ въ свой кабинетъ, заперъ дверь, и сказалъ ей: Лиза! обстоятельства перемѣнились; я помолвилъ жениться; ты должна оставить меня въ покоѣ, и для собственнаго своего спокойствія забыть меня. Я любилъ тебя, и теперь люблю, то есть, желаю тебѣ всякаго добра. Вотъ сто рублей — возьми ихъ (онъ положилъ ей деньги въ карманъ) — позволь мнѣ поцѣловать тебя въ послѣдній разъ — и поди домой. — Прежде нежели Лиза могла опомниться, онъ вывелъ ее изъ кабинета и сказалъ слугѣ: проводи эту дѣвушку со двора.

Сердце мое обливается кровію въ сію минуту. Я забываю человѣка въ Эрастѣ — готовъ проклинать его — но языкъ мой не движется — смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему. Ахъ! для чего пишу не романъ, а печальную быль?

И такъ Эрастъ обманулъ Лизу, сказавъ ей, что онъ ѣдетъ въ армію? — Нѣтъ, онъ въ самомъ дѣлѣ былъ въ арміи, но вмѣсто того, чтобы сражаться съ непріятелемъ, игралъ въ карты и проигралъ почти все свое имѣніе. Скоро заключили миръ, и Эрастъ возвратился въ Москву, отягченный долгами. Ему оставался одинъ исходъ поправить свои обстоятельства — жениться на пожилой, богатой вдовѣ, которая давно была влюблена въ него. Онъ рѣшился на то, и переѣхалъ жить къ ней въ домъ, посвятивъ искренній вздохъ Лизѣ своей. Но все сіе можетъ ли оправдать его?

Лиза очутилась на улицѣ, и въ такомъ положеніи, котораго никакое перо описать не можетъ. Онъ, онъ выгналъ меня? Онъ любитъ другую? я погибла! вотъ ея мысли, ея чувства! Жестокой обморокъ перервалъ ихъ на время. Одна добрая женщина, которая шла по улицѣ, остановилась надъ Лизою, лежавшею на землѣ, и старалась привести ее въ память. Нещастная открыла глаза — встала съ помощію сей доброй женщины, — благодарила ее, и пошла, сама не зная, куда. «Мнѣ нельзя жить (думала Лиза), нельзя!... О, естьли бы упало на меня небо! Естьли бы земля поглотила бѣдную!... Нѣтъ! небо не падаетъ; земля не колеблется! Горе мнѣ!» — Она вышла изъ города, и

вдругъ увидѣла себя на берегу глубокаго пруда, подъ тѣнію древнихъ дубовъ, которые за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ были безмолвными свидѣтелями ея восторговъ. Сіе воспоминаніе потрясло ея душу; страшнѣйшее сердечное мученіе изобразилось на лицѣ ея. Но черезъ нѣсколько минутъ погрузилась она въ нѣкоторую задумчивость — осмотрѣлась вокругъ себя, увидѣла дочь своего сосѣда (пятнадцатилѣтнюю дѣвушку), идущую по дорогѣ, — кликнула ее, вынула изъ кармана десять имперіаловъ, и, подавая ей, сказала: «Любезная Анюта, любезная подружка! отнеси эти деньги къ матушкѣ — онѣ не краденыя — скажи ей, что Лиза противъ нее виновата; что я таила отъ нее любовь свою къ одному жестокому человѣку, — къ Э... На что знать его имя? — Скажи, что онъ измѣнилъ мнѣ — попроси, чтобы она меня простила — Богъ будетъ ея помощникомъ — поцѣлуй у нее руку такъ, какъ я теперь твою цѣлую — скажи, что бѣдная Лиза велѣла поцѣловать ее — скажи, что я...» Тутъ она бросилась въ воду. Анюта закричала, заплакала, но не могла спасти ее; побѣжала въ деревню — собрались люди, и вытащили Лизу; но она была уже мертвая.

Такимъ образомъ скончала жизнь свою прекрасная душею и тѣломъ. Когда мы тамъ, въ новой жизни увидимся, я узнаю тебя, нѣжная Лиза!

Ее погребли близъ пруда, подъ мрачнымъ дубомъ, и поставили деревянный крестъ на ея могилѣ. Тутъ часто сижу въ задумчивости, опершись на вмѣстилище Лизина праха; въ глазахъ моихъ струится прудъ; надо мною шумятъ листья.

Лизина мать услышала о страшной смерти дочери своей, и кровь ея отъ ужаса охладѣла — глаза на вѣкъ закрылись. — Хижина опустѣла. Въ ней воетъ вѣтеръ, и суевѣрные поселяне, слыша по ночамъ сей шумъ, говорятъ: тамъ стонетъ мертвецъ; тамъ стонетъ бѣдная Лиза!

Эрастъ былъ до конца жизни своей нещастливъ. Узнавъ о судьбѣ Лизиной, онъ не могъ утѣшиться и почиталъ себя убійцею. Я познакомился съ нимъ за годъ до его смерти. Онъ самъ разсказалъ мнѣ сію исторію и привелъ меня къ Лизиной могилѣ. — Теперь, можетъ быть, они уже примирились!

НАТАЛЬЯ БОЯРСКАЯ ДОЧЬ.

1792 г.

Повѣсть «Наталья боярская дочь» очень типична для пониманія нашими писателями XVIII вѣка тѣхъ способовъ, которыми

можно передавать прошлое въ искусствѣ. Карамзинъ, какъ Сумароковъ въ своихъ трагедіяхъ, не стремился въ своей повѣсти вѣрно передать старину. Если «Бѣдная Лиза» есть сентиментальная идеализація крестьянской жизни, то повѣсть «Наталья боярская дочь» есть сентиментальная риторика въ изображеніи прошлаго. Такія сочиненія даютъ особенно почувствовать, какой громадный шагъ впередъ сдѣлалъ Пушкинъ своими «Борисомъ Годуновымъ» и «Капитанскою дочкой», поставивъ себѣ новую задачу: «угадать языкъ и образъ мыслей того времени». Событія повѣсти очень неправдоподобны для русской старины. — Благовоспитанная Наталья, любящая отца, бѣжитъ изъ родительскаго дома съ однимъ опальнымъ бояриномъ... Но ни гнѣвъ родительскій, ни опала царская надъ ними не разражаются. Наталья съ мужемъ отправляются на войну, при чемъ Наталья сражается въ панцырѣ и съ «легкимъ оружіемъ». Оба оказываютъ чудеса храбрости. Царь призываетъ ихъ къ себѣ, прощаетъ мужа Натальи; отецъ Натальи благословляетъ ихъ бракъ, и они живутъ въ счастьи до глубокой старости.

Изъ повѣсти приведено начало.

Въ престольномъ градѣ славнаго Русскаго царства, въ Москвѣ бѣлокаменной, жилъ Бояринъ Матвѣй Андреевъ, человѣкъ богатой, умной, вѣрной слуга Царской, и, по обычаю Русскихъ, великой хлѣбосолъ. Онъ владѣлъ многими помѣстьями, и былъ не обидчикомъ, а покровителемъ и заступникомъ своихъ бѣдныхъ сосѣдей, — чему въ наши просвѣщенныя времена, можетъ быть, не всякой повѣритъ, но что въ старину совсѣмъ не почиталось рѣдкостію. Царь называлъ его правымъ глазомъ своимъ, и правой глазъ никогда Царя не обманывалъ. Когда ему надлежало разбирать важную тяжбу, онъ призывалъ себѣ въ помощь Боярина Матвѣя, и Бояринъ Матвѣй, кладя чистую руку на чистое сердце, говорилъ: сей правъ (не по такому-то указу, состоявшемуся въ такомъ-то году), но по моей совѣсти, сей виноватъ по моей совѣсти — и совѣсть его была всегда согласна съ правдою и съ совѣстію Царскою. Дѣло рѣшалось безъ замедленія: правый подымалъ на небо слезящее око благодарности, указывая рукою на добраго Государя и добраго Боярина; а виноватый бѣжалъ въ густые лѣса сокрыть стыдъ свой отъ человѣковъ.

Еще не можемъ мы умолчать объ одномъ похвальномъ обыкновеніи Боярина Матвѣя, обыкновеніи, которое достойно подражанія во всякомъ вѣкѣ и во всякомъ царствѣ; а именно, въ каждый двенадесятой праздникъ поставлялись длинные столы въ его горницахъ, чистыми скатертьми накрытые, и Бояринъ, сидя на лавкѣ подлѣ высокихъ воротъ своихъ,

звалъ къ себѣ обѣдать всѣхъ мимоходящихъ бѣдныхъ[1]) людей, сколько ихъ могло помѣститься въ жилищѣ боярскомъ; потомъ, собравъ полное число, возвращался въ домъ и указавъ мѣсто каждому гостю, садился самъ между ими. Тутъ въ одну минуту являлись на столахъ чаши и блюда, и ароматической паръ горячаго кушанья, какъ бѣлое тонкое облако, вился надъ головами обѣдающихъ. Между тѣмъ хозяинъ ласково бесѣдовалъ съ гостями, узнавалъ ихъ нужды, подавалъ имъ хорошіе совѣты, предлагалъ свои услуги, и наконецъ веселился съ ними какъ съ друзьями. Такъ въ древнія Патріархальныя времена, когда вѣкъ человѣческой былъ не столь кратокъ, почтенными сѣдинами украшенный старецъ насыщался земными благами со многочисленнымъ своимъ семействомъ — смотрѣлъ вокругъ себя, и видя на всякомъ лицѣ, во всякомъ взорѣ живое изображеніе любви и радости, восхищался въ душѣ своей. — Послѣ обѣда, всѣ неимущіе братья, наполнивъ виномъ свои чарки, восклицали въ одинъ голосъ: Доброй, доброй Бояринъ и отецъ нашъ! мы пьемъ за твое здоровье! Сколько капель въ нашихъ чаркахъ, столько лѣтъ живи благополучно! Они пили, и благодарныя слезы ихъ капали на бѣлую скатерть.

Таковъ былъ Бояринъ Матвѣй, вѣрной слуга Царской, вѣрной другъ человѣчества. Уже минуло ему шестьдесятъ лѣтъ; уже кровь медленнѣе обращалась въ жилахъ его; уже тихое трепетаніе сердца возвѣщало наступленіе жизненнаго вечера и приближеніе ночи — но доброму ли бояться сего густаго непроницаемаго мрака, въ которомъ теряются дни человѣческіе? Ему ли страшиться сего тѣнистаго пути, когда съ нимъ доброе сердце его, когда съ нимъ добрыя дѣла его. Онъ идетъ впередъ безтрепетно, наслаждается послѣдними лучами заходящаго свѣтила, обращаетъ покойной взоръ на прошедшее, и съ радостнымъ — хотя темнымъ, но не менѣе того радостнымъ предчувствіемъ заноситъ ногу въ оную неизвѣстность. — Любовь народная, милость Царская были наградою добродѣтели стараго Боярина; но вѣнцемъ его щастія и радостей была любезная Наталья, единственная дочь его. Уже давно оплакалъ онъ мать ея, которая заснула вѣчнымъ сномъ въ его объятіяхъ; но кипарисы супружеской любви покрылись цвѣтами любви родительской — въ юной Натальѣ

---

[1]) Въ истинѣ сего увѣрялъ меня не одинъ старой человѣкъ. *Примѣч. авт.*

увидѣлъ онъ новой образъ умершей, и, вмѣсто горькихъ слезъ печали, возсіяли въ глазахъ его сладкія слезы нѣжности. Много цвѣтовъ въ полѣ, въ рощахъ и на лугахъ зеленыхъ; но нѣтъ подобнаго розѣ, роза всѣхъ прекраснѣе: много было красавицъ въ Москвѣ бѣлокаменной, ибо царство Русское искони почиталось жилищемъ красоты и пріятностей; но никакая красавица не могла сравняться съ Натальею — Наталья была всѣхъ прелестнѣе. Пусть читатель вообразить себѣ бѣлизну Италіанскаго мрамора и Кавказскаго снѣга: онъ все еще не вообразитъ бѣлизны лица ея — и представя себѣ цвѣтъ Зефировой любовницы, все еще не будетъ имѣть совершеннаго понятія объ алости щекъ Натальиныхъ. Я боюсь продолжать сравненіе, чтобы не наскучить читателю повтореніемъ извѣстнаго, ибо въ наше роскошное время весьма истощился магазинъ піитическихъ уподобленій красоты, и не одинъ писатель съ досады кусаетъ перо свое, ища и не находя новыхъ. Довольно знать и того, что самые богомольные старики, видя Боярскую дочь у обѣдни, забывали класть земные поклоны, и самыя пристрастныя матери отдавали ей преимущество передъ своими дочерями. Сократъ говорилъ, что красота тѣлесная бываетъ всегда изображеніемъ душевной. Намъ должно повѣрить Сократу, ибо онъ былъ, во первыхъ, искуснымъ ваятелемъ (слѣдственно зналъ принадлежности красоты тѣлесной), а во вторыхъ, мудрецомъ или любителемъ мудрости (слѣдственно зналъ хорошо красоту душевную). По крайней мѣрѣ наша прелестная Наталья имѣла прелестную душу, была нѣжна какъ горлица, невинна какъ агнецъ, мила какъ Май мѣсяцъ; однимъ словомъ, имѣла всѣ свойства благовоспитанной дѣвушки, хотя Русскіе не читали тогда ни Локка о воспитаніи, ни Руссова Эмиля — во первыхъ, для того, что сихъ Авторовъ еще и на свѣтѣ не было, а во вторыхъ и потому, что худо знали грамотѣ — не читали и воспитывали дѣтей своихъ, какъ Натура воспитываетъ травки и цвѣточки, то есть, поили и кормили ихъ, оставляя все прочее на произволъ Судьбы; но сія Судьба была къ нимъ милостива, и за довѣренность, которую имѣли они къ ея всемогуществу, награждала ихъ почти всегда добрыми дѣтьми, утѣшеніемъ и подпорою ихъ старыхъ дней.

Одинъ великой Психологъ, котораго имени я право не упомню, сказалъ, что описаніе дневныхъ упражненій человѣка есть вѣрнѣйшее изображеніе его сердца. По крайней

мѣрѣ я такъ думаю, и съ дозволенія моихъ любезныхъ читателей опишу, какъ Наталья, Боярская дочь, проводила время свое отъ восхода до заката краснаго солнца. Лишь только первые лучи сего великолѣпнаго свѣтила показывались изъза утренняго облака, изливая на тихую землю жидкое, неосязаемое золото: красавица наша пробуждалась, открывала черные глаза свои, и перекрестившись бѣлою атласною, до нѣжнаго локтя обнаженною рукою, вставала, надѣвала на себя тонкое шелковое платье, камчатную тѣлогрѣю, и съ распущенными темнорусыми волосами подходила къ круглому окну высокаго своего терема, чтобы взглянуть на прекрасную картину оживляемой Натуры — взглянуть на златоглавую Москву, съ которой лучезарной день снималъ туманный покровъ ночи, и которая, подобно какой нибудь огромной птицѣ, пробужденной гласомъ утра, въ вѣяніи вѣтерка стряхивала съ себя блестящую росу — взглянуть на Московскія окрестности, на мрачную, густую, необозримую Марьину рощу, которая какъ сизый, кудрявый дымъ терялась отъ глазъ въ неизмѣримомъ отдаленіи, и гдѣ жили тогда всѣ дикіе звѣри сѣвера; гдѣ страшной ревъ ихъ заглушалъ мелодію птицъ поющихъ. Съ другой стороны, являлись Натальину взору сверкающіе изгибы Москвы-рѣки, цвѣтущія поля и дымящіяся деревни, откуда съ веселыми пѣснями выѣзжали трудолюбивые поселяне на работы свои — поселяне, которые и по сіе время ни въ чемъ не перемѣнились, такъ же одѣваются, такъ же живутъ и работаютъ, какъ прежде жили и работали и среди всѣхъ измѣненій и личинъ представляютъ намъ еще истинную Русскую физіогномію. Наталья смотрѣла, опершись на окно, и чувствовала въ сердцѣ своемъ тихую радость; не умѣла краснорѣчиво хвалить Натуры, но умѣла ею наслаждаться; молчала и думала: какъ хороша Москва бѣлокаменная! какъ хороши ея окружности! Но того не думала Наталья, что сама она въ утреннемъ своемъ нарядѣ была всего прекраснѣе... Она будила свою няню, вѣрную служанку ея покойной матери. Вставай, мама! говорила Наталья: скоро заблаговѣстятъ къ обѣднѣ. Мама вставала, одѣвалась, называла свою боярышню раннею птичкою, умывала ее ключевою водою, чесала ея длинные волосы бѣлымъ костянымъ гребнемъ, заплетала ихъ въ косу, и украшала голову нашей прелестницы жемчужною повязкою. Такимъ образомъ снарядившись, дожидались онѣ благовѣста, и заперевъ замкомъ свѣт-

лицу свою (чтобы въ отсутствіе ихъ не закрался въ нее какой нибудь не доброй человѣкъ), отправлялись къ обѣднѣ. «Всякой день?» спроситъ читатель. Конечно — таковъ былъ въ старину обычай — и развѣ зимою одна жестокая вьюга, а лѣтомъ проливной дождь съ грозою могли удержать красную дѣвицу отъ исполненія сей набожной должности. Становясь всегда въ уголкѣ трапезы, Наталья молилась Богу съ усердіемъ, и между тѣмъ изъ подлобья посматривала на право и на лѣво. Въ старину не было ни клубовъ, ни маскарадовъ, куда нынѣ ѣздятъ себя казать и другихъ смотрѣть: и такъ гдѣ же, какъ въ церкви, могла тогда любопытная дѣвушка поглядѣть на людей? Послѣ обѣдни Наталья раздавала всегда нѣсколько копѣекъ бѣднымъ людямъ, и приходила къ своему родителю съ нѣжною любовію цѣловать его руку. Старецъ плакалъ отъ радости, видя, что дочь его день ото дня становилась лучше и милѣе, и не зналъ, какъ благодарить Бога за такой неоцѣненный даръ, за такое сокровище...

КЪ МИЛОСТИ[1]).

(1792.)

Что можетъ быть тебя святѣе,
О Милость, дщерь благихъ Небесъ?
Что краше въ мірѣ, что милѣе?
Кто можетъ безъ сердечныхъ слезъ,
Безъ радости и восхищенья,
Безъ сладкаго въ крови волненья,
Взирать на прелести Твои?
Какая ночь не озарится
Отъ солнечныхъ Твоихъ очей?
Какой мятежъ не укротится
Одной улыбкою Твоей?
Речешь, и громы онѣмѣютъ;
Гдѣ ступишь, тамъ цвѣты алѣютъ,
И съ неба льется благодать.

---

[1]) Эта ода написана во время суда надъ Новиковымъ и обращалась къ императрицѣ Екатеринѣ.

Любовь Твои стопы лобзаетъ,
И нѣжной Матерью зоветъ;
Любовь Тебя на тронъ вѣнчаетъ,
И скиптръ въ десницу подаетъ.
Текутъ, текутъ земные роды,
Какъ съ горъ высокихъ быстры воды,
Подъ сѣнь державы Твоея.
Блаженъ, блаженъ народъ, живущій
Въ пространной области Твоей!
Блаженъ Пѣвецъ, Тебя поющій
Въ жару, въ огнѣ души своей! —
Доколѣ Милостію будешь,
Доколѣ права не забудешь,
Съ которымъ человѣкъ рожденъ;
Доколѣ гражданинъ довольный
Безъ страха можетъ засыпать,
И дѣти-подданные вольны
По мыслямъ жизнь располагать,
Вездѣ природой наслаждаться,
Вездѣ наукой украшаться
И славить прелести Твои;
Доколѣ злоба, дщерь Тифона,
Пребудетъ въ мракъ удалена
Отъ свѣтлозолотаго трона;
Доколѣ правда не страшна,
И чистый сердцемъ не боится
Въ своихъ желаніяхъ открыться
Тебѣ, Владычицѣ души;
Доколѣ всѣмъ даешь свободу,
И свѣта не темнишь въ умахъ;
Пока довѣренность къ народу
Видна во всѣхъ Твоихъ дѣлахъ:
Дотолѣ будешь свято чтима
Отъ подданныхъ боготворима
И славима изъ рода въ родъ.
Спокойствія Твоей Державы
Ничто не можетъ возмутить;
Для чадъ Твоихъ нѣтъ большей славы,
Какъ вѣрность къ Матери хранить.
Тамъ тронъ вовѣкъ не потрясется,
Гдѣ онъ любовію брежется,
И гдѣ на тронѣ — Ты сидишь.

НѢЧТО О НАУКАХЪ, ИСКУССТВАХЪ И ПРОСВѢЩЕНІИ[1]).

(1793.)

Que les Muses, les arts et la philosophie
Passent d'un peuple à l'autre et consolent la viel[2])

St. Lambert.

Такъ! просвѣщеніе есть Палладіумъ благонравія — и когда вы, вы, которымъ вышняя Власть поручила судьбу человѣковъ, желаете распространить на землѣ область добродѣтели, то любите Науки, и не думайте, чтобы онѣ могли быть вредны; чтобы какое нибудь состояніе въ гражданскомъ обществѣ долженствовало пресмыкаться въ грубомъ невѣжествѣ — нѣтъ! сіе златое солнце сіяетъ для всѣхъ на голубомъ сводѣ, и все живущее согрѣвается его лучами; сей текущій кристаллъ утоляетъ жажду и властелина и невольника; сей столѣтній дубъ обширною своею тѣнію прохлаждаетъ и пастуха и Героя. Всѣ люди имѣютъ душу, имѣютъ сердце, слѣдственно всѣ могутъ наслаждаться плодами Искусства и Науки — и кто наслаждается ими, тотъ дѣлается лучшимъ человѣкомъ и спокойнѣйшимъ гражданиномъ — спокойнѣйшимъ, говорю: ибо находя вездѣ и во всемъ тысячу удовольствій и пріятностей, не имѣетъ онъ причины роптать на Судьбу и жаловаться на свою участь. — Цвѣты Грацій украшаютъ всякое состояніе — просвѣщенный земледѣлецъ, сидя послѣ трудовъ и работы на мягкой зелени съ нѣжною своею подругою, не позавидуетъ щастію роскошнѣйшаго Сатрапа.

Просвѣщенный земледѣлецъ! — Я слышу тысячу возраженій, но не слышу ни однаго справедливаго. Быть просвѣщеннымъ есть быть здравомыслящимъ, не ученымъ, не полиглотомъ, не педантомъ. Можно судить справедливо и по правиламъ строжайшей Логики, не читавъ никогда схоластическихъ бредней о сей Наукѣ; не думая о томъ, кто лучше опредѣляетъ ее: Томазій или Тширнгаузъ, Меланхтонъ или

---

[1]) Сочиненіе это составляетъ опроверженіе разсужденія Жанъ-Жака Руссо, написаннаго на предложенную Дижонской академіей тему: «Способствовало ли возстановленіе наукъ исправленію нравовъ, или способствовало ихъ порчѣ?» Руссо доказывалъ, что культура портитъ естественную чистую природу человѣка. Здѣсь данъ конецъ статьи Карамзина.

[2]) Пусть Музы, искусство и философія переходятъ отъ одного народа къ другому и станутъ утѣшеніемъ жизни.

Рамусъ, Клерикусъ или Буддеусъ; не зная, что такое энѳимемата, барбара, целарентъ, ферiо[1]), и проч. Для сего конечно не достаетъ земледѣльцу времени — ибо онъ долженъ обработывать поля свои; но для того, чтобы мыслить здраво, нужно только впечатлѣть въ душу нѣкоторыя правила, нѣкоторыя вѣчныя истины, которыя составляютъ основаніе и существо Логики — для сего же найдетъ онъ въ жизни своей довольно свободныхъ часовъ, равно какъ и для того, чтобы узнать премудрость, благость и красоту Натуры, которая всегда предъ глазами его, — узнать, любить ее и быть щастливѣе.

Я поставлю въ примѣръ многихъ Швейцарскихъ, Англійскихъ и Нѣмецкихъ поселянъ, которые пашутъ землю и собираютъ библіотеки; пашутъ землю и читаютъ Гомера, и живутъ такъ чисто, такъ хорошо, что Музамъ и Граціямъ не стыдно посѣщать ихъ. Кто не слыхалъ о славномъ Цирихскомъ крестьянинѣ Клейнъ-йокѣ, у котораго Философы могли учиться Философіи, съ которымъ Бодмеръ, Геснеръ, Лафатеръ, любили говорить о красотахъ Природы, о величествѣ Творца ея, о санѣ и должностяхъ человѣка?[2]) — Не далеко отъ Мангейма живетъ и теперь такой поселянинъ, который читалъ всѣхъ лучшихъ Нѣмецкихъ и даже иностранныхъ Авторовъ, и самъ пишетъ прекрасные стихи[3]). Сіи упражненія не мѣшаютъ ему быть трудолюбивѣйшимъ работникомъ въ своей деревнѣ и прославлять долю свою. «Всякой день», говоритъ онъ[4]), «благодарю я Бога за то, что онъ опредѣлилъ мнѣ быть поселяниномъ, котораго состояніе есть самое ближайшее къ Натурѣ, и слѣдственно самое щастливѣйшее».

Законодатель и другъ человѣчества! ты хочешь общественнаго блага: да будетъ же первымъ закономъ твоимъ — просвѣщеніе! Гласомъ онаго благодѣтельнаго грома, который не умерщвляетъ живущаго, а напаяетъ землю и воздухъ питательными и плодотворными силами, вѣщай человѣкамъ: созерцайте Природу, и наслаждайтесь ея красотами; познавайте свое сердце, свою

---

[1]) Христіанъ Томазіусъ (1655—1729) — нѣмецкій философъ. — Меланхтонъ (1497—1560) — сотрудникъ Лютера въ дѣлѣ реформаціи. — Петръ Рамусъ или Раме (1515—1571) — предшественникъ новой философіи, дерзавшій возражать Аристотелю и подвергшійся за это гоненіямъ. — Х. Ф. Буддеусъ (1634—1729) — нѣмецкій ученый. — Далѣе слѣдуютъ названія разныхъ формъ силлогизмовъ въ схоластической логикѣ.

[2]) І. Я. Бодмеръ (1698—1786) — швейцарскій писатель.

[3]) Многіе изъ нихъ читалъ я въ нѣмецкомъ Музеумѣ. (Примѣч. Карамзина.)

[4]) Одинъ изъ моихъ знакомыхъ былъ у него въ гостяхъ. (Примѣч. Кар.)

душу; дѣйствуйте всѣми силами, Творческою рукою вамъ данными, — и вы будете любезнѣйшими чадами Неба!

Когда свѣтъ ученія, свѣтъ истины озаритъ всю землю и проникнетъ въ самыя темнѣйшія пещеры невѣжества: тогда, можетъ быть, исчезнутъ всѣ нравственныя Гарпіи, доселѣ оскверняющія человѣчество, — исчезнутъ, подобно какъ привидѣнія ночи на разсвѣтѣ дня исчезаютъ; тогда, можетъ быть, настанетъ златый вѣкъ Поэтовъ, вѣкъ благонравія — и тамъ, гдѣ возвышаются теперь кровавые эшафоты, тамъ сядетъ добродѣтель на свѣтломъ тронѣ.

Между тѣмъ вы составляете мое утѣшеніе, вы, нѣжныя чада ума, чувства и воображенія! Съ вами я богатъ безъ богатства, съ вами я не одинъ въ уединеніи, съ вами не знаю ни скуки, ни тяжкой праздности. Хотя живу на краю Сѣвера, въ отечествѣ грозныхъ Аквилоновъ, но съ вами, любезныя Музы! съ вами вездѣ долина Темпейская — коснетесь рукою, и печальная сосна въ лавръ Аполлоновъ превращается, дохнете божественными устами, и на желтыхъ хладныхъ пескахъ цвѣты Олимпійскіе расцвѣтаютъ. Осыпанный благами, дерзаю презирать блескъ тщеславія и суетности. Вы и Природа, Природа и любовь добрыхъ душъ — вотъ мое щастіе, моя отрада въ горестяхъ!... Ахъ! я иногда проливаю слезы, и не стыжусь ихъ!

Меня не будетъ — но память моя не совсѣмъ охладѣетъ въ мірѣ; любезный, нѣжно-образованный юноша, читая нѣкоторыя мысли, нѣкоторыя чувства мои, скажетъ: онъ имѣлъ душу, имѣлъ сердце!

О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССІИ

ВЪ ЕЯ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ И ГРАЖДАНСКОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

Записка О древней и новой Россіи была подана Карамзинымъ императору Александру I черезъ великую княгиню Екатерину Павловну въ 1810 году въ Твери. Записка представляетъ большой интересъ для выясненія, повидимому, искреннихъ взглядовъ Карамзина на русскую жизнь того времени. Эпиграфомъ записки онъ взялъ слова 138-го псалма: «Нѣсть льсти въ языцѣ моемъ», и, дѣйствительно, она заключаетъ въ себѣ нѣсколько мнѣній, которыхъ не могъ раздѣлить Александръ. Правда, записка подана въ то время, когда въ государѣ уже начинали закрадываться сомнѣнія въ правильности пути преобразованія, по которому онъ смѣло пошелъ, когда государь уже разстался со своими

любимыми совѣтниками Новосильцевымъ и Чарторыйскимъ, когда довѣріе его къ Сперанскому стало ослабѣвать, но многое въ прежнихъ планахъ продолжало ему быть дорогимъ, и Карамзину нужно было имѣть нѣкоторое мужество, чтобъ высказать свои мнѣнія. Эти мнѣнія Карамзина тѣмъ болѣе интересны, что они представляли взгляды не одного его, а значительной части консервативно настроеннаго общества.

Въ началѣ записки Карамзинъ рисуетъ картину русской исторіи, какъ онъ развилъ ее потомъ въ своей Исторіи Государства Россійскаго; затѣмъ даетъ оцѣнку отдѣльныхъ царствованій и при этомъ значительно отступаетъ отъ своихъ прежнихъ взглядовъ на Петра I и Екатерину II: осуждаетъ Петра I за то, что онъ не считался съ національными обычаями, считаетъ его ошибкой основаніе столицы на сѣверѣ Россіи, видитъ въ немъ виновника отчужденій высшихъ сословій отъ крестьянства; въ царствованіи Екатерины II онъ видитъ больше внѣшности, чѣмъ внутренняго преуспѣянія. Отъ прошлаго Карамзинъ переходитъ къ оцѣнкѣ своего времени и здѣсь указываетъ, что большинство недовольно преобразованіями Александра I: онъ высказывается противъ учрежденія министерствъ, противъ конституціонныхъ проектовъ Сперанскаго, осуждаетъ внѣшнюю политику Россіи, говоритъ о недостаткахъ финансовыхъ мѣропріятій, не сочувствуетъ увеличенію числа университетовъ, предпочитая умноженіе числа стипендій въ гимназіяхъ, и не совѣтуетъ государю рѣшаться на освобожденіе крестьянъ, изъ опасенія осложненій въ государственной жизни. Онъ видитъ спасеніе Россіи не въ реформахъ учрежденій, а въ умѣломъ выборѣ исполнителей и въ умѣломъ обхожденіи съ людьми; особое значеніе придаетъ онъ дворянству.

Всѣ эти взгляды не были чѣмъ-нибудь новымъ въ Карамзинѣ; какъ человѣкъ очень впечатлительный, онъ быстро схватывалъ настроеніе среды, въ которой вращался, и увлекался ея взглядами: западная литература и «Дружеское общество» Новикова придали его сочиненіямъ либеральный характеръ, но эта сторона воззрѣній Карамзина никогда не принимала формы опредѣленнаго убѣжденія. Внимательно читая даже «Письма русскаго путешественника», можно замѣтить и эту неопредѣленность, и склонность къ противоположнымъ убѣжденіямъ. Н. И. Тургеневъ, горячій поборникъ уничтоженія крѣпостного права, говорилъ про Карамзина, что онъ скользитъ по крестьянскому вопросу. — Даемъ выдержки.

Мы, Россіяне, имѣя предъ глазами свою Исторію, подтвердимъ ли мнѣніе несвѣдущихъ иноземцевъ и скажемъ ли, что Петръ есть творецъ нашего величія государственнаго[1])? Забудемъ ли князей Московскихъ: Іоанна I, Іоанна III, которые, можно сказать, изъ ничего воздвигли державу сильную и, что не менѣе важно, учредили въ ней твердое пра-

[1]) Ср. выше взгляды Карамзина на Петра I и значеніе національности въ письмѣ изъ Парижа, стран. 460.

вленіе единовластное? Петръ нашелъ средство дѣлать великое, князья Московскіе приготовили оное, и, славя славное въ семъ монархѣ, оставимъ ли безъ замѣчанія вредную сторону его блестящаго царствованія? Умолчимъ о порокахъ личныхъ; но сія страсть къ новымъ для насъ обычаямъ преступила въ немъ границы благоразумія. Петръ не хотѣлъ вникнуть въ истину, что духъ народный составляетъ нравственное могущество государствъ, подобно физическому, нужное для ихъ твердости. Сей духъ и вѣра спасли Россію во время самозванцевъ; онъ есть не что иное, какъ привязанность къ нашему особенному, какъ уваженіе къ своему народному достоинству. Искореняя древніе навыки, представляя ихъ смѣшными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь Россіи унижалъ Россіянъ въ собственномъ ихъ сердцѣ. Презрѣніе къ самому себѣ располагаетъ ли человѣка и гражданина къ великимъ дѣламъ? Любовь къ отечеству питается сими народными особенностями, безгрѣшными въ глазахъ космополита, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго. Просвѣщеніе достохвально, но въ чемъ состоитъ оно? Въ знаніи нужнаго для благоденствія. Художества, искусства, науки не имѣютъ иной цѣны. Русская одежда, пища, борода не мѣшали заведенію школъ. Два государства могутъ стоять на одной степени гражданскаго просвѣщенія, имѣя нравы различные. Государство можетъ заимствовать отъ другаго полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе беззаконное и для монарха самодержавнаго. Народъ[1]), въ первоначальномъ завѣтѣ съ вѣнценосцами, сказалъ имъ: «Блюдите нашу безопасность внѣ и внутри, наказывайте злодѣевъ, жертвуйте частію для спасенія цѣлаго», но не сказалъ: «противоборствуйте нашимъ невиннымъ склонностямъ и вкусамъ въ домашней жизни». Въ семъ отношеніи государь, по справедливости, можетъ дѣйствовать только примѣромъ, а не указомъ... Мы стали гражданами міра, но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи, — виною Петръ!

Но великій мужъ самыми ошибками доказываетъ свое величіе; ихъ трудно или невозможно изгладить; какъ хорошее, такъ и дурное дѣлаетъ онъ на вѣки: сильною рукою дано новое движеніе Россіи; мы уже не возвратимся къ старинѣ!...

[1]) Здѣсь Карамзинъ слѣдуетъ теоріи договорнаго происхожденія государства, созданной просвѣтительной литературой XVIII вѣка (Руссо).

Многія вредныя слѣдствія Петровой системы также яснѣе открылись при сей государынѣ[1]); чужеземцы овладѣли у насъ воспитаніемъ; Дворъ забылъ языкъ Русскій; отъ излишнихъ успѣховъ Европейской роскоши дворянство одолжало; дѣла безчестныя, внушаемыя корыстолюбіемъ для удовлетворенія прихотямъ, стали обыкновеннѣе; сыновья бояръ нашихъ разсыпались по чужимъ землямъ тратить деньги и время для пріобрѣтенія Французской или Англійской наружности. У насъ были Академіи, высшія училища, народныя школы, умные министры, пріятные свѣтскіе люди, герои, прекрасное войско, знаменитый флотъ и великая Монархиня, — не было хорошаго воспитанія, твердыхъ правилъ и нравственности въ гражданской жизни[2]).

Всѣ Россіяне были согласны въ добромъ мнѣніи о качествѣ юнаго монарха[3]). Онъ царствуетъ 10 лѣтъ, и никто не перемѣнилъ о немъ своихъ мыслей; скажу еще болѣе, всѣ согласны, что едва ли кто-нибудь изъ государей превосходилъ Александра въ любви, въ ревности къ общему благу; едвали кто-нибудь столь мало ослѣплялся блескомъ вѣнца и столь умѣлъ быть человѣкомъ на тронѣ, какъ онъ... но здѣсь имѣю нужду въ твердости духа, чтобы сказать истину: Россія наполнена недовольными, жалуются въ палатахъ и хижинахъ; не имѣютъ ни довѣренности, ни усердія къ правленію; строго осуждаютъ его цѣли и мѣры. — Удивительный госу-

---

[1]) Екатеринѣ II.

[2]) Въ «Историческомъ похвальномъ словѣ Екатеринѣ Второй», написанномъ Карамзинымъ за 8 лѣтъ до этого, онъ говорилъ другое. Самый тонъ «Слова» интересенъ, какъ образецъ ложноклассической формы въ прозѣ. Тогда Карамзинъ писалъ:

«И *Екатерина* на тронѣ!... Уже на безсмертномъ мраморѣ Исторіи изображенъ сей незабвенный день для Россіи: удерживаю порывъ моего сердца описать его величіе... Красота въ образѣ воинственной Паллады!... вокругъ блестящіе ряды героевъ; пламя усердія въ груди ихъ!... Предъ Нею священный ужасъ и геній Россіи!... Опираясь на Мужество, Богиня шествуетъ — и слава, гремя въ облакахъ трубою, опускаетъ на главу Ея вѣнокъ лавровый!...

«Съ Екатериною возсѣли на тронѣ кроткая мудрость, божественная любовь ко славѣ (источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ), неутомимая дѣятельность, знаніе человѣческаго сердца, знаніе вѣка, ревностное желаніе довершить начатое Петромъ, просвѣтить народъ, образовать Россію, утвердить ея щастіе на столпахъ незыблемыхъ, согласить всѣ части правленія, и купить безсмертіе дѣлами Матери Отечества. Сей обѣтъ произнесла Монархиня въ глубинѣ души Своей и небесный Сердцевидѣцъ даровалъ Ей силу для испытанія.

«Сограждане! *Екатерина* безсмертна Своими *побѣдами, мудрыми законами и благодѣтельными учрежденіями;* взоръ нашъ слѣдуетъ за Нею на сихъ *трехъ* путяхъ славы».

Въ заключеніи онъ говоритъ:

«И я клянусь именемъ вашимъ, о сограждане! именемъ всего нашего потомства, что память Екатерины Великой будетъ во вѣки вѣковъ благословляема въ Россіи.

[3]) Императоръ Александръ I.

дарственный феноменъ! Обыкновенно бываетъ, что преемникъ монарха жестокаго легко снискиваетъ всеобщее одобреніе, смягчая правила власти: успокоенные кротостью Александра, безвинно не страшась ни тайной канцеляріи, ни Сибири, и свободно наслаждаясь всѣми позволенными въ гражданскихъ обществахъ удовольствіями, — какимъ образомъ изъяснить сіе горестное расположеніе умовъ! Несчастными обстоятельствами Европы и важными, какъ думаю, ошибками правительства: ибо къ сожалѣнію можно съ добрымъ намѣреніемъ ошибаться въ средствахъ добра.

Скажемъ ли, повторимъ ли, что одна изъ главныхъ причинъ неудовольствія Россіянъ на нынѣшнее правительство есть излишняя любовь его къ государственнымъ преобразованіямъ, которыя потрясаютъ основу Имперіи и коихъ благотворность остается доселѣ сомнительною...

Всѣ намѣренія Александровы клонятся къ общему благу. Гнушаясь безсмысленнымъ правиломъ держать умы въ невѣжествѣ, чтобы властвовать тѣмъ спокойнѣе, онъ употребилъ милліоны для основанія университетовъ, гимназій, школъ; къ сожалѣнію видимъ болѣе убытка для казны, нежели выгодъ для отечества. Выписали профессоровъ, не подготовивъ учениковъ; между первыми много достойныхъ людей, но мало полезныхъ; ученики не разумѣютъ иноземныхъ учителей, ибо худо знаютъ языкъ Латинскій, и число ихъ такъ не велико, что профессоры теряютъ охоту ходить въ классы.

Вся бѣда отъ того, что мы образовали свои университеты по Нѣмецкимъ, не разсудивъ, что здѣсь иныя обстоятельства. Въ Лейпцигѣ, Гетингенѣ, надобно профессору только стать на каѳедру, залъ наполнится слушателями. У насъ нѣтъ охотниковъ для высшихъ наукъ. Дворяне служатъ, а купцы желаютъ знать существенно ариѳметику или языки иностранные для выгоды своей торговли. Въ Германіи сколько молодыхъ людей учатся въ университетахъ для того, чтобы сдѣлаться адвокатами, судьями, пасторами, профессорами! Наши стряпчіе и судьи не имѣютъ нужды въ знаніи Римскихъ правъ; наши священники образуются кое-какъ въ семинаріяхъ и далѣе не идутъ; а выгоды ученаго состоянія въ Россіи такъ еще новы, что отцы не вдругъ еще рѣшатся готовить дѣтей своихъ для онаго. Вмѣсто 60 профессоровъ, пріѣхавшихъ изъ Германіи въ Москву и въ другіе города, я вызвалъ бы не болѣе 20 и не пожалѣлъ бы денегъ для

умноженія числа казенныхъ питомцевъ въ гимназіяхъ; скудные родители, отдавая туда сыновей, благословляли бы милость государя, и призрѣнная бѣдность, черезъ 10 или 15 лѣтъ, произвела бы въ Россіи ученое состояніе. Смѣю сказать, что нѣтъ инаго дѣйствительнѣйшаго средства для успѣха въ семъ намѣреніи[1]). Строить, покупать домы для университетовъ, заводить библіотеки, кабинеты, ученыя общества, призывать знаменитыхъ иноземныхъ астрономовъ, филологовъ, есть — пускать въ глаза пыль. Чего не преподаютъ нынѣ даже въ Харьковѣ и въ Казани? А въ Москвѣ съ величайшимъ трудомъ можно найти учителя для языка Русскаго, а въ цѣломъ государствѣ едва ли найдешь человѣкъ сто, которые совершенно знаютъ правописаніе, а мы не имѣемъ хорошей грамматики, а въ имянныхъ указахъ употребляются слова не въ ихъ смыслѣ[2])....

Законодатель долженъ смотрѣть на вещи съ разныхъ сторонъ, а не съ одной: иначе, пресѣкая зло, можетъ сдѣлать еще больше зла. Такъ нынѣшнее правительство имѣло, какъ увѣряютъ, намѣреніе дать господскимъ людямъ свободу...

Не вступая въ дальнѣйшій споръ, скажемъ только, что въ государственномъ общежитіи право естественное уступаетъ праву гражданскому и что благоразумный самодержецъ отмѣняетъ единственно тѣ уставы, которые дѣлаются вредными или недостаточными и могутъ быть замѣнены лучшими.

Что значитъ освободить у насъ крестьянъ? Дать имъ волю жить гдѣ угодно, отнять у господъ всю власть надъ ними, подчинить ихъ одной власти правительства. Хорошо; но сіи земледѣльцы не будутъ имѣть земли, которая (въ чемъ не можетъ быть и спора) есть собственность дворянская. Они или

[1]) По вопросу, на что лучше затрачивать деньги въ Россіи — на высшія или низшія школы, Карамзинъ послѣдовательно защищаетъ здѣсь мысль, аналогичную которой онъ высказалъ въ 1803 году, въ «Вѣстникѣ Европы», № 5: «Учрежденіе сельскихъ школъ несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ, будучи истиннымъ народнымъ учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія. Предметъ ихъ ученія есть важнѣйшій въ глазахъ философа. Между людьми, которые умѣютъ только читать и писать, и совершенно безграмотными гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первыми метафизиками въ свѣтѣ».

[2]) Въ 1802 году значеніе Московскаго университета Карамзину представлялось въ другомъ свѣтѣ. Онъ писалъ въ «Похвальномъ словѣ Екатеринѣ Второй»: «Многіе Ученые были имъ (Шуваловымъ) призваны изъ Германіи участвовать въ трудахъ его, наставлять юношество, питать въ немъ охоту къ наукамъ, и воспалять благородное соревнованіе въ Россійскихъ профессорахъ... И естьли мы видимъ нынѣ столь многихъ достойныхъ судей въ столицахъ и въ самыхъ отдаленныхъ губерніяхъ; естьли слогъ приказный уже не всегда устрашаетъ насъ своимъ варварствомъ; естьли необходимыя правила Логики и языка соблюдаются нерѣдко въ опредѣленіяхъ судилищъ... то государство обязано сею пользою Московскому Университету».

останутся у помѣщиковъ, съ условіемъ платить имъ оброкъ, обработывать господскія поля, доставлять хлѣбъ куда надобно, — однимъ словомъ, для нихъ работать, какъ и прежде, или, недовольные условіями, пойдутъ къ другому, умѣреннѣйшему въ требованіяхъ владѣльцу. Въ первомъ случаѣ, надѣясь на естественную любовь человѣка къ родинѣ, господа не предпишутъ ли имъ самыхъ тягостныхъ условій? Дотолѣ щадили они въ крестьянахъ свою собственность, — тогда корыстолюбивые владѣльцы захотятъ взять съ нихъ все возможное для силъ физическихъ. Напишутъ контрактъ, и земледѣльцы не исполнятъ его: тяжбы, вѣчныя тяжбы! Во второмъ случаѣ, буде крестьянинъ нынѣ здѣсь, а завтра тамъ, казна не потерпитъ ли убытка въ сборѣ подушныхъ денегъ и другихъ податей, не потерпитъ ли и земледѣліе? Не останутся ли многія поля не обработанными, многія житницы пустыми? Не вольные земледѣльцы, а дворяне наиболѣе снабжаютъ у насъ рынки хлѣбомъ.

Иное зло: уже не завися отъ суда помѣщиковъ, рѣшительнаго, безденежнаго, крестьяне начнутъ ссориться между собою и судиться въ городѣ, — какое раззореніе! Освобожденные отъ надзора господъ, имѣвшихъ собственную земскую исправу или полицію, гораздо дѣятельнѣйшую всѣхъ земскихъ судовъ, станутъ пьянствовать, злодѣйствовать, — какая богатая жатва для кабаковъ и мздоимныхъ исправниковъ, но какъ худо для нравовъ и государственной безопасности! Однимъ словомъ, теперь дворяне разсѣяны по всему государству, содѣйствуютъ монарху въ храненіи тишины и благоустройства; отнявъ у нихъ сію власть блюстительную, онъ, какъ Атласъ, возьметъ себѣ Россію на рамена... Удержитъ ли? Паденіе страшно!! Первая обязанность государя есть блюсти внутреннюю и внѣшнюю цѣлость государства; благотворить состояніямъ и лицамъ — есть уже вторая. Онъ желаетъ сдѣлать земледѣльцевъ счастливѣе свободою; но ежели сія свобода вредна для государства? И будутъ ли земледѣльцы счастливы, освобожденные отъ власти господской, но преданные въ жертву ихъ собственнымъ порокамъ, откупщикамъ и судьямъ безсовѣстнымъ?

Мнѣ кажется, что для твердости бытія государственнаго безопаснѣе поработить людей, нежели дать имъ не во-время свободу, къ которой надобно готовить человѣка исправленіемъ нравственнымъ; а система нашихъ винныхъ откуповъ и страшные успѣхи пьянства служатъ ли къ тому спаситель-

нымъ приготовленіемъ? Въ заключеніе скажемъ доброму монарху: «Государь! Исторія не упрекнетъ тебя зломъ, которое прежде тебя существовало (положимъ, что неволя крестьянъ и есть рѣшительное зло), но ты будешь отвѣтствовать Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе твоихъ собственныхъ уставовъ».

Любя отечество, любя монарха, я говорилъ искренно. Возвращаюсь къ безмолвію вѣрноподданнаго съ сердцемъ чистымъ, моля Всевышняго: «да блюдетъ царя и царство Россійское».

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО

(1803—1824).

«Исторія» Карамзина произвела большое впечатлѣніе на современниковъ и оказала значительное вліяніе на русскую литературу. Въ 25 дней разошлись всѣ 3000 экземпляровъ первыхъ восьми томовъ, выпущенныхъ въ 1816 г. «Исторіей» восхищались не только современники: не такъ далеко еще и отъ нашего времени господствовало мнѣніе, что Карамзинъ съ громадной быстротой умѣлъ собрать русскіе историческіе памятники, овладѣлъ матеріаломъ, и открылъ русскимъ читателямъ отечественную исторію, какъ Колумбъ открылъ Америку. Но рядомъ съ такимъ распространеннымъ мнѣніемъ, уже во время Карамзина находились люди, указывавшіе недостатки его исторіи. Полевой предпочиталъ имѣть не «Исторію Государства Россійскаго», а исторію русскаго народа. Графъ Румянцевъ, хорошо знавшій памятники, бывшіе подъ руками у Карамзина, находилъ, что онъ использовалъ ихъ неглубоко. Критически отнеслись къ исторіи во время ея изданія и Арцыбашевъ, Муравьевъ, Каченовскій и, тогда еще молодой, Погодинъ. Изслѣдованіями недавняго времени (П. Н. Милюковъ. «Главныя теченія рус. историч. мысли») выяснено, что Карамзинъ, дѣйствительно, не всегда умѣло и вообще неглубоко, даже для своего времени, пользовался источниками, что историческіе памятники, разысканіе которыхъ приписывалось Карамзину, нерѣдко разыскивались для него Н. М. Бантышъ-Каменскимъ, А. Ф. Малиновскимъ (директоромъ архива) и его помощниками, Строевымъ и Калайдовичемъ, которые, разыскавъ памятники, присылали ихъ Карамзину на домъ. Помогалъ ему въ полученіи документовъ и А. И. Тургеневъ. Самъ Карамзинъ нашелъ «Южную лѣтопись». Самая быстрота исполненія исторіи объясняется отчасти такимъ важнымъ содѣйствіемъ упомянутыхъ лицъ и удобствами работы по памятникамъ у себя дома, отчасти и тѣмъ, что значительная доля работы была произведена до Карамзина — Шлецеромъ, Татищевымъ, Щербатовымъ, «Вивліоѳикой» Новикова и другими изслѣдователями, но оставалась мало извѣстной читающей публикѣ, а Карамзинъ часто не оговаривалъ въ своихъ трудахъ этихъ послѣднихъ своихъ источниковъ. Люди, трудившіеся надъ

русской исторіей, находили тогда, что еще не настало время въ Россіи писать научную русскую исторію, и что для подобной задачи нужно еще много предварительной научной работы. Карамзинъ потому и могъ дать большой историческій очеркъ, что не ставилъ передъ собою такихъ строгихъ требованій къ труду историка, какъ нѣкоторые изъ его современниковъ.

Въ самыхъ своихъ взглядахъ на задачи историка, Карамзинъ былъ представителемъ XVIII, а не XIX вѣка, въ которомъ появилась его «Исторія». Ему хотѣлось «выбрать, воодушевить, раскрасить» (см. письмо изъ Парижа); онъ сохранялъ еще вкусъ къ ложноклассической манерѣ напыщенной оды. «Вмѣсто сознательнаго творца новой эпохи» (во взглядѣ на исторію), по выраженію Милюкова, «мы должны представлять себѣ Карамзина невольною жертвой устарѣвшей рутины, и этого положенія историографа въ исторіи науки не могутъ измѣнить никакія заслуги его въ исторіи учености и въ исторіи просвѣщенія».

Между тѣмъ успѣхъ «Исторіи» въ свое время былъ громаденъ: ее читали нарасхватъ; читали даже дамы, хотя по замѣчанію Пушкина судили въ обществѣ объ ней такъ вкривь и вкось, что лучше было бы, если бы и вовсе не читали. Причины, вызвавшія такое увлеченіе, довольно ясны: 1) Эпизодичность исторіи, ея ненаучность, были совершенно по плечу читателю того времени. Это была популярно изложенная исторія. 2) Проникнутая патріотическимъ настроеніемъ, исторія вышла въ свѣтъ, когда послѣ нашихъ европейскихъ походовъ общество было настроено приподнято, патріотически, и «Исторія» вторила этому настроенію. 3) «Исторія Государства Россійскаго» представляла литературно-художественное произведеніе, написанное замѣчательнымъ, не для одного только того времени, хотя и условно прекраснымъ языкомъ.

Благодаря такому сильному впечатлѣнію, произведенному на общество, «Исторія» Карамзина проложила слѣдъ и въ литературѣ: она вызвала цѣлый рядъ историческихъ драмъ и романовъ, проникнутыхъ приподнятымъ и нерѣдко узкимъ патріотизмомъ (Загоскинъ, Лажечниковъ, Кукольникъ), она давала толчокъ творчеству и такихъ людей, какъ Пушкинъ («Борисъ Годуновъ»). На писателей-художниковъ она производила особенное впечатлѣніе своей красотой.

Батюшковъ свое стихотвореніе «Карамзину» заканчиваетъ такими словами.

И я такъ плакалъ въ восхищеньи,
Когда скрижаль твою читалъ,
И геній твой благословлялъ
Въ глубокомъ сладкомъ умиленьи.
Пускай талантъ не мой удѣлъ,
Но я для Музъ дышалъ не даромъ,
Любилъ *прекрасное*, и съ жаромъ
Твой геній чувствовать умѣлъ.

Приводимая ниже часть предисловія къ «Исторіи» даетъ характерный примѣръ историческихъ взглядовъ Карамзина и его языка.

ИЗЪ «ПРЕДИСЛОВІЯ».

Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ, главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.

Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна! Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе.

Но и простой гражданинъ долженъ читать исторію. Она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества.

Вотъ польза: сколько же удовольствій для разума и сердца. Любопытство сродно человѣку, и просвѣщенному и дикому. На славныхъ играхъ олимпійскихъ умолкалъ шумъ, и толпы безмолвствовали вокругъ Геродота, читающаго преданія вѣковъ. Еще не зная употребленія буквъ, народы уже любятъ исторію: старецъ указываетъ юношамъ на высокую могилу и повѣствуетъ о дѣлахъ лежащаго въ ней героя. Первые опыты нашихъ предковъ въ искусствѣ грамоты были посвящены вѣрѣ и дѣописанію; омраченный густою сѣнью невѣжества народъ съ жадностью внималъ сказаніямъ лѣтописцевъ. И вымыслы нравятся: но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истина. Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ, влагая имъ жизнь въ сердце и слово въ уста, изъ тлѣнія вновь созидая царства и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ отличными страстями, нравами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія; ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ; видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ; еще не думая о пользѣ, уже насла-

ждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ или питаютъ чувствительность.

Если всякая исторія, даже и неискусно писанная, бываетъ пріятна, какъ говоритъ Плиній: тѣмъ болѣе отечественная. Истинный космополитъ есть существо метафизическое или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить о немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы всѣ граждане — въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и Абиссиніи; личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ; любимъ его, ибо любимъ себя. Пусть Греки, Римляне плѣняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славѣ и бѣдствіямъ; но имя русское имѣетъ для насъ особенную прелесть: сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели за Ѳемистокла или Сципіона. Всемірная исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума; а россійская украшаетъ отечество, гдѣ живемъ и чувствуемъ. Сколь привлекательны берега Волхова, Днѣпра, Дона, когда знаемъ, что въ глубокой древности на нихъ происходило. Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича дѣлаются любопытными памятниками, и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины передъ нами.

Кромѣ особеннаго достоинства для насъ, сыновъ Россіи, ея лѣтописи имѣютъ общее. Взглянемъ на пространство сей единственной державы: мысль цѣпенѣетъ! Никогда Римъ въ своемъ величіи не могъ равняться съ нею, господствуя отъ Тибра до Кавказа, Эльбы и песковъ африканскихъ. Не удивительно ли, какъ земля, раздѣленная вѣчными преградами естества, неизмѣримыми пустынями и лѣсами непроходимыми, хладными и жаркими климатами; какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія могли составить одну державу съ Москвой? Менѣе ли чудесна и смѣсь ея жителей, разноплеменныхъ и разновидныхъ и столь удаленныхъ другъ отъ друга въ степеняхъ образованія? Подобно Америкѣ, Россія имѣетъ своихъ дикихъ; подобно другимъ странамъ Европы, являетъ плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостію и мужествомъ снискалъ господство надъ девятою частію міра, открылъ страны, никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему географіи, исторіи и просвѣтилъ боже-

ственною вѣрою, безъ насилія, безъ злодѣйствъ, употребленныхъ другими ревнителями христіанства въ Европѣ и въ Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго.

Согласимся, что дѣянія, описанныя Геродотомъ, Ѳукидидомъ, Ливіемъ, для всякаго не-Русскаго вообще занимательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей; ибо Грецiя и Римъ были народными державами и просвѣщеннѣе Россіи; однакожъ смѣло можемъ сказать, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей исторіи любопытны не менѣе древнихъ. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, возстаніе Россіянъ при Донскомъ, паденіе Новагорода, взятіе Казани, торжество народныхъ добродѣтелей во время междуцарствія. Великаны сумрака, Олегъ и сынъ Игоревъ; простосердечный витязь, слѣпецъ Василько; другъ отечества, благолюбивый Мономахъ; Мстиславы храбрые, ужасные въ битвахъ и примѣръ незлобія въ мирѣ; Михаилъ Тверской, столь знаменитый великодушною смертію; злополучный, истинно мужественный Александръ Невскій; герой — юноша, побѣдитель Мамаевъ, въ самомъ легкомъ начертаніи сильно дѣйствуютъ на воображеніе и сердце. Одно государствованіе Іоанна III есть рѣдкое богатство для исторіи: по крайней мѣрѣ не знаю монарха, достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилищѣ. Лучи его славы падаютъ на колыбель Петра — и между сими двумя самодержцами удивительный Іоаннъ IV, Годуновъ, достойный своего счастія и несчастія, странный лже-Димитрій и, за сонмомъ доблестныхъ патріотовъ, бояръ и гражданъ, наставникъ трона, первосвятитель Филаретъ съ державнымъ сыномъ, свѣтоносцемъ во тьмѣ нашихъ государственныхъ бѣдствій, и царь Алексій, мудрый отецъ императора, коего назвала Великимъ Европа. Или вся новая исторія должна безмолствовать, или россійская имѣетъ право на вниманіе.

Знаю, что битвы нашего удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолка въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца; но исторія не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ. Видимъ на землѣ величественныя горы и водопады, цвѣтущіе луга и долины; но сколько песковъ безплодныхъ и степей унылыхъ? Однакожъ путешествіе вообще любезно человѣку съ живымъ чувствомъ и воображеніемъ: въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестные.

Митрополитъ филиппъ [1]).

1. Среди хладныхъ волнъ Бѣлаго моря, на островѣ Соловецкомъ, въ пустынѣ дикой, но знаменитой въ Россіи святостію своихъ первыхъ труженіковъ, Савватія и Зосимы, сіялъ добродѣтелями игуменъ Филиппъ, сынъ боярина Колычева, возненавидѣвъ суету міра въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ юности и служа примѣромъ старой жизни для иноковъ-отшельниковъ. Государь слышалъ о Филиппѣ: дарилъ его монастырю сосуды драгоцѣнные, жемчугъ, богатыя ткани, земли, деревни; помогалъ ему деньгами въ строеніи каменныхъ церквей, пристаней, гостиницъ, плотинъ, ибо сей игуменъ былъ не только мудрымъ наставникомъ братіи, но и дѣятельнымъ хозяиномъ острова, дотолѣ дикаго, неприступнаго: очистилъ лѣса, проложилъ дороги, осушилъ болота каналами; завелъ оленей, домашній скотъ, рыбныя ловля, соляныя варницы; украсилъ, сколько могъ, пустыню; смягчилъ суровость климата, сдѣлалъ воздухъ благорастворенніе. Безсмертный Сильвестръ кончилъ дни свои въ монастырѣ Соловецкомъ, любимый, уважаемый Филиппомъ. Вѣроятно, что они вмѣстѣ сѣтовали о перемѣнѣ Іоаннова нрава; вѣроятно, что первый открывалъ игумену свою душу, нѣкогда блаженную исправленіемъ юнаго царя, устройствомъ и счастіемъ царства: сіи бесѣды могли приготовить Филиппа къ великому его подвигу, хотя онъ, ревностію труженика, удаленный на край вселенныя, и не могъ ожидать такой славы. Никто, безъ сомнѣнія, не мыслилъ объ немъ, кромѣ Іоанна: отвергнувъ Германа, царь вздумалъ — мимо святителей, мимо всѣхъ архимандритовъ — возвести Филиппа на митрополію, желая изъявить тѣмъ свое особенное уваженіе къ христіанскимъ добродѣтелямъ и показать, что самыя отдаленныя пустыни не скрываютъ ихъ отъ глазъ его. Филиппъ, царскою милостивою грамотою призываемый въ Москву для совѣта духовнаго, отслужилъ литургію, причастилъ всю братію и со слезами выѣхалъ изъ своей любимой обители, какъ бы предчувствуя, что одно мертвое тѣло его туда возвратится. За три версты отъ Новгорода встрѣтили смиреннаго соловецкаго игумена всѣ жители сей древней столицы съ привѣтствіемъ, съ дарами и съ моленіемъ, да ходатайствуетъ за нихъ предъ тропомъ, ибо носился слухъ, что Іоаннъ угрожаетъ имъ гнѣвомъ. Царь принялъ Филиппа съ отмѣнною честію, обѣдалъ,

---

[1]) Приводимыя ниже выдержки изъ «Исторіи Государства Россійскаго» даютъ типичные образцы какъ изложенія, такъ и художественныхъ характеристикъ, которыми особенно увлекались читатели Карамзина. Первая изъ этихъ выдержекъ знакомитъ съ отношеніями Карамзина къ Іоанну IV и даетъ образъ митрополита Филиппа, признаннаго святымъ; а вторая, взятая изъ главы о царствованіи Бориса Годунова, представляетъ большой историко-литературный интересъ: въ ней видно, чѣмъ Пушкинъ воспользовался, какъ матеріаломъ, для своей драмы на ту же тему. Въ разсужденіи Карамзина о томъ, какъ могъ человѣкъ такого незамѣтнаго происхожденія, какъ Григорій Отрепьевъ, сыграть такую большую роль въ русской исторіи, видны и общіе взгляды Карамзина на движеніе исторіи.

бесѣдовалъ съ нимъ дружелюбно и наконецъ объявилъ, что ему быть митрополитомъ. Пустынный инокъ изумился, плакалъ, не хотѣлъ сей блестящей тягости; убѣждалъ его не ввѣрять бремени великаго ладіи малой. Царь былъ непреклоненъ. Тогда Филиппъ предложилъ условіе; сказалъ царю: «Повинуюся твоей волѣ; но умири же совѣсть мою: да не будетъ опричнины! да будетъ только единая Россія! ибо всякое раздѣленное царство, по глаголу Всевышняго, запустѣетъ. Не могу благословлять тебя искренно, видя скорбь отечества». Іоаннъ имѣлъ власть надъ собою: остановилъ движеніе гнѣва въ сердцѣ своемъ, отвѣтствовалъ тихо: «Развѣ не знаешь, что мои хотятъ поглотить меня; что ближніе готовятъ мнѣ гибель?» и доказывалъ необходимость сего учрежденія; но скоро, выведенный изъ терпенія смѣлыми возраженіями старца, велѣлъ ему умолкнуть. Всѣ думали, что Филиппъ, подобно Герману, будетъ удаленъ съ безчестіемъ: увидѣли противное. Іоаннъ на сей разъ не хотѣлъ дать ему славы гонимаго за добродѣтель: желалъ склонить его къ безмолвію, явить слабымъ въ глазахъ Россіи, сдѣлать какъ бы соучастникомъ въ новыхъ правилахъ своего царствованія. Главные пастыри церковные служили для того орудіемъ. Повинуясь волѣ Іоанновой, они убѣждали Филиппа принять санъ митрополита безъ всякаго условія, думать единственно о благѣ церкви, не гнѣвить государя дерзостію, но утолить гнѣвъ его и премѣнить въ милосердіе кротостію; доказывали, что мнимая твердость Филиппова въ семъ случаѣ будетъ дѣйствіемъ гордости, несогласной съ духомъ истиннаго слуги Христова; что долгъ святителя есть молиться и наставлять царя единственно во спасеніи души, а не въ дѣлахъ царства. Нѣкоторые изъ святителей внутренно одобряли Филиппову смѣлость, но сами не имѣли ея; другіе — именно Пименъ новгородскій, Филоѳей рязанскій — искали мірской чести и раболѣпствовали страстямъ Іоанновымъ. Убѣжденія ихъ покопебали Филиппа, не устрашеннаго царскимъ гнѣвомъ, не ослѣпленнаго блескомъ архипастырства, какъ доказало слѣдствіе, но, можетъ быть, смятеннаго мыслію отвергнуть сей верховный санъ дѣйствительно по внушенію тайной гордости, по упрямству и недовѣренности къ Провидѣнію, Которое властвуетъ надъ царями и не даетъ имъ выступать за черту Его вышнихъ уставовъ, безъ сомнѣнія мудрыхъ, хотя и неизъяснимыхъ для ума человѣческаго. Филиппъ отвѣтствовалъ: «Да будетъ, что угодно государю и церковнымъ пастырямъ!»...

Казалось, что государь одержалъ счастливую побѣду надъ собою, воздавъ честь добродѣтели. Митрополитъ уступилъ, но обнаружилъ свою важную мысль: россіяне узнали, чего онъ желаетъ, и могли надѣяться на будущее, имѣя такого первосвятителя. Всѣ добрые слушали привѣтственную рѣчь новаго митрополита къ Іоанну, истинно пастырскую; о долгѣ державныхъ быть отцами подданныхъ, блюсти справедливость, уважать заслуги; о гнусныхъ льстецахъ, которые тѣснятся къ престолу, ослѣпляютъ умъ государей, служатъ ихъ страстямъ, а не оте-

честву, — хвалятъ достойное хулы, порицаютъ достохвальное; о тлѣнности земного величія; о побѣдахъ невооруженной любви, которыя пріобрѣтаются государственными благодѣяніями и еще славнѣе побѣдъ ратныхъ. Казалось, что самъ Іоаннъ внималъ съ умиленіемъ гласу наставника, уже давно молчавшему въ семъ храмѣ; что сей нѣкогда любезный для него гласъ напомнилъ ему время счастливое и далъ вкусить сладость имъ забвенную. Первые дни и мѣсяцы протекли въ мирѣ, въ надеждахъ для столицы. Затихли жалобы на кромѣшниковъ: чудовище вздремало. Царь ласкалъ митрополита; а сей добродѣтельный старецъ, какъ бы опасаясь забыть Соловецкую пустыню и строгій обѣтъ своей юности, началъ строить въ Москвѣ церковь во имя ея святыхъ, Зосимы и Савватія.

Но сія тишина, дѣйствіе или угрызеній совѣсти или притворства Іоаннова, была предтечею новой бури...

2. Однажды, въ день воскресный, въ часъ обѣдни, Іоаннъ, провождаемый нѣкоторыми боярами и множествомъ опричниковъ, входитъ въ соборную церковь Успенія; царь и вся дружина его были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ; Іоаннъ приблизился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ бояре сказали: «Святый владыко, се государь: благослови его!» Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: «Въ семъ видѣ, въ семъ одѣяніи странномъ не узнаю царя православнаго; не узнаю и въ дѣлахъ царства... О государь! мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за алтаремъ льется невинная кровь христіанская. Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно! Въ самыхъ невѣрныхъ, языческихъ царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ — а въ Россіи нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства — и совершаются именемъ царскимъ! Ты высокъ на тронѣ; но есть Всевышній, судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ его? обагренный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? ибо самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о мести!.. Государь! вѣщаю яко пастырь душъ. Боюся Господа единаго!» Іоаннъ трепеталъ отъ гнѣва; ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: «Чернецъ! доселѣ я излишне щадилъ васъ мятежниковъ: отнынѣ буду, каковымъ вы меня нарицаете!» и вышелъ съ угрозою. — На другой день были новыя казни. Въ числѣ знатныхъ погибъ князь Василій Пронскій. Всѣхъ главныхъ сановниковъ митрополитовыхъ взяли подъ стражу, терзали, допрашивали о тайныхъ замыслахъ Филипповыхъ, и ничего не свѣдали. Еще не смѣлъ Іоаннъ возложить руку на самого первосвятителя, любимаго, чтимаго народомъ болѣе, нежели когда-нибудь; готовилъ ему ударъ, но имѣлъ терпѣніе — и между тѣмъ что дѣлалъ?..

Убѣгая митрополита, царь, однакожъ, видалъ его въ церкви. Въ день св. апостоловъ Прохора и Никанора, 28 іюля,

Филиппъ служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и ходилъ по стѣнѣ съ крестами; тутъ былъ и царь съ опричниками, изъ коихъ одинъ шелъ за ними въ тафьѣ. Митрополитъ, увидѣвъ безчиніе, остановился и съ негодованіемъ сказалъ о томъ государю; но опричникъ уже спряталъ свою тафью. Царя увѣрили, что Филиппъ выдумалъ сказку, желая возбудить народъ противъ любимцевъ государевыхъ. Іоаннъ забылъ всю пристойность: торжественно ругалъ митрополита, называлъ лжецомъ, мятежникомъ, злодѣемъ, клялся, что уличитъ его во всемъ — и приступилъ къ дѣлу, по совѣту съ коварнымъ духовникомъ своимъ, благовѣщенскимъ протоіереемъ Евстафіемъ, тайнымъ Филипповымъ ненавистникомъ... Изобрѣли доносы, улики, представили Іоанну, и велѣли митрополиту явиться на судъ. Царь, святители, бояре сидѣли въ молчаніи. Игуменъ Паисій стоялъ и клеветалъ на святого мужа съ неслыханною дерзостью. Вмѣсто оправданія безполезнаго, митрополитъ тихо сказалъ Паисію, что злое сѣяніе не принесетъ ему плода вожделѣннаго; а царю: — «Государь, великій князь! ты думаешь, что я боюсь тебя или смерти: нѣтъ! достигнувъ глубокой старости безпорочно, не знавъ въ пустынной жизни ни мятежныхъ страстей, ни козней мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевышнему, моему и твоему Господу. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно. Се жезлъ пастырскій; се бѣлый клобукъ и мантія, коими ты хотѣлъ возвеличить меня. А вы, святители, архимандриты, игумены и всѣ служители алтарей! пасите вѣрно стадо Христово; готовьтесь дать отчетъ и страшитесь Небеснаго Царя еще болѣе, нежели земного». Онъ хотѣлъ удалиться; царь остановилъ его, сказалъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судіею; принудилъ его взять назадъ утварь святительскую и еще служить обѣдню въ день Архангела Михаила (8 ноября). Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ предъ алтаремъ въ храмѣ Успенія, явился тамъ боринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ опричниковъ, держа въ рукѣ свитокъ. Народъ изумился. Басмановъ велѣлъ читать бумагу: услышали, что Филиппъ соборомъ духовенства лишенъ сана пастырскаго. Воины вступили въ алтарь, сорвали съ митрополита одежду святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви *метлами* и повезли на дровняхъ въ обитель Богоявленія. Народъ бѣжалъ за митрополитомъ, проливая слезы: Филиппъ съ лицомъ свѣтлымъ, съ любовію благословлялъ людей и говорилъ имъ: «молитесь!» На другой день привели его въ судную палату, гдѣ былъ самъ Іоаннъ, для выслушанія приговора: Филиппу, будто бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и въ волшебствѣ, надлежало кончить дни въ заключеніи. Тутъ онъ простился съ міромъ, великодушно, умилительно; не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ молилъ Іоанна сжалиться надъ Россіею, не терзать подданныхъ, — вспомнить, какъ царствовали его предки, какъ онъ самъ цар-

ствовалъ въ юности, ко благу людей и собственному. Государь, не отвѣтствуя ни слова, движеніемъ руки предалъ Филиппа воинамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ, въ узахъ; былъ перевезенъ въ обитель св. Николая Стараго, на берегу Москвы-рѣки; терпѣлъ голодъ и питался молитвою. Между тѣмъ Іоаннъ истребилъ знатный родъ Колычевыхъ: прислалъ къ Филиппу отсѣченную голову его племянника, Ивана Борисовича, и велѣлъ сказать: «се твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!» Филиппъ всталъ, взялъ голову, благословилъ и возвратилъ принесшему. Опасаясь любви гражданъ московскихъ къ сверженному митрополиту — слыша, что они съ утра до вечера толпятся вокругъ обители Николаевской, смотрятъ на келію заключеннаго и разсказываютъ другъ другу о чудесахъ его святости, — царь велѣлъ отвезти страдальца въ Тверской монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго митрополита, троицкаго архимандрита, именемъ Кирилла, къ досадѣ Пимена, имѣвшаго надежду заступить мѣсто Филиппа.

Царетвованіе Бориса Годунова и Лжедимитрія.

Достигнувъ цѣли, возникнувъ изъ ничтожности рабской до высоты самодержца, усиліями неутомимыми, хитростью неусыпною, коварствомъ, происками, злодѣйствомъ, наслаждался ли Годуновъ въ полной мѣрѣ своимъ величіемъ, коего алкала душа его, — величіемъ, купленнымъ столь дорогою цѣною? Наслаждался ли и чистѣйшимъ удовольствіемъ души, благотворя подданнымъ, и тѣмъ заслуживая любовь отечества? По крайней мѣрѣ недолго.

Первые два года сего царствованія казались лучшимъ временемъ Россіи съ XV вѣка или съ ея возстановленія: она была на вышней степени своего новаго могущества, безопасная собственными силами и счастіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а внутри управляемая съ мудрою твердостію и съ кротостію необыкновенною. Борисъ исполнялъ обѣтъ царскаго вѣнчанія, и справедливо хотѣлъ именоваться отцомъ народа, уменьшивъ его тягости; отцомъ сирыхъ и бѣдныхъ, изливая на нихъ щедроты безпримѣрныя; другомъ человѣчества, не касаясь жизни людей, не обагряя земли русской ни каплею крови, и наказывая преступниковъ только ссылкою. Купечество, менѣе стѣсняемое въ торговлѣ; войско, въ мирной тишинѣ осыпаемое наградами; дворяне, приказные люди, знаками милости отличаемые за ревностную службу; синклитъ, уважаемый царемъ дѣятельнымъ и совѣтолюбивымъ; духовенство, честимое царемъ набожнымъ — однимъ словомъ, всѣ государственныя состоянія могли быть довольны за себя и еще довольнѣе за отечество, видя, какъ Борисъ въ Европѣ и въ Азіи возвеличилъ имя Россіи безъ кровопролитія и безъ тягостнаго напряженія силъ ея; какъ

радѣетъ о благѣ общемъ, правосудіи, устройствѣ. И такъ не удивительно, что Россія, по сказанію современниковъ, любила своего вѣнценосца, желая забыть убіеніе Димитрія или сомнѣваясь въ ономъ!

Но вѣнценосецъ зналъ свою тайну, и не имѣлъ утѣшенія вѣрить любви народной; благотворя Россіи, скоро началъ удаляться отъ россіянъ; отмѣнилъ уставъ временъ древнихъ: не хотѣлъ, въ извѣстные дни и часы, выходить къ народу, выслушивать жалобы и собственными руками принимать челобитныя; являлся рѣдко, и только въ пышности недоступной. Но убѣгая людей какъ бы для того, чтобы лицомъ монарха не напомнить имъ лицо бывшаго раба Іоаннова, онъ хотѣлъ невидимо присутствовать въ ихъ жилищахъ или въ мысляхъ, и недовольный обыкновенною молитвою въ храмахъ о государѣ и государствѣ, велѣлъ искуснымъ книжникамъ составить особенную для чтенія во всей Россіи, во всѣхъ домахъ, на трапезахъ и вечеряхъ, за чашами, о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи «слуги Божія, царя Всевышнимъ избраннаго и превознесеннаго, самодержца всей восточной страны и сѣверной; о царицѣ и дѣтяхъ ихъ; о благоденствіи и тишинѣ отечества и церкви подъ скиптромъ единаго христіанскаго вѣнценосца въ мірѣ, чтобы всѣ иные властители предъ нимъ уклонялись и рабски служили ему, величая имя его отъ моря до моря и до конца вселенныя; чтобы россіяне всегда съ умиленіемъ славили Бога за такого монарха, коего умъ есть пучина мудрости, а сердце исполнено любви и долготерпѣнія; чтобы всѣ земли трепетали меча нашего, а земля Русская непрестанно высилась и расширялась; чтобы юныя, цвѣтущія вѣтви Борисова дому возросли благословеніемъ Небеснымъ и непрерывно осѣняли оную до скончанія вѣковъ!» То-есть, святое дѣйствіе души человѣческой, ея таинственное сношеніе съ Небомъ, Борисъ дерзнулъ осквернить своимъ тщеславіемъ и лицемѣріемъ, заставивъ народъ свидѣтельствовать предъ Окомъ Всевидящимъ о добродѣтеляхъ убійцы, губителя и хищника! Но Годуновъ, какъ бы не страшась Бога, тѣмъ болѣе страшился людей, и еще до ударовъ судьбы, до измѣнъ счастія и подданныхъ, еще спокойный на престолѣ, искренно славимый, искренно любимый, уже не зналъ міра душевнаго; уже чувствовалъ, что если путемъ беззаконія можно достигнуть величія, то величіе и блаженство, самое земное, не одно знаменуютъ.

Сіе внутреннее безпокойство души, неизбѣжное для преступника, обнаружилось въ царѣ несчастными дѣйствіями подозрѣнія, которое, тревожа его, скоро встревожило и Россію. Мы видѣли, что онъ, касаясь рукою вѣнца Мономахова, уже мечталъ о тайныхъ ковахъ противъ себя, ядѣ, чародѣйствѣ, ибо естественно думалъ, что и другіе, подобно ему, могли имѣть жажду къ верховной власти, лицемѣріе и дерзость...

2. Въ сіе время общей нелюбви къ Борису онъ имѣлъ случай доказать свою чувствительность къ народному бѣдствію, заботливость, щедрость необыкновенную; но и тѣмъ уже не могъ тро-

нуть сердецъ, къ нему остылыхъ. Среди естественнаго обилія и богатства земли плодоносной, населенной хлѣбопашцами трудолюбивыми, среди благословеній долговременнаго мира, и въ царствованіе дѣятельное, предусмотрительное, пала на милліоны людей казнь страшная: весною, въ 1601 году, небо омрачилось густою тьмою и дожди лили въ теченіе десяти недѣль непрестанно, такъ что жители сельскіе пришли въ ужасъ, не могли ничѣмъ заниматься, ни косить, ни жать; а 15-го августа жестокій морозъ повредилъ какъ зеленому хлѣбу, такъ и всѣмъ плодамъ незрѣлымъ. Еще въ житницахъ и въ гумнахъ находилось не мало стараго хлѣба; но земледѣльцы, къ несчастію, засѣяли поля новымъ, гнилымъ, тощимъ и не видали всходовъ ни осенью, ни весною, все истлѣло и смѣшалось съ землею. Между тѣмъ запасы изошли, и поля уже остались незасѣянными. Такъ началося бѣдствіе, и вопль голодныхъ встревожилъ царя. Не только гумна въ селахъ, но и рынки въ столицѣ опустѣли, и четверть ржи возвысилась цѣною отъ 12 и 15 денегъ до трехъ (пятнадцати нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей. Борисъ велѣлъ отворить царскія житницы въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, убѣдилъ духовенство и вельможъ продавать хлѣбные свои запасы также низкою цѣною, отворилъ и казну: въ четырехъ оградахъ, сдѣланныхъ близъ деревянной стѣны московской, лежали кучи серебра для бѣдныхъ; ежедневно, въ часъ утра, каждому давали двѣ московки, деньгу или копѣйку. Но голодъ свирѣпствовалъ, ибо хитрые корыстолюбцы обманомъ скупали дешевый хлѣбъ въ житницахъ казенныхъ, святительскихъ, боярскихъ, чтобы возвышать его цѣну и торговать имъ съ прибыткомъ безсовѣстнымъ; бѣдные, получая въ день копѣйку серебряную, не могли питаться. Самое благодѣяніе обратилось во зло для столицы; изъ всѣхъ ближнихъ и дальныхъ мѣстъ земледѣльцы съ женами и дѣтьми стремились толпами въ Москву за царскою милостынею, умножая тѣмъ число нищихъ. Казна раздавала въ день нѣсколько тысячъ рублей, и безполезно: голодъ усиливался и, наконецъ, достигъ крайности столь ужасной, что нельзя безъ трепета читать ея достовѣрнаго описанія въ преданіяхъ современниковъ.

Но Борисъ не обольстилъ россіянъ своими благодѣяніями, ибо мысль, для него страшная, господствовала въ душахъ — мысль, что Небо за беззаконія царя казнитъ царство. «Изливая на бѣдныхъ щедроты» — говорятъ лѣтописцы — «онъ въ золотой чашѣ подавалъ имъ кровь невинныхъ, да піютъ во здравіе; питалъ ихъ милостынею богопротивною, расхитивъ имѣніе вельможъ честныхъ, и древнія сокровища царскія осквернивъ добычею грабежа». Россія не благоденствовала въ новомъ изобиліи, не имѣла времени успокоиться.

3. Настало время явной казни для того, кто не вѣрилъ правосудію Божественному въ земномъ мірѣ, надѣясь, можетъ быть, смиреннымъ покаяніемъ спасти свою душу отъ ада (какъ надѣялся Іоаннъ) и дѣлами достохвальными загладить для людей память своихъ беззаконій. Не тамъ, гдѣ Борисъ стерегся опасности, внезапная опасность явилась; не потомки Рюриковы, не

князья и вельможи, имъ гонимые, не дѣти и друзья ихъ, вооруженные местію, умыслили свергнуть его съ царства: сіе дѣло умыслилъ и совершилъ презрѣнный бродяга, именемъ младенца, давно лежавшаго въ могилѣ. Какъ бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ, тѣнь Димитріева вышла изъ гроба, чтобы ужасомъ поразить, обезумить убійцу и привести въ смятеніе всю Россію. Начинаемъ повѣсть, равно истинную и неимовѣрную.

Бѣдный сынъ боярскій, галичанинъ Юрій Отрепьевъ, въ юности лишась отца, именемъ Богдана-Якова, стрѣлецкаго сотника, зарѣзаннаго въ Москвѣ пьянымъ литвиномъ, служилъ въ домѣ у Романовыхъ и князя Бориса Черкасскаго; зналъ грамотѣ, оказывалъ много ума, но мало благоразумія; скучалъ низкимъ состояніемъ и рѣшился искать удовольствія безпечной праздности въ санѣ инока, слѣдуя примѣру дѣда, Замятни-Отрепьева, который уже давно монашествовалъ въ обители Чудовской. Постриженный вятскимъ игуменомъ Трифономъ и названный Григоріемъ, сей юный чернецъ скитался изъ мѣста въ мѣсто; жилъ нѣсколько времени въ Суздалѣ, въ обители св. Евфимія, въ галицкой Іоанна Предтечи и въ другихъ; наконецъ въ Чудовѣ монастырѣ, въ келіи у дѣда, подъ началомъ. Тамъ патріархъ Іовъ узналъ его, посвятилъ въ діаконы и взялъ къ себѣ для книжнаго дѣла, ибо Григорій умѣлъ не только хорошо списывать, но даже и сочинять каноны святымъ лучше многихъ старыхъ книжниковъ того времени. Пользуясь милостію Іова, онъ часто ѣздилъ съ нимъ и во дворецъ, видѣлъ пышность царскую и плѣнялся ею; изъявлялъ необыкновенное любопытство, съ жадностію слушалъ людей разумныхъ, особенно когда въ искреннихъ, тайныхъ бесѣдахъ произносилось имя Димитрія царевича; вездѣ, гдѣ могъ, вывѣдывалъ обстоятельства его судьбы несчастной, и записывалъ на хартіи. Мысль чудная уже поселилась и зрѣла въ душѣ мечтателя, внушенная ему, какъ увѣряютъ, однимъ злымъ инокомъ — мысль, что смѣлый самозванецъ можетъ воспользоваться легковѣріемъ россіянъ, умиляемыхъ памятію Димитрія, и въ честь небеснаго правосудія казнить святоубійцу! Сѣмя пало на землю плодоносную: юный діаконъ съ прилежаніемъ читалъ россійскія лѣтописи, и нескромно, хотя и въ шутку, говаривалъ иногда чудовскимъ монахамъ: «знаете ли, что я буду царемъ на Москвѣ?» Одни смѣялись, другіе плевали ему въ глаза, какъ вралю дерзкому. Сіи или подобныя рѣчи дошли до ростовскаго митрополита Іоны, который объявилъ патріарху и самому царю, что «недостойный инокъ Григорій хочетъ быть сосудомъ діавольскимъ». Добродушный патріархъ не уважилъ митрополитова извѣта: но царь велѣлъ дьяку своему, Смирному-Васильеву, отправить безумца Григорія въ Соловки или въ Бѣлозерскія пустыни, будто бы за ересь, на вѣчное покаяніе. Смирной сказалъ о томъ другому дьяку, Евфимьеву; Евфимьевъ же, будучи свойственникомъ Отрепьевыхъ, умолилъ его не спѣшить въ исполненіи царскаго указа, и далъ способъ опальному діакону спастися бѣгствомъ (въ февралѣ 1602 года), вмѣстѣ съ двумя иноками

чудовскими, священникомъ Варлаамомъ и крылошаниномъ Михаиломъ Повадинымъ. Не думали гнаться за ними, и не извѣстили царя, какъ увѣряютъ, о семъ побѣгѣ, коего слѣдствія оказались столь важными.

Бродяги-иноки были тогда явленіемъ обыкновеннымъ; всякая обитель служила для нихъ гостиницею, во всякой находили они покой и довольствіе, а на путь запасъ и благословеніе. Григорій и товарищи его свободно достигли Новгорода Сѣверскаго, гдѣ архимандритъ Спасской обители принялъ ихъ весьма дружелюбно и далъ имъ слугу съ лошадьми, чтобы ѣхать въ Путивль; но бѣглецы, отославъ провожатаго, спѣшили въ Кіевъ, и Спасскій архимандритъ нашелъ въ келіи, гдѣ жилъ Григорій, слѣдующую записку: «Я царевичъ Димитрій, сынъ Іоанновъ, и не забуду твоей ласки, когда я сяду на престолъ отца моего». Архимандритъ ужаснулся, не зналъ, что дѣлать; рѣшился молчать.

Такъ въ первый разъ открылся Самозванецъ еще въ предѣлахъ Россіи; такъ бѣглый діаконъ вздумалъ грубою ложью низвергнуть великаго монарха и сѣсть на его престолѣ, въ державѣ, гдѣ вѣнценосецъ считался земнымъ богомъ, — гдѣ народъ еще никогда не измѣнялъ царямъ, и гдѣ присяга, данная государю избранному, для вѣрныхъ подданныхъ была не менѣе священною! Чѣмъ, кромѣ дѣйствія непостижимой судьбы, кромѣ воли Провидѣнія, можемъ изъяснить не только успѣхъ, но и самую мысль такого предпріятія? Оно казалось безумiемъ, но безумецъ избралъ надежнѣйшій путь къ цѣли — Литву!

BINDING JUL 8 1970

PG
3201
A4
1910

Alferov', Aleksandr Danilovich
Russkaia literatura
vosemnadtsatago vieka

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 09 23 05 13 016 5